

Л. И. АНЦЫФЕРОВА

**РАЗВИТИЕ ЛИЧНОСТИ
И ПРОБЛЕМЫ
ГЕРОНТОПСИХОЛОГИИ**

**ИНСТИТУТ ПСИХОЛОГИИ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК**

Заслуженный деятель науки РФ,
почетный член РАО,
доктор психологических наук, профессор
Людмила Ивановна Анциферова
(фото конца 1970-х годов)

Российская академия наук
Институт психологии

Л.И. Анцыферова

Развитие личности
и проблемы
геронтопсихологии

Издание 2-е, исправленное и дополненное

Издательство
«Институт психологии РАН»
Москва — 2006

УДК 159.922.6
ББК 88
А 74

Анцыферова Л.И.

А 74 Развитие личности и проблемы геронтопсихологии. — М.: Изд-во «Институт психологии РАН», издание 2-е, испр. и доп., 2006. — 512 с. (Достижения в психологии)

УДК 159.922.6
ББК 88

Книга представляет собой фундаментальный труд, посвященный разработкам в области методологии психологии, психологии развития личности и геронтопсихологии, проблем мышления и мудрости человека. Автор — известный российский психолог, Заслуженный деятель науки РФ, Почетный член РАО, доктор психологических наук, профессор Людмила Ивановна Анцыферова. Во второе, значительно дополненное издание, вошли как ранние работы, посвященные теории личности К. Левина, исследованиям мышления в Вюрцбургской школе, теории интеллектуальных операций О. Зельца, так и самые последние разработки Л.И. Анцыферовой по психологии мудрости и проблемам постижения человеком своего призвания.

Книга предназначена для психологов, педагогов, геронтологов, социальных работников и для широкой читательской аудитории.

Подготовка текста к печати — А.М. Борисова, С.В. Тихомирова

ISBN 5-9270-0094-0

© Институт психологии Российской академии наук, 2004, 2006

ПРЕДИСЛОВИЕ

Первое издание книги Л.И. Анцыферовой «Развитие личности и проблемы геронтопсихологии», вышедшее в издательстве «Институт психологии РАН» в 2004 году, стало заметным событием в научной жизни российской психологии. В нем впервые в такой полной и систематизированной форме были собраны важнейшие разработки последних десятилетий, посвященные фундаментальным проблемам психологии личности и психологии развития. Впервые отечественная геронтопсихология была представлена широким кругом проблем, связанных с экзистенциальными вопросами смысла жизни человека, творческой реализации, объективных и субъективных трудностей пожилых людей. Являясь крупнейшим специалистом по истории зарубежных теорий личности, обладая глубокой философской культурой мышления, имея в своей научной биографии опыт проведения конкретных эмпирических исследований и оказания психологической помощи людям, автор смогла сконцентрировать в психологической концепции личности многое из того продуктивного, что накоплено не только в отечественной, но и мировой психологии о различных периодах развития личности, включая период поздней зрелости.

Необходимость подготовки второго издания вызвана прежде всего высокой востребованностью работ Л.И. Анцыферовой: первое издание быстро разошлось по всем российским регионам. Интерес к ее фундаментальному труду проявили не только профессиональ-

ные психологи, но и специалисты из смежных с психологией областей знания. Кроме того, книга может рассматриваться достаточно полным пособием по психологии развития, психологии личности, истории психологии для студентов, обучающихся психологическим и педагогическим специальностям.

Второе издание дополнено новым разделом «Проблема мудрости и теории мышления», в который вошли две главы, посвященные исследованиям мышления в работах Огюста Зельца и представителей Вюрцбургской школы — О. Кюльпе, А. Майера, И. Орта, К. Марбе, Х. Ватта, Н. Аха, А. Мессера, К. Бюлера и др., а также главы, содержащие развернутый анализ проблемы мудрости человека. Книга содержит как авторскую разработку системного подхода к психологическому исследованию личности, так и анализ теорий личности.

Издание иллюстрировано фотографиями из семейного архива Людмилы Ивановны Анцыферовой.

Директор Института психологии РАН,
член-корреспондент РАО, профессор
А.Л. Журавлев

ПРЕДИСЛОВИЕ К ПЕРВОМУ ИЗДАНИЮ

История появления этой книги, с одной стороны, связана с подготовкой к юбилею ее автора. Предполагалось, что собранные вместе научные работы Людмилы Ивановны Анцыферовой, опубликованные за последние двадцать лет в «Психологическом журнале» и в некоторых научных трудах Института психологии РАН, будут подарком юбиляру. Однако, когда эта работа была проделана, отдельные, лишь на первый взгляд, разрозненные публикации как-то сами собой сложились в цельную книгу, способную стать, мы уверены, заметным событием в психологическом сообществе для всех, кто будет ее читать.

Потребность в новой книге, с другой стороны, зрела давно, и юбилей — это только повод к осуществлению этой задачи.

Имя Людмилы Ивановны Анцыферовой является одним из известнейших в современной отечественной психологии. Отдельные страницы ее профессиональной биографии хорошо освещены в настоящем издании. Мы не будем их повторять, отметив только самые основные вехи ее научной судьбы.

Окончив в 1948 году Московский университет им. М.В. Ломоносова, Людмила Ивановна поступила в аспирантуру МГУ. Ее научным руководителем был Сергей Леонидович Рубинштейн. Работать в секторе, возглавляемом С.Л. Рубинштейном, Л.И. Анцыферова начала в 1956 году. Если учесть, что в 1972 году сектор психологии в полном составе (в те годы им руководила профессор Е.В. Шорохова) перешел из Института философии в только что открытый в академии наук

Институт психологии, то из этого следует, что Людмила Ивановна проработала, никуда не уходя с того места, на которое определили ее судьба и научная одаренность, почти 50 лет! Она автор трех монографий. Множество коллективных монографий и сборников научных трудов подготовлены ею в качестве ответственного редактора. Людмила Ивановна 17 лет была заведующей: сначала — сектором философских проблем психологии, затем — лабораторией психологии личности. Много сил она отдала и отдает «Психологическому журналу» — в течение девяти лет она была заместителем главного редактора.

Однако главное дело Л.И. Анцыферовой состоит, конечно, в ее огромном вкладе в развитие психологической науки. Даже структура и тем более содержание настоящей книги позволяют составить представление о масштабах проделанной работы.

Научное творчество Л.И. Анцыферовой охватывает большой круг проблем, в разработке которых достигнуты крупные научные результаты, сделавшие ее имя высоко авторитетным в психологическом сообществе. Среди них надо выделить три главных, стержневых научных направления, над которыми все эти годы продолжается творческая работа мысли, продуцируются новые идеи, развиваются и уточняются исследовательские подходы. Это проблемы методологии, истории и особенно психологии личности.

Продолжая начатую С.Л. Рубинштейном линию разработки методологических основ психологии, Л.И. Анцыферова внесла существенный вклад в развитие этого направления отечественной науки. Она уточняет и развивает конкретно-психологическое содержание принципа общественно-исторической детерминации психики человека, расширяет личностный смысл принципа единства сознания и деятельности, обосновывает необходимость соединения системного подхода с принципом развития. Само развитие начинает пониматься и осмысливаться как системный процесс. Большую научную значимость представляют ее методологические и теоретические разработки по психологии развития. Это и вопрос об общих закономерностях развития, и о системной его организации, и о внутренних источниках и потенциалах развития, и об условиях их накопления и реализации в процессе жизни.

Большая заслуга принадлежит Л.И. Анцыферовой в анализе современной зарубежной психологии и разработке принципов такого анализа. В этих исследованиях обосновывается системно-исторический подход к развитию психологического знания, который предполагает учет макро- и микросоциальных детерминаций, влияние личности самого создателя, ее своеобразия, мировоззренческих ус-

тановок на содержание развиваемой ею теории. Л.И. Анцыферова одной из первых отечественных ученых обратилась к осмыслению творчества ряда известных западных психологов-персонологов, основателей оригинальных теорий личности, психотерапевтических школ и научно-практических направлений.

Опираясь на принцип субъекта рубинштейновской научной школы, используя богатый эмпирический и психотерапевтический материал зарубежных и отечественных исследователей личности, Л.И. Анцыферова выходит на оригинальную проблематику и концепцию личности, которая систематически разрабатывается в ее работах последних десятилетий. Суть этой концепции состоит в понимании личности как развивающейся системной целостности, для которой развитие — основной способ существования, способ ее бытия. Развитие понимается как многоформный, многомерный, разнонаправленный процесс, включающий позитивные новообразования, психологические потери и сложнейшие механизмы компенсации. Главным для динамической концепции личности является, во-первых, идея непрерывного развития на протяжении всей жизни человека и, во-вторых, зависимость развития личности от меры ее собственной активности.

Людмила Ивановна, бесспорно, является классиком отечественной геронтопсихологии, понимаемой ею в контексте психологии развития и совершенствования личности. Являясь одним из ведущих специалистов по зарубежным теориям личности, Л.И. Анцыферова использует это богатство знаний для тонкого и уникального анализа тех психологических возможностей, которые дает личности (а не только ведет к утратам) возраст поздней зрелости. Она отмечает, что в концепции Х. Томе интегрированы положения К. Левина о психологическом единстве человека и окружающего его мира, некоторые установки когнитивной теории поведения, и напоминает об идеях Г. Мюррея о тематическом структурировании личностью своих жизненных ситуаций и его собственные оригинальные подходы к изучению личности в мире повседневной жизни путем психологической биографии, подробно рассказывает о деталях проведения и значении Боннского геронтологического лонгитюда (Bonner Langsschnittstudie über das Altern), начатого в 1961 г. под руководством Лер и продолжавшегося более двух десятков лет.

Научное творчество Л.И. Анцыферовой отличает искренний интерес к самым трудным вопросам человеческого бытия: болезнь, смерть, старость, суровые жизненные испытания. Именно поэтому ее работы особенно нужны людям. О многом говорят даже их названия: «Человек перед лицом жизни и смерти», «Психологические

приобретения и потери человека в период поздней зрелости», «Личность в трудных жизненных условиях...». Концепцию развития Л.И. Анцыферовой отличает вера в конструктивные силы человека. Страницы ее работ содержат яркие и впечатляющие рассказы о случаях, когда приходилось оказывать реальную психологическую помощь обратившимся к ней людям. Читая эти описания, начинаешь понимать, что, пожалуй, только она и могла оказать такую помощь в тех конкретных случаях: найти именно то слово или слова, которые лечат душу в самых трагических жизненных условиях. Людмила Ивановна находит эти слова. За ними стоит знание глубинных основ психологии, жизненный опыт и огромная любовь к людям.

Самые ранние из приведенных в книге работ относятся к началу 1980-х годов. Читая труды Л.И. Анцыферовой этого периода, можно заметить, как трудно было ей публиковать статьи, в которых честно и профессионально анализировались работы зарубежных исследователей личности, однако Людмиле Ивановне удавалось выделять и утверждать то положительное знание, которое отличает работы известных персонологов, психоаналитиков, когнитивистов. К настоящему времени она является ведущим специалистом по научному творчеству Э. Эриксона и Х. Томе, ее статьи содержат уникальный анализ работ К. Юнга и Л. Колберга и других известных психологов — не только зарубежных, но и отечественных.

Сильное впечатление производят публикуемые здесь аналитические обзоры деятельности научных подразделений, руководимых Л.И. Анцыферовой. Из содержания статей начала 1980-х следует, что под руководством Л.И. Анцыферовой в тот период работали такие классики отечественной психологии как Я.А. Пономарев, Е.А. Будилова, А.В. Брушлинский, Д.Н. Завалишина. Рассматриваются первые книги И.А. Джидарьян, Т.И. Артемьевой, И.И. Чесноковой, Г.С. Тарасова, В.Г. Асеева. В начале 1990-х появляются новые имена, и все имена Людмила Ивановна стремится упомянуть, обо всех молодых сотрудниках сказать несколько важных слов.

Особой теплотой наполнены воспоминания Л.И. Анцыферовой о А.В. Брушлинском. Статья «И жизнь, и слезы, и любовь» свидетельствует о том, каким хорошим психологом, внимательным к мелочам и способным понимать главное является Людмила Ивановна. Стоит задуматься над ее выводом о том, что Институт психологии РАН во многом обязан Андрею Владимировичу самой возможностью своего сохранения в самые трудные годы.

Жизненная задача самой Л.И. Анцыферовой, просвечивающая через всю предложенную здесь ретроспективу ее научного творчества, вырисовывается как активная позиция в помощи личности, как

обращение к творческим силам и высшим потребностям человека при точном знании того, что эти силы и потребности существуют. Она говорит о жизни человека как особой, свойственной ему благодати. Ее жизненный опыт, высочайшая научная компетентность позволяют ей обратиться к читателю с такими словами: «Люди, берегите себя. В вашей душевной жизни находит продолжение жизнь множества людей, окончивших свой земной путь. Они живут в форме ваших воспоминаний, образов, мыслей, чувств, способов поведения. Делайте же в самых трудных и даже трагических ситуациях выбор в пользу жизни».

Л.И. Анцыферова является создателем психологической концепции старости. Она отмечает, что за последние два десятилетия психологи собрали значительный материал, выявляющий характеристики психологического облика людей в возрасте от 60 до 90 лет и более, замечая при этом, что любой период жизни человека, особенно время поздней зрелости и старости, следует рассматривать в контексте целостного жизненного пути индивида. Хотя нельзя недооценивать силу социальных воздействий, но все же человек способен быть свободным по отношению к своей исторически преходящей действительности и к давлению общества: потенциал человека выходит далеко за те пределы, которые ставит его развитию общество.

Концепция Л.И. Анцыферовой основана на пересмотре широко распространенного среди психологов представления о поступательном развитии личности как об «одноколейном», однонаправленном движении душевной жизни. Наряду с позитивными силами автор выделяет «неадаптивные тенденции», относя к ним плохое сенсорное развитие, своеволие, безжалостность, виртуозность в узкой сфере деятельности, фанатизм, распыление своих сил в необъятном множестве занятий; самонадеянность, не согласующуюся со способностями человека, а также пагубные для развития тенденции: отстранение от мира; компульсивные действия; привычка тормозить свое поведение; инертность; преобладание стратегий отказа от решения актуальных задач и использования благоприятных возможностей; недоступность для всего окружающего; отсутствие заботы о новом поколении; презрение к миру.

Л.И. Анцыферовой выделены типы продуктивного старения, которые связаны с преимущественной ориентацией на творчество и реализацию духовно-нравственных отношений. Она убедительно, всем своим творчеством выступила против распространенного в обществе представления о людях в их поздние годы как о беспомощных, болезненных существах, неспособных самостоятельно принимать решения, успешно выполнять общественные функции,

приносить пользу обществу, против стереотипного представления о старых людях как однородной группе, у которой индивидуальные различия стираются. Она напоминает читателю очень яркое грузинское проклятие: «Пусть в твоём доме никогда не будет стариков».

Обосновывая свою концепцию развития, Л.И. Анцыферова утверждает, что социально-психологическое развитие человека не ограничено какими-то определенными периодами его бытия, оно осуществляется на протяжении всей жизни и что в продолжении жизни человек не исчерпывает всех своих резервных возможностей, потенциала своего развития. Психическое развитие человека настолько многомерно, что практически невозможно выявить все его проявления, качества и возможности. Сам процесс развития не сводится к одному поступательному развитию: развитие — это единство разных типов изменений, парциальных и системных, преходящих и стабильных, позитивных и негативных. Инволюционные изменения сочетаются с новообразованиями прогрессивного характера, направленными на преодоление деструктивных явлений в геронтогенезе. Автор отмечает: есть основания полагать, что новые линии развития порождает не возраст сам по себе, а богатство жизненного опыта, глубина и полнота его осмысления человеком в сочетании с масштабностью пережитых социально-исторических событий. Она говорит о разных темпах личностно-психологического развития человека, о том, что успешность его социально-психологического развития во многом зависит от того, насколько он сам выступит как субъект своей жизни. Те знания и умения, которыми овладевает человек, имеют гораздо большее значение, чем просто знания и умения — это одновременно и расширение жизненных возможностей, и выработка многоуровневой позиции личности по отношению ко всему окружающему.

В концепции Л.И. Анцыферовой содержится искренний интерес и позитивное отношение к трудным обстоятельствам жизни и ценность опыта, когда личности удастся справиться с трудностями.

В период после 1991 г. Людмила Ивановна, обратившись к работам западных коллег, напомнила о тех реальных трудностях для развития личности, которые несут с собою капиталистические общественные отношения. Она пишет: «Быстро миновал период "перестройки" советского общества. Наступила эпоха построения нового общественного строя, ориентированного на капиталистические общественные отношения, на рыночную экономику с жестким механизмом конкуренции. Психологи должны быть готовы предвосхитить, найти условия для смягчения тех негативных феноменов, с которыми столкнулись западные психотерапевты».

В более поздних публикациях Л.И. Анцыферова отмечает, что неопределенность положения не уменьшается, негативные процессы не ослабевают. И сама формулирует проблему: «На какие же актуальные вопросы должны быть готовы ответить психологи, какие последствия новой социальной ситуации, касающиеся развития личности, должны они предвидеть, имея в виду перспективу установления капиталистических отношений?»

Людмила Ивановна способна ответить на этот и многие другие очень трудные вопросы, обращаясь к богатому опыту мировой психологии, опираясь на свой жизненный опыт. Она беззаветно служит науке на всех уровнях служения: как теоретик и историк, как крупный методолог и как практик, реально помогающий людям, — своими работами, словом и самим своим обликом человека искреннего и цельного.

В справедливости этих утверждений читатель сможет убедиться сам, познакомившись с книгой. Многая Вам лета, Людмила Ивановна!

*Действительный член РАО, профессор К.А. Абульханова
Доктор психологических наук М.И. Воловикова
Кандидат психологических наук И.А. Джидарьян
Член-корреспондент РАО, профессор А.Л. Журавлев*

РАЗДЕЛ ПЕРВЫЙ

ТЕОРИИ ЛИЧНОСТИ И ВОПРОСЫ МЕТОДОЛОГИИ ПСИХОЛОГИИ

1 ГЛАВА

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРИНЦИПЫ И ПРОБЛЕМЫ ПСИХОЛОГИИ

Методологические основы отечественной психологии включают систему взаимодополняющих методологических принципов, содержание которых постоянно обогащается по мере развития психологического знания. Психологи ведут работу над принципами отражательной природы психики, диалектико-материалистического монизма, детерминизма, общественно-исторической обусловленности психики, сознания, личности человека. Проводятся дискуссии о содержании принципов развития, взаимообусловленности психики и поведения, сознания и деятельности человека, деятельностного подхода, о специфике системного подхода в психологии. Научная деятельность сектора философских проблем психологии Института психологии АН СССР в прошедшие десять лет развивалась в общем русле дальнейшей разработки этих принципов и поисков новых методологических приемов психологического исследования.

Здесь представлены некоторые результаты исследования, над которыми работали сотрудники сектора.

Проблемы объективных оснований и онтологического статуса психики

Одной из самых важных методологических проблем советская психология всегда считала вопрос об объективных основаниях существования психики, о тех объективных существенных связях психики с миром, которые характеризуют ее природу на разных уровнях существования. Системный подход в диалектико-материалистическом понимании необходимо включает принцип выявления системных оснований психики, сознания, личности человека. Определения психики как функции

мозга, отражения объективной действительности, ее субъективного образа, включенного в детерминацию поведения человека, общественно-исторической обусловленности психических явлений раскрывают ряд существенных оснований психики. Но эти основания в психологическом плане еще недостаточны для полного преодоления идеалистического обособления сознания от мира. Фундаментальным основанием психики и сознания, поведения, общения и созидательной деятельности выступает человек, общественный индивид, который живет реальной полнокровной жизнью в качестве действующего, общающегося, сознающего, созерцающего существа. Однако введение в системное основание психологии индивида может оказаться методологически плодотворным лишь при рассмотрении самого индивида в системе существенных для него связей — в системе общества. В концепции, выдвинутой К. А. Абульхановой, традиционная проблема связи общества и психики индивида переформулируется как вопрос о соотношении индивидуального и общественного и получает свое решение в положении о том, что само социальное существует в двух формах: бытия общества, различных социальных групп и индивидуального общественного бытия. Жизнь индивида с самого начала выступает как индивидуальный способ преобразования и дальнейшего развития общественной сущности. С этой точки зрения сознание человека порождается и формируется как психологический механизм включения индивидуального бытия в жизнь общества [3, 4].

С этими методологическими положениями логически связаны выдвинутые в последнее время новые способы решения проблемы связи биологического и социального в развитии человека, выводы о том, что именно психологический уровень организации человека опосредствует воздействие социальных условий развития индивида на его природные (биологические) характеристики, которые в ходе социоантропогенеза выступили продуктом истории. В этом плане процесс «социализации» в ходе онтогенеза человека должен рассматриваться как дальнейшее преобразование конкретно-историческими общественными условиями того природного в человеке, в котором нашли свое выражение самые общие условия его общественного существования. Эти позиции противоположны всем теориям, резко отделяющим в психическом развитии человека две стадии или два рядоположных фактора — биологический (натуральный) и социальный [25].

Введение в психологию в качестве реального основания живого действующего, переживающего, осознающего человека, обладающего индивидуальным способом социального бытия, открывает возможности исследования в психологическом плане индивида как активного субъекта своей деятельности и своего внутреннего субъективного мира, который путем реорганизации собственных реальных, психи-

чески опосредствованных деятельных взаимоотношений с миром изменяет свое сознание, мир своих переживаний. Из этих положений следуют, как нам представляется, важные философские выводы: диалектика психики и поведения, сознания и деятельности оказывается диалектическим единством сознающего и действующего, переживающего, созерцающего и творящего человека. Выступая как активный субъект индивидуализируемых им самим систем общественных отношений, человек становится личностью, обладающей не только социальной и психологической общностью с другими членами общества, но также социальной и психологической уникальностью [38] настолько, насколько уникальна система его материальных и идеальных отношений с миром, насколько уникален его способ воспроизведения себя в своих творениях и в бытии других людей.

Введение реального индивида в центр системы оснований психического позволяет выдвинуть следующие важные методологические положения. Первое из них касается онтологического статуса психики, который раскрывается как специфический структурный уровень организации жизненных явлений [34—36]. Второе положение подчеркивает необходимость соотносить психическое (как определенный уровень организации жизнедеятельности человека) не просто с физиологическими процессами мозга, но с целостной системной организацией человека как организацией средств, способов, механизмов включения сознающего и действующего человека в мир природы и общества (Л. И. Анцыферова). Как подчеркивает Б. Ф. Ломов, развивая системный подход в психологии, человек выступает частью ряда существующих в мире систем — физической, биологической, социальной. Но важно подчеркнуть, что вхождение индивида во все эти системы происходит не автоматически — он должен активно освоить и развить свою изначальную природную определенность в качестве эффективных средств включения в эти разные системы.

Разработка принципа развития

Специальное направление методологических исследований было посвящено статусу принципа развития в психологии в связи с современными представлениями о природе психики и все более отчетливо осознаваемой в настоящее время необходимостью перейти от структурно-статичных приемов ее исследований к раскрытию процесса психической жизни человека.

Бытие общественного индивида отличается крайней динамичностью и пластичностью, обусловленной высокой изменчивостью индивидуальных ситуаций поведения человека, — поведения, выс-

тупающего как решение непрерывного потока жизненных задач. Необходимость отражать, прогнозировать, предвосхищать и, если нужно, предотвращать изменчивость условий разных форм социально обусловленной деятельности человека породила особый — фундаментальный, основной — способ существования психики: в качестве непрерывного (континуального), постоянно развивающегося процесса [23, 25, 26]. Это положение по-новому раскрывает значение принципа развития в психологии: он выходит далеко за рамки возрастной, детской, педагогической психологии и определяет самую природу психики человека, способ ее функционирования, присущую психике эмерджентность, т. е. способность переходить в новые качественные состояния, нести в себе зародыши будущих психических свойств индивида.

Разработка принципа развития осуществлялась как решение ряда важных методологических проблем. Это проблемы детерминации психического развития, вопрос о возможности представить сам процесс развития в качестве целостного диахронического объекта, обладающего системными свойствами, это также вопрос о механизмах разрешения характерного для психического развития противоречия между преемственностью, непрерывностью развития и его членением на качественно различные стадии. Обстоятельной разработкой была также подвергнута проблема связи стадий развития с формирующейся психологической организацией. Продвижение в исследовании многих из этих проблем обусловило постановку новых вопросов психологии развития, таких, например, как вопрос о соотношении микро- и макроразвития [9, 10, 20, 24, 27].

В противоположность любым финалистским концепциям психического развития, рассматривающим его как тяготеющее к некоторому конечному состоянию (этап индивидуальности в концепции Э. Эриксона, операциональный интеллект в теории Ж. Пиаже и т. д.), мы исходили из положения о безграничности психического развития индивида [10]. В этом плане впервые в психологии развития было раскрыто Брушлинским значение марксова понятия развития как «развития всех человеческих сил как таковых, безотносительно к какому бы то ни было заранее установленному масштабу» [2, с. 476]. С этой точки зрения, психическое развитие — непрерывный процесс порождения все новых и новых эталонов развития [27].

Из положения о психическом развитии как совершающемся безотносительно к заранее заданному масштабу следует важный вывод о том, что для объяснения психического развития оказывается недостаточным механизм обратной связи, поскольку он изначально предполагает сличение достигнутых результатов с заранее задан-

ным эталоном, что характерно главным образом для репродуктивного, а не творческого развития — развития в истинном смысле слова, в ходе которого сам индивид порождает новые цели, новые идеалы и новые критерии своего поступательного движения [12, 26].

Каковы же *движущие силы этого развития*, какова его *детерминация*? На современном уровне психологической науки ясно обнаружилась ограниченность жесткого линейного детерминизма, опирающегося на представление о цепи причин, а также вероятностного или стохастического детерминизма. Более того, существенного углубления требует и сформулированный в психологии принцип преломления внешних причин через внутренние условия.

Выдвинутая В.Г. Асеевым [20] системно-уровневая концепция детерминации развития психики и ее функционирования направлена на возможно полное раскрытие диалектики внешнего и внутреннего, субъективного и объективного в этих процессах — против гипертрофии как внешней, так и внутренней детерминации поведения человека. Эта концепция исходит из положения о том, что в процессе психического развития возникают и разрешаются двоякого рода противоречия: между личностью (субъектом) и внешними условиями ее деятельности, с одной стороны, и между внутрилличностными образованиями — с другой. Эти противоречия имеют сложную, «свмещенную» структуру. Так, противоречие между сложившимися у личности свойствами (функциональными возможностями) и объективно требуемыми от нее качествами лишь в единстве с противоречием между притязаниями индивида (принятыми им самими трудно достижимыми целями) и недостающими личностными ресурсами может породить устойчивое «поле детерминации», под влиянием которого специфическим образом актуализируются и вступают в действие конкретные ситуативные противоречия.

Такой подход позволяет перейти от плюралистического представления об аморфной множественности факторов и противоречий развития к изучению их организации. Она включает по крайней мере два уровня. К первому из них относятся факторы, определяющие общее направление и сферу развертывания процессов развития. Это основные, главные предрасполагающие, относящиеся к сфере потенциалов развития факторы. Другой уровень образуют факторы исполнительные, осуществляющие развитие, выполняющие функцию средств направленного развития. Так, мотивационная установка человека на формирование у себя определенных черт личности — и требуемых, например, профессией, и лично горячо желаемых — определяет выбор конкретных ситуаций поведения и деятельности, формирует механизм «оттормаживания» свойств, противоречащих

этой установке, и механизм мобилизации функциональных ресурсов организма, повышает сензитивность личности к определенным внешним воздействиям и т. д.

Позитивная роль противоречий в детерминации прогрессивно, нормального развития личности не может быть, однако, абсолютизирована, существует «мертвая зона» противоречий, не ведущих к развитию, и зона противоречий, порождающих дисгармоничное, аномальное развитие (например, чрезмерная дистанция между желаемым, идеалом и слабыми функциональными возможностями индивида). Наконец, важным фактором развития может выступить гармоническое разрешение противоречий, а также синергия усиливающих друг друга противоречий (противоречие между требуемой и отсутствующей формой поведения, усиливая противоречие между несформированным личностным качеством, регулирующим это поведение, и желанием субъекта его иметь, детерминирует развитие личности) [9, 10].

В соответствии с представлением о психическом как непрерывно развивающемся процессе сама его детерминация понимается в процессуальном плане. Идет ли речь о ходе решения задачи или формировании психического свойства личности, детерминация этих процессов не существует в изначально готовом виде, но непрерывно формируется на всех этапах осуществления психических процессов. Проблемы детерминации психического развития очень остро стоят применительно к выявленным его общим закономерностям. К ним относятся гетерохронность развития разных компонентов психологической организации индивида, разный темп их развития, периоды спада и подъема в разные возрастные периоды, меняющиеся сочетания прогрессивных, регрессивных и стагнативных тенденций развития на разных этапах жизненного пути. Предстоит большая и кропотливая работа по выяснению детерминант этих процессов. Несомненно, что изменения социального содержания жизни человека вносят существенный вклад в детерминацию этих процессов. На определенное влияние биологических факторов указывает установленный факт развертывания генетической программы индивида на протяжении всей его жизни. Диалектика взаимодействия этих двух факторов — социального и биологического — заключается в их опосредствовании оценочно-смысловым отношением человека к собственной жизни, к появляющимся у него изменениям и новообразованиям. Подход к психическому развитию как диахронической целостности, члениющейся на стадии и этапы, выдвигает *вопрос о механизмах перевода от стадии к стадии и к более высоким уровням развивающейся системы, о соотношении проходимых стадий*

с организацией развивающегося объекта. Для решения этих вопросов привлекается разработанное в философии и принятое в психологии понятие (кроме стадийного) функционального развития, совершающегося в пределах одного и того же уровня сложности организации. Функциональное развитие понимается как включающее процессы микроразвития, которые ведут к накоплению элементов новых стадий в рамках уже достигнутой. Факт появления элементов позднейших стадий в структуре более ранних (и сохранение компонентов пройденных этапов в составе новых уровней организации) твердо установлен в широком диапазоне от психологии личности до зоопсихологии (где эти явления носят название преадаптации и персистентности [10, 34, 35]). Новейшие исследования в области психологии мышления, выполненные М. И. Воловиковой под руководством Брушлинского, вскрыли феномен так называемого «немгновенного инсайта», т. е. процесса постепенного перехода микро- в макроразвитие. Эти факты заставили поставить новую проблему *сопоставительного анализа выявленных в психологии закономерностей механизмов и критериев макро- и микроразвития* (Д. Н. Завалишина). В результате раскрыты существенные различия критериев и характеристик этих двух типов развития и поставлена задача исследования механизмов перехода от микроизменений к системным, многоуровневым макроизменениям или, по выражению Завалишиной, к «психическим ароморфозам».

При решении вопроса о связи процесса развития с формирующейся психологической организацией Пономарев [35, 36] выдвинул общее философское положение о преобразовании этапов развития явления в структурные уровни его организации и ступени дальнейших развивающихся взаимодействий. Обоснованный на обширном материале, начиная от развития интеллекта и кончая историческим развитием познания, данный принцип представляет собой один из вариантов системно-генетического подхода в психологии. Может быть предложен и другой вариант такого подхода. Он выражается в принципе расслоения, дифференциации первоначально диффузной одноуровневой целостности психического на все более четко отграничивающиеся друг от друга уровни, структуры, механизмы. Происходит последовательное перемещение эпицентра психологической организации индивида, развивающегося в своей деятельности те «эмбриональные закладки» компонентов будущих психологических органов личности, которые сложились на первых этапах ее социальной жизни. Постоянно действующий механизм выделения новых частей целостной психологической системы требует формирования механизмов интеграции личностной системы, усиление

действия которых — одна из центральных тенденций развития личности (Анцыферова). Этот вариант системно-генетического подхода требует освоения психологией философского учения о диалектике целого и его частей.

Сформулированные положения существенно отличаются от получивших за последнее время распространение в зарубежной психологии так называемых «иерархических теорий» развития мышления и обучения (Пиаже, Вернер и др.), защищающих тезис о превращении последовательных этапов обучения и развития интеллекта в иерархическую систему. В этих теориях, во-первых, не акцентируется качественное преобразование генетически более ранних и простых образований в составе позднейших, высших уровней, а во-вторых, психическое развитие рассматривается как тяготеющее к некоторому конечному состоянию (операциональный интеллект — у Пиаже, мышление взрослого цивилизованного человека — у Вернера), что противоречит накопленным к настоящему времени фактам продолжающегося развития мышления взрослого человека.

Проблемы формирования и развития личности

Новое содержание принципа развития, понимание психики как живого, непрерывно развивающегося процесса, структурно-уровневая концепция детерминации, системно-генетический подход получили дальнейшее продвижение при разработке проблем формирования и развития личности [6, 9, 12—16, 19, 32, 37, 40] и др.

В соответствии с системным подходом необходимо было прежде всего найти объективные основания личностно-психологического бытия человека в мире. Такими основаниями могут быть лишь потребности существования и развития общества, которое должно сформировать у своих членов устойчивые психологические структуры, преодолевающие ситуативность поведения и кратковременность моментов активности, периодов психического напряжения, вызываемых на уровне животного мира преходящими органическими потребностями. При этом в самих индивидах должны были сложиться природные основания, природные предпосылки устойчивых побуждений к общественной жизни, к установлению и расширенному воспроизведению межиндивидуальных, личных отношений, реализующих и развивающих общественные отношения. «Именно личное, индивидуальное отношение индивидов друг к другу, их взаимное отношение в качестве индивидов создало — и повседневно воссоздает — существующие отношения» [1, с. 440]. *Анализ побудительной, потребностно-мотивационной сферы лич-*

ности и занимает одно из центральных мест в научном поиске сектора. В этой сфере следует искать механизмы устойчивого личного бытия индивида, его постоянно напряженной душевной жизни. Эти механизмы лежат в духовных — ненасыщаемых, устойчивых потребностях человека. В созданной сектором психологической концепции потребностей (И. А. Джидарьян, Г. С. Тарасов [31 — 33, 37, 38]) раскрываются новые стороны диалектики индивидуального и общественного в формировании личности, которое может быть представлено как двуединый процесс ее растущей суверенности, автономности и в то же время все более полного развития в индивидуальной форме универсальности родовой человеческой сущности. В этом процессе потребности человека, все более одухотворяясь, выступают как важнейшие механизмы включения человека в социальную действительность и как особые внутренние субъективные механизмы детерминации, механизмы социально-психологической культуры индивидуализированного существования человека в обществе. Общество создает условия для удовлетворения витально-организмических потребностей индивида, прежде чем их интенсивность достигнет крайних пределов. Поэтому в процессе их удовлетворения у человека отсутствуют резкие перепады психического напряжения. В результате «жизненные силы» человека могут концентрироваться вокруг иных — духовных потребностей. В них социальная природа человека выражена в наиболее концентрированном виде и поэтому все духовные потребности человека — связанные с эстетической, теоретико-познавательной деятельностью, этическим поведением — имеют в своей основе потребность в общении.

Разработка *проблемы потребностей с позиций принципа отражения* привела к выдвиганию положения о многоуровневости строения отражательной природы потребностей. Богатство психологического содержания потребностей, обусловленное сложностью и многомерностью их предмета, зависит от того, насколько многосторонним и многоуровневым будет эмоционально-смысловое прочтение или отражение предмета потребности. В этом активном, социально детерминированном взаимодействии с предметом духовных потребностей личность выступает не как существо страдательное, одержимое нуждой, находящееся во власти предмета потребности. Возникшая нужда подвергается личностной оценке, осмысливается, интерпретируется личностью в целостной системе ее устойчивых психологических отношений к миру. И мера страдательности, претерпевания определяется самой личностью, которая в случае необходимости применяет способы психологической защиты против

чрезмерной зависимости от предмета потребности и испытываемой нужды. В содержании потребности получает отражение не только предмет потребности, но и осуществляемая по отношению к нему многоуровневая деятельность. Только объективируясь в практическом действии или поступке личности, потребности обретают свою подлинную психологическую реальность.

Любая духовная потребность может быть представлена как иерархическая система различных мотивов. В процессе удовлетворения потребности происходит последовательная смена различных мотивов, изменение их иерархической структуры. В этом плане следует говорить о процессуальности эстетической, познавательной, этической мотивации. При этом в процессе развертывания такой мотивации происходит не редукция или разрядка напряжения, а возрастание побудительного потенциала духовной потребности, обусловленное интеграцией нескольких последовательно вступающих в действие мотивов. В результате личность все более содержательно и многосторонне включается в сферу духовной деятельности. Таким образом, в противоположность концепциям, рассматривающим потребность только как первый толчок, изначальное побуждение к деятельности, доказывается, что структура потребностей человека — процессуальна, она как бы повторяет себя в структуре деятельности, проходя через все ее этапы. В разных фазах деятельности меняется организация побуждений, их напряженность. Важно подчеркнуть, что в ходе процессуально-деятельностной развертки духовной потребности потребление ее предмета происходит не как его обеднение, исчезновение, но как утверждение и обогащение. Психологический анализ художественного творчества, процессов восприятия эстетических ценностей показывает, что творчески активные тенденции характеризуют не только проявления духовной потребности в актах созидания эстетических ценностей, но и в актах их «потребления» — через раскрытие нового содержания потребляемого предмета, через создание на его основе собственных творений. Известное положение К. Маркса о том, что производство есть также и потребление, открывает новые направления психологического анализа связи потребления и созидания. В этом смысле эстетические, как и любые иные духовные потребности, выступают антиподом потребительского отношения к жизни, препятствующего разностороннему и гармоничному развитию личности.

При исследовании строения потребностно-мотивационной сферы личности острым методологическим вопросом продолжает оставаться проблема связи биологических потребностей, побуждений

и социальных духовных видов мотивации личности. В западной психологии даже некоторые гуманистически ориентированные персонологи первичными, основными считают биологически-организмические потребности или мотивации — от них по закону функциональной автономии якобы отщепляются, обретая свою суверенность, высшие социальные мотивы. Принципиально иное решение предлагается с позиций системно-генетического подхода и понимания природы человека как продукта истории: социальные, духовные потребности уже с раннего онтогенеза существуют у ребенка в неразвитом аморфном виде, проявляясь, например, в повышенной чувствительности к человеческому лицу и голосу, в потребности в новых впечатлениях. И в нормальных условиях социального и психического развития созревает и развивается вся целостная побудительно-потребностная система индивида, хотя ее эпицентр и изменяется на разных этапах развития (Анцыферова). В этой системе безграничным оказывается рост ненасыщаемых духовных потребностей, которые проникают и в чисто витальные потребности человека.

Характерное для общего направления исследований сектора сочетание системно-структурного с *процессуально-динамическим подходом к личности* [12] обусловило, в частности, постановку проблемы изучения разных мотивационных стратегий поведения. Выявлено несколько таких стратегий — как способствующих, так и препятствующих прогрессивному развитию личности. Среди первых особенно выделяются стратегии поиска трудностей, риска, направленные на обследование, прощупывание собственных возможностей. Ко вторым относятся «ситуативные стратегии», характеризующиеся сужением временной сферы деятельности, а также стратегии импульсивного поведения. Обнаружены также неадекватные мотивационные стратегии, свидетельствующие о дисгармоничном строении личности, например выбор целей, находящихся значительно выше или ниже функциональных возможностей данного индивида, высокая мобилизация функциональных возможностей для достижения легко доступных целей. Предстоит выяснить, как связана типология мотивационных стратегий с уровнями социального и психологического развития личности, с типологией ее целостной жизнедеятельности.

Другая проблема касается *строения мотивационной сферы личности*. В этой области разработано представление о диалектике потенциальных и актуальных форм мотивации [19]. Есть основания говорить о существовании по крайней мере трех зон мотивации. Центральной — актуальной (или актуализированной) здесь является зона, в рамках которой неудовлетворенные потребности, высту-

пая в форме высокозначимых мотивов, вызывают активную и напряженную деятельность человека. Эта зона находится в окружении двух зон потенциальной мотивации. Одна из них содержит потребности, для удовлетворения которых пока нет возможностей и которые не могут вызвать никакой адекватной им деятельности. Другая потенциальная зона включает постоянно и легко удовлетворяемые потребности, значимость предметов которых, как правило, недостаточно осознается личностью и часто недооценивается, но утрата которых сразу обнаруживает их высокую личностную ценность.

Область актуальной, активно действующей мотивации в свою очередь включает несколько зон, среди которых ведущее место занимает зона высокозначимых, но с предельным напряжением удовлетворяемых мотивов; она намечает перспективу развития личности, которая, преобразуя себя и окружающие условия, стремится перевести высокозначимое в область пониженной значимости.

Предложенная модель выступает как конкретизация структурно-уровневой концепции детерминации и в то же время сама обеспечивает дальнейшее движение психологического знания от абстрактно-теоретического уровня к конкретно-эмпирическому, входя в теоретическую основу практической психологии личности. Зона высокозначимых, вызывающих развертывание напряженной деятельности мотивов и образует то устойчивое детерминационное поле, которое определяет действие ситуативных влияний, в том числе формирующих воздействий. Управление развитием личности, разработка способов повышения ее социальной активности должны строиться с учетом особенностей этих разных форм мотивации. Так, создание атмосферы успеха, поощрение может повысить уровень мотивации с трудом выполняемой деятельностью, но окажет демобилизирующий эффект, если деятельность выполняется без особого напряжения, — в этом случае более действенным выступит порицание, наказание, которое, однако, не должно распространяться на потенциальные сферы мотивации [21].

При изучении мотивационной системы личности одним из наиболее существенных является вопрос об условиях и механизмах ее развития. Психология, строящаяся на основе диалектического материализма, отвечает на него принципиально иначе, нежели западная персонология.

В этой дисциплине широкое распространение получила, как известно, гуманистическая теория потребностей А. Маслоу. Она постулирует существование у человека целостной инстинктоидной иерархической системы потребностей, включающей базальные низшие потребности (потребности нужды) и высшие потребности

(ценности бытия). Единственным механизмом движения личности по этой мотивационной иерархии Маслоу считает последовательную актуализацию все более высоких потребностей по мере удовлетворения нижележащих. Удовлетворенные потребности, согласно Маслоу, исчезают феноменологически из сознания, переходя в потенциальную форму, присущую также мотивам, находящимся значительно выше их в иерархии потребностей.

«Единственный обобщенный принцип, который связывает всю множественность человеческих мотивов, — пишет Маслоу, — это тенденция новой и более высокой потребности возникать по мере того, как низшая потребность завершает свое существование, удовлетворяясь» [42, с. 55]. Этот принцип получил широкое распространение, а между тем сам Маслоу под давлением неоспоримых фактов в конце концов признал ее несостоятельность. Во-первых, оказалось, что существование человека в «хороших условиях», т. е. обеспечивающих удовлетворение всех базальных потребностей типа нужды, отнюдь не вызывает стремления личности к высшим ценностям. «Хорошие условия, хотя и обеспечивают эффект роста для большинства людей, оказывают также и плохое, даже катастрофическое воздействие на некоторую, пусть небольшую, их часть», — пишет Маслоу [43, с. 245]. «Теперь для меня стало ясно, — заключает он, — что награда базальных потребностей — недостаточное условие для метамотивации, хотя и может быть необходимой ее предпосылкой. Есть индивиды, у которых награда базальных потребностей совмещается с "экзистенциальным неврозом", с бессмысленностью существования и т. д. Кажется, что метамотивация не следует автоматически за удовлетворением основных потребностей. Следует говорить также о дополнительной переменной "защиты против метамотивации" [там же, с. 300]. В то же время оказывается, что в условиях, не обеспечивающих удовлетворение потребностей в безопасности, любви, уважении и даже поддержании организмического существования, «некоторые люди неизвестно почему движутся по направлению к Б-ценностям» [там же, с. 140].

Нужны, следовательно, иные методологические основания для объяснения динамики и развития мотивационной системы личности, нежели те, которые замыкают его детерминацию во внутренних отношениях потребностей. Иная система методологических координат создается пониманием личности как индивидуализированной формы существования тех общественных отношений, которые человек реализует в своем поведении, созидательной деятельности, общении, созерцании. В процессе материальных и идеальных отношений с другими людьми, различными социальными общностями

складывается структура мотивов человека. От контура тех социальных отношений, которые образуют индивидуальный способ жизни человека и включают формирующие и воспитательные воздействия, зависит становление личности во всей целостности психосоматического ее бытия, в том числе содержание потенциальной и актуальной сфер мотивации. И физиологические, и духовные потребности, имея природные предпосылки, должны быть сформированы общественным способом существования индивида, конкретно-исторический характер которого определяет и меру их побудительности, и строение устремленной в будущее потенциальной мотивации.

Высокому уровню мотивации личности должны соответствовать ее функциональные возможности, хорошо развитые способности, богатые потенции. В противном случае психологическое развитие личности может пойти аномальным путем и воспрепятствовать ее полноценному социальному развитию. Один из аспектов гармонического развития личности — это взаимосогласованность все более сложных целей с растущими возможностями человека.

Формирующийся в секторе подход к *способностям и их развитию* (Т. И. Артемьева [13—17]) критически направлен на все еще распространенное в психологии одностороннее их понимание лишь в плане профессиональной ориентации, т. е. как совокупности таких свойств личности, которые делают ее пригодной к эффективному выполнению конкретных, сложившихся в обществе форм профессиональной деятельности. Такое понимание способностей узко даже с точки зрения социологического подхода. Это не значит, что отвергается основное положение советской психологии о формировании способностей в деятельности. В него внесены существенные коррекции. Во-первых, обосновано положение о том, что прогрессивное развитие личности осуществляется не во всякой деятельности — ее условием выступает проблемная, личностно значимая, интересующая человека успешная деятельность. Во-вторых, согласно новейшим экспериментальным исследованиям, необходимые и важные компоненты способностей могут формироваться не только в развернутой во внешнем плане деятельности, но и при выполнении действий во внутреннем, мысленном плане, плане представлений. Основной же вывод заключается в том, что в процессе овладения определенной деятельностью и достижения высокого совершенства ее выполнения происходит формирование и развитие не только актуальных, необходимых для исполнения данной деятельности способностей, но одновременно складывается и расширяется обширная сфера потенциальных способностей индивида. Детерминация накопления этой сферы потенций снова многомерна.

Овладевая определенной деятельностью, личность всегда в силу своей творческой ориентации выходит за пределы ее узких требований. Если деятельность превышает предвещающее ее сознание, то еще больше в своем актуальном выполнении она превышает заложенные в ней исторически ограниченные способности. Каждая деятельность может выполняться качественно новыми способами, требующими каждый раз новых способностей. С этой точки зрения плодотворным оказывается рассмотрение в рамках развития способностей психологических эффектов монотонии при изучении, например, психодинамических свойств индивида. Такие эффекты выражаются в тенденции постоянно варьировать монотонные действия — это значит, что даже рутинная, однообразная деятельность дает некоторое пространство для выявления универсальной сущности человека. И самыми существенными для раскрытия формирования потенциальной сферы способностей человека оказываются два следующих механизма. Выполняя любую деятельность, человек выступает в ней как родовое существо, реализующее и в ее узких рамках полноту своих многообразных отношений к миру (познавательных, эстетических, этических и т. д.), предполагающих развитие соответствующих способностей. И далее, каждая деятельность человека — это только часть его целостного бытия, в процессе которого проявляется и формируется сфера способностей. Потенциальная сфера способностей указывает на перспективу развития целостной личности. Она же обеспечивает быструю организацию (по типу инсайта) и стремительное развитие под влиянием настоятельных, неожиданно возникающих требований к новым видам деятельности общества принципиально новых актуальных способностей. Важно также подчеркнуть, что и профессиональная деятельность обеспечивает полноценное развитие способностей лишь в меру того, насколько в ней происходит развитие целостной личности и ее передвижение на новый уровень социального бытия.

Это положение выступило как вывод из исследований в методологическом плане *общих условий формирования и развития личности*. В условиях нашего социалистического общества, в центре которого стоит человек труда, наиболее полноценное и разностороннее развитие личности происходит в его *профессиональной деятельности*. В нашей психологии предпринимаются работы по выявлению психологических характеристик разного рода трудовой деятельности, по формированию мотивов труда, по созданию психологических портретов личности представителей разных профессий. Но совершенно недостаточно раскрывается «движение» личности в профессиональной деятельности, и через нее в «пространстве» своего це-

лостного социального бытия, в системе общественных отношений социалистического общества.

В ходе профессионального становления личности происходит расширение и обогащение всей системы жизненных отношений человека, который поднимается на новый уровень социального бытия, достигая переживания полноты жизни и эмоционального благополучия.

В качестве нового принципа исследования личности и ее развития в векторе выдвинут *принцип общения* [33]. Понятия общения и личности оказываются непосредственно соотнесенными в силу общественного способа жизни человека, поскольку человеческая общественная связь, как отмечает Маркс, не противостоит отдельному индивиду, а является сущностью каждого отдельного индивида, его собственной жизнью, его собственным богатством и наслаждением. Развиваемое в секторе понимание общения исходит из положения о существовании двух его форм. Первая из них — средство организации деятельности; в качестве предмета психологического анализа в этом случае выступают психологические функции общения в ходе выполнения деятельности, место субъект-субъектных отношений в ее структуре и т. д. Вторая форма общения связана с удовлетворением особой духовной потребности человека в другом человеке. Общение — одна из самых существенных побудительных сил личности, источник ее внутренней активности, лежащий в основе формирования наиболее значимых личностных структур индивида. Общение — психологическая основа диалогичности природы личности, внутренний мир которой функционирует как скрытый диалог человека с внутренними аудиториями, организованными по социальным образцам (юридической, педагогической, сценической и др.). Перед этими аудиториями или перед отдельным собеседником личность может занять различные позиции — утвердить, оправдать, возвысить себя, убедить другого, определить место собственного отношения к миру применительно к оценочно-смысловым позициям своих собеседников и т. д. Значение этих позиций для развития личности определяется не формальными, но содержательными характеристиками своих позиций: только отстаивание ценностных отношений к миру, отвечающих передовому мировоззрению, прогрессивным тенденциям развития общества, обеспечивает прогрессивное развитие личности, ее духовного мира.

В общении отчетливо выражены две основные, уже выделенные ранее тенденции развития: личность стремится воссоздать себя в смысловых системах других личностей, занять особое место в их личностном пространстве, воссоздать в формах своего «я» ценностно-смысловые позиции круга своих собеседников и в то же вре-

мя оттолкнуть чужое и чуждое, отторгнуть в себе то, что стихийно вошло во внутренний мир, но не принимается человеком как субъектом своего внутреннего мира. Противоречие между этими двумя тенденциями и создает продуктивную напряженность личностного общения.

И профессиональная деятельность, и общение — это лишь компоненты целостного многомерного способа бытия человека в мире.

Необходимо выявить оптимальные способы организации этой целостности, которые обеспечивали бы гармоничность и многосторонность развития личности. Выдвинуто положение о том, что высокое развитие одного из существенных и социально ценных деятельностных способов связи индивида с миром делает его стержнем построения всех иных отношений. Формирующиеся на его основе качества личности «заряжают собственным высоким потенциалом другие свойства личности, значительно повышая уровень их развития и, взаимно обогащаясь, обеспечивают гармоничность ее функционирования...» [10, с. 17]. Здесь в новом аспекте выступает системно-уровневая концепция детерминации развития: возникший эпицентр развития личности создает сильнейшее «детерминационное поле», которое определяет направленность развития и средства его реализации.

Создание такого мощного «детерминационного поля» — цель воспитательных воздействий, которые, меняясь по своему содержанию и форме, выступают необходимым способом развития личности на всех этапах ее жизненного пути. *Разработка* в секторе *психологических основ воспитания* [23, 38] привела к выявлению принципов оптимальной стратегии поведения, в которой должны интегрироваться два поразному ориентированных способа. В первом из них акцентируется система социальных требований к личности, до уровня которой нередко стихийно подтягиваются ее возможности. Второй способ делает целью развитие способностей, мотивов, личностных качеств индивида. Эти способы должны образовать единую стратегию. В диалектическом единстве должны находиться и другие стороны воспитательного процесса: содержательно-смысловые воздействия на личность (убеждение, разъяснение, внушение в процессе общения) необходимо гармонично сочетать с организацией реального опыта трудовой и внеуродовой деятельности. По содержательной ориентации диалектическая структура воспитательных воздействий должна быть направлена на формирование личности как активного субъекта своего целостного социального бытия, способного не только творчески решать поставленные перед ним цели, но и самому выдвигать новые задачи, в том числе и своего собственного развития. Эта активность субъекта предполагает высокое развитие самосознания, структура которо-

го (самопознание, оценочно-смысловые отношения к себе, саморегуляция) и основные этапы формирования подверглись монографическому исследованию И.И. Чесноковой [39—41].

Исследования позволяют выделить несколько *диалектически связанных тенденций развития личности* и ее психологической организации. Первая пара тенденций выражается единством принципа творческой ориентации личности с принципом «гомеостатического» ее регулирования. Тенденция к устойчивости, к сохранению и воспроизведению уже сложившейся психологической системы сочетается со стремлением к качественному преобразованию личности, к постоянному ее выходу за пределы себя. Эти принципы позволяют сделать два заключения. Во-первых, механизм обратных связей, не раскрывающий появления новых мотивов и целей, недостаточен для объяснения развития. Второй вывод подчеркивает недостаточность сложившихся к настоящему времени понятий психологической теории деятельности для адекватного выражения сути психического развития. В систему этих понятий не укладывается, в частности, сформулированное А. Н. Леонтьевым положение об опережении деятельностью сознания.

Другая сопряженная пара тенденций такова: формирующаяся личностная система, психологические свойства личности уже на ранних этапах индивидуального пути человека обретают свою логику развития; личность начинает порождать собственную среду развития и тем самым воспроизводит те типы общественных отношений, которые, может быть, уже давно объективно ушли в прошлое. Эта тенденция дополняется другой, идущей в противоположном направлении, — по мере развития личности в структуре ее свойств все большее место начинают занимать те, которые сформировались как реакция индивида на собственные личностные черты и формы поведения. От самой личности зависит дальнейшая судьба обнаруженных ею собственных новообразований.

Философские принципы и методологические проблемы психологии получили разработку применительно не только к современному срезу психологической науки — они выступают также в качестве способов анализа ее становления, обогащаясь и дополняясь на этом материале новыми подходами.

Вопросы истории и теории развития психологии

В области истории и теории развития психологии значительно разработан принцип единства исторического и логического, положение о ведущей роли философских проблем психологии в построении

психологической теории и ее историческом исследовании, а также системно-исторический подход, включающий принцип детерминизма (Л.И.Анцыферова, Е. А. Будилова [7, 8, 11, 28—30]).

Системно-исторический подход отражает многоуровневую детерминацию сменяющих друг друга психологических теорий. Реализованный на материале истории психологических концепций личности в западной психологии он включает три уровня анализа. Первый, науковедческий, касается условий возникновения, круга проблем, системы понятий, специфики практики, породившей ту или иную теорию. Движение теории личности изучается в рамках исторического среза общественного развития всего человечества и данного конкретного общества в зависимости от социальных требований и господствующей философии. В теориях выявляются пласты различной «древности». Раскрывается зависимость теорий от эпохальных исторических событий, преломление их личностью творца теории. На втором уровне системный подход утверждает принцип исторической изменчивости объекта изучения — личности, обладающей системным качеством совокупностей социальных связей, в которую включена личность. Полнота учета этих связей, научность подхода к ним — критерий оценки теорий личности. Принцип историчности объекта исследования разработан на материале теорий аномального развития личности в западной персонологии: сексуальные психоневрозы викторианской эпохи отразились в концепции З. Фрейда, неврозы отчаяния и пессимизма, тревожности и престижности в мире беспощадной конкуренции капитализма породили экзистенциальные теории личности, концепции К. Хорни и Г. Салливена, неврозы потери идентичности при вынужденном резком переходе из одной социальной группы в другую, характерные для США, легли в основу теории идентичности Э. Эриксона.

Третий уровень системно-исторического анализа относится к внутренней организации личности. Здесь позиции теоретика определяются решением вопроса о связи истории индивидуального развития личности с ее сложившейся организацией. Принципы системного подхода реализованы при исследовании материалистических теорий в зарубежной психологии: уровень развития материалистической методологии определяется учетом полноты и системности существенных объективно определяющих психику индивида связей с объективной действительностью [11].

Центральное место в разработке принципа единства исторического и логического, куда входит также вопрос об отражении исторически меняющегося объекта психологического анализа в движе-

нии теорий, занимает проблема связи между психологией и ее историей. Решение этой проблемы представлено в положениях о том, что психологические теории прошлого можно правильно понять только с позиций более высокого уровня развития науки, в рамках которого развиваются тенденции, содержащиеся в ранее созданных теориях. При этом каждая последующая ступень в развитии психологической теории порождает новую оценку истории психологии, раздвигает границы исторического исследования, в новом качестве представляет полученные в прошлом знания.

Разрабатываемый принцип включает также находящиеся на стадии разработки вопросы о смене в ходе истории психологии разного типа знаний и законов, о критериях уровня развития сменяющих друг друга теорий, об изменении понятийного строя психологических теорий, о связи исторических и прогностических исследований в психологии.

Литература

1. Маркс К., Энгельс Ф. Немецкая идеология. Соч. 2-е изд., т. 3.
2. Маркс К. Капитал // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 46, ч. 1.
3. Абульханова-Славская К. А. Соотношение индивидуального и общественного как методологический принцип психологии личности. // В кн.: Теоретические проблемы психологии личности. М., 1974. С. 34—82.
4. Абульханова-Славская К. А. Деятельность и психология личности. М., 1980.
5. Анцыферова Л. И. Материалистические идеи в зарубежной психологии. М., 1974.
6. Анцыферова Л. И. Личность и деятельность. // Методологические проблемы психологии в европейских социалистических странах. Братислава, 1975 (на словацком языке). С. 195—202.
7. Анцыферова Л. И. О некоторых новых методологических тенденциях в современной зарубежной психологии // Вопросы психологии. 1976. № 5. С. 55—69.
8. Анцыферова Л. И. Развитие системного подхода и методология историко-теоретического исследования в советской психологии. // Актуальные проблемы истории и теории психологии. Ереван, 1976.
9. Анцыферова Л. И. Некоторые теоретические проблемы психологии личности // Вопросы психологии. 1978. № 1. С. 37—50.
10. Анцыферова Л. И. Методологические проблемы психологии развития // Принцип развития в психологии. М., 1978. С. 3—20.
11. Анцыферова Л. И. Историко-методологические принципы исследования психологических концепций личности // Психология в странах социализма. Берлин, 1980 (на немецком языке). С. 300—307.
12. Анцыферова Л. И. О динамическом подходе к психологическому исследованию личности // Психологический журнал. 1981. Т. 2. № 2. С. 8—18.

13. *Артемьева Т. И.* Социальная обусловленность развития способностей // Теоретические проблемы психологии личности. М., 1974. С. 170 – 186.
14. *Артемьева Т. И., Асеев В. Г.* Соотношение актуального и потенциального в формировании способностей личности // Комплексное изучение человека и формирование всесторонне развитой личности. М., 1975.
15. *Артемьева Т. И.* Методологический аспект проблемы способностей. М., 1977.
16. *Артемьева Т. И.* Психология способностей и всестороннее формирование личности // Принцип развития в психологии. М., 1978. С. 142 – 155.
17. *Артемьева Т. И.* Взаимосвязь потенциального и актуального в развитии личности // Психология формирования и развития личности. М., 1981. С. 67 – 86.
18. *Асеев В. Г.* Об истоках человеческой мотивации // Проблемы формирования социогенных потребностей. Тбилиси, 1974.
19. *Асеев В. Г.* Мотивация поведения и формирования личности. М., 1976.
20. *Асеев В. Г.* О диалектике детерминации психического развития // Принцип развития в психологии. М., 1978. С. 21 – 37.
21. *Асеев В. Г., Спивак Е. В.* Мотивация поведения и социалистическое соревнование // Социально-психологические проблемы социалистического соревнования. М., 1978. С. 50 – 63.
22. *Асеев В. Г.* Единство содержательной и динамической сторон личности в воспитательном процессе // Психология формирования и развития личности. М., 1981. С. 198 – 222.
23. *Брушлинский А. В.* О мышлении как процессе // Генетические и социальные проблемы интеллектуальной деятельности. Алма-Ата, 1975. С. 3 – 9.
24. *Брушлинский А. В.* Диалектико-материалистический принцип детерминизма и проблема деятельности // Методологические проблемы психологии в европейских социалистических странах. Братислава, 1975 (на словацком языке). С. 171 – 182.
25. *Брушлинский А. В.* О природных предпосылках психического развития человека. М., 1977.
26. *Брушлинский А. В.* Мышление и прогнозирование. М., 1979.
27. *Брушлинский А. В.* О формировании психического // Психология формирования и развития личности. М., 1981. С. 106 – 126.
28. *Будилова Е. А.* Философские проблемы в советской психологии. М., 1972.
29. *Будилова Е. А.* Философские проблемы в историко-теоретическом исследовании // Проблемы теории и истории развития психологии. М., 1973. С. 58 – 73.
30. *Будилова Е. А.* Методология, теория и эксперимент в трудах С. Л. Рубинштейна (к 90-летию со дня рождения) // Вопросы психологии, 1979, № 3. С. 106 – 114.
31. *Джидарьян И. А.* О биологическом и социальном в связи с классификацией человеческих потребностей // Соотношение биологического и социального в человеке. М., 1975. С. 281 – 287.
32. *Джидарьян И. А.* Эстетическая потребность. М., 1976.

33. Джидарьян И. А. Психология общения и развитие личности // Психология формирования и развития личности. М., 1981. С. 127 – 158.
34. Пономарев Я. А. Психология творчества и педагогика. М., 1976.
35. Пономарев Я. А. Психология творчества. М., 1976.
36. Пономарев Я. А. Развитие психологической организации интеллектуальной деятельности // Принцип развития в психологии. М., 1978. С. 63 – 80.
37. Тарасов Г. С. Проблема духовной потребности. М., 1979.
38. Тарасов Г. С. Формирование «психологической близости» и «уникальности» личности в процессе воспитания // Психология формирования и развития личности. М., 1981. С. 235 – 256.
39. Чеснокова И. И. Проблема самосознания в психологии. М., 1977.
40. Чеснокова И. И. Онтогенетические особенности самосознания личности // Принцип развития в психологии. М., 1978. С. 316 – 336.
41. Чеснокова И. И. О психологических основах самовоспитания. — В кн.: Психология формирования и развития личности. М., 1981. С. 223 – 234.
42. Maslow A. H. Toward a psychology of being. Princeton, 1968.
43. Maslow A. H. The farther reaches of human nature. N. Y., 1971.

2

О ДИНАМИЧЕСКОМ ПОДХОДЕ К ПСИХОЛОГИЧЕСКОМУ ИЗУЧЕНИЮ ЛИЧНОСТИ

ГЛАВА

В настоящее время в психологической науке одно из центральных мест заняла проблема личности. Представители общей, социальной и педагогической психологии, специалисты в области индивидуальных различий, ученые, работающие в сфере психологии труда, патопсихологии, нейропсихологии и т. д. направляют свои исследования на анализ психологической организации личности, изучение различных психических образований, выяснение их функций, раскрытие условий формирования различных свойств личности. Однако в этих исследованиях, как нам представляется, недостаточно раскрывается *динамика* психической жизни личности. Между тем личность существует в процессе постоянного несовпадения с собой, в процессе выхода за свои пределы. Даже для того, чтобы сохранить устойчивость определенных своих параметров, особо важных для ее существования именно как личности, — жизненных целей, ценностей, принципов, морально-нравственных качеств, — она должна в условиях быстро и многообразно меняющейся социальной действительности менять свои различные психологические качества.

Исследовать динамику психической жизни личности — значит изучить разные формы существования и осуществления личности во времени, раскрыть *психологические механизмы* этого осуществления. Психологические механизмы можно представить себе как закрепившиеся в психологической организации личности функциональные способы ее преобразования, в результате которых появляются различные психологические новообразования, повышается

или понижается уровень организованности личностной системы, меняется режим ее функционирования. Важно подчеркнуть, что психологические механизмы выступают как способы преобразования организации личности лишь потому, что они являются механизмами реальных или мысленных преобразований взаимоотношений индивида с обществом, с миром в целом.

Ведущей формой становления, осуществления и развития личности является социально значимая деятельность, которую мы понимаем в самом широком смысле этого слова — как создание духовных и материальных ценностей. Целью так понимаемой деятельности может быть производство материального продукта, но она может оказываться направленной на создание совсем иного «предмета» — теплого, доверительного, дружеского отношения с другим человеком или же на установление «психологической дистанции» между ним и собой. В других случаях целью и результатом деятельности может выступить переоценка собственных ценностей, работа над упорядочением своего внутреннего мира, переосмысливание своего прошлого и т. д. В этом понимании деятельность представляет собой основной способ существования человека в мире, личности — в обществе. Лишь в целях научной абстракции условно можно говорить просто об изучении деятельности. Адекватнее вести речь о действующем индивиде, о личности, находящейся в состоянии деятельности (отличном, например, от состояния претерпевания, страдания). С этой точки зрения деятельность может быть понята как динамическое многофазное развертывание личности, как особый тип последовательности личностных преобразований, как закономерная смена ее функциональных состояний.

Особенностью такой деятельной развертки личности во времени является то, что личность в своем движении заставляет двигаться, развертываться, преобразовываться окружающую ее действительность — преобразовываться целенаправленно, в соответствии со своими замыслами. В этой диахронике своего действенного развертывания личность стремится не только к созданию определенного продукта, но и к обретению оптимального личностного состояния — эмоционального подъема от содеянного, радости завершения, чувства особой полноты существования человека-деятеля, создателя.

Если взять в качестве модели предметно-преобразующую деятельность, то становится очевидным, что личность, развертывающаяся в деятельности, вызывает особую форму движения мира вещей, им не свойственную. Она заставляет их двигаться не только по их собственной логике (которая, конечно, включается в детерминацию деятельности и должна как можно полнее учитываться личностью), но и по логике своего человеческого и личностного существования —

уникального существования в мире. Поэтому движение вещей в системе деятельной личности — совершенно новый вид движения предметного мира. Участвуя же в совместной деятельности с другими людьми — а это самая типичная ситуация деятельного существования личности, — человек преобразует социальные ситуации не только в соответствии с их логикой, но и с логикой своего индивидуального, социально обусловленного существования.

Структуру своего деятельно-личностного развертывания индивид осваивает и вырабатывает, формируясь в различных социальных системах общества. Для определенных видов деятельности общество выработало четкую структуру их протекания и сделало эту структуру предметом осознания людей. Осознать же ее было необходимо для передачи другим членам общества путем обучения. Ибо одна из главных функций осознания (хотя и не единственная) — обеспечить возможность широкой и экономной передачи выработанных в обществе знаний, умений, духовных ценностей и т. д. через обучение. Многие виды профессионально-трудовой деятельности имеют такую социально фиксированную структуру. Однако иные виды деятельности лишь в самых общих чертах организуются обществом и структура их еще не раскрыта ни в социологическом, ни в психологическом плане. Таковы те формы деятельности, целью которых является установление определенного межличностного отношения. До сих пор почти не исследовано, через какие фазы и стадии должна пройти коммуникативная деятельность, чтобы оказалась достигнутой именно та цель общения, к которой стремился человек, каковы оптимальные стратегии и тактики для установления и (или) прекращения дружеских отношений или отношений сотрудничества. В случаях затруднений или ошибок в этой сфере обычно прибегают к формуле «такт должен подсказать, что делать в подобных ситуациях». Но психологическая сущность такта не раскрыта, не выяснены те формы поведения, в которых реализуется тактичность как социально-психологическое свойство личности, не выявлены и психологические механизмы, регулирующие тактичное поведение.

Еще значительнее пробелы в понимании структуры тех видов деятельности, которые связаны с попытками личности переосмыслить и согласовать свои ценности, соотнести свои различные оценочно-смысловые отношения к миру, разобраться в себе.

В психологии выделена лишь самая общая психологическая структура деятельности, построенная в основном на основе изучения предметно-практической трудовой деятельности. За последние годы в результате изучения таких сложных видов деятельности, как

деятельность оператора, знания о психологическом ее составе заметно обогатились. Четко выявлена также и роль специально организованного обучения в овладении этой сложноструктурированной деятельностью. Но не только эта, а и всякая деятельность человека в обществе социальна не только по своему содержанию, но и по способу членения. Развивающемуся человеку совсем не просто начать жить в деятельности в соответствии с ее логикой. Проведенные исследования показывают, что ребенка нужно специально обучать усмотрению связи мотива деятельности с ее целью: такая связь отнюдь не самоочевидна. Удержание принятой цели, ее сличение с полученным результатом — всему этому нужно обучиться на ранних этапах индивидуального развития.

На более же поздних стадиях развития человек сам должен учиться структурировать и организовывать свой деятельный способ существования в мире, самостоятельно создавать психологические приемы оптимальной реализации своего деятельного существования. Поясним на примере, о каких приемах идет речь. У личности на этапе взрослости существует обширная временная перспектива все более отдаленных целей, существует идеал, которого он хочет достичь. Достижение этого идеала требует значительных усилий, предварительного решения множества иных задач. И нередко человек оказывается неспособным удержать свою временную перспективу, он теряет веру в возможность достижения некогда горячо желаемой цели. Одним из психологических механизмов удерживания такой перспективы является как бы «опрокидывание» уходящей вдаль линии целей на настоящее и усмотрение в актуальных наличных ситуациях элементов, частиц, блоков отдаленного идеала, которые только постепенно будут принимать его очертания.

Следует также иметь в виду, что идеальная цель, будучи реально достигнута, редко узнается как таковая. Происходит это потому, что личность всегда исторична в смысле обусловленности не только меняющимися конкретно-историческими общественными условиями своего существования, но и историей своей собственной жизнедеятельности. Она перерастает свой идеал, еще не достигнув его. В результатах своей деятельности личность выявляет столь богатое содержание, что оно не укладывается в контуры прежнего идеала. Этот факт наглядно раскрывает недостаточность модели предметно-практической деятельности, в которой результат должен совпасть с целью, для анализа целостного деятельного существования личности в обществе.

Другой психологический прием оптимального структурирования личностью своей совокупной жизнедеятельности заключается

в правильном построении системы тех целей, которые выступают в качестве ступеней достижения идеала. Если эти цели расположены в один иерархический ряд, так что достижение каждой последующей определяется предыдущей, то блокирование любой из них остановит поступательное движение к идеалу и будет переживаться личностью как непреодолимое препятствие, как жизненный крах. Следовательно, личностная стратегия не должна строиться по модели однолинейного детерминизма или цепочки причинно-следственных связей, она должна предусматривать необходимость создания некоторой системы взаимодополняющих и подкрепляющих друг друга промежуточных целей.

Вводя эти соображения о психологических стратегиях и тактиках осуществления ранних форм активного отношения личности к социальному и природному миру, мы уже перешли к вопросу о необходимости разработки динамической модели развертывания личности в процессе деятельности. До недавнего времени в психологии выделялась и исследовалась статичная структура деятельности, представляющая ее одномоментный срез. В недрах инженерной психологии вырелась необходимость подвергнуть специальному изучению последовательность этапов деятельности. Разработка в психологическом плане проблемы целеобразования — точнее было бы говорить о развитии цели в процессе деятельности — обогатила элементами динамики исследование деятельности. Но в процессе деятельности еще очевиднее происходит формирование, развертывание и развитие мотивов. При этом имеется в виду не общий принцип формирования новых мотивов в деятельности. Речь идет о выяснении того, что же происходит с мотивационно-потребностной регуляцией деятельности в период от начала до завершения деятельности, до получения желаемого результата. Исследования показывают, что в ходе конкретной деятельности та потребность, которая выступила в качестве побуждения деятельности, содержательно раскрывается — проходит свои фазы, свои спады и подъемы [7]. Потребностное состояние личности раскрывается при этом как многоуровневое образование, разные уровни которого, имеющие различное содержание, проявляют себя в различных фазах деятельности. Нельзя не согласиться с В. Д. Шадриковым [14], в работах которого подчеркивается, что мотивация пронизывает собой всю деятельность, не ограничиваясь ее начальным этапом. Но каковы же закономерности движения мотивации в этом процессе? Обсуждая этот вопрос, нельзя не обратить внимания на некоторые парадоксы психологической теории деятельности, развивающейся в отрыве от изучения развертывания в деятельности личности.

Многочисленные работы показали, что существуют закономерные отношения между динамикой потребностного состояния личности и целью ее деятельности. Кларк Халл назвал эту закономерность «градиентом цели»: чем ближе желанный предмет, тем больше стремится приблизиться к нему индивид. Такая же закономерность неоднократно подчеркивалась в работах школы К. Левина: узник, просидевший десять лет в заключении, бежит оттуда за десять дней до освобождения. Эти факты, однако, не исследуются в контексте психологической теории деятельности, ибо личность там фигурирует в минимальной степени — точно так же, кстати, как при изучении различных психических процессов. Между тем не лишено оснований предположение, что число ошибочных операций или действий будет возрастать на завершающих стадиях выполнения какой-то деятельности при условии достаточно высокой мотивированности как следствие появившейся поспешности. Это положение возможно также превратить в методический инструмент для определения уровня мотивированности целью: если в период, непосредственно предшествующий получению нужного результата, темп действий не участится, можно сделать заключение о невысоком уровне мотивации деятельности или о мотивации, внешней по отношению к самому ее содержанию.

Развертывание в деятельности мотивационно-потребностной сферы личности может быть прослежено даже применительно к такому типу деятельности личности, который иногда относят к «живому созерцанию». Такова эстетическая, музыкально-перцептивная деятельность, образующая процесс восприятия музыки. Исследования [13] показывают, что в ходе восприятия музыки у слушателя развертывается интонационное обследование музыкального предмета. Через интонирование, внутреннее пропевание собственные эмоции предстают перед слушателями как психическая реальность, к которой вырабатывается определенное отношение. Эта музыкально-перцептивная деятельности побуждается специфической духовной потребностью, включающей в себя целую систему побуждений, которые получают свою развертку в ходе последовательного оперирования музыкальным предметом.

Среди частных духовных потребностей применительно к сфере музыки можно выделить потребность в сильном душевном напряжении, только зарождающиеся эмоции и чувства, потребность сопоставить свои эмоции с теми, которые вызывает музыка, найти новый язык для выражения своих переживаний, потребность вычерпать предметно-социальное содержание музыки, потребность в катарсисе и др. Конечно, эти потребности выражают и полимо-

тивированность эстетической деятельности, но на разных этапах музыкально-перцептивной деятельности меняется организация побуждений, в действие вступают новые потребности. Не менее сложной, несомненно, является и динамика разных форм потребностей в процессе практической предметно-преобразующей деятельности, а также в деятельности теоретической. Эта проблема еще ждет своей разработки. Таким образом, с позиций положения о раскрытии, развертывании целостной личности в деятельности потребность понимается не просто как изначальное побуждение к деятельности и не только как убывающее в ходе деятельности психическое напряжение, но как динамический процесс последовательной смены в разных фазах деятельности разных потребностей, связанных в единое целое ценностным отношением личности к предмету деятельности.

В деятельности получает свою развертку не только мотивационно-побудительная сфера личности. Деятельность — это также диахроника функциональных состояний и свойств личности. Разные фазы деятельности требуют последовательного включения разных свойств личности, перехода ее от одного функционального состояния к другому. Обычно психологи при изучении личности профессионала выделяют определенную иерархию свойств, требуемых профессией, но важно исследовать, какова закономерная реорганизация этой системы в процессе деятельности, требующей выдвижения на первый план то одного, то другого свойства личности.

Понимание деятельности как диахронической, всегда в каких-то хотя бы моментах «расширенного воспроизводства» социально-психологической организации личности на всех ее уровнях строится на положении о том, что всякая деятельность — это отрезок жизни целостной личности, и этой части жизненного процесса свойственна та же напряженность протекания, которая характеризует большие отрезки жизни человека. Представляется, что правомерно говорить о критических и сензитивных периодах в ходе отдельной конкретной деятельности. Несомненно, что критическим является переход от скрытого подготовительного этапа деятельности к началу реальных преобразований. Житейская мудрость, воплощенная в словах «лиха беда начало», отражает этот факт. Самый первый, скрытый этап деятельности характеризуется переживанием влечения, за которым следует особая пристрастность восприятия окружающей действительности. Деятельность может оборваться на этом этапе, и в каждом из нас временами угасает в самом начале какая-то деятельность. Это значит, что момент перехода от скрытых этапов деятельности (включаю-

щих и этап принятия решения) к началу реального ее выполнения требует определенного, иногда значительного усилия со стороны личности, несмотря даже на безусловность принятого решения. Ведь это — решимость личности на встречу с миром, в которой всегда есть момент непредсказуемости, есть опасность потерпеть неудачу даже при самых благоприятных условиях и возможностях. Особая напряженность или критичность этого этапа выявляется в ситуациях, где объектом деятельности является выяснение, изменение или установление отношений личности с другими людьми. В психологическом плане этот критический этап деятельности крайне слабо исследован. Основная психологическая трудность указанной фазы деятельности — прежде всего мотивационного порядка: мотивация оказывается недостаточно сильной, чтобы личность начала двигаться в пространстве именно этой деятельности. Система побуждений личности может ослабнуть и на любом ином этапе ее деятельного осуществления.

В то же время оказывается, что продолжения и завершения деятельности требуют не только внешние обстоятельства, но и сам человек. Он знает необходимость этого. Знает — но эмоции, некогда придававшие ему силы, угасли, пропал интерес, понизился уровень психического напряжения, и способности, формирование и функционирование которых обеспечивается напряженной динамикой психической жизни, кажутся утерянными.

Применительно к этим случаям особенно актуальным становится вопрос о механизмах: активности личности, о ее способности выйти за свои пределы, подняться над собой. В подобных ситуациях говорят о необходимости сделать волевое усилие, проявить свои волевые качества. Но ведь это усилие воли должно иметь какой-то психологический механизм, которым личность должна владеть. Этот механизм можно представить себе прежде всего как поиск и привлечение личностью других мотивов, которые бы усиливали, дополняли или полностью замещали действие мотива угасающего.

Но процесс поиска новых мотивов — это лишь как бы фасад того сложного психологического механизма, который приводится в действие личностью для успешного продолжения деятельности. В своем фундаменте механизм этот выступает как усилие индивида вписать свое занятие в более широкую систему социальных отношений, осмыслить ее место в более широком контексте социальной действительности и тем самым отыскать новый ее смысл, найти новые побуждения в универсальности своих общественных отношений.

Некоторые эмпирические исследования показывают, что дополнительные мотивы человек ищет прежде всего через мысленное обращение к значимым для него людям, через актуализацию тех значимых социальных отношений, которые когда-то способствовали формированию его ценностей и которые сами стали входить в число этих ценностей. В этой способности человека произвольно создавать новые системы мотивов заключаются истоки активного внутреннего начала личности. Свобода личности, рассматриваемая в психологическом аспекте, заключается в познании необходимости действовать определенным образом, но при этом личность должна быть также мотивирована действовать в соответствии с необходимостью и способна сама сформировать эту мотивацию.

Личность существует, осваивая способ своего движения — изменения, развития, совершенствования, — в разных структурах деятельности, в разных ее формах. Было бы, однако, неадекватно представлять себе личность как простую совокупность систем, регулирующих многообразные виды ее социально значимой деятельности. Личность — всегда целостность, которая развивается, формируя в своей организации все новые и новые части, каждая из которых обладает качеством породившей ее целостности, подразумевает существование ранее выделившихся частей и несет в себе возможность возникновения новых. Иначе говоря, складывающиеся психологические механизмы, возникающие обобщенные отношения личности к миру находятся в системной зависимости друг от друга. Характеризуя закономерности развития целостных систем, В. Г. Афанасьев пишет: «Итак, всякая целостная система, целое, от простой до самой сложной, всегда существует как единство, взаимодействие различного рода компонентов, единство противоположностей. Каждая часть целого — это иное другой части, а эта другая — третьей и т. д.» [3, с. 75]. Разумеется, отдельные части целостной живой психологической организации личности обладают определенной долей автономии и могут получать преимущественное развитие по отношению к другим и даже гипертрофироваться. Но определяющими для них все же будут их взаимосвязи со всей системой в целом, поскольку «целостная система — это такая система, в которой внутренние связи частей между собой являются преобладающими по отношению к движению этих частей и к внешнему воздействию на них» [с. 67].

Эти положения дают возможность понять высокую устойчивость психических свойств личности даже на ранних этапах жизненного пути человека. Исследования показывают, что даже в условиях индивидуальной воспитательной работы весьма трудно

бывает уже в ранние годы детства переделать нежелательные социально-психологические черты личности (замкнутость, недоверчивость, несправедливость) [12]. Дело заключается в том, что переделывать приходится не одно свойство, а целостную личностную систему индивида.

Понимание личности как активного деятеля, который целостно включается в способ своего деятельного осуществления, позволяет поставить проблему изучения того, как осуществляется функциональная взаимосвязь разных типов деятельности в психологической организации личности и что представляют собой психологические механизмы ее интеграции. Точнее этот вопрос можно было бы сформулировать так: каким образом соотносятся и связываются друг с другом различные способы динамического существования личности в пространстве разных форм деятельности. Одним из характерных механизмов нам представляется процесс «вклинивания» в доминирующую в данный момент деятельность (реально выполняющуюся и занимающую центральное место в функционировании личности) деятельностей, которые можно назвать субдоминантными. Действительно, осуществляя какую-либо деятельность, личность, может быть, никогда не занимается только ею. Одновременно происходит актуализация различных звеньев латентно протекающих деятельностей. Организация субдоминантных форм деятельности до сих пор не исследована, но наблюдения показывают, что она своеобразна, отличается разорванностью, несвязностью. Лишь отдельные ее компоненты «всплывают» в сознании, вклиниваются, как нечто инородное, в процесс доминирующей деятельности. Переживаясь иногда как досадные помехи, уход мысли в сторону, отвлечение внимания, такие феномены в действительности обозначают обогащение неявных деятельностей актуально протекающей. Ее результаты как бы опускаются в пласт субдоминантных действий, связываются с совсем иными психологическими системами личности. Этот выход из психологического пространства деятельности, направленной на сознательно поставленную цель, переживается как потеря мысли, которую часто так и не удается вспомнить. Но впоследствии оказывается, что она воспроизводится как очень уместная и удачная при совершенно ином занятии. В то же время вклинивание латентных пластов в актуальное занятие обогащает его, придает ему творческий характер.

Всплывание в памяти, вклинивание в сознание действий, переживаний, ситуаций, условий, личностных состояний, характерных для субдоминантных деятельностей, — важное условие интеграции личности. Это и есть процесс функционирования внутренних свя-

зей личностной системы, в результате которого каждая ее часть выступает как нечто иное (инобытие) других частей¹.

Если в значительной мере вся организация личности приходит в движение, когда личность включается в целенаправленную деятельность, если в деятельности развивается и формируется личность, порождая все новые и новые части своей целостности, выступающие как «различия внутри единства» [2, с. 725], то не следует ли предположить, что ее направленность, ценностные ориентации, диспозиции и т. п. складываются и функционируют в единстве с различными психическими свойствами личности, с ее эмоциональными, волевыми, перцептивными, мнемическими и интеллектуальными характеристиками. Можно предполагать, что содержание и структура ценностных ориентаций, долговременных целей личности, ее направленность должны иметь «свое иное» в качественных особенностях эмоциональных, мнемических, интеллектуальных и перцептивных процессов². Если вспомнить выдвинутую Б. И. Додоновым типологию направленности личности [8], то может оказаться, что ярко выраженная альтруистическая направленность предполагает иной тип мышления и памяти человека, чем, например, направленность гностическая. Из развиваемых положений следует также, что при резком и значительном изменении ценностных ориентаций личности, ее смысловых установок должны произойти качественные изменения и в ее психических процессах. Не лишено, например, оснований предположение о том, что наблюдающиеся в период старости качественные изменения процессов памяти, влекущие ее ослабле-

¹ Можно наметить и другой механизм интеграции личности. Начнем рассуждение с известного в психологии явления «переноса» (или трансфера) выработанных в прошлом действий на новые ситуации. Предполагается, что такой перенос осуществляется лишь в моменты, когда человек в своем настоящем встречается с новой задачей, требующей актуализации в измененном виде своего прошлого опыта. Конечно, этот процесс, который точнее было бы назвать «ретрофером», имеет место. Но существует и иная разновидность переноса — перенос опережающий, когда человек экстраполирует на будущие ситуации и применительно к возможным деятельности те или иные результаты доминирующей деятельности. Наблюдения показывают, что нередко люди намеренно распределяют по сферам возможных деятельностей то, что оказалось достигнутым ими на разных этапах своего основного занятия.

² Такая постановка проблемы открывает возможность организации нового направления в исследовании личности. В этой связи можно указать на работу Е. С. Махлах [10], в которой делается попытка раскрыть связь между памятью и волевыми качествами личности.

ние, не столь жестко определяются именно биологическими факторами, как это обычно считается. В определенных случаях основной может быть социально-психологическая причина. Утрата или даже предвосхищение потери больших жизненных целей, которыми жил человек, укорочение его временной перспективы, иначе говоря, утрата своего реального будущего будет деструктивно влиять на процессы запоминания и воспроизведения. Это значит, что память выступает не как закрепление, сохранение прошлого, а как операция перенесения того, что переживается в настоящем, в свое личное будущее. Чем более обширными и уходящими в отдаленное будущее целями живет личность, тем более совершенными будут психологические механизмы ее восприятия, памяти, мышления.

Доминирующую в данный период времени деятельность не следует смешивать с ведущей деятельностью, в которой главным образом и происходит многостороннее развитие личности, ее изменение и совершенствование.

Основное значение ведущей деятельности в определении жизненной пути личности заключается в том, что именно она открывает человеку пути к включению в новые сферы жизни общества, вводит его в новые социальные структуры и позволяет установить новые все более богатые социальные связи — те личные, индивидуальные отношения с другими людьми, которые, по словам К. Маркса, создали и постоянно воссоздают общественные отношения [1, с. 440]. Если на более ранних этапах развития личности общество через особую институционализированную систему включает индивида в расширяющиеся социальные системы общества (детские воспитательные учреждения, школа, институт), то на стадии взрослости человек сам должен сформировать у себя способ дальнейшего поступательного движения в системе общественных *отношений*. Таким способом и выступает его ведущая деятельность. С общественной точки зрения ее отличает качество социальной активности, она высоко результативна.

Психологические же ее характеристики таковы: она эмоционально захватывает человека, и вся целостная организация личности начинает двигаться, раскрываться, дополняться в ее пространстве, а это и значит, что сам индивид начинает отождествлять себя с ней. Поэтому достигнутые в ней успехи переживаются личностью как удача на целостном жизненном пути.

Эта деятельность эмоционально не исчерпывает себя в своем обогащенном результате. У человека возникает, по выражению П. Жанэ, эмоция триумфа по поводу содеянного. Если же деятельность переживается как навязанная извне, индивид, закончив ее, ис-

пытывает лишь облегчение. Возникающие препятствия, промахи, ошибки порождают самый напряженный поиск новых стратегий, формируется способность конструктивно справляться с состояниями психической напряженности.

Если подлинная жизнь личности, как это глубоко замечает М. Бахтин, находится как бы в точке несовпадения человека с самим собой [4, с. 79], в области выхода индивида за пределы себя, то именно в ведущей деятельности это несовпадение, опережение личностью себя выступает всего отчетливее. Ведущая деятельность удовлетворяет потребность человека в ярких, сильных переживаниях, она развивает и обогащает эмоциональную жизнь личности. Свою ведущую деятельность сам человек переживает как выражение своего подлинного «я», как воплощение и доказательство своей суверенности. Именно ведущая, эмоционально насыщенная, захватывающая, «интересная», отмеченная высокой активностью личности деятельность выступает как важнейший фактор гармонизации, взаимосогласования и интеграции различных частей, структур и свойств личности. Ведущая, «стержневая», высоко развитая деятельность, реализующая ярко выраженное отношение человека к миру, способствует подтягиванию до своего уровня других видов активного отношения личности к действительности, вызывает развитие разносторонних ее способностей. Этот общий принцип был подтвержден эмпирическими исследованиями на материале разных типов эмоциональной направленности личности [8]. Именно наполненная личностной значимостью деятельность способствует, как показал это В. С. Мерлин, интеграции психодинамических свойств человека и тех его свойств, которые выражают некоторое социально-психологическое отношение личности к миру [11].

В системе социалистических общественных отношений ведущая деятельность индивида выступает обычно как его профессиональная деятельность, и это обстоятельство значительно усиливает формирующее воздействие на личность данного способа ее деятельного существования. Эмпирические исследования показали, как в ходе успешного профессионального становления происходит наиболее полноценное развитие личности, совершается расширение и совершенствование сложной системы ее социальных связей и социально-психологических отношений, личность поднимается на новый уровень социального бытия, достигается переживание полноты жизни и эмоционального благополучия [5, 6].

Разумеется, совпадение ведущей и профессиональной деятельности в значительной степени определяется господствующими общественными отношениями. Опыт исследования личности в условиях

антагонистических общественных отношений обнаруживает двухполюсное строение сферы ее ценностных ориентаций. На одном полюсе находятся институционализированные формы социальной жизни, занятие своей профессией в условиях мнимой коллективности, ориентированной на достижение власти, богатства, преуспевание любой ценой, требующей конформизма и отказа от подлинного «я». На другом полюсе помещается так называемая частная жизнь — быт, личное потребление, дружба, развлечение и т. п., — которая только и связывается с выявлением полной индивидуальности, с реализацией истинного «я» личности. Вся внутренняя динамика личности и развертывается как колебания между этими двумя полюсами. Не найдя средств для самовыражения, не достигнув самоутверждения в частноиндивидуалистическом секторе своего бытия, личность переключается на институционализированные формы своих занятий, на сферу «дела», которая требует демонстрации не собственных человеку чувств и мнений и в результате вызывает движение сознания индивида к противоположному полюсу [9].

Эта дихотомичность сознания человека, разорванность сферы ценностных ориентаций личности преодолевается в социалистическом обществе, ставящем своей главной целью и считающем высшей ценностью всестороннее развитие личности, максимальное выявление индивидуальности человека в его социально значимой деятельности. Характерное для общества социализма теснейшее слияние профессионально-трудовой, общественно-политической и организационно-управленческой деятельности в сфере жизни каждого члена общества делает человека реально причастным к построению социальных систем своей институционализированной и неинституционализированной деятельности. В результате у человека формируется адекватное реальному социальному положению личности чувство своего подлинного личностного существования. Свое органичное включение в общественное управление собственной совокупной жизнедеятельностью человек переживает как ответственность и за свой жизненный путь, и за судьбу своего общества.

Разумеется, обеспечиваемое и требуемое нашим обществом многостороннее включение личности в различные сферы общественной жизни не совершается само собой, оно требует от личности значительных психологических усилий по преобразованию, совершенствованию и развитию себя. Ведь деятельность в новой сфере общественных отношений предполагает выделение новой части в системе личности, формирование как бы нового психологического органа, в составе которого в новом качестве должны выступить уже сформированные ранее или только наметившиеся свойства лич-

ности, дополняемые заново складывающимися ее характеристиками. Хорошо известное каждому состояние высокой психической напряженности, которое знаменует овладение личностью новым для нее способом своего деятельного существования, можно считать индикатором активизации самим человеком обширных систем своей психической жизни, актуализации в симультанном виде сложившихся многообразных систем собственных жизненных отношений с миром.

Итак, мы наметили некоторые пути реализации динамического подхода к личности как живой подвижной системной целостности, которая развертывает, совершенствует, развивает себя в социально значимой совокупной деятельности, реализующей многообразные общественные отношения.

Литература

1. *Маркс К., Энгельс Ф.* Немецкая идеология. Соч., 2-е изд., т. 3.
2. Из рукописного наследия К. Маркса // *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., 2-е изд., т. 12.
3. *Афанасьев В. Г.* О целостных системах // *Вопросы философии*, 1980, № 6. С. 62—78.
4. *Бахтин М. М.* Проблемы поэтики Достоевского. М., 1963.
5. *Борисова Е. М.* Психологические аспекты формирования личности передового советского рабочего // *Вопросы психологии*, 1977, № 6. С. 40—48.
6. *Борисова Е. М.* Раскрытие творческих возможностей человека в трудовой деятельности // *Психолог на предприятии. Научная организация труда, производства и управления в легкой промышленности*. М., 1979. Вып. 1. С. 27—38.
7. *Джидарьян И. А.* Эстетическая потребность. М., 1976.
8. *Додонов Б. И.* Эмоции как ценность. М., 1979.
9. *Замошкин Ю. А.* Личность в современной Америке. М., 1980.
10. *Махлах Е. С., Рапопорт И. А.* Соотношение памяти и волевых качеств личности // *Вопросы психологии*, 1980, № 1. С. 125—129.
11. *Мерлин В. С.* Опыт изучения онтогенеза интегральной индивидуальности // *Вопросы психологии*, 1976, № 5. С. 88—95.
12. Отношения между сверстниками в группе детского сада / Отв. ред. Т. А. Репина. М., 1978.
13. *Тарасов Г. С.* Проблема духовной потребности. М., 1979.
14. *Шадриков В. Д.* Психологический анализ деятельности. М., 1979.

3 ГЛАВА

ЛИЧНОСТЬ В ДИНАМИКЕ: НЕКОТОРЫЕ ИТОГИ ИССЛЕДОВАНИЯ

Пути становления процессуально-динамического подхода в психологии

В 80-е годы XX в. в психологической науке, как отечественной, так и зарубежной, произошли существенные изменения, связанные с формированием нового подхода к изучению психики, личности и сознания. Для его обозначения воспользуемся термином, предложенным известным немецким психологом Х. Томе. Группируя существующие концепции личности в крупные блоки, он выделил наряду с когнитивным направлением и теорией личностных черт процессуально-динамический подход, привлекающий внимание все большего числа психологов.

В теоретико-методологическое основание динамического подхода вошли — частично в преобразованном виде — различные концептуальные традиции, по-разному раскрывающие смысл понятия «динамика». Но у них есть общий знаменатель — они акцентируют непрерывность, динамичность, изменчивость, напряженность, противоречивость, постоянное движение душевной жизни человека. Важные идеи о динамике мышления, сознания личности разработаны в трудах А. Бергсона. Основой психической жизни он считает живую, непрерывную, постоянно изменяющуюся текучесть психической реальности. Эта текучесть выступает как поток «тесно проникающих друг в друга образов» [10, с. 119], как смена чувств, образующая «несмолкаемую мелодию нашей внутренней жизни» (там же,

с. 179), как переход друг в друга психических состояний, из которых каждое содержит в себе предшествующее ему и подготавливает следующее за ним. Подчеркивая целостность душевной жизни человека, Бергсон утверждает, что в форме текучести психических состояний совершается непрерывное изменение личности, ибо «всякое психическое состояние отражает личность в целом» (там же, с. 14). При этом удержание в актуальном психическом состоянии предшествующих ему моментов порождает, согласно Бергсону, не просто изменение, но рост психического. Однако динамику психического он рассматривает вне тех реальных взаимоотношений человека с окружающим миром, которые только и могут наполнить новым содержанием движущуюся мысль. По его мнению, действия и общение способствуют формированию лишь поверхностного слоя личности, не затрагивая ее глубинной сути.

Некоторые зарубежные психологи (Дж. Сингер (J. Singer) и Дж. Коллиджен (J. Kolligian)) [40] считают, что идеи Бергсона оказали влияние на У. Джемса (W. James), который ввел в американскую психологию понятие и проблему «поток сознания». В 70-х годах в США вышел сборник «Поток сознания» [41], начались экспериментальные исследования сознательного и бессознательного потока мысли, внутреннего диалога, многоуровневого течения мыслей при решении сложных задач в ходе операторской деятельности. Интерес к изучению потока сознания в американской психологии был подготовлен информационным подходом, который ориентировал психологов на изучение процессов переработки информации. Сыграло роль и укрепление позиций ментализма. Главным же стимулом выступил тот факт, что самый тщательный учет условий поведения не обеспечивал предсказания его результатов, если была неизвестна «логика» движения душевной жизни человека. Подход Джемса к сознанию был воспринят как теоретическое обоснование нового подхода к психике. В 1986 г. вышла книга, посвященная жизни и научному творчеству Джемса. Ее значение американские психологи оценивают так: она напоминает нам о том, что «повестка дня современной психологии в значительной части была создана первым и, может быть, величайшим американским психологом» [40, с. 537]. Стали разрабатываться проблемы взаимосвязи импульсивных и целенаправленных мыслительных процессов. Возник интерес к выявлению разных паттернов текущего личного опыта.

Для понимания методологических позиций современного динамического подхода существенно то, что процессуальность психической жизни личности изучается в системе реального взаимодействия человека с миром.

Для современных исследований характерно изучение движения состояний, мышления, чувств личности в условиях деятельности, общения, поведения. Новый пласт психологического движения личности в пространстве деятельности выявляется при изучении процессов целеполагания и целедостижения, когнитивно-эмоциональной подготовки человека к действию, отслеживания им течения собственного поведения, оценки промежуточных результатов и т. п. В научный оборот наряду с понятием потока сознания введено понятие «поток поведения» [39].

В отечественной психологии процессуально-динамический подход существует в разных вариантах. Вместе с генетическим и функционально-динамическим подходом («актуал-генез»), а также с принципом развития он входит в методологическую основу широкого круга исследований, направленных на раскрытие условий формирования, изменения, становления разных параметров психического склада личности, на описание этапов и стадий развития ее интеллекта, характера, мотивов и потребностей [2, 3].

Особый вариант процессуально-динамического, а точнее — процессуального подхода был разработан в 50-х годах XX в. на материале мышления С.Л. Рубинштейном. Для него этот подход был производным от решения вопроса о природе психики. Согласно С.Л. Рубинштейну, основная характеристика психического — процессуальность. Иными словами, психика существует всегда в форме процесса — непрерывного, гибкого, изменчивого, порожденного постоянным взаимодействием человека с окружающей действительностью. Психическое как процесс представляет собой отнюдь не пассивное течение мысленного содержания, а *особую психическую активность субъекта*, направленную на анализ мира, на дифференциацию значимого и незначимого в нем, на синтез, обобщение обнаруженных свойств объектов. Эта концепция далее была развита А.В. Брушлинским [12]. Выполненные под его руководством исследования позволили выявить в психическом как процессе движение не только познавательной, но и мотивационно-потребностной составляющей. Процессуальный подход способствует пониманию психологических механизмов, тех «тонких движений души», которые реализуют прогресс мышления, развитие мотивации, совершенствование саморегуляции, изменение представлений о себе.

Новую плоскость в пространстве процессуально-динамического подхода открывает изучение преобразований личности на разных этапах жизненного пути. В мировой психологической науке созданы интересные концепции развития личности в масштабах жизни на основе лонгитюдных исследований, психотерапевтической прак-

тики, изучения паттернов становления, взросления и старения личности (П. Балтес, Д. Левинсон, У. Лер, Х. Томе, Э. Эриксон и др.). Значимый вклад в выявление психологических детерминант деформаций жизненного пути личности вносят юридические психологи (Ю.М. Антонян, А.Р. Ратинов и др.). Начинают разворачиваться психобиографические исследования, изучаются индивидуальные варианты развития личности. Осуществляется типологический подход к жизненной стратегии личности [1].

Процессуально-динамический подход, наконец, включает в себя традиции, идущие от психодинамических теорий, представители которых имманентной характеристикой душевной жизни человека считают ее напряженность, порождаемую разнонаправленностью побудительных тенденций, напором присущей психике активности, рассогласованием сознания и бессознательного.

Личность как субъект индивидуальной истории, жизненных выборов, целеполагания

Строя жизненный путь, человек руководствуется определенной системой представлений о своем прошлом, настоящем и будущем. Представления эти нередко содержат заблуждения и иллюзии, но именно они лежат в основе долговременной регуляции личностью своей жизни.

За последнее десятилетие в мировой психологической науке значительно возрос интерес к формам представленности во внутреннем мире человека окружающей действительности и его собственной индивидуальной истории. Все большее распространение получают психобиографические методы изучения личности. Введено понятие автобиографической памяти как свидетельства о последовательности событий, создающей условия для формирования уникального склада личности.

В русле психобиографического подхода ведутся и наши исследования «субъективной картины жизни». Изучалось отражение в самосознании личности жизненных событий, относимых человеком к прошлому, настоящему и предвосхищаемому будущему. А.А. Кроник разработал оригинальные биографические методики — каузометрическое интервью, оценивание пятилетней жизни, дихотомическое шкалирование жизненного пути и др. В результате раскрыта событийная структура картины жизни, выявлены типы связей между событиями (причинно-следственные и инструментально-целевые), определены показатели мотивационного и ролевого статуса событий. Показана возможность по уровню субъективно переживаемой насы-

ценности событиями отдельных периодов жизни определять психологический возраст человека. Сочетание психобиографического и лонгитюдного методов позволило определить в картине жизни несколько различных по степени устойчивости слоев, вскрыть процесс переоценки человеком значимости конкретных событий, перемещения их из области малозначимых биографических эпизодов в сферу «композиционного ядра» картины жизни или, напротив, лишения событий высокого статуса.

Практика психогигиенической консультации, работающей в рамках психобиографического подхода к анализу личности, показала, что успешность реализации человеком своей жизни существенно зависит от сформированности у него сквозных причинно-целевых связей между прошлым, настоящим и будущим [9]. Личность должна как бы стягивать динамические тенденции, идущие из пережитого и предстоящего в своем настоящем [22]. Такая динамическая картина жизни — предпосылка поступательного развития личности. Изучение инвалидов и лиц, страдающих тяжелыми заболеваниями, позволило обнаружить различные деформации картины их жизни: разорванность связей между временными параметрами жизни — оторванность будущего от настоящего и прошлого, обесценивание прошлого, поглощенность лишь настоящим, замыкание основных причинно-целевых связей лишь между минувшими событиями. Изучены неврозы, порождаемые этими деформациями: нереализованности (в своем прошлом человек не видит ни значительных достижений, ни ярких переживаний); опустошенности (отсутствуют актуальные связи между событиями в настоящем); бесперспективности (минимум предвидимых событий, ожиданий, планов) [21].

Для устранения деформаций картины жизни разработаны методы психокоррекции, получившие название «биографический тренинг» [20]. Человека учат делать биографические открытия, переосмысливать значимость событий прошлого, переносить фрагменты психологического будущего в актуально-действенную сферу личности и тем самым создавать новую мотивацию к активной жизни. Разработан также методический прием «Альтернативные графики жизни», помогающий человеку либо признать правильность избранного пути, либо принять решение о его изменении. Критерием решения является предполагаемая насыщенность событиями различных жизненных программ, детерминируемая, как показали исследования, ведущими ценностями личности.

В одной из работ, выполненных в нашей лаборатории, изучались механизмы профессионального самоопределения будущих учителей

[24]. Оказалось, что яркую картину предстоящей трудовой жизни, насыщенную событиями, масштабными и рациональными замыслами, порождает ценностное отношение человека к профессии как к призванию. Такая картина жизни сохраняется у «призванных» и через три года после начала трудовой деятельности. У студентов же, а затем молодых специалистов, выбравших профессию не по призванию, картина жизни оказалась обедненной событиями.

Ведущая роль ценностей при исследовании механизмов жизненных выборов была показана Л.С. Кравченко [19]. Под влиянием собственных ценностей личность не осмысливает ситуацию со многими возможностями как не содержащую вариантов и сама создает поворотные события своей жизни, утверждающие ее позиции. Событийный анализ жизненного пути неизбежно выводит психолога в широкое пространство человеческих взаимоотношений, ибо каждое событие связывает друг с другом причастных к нему людей, образующих «событийные группы» [22]. Эти группы бывают чисто ситуативными, но часто вплетаются в причинно-целевую ткань жизни личности.

Разработаны игровые полу-проективные методики, которые позволяют определять стратегии и тактики общения значимых друг для друга людей, а также устанавливать, каким образом достигается взаимопонимание между людьми и поддерживается их психологическая близость, каковы истоки возникающих конфликтов и способы их предотвращения [22].

Значительный интерес представляет анализ тех пожеланий, которые человек адресует себе и другим людям, реально или потенциально значимым для него. Большинство участников опроса «себе и другим» желали окружающим людям побольше доброты, порядочности, понимания. Сами же они хотели быть более уверенными, сильными, спокойными. Таковую преобладающую в нашем обществе позицию А.А. Кроник назвал «утверждением себя в более мягком окружении» [22]. Предстоит выяснить динамику взаимопожеланий людей в последующие периоды нашей общественной жизни, провести кросскультурные исследования.

Новым направлением наших исследований в рамках изучения личности как конструктора своего жизненного пути стало исследование ее в качестве субъекта целеполагания. Многие события, выделяемые человеком в картине своей жизни, являются осуществлением поставленных им целей. В русле проблемы «личность и процесс целеполагания» в лаборатории начаты исследования, касающиеся связи когнитивного стиля личности («импульсивности — рефлексивности») с особенностями постановки и достижения целей [34].

Результаты первого этапа исследований показали, что на особенности процесса целеполагания когнитивный стиль оказывает влияние лишь в сочетании с некоторыми обобщенными, мировоззренчески насыщенными отношениями личности к действительности, входящими, в частности, в содержание фактора «радикализм — консерватизм». Предстоит определить влияние на специфику целеполагания других параметров личности — компенсирующих или усиливающих недостатки когнитивных стилей.

Самосознание — условие развития личности как субъекта жизни

В современной психологической науке проблемы самосознания, самооценки человека, его внутреннего мира и переживания себя активным началом в общении с миром начинают занимать ведущее место. Вопросы осознания, самосознания, рефлексии так или иначе затрагиваются во всех наших работах. Однако некоторые из них непосредственно направлены на анализ феномена самосознания, на выявление условий осознания своего внутреннего мира. Результаты исследований базируются на практике психологической консультации семейных пар, на анализе автобиографий, дневников, мемуаров, наблюдений и самонаблюдений.

Вопреки когнитивистскому подходу к самосознанию, для которого осознание личностью ранее скрытых от нее своих особенностей лишь расширяет границы ее знаний о себе, в исследованиях лаборатории доказывалось, что самосознание обладает значительным, а иногда даже мощным мотивационным потенциалом и порождает процессы самопреобразования, развития личности, изменения ею своего жизненного пути [36]. Осознание личностью собственных способностей выступает как снятие барьера между актуальным и потенциальным в ее психологической организации. Потенции личности актуализируются, осознанные способности, если выражаться понятиями теории установки, объективируются. Личность выявляет в них новые грани и включает в свою ценностно-смысловую структуру.

На материале изучения нравственного самосознания показано, что осознание себя не может быть беспристрастным, поскольку всегда включает вопрос о ценности личности. В этой связи поставлена новая проблема адекватности самосознания. Выявлены некоторые условия, ведущие к ошибкам нравственного самосознания, к преднамеренному самообману [35, 36].

Выдвинута гипотеза о том, что в развитии нравственного самосознания существуют сензитивные периоды, которые подготавли-

ваются противоречиями в нравственном опыте личности, проблемными моральными ситуациями. Однако сами по себе моральные трудности, согласно гипотезе И.И. Чесноковой, еще не делают личность сензитивной по отношению к идущим извне попыткам оказать помощь. Результаты работ в области психологии мышления, выполненные в лаборатории, позволяют предполагать, что до тех пор, пока субъект сам не поймет сути нравственных противоречий, не поднимется на достаточно высокий уровень анализа нравственной задачи, он останется равнодушным к адресуемым ему советам и нравственным подсказкам. От степени адекватности осознания личностью своих нравственных коллизий зависит возможность их преодоления.

Несмотря на то, что степень адекватности самосознания — важнейшая характеристика личности, указывающая на уровень ее развития, методы ее определения в общей психологии разработаны очень слабо, причем в основном они касаются самооценки. В нашей лаборатории предпринята попытка создать инструмент для определения адекватности самосознания взрослых людей. Суть приема заключается в сопоставлении объективных данных о личности, полученных при помощи 16-факторного опросника Кэттела, с ее субъективными представлениями о своих особенностях. Они выявлялись посредством специально созданных самооценочных шкал, включающих те же самые черты личности, что и опросник Кэттела. Вычисление коэффициента сходства двух профилей привело к значимым и незначимым различиям между ними: в большинстве случаев обнаружилась неточность самосознания. При исследовании были найдены некоторые приемы, актуализирующие установку на осознание собственных особенностей личности и внутриличностных противоречий [18].

Обобщение результатов работы в психологической консультации, а также многочисленных материалов теоретических и эмпирических исследований позволило сформировать представление о внутреннем мире личности как находящемся в состоянии постоянного напряжения. По классическим психодинамическим, особенно психоаналитическим теориям источником такого постоянного напряжения являются борьба влечений, расогласование и амбивалентность мотивов. Однако не менее весомый вклад в дисгармонию душевной жизни, как показали исследования Е.С. Калмыковой, вносят альтернативные, противоречащие друг другу позиции и мнения, приблизительно равные по своей значимости для личности. Одним из важнейших источников формирования таких прямо противоположных друг другу установок выступает механизм идентификации человека со значимыми для него лицами.

В процессе идентификации субъект усваивает и позиции, нередко вступающие в противоречие с его собственными установками. Возникший душевный разлад может устранить лишь сама личность, сопоставляя противоречащие друг другу позиции и принимая конкретные решения. Исследования, однако, показали, что человек часто не осознает своих внутренних противоречий, но они вместе с тем вызывают у него чувство повышенной тревожности, которое распространяется на многие сферы жизнедеятельности и деструктивно влияет на его поведение. Практика консультирования свидетельствует о том, что одним из условий адекватного осознания себя и разрешения внутренних противоречий личности является ее доверительное общение с консультантом [17].

Активность личности в сфере мотивации. Особенности нравственной мотивации

Движущие силы поведения личности, возникающие в процессе ее жизни, в определенной мере складываются на уровне безотчетной душевной деятельности, часто с неадекватным осознанием. Но в своей основной части мотивация как многомерное психологическое образование «строится» личностью с помощью рефлексивных процессов. Личность вырабатывает отношение к возникающим у нее побуждениям, импульсам, влечениям, соотносит их со своими возможностями, с идущими извне требованиями и собственными представлениями о должном, с вероятностью успеха мотивированного действия. Процесс превращения побуждения в потенциальный, а затем реально действующий мотив был детально изучен в нашей лаборатории А.А. Файзулаевым [33]. Это — многоэтапный, насыщенный коллизиями процесс, включающий осознание, закрепление формирующегося мотива в ценностно-смысловой сфере личности и реализацию его в поведении.

Новейшие исследования все более подтверждают положение о том, что истоком мотивации выступают не только потребности. Любые личностные образования обладают своим мотивационным потенциалом. Углубляется и конкретизируется положение С.Л. Рубинштейна о всеобщей мотивационной значимости отражаемых явлений. Показана мотивационная валентность интегрированного представления личности о себе [35], личностной идентичности человека, выработанных субъектом стратегий поведения, формирующихся способностей [4].

Изучение закономерностей побудительной сферы личности привело к созданию В.Г. Асеевым оригинальной концепции мотивации [51]. Эта концепция построена на основе обобщения результатов

эмпирических исследований, проведенных в условиях трудовой, учебной и спортивной деятельности. Содержание концепции раскрывается в следующих теоретических положениях. Мотивация полимодальна. Она интегрирует в себе параметры желательности, необходимости, возможности реализации действий, долженствования. Только при достаточно высоком уровне побудительности и устойчивости этих параметров обеспечиваются непреодолимость стремлений, положительное отношение к деятельности и успешность ее выполнения.

Существует взаимосвязь между содержательно-смысловыми и динамическими характеристиками движущих сил поведения. Речь идет о том, что реализация тех или иных действий зависит от соотношения личностью содержательно-смысловой значимости действий со значимостью затрат, необходимых для их выполнения, и степенью готовности к ним.

Обоснованы положения о структуре мотивационной сферы субъекта, которая раскрывается через топологические понятия различных «зон» мотивации, «границ» между ними и «барьеров», возникающих на пути актуализации мотивационных возможностей личности. В ходе исследований выделены актуальная и потенциальные зоны мотивации. Потенциальные зоны содержат побуждения, заключающиеся в отдаленных целях и идеалах личности, а также в ее уже удовлетворенных желаниях и потребностях. Раскрываются приемы, способствующие расширению актуально-действенной сферы мотивации за счет «втягивания» в нее потенциальных мотивов, а также идущих извне социальных стимуляций и побуждений. Здесь в понятиях потенциального и актуального выявляется та же значимость в жизни личности «сквозных» мотивационных связей между прошлым, настоящим и будущим, которая подчеркнута в работах А.А. Кроника. Проанализирована активность личности в актуально-действенной зоне ее мотиваций. Именно в ней происходит интеграция уже сложившихся мотиваций с направленными на субъекта воздействиями и стимуляциями. Личность постоянно находится в динамике благодаря собственным потребностям, желаниям, интересам. Вместе с тем она подвергает мотивационной интерпретации условия своего поведения.

На основе изучения учебной и трудовой деятельности в работах данного направления раскрыты психологические механизмы, условия интеграции управленческих стимуляций и их включения в мотивационную сферу человека. Все они должны быть достаточно значимыми для личности, соответствовать ее ценностям, не слишком отличаться друг от друга по силе и поддерживать мотивационный эффект предыдущих стимуляций. Показано, что синтез мотивов

и стимуляций в единую систему происходит лишь в определенной зоне побуждений человека, которая получила название «интегративная зона мотиваций».

В противоположность распространенному представлению о том, что некоторая исходная система мотивов определяет весь процесс деятельности, исследования, проведенные в нашей лаборатории, показывают, что каждый последовательный момент, период и звено деятельности должны иметь свое специфическое мотивационное обеспечение. Его недостаточность снижает эффективность деятельности [28]. При организации стимулирующих воздействий должна учитываться полимодальность мотивации: важно подкреплять модальность необходимости и долженствования, раскрывать перспективы совершенствования личности, способствовать поднятию уровня ее самооценки и актуализировать потенции [8].

Новым направлением исследований лаборатории является изучение мотивационных аспектов текущего и перспективного планирования, своеобразия модальностей мотиваций, идущих из настоящего и будущего личности [32]. Показано, что деятельность, реализуемая в границах настоящего, регулируется преимущественно мотивационными модальностями необходимости (содержательно-смысловой план) и готовности к действию (динамический план). В действиях же, порождаемых отдаленными целями, преобладают содержательные характеристики высокой желательности и динамические характеристики прогнозирования значительных психологических затрат.

Изучение различных модальностей мотиваций содержательного и динамического типа проводится в рамках аналитического подхода к мотивации в мировой психологической науке, представители которого усматривают истоки напряженности внутреннего мира личности, увеличения психологического расстояния между настоящим и будущим в расхождении содержательного и динамического в ее побуждениях. Результаты работ, выполненных под руководством В.Г. Асеева, свидетельствуют о том, что часто сам человек препятствует возникновению жестких границ между настоящим и будущим; он совершает действия, которые не только подчинены актуальным целям, но и образуют этапы достижения отдаленных перспектив [32].

На основе модальностно-зональной концепции мотивации разработана теоретическая модель мотивационных резервов личности, их блокирования и путей актуализации. Дается представление об особенностях мотивационной регуляции деятельности, осуществляющейся на пределе возможностей человека. Изучение напряженных видов деятельности позволило выявить два предела (порога) возможностей субъекта. Первый — объективный (абсолютный) порог;

выход за его пределы приводит к серьезным нарушениям в психофизиологических системах организма. *Второй* — субъективный, относительный, тактический. Между этими порогами личность формирует зону, состоящую из систем охранительных механизмов, психологических барьеров, блокирующих деятельность задолго до достижения объективного порога. Выделены разные типы как содержательно-смысловых, так и функционально-динамических барьеров. Таковы содержательные барьеры сверхвысокой и чрезмерно низкой значимости требуемых действий, а также динамические барьеры, порождаемые антиципацией сильных перегрузок, несовершенством стратегий поведения, несформированностью умений. Искусство создания мотивирующих воздействий состоит в том, чтобы актуализировать реальные резервы личности, но не выйти за объективные пределы ее возможностей. Осуществить это можно при повышении или понижении значимости результата за счет привлечения новых личностных смыслов, путем формирования новых стратегий поведения, совершенствования умений. Главная задача состоит в том, чтобы были задействованы все модальности мотивационной системы, а отдельные мотивы действовали синергично, усиливая друг друга.

Изучение деятельности, реализуемой личностью у пределов мотивационных (содержательных и динамических) возможностей, открывает широкие перспективы для анализа изменения ее сознания, появления особой логики поведения, временной перестройки смысловой сферы. Так, исследование операторов в условиях длительной непрерывной деятельности показало, что по мере приближения функциональных резервов человека к объективному пределу происходит резкое сужение ценностно-смыслового поля сознания. Значимость установки на выполняемую деятельность сохраняется при блокировании всех иных личностных отношений — к другим, к себе, окружающему (Е.Д. Туманов).

Концепция зонального строения движущих сил поведения выступила теоретическим инструментом, позволившим анализировать особенности нравственной мотивации личности. Известно, что общественные нормы задаются человеку императивно, безоговорочно. Но в индивидуальном сознании они представлены совсем по-иному. Формируя свои личностные нормы, человек учитывает особенности их регуляции обществом, виды контроля за выполнением и трудности следования им.

Изучение поведения людей в ситуации учебной и трудовой деятельности показало: у личности в сфере ее нравственной мотивации выделяется несколько зон. Центральное место занимает зона лично-

стно значимых и неукоснительно выполняемых моральных норм. Рядом с ней располагается зона также значимых, но с определенным волевым усилием выполняемых предписаний. Кроме них обнаружены две зоны отступлений от нравственных норм. В первую входят незначительные нарушения, которые слабо контролируются обществом. Вторая детерминируется сверхзначимыми личностными мотивами, побуждающими человека как к аморальным, асоциальным действиям, так и к героическим поступкам [6].

Есть основания полагать, что динамика этих зон, их широта и содержание меняются в процессе морального развития, показателем которого является моральная ответственность как интегральная характеристика личности. Исследования, проведенные Т.Г. Гаевой, показали, что у лиц с высокой моральной ответственностью область строго выполняемых моральных норм весьма широка; люди творчески обогащают и дополняют нравственным содержанием свои действия. При низком же уровне моральной ответственности область нравственных нарушений весьма обширна [14].

На основе выполненных исследований разработаны рекомендации по оптимизации мотивационного потенциала личности в разных сферах деятельности.

Потребности личности и их развитие

Потребности — наиболее устойчивые побудительные структуры личности. Свою полную психологическую определенность они приобретают, становясь мотивами и реализуясь тем самым в конкретном действии или поступке. Будучи по своей природе пассивно-активными образованиями, потребности выражают себя в деятельности и общении, в рефлексии и самоанализе. В этих различных формах активности личности они изменяются и развиваются. Теоретические обобщения позволили выделить два способа развития индивидуальных потребностей — экстенсивный и интенсивный [15]. Экстенсивное развитие достигается за счет увеличения числа потребностей и формирования новых способов их удовлетворения. Интенсивное же предполагает качественные изменения в структуре потребностей на основе более гармоничных связей между ними, взаимных стимуляций, возрастания их духовного потенциала и конкретизации в более социально значимых и нравственно высоких целях. Широко распространенная стратегия нравственного воспитания личности, направленная на формирование различных потребностей в личности, — в добре, справедливости, правде, сострадании к людям, — остается в рамках экстенсивного развития потребностей.

ной сферы. Стратегия, направленная на интенсивное развитие, предполагает ориентацию всей мотивационно-потребностной системы личности на определенные мировоззренческие позиции и принципы высокой нравственности. Иными словами, нравственность должна стать системообразующим качеством (основанием) всей сферы индивидуальных потребностей. С этой точки зрения может быть понята та остановка в движении потребностей вверх по иерархической лестнице, которую не мог объяснить А. Маслоу. Как известно, согласно его теории, удовлетворение каждой из нижележащих потребностей вызывает актуализацию вышележащих. Разделив их все на мотивы нужды и мотивы роста (самоактуализации, истины, добра, красоты), он выдвинул предположение, что полное удовлетворение первой группы потребностей должно привести к личностному росту человека на основе высших гуманных потребностей. Наблюдения, однако, не подтвердили этого предположения, о чем с грустью поведал сам психолог-гуманист. Из концепции интенсивного развития следует, что воспитываться должна одновременно вся система потребностей, так, чтобы высшие нравственные потребности входили в содержание мотивов безопасности, уважения, принадлежности. Теория автоматической актуализации вышележащих потребностей по мере удовлетворения низших исключает активность личности в сфере мотивационно-потребностного самоопределения. А между тем личность на любом этапе своего становления в конечном счете сама строит систему своих потребностей. Конечно, диапазон нравственной мотивации, свободного выбора и самоограничения в сфере личного потребления задан конкретно-историческими представлениями об аскетизме и пресыщенности как о противоположных нравственно-психологических типах потребностного поведения личности. Но именно личность совершает свой выбор в этом широком пространстве. Искусство воспитания, по мнению И.А. Джидарьян, состоит не только в том, чтобы сделать выбор в пользу нравственного содержания потребностей, но и в том, чтобы психологически подготовить субъекта к трудностям реализации поведения, регулируемого высшими потребностями. Недостаточное волевое развитие личности блокирует ее стремление к справедливости, истине, добру, порождает расхождение нравственных установок в сфере сознания и поведения. В результате социально-психологическое развитие личности деформируется, снижается нравственный потенциал всей системы потребностей. Его сохранение и развитие требуют высокой критичности мысли, способности к самоконтролю, силы нравственных чувств, стойкости жизненных позиций [15].

Мышление, напряженная умственная работа — важнейшее психологическое основание жизни личности в мире, каждый момент которого никогда не повторяется. Проблемные ситуации, порождаемые рассогласованием между ожидаемым и происшедшим, желаемым и достигнутым, целями и средствами, инициируют процесс мышления, который с начала и до конца опосредствован ценностями личности, ее субъективными отношениями к возникшей задаче и к себе, характерологическими особенностями, мотивациями и эмоциями. В таком личностном аспекте мышление очень мало исследовано.

В зарубежных работах, нацеленных на анализ мышления как текучего непрерывного процесса, психологи улавливают лишь движение определенного когнитивного содержания. Исследования сотрудников нашей лаборатории показывают, однако, что мышление как процесс никак не сводится к спонтанному порождению одного мысленного содержания другим. За движением образов, мыслей, идей находится не только сознательная, но и особая безотчетная психическая активность субъекта, включающая процессы анализа и синтеза проблемных условий, интеллектуально-волевые усилия личности по выявлению нового содержания в объекте мышления. Мышление предстает как континуально-генетический процесс [11, 23]: каждая его стадия, этап вырастают из предшествующих, обеспечивая развитие и мыслимого содержания, и мыслящего субъекта. Включаясь в решение своих задач, личность вычерпывает новое содержание в ее условиях и тем самым опосредствованно воздействует на себя. В процессе мышления у нее появляются новые мотивации и интеллектуальные чувства, возникает иное отношение к решаемой задаче. В исследованиях этого направления, выполненных под руководством А.В. Брушлинского, раскрыта динамика неспецифической и специфической мотивации субъекта в ходе решения задач. Происходит не только спад и подъем мотивации в процессе мышления, но и формирование новых познавательных мотивов. Условиями их порождения выступают переформулирования задач, а также выявление новых свойств объекта, оцениваемых как значимые для продвижения решения. Вновь формирующаяся мотивация обеспечивает новые повороты мысли, открывает доступ к ее потенциальному, латентному содержанию и делает субъекта чувствительным к «подсказкам», содержащимся в ранее решенных задачах [12].

Обнаружено также, что на мотивацию значительно влияют отношение личности к себе, самооценка и связанный с ней уровень тревожности.

В ходе решения задач по мере повышения познавательной мотивации и накопления опыта выдвижения подтверждаемых прогнозов у большинства людей самооценка меняется, она становится более адекватной, изменяется и уровень тревожности, а вместе с тем оптимизируются стратегии решения задач [27].

Этот факт изменения относительно устойчивых особенностей личности, наблюдающийся не в лонгитуде, а в достаточно коротких временных рамках экспериментов, обнаружился и в других исследованиях.

Изучалась взаимосвязь когнитивного стиля личности (полезависимости — полнезависимости) и процесса мышления [30]. Результаты оказались парадоксальными. Стилиевые особенности личности у одного и того же человека меняются на прямо противоположные в ходе решения задачи. Проявления того или иного стиля (полезависимости — полнезависимости) обусловлены степенью продвинутости анализа задачи. То есть данный когнитивный стиль не определяет однозначно особенности мышления человека. Полученные результаты могут быть по-разному интерпретированы. Возможно, полезависимость — полнезависимость вообще не связана с чувствительностью к извне идущим «подсказкам». Такое объяснение, однако, расходится с данными исследований, подтверждающими, что полнезависимость связана с детальным анализом действительности (reality monitoring). В.В. Селиванов дает другое объяснение. В психологической организации личности значительное место занимают структуры, потенциально содержащие полярные характеристики. В проблемных условиях может произойти перецентрация этих структур, и психологическое лицо человека окажется изменившимся. Это объяснение формулируется как гипотеза, которая требует проверки.

Новые данные о личностных аспектах мышления как процесса были получены при изучении решения нравственных задач [31, 32]. Выступая в виде нравственных дилемм, эти задачи не имеют однозначного ответа, субъект сам должен выработать критерий решения, опираясь на свои мировоззренческие позиции и моральные ценности. Человек конструирует свое решение сам, а не выбирает ответ среди готовых альтернатив. Здесь обнаружилась та же закономерность, что и в ситуации жизненных выборов: альтернативы являются скорее «подсказкой», которая используется (или не используется) субъектом в зависимости от особенностей осмысливания им проблемной ситуации.

Мыслительный процесс — в силу диалогичности (или полилогичности) сознания человека — всегда включает моменты обращения

к воображаемому собеседнику, рефлексии, аутокоммуникации. Этот факт стал исходным пунктом двух новых направлений исследований. Первое касается исследования стадий формирования рефлексии на разных уровнях возрастного развития (у взрослых и детей). Обнаружена определенная последовательность стадий формирования рефлексии в ходе мышления как процесса (Н.И. Бетчук). Второе направление — это изучение мышления в условиях диалога, в ситуации совместного решения задач [13].

Выделены различные формы субъект-субъектных отношений, принимающих иногда напряженный характер в процессе решения мыслительной задачи. Показаны условия выдвижения и смены лидера, возникновения кооперации и индивидуализации решения. Обнаружено мотивационное значение предлагаемых партнерами прогнозов для продолжения совместных поисков решения. Выявлен феномен специфической диалогической рефлексии — повторный анализ своего мышления участником диалога при неприятии позиции партнера по совместному решению задачи. Основным выводом этого цикла исследований таков: в процессе совместной познавательной деятельности субъект-объектные отношения доминируют над субъект-субъектными и подчиняют их себе. В связи с этим перед психологами возникают новые проблемы: в каких случаях при решении значимых задач субъект-субъектные отношения начинают господствовать над субъект-объектными, препятствуя продвижению решения? Как предотвратить появление феномена «симуляции несогласия с новым лидером» (В.А. Поликарпов), тормозящего процесс решения? Каким образом личность в ходе индивидуального решения задач подчиняет самосубъектные отношения ведущему гносеологическому субъект-объектному отношению?

Развитие личности как высшая форма ее динамики

Реализуемый в наших исследованиях процессуально-динамический подход к личности вбирает в себя разные грани исторически сложившихся традиций изучения ее жизни в становлении и изменении. Однако текучесть «Я», движение сознания и «подпочвенных» (В. Дильтей) психических процессов мы анализируем в координатах конкретной реальной личности, создающей свой уникальный жизненный путь через овладение обстоятельствами, контроль над собой и усилие утвердить свою необходимость в конкретно-историческом мире. Содержательность, масштабность, историческая значимость личности зависят от меры ее собственной активности и степени креативного отношения к жизни.

Сформированность личности как субъекта жизни в значительной степени определяет качество ее развития — важнейшей формы динамики личности. Изучению закономерностей развития разных сторон личности были посвящены две наши книги [25, 26]. Новый замысел касался анализа развития личности с привлечением содержания диалектических категорий, позволяющих вскрыть взаимосвязи изменчивого и устойчивого, потенциального и актуального в личности, выявить некоторые общие механизмы развития, раскрыть соотношение микро- и макроразвития.

Развитие личности в своем результативном выражении выступает как ее качественное преобразование, оно связано с повышением уровня организации, с возрастанием способности осуществлять себя в более сложной системе жизненных отношений и воспринимать по-новому мир: более структурированным, интегрированным и содержательным. Расширяются горизонты сознания, возрастает уровень самосознания. Совершенствуется искусство жить. Личность становится более автономной по отношению к включающим ее социальным структурам. Вместе с тем процесс личностного развития психологически драматичен. Он требует от личности мужества, чтобы подняться над собой, признать свою несостоятельность в определенных отношениях, обесценить ранее достигнутое, понизить или даже зачеркнуть значимость того, что недавно высоко ценилось. Процесс развития включает накопление новых возможностей, появление разнопорядковых новообразований в мотивационно-потребностной и познавательной сферах личности. Но одновременно — по мере вхождения человека в новые жизненные отношения — у него происходят психологические утраты прежних чувств, привязанностей, идеалов. Для того чтобы справиться с имманентными развитию дистрессами и использовать преимущества развивающих эустрессов, от человека требуется высокий уровень психической активности. При разработке категорий активности в психологии И.А. Джидарьян [16] раскрыла тесную связь активности личности с явлениями саморегуляции субъектом своих психических процессов, состояний и свойств, с преобладанием внутренней детерминации над внешней в процессе психического развития. Следует отметить, что уровень напряженности психической (в частности, познавательной) активности, который в большой степени зависит от темпераментальных характеристик человека, формируется, а не просто актуализируется в процессе жизни: происходит становление потребности в активности, развивается способность к ней.

Психическая активность — условие возникновения новообразований, изменений, преобразований. В то же время она — меха-

низм сохранения самоидентичности личности, расширения, углубления и обогащения преемственности, субстанциональной основы развития. В психологии еще не анализировалась структура общей способности личности к развитию, но имеющиеся работы позволяют выделить по меньшей мере три входящие в нее частные способности. *Первая* — способность удерживать, сохранять все позитивное содержание своей истории, аккумулировать результаты развития. *Вторая* — способность актуализировать потенциальное содержание своего сознания, включать его в актуальные связи, обладать сензитивностью к непреднамеренным, случайным, стихийно возникшим результатам прошлой деятельности. *Третья* — способность создавать нечто новое и в мире, и в себе, расширяя при этом сферу потенциального.

Исследование личности и ее жизни в категориях возможности и действительности, потенциального и актуального позволяет вычленить важное звено в процессе личностного развития [4]. Потенциальное неоднородно и многослойно. Оно включает не только частные структуры (задатки, неактуальный опыт, малозначимые побуждения, функциональные возможности), но и сложные интегративные образования. Мы выдвигаем гипотезу, что в потенциальной сфере субъекта существуют личности, незавершенные в своем развитии, слабоструктурированные. Эти «личности в потенции» отличны по своей индивидуальности от породившей их актуальной личности. Несостоявшиеся «личности» в определенных условиях способны актуализироваться, достраиваться и приводить к перестройке мироощущения человека, его чувства, самосознание, жизненные установки.

Преобразование потенциального в актуальное, в действительное — важный этап в процессе развития личности.

Привлечение философских категорий формы и содержания позволяет в обобщенном виде раскрыть напряженность и внутреннюю противоречивость процессов развития [7]. В философии под формой объекта понимаются его устойчивые характеристики, которые направляют и стимулируют развертывание изменчивого содержания. В психологическом плане устойчивыми характеристиками личности, ее «формой» могут быть сознательно-волевые установки, жизненные планы, позиции по отношению к себе и к миру. По логике этой формы осуществляется многоплановое взаимодействие человека с действительностью. Но порождаемые этим взаимодействием результаты несравненно богаче запланированных, они ведут к появлению многокачественных новообразований в «содержательных», изменчивых процессах. Содержание начинает

выходить из-под контроля «формы». В этом и заключается один из драматических моментов развития, ибо личность отождествляет себя со своей «формой», противится ее деструкции и у пределов ее действия строит, по выражению В.Г. Асеева, пограничную или «буферную» зону, механизмы которой нейтрализуют или блокируют значимость изменений в пространстве «содержания». Преодолеть эти барьеры могут лишь интегративные психологические новообразования — результаты механизмов макроразвития. Их мотивационный потенциал превышает значимость прежних установок и позиций личности. На материале развития мышления в его связи с личностью Д.Н. Завалишина выделила три психологических механизма макроразвития [3]. *Первый* — порождающее взаимодействие субъектно-личностного и интеллектуального уровней душевной жизни человека: достижения когнитивного уровня ведут к возникновению новых потребностей, мотивов, стремлений, к повышению уровня самосознания и изменению общей картины мира. *Второй* — операциональная интеграция, структурирование вновь приобретенных и существовавших ранее разноуровневых психологических технологий. *Третий* — расширение и обогащение когнитивного обеспечения взаимоотношения личности с миром, образование интегративных структур жизненного опыта. Это — существенные механизмы формирования фрагментов новых устойчивых характеристик личности, ее новой «формы».

Обобщая результаты исследований, можно сделать следующие выводы. Значительные изменения реальных отношений с миром способствуют переходу личности на новый уровень бытия при условии ее сензитивности, высокой чувствительности к возможностям, заключающимся в новых для нее условиях, к запланированным и непреднамеренным результатам своей активности, к аккумулятивному опыту своего жизненного пути. Условиями поступательного развития личности являются ее рефлексивное отношение к себе, способность творчески относиться к прошлому и настоящему, соединять их с будущим сквозными динамическими тенденциями. Реальный жизненный путь личности — лишь частичная реализация ее возможностей. Личность масштабнее, значительнее, богаче своих дел и судьбы. Преодолевая противоречие развития между преемственностью и безотносительностью к заранее установленному масштабу, человек поднимается над своим исходным бытием и преобразует его в одно из условий конструирования новых путей жизни.

Литература

1. *Абульханова-Славская К. Л.* Стратегия жизни. М.: Мысль, 1991.
2. *Анцыферова Л. И.* Личность с позиций динамического подхода // Психология личности в социалистическом обществе: личность и ее жизненный путь. М.: Наука, 1990. С. 7 – 17.
3. *Анцыферова Л. И., Завалишина Д. Н., Рыбалко Е. Ф.* Категория развития в психологии // Категории материалистической диалектики в психологии. М.: Наука, 1988. С. 22 – 55.
4. *Артемьева Т. И.* Категории возможности и действительности в психологии личности // Категории материалистической диалектики в психологии. М.: Наука, 1988. С. 89 – 119.
5. *Асеев В. Г.* Структура мотивации поведения // Мотивационная регуляция деятельности и поведения личности: Темат. сб. науч. работ. М.: ИП АН, 1988. С. 5 – 8.
6. *Асеев В. Г.* Мотивационные механизмы нравственного поведения личности // Социально-психологическое и нравственное развитие личности. М.: ИП АН, 1988.
7. *Асеев В. Г.* Категория формы и содержания в психологии // Категории материалистической диалектики в психологии. М.: Наука. 1988. С. 138 – 153.
8. *Асеев В. Г., Шахова А. Н.* Психологические условия интеграции воздействий в производственном коллективе // Социально-психологические проблемы бригадной формы организации труда. М.: ИП АН, 1987.
9. *Ахмеров Р. А.* Организация биографического тренинга в условиях психологической консультации // Конструктивная психология — новое направление развития психологической науки и практики. Тез. докл. и сообщ. на 1-й научно-практической конференции, 4—6 июня 1989. Красноярск, 1989. С. 29—33.
10. *Бергсон А.* Введение в метафизику // Собр. соч. СПб., 1914. Т. 5.
11. *Брушлинский А. В.* Психология и проблема непрерывности развития // Диалектика в науках о природе и человеке. Эволюция материи и ее структурные уровни. М., 1983.
12. *Брушлинский А. В.* О взаимосвязи мотивационного и процессуального аспектов мышления // Мотивационная регуляция деятельности и поведения личности. М., 1988.
13. *Брушлинский А. В., Поликарпов В. А.* Мышление и общение. Минск, 1990.
14. *Гаевая Т. Г.* Моральная ответственность как качество личности: Дис. ... канд. психол. наук. М., 1984.
15. *Джидарьян И. А.* Влияние нравственной мотивации на развитие и формирование потребностей личности // Мотивационная регуляция деятельности и поведения личности. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 1988. С. 26 – 30.
16. *Джидарьян И. А.* Категория активности и ее место в системе психологического знания // Категории материалистической диалектики в психологии. М.: Наука, 1988.

17. *Калмыкова Е. С.* Внутрличностные противоречия и условия их разрешения: Дис. ... канд. психол. наук. М., 1986.
18. *Калмыкова Е. С.* Эмпирическая оценка адекватности самосознания // Психологические исследования социального поведения личности. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 1991. С. 138 – 150.
19. *Кравченко Л. С.* Жизненный выбор личности (психологический анализ): Дисс. ... канд. психол. наук. М., 1988.
20. *Кроник А. А.* Психовозрастная коррекция и биографический тренинг // Актуальные вопросы психологии личности: Сб. науч. тр. советских и болгарских психологов. М.: ИП РАН, 1988.
21. *Кроник А. А., Ахмеров Р. А.* Мотивационная недостаточность как критерий деформации картины жизненного пути // Мотивационная регуляция деятельности и поведения личности. М.: ИП АН, 1988. С. 136 – 140.
22. *Кроник А., Кроник Е.* В главных ролях: Вы, Мы, Он, Ты, Я. Психология значимых отношений. М.: Мысль, 1989.
23. Мышление: процесс, деятельность, общение. М., 1982.
24. *Перетягько Л. Г.* Профессиональное призвание личности (психолого-биографический аспект): Дисс. ... канд. психол. наук. М., 1991.
25. Принцип развития в психологии. М.: Наука, 1978.
26. Психология формирования и развития личности. М.: Наука, 1981.
27. *Радченко С. В.* Влияние самооценки на формирование познавательной мотивации в процессе решения мыслительных задач // Мотивационная регуляция деятельности и поведения личности. М.: ИП РАН, 1988. С. 148 – 152.
28. *Рубинштейн С. Л.* Основы общей психологии. М., 1946.
29. *Рябинкина А. Я.* Психологические условия интеграции управленческих воздействий: Дисс. ... канд. психол. наук. М., 1988.
30. *Селиванов В. В.* Взаимосвязь когнитивного стиля и процессуальных характеристик мышления: Дисс. ... канд. психол. наук. М., 1988.
31. *Сластенина Л. В.* О психологических механизмах морального выбора // Психологические исследования социального развития личности. М.: ИП РАН, 1991. С. 92 – 107.
32. *Темнова Л. В.* Специфика мыслительного процесса решения нравственных задач: Дисс. ... канд. психол. наук. М., 1991.
33. *Улитова Е. С.* Мотивационный анализ поведения личности во времени: Дисс. ... канд. психол. наук. М., 1988.
34. *Файзуллаев Л. А.* Мотивационная саморегуляция личности. Ташкент: Фан, 1987.
35. *Харламенкова Н. Е.* Процесс целеполагания и жизненный путь личности // Психологические исследования социального развития личности. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 1991. С. 151 – 167.
36. *Чеснокова И. И.* К вопросу о единстве самосознания и мотивационной сферы личности // Мотивационная регуляция деятельности и поведения личности. М.: ИП АН, 1988. С. 73 – 77.

37. *Чеснокова И. И.* Самосознание, саморегуляция, самодетерминация личности // Проблемы психологии личности: Советско-финский симпозиум. М.: Наука, 1982. С. 121 – 126.
38. *Howe M. J. A.* Biographic evidence and the development of outstanding individuals // *American Psychologist*. 1982. V. 37. P. 1071 – 1081.
39. *Pervin L. A.* The status and flow of behavior: Toward a theory of goals // *Personality: Current Theory and Research* /Ed. M. M. Page. Lincoln: Univ. Nebraska Press, 1983.
40. *Singer J. L., Kolligian J.* Personality: Developments in the Study of Private Experience // *Ann. Rev. Psychol.* 1987. V. 38. P. 533 – 574.
41. *The stream of consciousness* / Eds. K. S. Pope, J. L. Singer. N. Y.: Plenum, 1978.

4

ГЛАВА

ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ УЧЕНИЕ О ЧЕЛОВЕКЕ: ТЕОРИЯ Б.Г. АНАНЬЕВА, ЗАРУБЕЖНЫЕ КОНЦЕПЦИИ, АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ

О научном творчестве Б.Г. Ананьева написано немало работ [15, 16, 19, 20]. Поэтому при анализе его взглядов неизбежны повторения. Но рассмотрение их с нетрадиционных позиций позволяет дать им несколько другую интерпретацию.

Б.Г. Ананьев — создатель особого направления в отечественной психологии, которое соответствует тенденциям развития мировой психологической мысли. Дальнейшее развитие этого направления предполагает четкое определение его основной идеи и вместе с тем выявление проблемности и дискуссионности ряда положений.

Анализ работ ученого убеждает в том, что его концепция оказалась незавершенной в своей очень значимой части. Незавершенность — характерная черта большинства психологических теорий, но Ананьев только начал возводить некоторые из верхних этажей своей теоретической конструкции. Недаром он пишет «о подступах к теории индивидуальности» и начинает выходить за пределы исследований конкретно-исторического жизненного пути в более широкие и открытые пространства человеческой жизни. Но тут творческая мысль ученого трагически обрывается. Конечно, нельзя не отметить и тот факт, что социально-исторические условия, в которых осуществлялась научная деятельность Ананьева, наложила определенные ограничения на решение им тех или иных вопросов. Некоторые из ограничений он сумел преодолеть.

Своеобразие концепции Ананьева отчетливее выступает при ее сравнении с персонологическими системами, существующими в ми-

ровой психологической науке. Однако не эти линии анализа являются главными. Основная наша задача — эксплицировать тот фундаментальный вклад, который был внесен Ананьевым в отечественную психологию, а именно: он впервые в нашей науке создал теоретико-экспериментальное *психологическое* учение о человеке. Он ввел категорию «человек» в систему психологических понятий, включил человека в предмет психологии. В статьях, написанных о нем, представлены и развиты важные аспекты проблем психофизиологических функций индивида, психических процессов, личности, субъекта деятельности, жизненного пути человека и его развития. Но все эти изыскания подчинены одному — изучению человека во всей его целостности, образуемой многообразием способов бытия, — соматическо-органического, нейродинамического, психофизиологического, психологического, субъектно-деятельностного, личностного, уникально-индивидуального. Данные способы бытия исследованы в динамике, в развитии, в жизненных связях друг с другом.

В большинстве зарубежных психологических концепций, известных у нас «теориями личности», категория личности встречается не часто, в основном используется термин «человек». И это понятно, поскольку эти теории построены на основе психотерапевтической практики. К психотерапевту же приходит человек во всей полноте своих жизненных проявлений, с нарушенной психомоторикой, нейровегетативными симптомами и т.п. Но жалуется он на нарушенные отношения с близкими, трудные жизненные проблемы. Для психотерапевта нарушения вегетатики и психофизиологических процессов — лишь симптомы невроза. Его задача — устранить причину симптомов, психофизические основания здорового человека его не интересуют.

В нашей же стране психотерапия не получила надлежащего развития. А традиции комплексного изучения человека не только в патологии, но и в норме были заложены еще в 20-е годы в Ленинградском психоневрологическом институте. Там В.М. Бехтерев и Н.М. Щелованов организовали клинику — лабораторию раннего детства. В ней был разработан и применен, как пишет Ананьев, комплексный метод длительного изучения одних и тех же детей на протяжении всего периода раннего детства. Уже в 1928 г. были опубликованы результаты исследований [10]. В этом же году Н.Н. Рыбников впервые высказал идеи о необходимости создания возрастной психологии — периоде зрелости или взрослости. Новую дисциплину он предложил назвать «акмеологией».

На теоретико-экспериментальную разработку Ананьевым фундаментального положения о воздействии общественно-историческо-

го процесса не только на личностные особенности человека, но и на его индивидуальные-организмические характеристики оказали влияние работы П.Ф. Лесгафта, который, как подчеркивает Ананьев, обнаружил существенную зависимость изменения структуры и динамики человеческого организма от экономических условий и процесса труда. Обобщая позиции Лесгафта, он пишет, что человек всегда выступает как целостный организм и общественный индивид одновременно. Истоками учения Ананьева о жизненном пути человека и последовательном возникновении в процессе жизни разных свойств характера послужили исследования, проведенные группой ученых Ленинграда в 1932—1936 гг. К несчастью, рукописи, в которых были представлены результаты таких уникальных исследований, по словам Бориса Герасимовича, погибли при блокаде Ленинграда. Увидели свет лишь две книги Ананьева «Психология педагогической оценки» (1935) и «Воспитание характера школьника» (1941).

Анализируя состояние мировой психологической науки, Ананьев высказывает неудовлетворенность тем, что возникающие в XX столетии новые направления не руководствуются принципом целостности человека и исследуют разные его уровни вне связи их друг с другом. Так, онтогенетика человека, изучающая его как индивида, ведет исследования параллельно персоналистике, анализирующей человека как личность. В то же время в зарубежной психологии появляются теории, создатели которых стремятся изучить в динамике и единстве разные «системы» человека. В Венском психологическом институте Ш. Бюлер, начав сначала разрабатывать проблему интеллектуального развития детей, затем приступила к выполнению грандиозного замысла — изучению развития человека на протяжении всей его жизни. В 1933 г. вышла ее широко известная книга «Течение человеческой жизни как психологическая проблема» [23]. В ней Бюлер выделяет три аспекта изучения жизненного цикла человека — биологобиографический; историю переживаний и изменения внутреннего мира; историю творчества как объективации сознания. Однако эволюцию многоплановой жизни человека она рассматривает изолированно от преобразования общественно-исторических условий и не раскрывает отношений между фазами разных направлений развития человека, что и отмечает Ананьев.

На рубеже 30-х годов в Париже начали публиковаться лекции П. Жанэ, посвященные разным стадиям развития личности. Его анализ начинается с «телесной личности», на основе которой постепенно происходит формирование личности как общественно-истори-

ческого феномена. Историко-эволюционный подход Жанэ к личности, включающий в процесс ее становления ступени психофизиологического порядка, импонирует Ананьеву. Определяя 30-е годы как период самоопределения советской психологии, он обращает внимание на концепцию Л.С. Выготского и опирается на его положение о наличии двух рядов развития человека — «натурального» и «культурного». Для Ананьева натуральный ряд — это процесс созревания, роста человека как индивида (целостного организма). При этом в натуральном ряду он выделяет две его составляющих, отличающихся друг от друга по критерию разной подверженности социальным воздействиям. Так, развитие интеллектуальных процессов всегда опосредовано конкретными средовыми условиями и воспитанием. И только элементарные психические функции (натуральный ритм, личный темп, непосредственное запечатление и т. д.) обусловлены генетически. Однако быстрое сплетение этих составляющих позволяет говорить, по словам Ананьева, о полифакторном обуславливании онтогенетической эволюции человека.

В обозначенном выше научном контексте Ананьев и начинает вводить в предмет психологии человека во всей его целостности. Однако следует сразу сказать, что характерный для Ананьева способ включения категории «человек» в систему психологических понятий имеет существенные ограничения. Этот способ необходим, но недостаточен для полного раскрытия масштабности существования человека в мире. Методологические основания более широкого подхода будут обозначены в заключении как перспективы разработки категории «человек» в психологии.

Итак, в теории Ананьева человек исследуется как полисистемное образование, в котором ученый выделяет разные ипостаси. Первая из них определяется как индивид или целостный организм. Индивидуальные свойства человека выступают в виде сложнейшей совокупности различных — первичных и вторичных свойств. К первичным относятся соматические, нейродинамические, конституциональные, половые характеристики. Возникающие между ними в процессе жизни связи ведут к появлению вторичных индивидуальных свойств — сенсомоторной организации, темперамента, структуры органических потребностей, а также задатков. Проследивая их дальнейшую интеграцию, Ананьев приходит к выводу о том, что темперамент и структура органических потребностей образует природные основания характера и мотивации поведения человека [5, с. 82]. Есть, однако, основания сомневаться в том, что простые органические потребности могут стать источником высших духовных, нравственных, эстетических потребностей и мотивов личности. Не логичнее ли

полагать, что в «природном ряду» человека существуют праформы его высших стремлений, проявляющиеся у входящего в жизнь человека как его тяготение к ласке, нежности, любви. Между тем наша отечественная психология (в том числе детская) главное внимание уделяла познавательной сфере человека. Лишь в самых поздних работах А.В. Запорожца и Я.З. Неверович проблема эмоций у детей получила определенное развитие. Психическая жизнь человека интеллектуализируется и до сих пор. Неудивительно, что преимущественное внимание к интеллектуальным процессам характеризует и теоретико-эмпирические исследования школы Ананьева. Изучение путей развития эмоций, аффектов, чувств человека позволяет выявить новые корреляционные связи в структуре индивидуальных свойств и раскрыть их влияние на становление других форм существования человека.

Выделяя в целостности человека уровень его существования как индивида, Ананьев называет линию его развития *онтогенетической эволюцией*. В психологии под онтогенезом часто понимают лишь ранний период жизни человека. Ананьев отказался от этой традиции: линия онтогенеза пронизывает всю жизнь человека. Исследователь должен изучать и ранний, и поздний онтогенез [5, с. 103], а также связи между ними. С онтогенезом связана возрастная и половая эволюция человека.

Уже на уровне индивидуально-онтогенетической эволюции проявляются основные закономерности всех путей человеческой жизни: фазность, стадийность, цикличность, периодичность, гетерохронность, разновременность появления определенных процессов («декалаж», по Пиаже), единство эволюции и инволюции и т.д. Все эти закономерности характеризуют движение человека и в новой плоскости его бытия — в качестве личности. Согласно Ананьеву, в становлении и развитии личности решающую роль играют общественные отношения: экономические, политические, правовые, национальные, расовые, классовые, профессиональные и др. Совокупность этих отношений выступает для личности как система социальных ожиданий, требований, предписаний, ограничений, но также как поле возможностей и альтернатив.

Рассмотрение личности как производной от системы социальных отношений выдвигает на первый план фундаментальную проблему «личность и общество», включающую вопрос о том, представляет ли личность основной и исходный элемент общества, его самостоятельную единицу или она поглощается иными социальными образованиями. Решение Ананьевым этой проблемы отражает распространенную в прошлые времена идеологию, принижающую роль отдельной лич-

ности в социальной системе. Он пишет: «...личность как общественный индивид не есть отдельная (саморегулирующаяся) система, не есть единичный элемент общества, из совокупности которых строится и с помощью которых функционирует общество. Такой структурной единицей, «элементом» общества является не отдельный человеческий индивид с его отношениями к обществу, а группа, взаимозависимые связи которой внутри нее и между другими группами, с обществом в целом создают коллектив» [5, с. 295]. Можно предположить: подобная позиция Ананьева объясняется распространенным представлением о том, что общественные отношения резко отделены от межличностных. Поэтому Ананьев и утверждает: «Именно общности, а не отдельные личности являются субъектами общественных отношений» [5, с. 28]. Конечно, общественные отношения имеют высокую степень обобщенности. Они кристаллизованы в социальных институтах, в законах и установлениях общества. Но реализуются они *в межличностных отношениях*, в поступках отдельных людей, субъективирующих социальные связи и запечатлевающих в них свою неповторимую личность. Именно в «общественном индивиде», в саморегулирующейся личности создаются истоки новых общественных отношений, радикальных преобразований общества. Конечно, осуществление новых идей зависит от того, насколько глубоко они будут присвоены определенными общностями и станут мотивами их поведения.

Одной из главных тенденций развития отечественной психологии, ярко выраженной в ряде серьезных теоретических разработок, является акцент на значимость возрастающей индивидуализации для дальнейшей эволюции общества, вариативности основных элементов общественной системы — индивида, личности. Разрабатывая эволюционно-исторический подход к личности, А.Г. Асмолов весьма обоснованно доказывает, что именно «проявления индивидуальности личности преимущественно отражают эволюцию системы к изменению и, будучи преадаптивными по своему эволюционному смыслу, обеспечивают потенциальные возможности новых вариантов дальнейшей эволюции данной социальной системы» [9, с. 23]. Утверждение уникального места личности в обществе содержится и в концепции, постулирующей наличие двух способов существования социального — в форме общества и в форме индивидуального бытия конкретного человека [1]. Специфическая социальность индивида в широком смысле слова действительно является неисчерпаемым источником инноваций, радикальных преобразований общества. Тем самым отнюдь не преуменьшается значение общностей, различных социальных групп. В условиях совместной деятельности и общения происхо-

дит встреча людей, обладающих неповторимым жизненным опытом и оригинальным сочетанием личностных свойств. Эти встречи усиливают уникальность каждого, но, конечно, способствуют и накоплению общего фонда ценностей.

Говоря о дискуссионности положений Ананьева, принижающих значимость отдельного автономного человека, индивидуальной формы бытия социального в жизни общества, отметим, что эти положения расходятся с выводами ученого о важной роли активности личности в преобразовании общественных отношений, с его определением личности как субъекта (и объекта) исторического процесса. Именно с этих позиций разрабатывает Ананьев проблему строения и социального функционирования личности. Но прежде обратимся к представлениям ученого о развитии личности, которые также требуют обсуждения.

Согласно Ананьеву, личность начинает развиваться позже, чем индивид, — на рубеже 3-х летнего возраста. В этом пункте его взгляды расходятся с позицией Э. Эриксона, который к периоду младенчества, завершающегося первым годом жизни ребенка, относит формирование самого фундаментального, исходного личностного новообразования человека — его доверительного или недоверчивого отношения к социальному миру и к самому себе. Положение Эриксона подтверждается эмпирическими исследованиями и обосновывается теоретиками, работающими независимо от него [6]. Основания для подтверждения более раннего начала личности можно найти в работах М.И. Лисиной, которая обнаружила феномен самосознания — явно личностную характеристику — у детей уже на первом году жизни. Этапность развития личности Ананьев связывает прежде всего со сменой ее статусов и ролей, т.е. общественных функций. Определяемые ими права и обязанности, включение в общественные отношения обуславливают формирование у развивающегося человека различных социальных качеств, интегрирующих многообразие психических процессов и вносящих свой вклад в структуру личности. Представления Ананьева о структуре личности строятся на основе двух главных положений: 1) структура личности постепенно складывается в процессе ее социального развития и в своей полностью развитой форме является продуктом всего жизненного пути человека; 2) интраиндивидуальное строение личности тесно связано с интериндивидуальной структурой того социального целого, к которому принадлежит человек. В соответствии с принципом перехода «интер» и «интра» Ананьев многократно подчеркивает конкретно-историческую сущность личности. Она является продуктом своей эпохи и жизни страны [5, с. 276 — 277]. Исходя из этого положения,

Ананьев и считает основополагающими элементами ее структуры статусы (или положение в обществе), определяемый ими образ жизни, а также исполняемые роли. Кроме того, в личностной организации ученый вычленяет субъективные, сознательные отношения личности к обществу, к миру и себе, взаимопроникающие смыслы и значения, мотивы, нравственные установки. С нашей точки зрения, есть основания полагать, что многообразные «образующие» личности относятся к разным ее структурам и даже к разным уровням развития человека. Статусы и роли — компоненты социологической ее организации, а в психологическом плане они образуют те уровни или части личности, которые П. Жанэ назвал «персонажем», а К. Юнг — «персоной», т.е. той стороной личности, которую человек демонстрирует обществу.

Если личность воспринимает себя лишь в узких рамках статуса и ролей и ведет жизнь только в их границах, то она обедняет возможности своего развития. Утрата положения в обществе, привычных ролей нередко приводит к деперсонализации человека, к потере чувства самождественности. Человек должен быть готовым к изменению места в социуме, овладению новыми ролями. К счастью, у многих людей существует потребность хотя бы временно погружаться в такие жизненные ситуации, в которых их общественное положение утрачивает всякое значение. Вспомним поведение ряда героев из кинофильма «Особенности национальной охоты», образ жизни в группах альпинистов и т.д. У участников подобных групп меняется структура сознания, самооценка, личность выступает новыми гранями. Пространство жизни расширяется. Вместе с тем нельзя недооценивать значимость социальных требований для развития у личности самоопределения, присвоения себе определенных статусов и ролей. В процессе социальной ориентации человек опробует свои возможности, соизмеряет тенденции и потенции, ищет ответ на вопрос «Кто я?». Разрабатывая учение о кризисе идентичности в эпоху юности, Э. Эриксон показывает, с какими трудностями сталкивается человек в преддверии самостоятельной жизни. Преодоление диффузности ролей — важнейшее условие перехода личности на новую стадию развития. Ананьев существенным образом дополняет характеристику периода ориентировки юного поколения в общественном мире. Дело в том, что эта ориентировка не сводится к выбору общественных функций. Как пишет Ананьев, социальная среда отнюдь не задает многие компоненты статуса: *они производятся самой личностью в процессе деятельности* ([5, с. 287], курсив мой. — Л.А.). Личность, следовательно, жестко не детерминирована структурой общества. Она своей активностью сообщает особое дви-

жение системе социальных связей, и в этом созидании начинают намечаться контуры ее внутреннего мира, определенные позиции, берут истоки характерологические свойства.

И далее, наметив пути развития личности, Ананьев на новом витке своей мысли возвращается к проблеме развития человека как целостности. В процессе своего становления личность сообщает специфическое движение индивидуальным свойствам человека, преобразует их, способствуя их связям, которые многократно опосредуются социальными качествами личности. В результате организация личности включает в себя и структуру индивида в форме наиболее общих и актуальных для жизнедеятельности и поведения комплексов органических свойств [5, с. 305]. В свою очередь, индивидуальные изменения — возрастные и половые — выступают как факторы, влияющие на судьбу личности. Индивидуальные свойства определяют своеобразие последовательно формирующихся у личности коммуникативных, интеллектуальных, волевых, эмоциональных, рефлексивных свойств. В их формировании важнейшая роль принадлежит еще одной ипостаси человека — субъекта деятельности. Нельзя не указать на трудности, которые возникают при попытке разведения понятий «субъект» и «личность».

Ананьев считает, что субъект — всегда личность, а личность — субъект, но все же содержание этих понятий никогда полностью не совпадает. «Личность» релевантна общественным отношениям, а «субъект» — деятельности. В рамках данной концепции некоторые основания для разведения этих понятий действительно есть. Так, человека как личность определяет его принадлежность к той или иной расе, национальности, конфессии. В трудовой деятельности эти обстоятельства малозначимы. И все же причастность личности к определенному вероисповеданию или нации предполагает ее участие в обрядовых, культовых действиях. Эти трудности выразились в парадоксальном тезисе Ананьева, который акцентирует важнейшую роль личности в обществе: свою концепцию человека как субъекта деятельности он предваряет следующим положением — личность есть объект и субъект исторического процесса, объект и субъект общественных отношений, субъект и объект общения, субъект общественного поведения — носитель нравственного сознания [5, с. 86].

И все же, несмотря на некоторую диффузность понятия субъекта, основательная разработка этой проблемы Ананьевым в 50 — 60-е гг. XX столетия была значительным вкладом в отечественную психологию. В структуре ее методологии, теории и экспериментальной части образовался пробел, не заполненный и в наши дни: в категориальной системе психологии на протяжении нескольких десятилетий цент-

ральное место занимало понятие деятельности. Но при этом деятельность, как подчеркивает Ананьев, присоединяясь к позициям В.Н. Мясищева, изучалась в отрыве от деятеля. Между тем основания субъектного подхода были заложены в отечественной психологии работами С.Л. Рубинштейна, относящимися еще к 40-м годам, но прошло почти четверть века, прежде чем этот подход получил продвижение в исследованиях некоторых его учеников. Эти исследования органично вливаются в движение мировой психологической мысли. Крупными психотерапевтами и персонологами человек определяется прежде всего как субъект — иницирующее, креативное начало во взаимодействии с обществом, жизнью, миром, самим собой.

Адлер в индивидуальной психологии широко пользуется понятием субъекта, субъекта жизни. Даже своих пациентов он рассматривал как субъектов позитивной перестройки их личностей. Психотерапевт лишь подводит человека к осознанию необходимости самозменения. Эриксон показывает, как личность постепенно создает себя своими выборами и начинает обогащать, изменять общество и даже задавать новое направление его историческому развитию. Субъектное качество человека образно выражает Фромм, определяя личность как единство мрамора и скульптора. Но эти ученые в большинстве своем не восходят от абстрактного рассмотрения человека — субъекта к его конкретной определенности.

Ананьев же пытается наполнить психологическим содержанием понятие субъекта. Прежде всего он выделяет множество форм активно-деятельного отношения человека к миру — таких, как игра, учение, труд, боевая и спортивная деятельность, познание, общение, управление людьми, самодеятельность. Соответствующие им понятия входят в самую широкую категорию — общественное поведение. Динамике деятельности соответствует и динамичная структура ее субъекта. В ней выделяются: формирование замысла, постановка целей, выработка программ поведения и планов действий, выбор стратегий и тактик, проектирование будущего продукта деятельности, сопоставление полученного результата с антиципированным. Необходимыми условиями продуктивной деятельности выступают интеллект, воля и способности. Эти компоненты связывают структуру субъекта со структурой личности. Начав разрабатывать проблему субъекта деятельности, Ананьев поставил перед психологией много интереснейших задач. Вот лишь немногие из них. Предстоит выяснить своеобразие психологической структуры субъектов разных форм деятельности. Исследования в этой области помогут обогатить представления о психологическом функционировании субъекта деятельности. Еще более актуальной выступает проблема раз-

вития человека как субъекта и личности в ситуациях «со-действия», практического взаимоотношения с другими людьми. Вспомним концепцию Д.Б. Эльконина, согласно которой меняющаяся структура деятельного общения растущего человека с социальным окружением выступает генеральной линией его развития как личности. На высокую значимость для социально-психологического развития человека окружающих его людей обратил внимание А. Бандура [22]. В число важнейших форм деятельности он включил подражательную деятельность и создал концепцию научения путем наблюдения за действиями и результатами действий других людей. Действительно, наблюдение и подражание — важнейшие формы активности человека в процессе всей его жизни. Актуальность проблемы подражания как фактора становления человека-творца неоднократно подчеркивалась Б.Ф. Ломовым в профессиональных беседах с психологами ИП РАН.

Завершая анализ феномена «субъект», Ананьев вновь обращается к принципу целостности человека. Линия жизни человека в качестве субъекта существенно влияет на его онтогенетическую эволюцию, развитие психофизиологических функций (напомним о факте их двухфазного развития), совершенствование психомоторики, образование новых связей между разными свойствами организма. В свою очередь, особенности онтогенеза сказываются на судьбе субъекта деятельности.

Принцип целостности достигает своего апогея при выделении Ананьевым наиболее интегрированной ипостаси человека — его индивидуальности.

Но индивидуальность — довольно поздний результат жизненного пути человека. Поэтому целесообразно сначала обсудить решение Ананьевым проблемы движения человека по «дорогам» его жизни. Особенности подхода к этой проблеме нашего отечественного ученого отчетливее выступают при сопоставлении его позиций с концепциями зарубежных психологов. Понятия жизненного пути, ведущей линии жизни, жизненных целей и планов занимают важное место в работах Адлера. Но он оставляет в стороне вопросы, находящиеся в центре внимания Ананьева. Они касаются членения жизненного пути, событийного его содержания, детерминации поворотных пунктов. Основательную разработку проблема «хода (или движения) человеческой жизни» получила в работах Бюлер. Вопрос о стадийности был одним из центральных в ее теории. Всю жизнь человека она рассматривала как последовательность разных форм реализации присущего индивидууму стремления к самоисполнению. Начало собственного жизненного пути человека Бюлер связывала с момен-

том его самореализации путем продуктивной деятельности. В ее концепции движение жизни человека выступает как детерминированное заложенными в нем возможностями, динамичными тенденциями, способностями. Ананьев высоко оценивал многомерный подход Бюлер к психологической эволюции личности. Особенно его привлекало изучение биолого-биографического аспекта жизненного пути. В ее концепции, однако, не был реализован принцип социально-исторической обусловленности жизни личности.

Ананьев же подчеркивал, что человек, осуществляя свой жизненный путь, фундаментальным образом вписывает себя в общественно-историческое пространство своей эпохи, жизни страны. Для него историческое время есть «фактор первостепенной важности для индивидуального развития человека. Все события этого развития (биографические даты) располагаются относительно к системе измерения исторического времени» [5, с. 154]. В наши дни такие положения формулируются многими представителями мировой психологической мысли как выводы из масштабных эмпирических исследований и входят в основание их теорий. Тезис Ананьева о том, что лишь новейшая психология обнаруживает глубокое проникновение исторического времени во внутренние механизмы индивидуально-психологического развития, образует одну из важных тенденций поступательного движения современной психологической теории. Детерминация появления новых структур личности, изменения ее организации в результате вхождения человека в новые «социальные воды» эмпирически показана в генетической теории личности Эриксона. Но этот ученый исследовал влияние изменений лишь самых общих условий человеческого существования на последовательность личностных новообразований.

В отличие от него, современный немецкий психолог Х. Томе, сочетающий лонгитюдный и психобиографический методы, показал на огромном эмпирическом материале, как преломляются в переживаниях и поведении людей конкретно-исторические изменения жизни общества. Предельно наполненной личными событиями, неизгладимыми впечатлениями оказалась жизнь людей в переломные кризисные эпохи — в период первой и второй мировых войн, в годы пришествия к власти нацистов, во времена экономического кризиса и «экономического чуда». В новейших исследованиях, выполненных под руководством Х. Томе и У. Лер [24] и касающихся представленности в менталитете жителей ГДР факта объединения Германии, интересную конкретизацию получает вывод Ананьева о неоднозначном влиянии на сознание людей исторических событий. Обнаружилось, что у многих граждан ГДР сложилось представление о жителях

ФРГ как о людях с чувством превосходства, общение с которыми будет затруднительным. У некоторых групп представителей восточных областей социальный «поворот» (Wende) породил новые «темы» бытия, т.е. новую направленность жизни, иные ценностные ориентации; у других изменилась структура «тем». Были и такие, у которых «поворот» не вошел в число значимых событий. Исследования сознания людей в нашем кризисном обществе начинают проводиться и отечественными психологами [12, 17, 18].

Ананьев, анализируя жизненный путь, выделяет в нем периоды подготовки, старта, стабилизации, первой кульминации (или «пика»), временного спада, второй кульминации (или подъема), за которой следует усиление инволюционных процессов и финиш. Ученый предупреждает, что проблема стадийности жизненного пути очень трудна ввиду многомерности жизни человека и что выделенные им стадии более характерны для судьбы субъекта деятельности. Но вместе с тем в состав каждой стадии вплетены изменения статусов и ролей, возникновение новых ценностных ориентаций, обретение человеком новых идеалов, переосмысление субъективных отношений к миру и т.д. Хорошо известны слова Ананьева о том, что определить моменты смены стадий можно лишь путем сопоставления сдвигов по многим параметрам социального развития человека — гражданского состояния, экономического положения, семейного статуса, согласованности или разобщенности социальных функций, осуществленности или неосуществленности жизненных планов и т.д. [5, с. 161 — 162]. Но трудной оказывается и психологическая расшифровка каждой из стадий, особенно «подготовительной». Как указывает Ананьев, функцию подготовки выполняют институты обучения и воспитания. Они определяют цели формирования у человека ценных для общества и индивида свойств, помогающих ему стать субъектом общественного поведения и профессиональной деятельности. С этих позиций Ананьев полностью присоединяется к учению А.С. Макаренко о необходимости социального проектирования личности. Поскольку же личность, как пишет Ананьев, всегда конкретно-исторична и выступает продуктом своей эпохи и жизни страны, то «проектирование» должно ограничиваться рамками конкретного периода жизни общества. Однако мысль Ананьева сумела подняться над шаблонами педагогики и идеологии того времени. Выдвинутое им положение весьма актуально для наших дней. Оно гласит, что необходимо подготавливать людей будущего, которые обладали бы весьма пластичной организацией, были бы готовы к изменениям в мире, к активному творческому преобразованию действительности

[5, с. 98]. Это положение, однако, недостаточно для определения основного содержания раннего периода жизни человека. Подготовка к самостоятельной жизни, которая осуществляется институтами обучения и воспитания, — лишь часть тех необычных жизненных миров, в которых дети и подростки приобретают свой уникальный опыт.

Многие психологи справедливо подчеркивают, что для обозначения личностных новообразований на ранних стадиях жизненного пути в науке не существует адекватных понятий, поэтому они прибегают к терминам, заимствованным из психологии взрослости. Но дело не столько в чертах личности или характера. Задача заключается в выявлении *своеобразного строения жизненных миров подрастающих людей*. В их «вселенной» мельчайшие грани окружающего наполнены одинаково высокой значимостью. Поэтому поразительная детализированность восприятия не мешает видеть мир физиогномически, целостно. Как же меняется образ мира у человека на разных стадиях жизни? Эта проблема по- существу обозначена Ананьевым. Характеризуя внутренний мир человека, он выделяет в нем «сюжеты», «портреты», «пейзажи» и т.п. В их содержании окружающая действительность представлена так, как ее переживает субъект. В состав образа мира входит и «субъективная картина жизненного пути». В наши дни отечественные психологи весьма содержательно начинают разрабатывать проблему «образа мира» [12, 17, 18]. Она является частью более обширной проблематики «жизненных миров» людей, находящихся на разных уровнях их личностного развития и разных фазах жизненного цикла. Очень интересны работы, раскрывающие своеобразие образов мира у представителей разных профессий (Е.А. Климов).

Характеризуя жизненный путь, Ананьев стремится выделить некоторые целостные его качества, определяемые устойчивыми свойствами субъекта индивидуальной истории. К таким свойствам относится талант — единство способностей и воли. Поэтому есть основания говорить о мере талантливости жизненного пути (см. также [15]). Конечно, предстоит еще выделить критерии талантливости жизни, определить связь талантливости со степенью удовлетворенности ею. Предстоит выяснить, как соотносятся идеи о талантливости жизни с учением Фромма об искусстве жить. Вклад в проблему выявления целостных качеств жизни внесен К.А. Абульхановой. В качестве важнейшей характеристики стратегии жизни она выделяет меру ее этичности [1, с. 244, 245].

Ананьев со своими сотрудниками выявляет не только общие закономерности психологического развития человека на протяжении

жизненного пути. В числе немногих отечественных психологов он осуществил изучение периодов взрослости и старости. Несмотря на то, что многие исследования, касающиеся динамики познавательных процессов, связаны с определенным возрастом, взрослость выступает у Ананьева скорее как период социально-психологической зрелости человека. На этой стадии «история является не только фоном и канвой для узоров биографии, но и основным партнером в жизненной драме человека» [3, с. 125]. Появляющееся у личности «чувство истории» определяет, насколько события общественной жизни изменяют внутренний мир и общественное поведение человека. Стадия взрослости — это время наиболее интенсивного развития нравственных и эстетических чувств. Отличающие этот период высокая активность и продуктивная деятельность противостоят инволюционным изменениям. Школа Ананьева стала центром изучения заключительного этапа жизненного пути. В геронтопсихологических исследованиях Б.Г. Ананьева, М.Д. Александровой и их учеников выявлены фазы геронтогенеза, раскрыта динамика творческой продуктивности в поздние годы, осуществлен индивидуальный подход к процессу старения [2]. Психологи обосновывают оптимистический взгляд на поздний период жизни. Даже достигнув финиша, человек, согласно Ананьеву, отнюдь не исчерпывает свои возможности [5, с. 161]. Эта позиция совпадает с положениями Фромма, который, подчеркивая безграничность потенциальностей развития личности, пишет: «Человек умирает прежде, чем успевает полностью родиться» [21]. Фромм в этом факте видит трагичность человеческого существования. Но не более ли трагичным стало бы осознание человеком своей полной исчерпанности? Незавершенность — скорее счастливый удел личности, условие ее продолжения в следующих поколениях.

Согласно Ананьеву, сохранность личности в поздние годы зависит от уровня ее социальной активности. Если человек не потерял живую связь с современностью, продолжает выполнять какие-то общественные функции, у него не происходит деформации личности. В наше время особую значимость обретает положение Ананьева о том, что даже в условиях общественных катаклизмов человек и в поздние годы выступает субъектом своих отношений с миром и может найти новые пути включения в жизнь общества. Как показывают современные геронтопсихологические исследования, содержательность жизни старых людей зависит во многом от их активности в качестве субъектов общения, стремящихся расширить масштаб своих связей с другими людьми. В настоящее время геронтопсихологическая проблематика находит свое продолжение в исследовании

ях, ведущихся на факультете психологии МГУ, в Институте психологии РАН и других научных центрах [7, 8, 11, 14].

Во всей своей целостности жизненный путь человека выступает как особая форма существования общественно-исторического процесса. В этом качестве он сильнейшим образом влияет на онтогенетическую эволюцию человека, его индивидуальные свойства. Общественные условия играют, по словам Ананьева, роль стимуляторов, стрессоров, депрессоров и катализаторов в функционировании физико-химических, физиологических, психофизиологических процессов. Жизненный путь может даже маскировать нейродинамический тип человека за счет его характера и творческой активности [5, с. 209]. В результате процесс онтогенеза все более индивидуализируется и вносит свой вклад и появление новой ипостаси человека — его индивидуальности. Возникновение феномена индивидуальности в процессе развития человека постулируется в концепциях ряда западных психологов. Так, Юнг выделяет два крупных периода в поступательном движении личности. Первый из них характеризуется преобладанием процессов социализации. Завершается он, как правило, тяжелым кризисом, который Юнг наблюдал у своих пациентов и в возрасте 38 лет пережил сам. Из мучительного критического состояния он вышел с ясным сознанием своего дальнейшего пути. После длительного перерыва начали быстро появляться его оригинальные труды, исчезли кошмары. Начался второй период жизни, который Юнг назвал индивидуацией и описал как процесс обретения личностью Себя, своей уникальности. «Механизм» индивидуации Юнг наименовал «трансцендентной» функцией. По мнению психолога, человек с ее помощью проникает в глубины личного и коллективного бессознательного, содержание которого извлекается на поверхность психической жизни и интегрируется с осознаваемым опытом. Индивидуация, таким образом, осуществляется целиком во внутреннем мире человека.

В концепции Ананьева интегративность также выступает как самое важное свойство индивидуальности: происходит синтез и гармонизация характеристик человека как индивида, личности и субъекта деятельности. Однако сам по себе процесс интеграции вряд ли может быть достаточным условием появления индивидуальности. Необходимы множественные новообразования в пространстве личности и субъекта деятельности. Человек должен извлечь опыт из своего жизненного пути, отвергнуть как чуждые навязанные ему определенные позиции, взгляды. В результате прежняя организация его психической жизни разрушается. Но к этому времени у него уже оказываются сформированными рефлексивные характерологичес-

кие свойства, с помощью которых он и начинает выстраивать свою индивидуальность. В процессе рефлексии происходит гармонизация замыслов и возможностей человека, его потенций и тенденций. Возникшая таким образом индивидуальность обладает, согласно Ананьеву, особой организацией. Центральную ее область занимает внутренний мир, который включает «Я» человека, его мировоззрение, ценностные ориентации и т.д. Его замкнутый контур регулирует все свойства человека и выступает психологическим барьером, определяющим, по Ананьеву, избирательное отношение субъекта к различным воздействиям. Замкнутая система «встроена», как выражается Ананьев, в открытую систему постоянного взаимодействия человека с окружением. Ведущей во взаимодействии является созидательная, творческая деятельность, которая реализует все великие возможности исторической природы человека [5, с. 329]. Иными словами, для Ананьева «трансцендентной функцией» выступает не погружение личности в бессознательное, а выход его за пределы себя путем созидания. Индивидуальность, как подчеркивает Ананьев, заключается в продуктах творческой деятельности, изменяющей окружающую действительность [5, с. 328].

Исключает ли, однако, созидательная активность необходимость проникновения субъекта в бессознательный пласт своей душевной жизни? Современные исследования интуиции, имплицитных теорий окружающего показывают, какую важную роль играют неосознаваемые процессы в выстраивании человеком всей своей жизни. Анализ решения Ананьевым проблем индивидуальности требует обсуждения некоторых дополнительных вопросов.

Индивидуальность, с точки зрения ученого, достаточно позднее образование в жизни человека. Означает ли этот факт, что личность, субъект деятельности до определенного момента лишены качества уникальности? Если растущий человек ординарен, «усреднен», он и в своем неповторимом жизненном пути воспримет лишь общепринятое, шаблонное. Ананьев отвергает такую позицию. Он убежден, что индивидуальностью в определенной мере с самого начала обладает каждый человек. Индивидуальность, по Ананьеву, это условие обучения и воспитания, но также и продукт педагогических воздействий.

В таком случае, какие стадии, предшествующие моменту порождения человеком уникального вклада в общество, можно выделить в становлении индивидуальности? Другой вопрос выступает как продолжение первого. В каком направлении продолжается развитие человека после обретения качества интегрированной и созидательной индивидуальности? Ананьев не успел наметить решение этих про-

блем. В какой-то мере о судьбе «индивидуальности» можно судить по результатам ее продуктивной деятельности или — шире — по особенностям генеративности, порождающей активности. Но, как справедливо заметил С.Л. Рубинштейн, человек, который полностью исчерпывает себя в том, что им создается, — неинтересен как личность. *Движение внутреннего мира субъекта опережает созданное им.* Проблема индивидуальности остается одной из самых значительных для детской и общей психологии, для науки о личности.

Итак, мы обсудили (хотя бы частично) оригинальную психологическую концепцию человека, разработанную Б.Г. Ананьевым. Человек в ней выступает системообразующим основанием предмета психологии. В статье обозначен основной способ введения Ананьевым человека в психологическую науку. Ученый наполнил научным содержанием образные, распространенные в психологии выражения такого типа: «черты характера (или, скажем, убеждения) буквально врастают в плоть и кровь человека». Ананьев подобные метафоры превратил в психологическую реальность. В целостности человека он выделил систему его индивидуальных свойств — от биохимических до психофизиологических. Возрастные и гендерные их преобразования в жизненном цикле получили название «онтогенетической эволюции».

Ученый вычленил и другие формы бытия человека — в качестве личности, субъекта деятельности и индивидуальности. На основе многолетних масштабных теоретических и эмпирических исследований он вместе со своими сотрудниками и учениками обосновал факт взаимопроникновения и взаимовлияния индивидуального и личностно-субъектного, онтогенетической эволюции и жизненного пути человека. Основную систему координат для изучения человека Ананьев вначале разместил в конкретных социально-исторических условиях, в пространстве определенного общества, в жизни данной страны.

Ананьеву удалось показать, как эта конкретно-историческая действительность, многократно опосредуясь, обуславливает жизнь человека вплоть до уровня его онтогенетической эволюции. Но основания новой методологии начали намечаться им, когда он приступил к созданию теории индивидуальности человека: не только как интегрированного единства разных «ипостасей», но как создателя уникального вклада в развитие других людей, в поступательное движение общества. Этот вклад может быть очень невелик, но без него окажется незавершенной основа для крупных творений. Действительно же значительные вклады в общественную жизнь оказываются всегда значимыми для всего человечества. *Потенциальная сораз-*

мерность человека и мира становится действительностью его бытия. В детерминацию жизни людей входят события, происходящие в пространстве всего человечества. Именно в этой «вселенской» системе координат обнаруживаются «великие возможности исторической природы человека». Можно предполагать, что жизнь в координатах мира обуславливает формирование у человека новой ипостаси, более масштабной, чем система «индивидуальности». Отдельным индивидуумом она переживается как чувство общности с жизнью всех людей на земле, как ответственность за их судьбы. Трудно найти обозначение для такого образования, интегрирующего жизнь людей с прошлым и будущим человечества. Может быть, адекватным здесь станут термины «всеобщность» и «трансцендентность».

Литература

1. Абульханова К.А. Стратегия жизни. М.: Наука, 1991.
2. Александрова М.Д. Проблемы социальной и психологической геронтологии. Л., Изд-во ЛГУ, 1974.
3. Ананьев Б.Г. Избранные психологические труды. Т. 1. М.: Педагогика, 1980.
4. Ананьев Б.Г. О проблемах современного человекознания. М.: Наука, 1977.
5. Ананьев Б.Г. Человек как предмет познания. Л.: Изд-во ЛГУ, 1969.
6. Анцыферова Л.И., Мамчур Е.А. Рецензия на книгу К.В. Уилкса // Философ. Науки, 1991. №5. С. 183—186.
7. Анцыферова Л.И. Новые стадии поздней жизни: время теплой осени или суровой зимы? // Психол. журнал. Т. 15. 1994. № 3. С. 99—105.
8. Анцыферова Л. И. Поздний период жизни человека: типы старения и возможности поступательного развития личности // Психол. журнал. 1996. Т. 17. № 6. С. 60—71.
9. Асмолов А.Г. Историко-эволюционный подход в психологии личности. Дисс. ... докт. психол. наук. М., 1995.
10. Бехтерев В. М., Щелованов Н.М. К обоснованию генетической рефлексологии // Новое в рефлексологии и физиологии нервной системы. Т. I. ГИЗ, 1928.
11. Бороздина Л.В., Молчанова О.Н. Самооценка в возрасте второй зрелости // Вестник Моск. ун-та. Серия 14. Психология. 1996. № 4.
12. Знаков В.В. Психологический портрет участника войны в Афганистане: в массовом сознании // Психол. журнал, 1991. № 6. С. 26—39.
13. Климов Е.А. Образ мира в разнотипных профессиях. М.: Изд-во МГУ, 1995.
14. Краснова О.В. Адаптация пожилых людей к современной социальной ситуации. Дисс. ... канд. психол. наук. М., 1996.
15. Логинова Н.А. Жизненный путь человека как проблема психологии // Вопр. Психологии, 1985. № 1.

16. *Логинова Н.А.* Развитие личности и ее жизненный путь // Принцип развития в психологии. М.: Наука, 1978.
17. Психология личности в условиях социальных изменений. М.: ИП РАН, 1993.
18. Российский менталитет (психология личности, сознания, представления). М.: ИП РАН, 1996.
19. *Рыбалко Е.Ф.* Проблемы индивидуального развития человека в трудах Б.Г. Ананьева // Вопросы психологии, 1977. № 6.
20. *Рыбалко Е.Ф., Кулешова Л.Н., Прохоренко Т.Н., Балакшина Ж.А.* Интеллектуальный потенциал в разные периоды жизни человека // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 6. 1996. Вып. 2.
21. *Фромм Э.* Человек для себя // Исследование психологических проблем этики. Минск: Коллегиум, 1992.
22. *Bandura A.* Social Foundations of Thought and Action // A Social Cognitive Theory. Prentice-Hall, Inc., Englewood Cliffs, New Jersey, 1986.
23. *Büehler Ch.* Der menschliche Lebenslauf als psychologisches Problem. Leipzig. 1933.
24. *Thorae H.* Das Individuum und seine Welt. 3., erweiterte und verbesserte Auflage. Hogrefe. Verlag für Psychologie. Göttingen. Bern. Toronto. Seattle. 1996.

5

О ТЕОРИИ ЛИЧНОСТИ В РАБОТАХ КУРТА ЛЕВИНА

ГЛАВА

Курт Левин является одним из ведущих представителей Берлинской школы гештальт-психологии. Он впервые с позиций гештальт-психологии занялся экспериментальным изучением различных сторон личности — мотивации поведения, потребностей, эмоций и т. п. Эти эксперименты, развернувшиеся с 1921 г. и регулярно публиковавшиеся в журнале «Психологише форшунг» — органе гештальт-психологии — образовали целый этап в истории психологии. Экспериментальные исследования вскрыли ряд особенностей динамики личности, не укладывающихся в рамки ассоциативной психологии, и убедительно доказали необходимость создания новой теории личности, которую и попытался создать Курт Левин. В настоящее время теория Курта Левина является одной из наиболее влиятельных теорий личности в американской психологии. Очень большое влияние эта теория оказала на гештальт-бихевиористическую систему Толмана, которая в своем последнем варианте принципиально ничем не отличается от теории К. Левина.

Несомненной заслугой К. Левина является создание интересной и важной проблематики экспериментального изучения личности, интенсивно разрабатывающейся в настоящее время американской социальной психологией. Сюда относятся исследования влияния успеха и неудачи на поведение личности и изыскание средств устранения отрицательного влияния неудачи на уровень достижений личности, исследования условий принятия личностью извне постав-

ленных целей, изучение влияния ближайших и отдаленных целей на уровень достижения личности и т. п.

Первым положением, которое Левин выдвинул против ассоциативной психологии, было положение о том, что ассоциации не являются движущей силой психической деятельности. Ассоциации, несомненно, существуют, но они не имеют внутри себя никакой движущей репродуцирующей силы и функционируют под влиянием систем напряжений, возникающих в результате физиологических и социальных потребностей. Второй член ассоциации актуализируется, по мнению Левина, не потому, что оказался оживленным первый член, но в силу появления потребности, на основе которой была образована данная ассоциация. Это положение Левин доказал экспериментальным путем [7], направив его против тезиса Аха о существовании детерминирующих и ассоциативно-репродуцирующих тенденций. Всякая тенденция репродуцировать, заключает Левин, есть детерминирующая тенденция, возникающая в результате инструкций или самоинструкций испытуемых, выполняющих функцию потребностей и создающих системы напряжений. В опытах Аха конфликт был не между репродуцирующей и детерминирующей тенденциями, но между двумя детерминирующими тенденциями.

Это положение Левина, направленное против механистического понимания ассоциаций, правильно отразило тот важный психологический факт, что всякая ассоциация образуется лишь на основе некоторой потребности индивида, которая вызывает определенную деятельность, направленную на удовлетворение этой потребности в широком смысле слова. Такими потребностями, как показали последующие эксперименты К. Левина, являются не только органические потребности: всякое намерение представляет собой некоторый род потребности и ведет к возникновению системы напряжения, которая вызывает деятельность, направленную на выполнение этого намерения, и разрядку напряжения.

Для изучения динамики взаимоотношения разных систем напряжения и различных форм деятельности Куртом Левином был проведен ряд экспериментов по следующей методике. Взрослым и детям предлагалось решить задачу, выполнить интересующее их задание. Когда испытуемый принимался за выполнение задания и увлекался своим занятием, его деятельность прерывалась экспериментатором и, в зависимости от цели исследования, либо давалось иное задание, либо через некоторое время предоставлялась возможность вернуться к прерванной деятельности. Смысл этой методики заключался в следующем: намерение выполнить первое задание, по мысли Леви-

на, создавало у испытуемых определенную потребность («квазипотребность»), вызывавшую систему напряжений, которая должна была разрядиться в деятельности, направленной на достижение поставленной в задании цели. В результате торможения деятельности напряжение не может разрядиться. Стремление его к разрядке должно проявиться, по предположению Левина, либо в возобновлении (при первой возможности) прерванной деятельности, либо в выполнении иной, замещающей деятельности. В опытах Овсянкиной [19, с. 302], действительно, было показано, что испытуемые, будучи прерваны экспериментатором, возобновляют деятельность и оканчивают задание без каких-либо указаний со стороны экспериментатора. Но будут ли возвращаться испытуемые к первоначальному заданию, если после перерыва им будет предложено выполнить иное задание, отличающееся от первого либо характером цели, либо способом достижения сходной цели? Эти вопросы исследовались в опытах Лисснер [15]. В качестве основных задач она предлагала испытуемым выполнить ряд заданий такого рода: выложить из цветных плиток фигуру человека; складывая лист бумаги, сделать модель корабля; вылепить из пластилина фигурку животного; перевести с французского на немецкий какой-либо текст и т. п. В замещающих задачах менялась либо цель, либо способ достижения сходной цели. Замещающие задачи подбирались как более легкие, так и равные по трудности основным. Например, когда испытуемый начинал лепить из пластилина фигурку какого-нибудь животного, его прерывали и просили облепить сверху пластилином металлическую фигурку животного (легкая задача), или вылепить изображение другого животного (задача равной трудности) или, наконец, вырезать фигурку животного из цветной бумаги (замещение способа выполнения). Эксперименты показали, что сама по себе тождественность основной и замещающей задач не играет существенной роли (после выполнения задания вырезать фигурку животного из цветной бумаги испытуемые возобновляют лепку фигурки из пластилина), зато большое значение имеет степень трудности задачи — чем труднее задача, тем больше ее замещающая значимость.

В ряде других экспериментов (Малер [17], Слиосберг [20], Дембо [2]) было показано, что чем сильнее потребность, тем труднее поддается она разрядке через другие формы деятельности, что замещающие действия часто возникают спонтанно при решении очень трудных задач и что действия в реальном плане имеют большую замещающую значимость, нежели действия в плане мышления и речи.

Этот цикл исследований и послужил основой для создания Куртом Левином своеобразной теории личности. Эта теория, однако, не

объясняет, а лишь описывает экспериментальные факты, включая их в специфическую феноменалистическую систему понятий.

Основной метод описания психики, разработанный Куртом Левином, это метод графического наглядно-пространственного изображения «психического мира» — личности и ее окружения в их феноменальной данности самому субъекту в настоящий момент. Курт Левин посвящает много страниц защите этого графического метода, доказывая, собственно, очевидную и неоспоримую вещь, что графики и схемы в научном исследовании полезны и не могут быть заменены только лишь словесным описанием. Соглашаясь с этим, нельзя, однако, забывать основного: *что* и *как* изображается в схеме. Ведь графическое изображение — это определенный способ анализа явлений, требующий выбора специфических единиц анализа и способа связывания элементов анализа. В этом выборе «что» и «как» отчетливо проявились основные недостатки гештальт-подхода к психике: смешение объективной реальности и явлений психики (точнее, замена объективной реальности феноменальным миром, интроспективной данностью), отрицание роли практической деятельности субъекта, направленной на внешнюю среду и формирующей психику и личность человека через активные изменения условий деятельности.

Эти черты проявляются сразу же при рассмотрении двух основных элементов схемы Курта Левина. Этими элементами являются личность и ее окружение, составляющие вместе так называемое жизненное пространство индивида. Но было бы ошибочно предполагать, что под окружением личности Курт Левин понимает объективную реальность, физический мир. Окружение — это феноменальный мир, который лишь частично напоминает объективный мир; этот последний называется Куртом Левиным «чуждой областью». Выделение «психологического окружения», разумеется, правомерно, если под ним понимать отражение настоящих или прошлых ситуаций. Это отражение может значительно разниться от индивида к индивиду, и два человека, находящиеся в физически одинаковых условиях, психологически могут быть в совершенно различных ситуациях. Но Курт Левин в своем анализе поведения человека то смешивает объективный мир с психологическим окружением, то полностью их разрывает, делая психологическое окружение, являющееся, по существу, отражением объективного мира, непреодолимой преградой между человеком и объективным миром. И «личность» и «психологическое окружение» являются лишь двумя частями психики человека, двумя частями психологического жизненно-го пространства.

В своем анализе структуры личности Левин использует понятия топологии — отрасли математики, части геометрии, исследующей свойства форм и взаимного расположения фигур, т. е. свойства, не зависящие от размеров. Топология, однако, не включает понятий расстояния и направления, играющих важную роль в психологии Курта Левина, и потому последний дополнил топологию годологией (от греческого *hodos* — путь) или наукой о путях, понимаемых не физически, а психологически.

Личность схематически изображается Левином в виде круга, включенного в эллипс — «психологическое окружение»; круг состоит из ряда областей или клеток. Рассматриваемые с точки зрения влияния извне, клетки группируются во внешние слои, имеющие общую границу с окружностью, и внутренние слои, менее проницаемые для влияния извне. По отношению к изменениям внутри личности различаются центральные слои, которые легко влияют на другие клетки и сами легко поддаются влиянию из разных областей личности, и периферические, менее доступные влияниям других клеток.

Кривые, ограничивающие отдельные клетки или области, изображают собой барьеры между этими областями. Эти барьеры могут быть толще или тоньше в зависимости от степени сообщаемости отдельных клеток. По своему содержанию отдельные области представляют собой потребности, квази-потребности, желания и стремления личности. Личности различаются по степени дифференциации структуры, а также по типу дифференциации: одни области могут быть сильнее развиты, чем другие. Кроме того, личностные характеристики определяются легкостью, с которой могут меняться структуры, а также степенью гибкости и мягкости психического материала.

Под влиянием различных потребностей вся система личности постоянно находится в состоянии напряжения различной силы. Это напряжение может распространяться из одной области личности на другие. В том случае, если удовлетворение потребности невозможно в одной из систем, напряжение, вызванное этой потребностью, может найти выход через другие системы (опыты Лисснер и Малер). Целью психологического исследования и является, по словам К. Левина, раскрыть подробную структуру, степень сопряженности разных областей личности. Это направление исследований развивается в наше время в американской социальной психологии. Что оно собой представляет, показывают следующие примеры. В одном из исследований, проведенных в южных Штатах, было найдено, что возрастание цен на хлопок сопровождается усилением линчевания и избиений негров. Отсюда автор заключил, что область расовой ненависти находится ближе всего к области экономических затруднений.

Психологическое окружение, в котором находится личность, также имеет, по теории Левина, более или менее дифференцированную структуру. Психологическое окружение — это, собственно, познавательно-феноменальное поле индивида. Однако было бы ошибочно предполагать, что это поле представляет собой отражение свойств предметов объективного мира. Напротив, каждая область психологического окружения изображает лишь возможные действия индивида с вещами или относительно вещей, через которые только и могут быть определены все вещи. «Для того чтобы представить жизненное пространство так, — пишет Левин, — чтобы ответить на вопросы динамики, необходимо в качестве крайних элементов конструкции использовать процессы (операции)» [10, с. 43-44].

Различные области могут быть более структурированными для индивида, иметь более четкую структуру, чем другие. Это хорошо знакомые области — области «свободы движения личности». В психологическом окружении могут быть области и совершенно неструктурированные: это области, о существовании которых человек знает, но содержание их ему неизвестно. Например, ребенок может знать, что имеются государственные учреждения, но ему неизвестно, что они собой представляют.

Совершенно парадоксальным образом на границе между личностью и психологическим окружением Левин помещает перцептуально-моторные системы человека [10, с. 177] (см. также [2, с. 110]). Таким образом, с точки зрения теории Левина, личность при помощи своих перцептуально-моторных систем взаимодействует не с объективной реальностью, но с собственным миром психики.

Рассматривая динамику поведения личности, Левин два элемента своей системы — личность и психологическое окружение — по существу сливает в единое целое — жизненное пространство, где движется геометрическая точка — человек. Такое слияние личности и психологического окружения происходит потому, что Левин все виды «психической энергии» выносит из личности в психологическое окружение. Личность превращается лишь в генератор энергии для жизненного пространства, в котором растворяется и личность, и объективный мир. Человек теперь превращается в совершенно пассивное существо, которое толкают «внешние», хотя и порожденные им же самим силы. Жизненное пространство, в котором движется личность, Левин называет годологическим пространством, в котором силы и их направления обозначаются векторами. Передвижения в годологическом пространстве Левин называет локомоциями. В определении локомоций, которое дает Левин, отчетливо проявляется то смешение физического и психического, которое является

характерной чертой теории Левина. «Под «локомоцией», — пишет он, — здесь будет пониматься телесное, квазисоциальное или квазипонятийное изменение места в психическом жизненном пространстве» [8, с. 252]...В годологическом пространстве, поясняет Левин, передвижения в одном и том же физическом направлении будут обозначаться различно, если цель этих передвижений будет различна. Путь, физически извилистый, изобилующий многими возвращениями назад, в годологическом пространстве изображается прямой линией, если это необходимый путь к цели. Например, в ситуации обходного пути, где индивид находится около цели, но для достижения ее должен удалиться от нее, чтобы обойти какое-либо препятствие, физическое удаление от цели психологически приближает к ней индивида и поэтому является прямым путем. Основные виды, локомоций — это все акты сознания: стремления, желания, акты воли, эмоции и т. д. Появление любого желания, стремления к какому-либо объекту, мечта о ком-то — все это локомоции в годологическом пространстве. Эти локомоции, по мысли Левина, определяются всей совокупностью психических сил, действующих на личность (а, вернее, внутри личности) в данное мгновение.

Движение в годологическом пространстве, по теории Левина, начинается с возникновения потребности, вызывающей состояние напряжения. Это положение Левин направляет против классического ассоциационизма, считавшего ассоциацию движущей силой психической жизни. Не отрицая существования ассоциаций, как связей психических явлений, Левин считает, однако что только существование систем напряжений обеспечивает функционирование ассоциаций. Мысль о том, что сами ассоциации не являются движущей силой психической деятельности, что в ее основе лежат потребности, несомненно, верна. Но для Левина эта верная мысль является лишь основой для развития положения о психической детерминации душевной жизни человека. Ведь потребности у Левина — это не биологические и социальные потребности, имеющие специфические физиологические механизмы, а чисто психические энергии, и именно эти «психические энергии, т. е. системы психических напряжений, которые происходят от давления воли или потребности, являются всегда необходимым условием появления психического явления» [9, с. 44]. Это состояние напряжения «заинтересовывается», по выражению К. Левина, определенным объектом, который приобретает в результате этого валентность, т. е. значимость, весомость для личности. Эти валентные объекты выступают как цели поведения. Казалось бы, что в этом случае Левин допускает в жизненное пространство объективную реальность, так как только реальные предме-

ты могут удовлетворить потребности, но Левин, в соответствии со своей операционалистской установкой, целями считает не реальные объекты, а собственные действия человека. «Обычно, — пишет он, — является неправильным обозначать в качестве цели — сам материальный объект. Цель обычно есть действие или состояние, например, поедание яблока или обладание каким-либо объектом» [10, с. 110]. Наличие валентного объекта еще не вызывает, по словам Левина, локомоции. Движение возникает тогда, когда напряжение из области личности переносится в психологический объект и принимает характер «силы». «Силы», таким образом, существуют в психологическом окружении, а личность является лишь генератором напряжений, выносящихся за пределы личности и толкающих такую бессодержательную личность в разных направлениях по закону сложения векторов.

Чем меньше психологическое расстояние до цели, тем более возрастает сила, притягивающая личность к валентному объекту. Это положение Левин выводит из ряда экспериментов и пытается им объяснить факты, описанные в психологической и социологической литературе (например, заключенные в тюрьмах и других исправительных учреждениях, обычно спокойно переносившие свое положение, перед самым освобождением становятся мятежниками и устраивают побеги).

Направление силы стремления к цели зависит, по словам Левина, от степени структурированности поля, где находится цель. Если поле неструктурировано (т. е., проще говоря, у человека нет знаний об окружении и о возможных результатах собственных действий), то поведение человека будет заторможено даже при наличии потребности и валентного объекта. В таких ситуациях направление поведения легче детерминируется внешней силой. Замечено, например, что дети в первые дни посещения детского сада покорно выполняют все указания воспитательницы, а, освоившись с новой обстановкой, перестают слушаться. Левин указывает, что такой прием перенесения личности в неструктурированную область (при помощи дезинформации, неожиданной награды за одни поступки и неожиданного наказания за другие) является одним из эффективных приемов, помогающих сломить волю личности и добиться от нее нужных действий...

Свою теорию закономерностей передвижения в жизненном пространстве Левин пытается применить к анализу «социальных локомоций», в частности, к анализу проблем юношества, ибо с точки зрения Левина существенной чертой этого периода является наличие «социальной локомоции» — переход индивида из группы де-

тей в группу взрослых. Это передвижение означает значительное переструктурирование окружения: отдаленные ранее области приближаются к юноше, но они совсем не структурированы — юноше неизвестно, куда его могут привести те или иные собственные действия. Поэтому, говорит Левин, юноша с готовностью следует за теми, кто предлагает ему «определенную систему ценностей», т. е. так или иначе структурирует окружение юноши и вызывает разрядку напряжения. Характерные для юноши резкие переходы от одной крайности к другой Левин также объясняет слабой структурированностью окружения: передвижения, которые юноше, находящемуся в неструктурированном поле, кажутся лишь небольшим шагом, взрослый оценивает как локомоцию через целый ряд областей и, следовательно, как значительное передвижение...

Препятствия, находящиеся на пути к достижению целей, называются в системе Курта Левина барьерами. Если эти барьеры оказываются непреодолимыми, то наступает или общее двигательное беспокойство человека, или явление «замещения», исследование которого занимает одно из центральных мест в работах школы Левина. Понятие «замещения» заимствовано Левином у Фрейда, где этим термином обозначался процесс переключения специфической энергии в другие сферы деятельности. Это понимание замещения как разрядки напряжения через какие-то другие системы сохранено и у Левина.

Исследованиями школы Левина, проведенными, в основном, на детях, установлено, что при частом блокировании целей непреодолимыми барьерами происходит потеря инициативности, развивается вялость, апатичность, снижается интеллект. Таким блокированием целей может быть запрещение взрослых продолжать ту или иную деятельность ребенка. Деятельность нужно переключать, а не просто прерывать, иначе развитию ребенка наносится значительный ущерб. Вопрос о влиянии блокирования целей на личность вырос в школе Левина в очень важную психологическую проблему «временной перспективы» личности, как одного из главных факторов, влияющих на формирование и поведение личности.

Левин дает следующее определение понятию временной перспективы: «Целостность взглядов индивида на свое психологическое будущее и свое психологическое прошлое, существующих в данное время, может быть названа временной перспективой» (19, с. 230). Ряд исследований указывает, пишет Левин, что для активной деятельности человека необходимо наличие отдаленных положительных целей, которые подчиняли бы себе ближайшие цели и определяли бы значение выполняемых в данный момент человеком действий. На-

личие такой временной перспективы вызывает усиление энергии человека, делает его инициативным, обогащает его психику и способствует поддержанию высоких и устойчивых моральных принципов. «Действия, эмоции и, конечно, моральное состояние индивида зависят, в любой момент от всей его временной перспективы», — пишет Левин [11, с. 49]. Левин показывает, как пагубно влияет на личность человека, на его моральное состояние и даже на интеллект потеря временной перспективы, сопутствующая, как правило, длительной безработице [11]. Атмосфера безработицы распространяется и на детей безработного, у которых, в результате этого резко суживаются стремления и мечты. Приводя данные конкретных экспериментов, Левин заключает, что временная перспектива важна для морального состояния не только отдельной личности, но и различных общественных групп.

Однако такое понимание временной перспективы страдает существенным недостатком: Левин ничего не говорит о содержании перспективных целей... Важно, чтобы у человека была отдаленная положительная цель и ряд ведущих к ней частных целей. Главной же целью может быть личное обогащение, убийство мешающего человека и т. д. Важность самого характера целей не позволяет прямо соотносить временную перспективу с высокой моралью, как это делает Курт Левин. «Положительная временная перспектива, — пишет он, — временная перспектива, направляемая стоящей затраченного времени целью, является одним из основных элементов высокой морали» [11, с. 64]. На пути к достижению своей цели человек испытывает успех или неудачу, которые влияют на степень трудности выбираемых им затем целей. Этой проблеме, называемой проблемой уровня притязания, уделяется растущее внимание в современной психологии.

Нужно сразу же отметить, что успех и неудача, с одной стороны, и уровень притязания, с другой, являются тесно взаимосвязанными. Если уровень притязания зависит от прошлых успехов и неудач, то, в свою очередь, чувство успеха или неудачи зависит от уровня притязания личности. Уровень притязания определяется Куртом Левином как степень трудности цели, к которой стремится данный индивид [12]. Если цель, поставленная внешними обстоятельствами, будет слишком трудна, то человек, которому не удастся ее достигнуть, не будет испытывать чувства неудачи. При слишком легкой цели подобным же образом не возникает переживания успеха. Таким образом, уровень притязания определяет чувство успеха или неудачи, функционирующее в относительно узком диапазоне. Уровень притязания формируется у ребенка постепенно. Маленький ребенок

испытывает лишь удовлетворение или неудовлетворение, но еще не имеет чувства успеха или неудачи. Поведенческим проявлением этого чувства и признаком возникновения уровня притязания Левин считает отказ от помощи взрослого. Притязание, как и чувства успеха и неудачи, Левин считает социально детерминированными. Наблюдения за детьми и специальные исследования показывают, что похвала и оценка, даваемые товарищами и взрослыми, вызывают у детей быстрый подъем притязания. Это позволяет сделать выводы, что «социальный компонент является важным для притязания, начиная с самых ранних этапов его развития» [13, с. 286]. Однако чувство притязания может возникнуть только тогда, когда цель внутренне принимается человеком. В работах Левина особенно подчеркивается важность выяснения условий личностного принятия цели. Этот вопрос впервые получил разработку в работе Хоппе [5], который ввел понятие «включения Я» и «уровня притязания». Только при личностном принятии цели возникают переживания успеха и неудачи, влияющие на уровень притязания. Исследования, проведенные на студентах, показали, что уровень притязания хорошо успевающих студентов несколько выше их прошлых достижений. Более переменчивым оказывается влияние неудачи. Неуспевающие студенты имеют или чрезмерно высокие, или, напротив, слишком низкие уровни притязания.

Причину такой переменчивости действия неудачи можно искать в некоторых личностных, сформировавшихся в прошлом опыте качествах человека; такие качества выделяются в работе Аткинсона [1]. У одних людей формируется качество личности, которое можно назвать мотивом избежать неудачи; этот мотив начинает преобладать над мотивом достигнуть удачи. Такие люди, будучи принуждены социальными обстоятельствами выбирать себе определенную цель, будут выбирать или самую трудную, или самую легкую цель. Выбор самой легкой цели понятен — возможность неудачи сводится к нулю. Выбор же самой трудной цели объясняется тем, что неудача здесь прощительна и не может уязвить самолюбие человека. Люди, выбирающие крайности, заключает автор, различны лишь фенотипически, но имеют один и тот же генотип. В ряде исследований выбор крайностей и резкие скачки от одного уровня притязания к другому связываются с невротическим состоянием личности.

В общем, исследователи приходят к выводу, что лица с истерическими симптомами имеют обычно низкий уровень притязания, ниже их прежнего уровня выполнения. В противоположность этому, психастеники ставят себе непомерно трудные задачи [4; 18].

В США был разработан специальный тест, сходный с «тестом тематической апперцепции» (ТАТ), с помощью которого оценивается «потребность к достижению». Пользуясь этим тестом, Аткинсон [1], а также Мак-Клеланд [16] провели эксперименты с пятилетними детьми. В этих экспериментах дети должны были набрасывать кольца на колышек, вбитый в землю. Результаты показали, что дети, имевшие низкие показатели в тесте достижения, становились или около самого колышка, или так далеко, что успех был просто невозможен. В то же время дети с высокой мотивацией к достижению располагались на среднем расстоянии. От подобного рода экспериментов Мак-Клеланд переходит в область социальной психологии, применяя полученные результаты к анализу поведения крупных промышленников; здесь, по его словам, требуются не совершенно безопасные и не в высокой степени спекулятивные мероприятия, но действия, связанные с умеренным риском [16].

Необходимо отметить, что вопрос о влиянии успеха и неудачи на уровень притязания в школе Левина ставится слишком узко и упрощенно. С точки зрения выводов, делаемых последователями Левина, становится непонятным, как же возможна выработка настойчивости у человека, когда, несмотря на многократные неудачи, он продолжает добиваться и добивается намеченной цели, не теряет при неудаче веры в свои силы, сохраняет «уровень притязания». Невыясненным остается в исследованиях Левина отношение между «уровнем притязания» и степенью энергичности поведения. Ведь хорошо известно, что существуют люди, обладающие высоким «уровнем притязания», но ничего не делающие. Левин такого рода случаи объясняет тем, что переживание успеха возникает не только при достижении цели, но и при приближении к ней и даже при простой постановке социально одобряемых целей. Поэтому, например, рассказывает Левин, в Индии в письмах приняты такого рода подписи: «Доктор философии, провалившийся».

Ряд исследований показывает, что действие успеха и неудачи на поведение личности зависит от того, каково соотношение успехов и неудач в деятельности человека. Так, в экспериментах Турека и Хауелла [21] было обнаружено, что наиболее сильное стремление к достижению целей показала та группа, у которой за тремя неудачами последовал успех. Парадоксальным образом у испытуемых с четырьмя последовательными успехами сила стремления к достижению цели оказалась не выше, чем у испытуемых с четырьмя последовательными неудачами. Таким образом, влияние успеха и неудачи на личность оказывается сложнее, чем это представляется в школе Левина. В этой связи надо отметить, что одним из основных пороков

теории Левина является ее замыкание в кругу «переживаний». Хотя Левин и говорит о познавательной структуре психологического окружения, он при анализе фактов исключает роль познания как важнейшего фактора в детерминации поведения человека. В действительности, человек не просто переживает успех или неудачу, но и имеет определенное, более или менее полное знание о причине успеха или неудачи. В научных исследованиях, например, неудача может принести знание, что выбранный метод исследования неверен, что нужно идти другим путем и т. п.

В системе Левина просто не хватает средств для научного анализа фактов. Какими средствами, например, эта теория могла бы объяснить выработку настойчивости? Как объяснить, что ряд неудач не снижает ни энергии человека, ни его «уровня притязания?» Слабость теории К. Левина заключается именно в том, что она исходит из уже сложившегося «психологического мира» личности, ни происхождения, ни закономерности формирования которого неизвестны.

В школе К. Левина, в разных областях как общей, так и прикладной психологии, проведен ряд исследований, результаты которых можно использовать для разработки очень важной проблемы определения условий, влияющих на постановку и выполнение целей. Такого рода исследований проведено немного, а сам Левин не пытался использовать эти данные в систематическом виде. Однако этот материал представляет интерес с точки зрения характеристики социологической направленности исследований школы Левина.

1) На принятие и степень трудности цели влияет принадлежность индивида к той или иной социальной группе. Если общая цель группы («групповой стандарт») не слишком высока, то и личность в такой группе ставит себе цели ниже своих способностей [3]. Власть групповых целей над личностью настолько сильна, что при необходимости изменить цели одной личности приходится добиваться изменения целей всей группы. На первый взгляд, кажется, что изменение целей всей группы является делом несравнимо более трудным, нежели изменение целей отдельной личности. Однако исследование показывает, что изменение целей отдельного человека, как правило, оказывается очень нестойким, если стандарт группы остается неизменным, даже если индивид практически не общается со своей группой. Для внедрения новых стандартов и целей также необходимо воздействовать на коллектив, группу и добиваться того, чтобы было принято коллективное решение о выборе определенной формы поведения. Только в этом случае, как показывают эксперименты, получаются стойкие результаты. В одном из таких экспериментов было, например, решено изменить

поведение мастеров на одном из заводов. В цехе, где проводился опыт, существовало 9 разрядов с тремя уровнями заработной платы в каждом разряде. Каждые шесть месяцев мастера оценивали умение рабочих, и рабочие получали заработную плату в соответствии с этой оценкой. Было замечено, что мастера переоценивали рабочих высших разрядов и недооценивали тех, кто имел низшие разряды, так что рабочие с высшими разрядами всегда получали максимальную заработную плату, а низкоразрядники — минимальную. Иначе говоря, на оценку мастера влияло не только качество работы, но и степень трудности этой работы. Все мастера в опытах были разбиты на три группы. В первой группе велась дискуссия на тему, почему рабочие высших разрядов всегда получают максимальную зарплату. В конце дискуссии участники приходили к правильному выводу. Второй группе подробно разъяснялось, в чем суть неправильной оценки. Разъяснение иллюстрировалось графиками и схемами. Третья группа была нейтральной. В результате оказалось, что лишь мастера первой группы смогли правильно оценивать работу, остальные продолжали принимать во внимание трудность задания, а не только качество выполнения [14].

В других экспериментах, проведенных в военное время, целью было увеличить потребление населением ливера. Снова оказалось, что если группа принимает определенное решение, то члены группы, хотя они больше не общаются, продолжают длительное время выполнять это решение. В противоположность этому индивиды, лишь прослушавшие лекцию о питательности этого сорта мяса и возможности приготовления из него разнообразных блюд, почти не изменили своих обычных пищевых привычек [6].

2) Вторым условием, влияющим на принятие цели, является знание, что такая цель достижима и что человек делает хотя бы небольшой прогресс в движении к ней. Такой вывод делается на основании экспериментов, один из которых, например, заключается в следующем. В сельской местности на юге США была организована новая фабрика. Сразу после организации была выделена экспериментальная группа работниц. После недельной тренировки, когда их продукция достигла 20-25% нормы, работницам было сказано, что через 10—12 недель они должны научиться вырабатывать требуемую норму. Но к этому времени ни одна из работниц завода еще не давала требуемого количества продукции. В результате через 14 недель уровень продукции достиг лишь 66% нормы. Вторая экспериментальная группа состояла также из новых работниц, но была сформирована тогда, когда на заводе было уже значительное количество опытных работниц, выполняющих норму. Этой группе, кроме сообщения нормы, на

каждую неделю ставилась конкретная цель. В результате у этой группы через 14 недель норма оказалась перевыполненной [11].

3) Третьим фактором, обеспечивающим принятие той или иной цели, является включение данной цели в какую-то более общую цель, уже лично принятую индивидом. Левин указывает, что хороший пропагандист никогда не будет пытаться просто навязывать человеку те или иные цели или формы поведения, чуждые личности. Он должен доказать, что желательные ему цели являются необходимым средством достижения личностью значимых целей, высоких идеалов человека.

Эту общую закономерность необходимо учитывать и при воспитании детей. Если ребенок не желает выполнять какое-либо действие, нужно включить это действие в качестве подчиненной части в другое, имеющее привлекательную для ребенка цель. Так, дети, не любящие арифметики, с увлечением считают, когда начинают играть в продавца и покупателей.

Разумеется, выделенные здесь условия принятия цели очень неравноценны, но нахождение хотя бы некоторых из этих условий очень важно и оправдывает изложение этого небольшого материала.

Вообще, целый ряд экспериментальных исследований, проведенных в школе Левина, имеет и научный, и практический интерес. Ведь как ни пытался Левин в своих теоретических рассуждениях представить дело так, что весь процесс происходит в замкнутом мире человеческой психики, где духовная личность (правда, с весьма земными потребностями) взаимодействует со своим «психологическим окружением» (кстати, удовлетворяя свои потребности реальными объектами), в действительности оказывалось, что реальный человек активно взаимодействует с реальным миром, и в экспериментах выяснились закономерности этого реального взаимодействия, имеющие практическую ценность.

Литература

1. *Atkinson J. W.* Motivational determinants of risk-taking behavior // *Psychological Review*, vol. 64, N 6, 1957.
2. *Dembo T.* Der Ärger als dynamisches Problem // *Psychologische Forschung*, Bd. 15, Heft. 1 und 2, 1931.
3. *Festinger L.* Wish, expectation and group standards as factors influencing level of aspiration // *Journal of abnormal and social Psychology*, vol. 37, N 2, 1942.
4. *Himmelweit H. T.* A comparative study of the level of aspiration of normale and neurotic persons // *British Journal of Psychology*, vol. 37, part 2, 1947.
5. *Hoppe F.* Erfolg und Misserfolg // *Psychologische Forschung*, Bd. 14, Heft 1 und 2, 1931.

6. *Levi J.* and *Butler J.* Lecture vs. group decision in changing behavior //Group dynamics. /Ed. D. Cartwright and A. Zander. New York, 1953.
7. *Lewin K.* Das Problem der Willensmessung und das Grundgesetz der Association //Psychologische Forschung, Bd. 1, Heft 3 und 4, 1922.
8. *Lewin K.* Der Richtungsbegriff in der Psychologie //Psychologische Forschung. Bd. 19, Heft 3 und 4, 1934.
9. *Levin K.* A dynamic theory of personality. New York and London, 1935.
10. *Lewin K.* Principles of topological psychology. New York. 1936.
11. *Lewin K.* Time perspective and morale //Civilian morale. /Ed. G. Watson, Boston. New York etc, 1942.
12. *Lewin K.* Field theory and learning //The 4-st Yearbook of the National Society for the Study of Education, part 11, 1942.
13. *Lewin K.* Field theory in social science. //Selected theoretical papers./ Ed. D. Cartwright. Tavistock publications. New York, 1952.
14. *Lewin K.* Studies in group decision//Group dynamics / Ed. D. Cartwright and A. Zander. New York, 1953.
15. *Lissner K.* Die Entspannung von Bedürfnissen durch Ersatzhandlungen // Psychologische Forschung, Bd. 18, Heft 3– 4, 1933.
16. *McClelland D. C.* Some social consequences of achievement motivation. // Nebraska symposium on motivation. /Ed. M. R. Jones. Lincoln, University of Nebraska Press, 1955.
17. *Mahler W.* Ersatzhandlungen verschiedenen Realitätsgrades //Psychologische Forschung, Bd. 18. Heft 1 u 2, 1933.
18. *Miller D. R.* Responses of psychiatric patients to threat of failure //Journal of abnormal and social psychology, vol. 46, 1951.
19. *Ovsiankina M.* Die Wiederaufnahme unterbrochener Handlungen // Psychologische Forschung. Bd. 11, 1928.
20. *Sliasberg S.* Zur Dynamik der Ersatzes in Spiel – und Ernstsituation // Psychologische Forschung, Bd. 19, Heft I und 2, 1934.
- 21: *Turek E. V.* and *Howell R. J.* The effect of variable success and failure situation on the intensity of need for achievement // Journal of social Psychologie, vol. 49, Second Half, 1959.

6

ГЛАВА

ПРОБЛЕМА ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ АКТИВНОСТИ И НАУЧНОЕ НАСЛЕДИЕ АНРИ ВАЛЛОНА

Недавно научная общественность отметила столетие со дня рождения Анри Валлона — выдающегося представителя генетической психологии, оригинального мыслителя, крупного общественного деятеля.

Центром научных интересов А. Валлона были проблемы психического развития человека в онтогенезе. Особенно блестящие страницы вписаны им в психологию раннего детства. На материале изучения психики ребенка в процессе его становления как личности Валлон разработал важные методологические принципы общей психологии, пытаясь творчески применить философию диалектического материализма к решению проблем психологической науки. Он боролся против упрощенного понимания диалектического материализма, нередко отождествлявшегося его противниками с вульгарным материализмом. В работе «Метафизические или диалектические основы психологии» [1] А. Валлон доказывал, что диалектико-материалистический подход никак не отрицает реального существования психических явлений, наоборот, он предполагает рассмотрение психики как реальности, обладающей только ей одной присущими законами, которые и должен вскрыть психолог. Острой критике в психологии А. Валлон подвергал позиции позитивизма. Опираясь на работы А. Леона — представителя психологии труда во Франции, показавшего, какие трудности методологического порядка возникают перед психологами в этой области, А. Валлон особенно подчеркивал тяго-

тение к позитивизму в сфере прикладной психологии, необходимость формирования и здесь диалектико-материалистической методологии. Ссылаясь на свой собственный опыт, А. Валлон разъяснял, что элементы диалектико-материалистического подхода могут стихийно формироваться психологом-исследователем, поскольку изучаемая им действительность, сам предмет его изучения исключительно диалектичны. Но осознание собственных философских позиций и усмотрение их связи с целостной научной высоко развитой философией, философией диалектического материализма, способствует, согласно А. Валлону, поднятию методологии психологии на качественно новый уровень, делает ее более адекватной исследуемому объекту.

Выступая против эмпиризма и фактологии в психологии, А. Валлон постоянно подчеркивал, что не существует фактов самих по себе: «сама постановка опыта включает факт в объяснительную систему» [2, с. 26]. Даже простое наблюдение предполагает некоторую теоретическую систему отсчета, определяющую выбор явлений и то или иное отношение к ним. Наблюдение, по его словам, предполагает некоторое упорядочивание явлений, подразумевающее определенную теорию [с. 27].

Труды А. Валлона принадлежат к числу тех, к которым хочется вновь и вновь возвращаться при возникновении новых проблем: им теоретически обобщен огромный, тщательно собранный эмпирический материал, что позволило А. Валлону выдвинуть оригинальные положения, многие из которых обретают особую актуальность на современном уровне психологической науки.

Одной из наиболее оригинальных, наименее исследованных в научном наследии А. Валлона и почти не разработанных в психологии проблем является проблема психотонической активности человека и ее развития в онтогенезе.

До сих пор психологи, обращающиеся к изучению деятельности человека как основному способу его существования, выделяли в ней побудительно-регулирующую и собственно исполнительную часть, которая, представляя собой некоторую систему действий и движений, образует кинетический аспект деятельности. Выражается он в локомоциях, движениях глаз, мануальных операциях, речевых движениях и т. д. Но кроме такой, широко развертывающейся в пространстве, кинетической деятельности в жизни человека огромное место занимает иной вид активности — тонической, требующей не меньшего напряжения, нежели двигательно-моторная активность, и не меньшей сложности психических регулирующих механизмов. Эта активность проявляется в установках всего тела

человека, органов чувств и висцеральной системы, в его позах, например: рабочие позы, а также позы внимания, ожидания, тревоги, напряженности, настороженности, покоя, смущения, робости, раздумья и т. д. В специфике поз, в динамике их смены отчетливо проявляются психодинамические характеристики и личностные свойства человека. Достаточно вспомнить позу человека, испытывающего напряжение в социальных ситуациях: охватывая себя руками, прижимая их к телу, он как бы отгораживается ими от других, а ноги прячет под стул. Совсем иные позы у человека, уверенного в себе и доверительно относящегося к социальному миру, — свободное спокойное положение его тела, чуть откинута в сторону рука с полукруглой ладонью создают впечатление не только открытости человека миру, но и приближенности его к своим собеседникам¹. Конечно, человек может произвольно регулировать динамику своих поз, но все это требует большого напряжения.

В позуально-тонических установках человека — в симультанном, до предела сжатом виде — содержится будущая кинематика его действий. В этих установках отчетливо выражается эмоционально-аффективное отношение личности к событиям. Важно при этом подчеркнуть, что тоническая активность захватывает всю висцеральную систему индивида, настраивает так или иначе работу всех органов, определяет степень напряженности их функционирования.

Без специального выделения этого тонического аспекта реальная предметная деятельность человека (в том числе в том аспекте, в каком она анализируется в психологии) оказывается как бы повисшей в воздухе, бесплотной: перед нами оказывается деятельность сама по себе, а не действующий человек. В данном случае совсем не помогают ссылки на то, что человек, конечно, подразумевается при исследовании деятельности, а исследователь вправе абстрагироваться от одного из ее аспектов. Такая абстракция отсекает существенные звенья деятельности: процесс размещения динамической предварительной модели деятельности в позуальных установках человека, выделение функциональных запасов организма для осуществления и продолжения деятельности, эмоциональную предуготовленность действий и т. д. Ведь все существо человека, реализующего деятельность, функционирует, подчиняясь высшим психологическим принципам организации деятельности.

При постановке проблемы психотонической активности следует выделить вопрос о необходимости вычленения двух видов поз или

¹ Конечно, человек может произвольно регулировать динамику своих поз, но все это требует большого напряжения.

постуральных установок человека: внешних, наблюдаемых извне, и «внутренних», которые представляют собой не выявляющиеся внешне тоническо-аффективные состояния мышечной и висцеральной системы. Лишь у ребенка внешние и внутренние позы едины. У взрослого же человека может происходить их значительное, иногда драматическое рассогласование: свободная расслабленная внешняя поза нередко скрывает высокий гипертонус «внутренней позы» индивида.

Психологическое исследование тонической активности человека включает ряд важных теоретических и методологических вопросов: о социальной обусловленности психотонической активности, специфике ее предметной отнесенности, месте в системе разных форм активности индивида, связи с преобразующей деятельностью и общением.

Попробуем найти в работах А. Валлона ответы на некоторые из этих вопросов. Анализ его трудов показывает, что именно он сделал попытку заложить основы психологии тонической активности и вскрыть закономерности ее формирования в раннем детстве.

А. Валлон выделяет сам процесс постуральной активности, выражающейся в пластической аффективно-постуральной лепке средствами организма некоторой модели объекта деятельности, причем эта модель включает и диспозиции субъекта к определенной деятельности, направленной на этот объект, и желания, намерения человека. Механизмами такой активности служат перераспределение мышечного тонуса разных частей тела и преднастройка всех внутренних органов, а также органов чувств для действия в определенной ситуации. Результаты тонической деятельности А. Валлон называет установками, позами, аттитюдами, раскрывая их сложнейшее строение, опирающееся на многочисленные синергии различных систем организма.

Исследования показывают, что А. Валлон занялся психологией тонической активности, по крайней мере, по двум причинам. Прежде всего он чувствовал потребность ввести в психологию реального чувственно-конкретного человека. Занимаясь исследованием действий, он увидел необходимость подвергнуть психологическому исследованию и ту «почву», из которой вырастают действия, — телесную непрерывность существования человека, которая может выступить в качестве специфического предмета психологического исследования, ибо сама входит в психологическую организацию индивида, сама выступает как один из способов (как и деятельность) существования психического. Теоретическая обработка собственных эмпирических исследований психического развития ребенка с первых дней его существования привела А. Валлона к такому пониманию природы психического, которое намного опередило существовавшие в 30–40-х годах теории. По его мнению, ребенок весь, целиком развивается как

психологическое существо, т. е. физиологические процессы, клоническая активность, движения висцеры, работа внутренних органов и органов чувств, мозг ребенка развиваются как части единой психической организации. Это важнейший методологический аспект работ А. Валлона не нашел своего продолжения, но отнюдь не ускользнул от внимания его учеников. Анализируя разработку А. Валлоном проблемы сознания в психологическом плане, Ф. Мальрие [3] указывает, что А. Валлон понимал сознание не как комплекс психических состояний, а как «действие», в котором принимает участие все тело, включая центральную нервную систему, вегетативную и мышечную. В соответствии со способом участия тела в общей организации сознания (точнее, с нашей точки зрения, было бы говорить о психической организации индивида) А. Валлон выделяет эмоциональное, сенсорное, проективное, символическое сознание и т. д.

Разрабатывая психологию тонической активности субъекта в генетическом плане, А. Валлон раскрывает, как в действенно-аффективном взаимоотношении ребенка с предметным и социальным миром все его существо становится насыщенным этой предметностью и социальностью, которые и составляют важнейшие характеристики психики человека.

У А. Валлона были и иные основания, чтобы обратить самое пристальное внимание на поструральную активность индивида и попытаться создать психологию этой формы активности человека. Основания эти заключались в необходимости найти — в противовес концепции Ж. Пиаже — в человеке автономные структурные основания его эмоционально-аффективной жизни. Как известно, Ж. Пиаже аффективность рассматривает в основном как энергетический аспект кинетической, или двигательно-моторной деятельности, практического, дооперационального и операционального интеллекта. Он неоднократно подчеркивал, что у чувств не может быть своих особых структур, лишь интеллектуализируясь, они организуются структурно. А. Валлон же утверждает, что у эмоций существуют свои особые структуры, взаимоотношение которых со структурами предметных действий весьма сложно и устанавливается оно в ходе онтогенеза постепенно. Указывая на фундаментальное родство эмоций с органическими и поструральными функциями индивида, А. Валлон постулирует: «Тонус служит материей аффективной жизни», — и далее поясняет, что «эмоция, — каковы бы ни были ее нюансы, всегда имеет в качестве фундаментального своего условия варьирование тонуса жизни организма и его различных частей» [4, с. 55].

Одним из первых вопросов, которому А. Валлон придает методологическое значение, выступает у него отношение тонической и

клонической активности, т. е. предметной моторно-двигательной деятельности. Обращаясь к филогенезу, А. Валлон констатирует, что на низших его уровнях, например у амебы, существует тождественность между изменениями внутренней организации и формы организма, с одной стороны, и локомоциями — с другой, между движениями висцеральными и теми, которыми животное осуществляет связь с условиями своего существования. Деятельность по реализации внешних отношений и постуральная активность, как констатирует А. Валлон, имеют общее начало, но потом они расходятся. Между ними постепенно формируются отношения и антагонизма, и взаимодополнения. Сходный процесс А. Валлон наблюдает и в онтогенезе человека.

Для ясного понимания идеи А. Валлона по этому вопросу выделим два типа взаимодействия живого существа, наделенного психологической организацией, с окружающим миром. Основным результатом первого типа взаимодействия выступает изменение под влиянием действий индивида, внешних условий его деятельности — вещей и связей между вещами. Происходящее под влиянием такой деятельности изменение самого деятеля является побочным. Результатом же второго типа взаимодействия служит прежде всего изменение самого действующего существа, а преобразование внешнего мира оказывается вторичным по отношению к нему. Этот второй тип взаимодействия индивида и его окружения необходим в таких условиях, с которыми индивид не может справиться своими действиями. Он представлен главным образом эмоционально-аффективной активностью. Чтобы показать ее направленность внутрь, на сам организм, воспользуемся примером из работ А. Пьерона, на которые опирается А. Валлон. Рассмотрим поведение краба, клешня которого оказалась придавленной или зацепившейся за что-либо. В обычных условиях краб пытается высвободить клешню. Но в условиях смертельной опасности, при виде спрута, он деформирует себя, отрывая собственную клешню. Теперь он воздействует на себя и этим меняет всю ситуацию. Таков результат эмоционального типа поведения. Эмоциональное действие может быть направлено на всю висцеральную систему или на отдельные внутренние органы индивида, если оно является единственным способом выхода из ситуации или ее изменения².

² Напомним в этой связи любопытные опыты Стэвика (E. L. Stevick) [5]. Анализ обобщенных отчетов испытуемых об условиях и психологических следствиях возникновения эмоции гнева помог Стэвику установить, что этот аффект проявляется в ситуации, когда на пути человека в качестве препят-

Таким образом, эмоционально-тоническая активность одной стороной обращена на самого субъекта (как особый способ воздействия им на самого себя), другой — к внешнему миру, ибо выступает как приспособление всего индивида к тем формам деятельности, которые направлены на преобразование внешних ситуаций. Формирование такой установочной функции тонической активности образует важный аспект психического развития ребенка.

Состояние аффекта как бы захватывает всего человека, весь его организм, его психическую организацию. У взрослого такое преобладание недифференцированной тонической функции наблюдается редко, у малыша, как показывают исследования А. Валлона, такая генерализованная аффективно-тоническая функция в первые недели его жизни преобладает. Возбуждение, возникающее от внешних или внутренних воздействий, захватывает всего ребенка и аккумулируется в спазматических состояниях его организма. Однако подобные явления, часто возникая непроизвольно, препятствуют формированию у ребенка предметных действий, мешают его психическому развитию. Следовательно, генерализованное эмоционально-тоническое состояние должно, согласно А. Валлону, во-первых, частично редуцироваться, во-вторых, образовать единую систему с предметно-направленными действиями, образами восприятий и представлений, которые как бы дробят, дифференцируют аффективно-тоническое состояние путем выработки специфических установок для различных сенсомоторных и перцептивных актов³. Тем самым, поясняет А. Валлон, движения, которые связывают сенсорнику (*sensibilite*) индивида с объектами, заглушают тонические волны, возникающие в организме от полученных впечатлений.

ствия находится другой человек. Просьбы, убеждения, уговоры не помогают освободить «дорогу» — возникает эмоция гнева. В результате мешающий человек начинает восприниматься как помеха, вещь-преграда, с которой можно обращаться, как с неодушевленным неуютным предметом. Изменив эмоцией себя, свое восприятие мира, человек изменил всю ситуацию, т. е. заменил отношение «личность — личность» на отношение «субъект—объект».

³ В процессе психического развития в результате овладения предметными действиями, ходьбой, игровой деятельностью у индивида, по мнению А. Валлона, формируется много разновидностей тонуса: тонус мышцы, находящейся в состоянии покоя; тонус ортостатический, обеспечивающий вертикальное положение тела человека; тонус равновесия; тонус эксплозивный (взрывающийся), осуществляющий подготовку движений; тонус усилия; тонус, поддерживающий выполнение движений; тонус кататонический, способствующий сохранению позы, и т. д.

У взрослого человека, по словам А. Валлона, в обычном состоянии лишь в рудиментарной форме сохраняются те спазматические типы аффективно-тонических реакций на раздражения, которые характерны для ребенка. Таковы переживания, связанные с щекочущими раздражениями некоторых областей тела, например ступней ног. При длительном действии они вызывают глобальную реакцию всего организма — смех, слезы, спазмы. Антагонизм аффективно-тонической и перцептивно-двигательной активности отчетливо проявляется в этом случае: рука человека, пробегая привычно и свободно по собственному телу, не вызывает реакции щекотки. Тормозящим влиянием образа собственного действия и раздражаемой поверхности тела объясняет А. Валлон трудность для человека вызвать аффективные реакции щекотания у себя самого. Генетически ранние формы реагирования могут, по мнению А. Валлона, сохраниться также у некоторых взрослых в аффектогенных ситуациях.

Разные способы функционирования тонической активности в структуре личности были положены А. Валлоном в основу намеченной им, но не получившей детальной разработки эмоциональной типологии людей, которая включает четыре типа. Первые два А. Валлон именует собственно эмоциональными, другие получили название сентиментального и страстного типа. Первый, собственно эмоциональный тип характеризуется полной захваченностью аффективно-тонической волной, переходящей в спазм всего существа человека. Сознание при этом настолько заполняется органическими ощущениями, что может произойти обморок. Второй эмоциональный тип склонен к самосозерцанию, в результате эмоциональное возбуждение выливается в выразительные жесты, позы и голосовые реакции. Различие этих типов А. Валлон объясняет преобладанием гипер- или гипотонуса. Первый эмоциональный тип характеризуется гипертонической активностью, спастическими состояниями организма, а у второго преобладает гипотоническая активность, дающая возбуждению свободный выход в выразительные движения. В отличие от эмоциональных типов у сентиментальных людей воздействующие на них эмоциогенные ситуации вызывают различные образы. Возникающие при этом эмоции, насыщаясь и питаясь образами, как бы угасают в них, тормозятся и обретают иное качество, они становятся чувствами, которые переживаются совсем иначе, чем эмоции, поскольку эмоциональное напряжение снимается. От эмоционального и сентиментального типов А. Валлон отличает тип человека страстного, у которого образы цели впитывают в себя эмоции и начинают господствовать над аффективной жизнью. Эмоционально заряженная цель, как разъясняет

А. Валлон, превращает эмоцию в страсть. Страстный человек прекрасно владеет своей аффективностью, умело использует различные обстоятельства для достижения поставленных целей. Однако в тех редких случаях, когда аффективность человека страстного достигает высокого напряжения, может, по словам А. Валлона, возникнуть настоящий эмоциональный шквал.

Выдвинутая А. Валлоном типология эмоциональности человека, опирающаяся на богатый фактический материал, очень интересна. Она обретает современное звучание, перекликаясь с усиленно разрабатываемой в настоящее время концепцией стресса, или психической напряженности. Исследование поведения человека в ситуации стресса позволило выделить две группы людей, по-разному реагирующих на стрессовые ситуации. Представляется, что эти группы во многом сходны с выделенными А. Валлоном эмоциональными типами.

В работах А. Валлона представления о механизмах, лежащих в основе эмоциональных типов, получают определенную разработку применительно к характеристике различных эмоций. Так, в основе ряда отрицательных эмоций типа печали, меланхолии, состояния угнетенности, как доказывает А. Валлон, находится отнюдь не расслабленность, а наоборот, гипертония эмоционально-тонической активности. Характерное для состояний печали торможение двигательного-моторных и умственных действий способствует, согласно А. Валлону, аккумуляции тонуса. Для положительных эмоциональных переживаний, эмоций радости характерно, по словам А. Валлона, свободное переливание тонической деятельности в деятельность сенсомоторную, осуществляющую практическое отношение субъекта к внешнему миру.

Предложенная А. Валлоном типология эмоционально-тонической активности вызывает ряд методологических вопросов, среди которых наиболее важными представляются следующие. Насколько эти типы являются природно обусловленными и в какой мере на них влияют процессы обучения и воспитания ребенка? Как связан тип человека страстного с эмоциональными типами? Могут ли изменяться эмоциональные типы? Несомненно, что ведущей характеристикой страстного человека, в валлоновском понимании, выступает наличие устойчивых перспективных целей и сильной мотивации. Каковы же природные предпосылки формирования такого типа личностей? Какие компенсаторные и дополнительные механизмы необходимы, чтобы из любого эмоционального типа можно было сформировать человека страстного? А. Валлон не раскрывает связи между выделенными им типами, лишь относительно первых трех типов

он указывает, что вначале они сосуществуют в каждом ребенке, а лишь позднее дифференцируются.

Продолжая дальнейший анализ взглядов А. Валлона на психологию тонической активности, следует подчеркнуть, что он сумел избежать методологически ошибочного ее толкования как чисто формально-динамической характеристики психической деятельности. С первых дней жизнь ребенка, согласно Валлону, начинает насыщаться предметным и социальным содержанием, выступая как особый способ отображения внешних ситуаций, окружающих вещей и людей. Постуральные установки, включающие и установки внутренних органов, воспроизводят в своеобразной форме особенности, свойства, конфигурации воспринимаемых объектов. По словам А. Валлона, именно через посредство поз, установок, аттитудов у ребенка впервые возникает чувство (*sentiment*)⁴ тех ситуаций, которые навязываются ему извне. Все существо ребенка, его организм становится «моделью противостоящих сил внешнего мира и объектов моторной деятельности» [4, с. 148]. Интересна мысль Валлона о пластичности, динамичности таких моделей, которые поддерживаются изменяющимися системами компенсаторных механизмов. Очень рано объектом подражательно-тонической активности ребенка становится человек, общающийся с ним. Теперь уже хорошо известно, что лицо взрослого (или даже схематическое изображение лица, маска) вызывает наиболее длительную фиксацию взгляда новорожденного. Однако А. Валлон выделяет и исследует еще одну специфическую и очень раннюю форму ответа ребенка на присутствие взрослого — так называемую реакцию *de prestance*. Этот термин иногда переводят как реакцию осанки или выправки. Точнее содержание этого понятия может быть передано как чувство присутствия иного, взрослого человека, выражающееся в особой позе ребенка. Чувствительность к взгляду или присутствию другого человека выступает, по словам А. Валлона, как одна из самых ранних у новорожденного. Развиваясь, младенец очень быстро приспосабливает пластику своего тела к позам взрослого, а позднее начинает как бы моделировать своим телом социальное окружение. Имитационной аффективно-тонической активности ребенка А. Валлон придает огромное значение, считая ее на более поздних стадиях развития личности ребенка механизмом порождения представлений и умственного плана действий.

⁴ Под словом «*sentiment*» А. Валлон понимает единство предметного и эмоционального отображения ситуаций.

Именно в вопросе о происхождении представлений обнаружилось значительное расхождение между взглядами А. Валлона и Ж. Пиаже, который не отрицает роли подражания в формировании представлений, однако подражание он связывает с моторно-двигательной активностью ребенка относительно объекта, а А. Валлон — с постурально-тонической, считая, что приспособительная деятельность, направленная на достижение практического результата, не может породить представлений. Они, по его словам, должны быть продуктом особой имитирующей активности, цель которой — порождение модели объекта. Это и есть повторение объекта в позах ребенка, в перераспределении мышечного напряжения различных участков его тела. Один из историков психологии Тран-Тонг (Tran-Thong) [6], сопоставляя взгляды на происхождение представлений этих двух крупнейших психологов, приходит к справедливому, по нашему мнению, заключению, что они не исключают, а дополняют друг друга: в концепции Ж. Пиаже исследованию подвергнуто «оперативное» представление, а в теории А. Валлона — пластическое, изобразительное. Мысль о существовании разных по своему генезису и способу функционирования представлений предполагается продуктивной, но, разумеется, лишь дальнейшие исследования могут содержательно раскрыть различие разнообразных форм (и уровней) умственных образов. Для нас же в данном контексте важно подчеркнуть идею А. Валлона о том, что в «продуктах», результатах постурально-тонической активности человека — в его установках, в постурально-аффективной настройке — отображается предметный и социальный мир, и отображения эти оказываются наполненными желаниями, влечениями, эмоциями субъекта, т. е. предметность, в широком смысле слова, вписывается, врезается в природу человека, входит в способ функционирования всего его существа.

При исследовании эмоционально-тонической активности ребенка в новой — социальной системе связей А. Валлон выявляет те ее особые качества, которые она обретает в процессе общения ребенка со взрослым и другими детьми. В системах социальных взаимоотношений эта активность выступает как средство освоения и воспроизведения социального мира в индивидуальности ребенка и как способ воздействия на других для достижения желаемых результатов. Взгляды А. Валлона на эмоции как на средство воздействия индивида на других и посредством других уже неоднократно анализировались в нашей психологии. Поэтому скажем лишь несколько слов об этом аспекте учения А. Валлона.

Казалось бы, что генерализованная аффективно-тоническая реакция ребенка должна очень быстро смениться дифференцированными

тоническими установками, столь необходимыми для организации эффективного его взаимодействия с предметным миром. Но в действительности первые формы тонической аффективности оказываются весьма стойкими. Происходит это потому, что, по мнению А. Валлона, эти реакции преобразуются в особую форму поведения, выступающую в качестве воздействия на социальное окружение ребенка. Однако постепенно и в этой области генерализованные реакции уступают место дифференцированным формам мимического общения ребенка со взрослым. А мимика, поясняет А. Валлон, есть также постуральная функция, функция аккомодации, адаптации, стоящая на службе потребностей в аффективных взаимоотношениях между людьми. У ребенка, утверждает А. Валлон, во втором полугодии путем подражания начинает формироваться чисто человеческая мимика. Продолжая развивать свои идеи относительно подражательного воспроизведения в пластике тела, а следовательно, и в мимике противостоящих объектов, А. Валлон рассматривает аффективно-тоническую активность лица ребенка, повторяющего мимику взрослого, как средство узнавания другого через себя и себя через другого. Понимание тонической активности как основы аффективной жизни получает развитие в положении А. Валлона о том, что именно через воссоздание в себе игрой мышечного тонуса той гаммы поз, которая отвечает эмоциональным состояниям взрослого, ребенок осваивает мир человеческих эмоций и грамматику невербального общения людей.

Осваиваемые, воспроизводимые в форме индивидуального существа ребенка, выработанные в обществе эмоциональные позы, установки — способы не только выражения, но и существования его желаний, влечений, потребностей — дробят недифференцированную, синкретическую аффективную жизнь ребенка. Индивид, пишет А. Валлон, учится у общества выражать свои желания и, следовательно, познает в них именно социализированный аспект. Следует, однако, добавить, что богатство аффективной жизни человека, палитра эмоционально-тонических состояний несравненно богаче социально маркируемой их части. В психологии все время происходят открытия новых, не имеющих наименования, переживаемых, но невербализуемых эмоциональных состояний, распознаваемых обществом лишь в результате их социальных последствий в усложняющихся общественных условиях.

Все виды деятельности человека и его «живое созерцание» вырастают, как из своего основания, из психотонической активности человека. А. Валлон называет эту активность аффективно-постуральной, или установочной активностью. При этом «позы», о которых он

говорит, следовало бы скорее именовать «внутренними позами»: перераспределение мышечного тонуса всех систем организма служит способом существования отношений и намерений субъекта, часто не получающих выражения вовне и даже маскируемых внешними позами.

Заслуга А. Валлона заключается в постановке проблемы психотонической активности и в раскрытии того, как в ходе онтогенеза происходит дифференциация, дробление на множество граней различных установок, «поз» первоначально недифференцированного функционирования аффективно-тонических систем организма в результате предметной деятельности и общения с ближайшим социальным окружением развивающегося индивида.

Литература

1. *Wallon H.* Fondements metaphysics ou fondements dialectiques de la psychologie? — *La nouvelle critique*, 1958, № 100.
2. *Валлон А.* Психическое развитие ребенка. М., 1967.
3. *Malrieu Ph.* Le problème de la conscience dans la psychologie d'Henri Wallon. — *La Pensée*, 1950, № 30.
4. *Wallon H.* Les origines du caractère chez l'enfant. Les préludes du sentiment de personnalité. Paris. 1949.
5. *Stevick E. L.* An Empirical Investigation of the Experience of Anger. In: *Duquesne Studies in Phenomenological Psychology*, v. 1, 1971.
6. *Tran-Thong.* Stades et concept de stade de développement de l'enfant dans la psychologie contemporaine. Paris, 1967.

7

СВЯЗЬ МОРАЛЬНОГО СОЗНАНИЯ С НРАВСТВЕННЫМ ПОВЕДЕНИЕМ ЧЕЛОВЕКА

ГЛАВА (По материалам исследований Лоуренса Колберга и его школы)

В психологической науке изучение соотношения морального сознания и морального действия постоянно приводило к противоречивым результатам: во многих случаях оказывалось, что не только дети, но и взрослые, хорошо знающие нормы нравственности и уверенные в необходимости их соблюдать, попадая в нетривиальные обстоятельства, ведут себя не в соответствии с этими нормами и оправдывают аморальное поведение других людей. В то же время действия субъектов, воспринимавшиеся окружающими как нравственные, при ближайшем рассмотрении оказывались лишенными морального содержания.

Значительный вклад в решение данной проблемы внес Лоуренс Колберг (1927 — 1987): вместе со своими сотрудниками он создал стадийную теорию нравственного развития. Заняться этим вопросом его побудил лично значимый факт собственной биографии. В его жизни был период, когда он переживал кризис идентичности и старался определить свою позицию по отношению к нормам общества. Испытывая себя в разных занятиях, Лоуренс нанялся моряком на Торговый флот Великобритании. В это время началась вторая мировая война, и торговые корабли, выполняя и свои прямые обязанности, начали контрабандно перевозить из Европы в Палестину евреев. Подобный факт заставил Колберга задуматься над вопросами расхождения между нормами права и нормами морали, над иерархией человеческих ценностей. Этой проблеме он и посвятил свою интенсивную научную жизнь. Он

выдвинул гипотезы о том, что мораль развивается на протяжении всей жизни человека, что ее развитие имеет стадийный характер и что можно выработать метод, выявляющий критерии уровней морального *сознания* человека. Прежде всего он установил, что само по себе прекрасное знание норм морали и согласие с ними не являются индикатором высокой нравственности. Люди могут быть убеждены, что «красть — дурно», «говорить неправду — нехорошо», «взятое обязательство нужно выполнять» и т. п., но в определенных условиях они ведут себя в противовес осознаваемым моральным правилам.

Для исследования морального сознания Колберг создал девять дилемм, в содержании которых сталкивались нормы права и нормы морали, высшие и более низкие ценности человечества и т.д. Эти дилеммы даны в приложении к данной статье. Здесь мы кратко опишем лишь одну из самых распространенных дилемм — дилемму III. Она такова: перед персонажем — Хайнцем — возникла ситуация выбора: украсть у аптекаря лекарство, за которое фармацевт заломил неслыханную цену, но без которого жена Хайнца умерла бы, или не совершать противоправный поступок и обречь жену на смерть. Эту, как и другие дилеммы, Колберг предлагал для решения не только в США, но и во многих других, в том числе азиатских странах. Большинство участников эксперимента отвечало, что Хайнц должен украсть лекарство. Следовательно, казалось бы, они признавали, что значимость человеческой жизни значительно выше, нежели значимость собственности. Но оказалось, что столь прямой вывод отнюдь не всегда правомерен. Таиландские дети, например, были уверены, что Хайнц должен украсть лекарство, но при расспросах свой ответ мотивировали тем, что в противном случае Хайнцу придется потратить очень большую сумму на похороны жены. Некоторые из респондентов-американцев, утвердительно отвечая на вопрос дилеммы, изменяли свое мнение, если речь шла о чужом умирающем человеке. Следовательно, для них высшей ценностью была не жизнь человека, а именно жизнь близкого, любимого человека. Для того чтобы полностью выявить моральное содержание ответа и определить уровень (стадию) развития нравственности, Колберг дополнительно к дилеммам разработал три формы структурированного интервью (см. в Приложении).

Основной результат своих исследований Колберг получил путем длительного лонгитюдного исследования, проведенного в США [2]. Его выборка состояла из 60 человек мужского пола в возрасте от 10 до 40 и более лет. Дилеммы предлагались участникам эксперимента сначала в средней школе, затем в колледже, далее в ВУЗе и, наконец,

в разные периоды работы по специальности. Более короткие лонгитуды Колберг и его сотрудники проводили во многих других странах, в разных городах в сельских местностях. Полученные данные показали, что с возрастом уровень морального развития растет. Но этот рост происходит отнюдь не автоматически. Операции морального мышления каждой стадии *конструируются* самим субъектом по тем же принципам, которые, как подчеркивал Пиаже, лежат в основе построения операционального интеллекта.

Разрабатывая вслед за Пиаже когнитивно-развивающую (cognitive-developmental) теорию, Колберг доказывает, что в своем сформировавшемся виде система нравственных «операций» обладает такими же свойствами обратимости и уравниваемости, которые свойственны логико-математическим и физическим суждениям (или операциям). Обратимость моральных «операций» достигается в результате развития у субъекта способности становиться на точку зрения других участников морального конфликта. Поэтому в психологическом плане справедливость определяется Колбергом (как и Пиаже) в виде структуры межличностных интеракций. По словам Колберга, его концепция требует, чтобы человек систематически принимал позицию каждого другого до тех пор, пока решение не возникнет как полностью справедливо сбалансированное [1, с. 308].

Анализируя рассуждения, обоснования, мотивацию высказываемых респондентами умозаключений, Колберг приходит к выводу, что они представляют собой не отдельные ответы на поставленные в дилеммах вопросы, а целостную базальную (underlying) психологическую организацию. В ее составе одни «операции» уже находятся в согласовании друг с другом, другие рассогласованы. Чем выше стадия развития, тем более согласованной становится моральная система личности. Выделяя основные характеристики (функции) системы нравственности в соответствии со своим принципом когнитивизма, ведущей функцией морального суждения Колберг считает рациональность или познавательную оценку ситуации. Это *дескриптивная* особенность суждения. Следующая особенность — *предписательная*, нацеливающая на выполнение определенных действий. При внутренне согласованной системе потенциал предписательности растет.

В своем целостном виде стадийная система морального развития выглядит следующим образом.

Уровень I. Доконвенциональная мораль

Стадия 1. Дети считают моральные нормы неизменными установлениями или правилами, созданными авторитетами. Предписаниям нужно подчиняться, так как неповиновение влечёт за собой

наказание, а за соблюдением правил следуют одобрение, похвала. Если ребенок уверен, что является объектом внимания воспитателя, то «нравственное» действие будет выполнено. Без свидетелей же малыш легко нарушает нормы поведения.

Стадия 2. Дети ориентируются на реальные последствия поступков, независимо от того, намеренно или ненамеренно совершено действие. За неумышленно нанесенный большой ущерб должно следовать наказание. Сам малыш при этом переживает сильное чувство вины.

Согласно когнитивному подходу, на этих двух доконвенциональных стадиях еще не сформировалась обратимость моральных «операций». Дети не могут принять на себя роль другого; встать на его точку зрения. Реципрокность здесь выступает в форме взаимного обмена одобрениями или упреками.

Уровень II. Конвенциональная мораль

Стадия 3. Индивиды ориентируются на поддержание хороших межличностных отношений. Они учитывают мотивы своих поступков. Неумышленные поступки или действия, совершенные из добрых побуждений, но вызвавшие дурные последствия, не осуждаются. Однако на этой стадии еще не выработалось отношение к целостной общественной системе и к ее нормам, касающимся всех сфер социальной жизни человека. Поскольку у представителей этой стадии еще не сформировалась целостная иерархическая система ценностей, они не знают, как обращаться с нормами, которые могут служить основанием для неальтруистических мотивов, подобных тем, которыми руководствовался аптекарь (дилемма III), заботясь лишь о своей собственности.

Стадия 4. Человек начинает оценивать поступки и убеждения людей с тех позиций, которые господствуют в его обществе. Люди поддерживают систему, позволяющую обществу хорошо функционировать, избегать хаоса. Основным мотивом поведения выступает, следовательно, осознанное стремление повиноваться общественным законам и поддерживать социальный порядок. Сама общественная система рассматривается как более приоритетная, чем права ее индивидуальных членов.

Уровень III. Постконвенциональная мораль

Стадия 5. На этой стадии находится большинство людей, достигших моральной зрелости. Обобщая особенности пятой и шестой стадий, Колберг считает основной их характеристикой оперирование универсальными принципами справедливости. Основной вопрос, на который ищут ответ представители этих стадий: какова моральная валидность данной социальной системы? Может ли эта система воз-

дать по-максимуму каждому человеку, обеспечить его физическую жизнь, равенство в распределении благ, свободу, возможность принимать самостоятельные решения, предоставить свободу слова, собраний и действий [6, с. 573]. Приоритетными выступают индивидуальные права, которые общество должно максимально поддерживать. Члены социума критически рассматривают свое общество и высказывают убеждение в необходимости изменить несправедливые законы. Жизнь человека считается наивысшей ценностью. С позиций этого положения решаются все моральные дилеммы.

На шестой стадии общество рассматривается в системе всего человечества. Каждое общество должно быть открыто всем наивысшим достижениям различных социальных систем, прежде всего в сфере нравственности. Поскольку эмпирический материал показал, что лишь немногие люди руководствуются универсальными принципами справедливости и уважения к человеку, Колберг вынес эту стадию за скобки своей схемы как «теоретическую». Однако исследования ряда психологов, выполненные в русле теории Колберга и Маслоу, обнаружили, что субъекты в определенные периоды своей жизни могут подниматься на высоту этой стадии. Такой феномен часто наблюдается на этапе жизни, названном Эриксоном периодом генеративности. В это время люди выходят за пределы своей жизни и заняты проблемами совершенствования, обновления, развития как своего общества, так и всего человечества. Под влиянием определенных ситуаций на шестую стадию по временам поднимаются и представители пятой стадии, выступая с позиций универсального принципа справедливости. Люди, стоящие на шестой стадии, не только поддержали бы проявления гражданского неповиновения, в случае несправедливых акций, но и сами приняли бы в них участие.

Выдвинутая Колбергом концепция вызвала критику со стороны ряда психологов. Большинство критических замечаний можно объединить в две группы. Первая группа обвиняла его теорию в «бескровности», в абсолютизации когнитивного подхода. Вторая группа указывала на брешь, которая существует между моральным сознанием и моральным действием. Эти замечания побудили Колберга вплотную заняться проблемой перехода от сознания к поведению, вопросами согласования нравственного сознания и поведения, характеристиками морального действия. В своем лонгитюдном исследовании морального сознания Колберг уже встречался со случаями, когда молодые люди, находившиеся на границе между 4-й и 5-й стадиями (на основании решения дилемм), вели себя и в своей реальной жизни в соответствии с уровнем развития своего сознания. Так, в про-

токолах Колберга содержится описание рассуждения одного молодого человека (случай № 23), который рассказал, что у его отца были все пороки, свойственные американскому обществу: милитаристский энтузиазм, реакционная идеология, преклонение перед бизнесом и расистские позиции. Уже в колледже, продолжает респондент, мы стали сомневаться во всех этих установках. Но тогда отец стал воспринимать его как «нехорошего хиппи» и, возмущенный, буквально выбросил сына из дома. Когда началась война во Вьетнаме, этот студент был уже выпускником одного из американских университетов в качестве специалиста в области политических наук. Он решительно отказался служить в армии и готов был отправиться в тюрьму за отказ воевать во Вьетнаме. Решая III дилемму, он высказал убеждение в том, что Хайнц поступил совершенно правильно, украв лекарство, а фармацевта он расценил как типичного представителя капиталистического общества. Однако молодой человек не смог определить универсальные принципы нравственности (безусловная ценность любой человеческой жизни, приоритет индивидуальных прав, свобода человека, которая не затрагивает достоинств и прав других людей).

Сходными были и установки респондента № 14. Во время интервью в колледже он заявил, что не хочет участвовать во вьетнамской войне, поскольку не понимает ее смысла. Если бы это была вторая мировая война, то, по его словам, никаких вопросов не было бы. Опрошенный уже в 24 года, молодой человек рассказал, что ему все же пришлось послужить в Морском корпусе, но он занимался только штабной работой и, по его словам, не причинил вреда ни одной человеческой жизни. По мнению Колберга, эти два молодых человека все-таки поднялись на уровень моральной зрелости - и в сознании, и в поведении. Отметив эти факты, Колберг начал исследовать условия, способствующие формированию моральных действий. Анализируя протоколы, он пришел к выводу, что важнейшим таким условием является самостоятельная работа, предполагающая принятие на себя ответственности за дело и выработку определенного решения. Из многих документов Колберга мы выбрали протоколы двух врачей (№ 17 и № 44).

В 1969 г. оба они завершили курс обучения на медицинском факультете. В лонгитюде им предложили решить дилемму об эвтаназии женщины, которой в страшных мучениях предстояло умереть в самый короткий срок. Небольшое превышение дозы морфия могло бы положить конец ее страданиям. Первый врач (№ 17) ответил, что в таких условиях только Бог может принять решение, а № 44 сослался на клятву Гиппократата.

В 1976 г. оба врача, проработав уже несколько лет, уверенно заявили о том, что только сама страдающая пациентка имеет право принять окончательное решение о своей судьбе, которое могло бы стать руководством к действию. Поднявшись, таким образом, на стадию 5, они были убеждены, что закон, запрещающий врачам эвтаназию, ошибочен и должен быть отменен, хотя и признали, что реализация его на практике очень трудна. Выводы Колберга о том, что именно принятие субъектом на себя моральной ответственности ведет к моральной зрелости, подтверждается многими данными. Но оказалось, что принятие ответственности еще недостаточное условие перехода морального сознания в моральное действие и не всякая деятельность человека, его профессия обеспечивают достижение моральной зрелости. Как уже упоминалось, в американском лонгитуде Колберга участвовало 60 человек. Из них 5% достигли пятой стадии в 25 лет, 5% поднялись на эту стадию в 28 лет, а 3% достигли ее лишь в 32 года. Оставшихся респондентов интервьюировали в 40 лет, и только один из них был отнесен к 5-й стадии. Все упомянутые выше 13% субъектов были дипломированными специалистами — докторами наук в области бизнеса, медицины и права. Анализируя полученные данные, Колберг приходит к выводу, что не само по себе высшее образование и даже не предполагаемая работой ответственность (система обязательств) ведет к достижению нравственной зрелости. Главным фактором выступает моральное содержание работы: насколько она делает необходимым принятие моральной ответственности за поведение свое и других. При этом не всякая работа открывает возможности дальнейшего морального развития. Так, в отличие от врачей, респондент-юрист лишь за пределами 40 лет обнаружил тип мышления, характерный для пятой стадии. Иногда только значительное накопление опыта моральной ответственности ведет к достижению моральной зрелости. А бизнесмен (случай № 37) лишь в сорокалетнем возрасте сообщил, что в этот относительно поздний период жизни большой опыт моральной ответственности за других людей породил у него чувство беспокойства по поводу рассогласования его комфортной жизни в бизнесе и переживаемой ответственности за мир, в котором господствуют страдания и несправедливость. В определенных условиях это чувство рассогласования вносит свой вклад в решимость человека включиться в движение за переустройство несправедливого общества. Так постепенно в школе Колберга началось изучение этапов перехода нравственного сознания в моральное поведение и структуры нравственного действия.

В психологии существуют две крупные концепции связи морального сознания (суждения) с моральным действием. Согласно первой,

критериями морального действия следует считать его позитивные последствия для благополучия общества, других людей и самого деятеля. Колберг совершенно справедливо считает полностью несостоятельной такую точку зрения. Он рассказывает, как его однажды пригласили прокомментировать по телевидению поступок одного жителя деревни. Этот крепкий и сильный мужчина, увидев пылающий дом, из которого доносились крики, не колеблясь, бросился в огонь и вынес из дома задыхающуюся и полубожженную жертву. На вопрос, почему он это сделал, смельчак ответил, что в деревне он слывет героем, от него всегда ждут таких поступков, а потом хвалят и поздравляют. В своем комментарии Колберг сказал, что поступок этот не относится к числу моральных. Его мотивом было не уважение к ценности человеческой жизни, а желание одобрения, похвал окружающих, стремление подтвердить их ожидания. С позиций стадийной концепции морального развития этот герой находился на стадии доконвенциональной морали. Направленность его личности можно было бы определить как эгоцентрическую.

Вторая концепция исходит из постулата о том, что в основе морального поступка всегда находится моральное суждение, но и в этом случае требуется определить, действительно ли истинно моральным является суждение, представляет ли оно собой моральное убеждение или лишь кажется таковым (вспомним ответы тайландских детей). При этом эмпирический материал показывает, что и само по себе моральное суждение является необходимым, но отнюдь не достаточным условием осуществления морального действия. Существует много обстоятельств, препятствующих переходу убеждения в моральное действие. Этот переход во многом зависит от личностных качеств человека, степени их развития, от его чувств и эмоций. По существу модус действия означает переход не только сознания, но и личности в целом в новую плоскость жизни, требующей всей полноты ее функционирования. В этом контексте целесообразно привести ответы Колберга на критику, как называл их психолог, «эмотивистов», осуждавших его школу за «бескровность». Колберг разъясняет, что когнитивизм отнюдь не предполагает отрицания аффектов как интегрального эмоционального компонента суждений людей о справедливости, о морали. Когнитивисты, разрабатывающие проблемы морали, в своих протоколах всегда выделяют высказывания о чувстве уважения к людям, о важности заботливого отношения друг к другу, об ответственности друг за друга, о любви и дружбе. Признавая важную роль аффектов, представители когнитивного подхода вместе с тем утверждают, что чувства всегда опосредствуются или структурируются определенными когнитивными

процессами (принятие роли другого, постановка себя на его место). Структурированные аффекты проявляются как симпатия к моральной жертве, как возмущение моральным эксплуататором, как эмпатия к окружающим. И эти чувства вносят свой вклад в движение от сознания к действию.

В таком более широком личностном масштабе Колберг и его сотрудники разрабатывают оригинальное учение о *многоступенчатом переходе от моральных принципов к нравственным действиям*, об условиях, способствующих и препятствующих этому переходу. Прежде всего Колберг выделяет два частных суждения, порождаемых универсальными нравственными принципами и подготавливающими движение сознания к поведению. Первое — суждение деонтического выбора, которое касается определения того, что должно быть сделано, и какое действие является правильным с точки зрения категорического императива Канта. Второе суждение касается принятия на себя ответственности за предстоящее действие, за его последствия. Если субъект, обязавшийся перед собой совершить действие, не выполнит его, он нарушит закон взаимосогласованности своей системы моральных операций, что вызовет у него чувство дискомфорта. А. Блэзи (A. Blasi), разделяющий концепцию Колберга, пишет: «Переход от суждения ответственности к действию поддерживается тенденцией к самосогласованности» [1, с. 35]. Человек чувствует себя обязанным подтвердить свой деонтический выбор, выполнить должное. И все-таки есть ряд обстоятельств, которые в зависимости от стадии морального развития препятствуют осуществлению справедливого поступка. Их содержание раскрывается в ряде экспериментов. Так, в опытах С. Макнейми [7] изучалось поведение подростков в следующей ситуации. Среди испытуемых — учащихся средней школы — «оказывался» юноша, который «превысил» дозу обычно принимаемых им наркотиков. Молодому человеку стало плохо. Он сообщил об этом экспериментатору, которая ответила, что она, к сожалению, не терапевт, и надеется увидеть его в другой раз. Участники эксперимента, которые находились на 2-й, 3-й и 4-й стадиях морального развития не вмешивались в возникшую ситуацию, хотя некоторые из них считали, что юноше следовало бы помочь. Кто-то из них даже пытался дать ему советы. Лишь 20% респондентов старались практически помочь «страдальцу». Все они находились на пятой стадии морального развития. Расспрашивая ребят о причинах их поведения, Макнейми обнаружил, что у людей на каждой стадии существуют не только специфические моральные обязательства действовать, но и характерные оправдания собственного бездействия. Так, представители

2-й стадии считали, что оказание помощи — совсем не их дело. Ребята, отнесенные к 3-й стадии, боялись неодобрения экспериментатора. Самыми значимыми в теоретическом плане оказались ответы представителей 4-й стадии. По их мнению, согласившись принять участие в опытах, они приняли на себя определенные обязательства перед экспериментатором — авторитетной фигурой в этой ситуации [7]. Такие обязательства, противоречащие обязательствам, вытекающим из убеждений в высшей ценности человеческой жизни, здоровья человека, комфортного его состояния, Колберг назвал *квази-обязательствами*. Наличие подобных психических новообразований было обнаружено и при повторении опытов С. Милгрэма. Все участники опытов, продолжавшие наносить болезненные удары током «жертве», хотя и сочувствовали ей, но не прекращали своих аморальных действий, руководствуясь квази-обязательствами перед экспериментатором [8]. По мнению Колберга, в хорошо известных опытах Аша также действовал механизм квази-обязательств, направленных на поддержание групповых норм. Колберг считает феномен квази-обязательств характерным для представителей 3-й стадии морального развития. Эти субъекты еще не достигли уровня постконвенциональной морали и не способны действовать как автономные, свободные люди, руководствующиеся высшими ценностями — уважением к жизни человека и его достоинству. Данное положение убедительно подтверждается анализом поведения людей в полевых условиях. Колберг сообщает о содержании передававшегося по телевидению 24 ноября 1969 г. интервью с некоторыми солдатами, которые по приказу лейтенанта Келли расстреливали мирных жителей вьетнамской деревушки My Lai. Для определения уровня морального развития солдат им предлагалось решить гипотетические дилеммы. Один из солдат, участвовавших в расстреле, сказал, что стрелял из-за боязни наказания за невыполнение приказа командира. По данным структурированного интервью, этот солдат находится на стадии 2/3 нравственного развития. Лейтенант Келли считал, что действовал так, как его инструктировали. Об уровне его нравственного развития не сообщается. Зато приводятся рассуждения Майкла Бернхардта — единственного солдата из группы Келли, который решительно отказался стрелять в мирных жителей. По его словам, жизнь каждого человека обладает равной значимостью, независимо от того, к какой социальной категории он относится. Ответы этого солдата на дилемму Хайнца соответствовали критериям пятой стадии: ценность жизни, безусловно, выше ценности собственности, и этим принципом должен был бы руководствоваться аптекарь.

Колберг, исследуя поведение людей в реальной жизни, приходит к выводу о том, что ориентация на групповые нормы, на квази-обязательства для членов тех или иных партий или фракций является наиболее выраженной в политических ситуациях. Ярким примером квази-обязательств он считает поведение участников Уотергейтского дела, когда в 1972 г., в период подготовки к переизбранию в президенты Р. Никсона, высшие чины Белого дома совершили ряд преступлений. Анализ показаний на суде этих сенаторов позволил заключить, что все они находились на 3-й или 4-й стадиях морального развития. Они руководствовались квази-обязательствами по отношению к группе Никсона и к нему самому.

Квази-обязательства, как правило, служат помехой для выполнения истинно морального, добродетельного поступка. Однако было бы ошибочно считать, что сами по себе моральные суждения, убеждения, умозаключения, типичные для пятой стадии нравственного мышления, непосредственно обеспечивают соответствующее поведение. Между моральным сознанием (знанием, убеждением) и его воплощением в реальном поведении существует ряд звеньев, которые мы назвали бы когнитивно-личностными способностями. Они развиваются у человека по мере того, как ему приходится решать все более сложные жизненные, в том числе и моральные проблемы. Их значимость начинает выступать на первый план после того, как субъект вынес деонтическое суждение и принял на себя ответственность. После этого индивид оказывается перед ситуацией, в которой ему предстоит действовать. Успех поведения зависит от того, насколько умело и тонко человек *интерпретирует* конфликтную моральную ситуацию, насколько он *сензитивен* к существенным ее особенностям, насколько адекватным оказывается план его действий.

Поскольку моральные ситуации почти всегда имеют форму дилемм и включают несколько участников, результативность решения моральных проблем предполагает умения вести диалог и сближать противоположные точки зрения. Согласно данным J. Rest (1983), В. Latane (1968) и других, адекватность интерпретации ситуации определяется структурой той стадии морального развития, на которой находится человек. Этот факт подчеркивает и Колберг. «Структуры моральных стадий, — пишет он — являются способами фильтрации и интерпретации индивидом различных окружающих, в частности, межличностных факторов, которые включены в моральную ситуацию» [6, с. 555]. В другом положении Колберг подчеркивает, что структурой стадий определяется и качество воздействий на эти факторы [6, с. 564]. Для правильной интерпретации моральных событий

человек должен быть сензитивен к разным их характеристикам, к содержащимся в условиях «намёкам». Неоднозначность, амбивалентность таких признаков, «сигналов» психологи считают сильнейшим препятствием для осуществления морального действия ввиду принятия по этим основаниям неадекватного решения. А решение является важным и необходимым этапом при переходе от морального суждения к поведению. У. Коллинз [3] показал, что дети, находящиеся на низких стадиях морального развития, неверно понимают формы межличностных отношений, упускают из виду релевантные признаки происходящего, не могут интегрировать информацию, поступающую о разных моментах ситуаций. В результате они приходят к ошибочным заключениям, воплощающимся в неадекватных действиях. Люди, находящиеся на более высоких ступенях нравственности, принимают взвешенные решения действовать на основе которых формируются планы действий и вырабатываются способы их сохранения. Твёрдое решение действовать предполагает, что субъект определяет свои права и обязанности, берет на себя ответственность за последствия своих поступков. Естественно, что адекватное выстраивание субъектом всех этапов перехода от сознания к действию требует высокого развития интеллекта. На этом положении строится вся концепция Колберга, который подчеркивает, что «Когнитивное развитие является необходимой предпосылкой для морального развития» [6, с. 613].

Однако структура звеньев, опосредствующих моральное действие, отнюдь не завершается всеми этими этапами. Корректное выполнение действий требует, как выражается Колберг, участия не-моральных компонент, т.е. психологических образований, не относящихся к сфере морали. К ним относятся прежде всего *умения*. Неумелое действие, выполненное из самых добрых побуждений, может вызвать последствия, противоположные задуманному. Если звенья, связывающие моральные убеждения с нравственным поведением, оказываются четко сформированными и логически следующими друг за другом, они образуют как бы единое целое, на основе которого возникает *привычка* действовать нравственно. Но привычки безотказно действуют лишь в знакомых ситуациях. В нестандартных же условиях вся цепь опосредствующих звеньев должна строиться заново. Колберг не без оснований предупреждает, что моральные ситуации очень сложны, особенно трудна их адекватная интерпретация. Ситуации эти обычно носят характер дилемм, т.е. предполагают выбор «из двух зол — наименьшее». Кроме того, в реальной жизни социальные ситуации содержат много искушений; нередко добродетельный поступок может быть выпол-

нен только в ущерб самому объекту. Применительно к таким условиям Колберг вынужден обратиться к четко неоперационализированным личностным образованиям, таким, как сила воли или эго-контроль, которые фигурируют в концепциях личностного развития, называемых Колбергом «мягкими» (теории Э. Эриксона, Дж. Левингера) в отличие от «жестких» — когнитивно-операциональных (Ж. Пиаже, Д. Колберг).

Потребность Колберга при разработке проблемы связи морального сознания и поведения привлечь понятия, входящие в теории, охватывающие развитие человека во всей его целостности, подчеркивает тот факт, что вопросы моральности могут разрабатываться только в таком контексте.

Поэтому не без оснований Колберг неоднократно предупреждает, что его исследования отнюдь не претендуют на анализ всей сферы нравственности человека, а ограничиваются преимущественно феноменом справедливости. Но оказывается, что и этот феномен нравственности должен изучаться в контексте стержневых образований личности — ее воли, «я» субъекта. Следует отметить, что многие психологи считают нравственность неразрывно связанной с волей. У. Джеймс еще в конце XIX столетия развивал эту идею, обосновывая ее тем, что моральное действие — это действие, совершающееся по линии наибольшего сопротивления» [1890, с. 549]. Данные Колберга показывают, что это положение истинно только частично: особое «моральное усилие» бывает необходимо лишь в том случае, когда деонтическое суждение, констатация «должного действия» превышает уровень развития нравственного сознания. В таких обстоятельствах моральное поведение «поднимает» нравственность субъекта на более высокую стадию.

Оригинальным образом связь воли с моральным поступком толкует Пиаже. Привлекая свое понятие «децентрации», волевой акт человека он интерпретирует как действие «аффективной децентрации»: субъект лишает высокой эмоциональной насыщенности те ценности, которые обычно занимают в его личностной организации низшее положение, но под влиянием определенных ситуаций они оказываются аффективно заряженными. В таком случае, как выражается Пиаже, воля есть «регуляция, которая стала обратимой, и в этом смысле она сравнима с (когнитивной — Л.А.) операцией. Когда обязательство или долг, — продолжает Пиаже, — в данный момент оказываются слабее, чем специфическое желание, воля восстанавливает личностную иерархию ценностей и обеспечивает их последующее сохранение» [9]. В этом положении Пиаже, по мнению Колберга, операционализируется феномен, получивший в современной

психологии название «эго-контроля». Однако Колберг высказывает мнение, с которым нельзя не согласиться: ни сильный эго-контроль, ни развитая воля не обеспечивают еще моральности действия. Лишь ассоциируясь со зрелыми моральными суждениями (убеждениями), такие образования вносят вклад в моральное поведение.

Выводы

Подытоживая анализ концепции связи морального сознания и морального поведения, можно сформулировать следующие положения.

По мере развития нравственности у субъекта растет степень согласованности не только внутренних моральных операций. Принцип согласованности распространяется и на связь морального сознания и нравственного поведения. На пятой стадии — на уровне моральной зрелости — согласованность морального сознания и действия достигает наивысшей степени, но все же не поднимается до стопроцентной отметки. Многофазный переход от сознания к действию — выработка деонтического суждения, сознание долга, интерпретация и оценка моральной ситуации, выработка умения совершить адекватное моральное действие, противостоять искушениям, способность восстанавливать иерархию ценностей, типичную для личности, — порождает некоторые рассогласования между уровнем морального сознания и поведения. В свете представленной в статье стадийной теории нравственного развития следует снова вернуться к старой психологической проблеме — ситуативно ли то или иное моральное поведение человека или оно является проявлением устойчивого личностного качества? Устойчивость поведения зависит от того, на какой стадии развития находится субъект. На 1/2 стадиях действия будут зависеть от предвидения ребенком возможности наказания или одобрения за определенный поступок. На пятой стадии человек станет руководствоваться сконструированным им самим принципом, который и будет обеспечивать согласованность его действий во всех ситуациях.

Конечно, проанализированные здесь исследования касаются лишь части моральной сферы человека. За ее пределами остаются вопросы совести, самопожертвования, свершения зла ради победы добра и т.д. Особенно актуальным нам представляется вопрос о воздействии высокоморального поведения, вынужденного сначала лишь жесткими обстоятельствами, на развитие морального сознания субъекта, на трансформацию этого поведения в высший принцип нравственного отношения человека к миру.

Литература

1. *Blasi A.* Bridging Moral Cognition and Moral Action: A Critical Review of the Literature // *Psychological Bulletin*. 1980. V. 88. № 7.
2. *Colby A., Kohlberg L., Gibbs J. and Liberman M.* A Longitudinal Study of Moral Judgement // *Monograph of the Society for Research in Child Development*. 1983. V. 48. № 4.
3. *Collins W.A.* Effect of Temporal Separation Between Motivation, Agression and Consequences: A Developmental Study // *Developmental Psychology*. 1973. V. 8. № 2 (цит. по L. Kohlberg, 1984).
4. *Gibbs L.Y.* Kohlberg's Moral Stage Theory: A Piagetian Revision // *Human Development*, 1979. V. 22. P. 89-112.
5. *Haan N., Smith B., Block J.* The Moral Reasoning of Young Adult // *Journal of Personality and Social Psychology*. 1968. V. 10. P. 183.
6. *Kohlberg L.* Essays on Moral Development. Vol. II. The Psychology of Moral Development. NewYork: Harper & Row. Toronto: Fitzhenry & Whiteside. 1984.
7. *McNamee S.* Moral Behavior, Moral Development and Motivation // *Journal of Moral Education*. 1978. V. 7. P. 27-31.
8. *Milgram S.* Behavioral Study of Obedience // *Journal of Abnormal and Social Psychology*, 1963. V. 67. P. 371-378.
9. *Piaget J.* On the Development of Memory and Identity. Worcester, Mass., Clark University Press. 1968. P. 60. (Цит. по L. Kohlberg, 1984).

Приложение. Девять гипотетических дилемм

(Дано по: Kohlberg L. Essays in Moral Development. The Psychology of Moral Development. San Francisco. Harper & Row. 1984. V. II.)

Форма А

Дилемма III. В Европе женщина умирала от особой формы рака. Было только одно лекарство, которое, по мнению докторов, могло бы ее спасти. Это была форма радия, недавно открытая фармацевтом в этом же городе. Изготовление лекарства стоило дорого. Но фармацевт назначил цену в 10 раз больше. Он заплатил 400 долларов за радий, а назначил цену 4000 долларов за небольшую дозу радия. Муж больной женщины, Хайнц, пошел ко всем своим знакомым, чтобы взять займы денег, и использовал все легальные средства, но смог собрать лишь около 2000\$. Он сказал фармацевту, что жена умирает, и просил его продать дешевле или принять плату позднее. Но фармацевт сказал: «Нет, я открыл лекарство и собираюсь хорошо на нем заработать, используя все реальные средства». И Хайнц решил взломать аптеку и украсть лекарство.

1. Должен ли Хайнц украсть лекарство?
 - 1а. Почему да или нет?
2. (Вопрос поставлен с тем, чтобы выявить у субъекта *моральный тип*, и не должен считаться обязательным). Хорошо (right) или дурно для него украсть лекарство?
 - 2а. (Вопрос поставлен с тем, чтобы выявить у субъекта *моральный тип*, и не должен считаться обязательным). Почему это правильно (right) или дурно?
3. Есть ли у Хайнца обязанность или обязательство украсть лекарство?
 - 3а. Почему да или нет?
4. Если бы Хайнц не любил свою жену, должен ли был он украсть лекарство для нее? (Если субъект не одобряет воровство, спросить, будет ли различие в его поступке, если он любит или не любит свою жену?)
 - 4а. Почему да или нет?
5. Предположим, что умирает не его жена, а чужой человек. Должен ли Хайнц украсть лекарство для чужого?
 - 5а. Почему да или нет?
6. (Если субъект одобряет кражу лекарства для чужого). Предположим, что это домашнее животное, которое он любит. Должен ли Хайнц украсть, чтобы спасти любимое животное?

6а. Почему да или нет?

7. Важно ли для людей делать все, что они могут, чтобы спасти жизнь другого?

7а. Почему да или нет?

8. Воровать — противозаконно. Дурно ли это в моральном отношении?

8а. Почему да или нет?

9. Вообще, должны ли люди пытаться делать все, что они могут, чтобы повиноваться закону?

9а. Почему да или нет?

10. (Этот вопрос включен, чтобы выявить ориентацию субъекта, и не должен считаться обязательным).

10а. Почему?

(Вопросы 1 и 2 Дилеммы III¹ не являются обязательными. Если вы не хотите использовать их, читайте Дилемму III¹ и ее продолжение и начинайте с вопроса 3).

Дилемма III¹. Хайнц залез в аптеку. Он украл лекарство и дал его жене. На следующий день в газетах появилось сообщение о грабеже. Офицер полиции м-р Браун, который знал Хайнца, прочитал сообщение. Он вспомнил, что видел, как Хайнц бежал от аптеки, и понял, что это сделал Хайнц. Полицейский колебался, должен ли он сообщить об этом.

1. Должен ли офицер Браун сообщить о том, что кражу совершил Хайнц?

1а. Почему да или нет?

2. Предположим, что офицер Браун — близкий друг Хайнца. Должен ли он тогда подать рапорт о нем?

2а. Почему да или нет?

Продолжение: Офицер Браун сообщил о Хайнце. Хайнц был арестован и предстал перед судом. Были избраны присяжные, работа присяжных — определить, виновен или нет человек в совершении преступления. Присяжные признают Хайнца виновным. Дело судьи — вынести приговор.

3. Должен ли судья дать Хайнцу определенное наказание или освободить его?

3а. Почему это является наилучшим? (Why is that best?)

4. С позиции общества, должны ли люди, нарушающие закон, быть наказаны?

4а. Почему да или нет?

4б. Как это применить к тому, что должен решить судья?

5. Хайнц сделал то, что подсказала ему совесть, когда он украл лекарство. Должен ли нарушитель закона быть наказан, если он действовал не по совести?

5а. Почему да или нет?

6. (Этот вопрос поставлен с тем, чтобы выявить ориентацию субъекта, и его можно считать необязательным). Продумайте дилемму: что, по Вашему мнению, является самой ответственной вещью, которую должен сделать судья?

6а. Почему?

(Вопросы 7 — 12 включены, чтобы выявить систему этических взглядов субъекта, и не должны рассматриваться как обязательные).

7. Что означает для вас слово *совесть*? Если бы вы были на месте Хайнца, как бы повлияла ваша совесть на решение?

8. Хайнц должен принять моральное решение. Должно ли моральное решение быть основано на чувствах или на обдумывании и размышлении о том, что правильно (right) и дурно?

9. Является ли проблема Хайнца моральной проблемой? Почему?

9а. Вообще, что превращает нечто в моральную проблему или что означает слово *моральность* (morality) для вас?

10. Если Хайнц собирается решить, что делать, путем размышления о действительно справедливом (right), должен быть некоторый ответ, правильное решение. Существует ли в действительности некоторое правильное решение для моральных проблем, подобных проблеме Хайнца, или, когда люди не согласны, мнение каждого в равной мере справедливо (right)? Почему?

11. Как вы сможете узнать, когда вы придете (you've come up) к хорошему моральному решению? Есть ли способ мышления или метод, путем которого человек может достичь хорошего или адекватного решения?

12. Большинство считает, что мышление и рассуждение (reasoning) в науке могут вести к правильному ответу. Верно ли это для морального решения или они различны?

Дилемма I.

Джо — 14-летний мальчик, который очень хотел поехать в лагерь. Отец обещал ему, что он сможет поехать, если сам заработает для этого деньги. Джо усердно работал и скопил 40 долларов, необходимых для поездки в лагерь, и еще немного сверх того. Но как раз перед поездкой отец изменил свое решение. Некоторые его друзья решили поехать на рыбалку, а у отца не хватало денег. Он сказал Джо,

чтобы тот дал ему накопленные деньги. Джо не хотел отказываться от поездки в лагерь и собирался отказать отцу.

1. Должен ли Джо отказаться отдать отцу деньги?
 - 1а. Почему да или нет?(Вопросы 2 и 3 предназначены, чтобы выявить моральный тип субъекта, и являются необязательными).
2. Имеет ли отец право уговаривать Джо отдать ему деньги?
 - 2а. Почему да или нет?
3. Означает ли отдача денег, что сын хороший?
 - 3а. Почему?
4. Является ли важным в этой ситуации тот факт, что Джо сам заработал деньги?
 - 4а. Почему?
5. Отец обещал Джо, что он смог бы поехать в лагерь, если бы он сам заработал деньги. Является ли обещание отца самой важной вещью в этой ситуации?
 - 5а. Почему?
6. Вообще, почему обещание должно быть выполнено?
7. Важно ли сдержать обещание кому-то, кого вы хорошо не знаете и, вероятно, не увидите снова?
 - 7а. Почему?
8. О какой самой важной вещи должен был бы заботиться отец в своем отношении к сыну?
 - 8а. Почему это самое важное?
9. Вообще, что должно бы быть авторитетом отца по отношению (over) к сыну?
 - 9а. Почему?
10. О какой самой важной вещи должен заботиться сын в своем отношении к отцу?
 - 10а. Почему это самая важная вещь?
11. (Следующий вопрос направлен на выявление ориентации субъекта и не должен считаться обязательным).
Что же, по вашему мнению, является самой ответственной вещью, которую должен делать Джо в этой ситуации?
 - 11а. Почему?

Форма В.

Дилемма IV. У одной женщины была очень тяжелая форма рака, от которой не было лекарства. Доктор Джефферсон знал, что ей осталось жить 6 месяцев. Она испытывала ужасные боли, но была так слаба, что достаточная доза морфия позволила бы ей умереть скорее.

Она даже бредила, но в спокойные периоды она попросила доктора дать ей достаточно морфия, чтобы убить её. Хотя доктор Джефферсон знает, что убийство из милосердия противозаконно, он собирается выполнить ее просьбу.

1. Должен ли доктор Джефферсон дать лекарство, от которого бы она умерла?
 - 1а. Почему?
2. Этот вопрос направлен на выявление морального типа субъекта и не является обязательным. Правильно (right) или дурно для него дать женщине лекарство, которое позволило бы ей умереть?
 - 2а. Почему это правильно или дурно?
3. Должна ли женщина иметь право принять окончательное решение?
 - 3а. Почему да или нет?
4. Женщина замужем. Должен ли ее муж вмешиваться в решение (have anything to do with the decision)?
 - 4а. Почему?
5. (Следующий вопрос необязателен). Что должен бы сделать хороший муж в этой ситуации?
 - 5а. Почему?
6. Имеет ли человек обязанность или обязательство жить, когда он не хочет, а хочет покончить жизнь самоубийством?
7. (Следующий вопрос необязателен). Имеет ли д-р Джефферсон обязанность или обязательство сделать лекарство доступным для женщины?
 - 7а. Почему?
8. Когда домашнее животное тяжело ранено и умирает, его убивают, чтобы избавить от боли. Применима ли та же самая вещь здесь?
 - 8а. Почему?
9. Для доктора противозаконно дать женщине лекарство. Является ли это аморальным?
 - 9а. Почему?
10. Вообще, должны ли люди делать все, что они могут, чтобы повиноваться закону?
 - 9а. Почему?
10. Как это применить к тому, что должен был бы сделать д-р Джефферсон?
11. (Следующий вопрос касается моральной ориентации, он не обязателен). Обдумывая дилемму, что бы вы сказали о самой ответственной вещи, которую сделал бы д-р Джефферсон?
 - 11а. Почему?

(Вопрос 1 Дилеммы IV¹ необязателен)

Дилемма IV¹. Д-р Джефферсон совершил милосердное убийство. В это время проходил мимо д-р Роджерс. Он знал ситуацию и пытался остановить доктора Джефферсона, но лекарство уже было дано. Доктор Роджерс колебался (*wonders*), должен ли он был сообщить о докторе Джефферсоне.

1. Должен ли был д-р Роджерс сообщить о д-ре Джефферсоне?

1а. Почему?

Продолжение: д-р Роджерс сообщил о д-ре Джефферсоне. Д-р Джефферсон предан суду. Избраны присяжные. Работа присяжных — определить, виновен или невиновен человек в совершении преступления. Присяжные находят, что д-р Джефферсон виновен. Судья должен вынести приговор.

2. Должен ли судья наказать д-ра Джефферсона или освободить?

2а. Почему вы считаете такой ответ наилучшим?

3. Подумайте в понятиях общества, должны ли люди, которые нарушают закон, быть наказаны?

3а. Почему да или нет?

3б. Как это применить к решению судьи?

4. Присяжные находят, что д-р Джефферсон по закону виновен в убийстве. Справедливо или нет для судьи вынести ему смертный приговор (по закону возможное наказание)? Почему?

5. Правильно ли всегда выносить смертный приговор? Почему да или нет? При каких условиях смертный приговор должен быть, по вашему мнению, вынесен? Почему эти условия важны?

6. Д-р Джефферсон сделал то, что подсказала ему совесть, когда он дал женщине лекарство. Должен ли быть наказан нарушитель закона, если он действует не по совести?

6а. Почему да или нет?

7. (Следующий вопрос необязателен). Снова обдумывая дилемму, что бы вы определили как самую ответственную вещь для судьи?

7а. Почему?

(Вопросы 8 – 13 выявляют систему этических взглядов субъекта и не являются обязательными).

8. Что означает слово *совесть* для вас? Если бы вы были д-р Джефферсоном, что сказала бы вам совесть при принятии решения?

9. Д-р Джефферсон должен принять моральное решение. Должно ли быть оно основано на чувстве или только на рассуждении о том, что справедливо и дурно?
- 10а. Вообще, что делает проблему моральной или что означает для вас слово «нравственность» (morality)?
11. Если д-р Джефферсон размышляет над тем, что действительно правильно, должен быть какой-то правильный ответ. Есть ли действительно некоторое правильное решение для моральных проблем, подобных тем, которые имеются у д-р Джефферсона, или когда мнение каждого является равно правильным? Почему?
12. Как вы можете узнать, что пришли к справедливому моральному решению? Есть ли способ мышления или метод, путем которого можно достичь хорошего или адекватного решения?
13. Большинство людей считают, что мышление и рассуждения в науке могут привести к правильному ответу. Верно ли это для моральных решений или есть разница?

Дилемма II. Джуди — 12-летняя девочка... Мать обещала ей, что она могла бы пойти на специальный рок-концерт в их городе, если девочка скопит деньги на билет, работая приходящей няней и немного экономя на завтраке. Она скопила 15 долларов на билет, да еще дополнительно 5 долларов. Но мать изменила решение и сказала Джуди, что та должна потратить деньги на новую одежду для школы. Джуди была разочарована и решила любым способом пойти на концерт. Она купила билет, а матери сказала, что заработала всего 5 долларов. В среду она пошла на представление, а своей матери сказала, что провела день с другом. Через неделю Джуди рассказала своей старшей сестре, Луизе, что она ходила на спектакль, а матери солгала. Луиза раздумывала, сказать ли матери о поступке Джуди.

1. Должна ли Луиза рассказать матери, что Джуди солгала о деньгах или промолчать?
 - 1а. Почему?
2. Колеблясь, рассказать или нет, Луиза думает о том, что Джуди — ее сестра. Должно ли это влиять на решение Джуди?
 - 2а. Почему да или нет?
3. (Этот вопрос, относящийся к определению морального типа, необязателен). Имеет ли такой рассказ связь с позицией хорошей дочери?
 - 3а. Почему?

4. Важен ли в этой ситуации тот факт, что Джуди сама заработала деньги?
 - 4а. Почему?
5. Мать обещала Джуди, что она смогла бы пойти на концерт, если сама заработает деньги. Является ли обещание матери самой важной вещью в этой ситуации?
 - 5а. Почему да или нет?
6. Почему вообще обещание нужно выполнять?
7. Важно ли сдержать обещание, данное кому-то, кого вы хорошо не знаете и, вероятно, не увидите снова?
 - 7а. Почему?
8. Какова самая важная вещь, о которой должна заботиться мать в ее отношениях с дочерью?
 - 8а. Почему это самая важная вещь?
9. Вообще, каким должен быть авторитет матери для (over) дочери?
 - 9а. Почему?
10. О какой самой важной вещи, по вашему мнению, должна заботиться дочь по отношению к матери?
 - 10а. Почему эта вещь важна?
11. (Этот вопрос необязателен). Осмысливая снова дилемму, скажите, что в первую очередь нужно сделать в этой ситуации Луизе?
11. Почему?

Форма С.

Дилемма V. В Корее экипаж моряков при встрече с превосходящими силами врагов отступил. Экипаж перешел мост через реку, но враг был еще в основном на другой стороне. Если бы кто-нибудь пошел на мост и взорвал его, то остальные члены команды, имея преимущество во времени, вероятно, могли бы убежать. Но человек, который остался бы сзади, чтобы взорвать мост, не смог бы уйти живым. Сам капитан — это человек, который лучше всего знает, как вести отступление. Он вызвал добровольцев, но их не оказалось. Если он пойдет сам, то люди, вероятно, не вернуться благополучно, он — единственный, кто знает, как вести отступление.

1. Должен ли был капитан приказать человеку пойти на задание или он должен был пойти сам?
 - 1а. Почему?
2. Должен ли капитан послать человека (или даже использовать лотерею), когда это означает послать его на смерть?
 - 2а. Почему?

3. Должен ли был капитан пойти сам, когда это означает, что люди, вероятно, не вернутся обратно благополучно?
 - 3а. Почему?
4. Имеет ли капитан право приказать человеку, если он думает, что это наилучший ход?
 - 4а. Почему?
5. Человек, который получил приказ, имеет ли обязанность или обязательство идти?
 - 5а. Почему?
6. Что вызывает необходимость спасти или защитить человеческую жизнь?
 - 6а. Почему это важно?
 - 6б. Как это применить к тому, что должен сделать капитан?
7. (Следующий вопрос необязателен). Продумывая вновь дилемму, скажите, что самое главное в этой ситуации для капитана?
 - 7а. Почему?

Дилемма VIII. В одной стране в Европе бедный человек по имени Вальжан не смог найти работы, не смогли сделать этого ни его сестра, ни брат. Не имея денег, он украл хлеб и необходимое им лекарство. Его схватили и приговорили к 6 годам тюрьмы. Через два года он сбежал и стал жить в новом месте под другим именем. Он скопил деньги и постепенно построил большую фабрику, платил своим рабочим самую высокую зарплату и большую часть своей прибыли отдавал на больницу для людей, которые не могли получить хороший медицинский уход. Прошло двадцать лет, и один моряк узнал во владельце фабрики Вальжане беглого каторжника, которого полиция искала в его родном городе.

1. Должен ли был моряк сообщить о Вальжане в полицию?
 - 1а. Почему?
2. Есть ли у гражданина обязанность или обязательство сообщать о беглом преступнике?
 - 2а. Почему?
3. Предположим, Вальжан был бы близким другом моряка. Должен ли он тогда сообщить о Вальжане?
4. Если о Вальжане сообщили, и он предстал перед судом, должен ли был судья послать его обратно на каторгу или освободить?
 - 4а. Почему?
5. Подумайте, с точки зрения общества, должны ли люди, которые нарушают закон, быть наказаны?
 - 5а. Почему?
 - 5б. Как это применить к тому, что должен сделать судья?

6. Вальжан сделал то, что ему подсказала совесть, когда он украл хлеб и лекарство. Должен ли нарушитель закона быть наказан, если он действует не по совести?
6а. Почему?
7. (Этот вопрос необязателен). Вновь осмысливая дилемму, скажите, как надо поступить моряку?
7а. Почему?
- (Вопросы 8-12 касаются системы этических взглядов субъекта, они необязательны для определения моральной стадии).
8. Что означает слово *совесть* для вас? Если бы вы были Вальжаном, как участвовала бы ваша совесть в решении?
9. Вальжан должен принять моральное решение. Должно ли моральное решение быть основано на чувстве или умозаключении о правильном (right) и дурном?
10. Является ли проблема Вальжана моральной проблемой? Почему?
10а. Вообще, что делает проблему моральной и что означает слово моральность (morality) для вас?
11. Если Вальжан собирается решать, что нужно сделать, путем размышления о том, что же в действительности справедливо, должен быть какой-то ответ, правильное решение. Есть ли действительно некоторое правильное решение моральных проблем, подобных дилемме Вальжана, или — когда люди не соглашаются друг с другом, — мнение каждого равно справедливо? Почему?
12. Как вы узнаете, что пришли к правильному моральному решению. Есть ли способ мышления или метод, путем которого человек может достичь правильного или адекватного решения?
13. Большинство людей считают, что умозаключения или рассуждения в науке могут привести к правильному ответу. Верно ли это для моральных решений или есть разница?

Дилемма VII. Два молодых человека, братья, попали в трудное положение. Они тайно покинули город и нуждались в деньгах. Карл, старший, взломал магазин и похитил тысячу долларов. Боб, младший, пошел к старому человеку в отставке — было известно, что он помогает людям в городе. Этому человеку он сказал, что он очень болен и ему необходима тысяча долларов, чтобы заплатить за операцию. Боб попросил этого человека дать ему деньги и обещал, что вернет их обратно, когда поправится. В действительности Боб вообще не был болен и не намеревался возвращать деньги. Хотя старик и не знал хорошо Боба, он дал ему деньги. Так Боб и Карл удрали из города, каждый с тысячью долларов.

- 1а. Что хуже: украсть, как Карл, или обмануть, как Боб?
 - 1б. Почему это хуже?
2. Что, по Вашему мнению, является самой плохой вещью при обмане старого человека?
 - 2а. Почему это хуже всего?
3. Вообще, почему обещание должно выполняться?
4. Важно ли сдержать обещание, данное человеку, которого вы хорошо не знаете или никогда не увидите снова?
 - 4а. Почему да или нет?
5. Почему не должно красть из магазина?
6. Какова ценность или важность прав собственности?
7. Должны ли люди делать все, что они могут, чтобы повиноваться закону?
 - 7а. Почему да или нет?
8. (Следующий вопрос направлен на выявление ориентации испытуемого и не должен считаться обязательным). Был ли старый человек безответственным, ссужая Бобу деньги?
 - 8а. Почему да или нет?

8

АРХЕТИПИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ РАЗВИТИЯ ЛИЧНОСТИ КАРЛА ГУСТАВА ЮНГА

ГЛАВА | (Часть первая: Особенности развития личности в первой половине жизни)

Название статьи безусловно несет оттенок амбивалентности. Но в данном случае его неоднозначность корректна. Речь пойдет о созданной К.Г. Юнгом уникальной теории изменения и развития личности в пространстве и времени всей ее жизни. Эта теория построена в своей значительной части на осмысливании психологом опыта собственной душевной жизни, переживаний изменения отношений к миру и к себе. Свои обобщения Юнг строит также на истолковании огромного массива культуры человечества: мифов, сказаний, легенд разных народов, на результатах изучения жизни традиционных обществ. Но в содержание этих обобщений органически включается психологическая автобиография самого Юнга, тот «миф», который каждый человек создает в результате истолкования собственной жизни. Поэтому теория Юнга — это и концепция развития его личности, и теория общих закономерностей трансформации и движения субъекта к высшим уровням своего становления. В работах Юнга много необычных терминов, но в их содержании легко узнаются знакомые всем переживания, не акцентированные в трудах других психологов. Первостепенную значимость он придает тому, как субъект переживает все происходящее с ним и вокруг него. «Я могу понять себя, — пишет он, — только в свете событий внутренней жизни... Они определяют неповторимость моей жизни, им посвящена моя автобиография. Я рано осознал, — продолжает он, — что если жизненные трудности не встречают отклика со стороны внутреннего мира, значит, они

в конечном счете немного стоят» [12, с. 11]. В этих словах реализуется определение Юнгом своего учения как *психологии переживаний*. Но исследование его научного творчества доказывает, что юнговская теория не в меньшей мере может быть названа учением о самосознании, о фундаментальной роли в становлении и «расширении» личности глубокого и адекватного осознания человеком себя. Высокий уровень развития самосознания выступает у Юнга как *«трансцендентная функция»*. Этот термин тесно связан с юнговским понятием индивидуации. Выходя за пределы лишь частично известного себя, углубляясь в разные сферы собственного бессознательного и осмысливая (частично) их содержание, человек осознает свою неповторимость, незаменимость, индивидуальность, свое особое призвание, предназначение.

Природа психики человека

Юнг часто вместо понятия «психика» использует термин «психическая субстанция». При этом он постоянно предупреждает, что эта субстанция всегда является «динамическим процессом» [13, с. 357]. Такая субстанция представляет собой не сущность, изолированную от целостности человека. В качестве ее выступает сам человек, *обладающий психическим способом бытия*. Юнг пишет: «...Человек — это психический процесс, не поддающийся контролю или управляемый лишь в очень ограниченной степени» [13, с. 10]. Психическое бытие человека наделено мощнейшими энергетическими зарядами — и творческими, и разрушительными силами. Поэтому свое учение Юнг называет «энергетической концепцией психической субстанции» [13, с. 357]. Эту позицию Юнга поддерживают и развивают современные его последователи. По словам Э. Самуэlsa, психический факт — живое явление, неразрывно связанное с непрерывностью жизненных процессов, так что оно — не только результат развития, но и нечто постоянно развивающееся и творческое [9, с. 220]. Такова одна из исходных методологических позиций Юнга.

Другая позиция заключена в положении об уникальности, неповторимости, индивидуализированности каждой личности. На первый взгляд это положение кажется тривиальным — неповторимы каждый предмет, растение, животное. Но применительно к человеку вопрос осложняется. Человек становится индивидуальностью только тогда, когда он строит свою личность и собственную жизнь в соответствии с законом своей неповторимости, когда он повинуется «голосу» своей уникальности и, преодолевая давление конвенций, навязанных мнений, шаблонов, становится самим собой. Разрабаты-

вая финалистскую концепцию развития личности, Юнг полагает, что именно обретение человеком своей истинной сущности и является целью развития душевной жизни человека. Именно потому, что психотерапевтическая практика Юнга направлена на освобождение клиента от помех, препятствующих развитию его уникальности, призвания, терапевт не навязывает человеку, обратившемуся за помощью, своих убеждений, теоретических установок — человек сам должен найти свой путь, определить судьбу. Поэтому не столь уж парадоксально высказывание Юнга о том, что его теория имеет мало отношения к психотерапевтической практике. Но все же это высказывание нуждается в коррекции — в теории Юнга заложено убеждение в творческой активности каждого человека, в способности трансформировать свою личность. Убеждение это и реализуется в его практике.

Процессы душевной жизни, движение внутреннего мира являются, согласно Юнгу, предметом строгой науки. Выступая как медик, психиатр, он определяет психологию как естественнонаучную дисциплину [12, с. 207]. По его убеждению, о внутреннем мире индивида можно судить не только путем вчувствования в этот мир или способом самоанализа, но также по его действиям, эмоциональным проявлениям, трудам и творениям. Юнг считает, однако, что в объективированных воплощениях субъекта находит выражение лишь часть его внутренней жизни. В этой связи вспомним положение С.Л. Рубинштейна о диалектике «внутреннего» и того «внешнего», которое является воплощением «внутреннего». Он пишет: «...люди, в отношении которых мы чувствуем, что они исчерпали себя тем, что они сделали, обычно теряют для нас чисто личностный интерес. Тогда же, когда мы видим, что как бы много самого себя человек ни вложил в то, что он сделал, он не исчерпал себя тем, что он совершил, мы чувствуем, что за делом стоит живой человек, личность, которая представляет особый интерес» [7, с. 683].

Стоит подчеркнуть, что впечатление об исчерпанности «внутреннего» во «внешнем» (творениях, делах, поступках), как правило, обманчиво. Любой человек не может исчерпать всю глубину и содержательность своей душевной жизни в том, что он создает. Дело лишь в том, что плодотворному воплощению во внешнем часто препятствуют разорванность, смысловая разобщенность, дезинтегрированность внутреннего мира индивида, или же «слипание», конгломерация разных психических содержаний, что свидетельствует о личностной неразвитости человека. В случае же высокого уровня его развития как субъекта душевной жизни индивид намного опережает свои воплощения во внешнем мире. Происходит это, во-первых,

потому, что в процессе взаимодействия человека с миром из глубин бессознательного в вышележащие сферы психического поднимается новое содержание. Во-вторых, в области психического постоянно возникают, как выражается Юнг, такие «закладки», зародыши будущего, значение которых может обнаружиться в очень отдаленной перспективе — в неожиданных для самого человека его творениях или поступках.

Представления Юнга о строении психической жизни человека хорошо известны. Поэтому лишь кратко обозначим выделяемые им сферы психики. Самую молодую, хрупкую область «души» Юнг называет Сознанием, центром которого выступает Эго. Ниже его располагается личное бессознательное. Оно включает Маску (Персону), Тень и многочисленные, не связанные друг с другом Комплексы — конstellации эмоционально заряженных переживаний, вызванных высоко значимыми личностными событиями. Еще глубже расположена область коллективного бессознательного — сфера праобразов, Архетипов, в которых запечатлена история становления человечества и самые важные условия его существования... Эти условия запечатлелись в особенностях мозга человека. «Мозг, — пишет Юнг, — имеет свою историю, в его структурах можно обнаружить следы архетипического разума» [13]. Архетипичные основания есть у образов, влечений, форм поведения. Главное же — в архетипическом заложен фундамент духовности человека. Духовное обладает мощной энергетикой и выступает как одна из главных побудительных сил человека. Развивая идею о том, что психическая энергия человека перемещается по определенным руслам, Юнг приходит к выводу, что у человека, кроме биологических, ментальных и душевных каналов существует также моральный или этический канал, так что сама энергия имеет, как он выражается, этический аспект. Из этих положений Юнга его последователи делают обоснованный вывод о существовании у людей «морального архетипа» [9, с. 107].

Центральным образованием, выступающим как интеграл всех форм душевной жизни, является, согласно Юнгу, Самость (Selbst, Self). В структуре Самости сознательное и бессознательное не противоположны друг другу — они действуют синергично.

В связи с положением Юнга о том, что Самость является результатом процессов дифференциации, соотношения, связывания, синтезирования содержания, форм, слоев, сфер психического возникает важнейший теоретический и методологический вопрос: кто же осуществляет эту сложную активность? Анализ различных рассуждений и высказываний Юнга приводит к однозначному выводу. Эту активность осуществляет человек, выступая как *субъект своей душевной*

жизни и своей судьбы. В психологической автобиографии Юнг нередко подробно описывает, как его «активное и познающее Я» определяло значение тех или иных фантазий, как оно способно порождать новые образы. Он указывает, какими приемами ему удавалось справиться с атаками бессознательного, переводя, например, нахлынувшие эмоции в образы [13, с. 183]. В своей психологической автобиографии Юнг пишет, в каких формах он переживал свое качество субъекта, принимая решения о самоопределении себя как личности, об изменении образа жизни. Вместе с тем, Юнг констатирует, что ему не всегда удавалось быть субъектом собственного внутреннего мира, что он уяснил «важнейшую истину: в психической субстанции есть вещи, которые не порождаются мною, но порождают сами себя и живут собственной жизнью» [13, с. 189].

Ученица Юнга И. Якоби, излагая его взгляды, прямо пишет о том, что именно человек, взаимодействуя с внешним миром, сталкивается с непонятным ему потоком образов, поступающим из сферы бессознательного. «Для того чтобы извлечь реальную пользу из общения с бессознательным для психической дифференциации и достичь желаемого уровня развития личности, человек должен много пережить и понять образы, символы и видения, которые являются ему из глубин. Человек обязан ассимилировать и интегрировать их активно, взглянуть на собственные видения в упор, проявляя осознанную активность и реактивность» [15, с. 411].

Периоды, условия, источники трансформации и развития личности

Учение Юнга о развитии личности не принадлежит ни к стадийным концепциям, в которых подчеркивается прерывность развития, ни к эволюционным системам взглядов, сводящих этот процесс к постепенному накоплению личностных новообразований. В психической жизни человека Юнг выделяет лишь два основных периода, которые он условно приурочивает к первой и второй половине жизни индивида. Первый период, как правило, включает время детства, отрочества, подростничества, юности, молодости, частично — зрелости. Второй период охватывает все годы взрослой жизни, старения и старости. Критерии выделения периодов очень четкие. В первый период у человека все более преобладает экстравертированная установка: он обращен преимущественно к внешнему миру, стремится к взаимодействию со своим социокультурным окружением, к общению с людьми. Согласно Юнгу, человек, являющийся по своей природе экстравертом, легче преодолевает трудности первого периода жизни.

Начало второго периода знаменуется сменой установок. На первый план выступает интровертированная направленность личности. Человек погружается в свой внутренний мир, пытается разобраться в себе, осознать то, что оказалось приобретенным в предшествующие годы, постигнуть свои истинное призвание и индивидуальность.

Юнг, ориентируясь на собственный опыт, жизненный путь известных исторических фигур, а также на концепции «кризиса середины жизни», предполагает, что вступлению во второй период развития предшествует тяжелый личностный кризис. Именно он и побуждает человека начать анализ своей душевной жизни. Смена установок носит, однако, не одноразовый характер. Достигнув понимания себя, личность вновь обращается к внешнему миру с тем, чтобы в поздние годы проникнуть в самые глубокие слои коллективного бессознательного. Эта закономерность — чередование экстра- и интроустановок — открыта впервые Юнгом. Он уделяет мало внимания первому периоду жизни человека, хотя и подчеркивает, что успешное его завершение — совершенно необходимая предпосылка полного раскрытия субъектом своей неповторимости, истинного призвания, преодоления конвенций. Процесс обретения человеком своей Самости Юнг называет индивидуацией. Повышенный интерес Юнга к проблеме индивидуации стал поводом для некоторых современных исследователей его творчества наименовать индивидуацией лишь второй период личностного развития, а первый назвать — «социализацией»¹. По нашему глубокому убеждению, весь целостный процесс становления, трансформации, развития личности с начала и до конца жизни человека является процессом индивидуации. Конечно, своих высот индивидуация достигает тогда, когда способность самоосознавания становится максимальной. Что же побуждает появившегося на свет человека расти, преобразовываться, развиваться?

Ранний этап становления личности. Спонтанная творческая активность психической субстанции человека

Согласно Юнгу, движущие силы «развертывания» потенциальных возможностей изначально присущи психической природе человека. В его архетипической сфере заключен огромный энергетический заряд — источник *спонтанной творческой активности* индивида. Юнг, однако, решительно отмежевывается от позиций витализма и «прочих метафизических направлений».

¹ В работах Юнга мы ни разу не встретили термина «социализация».

Дело в том, что архетипы укоренены в плоти человека. Они представляют собой «кусочек самой жизни, это образы, которые через мост эмоций интегрально связаны с живым человеком» [11, с. 88]. В этом смысле вся целостная психическая система индивида представляет собой, согласно Юнгу, непрерывный энергетический поток. В субъективной сфере такая энергия проявляется в форме стремлений и желаний, передающих свой заряд связанным с ними образам. Часть спонтанной активности направлена на ассимиляцию воздействий окружающей действительности. На протяжении всей жизни идущая изнутри активность направляется субъектом на поиск своей аутентичности, истинного призвания, закона своей жизни и судьбы.

В отличие от психологов, которые абсолютизируют роль внутренних побудительных сил растущего человека, Юнг подчеркивает важное значение поступающих извне стимуляций, социальных побуждений, поощрений, как бы подтверждающих желательность и необходимость спонтанной творческой активности появившегося на свет существа. Отклики и вызовы внешнего мира усиливают и дифференцируют энергию жизни, они — условия полноценного развития ребенка. Современные исследования в области детской психологии подтверждают эти положения Юнга. У младенцев, которые воспитываются невротическими матерями (депрессивными, шизоидными), понижается уровень энергии, начинают преобладать отрицательные аффекты, не возникает чувство безопасности во взаимоотношении со взрослым, задерживается развитие эмоциональной сферы. Но все же потенциальные возможности внутренней активности растущего человека сохраняются. Если мать к концу первого года жизни младенца становится здоровой, то ребенок оказывается способным к полноценному развитию [5].

Согласно Юнгу, новорожденный, только что появившийся на свет, уже является человеком. Более того, в его психической субстанции преформировано бытие этого существа в качестве личности. Для обозначения форм поведения младенца Юнг иногда пользуется понятием «инстинкт», но всегда предупреждает, что речь идет о типичных именно для человека архетипических способах функционирования. Психическая субстанция человека в самый ранний период жизни наделена, как пишет Юнг, «априорными основаниями высших психических функций» [13, с. 355—356]. Юнг и его последователи выдвигают идею о том, что уже в пору младенчества ребенок обладает первичной, хотя и весьма диффузной Самостью, которая выступает врожденной основой его способности к индивидуации.

В школе Юнга особенно акцентируется положение об архетипической обусловленности способности ребенка быть инициатором, а не реактивным существом во взаимодействии с ближайшим социальным окружением.

Уже в раннем младенчестве дитя обладает способностью привлекать к себе чувства матери, привязывать ее к себе. По мнению Юнга, воздействие младенца на мать не менее интенсивно, чем воздействие матери на него. Есть основания согласиться с этими положениями. Если бы ребенок пассивно и безучастно вел себя по отношению к матери на заре становления человечества, у него не было бы шансов выжить. Жизнеспособными оказывались дети, активно и требовательно воздействующие на ухаживающего за ними человека. И это *субъектное качество* новорожденного проявляется, по мнению последователей Юнга, во всех формах адаптации ребенка к миру. Адаптацию они, вслед за Юнгом, понимают широко — *как способность растущего человека влиять на внешний мир и управлять им* [9, с. 251].

Первоначальные инициации ребенка, направленные вовне, диффузны, глобальны. Но избирательность ответов мира расчленяет, дифференцирует их. Так, мать воспринимает генерализованные эмоции младенца и, как пишет Юнг, возвращает их ребенку четкими и ясными. Постепенно у него разрушается переживание своего симбиотического единения с миром, представленным самым близким — ухаживающим за ним человеком. Возникает ощущение как бы психического контура собственной целостности, отделяющего маленького человека от окружения. Вместе с тем и сама эта целостность начинает дифференцироваться. В ней выделяются две крупные системы, одну из которых Юнг называет эндопсихической, а другую — эктопсихической. Внутренняя дифференциация, обогащение и развитие каждой из них взаимосвязаны и взаимообусловлены, но содержание их все-таки различно. Эндопсихическая система первоначально включает сферу памяти, а также область эмоций и аффектов. К эктопсихической системе относятся основные психические процессы — рациональные (мышление, чувство) и иррациональные (ощущение, т. е. сенсорика, и интуиция). В результате попыток ребенка ответить на вызовы мира, преодолеть его сопротивление, определить меру податливости и предсказуемости окружающего, удовлетворить потребности, начинает формироваться Эго — важнейшая психическая инстанция, выполняющая функцию контроля и самоконтроля. Она знаменует развитие сознания и самосознания. Основой Эго Юнг считает память. Обладая мощным энергетическим зарядом, Эго притягивает к себе части

содержания, порожденные в психической субстанции внешними воздействиями. Переживаясь как «свое», это содержание и образует первый фрагментированный слой сознания. В школе Юнга высказывается мысль о том, что Эго начинает регулировать сознание и поведение ребенка, когда он достигает 3 — 4-х лет. Есть, однако, основания предполагать, что зачатки Эго, связанные с началом осознания ребенком себя, появляются у него намного раньше. По данным М.И. Лисиной, дети уже во второй половине первого года жизни, встретившись друг с другом, осознают, кто из них старше или младше на 3 — 4 месяца [3]. Однако в качестве волевого начала личности Эго развивается между двумя и четырьмя годами. Такого мнения придерживаются многие отечественные и зарубежные психологи.

Возникновение сознания предполагает дифференциацию и развитие его основных — эктопсихических — функций (ощущение, мышление, чувство, интуиция). Задача первого периода жизни личности — развить хотя бы три из этих четырех функций. Если эта задача не будет решена, то, по мнению Э. Самуэlsa, произойдет обострение кризиса середины жизни, а в старости у индивида возникает тяжелое переживание личностной незавершенности [9, с. 408]. В природе человека, согласно Юнгу, заложена предрасположенность к преимущественному развитию одной из эктопсихических функций. Она и входит в состав критериев выделения психологических типов личности. Обычно процесс дифференциации и выделения доминирующих функций завершается на пороге юности. Однако исследования, проведенные в школе Юнга, показали, что у многих людей даже в зрелые годы эти функции недостаточно отдифференцированы друг от друга. Юнг, осмысливая опыт собственной жизни, считал доминирующей своей функцией интуицию, связанную с его мистическими переживаниями, предвидениями, со способностью проникать в тайники души незнакомых людей². Но все его труды несомненно свидетельствуют о высочайшем развитии у него мышления. Дискурсивность и логическая стройность мыслей Юнга преобразуют захлестывающий его поток видений и фантазий в миро-

² В своей автобиографической книге «Дух и жизнь» Юнг рассказывает, как однажды, находясь за большим праздничным столом в доме одного из своих коллег, он, желая развлечь общество, начал рассказывать вымышленную историю жизни сидевшего напротив незнакомца, украсив рассказ пикантными подробностями. И был неприятно удивлен, когда после обеда хозяин дома стал упрекать его за нетактичное поведение. Рассказ Юнга оказался правдой, отнюдь не предназначенной для посторонних людей.

воззренческие позиции и духовно-этические чувства. Перечисленные выше функции сознания, которые можно назвать познавательными в широком смысле этого слова, включают в себя, по выражению Юнга, субъективные компоненты. Они направлены на распознавание значимости, смысла познаваемого — будь то сновидные образы, нормы и требования общества или приобретаемые личностные особенности, мнения и позиции. Их оценка может оставаться на уровне диффузного переживания недозволенного, несправедливого, неуместного, отталкивающего, чуждого. Поэтому субъективные компоненты познавательных функций сознания Юнг относит к эндопсихической системе, а результаты — к темной стороне личности, к той части личного бессознательного, которую Юнг называет Тенью. В ней содержатся и потенциалы развития личности в будущем, когда новые условия жизни потребуют актуализации отвергнутых ею ранее свойств.

В том случае, когда личность живет, как выражается Юнг, «ниже своего уровня», в область Тени могут попасть весьма позитивные, социально ценные и значимые для совершенствования личности качества. На парадоксальность факта оттеснения субъектом в бессознательное позитивных личностных свойств и даже талантов обратил особое внимание А. Маслоу. Он считает, что в основе его лежит присущая человеку боязнь познать свою истинную природу, ведущую, в одном случае, к потере самоуважения, в другом — к нелегкому труду саморазвития. Маслоу пишет: «Страх знать собственный внутренний мир — это защитная реакция, он оберегает нашу веру в себя, самоуважение и самолюбие, идеальное представление о себе» [4, с. 90]. «Мы склонны избегать, — продолжает он, — развития нашей личности — оно может принести... страхи и ощущение собственной слабости и неадекватности. Вот мы и обращаемся к другому типу сопротивления, отрицая наличие нашей лучшей стороны, наших талантов, благородных импульсов, нашего потенциала и творческих способностей» [4, с. 91]. Этот тип защиты Маслоу называет «боязнью высоты». Таков неоднородный состав Тени.

Включение растущего человека в общественную жизнь предполагает выбор им определенных социальных ролей (функций), для выполнения которых необходим достаточно ограниченный набор свойств личности. Только подобные свойства в соответствии с ожиданиями социального окружения человек начинает развивать и демонстрировать. Эти, так сказать, операциональные образования Юнг называет Персоной или Маской. Анализируя их состав, Юнг приходит к парадоксальному выводу: интеграция в социум

приводит к «уменьшению личности». Это положение свидетельствует о том, что Юнг узко понимает развитие личности в первой половине ее жизни — не учитывает многомерности ее жизненного пути.

На ограниченность данной позиции справедливо указывают некоторые современные последователи учения Юнга. Действительно, личность развивается в широчайшем культурно-историческом пространстве, наполненном этическими, эстетическими, философскими, религиозными ценностями. Они часто бессознательно усваиваются человеком и порождают разные личностные образования. Положение Юнга об «уменьшении», сужении личности частично верно лишь применительно к тем отмечаемым Юнгом случаям, когда субъект отождествляет себя с Персонай, заявляя: «я — певец», «я — юрист» и т. п. Согласно учению П. Жанэ, развитие такого человека задерживается на стадии Персонажа, но и в этом случае в личном бессознательном продолжают накапливаться его опыты общения с многообразными областями социокультурной жизни.

Кроме Тени и Персоны в личном бессознательном возникает множество Комплексов. Часто в школе Юнга отмечается лишь их строение: комплекс состоит из содержательно-смыслового ядра, обладающего энергетическо-аффективным зарядом, притягивающим к нему различные мысли, образы, ассоциации. Комплексы возникают в результате воздействия на человека событий, жизненных опытов, вызывающих у него сильные переживания. В этих положениях не выявляется, однако, главная характеристика комплексов. Их ядро представляет собой неосознаваемое субъектом личностное новообразование, абрис возможного изменения личности, предвосхищение будущего ее развития. Поэтому-то Юнг часто называет комплексы отдельными малыми личностями, обладающими, по его словам, некоторым телом и определенным количеством собственной физиологии. В них воплощаются противоречивые установки человека и его несовместимые друг с другом позиции. Одним из важных источников Комплексов Юнг считает моральные конфликты социальной жизни. Они создают внутреннюю напряженность душевной жизни человека, борьбу противоположных тенденций, которая является условием развития личности. Без Комплексов, по мнению Юнга, душевная жизнь человека пришла бы к застою. Эти «малые личности» обычно не осознаются субъектом. Но иногда одна из них начинает развиваться, занимать все более значительное место в душе человека и осознаваться им. Человек в таком случае ощущает в себе наличие двух личностей, общающихся друг с другом. Выделение из

личного бессознательного второй личности принципиально отличается от давно описанного в психиатрии феномена попеременного «превращения» человека то в одну, то в другую личность, не знающих о существовании друг друга. Юнг же говорит о знании человеком существования в его душе иной личности, которая в сновидениях принимает вполне определенный облик. Наличие в себе двух личностей очень остро переживал, например, Ф. Ницше, который назвал свое второе «я» Заратустрой и до конца жизни не смог преодолеть свою раздвоенность.

Юнг очень рано, по крайней мере в первые школьные годы, почувствовал существование в себе второй личности. Это был старый человек, живший в XVIII веке. Позднее Юнг, познакомившись с германской мифологией, назвал старца Филемоном. В трудных ситуациях, при душевном разладе старик давал Карлу мудрые советы, помогая осмыслить жизненные ситуации, и впоследствии Юнг, разрабатывая учение о содержании коллективного бессознательного, выделил в его составе архетип Мудрого Старца, носителя смысла жизни и всего происходящего с человеком, народом, обществом. Факт переживания человеком наличия в своем внутреннем мире других личностей не может не привлечь внимания психологов, ибо он представляет собой одну из закономерностей личностного развития человека на протяжении, по крайней мере, первой половины его жизни. В ситуациях духовного конфликта перед человеком часто предстает высоко значимая для него личность. Если пользоваться терминологией Юнга, то она может выступать в образах Великой матери, Анимы (женщины), Героя, Мудрого друга и т. д., которые помогают осмыслить сложную ситуацию, удержать от проступка, воодушевить, повысить уверенность в себе. Эта идея воплощения во внутреннем мире человека личностных особенностей других людей, вступающих с ним в межличностные отношения, разработана в трудах А.В. Петровского [5].

Но для психологии весьма важным остается вопрос об условиях, определяющих выдвижение на первый план в душе Индивида какого-то определенного образа. В случае Юнга можно предполагать, что корни личности № 2 (Мудрого старца) уходят в неблагополучное (в психологическом смысле) детство Карла и, конечно, в природные особенности самого ребенка. Юнг вырос в семье священника. Его отец считал себя неудачником, не нашедшим призвания, что наложило негативный отпечаток на семейную жизнь. В этой атмосфере Карл остро чувствовал свое одиночество, которое не мог преодолеть и за пределами дома. Окружавшие его деревенские дети, как он пишет, «только отчуждали меня от себя» [12,

с. 21]. Он не смог позитивно разрешить выявленный Э. Эриксонем ранний нормативный кризис — конфликт между «доверием и недоверием». Мир за пределами дома, по словам Юнга, казался ему сомнительным, «если не сказать подозрительным и даже враждебным... Моя внутренняя безопасность находилась под угрозой» [12, с. 27]. Создание у себя личности № 2 было не единственной попыткой Юнга преодолеть свое одиночество. В раннем детстве он слепил из глины человечка и спрятал его. Сам Юнг гораздо позднее, работая над книгой о коллективном бессознательном, истолковал этот эпизод как проявление архетипических форм поведения, развившихся у определенных племен в обряде захоронения «каменной-душ», в фигурах австралийских чурингов. С нашей же точки зрения, роль архаического бессознательного сказалась в порождении у ребенка богатейших фантазийных и сновидных образов, среди которых Эго молодого Юнга выделило и усилило образ Старого мудрого друга. Появление виртуальной личности № 2 мы оцениваем как крупный шаг в поступательном развитии реальной личности. Он означает преодоление развивающимся человеком эгоцентризма, возникновение обратимости «операций» в разных областях его духовной жизни. Пользуясь понятиями, введенными В.В. Знаковым при разработке им проблем психологии понимания, можно было бы сказать, что этот шаг означает смену монологического подхода к социальному миру подходом диалогическим [2]. Мальчик Юнг постоянно сопоставляет точку зрения личности № 1 (реальной) с позицией личности № 2 (виртуальной).

Ученый вспоминает, как в период отрочества он без разрешения соседа взял его лодку и вдоволь покатался. Возвратившись, он увидел разгневанного хозяина лодки, который задал Карлу хорошую трепку. От такого унижительного обращения мальчик пришел в бешенство. Он чувствовал себя достойнейшей личностью, важной персоной. Но гнев быстро исчез, как только он подумал, что так возмущаться может лишь его личность № 2 — почтенный, уважаемый старший человек. А он сам, как личность № 1, всего лишь 12-летний мальчик, школяр, между тем как хозяин лодки — семьянин, богатый и хозяйственный человек.

Этот эпизод показывает, что реальная личность начинает выступать субъектом и своего внутреннего мира, и собственного поведения. Дистанцированию реальной от виртуальной личности предшествовало незабываемое, внезапно возникшее у мальчика переживание именно своего субъектного начала. Само Эго растущего человека стало объектом его осознания. Юнг описывает, как в возрасте 11-ти лет, направляясь в Базельскую школу, он вдруг ощутил, будто

вышел из густого тумана и сразу понял, что стал самим собой. «Раньше я был, — пишет он, — но все происходило со мною. Ранее со мною что-то делалось, а теперь я стал хозяином своей воли» [12, с. 41]. Чем, как не важным этапом индивидуации является такая трансформация личности?

Следующий поворотный пункт своей жизни Юнг относит к семнадцатилетнему возрасту, определяемому им как время «революционных изменений в моем отношении к миру и жизни» [12, с. 75]. До этого периода юноша был застенчив, худ, бледен, слаб здоровьем. Однако в 17 лет у него появился «ненасытный аппетит во всех сферах жизни». Теперь юноша знал, чего он хочет, и упорно добивался своего. Он стал более общительным и приобрел новых друзей³. Все глубже включаясь в социальную действительность, молодой человек приступил к выбору профессии. Но он не был еще озабочен распознаванием своего призвания и решил стать медиком просто на основе интерпретации одного из своих сновидений. Специализация в области психиатрии тоже была случайной; этот предмет его мало интересовал. Но один момент в учебной деятельности определил дальнейшую жизнь, судьбу Юнга. Речь идет о сильном переживании Юнга, вызванном одной фразой в учебнике по психиатрии: «Психиатрия — это учение о личности». Сердце Юнга сильно заколотилось, студент услышал зов своего предназначения. Не менее важным событием его внутренней жизни стал факт отождествления им себя со своей реальной личностью. Он определил ее как носительницу света. Виртуальная же личность Мудреца стала для него лишь «глубинным фоновым фактором». Все более укореняясь в своей социокультурной среде, Юнг завершил университетское образование, начал работать в психиатрической клинике как ассистент Э. Блейера и читать лекции по психиатрии в университете Цюриха, стал автором оригинальных книг. Он обзавелся семьей — обрел статус отца семейства. Таково благополучное завершение развития личности человека в первый период его жизни — на заключительном этапе ранней зрелости. Молодой человек укоренился в своем мире. Но психологические основания этого *укоренения*, строящиеся на экстравертированной установке, очень своеобразны. Это своеобразие особо четко проявляется в типе связи или взаимопереплетения личности с миром. Упрочившийся в социальном окружении человек размещает, так сказать, свою психическую энергию во «внешнем» — в вещах, в людях, в их взаимоотношениях, в природе. Он *проецирует* на них свои желания, стремления, чувства. По выражению Д. Шпира, человек своим психическим бытием как бы изливается на мир [10]. Индивид уверен, что одни предметы или люди обладают непонятной ему

притягательной силой, а другие переживаются как отталкивающие. Конечно, для успешного функционирования в мире у молодого человека к концу первого периода развития должно сформироваться сильное Эго, способное противостоять нежелательным для него давлениям, сопротивляться им, добиваться своих целей, противостоять искушениям. Развивая в этих взаимодействиях с миром свое субъектное начало, человек на этой стадии индивидуации еще плохо осознает, что это он сам придает значение «давления» определенному воздействию, что именно благодаря ему самому в другом человеке обнаруживаются привлекательные свойства. Личность при этом расширяется, но сам человек не отдает себе отчета в своем психологическом «расширении». Индивид ощущает лишь, что мир начинает выступать для него неожиданными, новыми гранями, порождающими у него нередко неведомые ранее чувства. Свои усилия в этот период субъект направляет на укрепление уже установленных им отношений с окружающей, прежде всего социальной действительностью, со значимыми для него людьми, на утверждение своих позиций в профессиональной сфере, на реализацию жизненных планов. Этим путем шел и Юнг. Он уделял время своей семье, но основанием жизни для него было то, что можно назвать «профессиональным призванием», а им переживалось как духовная миссия. Взаимоотношениям с людьми, причастными к ней, он придавал огромное значение. Не удивительно, что молодой ученый увлекся психоанализом. Он стал общаться с Фрейдом, который возлагал на него большие надежды и очень хотел, чтобы Юнг — ариец — стал возглавлять Психоаналитическое общество. Личность Юнга расширилась. Он укоренился в окружающем мире. И вот на фоне столь благополучного завершения первой половины жизни Юнг вступил в период жесточайшего личностного кризиса.

Период кризиса середины жизни

В современной психологии проблема «кризиса середины жизни» постоянно привлекает внимание исследователей. Важным стимулом для ее постановки послужило осмысливание учеными дневниковых записей Л.Н. Толстого. Одним из первых глубокий анализ этих дневников предпринял У. Джеймс [1]. На основе изучения жизни выдающихся исторических фигур, а также людей из своего окружения, он выделил два типа личностей — людей Однажды и Дважды рожденных. У «дважды рожденных» в определенный период жизни происходит болезненная трансформация личности, влекущая пересмотр ими своих ценностей, мировоззрения, жизненных планов. У «однаж-

ды рожденных» изменения личности не носят столь бурного характера, но случается и так, что постепенные изменения, накапливаясь в течение жизни, в конце концов ведут к разрушению прежнего психологического склада личности, и она становится неузнаваемой. Так, в «Исповеди» Жан-Жака Руссо, охватывающей весь жизненный путь великого французского мыслителя, автор предстает в первые периоды своей жизни как общительный, веселый, оптимистичный человек, в котором постепенно возникают и усиливаются черты брюзгливости, недовольства всем окружающим, нетерпимости, отчужденности, замкнутости, пессимизма [8]. Некоторые современные психологи, проводившие лонгитюдные исследования с использованием психобиографического метода, не обнаружили у большинства участников лонгитюдов кризиса середины жизни. У других критические моменты жизни были неоспоримо приурочены к социально-историческим катаклизмам, негативным общественным событиям. В Германии такими событиями оказались первая и вторая мировая войны, приход к власти нацистов, экономическая депрессия [17]. Кризис, который пережил Юнг, интересен тем, что он позволяет выявить внутренние и внешние условия, породившие его, а также показать, как удалось ему преодолеть его, и какое место этот кризис занял в дальнейшей жизни ученого. Сам Юнг ведущую роль в возникновении кризиса отводит «внутреннему». По его мнению, направленность Эго на внешний мир, на адаптацию к нему личности, привела к определенному ослаблению контроля над личным бессознательным, препятствующим проникновению реликтового бессознательного в область сознания. Усилилась и возможность проникновения результатов эктопсихических процессов (функций сознания) в коллективное бессознательное. У Юнга в результате высочайшего развития интуиции в 1912 г. появилось острое предчувствие какой-то страшной катастрофы, и эти тягостные переживания вызвали взрыв аффектов, связанных с массой кошмарных образов. В результате произошло, как выражается Юнг, *вторжение* архаического содержания в сознание⁴. Ум Юнга буквально разрывался от

⁴ Впервые феномен «вторжение» бессознательного в сознание описал У. Джеймс, изучавший психологические условия «обращения» человека, обретения им веры в Бога. Пользуясь феноменологическим методом, анализируя и обобщая рассказы своих многочисленных собеседников о переживаниях, предваряющих «озарение», Джеймс установил, что этому критическому моменту предшествовал длительный период мучительных усилий людей снискать божью благодать путем исступленных молитв, бессонных ночей, истязания плоти. И как раз в тот момент, когда человек впа-

страшных видений и снов. Он видел реки крови, трупы, подвалы, наполненные чудовищами. И это нашествие продолжалось два года. Ученому пришлось оставить работу. Он уединился в своей комнате и лишь немного занимался частной практикой. Почти все свое время он тратил на подробные записи осаждавших его видений и фантазий. Его усилия были направлены на их осмысливание, интерпретацию, концептуализацию. Усилия эти были мотивированы не только научными целями — Юнг видел в них средство взять под свой контроль необузданную силу бессознательного. Он опасался, как бы его не постигла судьба Ницше, который так и не сумел вырваться из такого же безумного мира. К началу первой мировой войны «вторжение» прекратилось.

В психологической литературе встречаются мнения, что окончание вторжения связано с превращением переживаемых кошмаров в ужасную явь войны. У нас, однако, есть основания полагать, что и возникновение, и исчезновение феномена вторжения было обусловлено в немалой степени превратностями социальной и научной жизни ученого. За год до своего кризиса Юнг на конференции психоаналитического общества прочитал три доклада, в которых сформулировал расхождение своих позиций с учением Фрейда⁵. После этого произошел полный разрыв отношений между Юнгом и Фрейдом. Юнг очень тяжело переживал этот разрыв. Он пишет, что пришел в полное смятение и чувствовал себя подвешенным в воздухе. Он не знал, что предпринять. Его концепция была лишь намечена. Возникали догадки о существовании в глубине («подвале») психической субстанции коллективного бессознательного, вбирающего в себя весь опыт становления человечества. Были высказаны предположения о праформах, дифференцирующих содержание хаотического бессознательного. Но для создания завершенной концепции строения душевной жизни нужно было

дал в состояние полной прострации, почти терял сознание, и происходило его преображение: он чувствовал в себе присутствие Бога. Это явление Джеймс объясняет вторжением бессознательного в неспособное уже сопротивляться сознание. Обращает на себя внимание прямо противоположное понимание бессознательного Джеймсом и Юнгом. По Джеймсу люди объективируют свое бессознательное как благодать, радость, надежду, опору, исходящие от божества. Для Юнга же бессознательное — «кипящий котел страстей», источник кошмарных снов и жутких видений. Оба психолога опираются на несомненность переживаний.

⁵ З. Фрейд резко выступал против концепции коллективного бессознательного, которую Юнг считал главным своим достижением.

целиком погрузиться в мир сновидений, фантазий, видений. И Юнг вторгся в этот незнакомый мир, хотя сам был убежден, что это бессознательное захлестнуло его сознание. Прежняя экстравертированная установка ученого сменилась интровертированной.

Через два года Юнг вышел из своего «заточения», выработал представление об организации психической целостности личности, о Самости как интеграле Эго, сознания, личного и коллективного бессознательного. После мучительного, но успешного путешествия по своему «внутреннему» Юнг, по его словам, ощутил острую потребность найти точку опоры вновь во внешнем, посюстороннем мире, и он обрел ее в своей семье и профессиональной деятельности. Интро-установка снова сменилась на экстра-установку. «Для меня, — пишет Юнг, — важнее всего было жить нормальной жизнью в реальном мире и таким образом обеспечить некоторый противовес этому странному и чуждому миру» [13, с. 194]. Ученый снова возобновил чтение лекций, начал путешествовать по разным странам. Самое же главное — результаты осознания своего «внутреннего» он стал объективировать в многочисленных трудах. Они, по его словам, представляют собой этапы его собственного духовного развития. Парадоксальным, но характерным образом при вступлении во вторую половину жизни экстравертированная его ориентация начала все больше сближаться с интровертированной. Их отношения стали синергичными. При этом интро-установка оказалась качественно отличной от непроизвольного «погружения» Юнга в «кипящий котел страстей» бессознательного. Оговоримся сразу, что в работах Юнга нам не удалось найти положений об уровнях развития интро- и экстраверсии. Но материалы, приводимые им, дают основания для вывода о преобразовании их в процессе развития личности.

В период освоения социальной действительности у Юнга сформировалось сильное Эго, со своими собственными, как выражается ученый, интересами, способными противостоять как идущим изнутри желаниям и стремлениям, так и требованиям, давлениям, конвенциям общества. Достижение социальных целей потребовало значительного преодоления фрагментации сознания. Активно взаимодействуя с социумом, Юнг вложил себя в собственную профессиональную деятельность, в семью, в межличностные отношения. Он *укоренился* во внешнем мире. Термин «*укоренение*» вошел в понятийную структуру его учения. И когда в сознание ученого вторглось бессознательное, Юнг смог дистанцироваться от архаического, сделать его объектом анализа и осмысливания. Стоит подчеркнуть значение приема интеллектуального совладания Юнгом с захлестнувшим его архаическим

бессознательным. Пьер Жанэ, лечивший больных с душевными расстройствами, пишет о том, что некоторые из них сами находили подобный способ борьбы с приступами аффектов, смятения, тревоги и т.п. Они брались за работу, требующую интеллектуального напряжения, усилий по организации мысли и внимания. В результате больные овладевали хаосом своих эмоций. Что касается Юнга, то его поведение в период длительного вторжения архаического бессознательного в его сознание указывает на высокое развитие у него не только интуиции, но и мышления. В состоянии одержимости он не только тщательно записывал свои кошмары, сновидения и фантазии, но и анализировал, осмысливал их. В результате мучительной, но плодотворной встречи с неведомым внутренним миром Юнг концептуально расчленил, нашел принципы организации и интеграл этого хаотического, казалось бы, мира. Индивид стал субъектом, определившим свою Самость.

Вся вторая половина жизни Юнга была посвящена исследованию этапов открытия человеком Себя, отысканию собственной Самости, познанию закона своей неповторимой жизни, индивидуальности.

Заключение

Юнг скупно характеризует развитие личности в первую половину ее жизни. Он, скорее, побуждает к размышлению над вопросами, частичный ответ на которые дает при более обстоятельном анализе второго периода развития личности. Вместе с тем многие его исходные теоретические положения требуют истолкования и критического анализа. Основной его тезис о существовании в индивидуальной психике коллективного бессознательного, получивший широкое признание в мировой науке, может быть интерпретирован как конкретная разработка положения о том, что природа человека является продуктом истории. В коллективном бессознательном запечатлены самые общие и наиболее значимые условия становления и ранней истории человечества. Это утверждение не означает, что в памяти людей хранятся образы доисторического или отдаленного исторического прошлого. Юнг разъясняет, что основания архетипов подобны решеткам кристаллов. Под влиянием внешних воздействий они порождают диффузные психические образования. Можно предполагать, что растущий человек постепенно учится дифференцировать, придавать конкретно-историческую форму, символизировать вторгающееся в сознание архаическое содержание. Конечно, остается открытой проблема: как растущий человек самостоятельно учится справляться с влиянием архетипического.

Есть все основания поддержать положение Юнга о том, что рождающееся дитя уже в своей изначальности является человеком, в нем задана экзистенциальная способность стать личностью. Эту идею в отечественной психологии развивал А.М. Фонарев.

Говоря о врожденной основе человека, психологи выделяют задатки, имея в виду, как правило, предпосылки частных способностей. Юнг же эти, коренящиеся в природе человека, потенциальности исследует в координатах отношений человека и мира. Человек является в мир, обладая способностями достраивать, совершенствовать, устранять незавершенность мира. В первую половину жизни такой дар проявляется лишь в феномене «переливания», проецирования индивида в мир и в обогащении его своим особым личностным существованием. Полнее этот дар раскрывается во второй половине жизни. Юнг, однако, рассматривает мир глобально. Проблема совершенствования личностью других людей, «переливания» себя в них и «вбирания» в свою душевную жизнь их индивидуальностей не разработана Юнгом.

Подход Юнга к личности как субъекту своего поведения, внутренней жизни и судьбы строится на положении о ведущей роли самосознания в функционировании и развитии личности. Переживание растущим человеком появления у него новых субъектных новообразований, перечисляемых Юнгом, — таких, как ощущение себя «хозяином своей воли», субъектом, способным защитить собственное достоинство в столкновениях с другими людьми, отказ от воображаемой виртуальной личности, возложение ответственности за построение своей жизни на собственную реальную личность опирается на углубленную внутреннюю работу по самоосознаванию.

Юнг, однако, лишь констатирует этапы развития человека как субъекта своей душевной жизни, но в его учении не раскрывается детерминация такого развития. Заключается же она в растущей фактической самостоятельности индивида, в его поступках и действиях.

В рамках субъектной проблематики Юнг внес вклад в разработку вопроса о построении человеком Себя, своей личности, сознания и личного бессознательного. С.Л. Рубинштейн, решая эту же проблему социально-психологического построения человеком своей личности, ориентируется на телесно-духовную целостность личности и доказывает, что субъект относит к себе свое тело, внешний облик, способности, характер, темперамент, а также те чувства, с которыми срослась вся его жизнь, и ту мысль, которой он отдал все свои силы [7, с. 680]. Юнга же интересует лишь роль самосознания в построении некоторых частей личности. Осознание соци-

альной желательности определенных свойств личности ведет к формированию Персоны (Маски), негативная самооценка тех или иных личностных особенностей порождает область Тени. Неосознаваемые констелляции личностных качеств, возникающие в аффектогенных, высоко значимых для человека ситуациях, образуют содержание Комплексов (Малых личностей). Как бы это ни казалось парадоксальным, нам не удалось найти у Юнга названия и локализации той области, в контурах которой функционируют осознаваемые, присвоенные человеком, обладающие определенной организацией личностные качества.

В заключение отметим еще одну методологическую позицию Юнга, пронизывающую все его работы. Человек, Субъект, Личность предстают в них как самодостаточные основание, условие, исток своего собственного развития. Ученый пишет о влиянии культуры на становление личности, о новых метафорах, создаваемых каждым поколением для своеобразного истолкования архетипов; о необходимости «укоренения» растущего человека в его социальном мире. Но ведь все общественные институты, гражданские установления, искусство, религия и т. д. могут воздействовать на развитие личности, лишь реализуясь в индивидуальных взаимоотношениях людей, в их непосредственном или опосредованном общении. Юнг, однако, абстрагируется от исследования влияния всех этих факторов. Его интересует, главным образом, динамика душевной жизни человека на протяжении всего его жизненного пути.

Литература

1. Джеймс У. Многообразие религиозного опыта. М., Наука, 1998.
2. Знаков В.В. Психология понимания правды. СПб.: Алетейя, 1999.
3. Лисина М.И. Общение, личность и психика ребенка. М.-Воронеж, 1997.
4. Маслоу А. Психология бытия. Рефл-бук. Ваклер, 1997.
5. Мухамедрахимов Р.Ж. Взаимодействие матери и младенцев группы риска // Вопросы психологии, 1998. № 2.
6. Петровский А.В. Индивид и его потребность быть личностью // Психология личности. Самара: Бахрах, 1999. Т. 2.
7. Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии. М.: Минпросвещения РСФСР, 1946.
8. Руссо Ж.-Ж. Исповедь // Избранные соч. М.: 1964. Т. 3.
9. Самуэлс Э. Юнг и постъюнгианцы. М.: Че Ро. 1997.
10. Шпир Д. Психология Юнга // Юнг К.Г. Структура психики и процесс индивидуации. М.: Наука, 1996. Приложение 4.
11. Юнг К. Архетип и символ. М., Renaissance JV Ewo-S&D, 1991.
12. Юнг К. Дух и жизнь. М.: Практика, 1996.

13. *Юнг К.* Аналитическая психология. С.-Петербург: Ин-т личности ИЧП. Полантир, 1994.
14. *Юнг К.* Структура психики и процесс индивидуации. М.: Наука, 1996.
15. *Якоби И.* Психологическое учение Карла Густава Юнга // Юнг К.Г. Дух и жизнь. М.: Практика, 1996.
16. *Thomae H.* Das Individuum und Seine Welt. 3., erweiterte und verbesserte Auflage. C.J. Hogrefe. Verlag für Psychologie. Göttingen-Bern-Toronto-Seattle, 1996.

9

ГЛАВА

АРХЕТИПИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ РАЗВИТИЯ ЛИЧНОСТИ КАРЛА ГУСТАВА ЮНГА

(Часть вторая: Вторая половина жизни человека.
Этапы индивидуации, проблемы призвания,
судьбы, смысла жизни)

Согласно Юнгу, в первый период личностного развития, который ученый приурочивает к первой половине жизни человека, субъект постепенно все более *укореняется* в социальном мире. Он архетипически предуготовлен к такому укоренению, к активному воздействию на расширяющееся пространство своей жизни, к событийной сущности мира. В зависимости от особенностей природной «оснастки» (заданной всей историей становления человечества) и конкретно-исторических обстоятельств индивидуальной жизни, растущий человек своеобразно переживает все происходящее вокруг него и рано делает попытки разобраться в нем, а затем выстроить и свой внутренний мир. И все-таки в первый период развития у индивида преобладает экстравертированная установка. Он, как выражается Юнг, потрясен открывающимися перед ним новыми областями окружающей действительности и обращен к «внешнему», взаимодействует с ним, овладевает различными социальными функциями и культивирует у себя преимущественно те свойства личности, которые необходимы для успешного выполнения выбранных (или навязанных) ролей. В результате у человека формируется социальная Маска, он достигает стадии развития Персоны (или Персонажа, согласно П. Жанэ). Остальные свои свойства субъект оттесняет в область Тени и не осознает их. Некоторые из них становятся основой «малых личностей» — Комплексов или зародышей будущих личностей.

Отождествление человеком себя со своей Маской препятствует его целостному личностному развитию. В первой половине жизни

индивид проецирует свою личность — желания, стремления, оценки, значения, предпочтения, эмоции — на объекты окружающего мира. Это они притягивают, отталкивают, побуждают индивида. Такое переживание мира означает, что субъектное начало не получило еще полного развития у личности. И усиливающееся Эго индивида ориентировано более на «налаживание» отношений с окружающим миром, на сопротивление искушениям, на завоевание положения в социуме, чем на осознание глубин своего внутреннего мира, на степень согласованности собственной сущности и своих возможностей с принятыми человеком ролями и поставленными целями. Но когда «внешнее» и «внутреннее» индивида приходят в столкновение, когда построенные из «внешнего» психологические преграды, защищающие сознание от хаотического «внутреннего», рушатся, архаическое содержание психики начинает разрушительно действовать на целостность сознания. Возникает возможность личностного кризиса. Есть основания предполагать: чем более значимы для личности рушащиеся внешние отношения, тем более мощными становятся аффекты бессознательного. Человек более не знает, кто же он. У него возникает экзистенциальный кризис — он обнаруживает себя в ином мире. Он должен обратиться внутрь себя и узнать, кто же он есть в действительности. У личности актуализируется интровертированная установка.

Такой кризис и пережил Юнг. Возникшее у него состояние показывает, что отношения с Фрейдом были для него весьма значимыми. Юнг, чувствовавший себя постоянно глубоко одиноким, привыкший дистанцироваться от людей, сблизился с выдающимся мыслителем, который высоко его оценил и взгляды которого были частично близки молодому ученому. Разрыв межличностных отношений, занявших большое место в душевной жизни Юнга, совпал с его тягостным предчувствием великой катастрофы — войны 1914 г. Юнг остался один на один со своим «внутренним» и осмелился не только пройти все круги ада архаики, но осознать, описать, осмыслить и понять «архитектонику» этого «кипящего котла страстей», внезапно обнаружив в нем область духовного, мир «святостей», как выразился в своей книге В.Н. Колесников [3].

Несомненно, что способность к объективации архетипического бессознательного, приобретенные в период укоренения приемы сопротивления, противопоставления себя давлению помогли Юнгу не только выбраться из мира кошмаров, но и проследить этапы своего последовательного овладения бессознательным и осознания, наконец, своей самости, собственной уникальности, индивидуальности. Выражаясь метафорическим языком Юнга, скажем, что имен-

но ступени, ведущие его к самости, и стали для него основными этапами индивидуации — не только нахождения, но и «развертывания» — вычленения, осмысления, синтезирования, т.е. «разработки» составляющих своей уникальности.

Я убеждена, что создание Юнгом в два страшных кризисных года основного контура его теории явилось решающим фактором возвращения к нормальной жизни. Он обрел уверенность в себе и смог преодолеть болезненный разрыв с Фрейдом. Несмотря на непримиримое концептуальное противостояние этих двух мыслителей, между ними сохранились отнюдь не враждебные отношения. На это указывают очевидные факты, о которых рассказывает Юнг в своей психологической автобиографии. Фрейд, будучи неврастеничным человеком, на международных конгрессах всегда волновался и несколько раз терял сознание. И каждый раз именно Юнг подбежал к нему, подхватывал и укладывал в отдельной комнате. Однажды, когда Юнг уносил из зала упавшего в обморок Фрейда, тот пришел в себя и посмотрел, по словам Юнга, на него так, как ребенок смотрит на отца. То обстоятельство, что Юнг упоминает об этих эпизодах в своих воспоминаниях, показывает, что и межличностные отношения, складывающиеся в его жизни, внесли свой вклад в возникновение у него кризиса. В этом контексте можно сравнить последствия разрыва с Фрейдом Юнга и Адлера. Адлер с самого начала стал вырабатывать систему понятий, отличную от Фрейда. Личность он рассматривал в аспекте стиля ее жизни, жизненных целей и планов. Основной потребностью и движущей силой человека он считал стремление к превосходству [1]. У Адлера, в отличие от Юнга, преобладающей была экстравертированная установка, хотя в своей психотерапевтической работе он прибегал к эмпатическому проникновению в душевную жизнь пациентов. Адлер не испытывал потребности в поддержке Фрейда. Фрейд же открыто выражал свою неприязнь к Адлеру после их разрыва. Когда ему передали печальную весть о том, что Адлер, приглашенный читать лекции в Абердине (Шотландия), внезапно скончался, Фрейд лишь заметил, что для выходца из обычной еврейской семьи умереть во время лекций в Абердине — это блестящая карьера. Таким образом, у Адлера не было никаких предпосылок для тягостных переживаний в результате разрыва с Фрейдом.

У Юнга после выхода его из кризиса стали появляться многочисленные труды, в которых он представлял концептуально обработанные результаты осознания им все более глубоких слоев бессознательного.

Определение Юнгом процесса индивидуации во второй половине жизни как концентрации человека на своем внутреннем мире

может привести к выводу о том, что субъект в этот период все более замыкается в себе и отчуждается от людей, от общества, от межличностных отношений. Такое заключение неверно. Юнг всячески подчеркивает, что его учение противоположно индуизму, проповедующему необходимость погружения человека в нирвану, его освобождения от мира. Юнг пишет, что он не хочет освободиться от людей, что, напротив, истинное освобождение приходит тогда, когда он делает все, что в его силах, для окружающего мира. Человек должен участвовать в жизни других людей, иначе он, по словам Юнга, «ампутирует» часть своей души. При этом все более глубокое погружение субъекта в мир архетипов есть его проникновение в *коллективное* бессознательное, в историю жизни *всего человечества*. Осмысливая ее с помощью новых метафор и символов, исследователь соединяет конкретику социального настоящего с абстракциями всего общественного прошлого. Чем шире субъект овладевает богатством окружающего его социо-культурного мира, тем полнее и глубже он способен осмыслить архетипическое содержание и, следовательно, соединить настоящее и прошлое человечества. Поэтому-то *укоренение* индивида в различных областях своего социума Юнг считает важным условием достижения индивидуации¹. Юнг подчеркивает, что, индивидуализируясь, человек не исключает себя из мира, а, наоборот, включает в себя мир. Этот тезис требует развернутого объяснения, поскольку он касается проблемы качественного изменения взаимоотношения человека и мира во второй половине жизни. Напомним, что в первый период он весь обращен к внешнему, прежде всего социальному миру, плохо осознает себя и поэтому проецирует на окружающую действительность, будь то люди или неодушевленные объекты, все импульсы, всю энергетику бессознательного, а также присущие человеку, но слабо осознаваемые им стремления, желания и личностные, особенно «теньевые», свойства. Проясняя позицию Юнга, Д. Шпир пишет, что взаимная тесная переплетенность между психикой и миром существует оттого, что мир, внешние объекты и события нагружены психической энергией человека, например, чувствами, ожиданиями, представлениями и т. д. Именно проецируемые вовне психические энергии «заряжают» объекты и события. Психика изливается в мир [8, с. 243]. В результате индивид ощущает, что одни объекты неудержимо его притягивают, а другие — отталкивают; что некоторые люди враждебно к нему относятся (хотя это

¹ Напомним, что потребность в укоренении Э.Фромм также причисляет к основным потребностям человека.

он сам чувствует к ним неприязнь), а иные обладают притягательной силой (которая часто является его же собственным порождением). В процессе индивидуации и развивающейся способности к самосознанию индивид начинает вбирать в свою «психическую субстанцию» то, что можно назвать «объектными отношениями». Это он как субъект делает одни «объекты» своим достоянием, обогащая и расширяя свою личность, а другие отторгает от себя. У человека формируется сильное Эго, способное противостоять конвенциям, насильно навязываемым индивиду амбициям, а также — разрушительному напору бессознательного. Но и кроме Эго в самой психической субстанции существует сила, побуждающая человека к самосознанию, к переходу на более высокий уровень личностного развития. Эта сила заключена в архетипе индивидуации. Он символизируется такими сновидными сюжетами, как трудный подъем на высокую гору, которому предшествовал опасный спуск в темный подвал, и другими. Юнг предупреждает, что путь индивидуации очень мучителен. Многие люди не могут его завершить и с подорожи возвращаются к образу жизни, характерному для первой ее половины. Однако осуществление себя на уровне индивидуации ученый считает *этической* обязанностью человека.

К внешним условиям развертывания индивидуации и целой цепи трансформаций личности Юнг относит такое стечение обстоятельств, которое переживается субъектом как тупик или подобная ему безвыходная ситуация. В результате индивидуации «возникает просветление или высшая сознательность. Через них первоначальная ситуация переводится на более высокий уровень» [9, с. 126]. Чтобы выйти из неразрешимой ситуации, субъект должен расширить свою личность, направить сознание на ассимиляцию как накопленного, но не осознанного жизненного опыта, так и содержания архетипического бессознательного. Для осуществления подобной трансформации личности у сильного Эго формируется особая — трансцендентная функция, делающая субъекта способным опускаться в личное бессознательное и в некоторые области бессознательного коллективного. Вместе с масштабностью личности расширяется ее сознание. В результате у человека появляются новые возможности для решения трудных жизненных проблем. В то же время меняется отношение к неразрешимым экзистенциальным проблемам, которые выражают, как поясняет И. Якоби, полярность, имманентную всем саморегулирующимся системам. Эта ученица Юнга справедливо подчеркивает, что невозможность решить такие проблемы не означает, что их нельзя «перерастить». Заложенный в архетипическом духовно-этический потенциал все более насыща-

ет в процессе индивидуации сознание и позволяет увидеть проблемы в новом свете, изменяющем их смысл [15, с. 519—520]. Во всех этих положениях выделяются определенные результаты действия трансцендентной функции, но сама по себе она воспринимается читателем не более чем метафора. По своей сущности эта функция, несомненно, является формой активности субъекта. Какова же эта активность? Весьма продуктивный, но требующий дальнейшей разработки ответ содержится в рассуждениях Юнга о том, что же делает человек, погружаясь в бессознательное, осмысливая его и приближаясь к самости. Субъект, по его мнению, постоянно *ведет диалог с самим собой*, и диалог этот приводит к серии неожиданных инсайтов или самооткрытий, относительно которых человек должен принять моральное решение, подтверждающее истинность исходов самоосознания.

Если критерии членения психического процесса взаимной адаптации человека и окружающего мира в первой половине жизни нелегко выявить в работах Юнга, то основания этапности процесса построения собственной индивидуальности более очевидны: субъект должен сначала осознать различные образования личного бессознательного, затем выявить главные составляющие самости и, наконец, проинтегрировать свою неповторимую целостность, стать самим собой, утвердить самость.

Основные ступени (этапы) индивидуации во втором периоде развития личности

Прежде всего субъект должен осознать содержание тесно сопряженных друг с другом образований личного бессознательного: Персоны и Тени. Напомним, что Персона, или Маска, представляет собой констелляцию личностных качеств, обращенных к социальному миру. Они формируются у человека в результате индивидуально-специфического освоения им различных социальных ролей, наличие которых отвечает ожиданиям окружающих и которые человек сам в себе культивирует. Часто он не осознает различия между своей Персоной и истинной Личностью и вытесняет в область Тени не соответствующие или не совместимые с Персоной свои личностные особенности. Последователи Юнга приходят к выводу о том, что каждый человек обладает не одной, а несколькими Персонами, так как он в разных сферах социума выполняет разные функции. Это обоснованное заключение лишь подчеркивает трудности устранения субъектом своих разных общественных Масок и дифференциации многомерного состава Тени. В пополне-

нии Темной стороны личности участвует и Эго. Используя механизм психологических защит, оно оттесняет в область Тени не только морально осуждаемые, не соответствующие идеалу человека его качества, но и весьма положительные, объективно ценные способности — в том случае, как уже говорилось, когда личность живет ниже своего истинного уровня. Попытки субъекта дезинтегрировать Персону, переосмыслить ее свойства могут вызвать ряд нежелательных последствий. Например, если Персона будет разрушена, но ее место еще не займет ассимилированное сознанием содержание, в эту дезинтегрированную область «вторгнется» бессознательное. Его противоборствующие силы начнут захлестывать сознание и в конце концов, по мнению Юнга, вызовут у человека шизофрению. Неспособность субъекта полностью демонтировать Персону может также инициировать у него регресс — прежняя его Маска восстанавливается. Трудности ассимиляции сознанием этого архетипа иногда побуждают человека идентифицироваться с коллективным бессознательным. Тогда он выступает в качестве пророка, проповедника идей, которые навязываются ему глубинными архетипами. Если ассимиляция сознанием Персоны завершается успешно, субъект поднимается на следующую ступень — он приступает к познанию «своего темного брата». Опознать и познать Тень очень трудно.

Обнаружив у себя нежелательные, осуждаемые им самим качества, человек чувствует себя уязвленным и беспомощным. Кроме того, содержание Тени многомерно. Юнг считает, что человек не может и не должен охватывать сознанием все пространство Тени. Личность не может существовать без темной своей стороны. «Живая форма не может достичь пластичности, — пишет Юнг, — если у нее нет Тени. Без Тени она остается лишь двумерным призраком» (цит. по [15, с. 495]). Дело в том, что в темной области содержатся творческие возможности детства и качества далеких наших предков, которые, как считает Юнг, очень оживляют и укрепляют человеческое бытие. Несомненно, что психологические механизмы защиты Эго препятствуют осознанию «темных» сторон личности. Сам Юнг не раскрывает способов преодоления защит, но подчеркивает, что человек должен знать о существовании у себя Тени и осознать некоторое ее содержание.

Есть основания для того, чтобы дополнить эти разъяснения Юнга следующими положениями. Философы, разрабатывающие проблему развития, приходят к выводу о том, что всякое развитие избыточно. В процессе жизни у развивающегося существа накапливаются такие новообразования, «приобретения», которые могут проявить-

ся лишь в экстремальных ситуациях или не реализоваться совсем; некоторые из них усиливают друг друга, иные образуют легко доступный резерв. Есть и такие, которые дублируют приобретенные качества. Все они находятся в области «потенциального». С моей точки зрения, диалектика Личности, осознающей себя, и ее Тени, ускользающей от осознания, — это конкретизация связи актуального и потенциального в развивающемся человеке. Проблема состава и строения Тени, ее функций в развитии личности, условий перехода в светлое, в область осознанного — актуальная проблема — психологии личности.

На следующей ступени субъекту предстоит встреча с Образом Души (Анима) в двух ее формах, дополняющих друг друга, — Анимусом и Анимой, которые символизируют мужское и женское начала. Современные исследования не только подтверждают факт наличия в каждом человеке черт маскулинности и фемининности, но и доказывают, что достаточная их выраженность и интеграция являются необходимым условием благополучной в социальном и психологическом смысле жизни человека. Изучение условий формирования адекватной половой идентификации у девочек показало, что оно происходит лишь частично в процессе идентификации-дифференциации с матерью. Под ее влиянием у детей развиваются черты не только женственности, но, в определенной мере, и мужественности. Однако полноценная половая идентичность складывается у девочек под воздействием маскулинного отца. Оказалось, что у женщин, обращающихся за психологической помощью в связи с проблемами половой идентичности, отцы были «фемининными» [2]. Пользуясь терминологией Юнга, можно сказать, что недостаточная маскулинность отца воспрепятствовала актуализации архетипа Анимуса и его соединения с Анимой в пространстве личного бессознательного. Юнг констатирует, что осознание наличия у себя контрсексуального аспекта дается человеку с большим трудом, но оно крайне необходимо для благополучной его жизни. Психологи, принадлежащие к школе Юнга, доказывают, что способность «взглянуть в лицо контрсексуальному аспекту внутри нас является судьбоносным событием» [15, с. 509].

Анимус и Анима, по-существу, выступают как конкретные проявления двух великих противоположных, не существующих друг без друга начал, лежащих в глубинном архаическом пласте человека. Это противоположности «духовного» и «материального». Духовное, согласно Юнгу, преобладает у мужчины и проявляется в архетипических образах Пророка, Мудрого старца, Мага и т. д. Материальное же заключено в архаике женщины. Оно обнаруживает себя в образе Великой Матери, Матери-Земли, Колдуньи

и других. Юнг называет эти величественные фигуры мана-личностями, которые представляют собой над-природные силы. Распознавание значения этих фигур, их единства, и ассимиляция сознанием указывает на основную направленность процесса индивидуации: *снизу вверх* — от «инстинктов» к созданию ценностей и решению духовных задач. Несмотря на то, что сама психическая энергия человека имеет тенденцию подниматься «вверх», движение к духовному является результатом свободного выбора самим человеком. Ссылаясь на Юнга, И. Якоби подчеркивает, что наличие у субъекта духовной цели способствует оздоровлению всего человека. Осознанные ценностные позиции и убеждения, интегрированные в целостность, обладают повышенной побудительной силой. В результате у человека возникает способность «из правильного усмотрения проблемы сразу переходить к правильному действию» [13, с. 251]. Постепенно интегрируя на основе осознания разные области личного и, частично, коллективного бессознательного, человек поднимается на более значимую ступень индивидуации — он обнаруживает, кто же он такой, и конструирует свою самость². Это центральный архетип человека. Он принимает на себя функцию регуляции всех уровней жизни человека. Под воздействием самости организм, как выражается Э. Самуэлс, «знает», что для него лучше, а что неприемлемо [6].

Было бы, однако, совершенно неадекватно представлять самость как гармоничную структуру. Напротив, на уровне самости внутренние конфликты резко обостряются, вызывая у человека страдания. Юнг рассматривает внутренние рассогласования, борьбу противоположных тенденций как неотъемлемую часть человеческой жизни. Обострение же их на этапе самости он связывает с осознанностью конфликтов. Этот феномен ученый объясняет так. Личность, не достигшая высокого уровня индивидуации, прибегает к вытеснению из сознания противоборствующих тенденций, конфликтов, амбивалентных чувств, что ведет лишь к образованию новых комплексов. Субъект же, прошедший путь индивидуации, применяет для устранения внутренних трудностей иной метод, называемый Юнгом «*сдерживание*»: он не позволяет конфликту ни уйти в бессознательное, ни обнаружить себя в беспорядочных аффектах. Субъект удерживает конфликт в поле сознания и пытается разрешить его с позиции духовных ценностей.

² Есть основания согласиться с мнением А. Маслоу, который уверен в том, что человек частично отыскивает Стержень своей личности — Самость, но частично ее сам создает.

По мере того, как индивид осознает себя и овладевает собой, вырабатывая новые ценности, он становится субъектом целенаправленной трансформации собственной личности. Юнг предупреждает, что он в психотерапевтической практике не придерживается догматически своей теории, старается непредвзято подойти к каждому индивидуальному случаю, не навязывает пациенту каких-либо убеждений при лечении. Фактически ученый реализует субъектный подход к своим клиентам. Терапевт озабочен тем, чтобы его пациент понял и осознал себя и на этой основе сам выработал собственное видение мира [12, с. 142].

Эта теоретическая и психотерапевтическая позиция Юнга совпадает с концептуальными установками А. Адлера. Создатель индивидуальной психологии подчеркивал, что его дело — побудить пациента осознать свою фиктивную недостижимую жизненную цель и нереалистичный жизненный план. Преобразование же личности, выбор достижимых целей и нахождение способов их реализации — это дело самого пациента [1, с. 48]. Такое сходство позиций двух создателей весьма различных теорий производно от их глубокой веры в то, что у людей даже с тяжелыми психическими нарушениями сохраняются творческая активность и конструктивные силы для самопреобразования.

Юнговская концепция индивидуации, с нашей точки зрения, вносит вклад в разработку проблемы связи «индивидуального» и «общественного». Индивидуация предполагает осознанную, направленную и упорядочивающую актуализацию огромной творческой энергии бессознательного, которая передается сознанию. В результате у индивида уже в первой половине жизни начинает накапливаться «противовес» социальным влияниям, дезорганизующим, деформирующим, «уменьшающим» личность. Возможности противостояния этим влияниям и даже их преодоления неизмеримо возрастают на этапе интеграции Самости. Индивидуальность является постоянным источником инноваций, обуславливающих развитие общества. Каковы же эволюционные процессы, породившие возможность определенного возвышения индивидуального над общественным? Если исходить из принципа единства социо- и антропогенеза, то логично предполагать, что в процессе становления общества возникали такие сообщества, которые угрожали антропогенезу, — выживанию и развитию тех, кто к ним принадлежал. В таких условиях смогли выжить и обеспечить потомство только те пралюди, индивидуальные особенности которых позволяли им либо трансформировать прежнее сообщество, либо создать более совершенное социальное объединение, культивирующее

свое индивидуальное основание. Так постепенно у первых людей появился архетип Индивидуации.

Итак, на решающем этапе индивидуации субъект осознает, а точнее конструирует свою самость. Какова же может быть ее структура? Одинаково ли равнозначны все ее компоненты или в ней можно выделить системообразующее основание? Какую функцию самость выполняет в жизни человека? Сам Юнг не дает прямого ответа на этот вопрос, но тщательный анализ его трудов дает основания для вывода о том, что системообразующим фактором — у Юнга нет такого понятия, поэтому скажем иначе, — интегрирующим началом самости является осознание личностью своего *призвания*. Оно предполагает самоосуществление человека. Реализация его талантов требует развития и интеграции огромного массива личностных свойств, совершенствования всех эктопсихических функций. Голос призвания заставляет человека выйти за пределы своей индивидуальной истории. «Я очень сильно ощущаю на себе, — пишет Юнг, — влияние вещей или вопросов, оставленных моими родителями и более отдаленными предками в состоянии незавершенности и без ответов... У меня всегда было ощущение, что мне предстоит решить вопросы, поставленные судьбой перед моими праотцами» [12, с. 240]. Ему было трудно решать, являются ли такие вопросы личными или общими (коллективными). Юнг считает, что вероятнее последнее [12, с. 240]. Ученый еще более расширяет пространство тех проблем, разрешить которые призван человек, осознавший свою самость. По словам Юнга, внутренний голос доносит до сознания индивида то, чем страдает целое, т.е. народ или человечество. Случается иногда, что «коллективная проблема» не оценивается человеком как таковая, но она все равно, по мнению Юнга, обнаруживает себя в форме личностной задачи. Уже из этих положений следует, что достижение человеком этапа самости не означает ни замыкания субъекта на самом себе, ни завершения его развития как личности. Образ Круга или Мандалы символизирует, скорее, недостижимый идеал целостности личности, а также передает в образной форме тягостное переживание человеком своей отграниченности от других, неповторимости своей судьбы. Поэтому достижение самости Юнг называет и Проклятием, и Харизмой (благодатью, бесценным даром). Человека охватывает мучительное чувство одиночества, обособленности, как выражается Юнг, «от безликого стада». Но осознание самого себя является также великим счастьем для человека. Поняв свое призвание, он обретает *смысл* своей жизни, преодолевает, согласно Юнгу, мрачную сосредоточенность на прошлом и начинает жить будущим.

Ссылаясь на свою психотерапевтическую практику, Юнг сообщает, что примерно треть его пациентов страдает не столько от неврозов, сколько от бессмысленности и бесцельности жизни. Личность, познавшая свое призвание и осознавшая смысл своей жизни, отличается наивысшей жизненной стойкостью, абсолютным принятием индивидуально сущего и максимально успешным приспособлением к общезначимому при величайшей свободе выбора и собственного решения.

Осознавший себя человек уже не отгораживается от мира Маской, Тенью, Комплексами. Он оказывается способным устанавливать глубокие сущностные связи с миром и другими людьми [11, с. 213]. Достижение индивидуации, самости определяется Юнгом как необходимая предпосылка «построения лучшего и социально более приглядного мира» [13, с. 251]. Разрабатывая вопрос о трансформации и развитии личности на разных этапах индивидуации и достижения самости, Юнг подходит к решению фундаментальной философской проблемы о значении для мира, для бытия всего сущего появления человека как осознающей себя личности и субъекта своей жизни. Над этой проблемой раздумывали не только философы, но и психологи, опирающиеся на понятие уровней бытия. Дж. Мид был одним из первых ученых, сформулировавших идеи о типе связи между уровнями бытия, об обогащении нижележащих уровней более высокими [19]. Осуществив принципиальный выход за пределы концепции символического интеракционизма, он доказывал, что вышележащее выявляет новые свойства в предшествующем ему. Это положение Мид конкретизирует так: с появлением животных в растительном мире обнаруживаются новые свойства: питательности, вредности, ядовитости, лечебности и т.д. В работах С.Л. Рубинштейна формулируется обобщенный методологический принцип: с возникновением каждого более высокого уровня бытия на новый уровень поднимается все бытие. В результате появления человека в мире обнаруживается, например, качество красоты [4]. Установки Юнга весьма сходны с этими позициями. Согласно ему, самим своим присутствием человек ставит на весь окружающий мир возвышающую печать своего особого существования. Юнговское решение проблемы связи человека и мира значительно отличается от взглядов Э. Фромма, который убежден, что человеческая ситуация в мире трагична. Сознание и разум отделяют непроходимой пропастью человека от всего природного мира и обрекают его на одиночество. Только единение людей друг с другом может смягчить их трагическое положение [7]. В отличие от Фромма, Юнг доказывает, что человек является вторым творцом мира [12, с. 263].

Без человека мир, как пишет Юнг, «ушел бы в глубочайшую ночь небытия не услышанным и не увиденным» [там же]. Продолжая развивать эту идею, Юнг поясняет, что благодаря человеческому сознанию в мире появилось новое — смысловое измерение. Именно в результате осмысливания безликое бытие превратилось в бытие объективное, т.е. такое, которое предполагает существование субъекта. И это созданное присутствием человека бытие возвало к нему, породило в нем чисто человеческое призвание — участвовать в своем *совершенствовании*, помогать существованию мира. Осознание этой миссии делает осмысленной жизнь индивида, племени, народа. Юнг передает рассказ своего старого друга-индейца, который разъяснял ученому, что его племя живет ради того, чтобы помогать Отцу-Солнцу подниматься утром и успешно совершать свой путь по небу.

Общечеловеческое призвание индивидуализируется в неповторимом призвании каждого субъекта, но все же в основе его лежит стремление индивида преодолевать незавершенность развивающегося мира и совершенствовать его. С нашей точки зрения, положение о возвышающем и обогащающем воздействии человека на все уровни бытия следует распространить и на уровни развития человека как личности. Каждый новый уровень личностного развития индивида, каждая ступень индивидуации обуславливает выявление в окружающем социальном и предметном мире, в людях и во взаимоотношениях людей новых, дотоле не воспринимавшихся ни им самим, ни другими личностями граней, качеств, особенностей.

Возвращаясь снова к анализу этапа самости и осознания призвания, нельзя обойти острую проблему соотношения призвания с конкретными общественно-историческими условиями жизни индивида. Может оказаться, что призвание личности не отвечает насущным задачам общества, которое отвергает «объективацию» зова самости. Обладает ли глубоко индивидуализированное призвание определенной пластичностью? Какова структура призвания? Эти проблемы требуют глубокой теоретической и эмпирической проработки. Сейчас можно высказать лишь некоторые соображения по их поводу. В структуру призвания входят, несомненно, не только одаренность, стремление ее реализовать, но также особая, личностного масштаба, способность обеспечить признание обществом объективации своих талантов. Одержимый призывом человек старается проложить новые пути в социокультурном пространстве. Следует также учитывать, что в обществе существуют слабо структурированные области, которые легче поддаются усилиям «призванного» человека. Конечно, нередко «объективации»

талантов отвергаются обществом. Они, однако, остаются в социальной памяти и могут стать актуальными в отдаленном будущем. Касаясь судеб людей, общества, человечества, призвание имеет и этическое содержание. Поэтому осознание себя и своего призвания Юнг считает моральным долгом каждого человека.

Выступая творцом мира, субъект расширяет свою личность, «переливает» ее в природный мир, общество, в «психическую субстанцию» других людей. О себе Юнг пишет, что иногда у него появляется чувство, будто он существует в окружающем, внутри вещей, в плеске волн, в облаках, животных и т. д. [12, с. 233]. Ученый рассказывает также и о малозначимом, казалось бы, эпизоде, который стал для него внутренним событием. Будучи уже зрелым человеком, он отправился на прогулку в горы и увидел камень, на котором нередко сидел в детстве. И когда он вновь опустился на этот камень, у него возникло ощущение, что он и есть этот камень, а камень — он сам. Испугавшись, Юнг бросился бежать. После того, как ученый глубоко осознал себя, у него появилась потребность воплотить свой внутренний мир в архитектурном сооружении. И он начал строить из камней дом с центральной башней («мое личностное «я»») и многочисленными пристройками, обозначающими части его целостности.

Характерно, что детально описывая расширение своей личности в пространстве природы, Юнг ничего не говорит о своеобразном продолжении собственной самости в душевной и духовной жизни других людей. А между тем его труды оказали большое влияние на духовную жизнь общества. В 1938 г. Юнг стал президентом вновь организованного Международного психоаналитического общества. В 1948 г. в Цюрихе был открыт Институт Юнга. Но чувство одиночества не покидало его на протяжении всей жизни.

Расширение личности во внешнем мире не означает, что границы самости становятся расплывчатыми, неопределенными. Наоборот, субъект воспринимает каждый объект под углом зрения своей неповторимой самости и в результате выявляет в нем такое содержание, которое недоступно человеку с иной самостью, но превращается субъектом в новую часть себя. Некоторые последователи Юнга разрабатывают идею о том, что субъект, достигая этапа Целостности, возводит вокруг самости «защитный вал», отделяющий «я» от «не-я». Эта идея заслуживает внимания в связи со следующими фактами. Исследователи обнаружили, что у человека кроме его реальной, осознаваемой самости существуют еще виртуальные или возможные самости. К ним относятся те, которыми субъект стремится стать. Но в сознании человека существуют и такие самости, которыми он

ни в коем случае не хотел бы стать. Они вызывают у него даже страх [17]. Для того, чтобы не стать таким «не-я», подспудно навязываемым и «внешним», и «внутренним», личность и возводит вокруг самости защитную систему, которая, однако, проницаема для всего, что способствует развитию ее сущности.

Стремление постоянно развивать себя является архетипичным. Направленная на совершенствование себя творческая активность составляет основу всей жизни человека. Содержание самости должно обогащаться, а ее границы расширяться. Этической задачей человека является включение в область осознаваемого огромного массива жизненного опыта, который запечатлевается в эндопсихической системе памяти и нередко осознается с большим трудом. Но чем дальше продвигается человек по ступеням индивидуации, тем настоятельнее у него потребность оглянуться на собственный путь. Иными словами, субъект в процессе своего развития должен психологически двинуться вспять и включить в свое настоящее накопленные ранее возможности.

Юнг, говоря о своих трудах, определяет их как остановки на жизненном пути, во время которых он обращается к неисчерпаемому опыту своих фантазий, видений, символических образов в период кризиса. Но еще сильнее ученый хочет возвратиться к воспоминаниям детства, чтобы обогатить себя творческой жизнью ребенка, свежестью и непосредственностью его видения целостности мира. Однако Юнгу не удавалось актуализировать свои детские образы, фантазии, сновидения, переживания. Интуитивно примененный Юнгом способ возвращения в детство обнаруживает важную психологическую закономерность: всякое содержание памяти представляет собой осадок того практического взаимодействия растущего человека с окружающим миром, который характерен для каждого нового этапа его развития. Для того чтобы возвратиться в детство, человек должен зажить детской жизнью. И Юнг вспомнил, как в детстве он любил играть с камешками, что-то строить из них. И когда взрослый человек вновь предался излюбленной им некогда игровой деятельности, в его сознание хлынула масса давно забытых эпизодов, необычных фантазий, ярких впечатлений, которые расширили границы его самости и дали ему новый заряд творческой энергии. Более того, в переживаниях детства он отчетливо увидел некоторые зародыши и предпосылки своей взрослой жизни.

Этот факт побудил его задуматься о взаимосвязи последовательных этапов развития личности. Выводы, к которым он пришел, будут обсуждаться далее, после выяснения значения формирова-

ния самости и осознания своего призвания в определении личностью своей судьбы. Согласно Юнгу, понимание призвания и определение смысла жизни позволяют индивиду выбрать свой жизненный путь на основе твердо принятого морального решения [12, с. 211]. У каждого человека есть свой закон жизни, который нацелен на индивидуально проживаемую жизнь. Психологически такой закон переживается субъектом как предначертание. Самому Юнгу изначально было присуще чувство своей судьбы. «Я воспринимал жизнь, — пишет он, — как нечто предписанное и видел свою цель в том, чтобы исполнить волю судьбы. Это давало мне ощущение внутренней надежности. Не я владел своей уверенностью, она владела мной» [там же, с. 54]. Можно предположить, что это чувство в какой-то мере свойственно очень многим людям, но мощные голоса конвенций, мнения значимых других, приобретенная неуверенность в себе заглушают его. В результате, как выражается Юнг, человек начинает жить несвойственной ему жизнью и считает неудачной свою судьбу. Положения Юнга настолько укоренены в его биографии, что в описании расхождения призвания и реального жизненного пути личности явно проступает судьба его отца. Став, по примеру родных, священником, он тяготился этой жизнью, считал себя неудачником и в конце концов снял с себя сан. Поступок отца вызвал у Юнга тяжелые переживания.

Конечно, личность может ощутить свое призвание и гораздо позднее — во второй половине жизни, когда у нее возникают устойчивые интересы, противостоящие непосредственным влечениям и желаниям. И тем не менее, услышав голос закона своей судьбы, она «добровольно приносит себя в жертву своему предназначению» [13, с. 217]. Процесс осуществления предначертанного пути, все более полное осуществление своей уникальности отнюдь не тождествен движению к гармонизации. Э. Самуэлс, опираясь на работы последователей Юнга, — М. Фордхама и Дж. Хилмана, обоснованно доказывает, что путь индивидуации не равен переходу от хаоса к когерентности. Перемещение по ступеням индивидуации включает и дезинтеграцию, и расщепление достигаемой целостности [6, с. 177—178]. Действительно, любое развитие немислимо без периодов нарушения интеграции, появления избыточной дифференциации, временной регрессии, накопления таких фундаментальных изменений, которые требуют трансформации прежней целостности личности.

Характеризуя высшие ступени (уровни) индивидуации, Юнг акцентирует их насыщенность этическими, эстетическими, религиозными и другими духовными ценностями. Но личность, достигнув

вершин своего развития в качестве субъекта, становится способной подняться и над ними. Она обретает качество, которое мы, вслед за Э. Эриксоном, назвали бы мудростью. Мудрый человек воспринимает жизнь во всей ее реальной многомерности. Люди, общавшиеся с Юнгом в его поздние годы, называли ученого мудрым. Сам он не считал себя таковым. Но глубоко продуманное и пережитое им отношение к миру, несомненно, носит отпечаток мудрости.

Решая основной вопрос этики о связи добра и зла, Юнг, в отличие от гуманистов утопического толка, был убежден, что путь к добру сплошь и рядом пролегает через зло. И он пишет, что люди обладают свободой, позволяющей им «в некоторых обстоятельствах принимать этическое решение в пользу того, что в сфере морали считается злом, и уклониться от того, что считается добром» [12, с. 337 — 338]. Однако принятие решения значимо только тогда, когда оно реализуется в действии. Поэтому при любом выборе человек должен со всей откровенностью отдать себе отчет в том, сколько он может совершить добра и на какие способен преступления [там же]. Вспомним в связи с этим положение о дилеммах Л. Колберга: можно ли нарушить закон и пойти на преступление ради спасения человеческой жизни? На этапе мудрости меняется и отношение индивида к собственной жизни. Понимая, что личность, несмотря на свое субъектное начало, может под влиянием архаического бессознательного оказаться неожиданностью для себя, что мир в значительной своей части непредсказуем, и что выбор своего уникального пути усиливает возможность встречи с чем-то, совершенно неизвестным, Юнг приходит к заключению: человек должен принимать свои ошибки, ибо жизнь без них неполна. Они заставляют субъекта в новом аспекте увидеть и жизненные обстоятельства, и себя. Необходимо при этом подчеркнуть, что мудрость отнюдь не означает гармонизации внутреннего мира, отсутствия в нем конфликтов, борьбы противоположных тенденций.

И все же мудрый человек оказывается способным подняться над ними. Но может ли такая позиция «взгляда сверху» относиться только к окружающему миру и не распространяться на душевную жизнь самого индивида? На своем примере Юнг показывает, что человек в качестве личности поднимается и над своей самостью — над осознанной и интегрированной частью текучей психической субстанции. В единстве экстра- и интровертированной установки акцент смещается в сторону последней. Юнг пишет: «Мне кажется, что отчужденность, в течение столь долгого времени разобщавшая меня с миром, перешла в мой собственный мир и дала мне понять, как неожиданно мало я знаю о себе самом» [12, с. 369]. Дальнейшее обращение чело-

века к своим глубинам в самый поздний период жизни уже не является способом его развития. Оно носит характер окончательного погружения субъекта в коллективное бессознательное и растворения личности в нем. «Чем старше мы становимся, — пишет Юнг, — тем гуще та пелена, которая отделяет нас от внешнего мира и делает его бесцветным, неинтересным, тем отчетливее слышен призыв внутреннего мира. Старая, человек постепенно растворяется в той коллективной психической субстанции, из которой он вырвался в детском возрасте» [12, с. 491].

Эти заключительные слова Юнга содержат и описания определенного переживания, и интерпретацию состояния личности, завершающей свой жизненный путь. Об изменяющемся эмоциональном восприятии окружающего мира на заключительном этапе жизни, о его растущей блеклости, незначимости и «неинтересности» сообщают многие люди, достигшие периода «хрупкой» старости и прожившие, как правило, долгую жизнь. Юнга в последние годы жизни стали занимать вопросы о возможных формах существования индивидуальной духовности после смерти человека. Выдвинутые им предположения кажутся, на первый взгляд, весьма наивными, но они таят в себе глубокий психологический смысл. Гипотеза Юнга такова. После смерти человека остается нечто, что можно назвать «душой». Но эти души, пребывающие в неведомом нам пространстве, уже не развиваются. Им уже неизвестна дальнейшая судьба живущих, они не знают о том, что происходит с их близкими, об их горестях и радостях. Но информацию, в которой нуждаются «души», они могут получить от мысленно общающихся с ними людей, которые должны рассказывать им о своих радостях и горестях, о взаимоотношениях с другими людьми, о событиях в мире и т. д. Сколь наивными кажутся идеи такого крупного мыслителя, но с моей точки зрения, психологическое их значение велико. Они — расширение положений Юнга о диалогической природе трансцендентной функции, о развивающейся диалогичности сознания, проявившейся в мысленном общении мальчика, юноши, молодого человека с виртуальной личностью «мудрого старца». Мысленно общаясь с ушедшими из жизни близкими, субъект расширяет свое сознание, истолковывает все пережитое им и при этом может внезапно понять свои ошибки, осознать свои истинные, скрываемые от себя чувства. Общение с ирреальным миром выполняет и другую, не менее важную функцию. Такое общение продолжает бытие тех, кто ушел из жизни, но продолжают существовать в форме эмоционально наполненных воспоминаний, образов в душах живущих. Есть основания предполагать, что частично они становятся

«малыми личностями», комплексами со своей физиологией и телом, как говорит Юнг, но, конечно, это физиология — организмическая составляющая «владельца» этих воспоминаний. Второе положение Юнга весьма дискуссионно. Можно согласиться, что человек в конце концов погружается в коллективное бессознательное. Однако это бессознательное уже не то, из которого он выбрался в детстве. Самим своим присутствием, включаясь в различные межличностные отношения, взаимодействуя и общаясь с людьми, субъект запечатлевает себя в их сознании и бессознательном своим обликом, поступками, неповторимым взглядом на мир. Он вписывается в коллективную память малых и больших групп человечества. Сам Юнг надолго вписал себя в становление современной «вершинной» психологии и, более того, в обогащение многих сфер человеческой культуры.

Признавая оригинальность учения Юнга, глубину его анализа душевной жизни человека, нельзя не поражаться тому, как мало внимания он уделяет межличностным связям, эмоционально насыщенным отношениям между людьми.

Самосознание личности — основа ее индивидуации — выступает у Юнга как имманентно присущая человеку способность. Но как может человек осознать свою индивидуальность, неповторимость, уникальность, не осмысливая опыт своих отношений с другими людьми, не сопоставляя себя с ними. В отечественной психологии взглядам Юнга на истоки самосознания противостоит весьма обоснованная позиция С.Л. Рубинштейна. Он подчеркивает, что человек осознает свою самостоятельность, свое выделение в качестве самостоятельного субъекта из окружения лишь через свои отношения с окружающими его людьми, и он приходит к самосознанию, к собственному «я» через познание других людей. Не существует «я» вне отношения к «ты» и не существует самосознания вне осознания другого человека как самостоятельного субъекта.

Литература

1. Адлер А. Практика и теория индивидуальной психологии. М.: НПО Прагма, 1993.
2. Зуева Ж.В. Особенности половой идентичности женщин, обращающихся за психологической помощью. Автореф. ... канд. психол. наук. М., 1999.
3. Колесников В.Н. Лекции по психологии индивидуальности. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 1996.
4. Рубинштейн С.Л. Человек и мир // Проблемы общей психологии. 2-е изд. М., 1976.

5. Руссо Ж.-Ж. Исповедь // М., 1964. Избранные соч., т.3.
6. Самуэлс Э. Юнг и постюнгианцы. М.: ЧеРо, 1997.
7. Фромм Э. Человеческая ситуация. М.: Смысл, 1995.
8. Шпир Д. Психология Юнга // Юнг К.Г. Структура психики и процесс индивидуации. Приложение 4. М.: Наука, 1996.
9. Юнг К. Архетип и символ. М.: Renaissance. JV, Ewo-SLD, 1997.
10. Юнг К. Аналитическая психология. СПб.: МЦНК и Т «Кентавр», Ин-т личности ИЧП, Полантир, 1994.
11. Юнг К. Проблема души нашего времени. М.: Прогресс, 1994.
12. Юнг К.Г. Дух и жизнь. М.: Практика, 1996.
13. Юнг К.Г. Структура психики и процесс индивидуации. М.: Наука, 1996.
14. Юнг К.Г. Психологические типы. М.: «Университетская книга» АСТ, 1998.
15. Якоби И. Психологическое учение Карла Густава Юнга // Юнг К.Г. Дух и жизнь. М.: Практика, 1996.
16. Bandura A. Self-efficacy: the exercise of control. N.Y. W.H. Free man @ CO. 1997.
17. Cross S., Markus H. Possible Selves Across the Life Span // Human Development. 1991. V. 34. № 4.
18. Fordham M. Defenses of the Self // J. of Analytical Psychology. 1974. V. 19.
19. Mead I. Mind, Self and Society. Chicago, 1934.

10 ГЛАВА

ПСИХОЛОГИЯ ПОВСЕДНЕВНОСТИ: ЖИЗНЕННЫЙ МИР ЛИЧНОСТИ И «ТЕХНИКИ» ЕЕ БЫТИЯ

Эта статья — обсуждение новых в психологии проблем, возникших в связи с *«биографически фундированной когнитивной теорией личности»*, созданной крупным немецким психологом профессором Боннского университета Хансом Томе. Он работает в тесном сотрудничестве с профессором Урсулой Лер, директором Института геронтологии Хайдельбергского университета. Идеи Томе получают разработку в сообществе единомышленников, которое он называет «нашим Боннским рабочим кругом».

В концепции Томе интегрированы положения К. Левина о психологическом единстве человека и окружающего его мира, некоторые установки когнитивной теории поведения, идеи Г. Мюррея о тематическом структурировании личностью своих жизненных ситуаций и его собственные оригинальные подходы к изучению личности в мире повседневной жизни путем психологической биографии [9 — 10].

Эмпирическим основанием теоретических разработок Томе послужили результаты нескольких крупных научных проектов. Они указаны в его труде «Индивид и его мир» (2-е изд., 1988 г.). Среди них — медико-психологический лонгитюд (1952—1963), посвященный изучению детей и юношей, а также Боннский геронтологический лонгитюд¹, который был начат в 1961 г. под руководством Лер и продолжался более двух десятков лет. В нем участвовало несколь-

¹ Bonner Langsschnittstudie uber das Altern (BOLSA).

ко когорт. Постепенно редело число участников и тем не менее еще в 80-х годах ветераны лонгитюда, представители первой когорты (1895 — 1909 г. рожд.) принимали участие в биографическом интервью.

Методические подходы Томе

Томе — психолог гуманистической ориентации. Это значит, что его мировоззренческие убеждения реализуются на всех уровнях научной деятельности, включая исследовательский аппарат. Гуманизация психологии, как пишет Томе, должна начинаться с ее методов. С этих позиций он дает новое определение типа взаимоотношения психолога с изучаемым индивидом. Этот последний — не «испытываемый» и не «респондент», но партнер психолога, равноправный участник исследования, и в конечном счете — эксперт, ибо никто лучше его не знает тот уникальный жизненный мир, в котором он живет. В этой позиции, получившей свое методическое воплощение, нашли развитие методологические тенденции, возникшие уже в конце 60-х годов. В 1968 г. вышла книга W. Mischell «Личность и оценка» [5], в которой автор раскритиковал распространенные в психологии методы оценки личности и назвал самих «подопытных» компетентными судьями результатов исследований. По словам Н. Негманс и Н. Вонагиус, эта книга «вызвала землетрясение в психологии личности» [1, с. 206]. В 70 — 80-е годы такая позиция получила более широкое распространение, по крайней мере в европейской психологии, и достигла своего апогея в нескольких статьях, появившихся в «Европейском психологическом журнале» [1], авторы которых определяют человека, участвующего в опыте, как «со-исследователя» в изучении личности. Этот тезис строится на положении о том, что каждый человек обладает своим, идиоматическим жизненным миром, познание которого требует сочетания номотетического и идиографического методов. Положение об интеграции того и другого метода Томе сформулировал еще в первом издании своего труда «Индивид и его мир» (1968). Номотетический подход, по его словам, ориентирован на обобщения, абстракции, нивелирующие индивидуальное, а идиографический метод позволяет наполнить конкретным, свойственным лишь данному индивиду, содержанием полученное обобщение. Добиться соединения двух методов Томе пытается путем создания особого варианта психобиографического метода — психологической биографии. Надо сказать, что психобиографический метод еще 20 лет тому назад воспринимался психологами как экзотика. В одной из своих статей Томе детально прослеживает постепенное его включение в арсенал психологических методов [8].

Однако в 80-е годы интерес к психобиографическому методу значительно возрос. В новейшем обзоре по психологии личности уже целый раздел отведен психобиографическим исследованиям [11], а *Journal of Psychology* посвятил специальный выпуск проблеме «Психобиография и жизнеописание» (1988, V. 56).

Однако психологи, пользующиеся психобиографическими методами, применяют обычно для их анализа понятия, заимствованные из арсенала классической теории «личностных черт». Поэтому, как справедливо подчеркивают Дж. Виггинс и А. Пинкус, в этих работах трудно различить границы между психобиографическими и традиционными описаниями личности [11].

В Боннском рабочем кругу для анализа личности и ее жизни в мире повседневности разработана своеобразная система понятий, созданы специфические приемы психобиографического метода. Основной прием называется «полуструктурированное интервью». Оно строится по строгим научным принципам, но проводится в форме недирективной беседы с дополнительными вопросами и уточнениями. Цель интервью — воссоздать целостность течения тех или иных отрезков жизни человека (одного дня, последней декады, нескольких недель в текущем году и т. д.) — так, чтобы каждый момент жизни или биографический эпизод оказался включенным в целостную смысловую связь биографии человека и выступил таким, каким его видит и переживает рассказчик. Если биографический рассказ неполон или непонятен, психолог задает различные вопросы, чтобы найти мотивы деформации повествования. Так, например, один из участников исследования — Мартин П. — с увлечением рассказывал, как прекрасно провел воскресный день со своей семьей. В лесу он собирал цветы для дочки, они вместе с ней бегали по тропинкам... и только о жене не было сказано ни одного слова. Можно было бы думать, что молодой человек совсем равнодушен к ней. Но в результате беседы выяснилось, что Мартин пылко ее любит и хотел бы иметь еще детей, а она решительно этому противится. Этот внутренний конфликт стал одним из ключевых моментов для понимания своеобразия жизненного мира Мартина П. Конечно, сам по себе психобиографический метод отличен от идиографического подхода, и Томе стремится создать атмосферу высокого доверия между партнерами, вызвать желание у своего «эксперта» в ходе доверительной беседы обнаружить перед другим уникальность своей повседневной жизни.

И с этических, и с чисто теоретических позиций Томе резко критикует использование опросников и тестов в психологии. Странники опросников, по его словам, игнорируют личность как критическое и мыслящее существо: они навязывают респонденту свою сис-

тему понятий и свой взгляд на мир. Томе даже уподобляет тесты и опросники «выстрелам из засады», направленным на уязвимое место человека. Очень существенно его замечание о том, что в опросниках не учитывается факт многозначности ответов респондента на положения опросника. Именно целостная структура имплицитных ответов, а не один зафиксированный ответ, характеризуют человека как личность.

Пересматривая в духе гуманизма все этапы научного исследования, Томе утверждает безоценочный подход к личности и на уровне результата. Он критикует социологические работы за содержащуюся в них оценку своих респондентов. Дело психолога понять «внутреннюю позицию» личности, выявить сформировавшие ее факторы, а не наклеивать на индивида ярлыки — «незрелая, примитивная, патологическая личность». Этическая установка — «надежная защитная стена против недопустимой оценки чужой индивидуальности» [3, с. 188].

Особенности психобиографического подхода Томе рельефнее выступают, когда он начинает противопоставлять свои позиции установкам целого ряда сходных с ним направлений, которые действительно вносят вклад в психологию повседневной жизни человека. Первой здесь должна быть названа «Психология обыденной жизни» З. Фрейда, где он описал и попытался объяснить множество мелких, но крайне любопытных эпизодов из будничной жизни человека. Интересны и феноменологические описания отдельных моментов человеческого бытия («болезнь», «езда на автомашине» и т. п.), и теории «кризиса середины жизни». Особенно увлекают разработки модной нынче проблемы «способов преодоления трудных жизненных ситуаций». Соблазнителен и прием непрерывного или фракционированного наблюдения (в течение всего дня или нескольких часов) за играми детей. Его Томе отвергает и по этическим соображениям, и по теоретическим основаниям — наблюдения не позволяют судить, как видит и переживает ребенок свой мир. Другие же работы, по мнению Томе, обладают, по крайней мере, двумя крупными недостатками. Они вырывают изучаемые случаи или формы поведения из социально-исторического контекста и из текучести моментов индивидуальной жизни, связанных друг с другом прочными смысловыми связями. В отличие от таких подходов исследователи Боннского научного круга анализируют все автобиографические рассказы, сопоставляя их с событийной канвой общественной жизни, и приходят к очень нетривиальному теоретическому выводу: конкретно-исторические условия существенным образом детерминируют переживания и способы решения жизненных проблем. Вместе с

тем обнаруживается роль беспредпосылочной активности, инициируемой самой личностью, как бы вырывающейся в ничем не ограниченный простор. Как пишет Томе, даже в самых принудительных, самых ограничительных условиях человек обладает «пространством свободы», «пространством игры» [3, с. 188].

Весьма перспективной представляется и установка Томе исследовать в едином «смысловом горизонте» описываемые жизненные эпизоды, в их обусловленности стоящей за ними биографией и детерминации новыми идеями и надеждами. Действительность — это такое перетекание друг в друга жизненных моментов, которое создает сам человек, сотрудничая с обстоятельствами, — для того чтобы приблизить желанное событие, развеять опасения, решить трудную проблему. И когда читатель-психолог знакомится с эпизодами из жизни участников лонгитюда, он нередко улавливает заложенные в них смысловые вектора, и ему как профессионалу так хотелось бы знать, каков же будет сюжетный поворот той или иной человеческой судьбы. Но Томе, как правило, приводит лишь краткие выдержки из биографических материалов, конкретизирующие отдельные положения своей теории.

Исходные постулаты и основные понятия биографически фундированной теории личности

Главными понятиями у Томе выступают «жизненный мир» и «субъективное жизненное пространство», «когнитивные репрезентации» мира и самого человека, «темы бытия» и «тематическое структурирование мира» человеком, наконец, «техники жизни» — способы ответов на проблемные моменты действительности.

Для того чтобы выяснить живое, изменчивое, создаваемое самым деятельным человеком содержание этих понятий, сформулируем сначала несколько исходных постулатов теории Томе. Первый постулат гласит, что индивид находится в постоянном взаимодействии с окружающим его, прежде всего социальным миром. Человек постоянно создает нечто в мире и в результате своего единства с миром одновременно преобразует нечто и в себе. Подчеркивая роль психической детерминации действий, Томе утверждает, что поведением управляет скорее воспринимаемая (понимаемая, истолкованная), чем объективная ситуация. Разумеется, действительные свойства ситуации получают свое отражение в индивидуальном мире человека, но особенности их восприятия в сильной степени обусловлены доминирующими «темами» — его центральными устремлениями, господствующими значимостями. Томе, наконец, подчеркивает, что

приспособление человека к любой новой ситуации предполагает сбалансированные отношения между когнитивными и мотивационными системами.

В теории Томе категория жизненного мира личности — в том виде, как он дан ей в настоящее время, — раскрывается через термин, в котором соединяются вклады в психологию К. Левина и Э. Брунсвика: «субъективное жизненное пространство». Пространство это у каждого человека имеет свою топологическую и временную протяженность. Так у маленьких детей, очень старых или больных людей оно может быть ограничено их жилищем, постелью. Во временном отношении оно включает и прошлое, и будущую временную перспективу с разной мерой протяженности. У некоторых же людей, которых Томе называет «атлантическими людьми», субъективное жизненное пространство объемлет весь земной мир. Оно может включать ту или иную совокупность социальных ролей и контактов, в то же время может быть наполнено разными мыслями, чувствами, надеждами, выступающими потенциальными регуляторами поведения. Жизненный мир личности или ее субъективное жизненное пространство представляет собой когнитивно репрезентированный и психически переработанный реальный мир ее жизни.

В актуальную жизненную ситуацию человек привносит как бы «осадок» всей своей индивидуальной истории. У разных людей жизненный мир отличается разной мерой изменчивости, своеобразия, внутренней согласованности. Различной может быть мера центрации, связанная со способностью индивида гибко менять точки зрения на жизненную проблему или «застрывать» лишь на одной ее стороне. Жизненные миры различаются также по масштабу замыслов, надежд и действий, по широте интересов и напряженности усилий.

Томе и Лер на конкретных примерах показывают, как значительно может меняться переживание и поведение человека в определенной ситуации в зависимости от ее психической переработки. Вместе с тем они предупреждают, что переоценка внутренней детерминации может привести к неверным не только теоретическим, но и практическим выводам. Так, в ряде геронтологических исследований показано, что переселение (особенно насильственное) старых людей в интернаты часто вызывает у них опасные для жизни эмоциональные нарушения, псевдодеменции, депрессивные состояния. Можно психологическим путем изменить их переживания, помочь открыть позитивные стороны новой жизни. Но Томе опирается на важнейшее положение когнитивной теории — о высокой согласованности между объективной ситуацией и представлениями человека о ней — и считает, что облегчить положение обитателей пансионатов мож-

но, лишь практически создав условия жизни в соответствии с их желаниями. В доме для престарелых люди лишены автономии, возможности самим принимать решения, делать выбор. Возвращение же этой возможности должно помочь им самим сформировать новый, но свой собственный жизненный мир.

«Когнитивные репрезентации» — следующее основное понятие теории Томе. Определяя его, он резко выступает против «когнитивизма» — ориентации ученых на чисто познавательные процессы, «очищенные» от мотиваций и эмоций. Действительно, в 60 — 70-е годы начали звучать голоса о достаточности «когнитивных» понятий для анализа всей сложности поведения личности. Так, по мнению Дж. Келли, слова которого и приводит Томе, «личностные конструкты» и «антиципация будущих ситуаций» делают ненужными понятие мотивации. Отвергая такую позицию, Томе с сочувствием цитирует мнение М. Posner о том, что «когнитивная психология несет в себе опасность потерять личность в мыслях» [3, с. 521]. Когнитивные представления Томе толкует не как бесстрастные отображения объектов и ситуаций. Формирование их он изображает как результат особой активности личности, которая исследует и толкует сложившиеся обстоятельства под воздействием своих жизненных «тем», потребностей, мотивов и имеющихся реактивных тенденций. В концепциях заключено значение предмета для личности. Благодаря эмоциональной насыщенности, когнитивные репрезентации выступают во внутреннем мире личности как значащие переживания, в которые, по словам Томе, «втягиваются» мотивационные процессы. К формам когнитивных репрезентаций Томе относит восприятия, представления, схемы (организованные структуры знаний о мире и о себе); убеждения, генерализованные и специфические ожидания, прототипы, сценарии и планы.

В работах, выполненных под руководством Томе и Лер, содержится огромный и уникальный материал об особенностях представления своего жизненного мира людьми разного пола и возраста, работающими, безработными и вышедшими на пенсию, здоровыми и инвалидами. Мы узнаем, какими видят дети своих родителей, как воспринимают приемных детей мужчины и женщины, как переживают женщины желательную и нежелательную беременность, как воспринимают свою ситуацию молодые безработные. В исследованиях раскрывается динамика переживаний, вызванная невосполнимыми потерями и неизлечимыми болезнями. Каждый момент повседневной жизни предстает перед психологом в своей многокачественности и индивидуальном своеобразии. Получаемые данные ставят перед психологами много вопросов, требующих дальнейших

исследований. Почему, например, у неработающих матерей дети отличаются повышенной тревожностью; почему безработные 23—35 лет, не имеющие работу от полутора до двух лет и более, не только не испытывают депрессии и отчаяния, но считают свои ситуации обратимыми и не прекращают активных поисков заработка.

Исследуя жизненный мир человека в сфере семьи, отдыха, работы, Томе и Лер разрабатывают богатую систему понятий для выявления его своеобразия. Томе критически относится к тем исследователям, которые у работника пытаются определить лишь меру его удовлетворенности трудом. В отличие от узкой направленности таких работ, Лер разработала для анализа рабочих будней женщин 15 биполярных шкал (см. ее книгу «Женщина и профессия», 1969 г.). В число основных понятий вошли успех — неудача, незаменимость — ненужность, готовность рисковать — боязнь риска и т. д.

При сравнении переживаний, связанных с миром работы у мужчин и женщин, оказалось, что женщины гораздо чаще, чем мужчины, считают свою работу дверью, ведущей в широкий социальный мир, в основном «дружелюбно обращенный к ним». Работающих вместе с ними женщин они воспринимали скорее как коллег, а не соперниц, но, как и у мужчин, общая удовлетворенность трудом зависела от степени согласованности желаемого и достигнутого.

Обратимся теперь к анализу понятий «темы бытия» и «тематическое структурирование жизни». Понятие «темы» продолжает традиции, связывающие позицию Томе с теорией К. Левина и его ученика Г. Мюррея. Оно, по его мнению, тождественно понятиям «центральных жизненных стремлений» Ш. Бюлер и «доминирующих интересов» Р. Хэвигхэрста, создателя концепции «задач развития». Понятие «темы» Томе рассматривает как синоним понятий «ценность» и «значимость». Мотивационный потенциал «тем» проявляется в постановке человеком целей и в переживаниях успеха и неудачи. Выявляя ведущие темы жизни у представителей разных половозрастных групп, Томе включает в их число тематику «здоровье», не представленную в списках ценностей М. Rokeach и Н. Cantril. Соглашаясь, что существуют общечеловеческие ценности, Томе в то же время показывает, насколько сильно исторические события обуславливают доминирование определенных тем. Так, у мужчин 1910—1912 гг. рождения в рассказах преобладают темы, связанные с военной службой, ранениями и пленом, с трудностями поступления на работу после войны. У этой возрастной группы уход в отставку, который получил в его концепции название пенсионного стресса и даже смерти, в большинстве случаев переживался как награда за 10 потерянных лет жизни. Рассказы людей, родившихся в середине 30-х

годов, раскрывают психологическую картину возникновения «экономического чуда» в послевоенной Германии. Они повествуют о появлении и гибели многих фирм, об удачных и неудачных попытках предпринимательства, о сильной конкуренции между коллегами на работе, о своих возросших притязаниях и успехах. Обобщая все эти данные, Томе справедливо подчеркивает, что тематически ориентированный анализ биографических документов является вкладом в изучение влияния эпохи на развитие личности и изменение ее сознания [10, с. 62].

Опираясь на свои обширные материалы, Томе выражает критическое отношение к крупным теориям изменения личности на протяжении жизненного пути. Анализируя эпигенетическую концепцию Э. Эриксона, Томе поддерживает его идею о последовательной смене ведущих тем в разные периоды жизни. Он, однако, считает недоказанным тезис о том, что смена тем детерминирована заложенным в природе человека «основным жизненным планом», согласно которому каждая тема приурочена к определенному возрастному периоду. По словам Томе, не «внутренний генеральный план», а взаимодействие человека с конкретно-исторической действительностью порождает те проблемы, необходимость решать которые и формируют соответствующие свойства личности. Обращаясь к теории «задач развития» Р. Хэвигерста, Томе называет ее слишком прямолинейной: некорректно определять каждый этап развития лишь одной доминирующей темой, точнее было бы говорить о разных типах тематического структурирования жизни в те или иные периоды жизни. По мнению Томе, жизнь в сходных исторических условиях может порождать сходные сочетания тем у представителей даже разных возрастных групп.

Весьма нетривиальна позиция Томе по отношению к понятию «кризис середины жизни». Д. Левинсон определяет период около 40 и 50 лет как время беспорядочной борьбы личности и с собой, и с миром, как годы разочарований и депрессии. Истоки тягостных переживаний усматриваются в несбывшихся надеждах и ожиданиях, в расхождении между уровнем профессиональных притязаний и реальным социальным статусом. Пожалуй, лишь один К. Юнг позитивно оценил середину жизни — как «кризис взлета», индивидуализацию, обретение личностью своей автономии и самобытности.

Томе высказывает глубокое убеждение в том, что укоренившееся в психологии положение о «кризисе середины жизни» является всего лишь мифом. Томе не оспаривает того факта, что именно в эти годы человек испытывает массу трудностей и разочарований, он возражает лишь против обусловленности всех тягот возрастным пери-

одом жизни и пытается показать сложную социальную детерминацию многочисленных тягот этого времени. Очень многие из них связаны с политическими и экономическими катаклизмами. Но причины их коренятся и в индивидуальной судьбе. Так на плечи женщин именно в 40 – 50 лет ложатся заботы о престарелых родителях. В то же время их собственные дети уже приобрели самостоятельность, и у женщин появился шанс вернуться в профессию или продолжать образование. Разнонаправленные мотивационные тенденции создают конфликтные ситуации, которые требуют применения разных «техник» жизни.

Техники существования или реакции на проблемные моменты жизни

Формируя когнитивные репрезентации мира, определяя ценностно насыщенные темы своей жизни — интересы, тяготы, ценности и надежды, человек главным образом озабочен решением многочисленных проблем своей повседневности. Он предпринимает действия, которые способны изменить и жизненную ситуацию, и его самого, и даже направление собственных мыслей. Эти «инструментальные» формы активности личности Томе еще в 1951 г. назвал «техниками» бытия. Он подчеркнул, что смысл каждой техники заключается не в ней самой, а в той теме, которой она служит. Для психолога в названии «техника» жизни звучит знакомая тема человеческого характера, и это сходство подтверждает и сам Томе. Именно Теофраст в своих «Характерах», говорит он, впервые выделил разные типы людей по критерию доминирующих у них технологий существования. Этот способ анализа людей продолжили, по словам Томе, Шопенгауэр и Ницше.

Отметим, что в своей новейшей работе «Психология повседневности» (1991), написанной совместно с Лер, Томе вместо «техник» существования предпочитает говорить о разных формах реакций человека на жизненные обстоятельства. Нам, однако, термин «реакция» представляется дискуссионным: он носит в себе оттенок безличного, осуществляющегося лишь на организменном уровне, ответа человека на внешние воздействия. Можно предполагать, что предпочтение термина «реакция» обусловлено особым отношением Томе к модной в настоящее время проблеме coping with (преодоления, совладания человека с трудными ситуациями). В психологических работах при этом широко используется понятие «стратегий» преодоления, против которого решительно возражает Томе. Он поясняет, что депрессия, подавленность или прием транквилизаторов в сложных ситуациях не могут считаться стратегиями преодоления трудно-

стей. Они, наоборот, способствуют сохранению прежней ситуации. Стратегией Томе называет лишь сознательно запланированное, регулируемое намерением действие личности, составляющее лишь небольшую часть ответов личности на тяготы жизни. Томе считает совершенно неадекватным тот образ человека, который стоит за многочисленными «теориями преодоления» — образ Homo Faber — героя вестернов, всегда побеждающего супермена. Четыре десятка лет изучения переживания и поведения человека в мире повседневности показали, как часто, несмотря на все усилия, люди терпят поражения, действуют нерационально, взывают о помощи и не могут выйти из состояния подавленности. Этот свой опыт Томе передал в призыве: «освободиться от идеологии активизма и рационализма, которые господствуют эксплицитно или имплицитно в современной немецкой психологии стресса и преодоления (coping)» [10, с. 87]. Помня о предостережении Томе, мы будем использовать термины «техника» и «реакция» как синонимы.

На основе анализа данных BOLSA психологи выделили 19 — 25 «техник» жизни. Часть этих «техник» Томе включил в «общепсихологическую систему приспособления». По его наблюдениям, эта система формируется уже в раннем детстве. Остальные «техники» он отнес к ситуационно специфическим реакциям, конкретизирующим и дополняющим общие подходы к проблемам.

Первая «техника», которая входит в общую психологическую систему приспособления, включает действия, ориентированные на достижение, успех (Leistung), изменение практической ситуации. Г. Мюррей подчеркивал в них параметр, связанный с усилием, затратой энергии. Они предполагают высокий уровень саморегуляции, поиск информации, интенсивные раздумья, вовлечение в орбиту своих действий других людей. Примером такой жизненной «техники» может служить поведение фрау Ц. в первые послевоенные годы. После того как ее дом в Берлине был разбомблен, женщина вместе с мужем ночевала в развалинах, собирала дрова и уголь из разрушенных домов, бродила по разным местам. В конце концов мысль, что так больше жить нельзя, побудила ее устанавливать контакты с разными людьми, искать поддержку. Она помогла мужу устроиться на работу, позаботилась о жилище и питании, взяла на себя заботу о больной матери. Сходное — продуктивное — поведение уже в 80-е годы выявил Р. Колле (1986)² у молодых безработных, которые, не впадая в отчаяние и депрессию, искали и находили хотя бы временный заработок. При этом 3/4 из них были уверены в конечном успехе.

² Дипломная работа. Институт психологии Университета Бонна.

Вторая «техника» заключается в приспособлении к институциональным аспектам ситуации, к социальным нормам и общественным установлениям, к правилам деловых отношений. Овладевший такими «техниками» индивид легко входит в мир права, морали, культуры, труда, семейных отношений. Нетрудно видеть, что в обычных социальных условиях такая «техника» выступает предпосылкой успешности действия первого порядка, но в состоянии социальных потрясений большее значение может иметь третья «техника»: приспособление к своеобразию и потребностям других людей. Сравнительные исследования разных когорт показывают, что она шире представлена в группах людей 1900 – 1934 годов рождения и выражена очень слабо у людей, родившихся после 1955 года. Этот последний факт Томе объясняет современным духом времени, не признающим авторитеты, утверждающим автономию личности. Однако нельзя не отметить, что эта тенденция входит в противоречие с усиливающимся в организационной психологии «антропоцентрическим подходом», считающим центральным моментом в стиле управления «внимание и предупредительность к людям». Четвертую «технику» Томе называет «заботой об установлении и поддержании социальных контактов». Пятая «техника» получила название «акцептации ситуации», то есть принятие ее такой, какова она есть. Это не пассивный ответ на тяжелые обстоятельства, но определенное решение, принятое после сравнения с положением людей, находящихся в еще более бедственном состоянии.

Вот как размышляет о своем положении полупарализованная женщина, научившись передвигаться на коляске. Она очень сожалеет о невозможности выполнить свое давнее желание — подняться по ступенькам египетской пирамиды. Но тут же сравнивая свою судьбу с уделом незрячих, которые не смогут даже увидеть пирамиды, она приходит к оптимистическому философскому выводу: «У всех людей есть свои ограничения». Этот подход к проблеме очень сходен со следующей «реакцией», которую Томе называет позитивным толкованием своей ситуации. Обе они выступают формами психической переработки жизненных ситуаций. Положительно толкуя свои тяжелые обстоятельства, человек отчетливо видит и негативные их стороны. Но сложившиеся условия он сравнивает со своим еще более тяжелым прошлым и приходит к позитивному выводу. В этих случаях загадкой остается, почему люди не сравнивают свое бедственное состояние с положением людей, находящихся в несравненно лучших условиях.

Ответ, как нам кажется, можно извлечь из одного упоминаемого Томе исследования. Жителей бедного старого квартала Сан-Фран-

циско просили оценить состояние их жилья. Они находили его совсем неплохим, добавляя, что их отцы и деды жили намного хуже. Объективно их жилища были весьма плохими. Через некоторое время респонденты получили сообщения о решении городских властей переселить их в лучшее место. После этого в рамках нового опроса они стали говорить об ужасных условиях своего быта. Можно предполагать, что убеждение в невозможности что-либо изменить резко сузило пространство сравнения и масштаб эталонов. Новые перспективы изменили всю ситуацию сравнения. Таков состав общепсихологической системы приспособления.

К ситуационно-специфической системе Томе относят такие «техники» или реакции, как «использовать шанс», «искать социальную поддержку», «сопротивляться», «идентифицироваться с целями и судьбами других людей», «надеяться», «корректировать свои ожидания», «полагаться на других людей, доверять им», «самоутверждаться», «проявлять агрессию в форме действия или критики», «отсрочивать удовлетворение своих потребностей» и другие. В особую группу выделяет Томе неадаптивные реакции на трудности: безропотное смирение, подавленность, депрессия, а также избегание тяжелых ситуаций, подавление мыслей об источнике трудности, использование механизмов психологической защиты.

В работах Боннского научного круга описаны и различные «техники» жизни, типичные для специфических социальных групп. Так, Томе, изучая в 1948 – 1950-х годах бездомных подростков 10 – 18 лет, выделил разные формы поведения у юношей, совершавших определенные правонарушения. Подростки, промышлявшие кражами, попав в интернат, безо всяких сложностей включались в социальную жизнь, неплохо учились в школе, отличались примерным поведением, но все эти действия были не более чем умелой подготовкой новых хищений. У юношей же с деликтами жестокости выделялась тенденция к агрессии, которая, по данным Томе, была скорее проявлением предприимчивости, чем враждебности.

Крайне любопытно поведение людей, вынужденных, став инвалидами, резко менять образ жизни. Они начинают «определять границы своих возможностей», прощупывать меру сохранившихся способностей и пытаются компенсировать потерянное. Любопытно отметить, что к таким же тактикам прибегают практически все люди, очутившиеся в новых для них или усложнившихся обстоятельствах, только процесс этот протекает у них мало заметно.

«Иерархии реакций на трудности» и их изменение в процессе лонгитюда

Выделив основные формы «техник» жизни, Томе дает им следующую общую характеристику. Несмотря на то, что среди них встречаются и сознательно разработанные стратегии поведения, в своей основной части они возникают непроизвольно, не осознаются самим человеком и подчас включают нерациональные моменты, отнюдь не препятствующие их эффективности. Так, например, «техника» самоутверждения (подтверждения или восстановления самоуважения) предполагает учет успехов и неудач действий человека. Однако, как показывает Томе, в оценке себя основную роль играют не сами по себе результаты деятельности, а их психическая переработка личностью. При этом логическая правильность привлекаемых аргументов не играет решающей роли, «они должны быть верными лишь в психологическом отношении» [3, с. 201]. Можно предполагать, что и в случае «позитивного толкования» или «надежды» психологическая правильность аргументов не играет ведущую роль. Имея в виду длительность лонгитюдных исследований, можно было бы ожидать, что Томе удастся вскрыть истоки зарождения и условия формирования тех или иных «техник», но он ограничивается лишь замечанием, что успешность их применения, должно быть, положительно влияет на закрепление определенных реакций. Напомним, что, согласно Томе, все «техники» объединены в единую общую и ситуационно-специфическую систему, образующую как бы репертуар, из которого личность черпает определенные ответы на жизненные проблемы [3, с. 166]. Проанализировав разные «техники» или реакции на проблемы, психологи Боннского научного круга попытались установить, какие же из них характерны для представителей различных когорт, разных возрастных групп, для мужчин и женщин, здоровых и больных, в условиях труда и семьи. Во всех группах были выделены почти все из выявленных по рассказам «техник». Однако степень их выраженности у разных групп была неодинакова, что позволило Томе ввести понятие «иерархии реакций» и исследовать, как меняются иерархии у представителей различных когорт, у мужчин и женщин и т. д. Оказывается, что: в разных возрастных группах (в период ранней и средней зрелости) в сфере работы на первом месте стоят «техники», ориентированные на достижения; за ними следуют «техники» приспособления к институциональным требованиям, к особенностям и потребностям окружающих, и далее — «техника» самоутверждения и попытки использовать шанс. Даже после выхода на пенсию активные формы отношения к миру сохра-

няются (особенно у мужчин). Активная позиция продолжает проявляться даже у тех немногих участников лонгитюда, которым в 1980—1981 гг. было уже от 75 до 90 лет, хотя их усилия касались, главным образом, проблем здоровья. Первые места в иерархии реакций у них занимали действия, ориентированные на достижения, на приспособления к институциональным аспектам ситуации. И несмотря на то, что эти формы поведения начинают соседствовать и с коррекцией ожиданий, и с депрессивными реакциями, тем не менее старики продолжают поддерживать социальные контакты, тонко чувствовать особенности других, а также стремиться к «расширению себя» путем идентификации своего «я» с судьбами и целями своих детей и внуков [3, с. 177]. Исследуя постоянство и изменчивость иерархий реакций у разных когорт, Томе пришел к выводу о постепенности их преобразования. В то же время у некоторых когорт были обнаружены резкие перемещения на первые места приемов, обычно занимавших второстепенное положение. Так, резко изменила свой ранг «техника» «полагаться на других», «обращаться за помощью к людям». Исходная детерминация заключается в исторических событиях: во время войны и в послевоенное время все работающие должны были вверять заботам соседей, родственников, просто знакомых своих детей и больных родителей.

Итак, мы выделили и проанализировали три главных блока в биографически фундированной когнитивной теории личности: когнитивные репрезентации, темы бытия и иерархически организованные «техники» существования.

Возникает главный вопрос — как могут быть связаны в целостной личности основные ее образующие? Вопрос этот чрезвычайно трудный, и в работах Томе мы не находим на него ответа. Но сам он прекрасно понимает его значение и в качестве первого вклада в эту тему приводит исследование, выполненное на тяжело больных старых людях [2, цит. по: Thomae H. Das Individuum und seine Welt. 2. Auflage. 1988]. Автору удалось выделить четыре обобщенных жизненных стиля, характеризующихся особой структурой преобладающих тем жизни, когнитивных репрезентаций, доминирующих форм поведения и временной перспективой. Назовем эти типы, но опишем лишь первый и четвертый из них. Личность первого типа ориентирована на достижение, на изменение окружающего мира, на использование шансов и опробование собственных возможностей. Она заботится о сохранении социальных контактов, а в ее рассказах доминируют темы борьбы за свое существование, стремление сохранить прежние интересы. Воспринимая себя как компетентное лицо, а свое положение как способное изменяться, личность имеет обшир-

ные планы на будущее. Второй тип личности акцептирует (принимает) свое положение и ориентирован на внутреннее изменение. Для третьего типа характерна покорность судьбе, деятельная сторона выражена очень слабо. Наконец, стиль реакций личности четвертого типа определяется чувством горечи и разочарования. Действительность репрезентируется так: «весь мир отвернулся от меня». Поэтому, вероятно, эти люди выбирают технику сопротивления всему — не принимают советы, отвергают врачебные предписания. У них нет никакой заинтересованности в будущем [10, с. 185].

Это исследование очень интересное и открывает возможности типологического подхода к личности.

Вопросы. Раздумья. Обсуждение

Четыре десятка лет исследований, выполненных с оригинальных теоретических позиций, базирующихся на перспективном варианте психобиографического метода, дали массу интересных результатов, конкретизировали идею об уникальности жизненного мира каждой личности, позволили выявить разнообразные психологические «техники» жизни людей в разных условиях, показали устойчивость и изменчивость реакций на трудность в разном возрасте, убедительно доказали социально-историческую обусловленность «техник» существования людей. Но в этом богатейшем материале мы не смогли вычленить *основные параметры развития* личности на протяжении нескольких десятилетий. У лиц, проживших длительное время в такое беспокойное время, не мог не измениться взгляд на свой жизненный мир, не могли не появиться новые ценности, новые темы бытия, новые центральные стремления. Разве бывший солдат, став удачливым предпринимателем, не изменился как личность? В чем же заключается процесс развития личности в сфере труда или семейных отношений? Возможно, что особым типом развития можно считать идентификацию неудачливого человека со своим талантливым сыном, взгляды на мир которого становятся его взглядами, а успехи переживаются как свое достижение. Нельзя не считать фактором развития повторные доверительные беседы психолога со своим собеседником, поскольку, возможно, они влияют на уровень развития самосознания «партиципанта». Не меняется ли при этом отношение к своей жизни? Имея в виду особый — геронтологический — тип лонгитюда, Томе, несомненно, выделил некоторые социальные факторы, препятствующие поступательному развитию в старости, — усвоение общественных шаблонов относительно старения. Но почему же некоторые люди остаются неуязвимыми перед лицом общественного мнения? Томе при этом

говорит о новых видах компетентности, приобретаемых старыми людьми для решения специфических для них задач. Каковы же эти новые умения? Сравнивая иерархии реакций на трудности у когорт в 1965/1966 г. и в 1980 г., Томе отмечает различную иерархичность реакций в двух этих случаях, хотя состав их остается одним и тем же. Но остаются вопросы: в чем же заключается психологическое старение у людей, какие инволюционные процессы — неизбежные его характеристики? Вероятно, ответы на эти вопросы можно было бы найти в материалах лонгитюда.

В работах Боннского научного круга не акцентируются проблемы психотерапии, психокоррекции, психологической помощи в процессе выработки более адекватных «техник» жизни. Считают ли авторы возможным вмешиваться в процесс изменения когнитивных репрезентаций, стимулировать конструирование новых подходов к жизни? Возможно, что такие попытки Томе расценивает как нарушение суверенности личности, которой постоянно препятствует общество на всем протяжении жизни.

Следующие раздумья касаются психологического облика личности как субъекта повседневной жизни. В работах Боннского научного круга в результатах работ фигурируют когорты, возрастные группы, выборки мужчин и женщин, занятые профессиональными и семейными заботами, а отдельные конкретные личности представлены лишь фрагментами своих психобиографических рассказов. Их облик до некоторой степени помогает вскрыть положения Томе о существовании общих и ситуационно специфических систем приспособления. В таком случае можно выделить два предположения о личности, попавшей в трудную ситуацию. Возможно, что возникшая забота актуализирует у человека лишь одну — доминирующую — реакцию в системе его «техник». Но этому предположению противоречат слова Томе о том, что даже каждый пункт опросника вызывает у индивида целую гамму ответов. В таком случае можно думать, что трудный момент жизни актуализирует у многокачественной личности всю приспособительную систему, но мотивационный потенциал каждой «реакции» будет различен. В таком случае человек, начинающий практически изменять ситуацию, в то же время производит переоценку и некоторых собственных возможностей. Вместе с тем он скорректирует оказывающиеся нереальными ожидания, переживет разочарование от частной неудачи, внесет коррекцию в первоначальную оценку ситуации и по временам будет испытывать желание «выйти-из-поля» (Левин). Конечно, различие мотивационного потенциала каждой реакции передает «идиоматичность» отдельной личности, но лишь в очень

небольшой степени. В течение жизни у каждой накоплен огромный потенциал качественно своеобразных ответов на текущую и изменчивую повседневность, но выявление этого потенциала требует пролонгированности психобиографического метода, охвата им крупных периодов жизни. Своеобразие личности проявится в том, каким увидит она жизненный мир после успеха и какие реакции вызовут у нее профессиональные удачи; какие формы активности она проявляет после ряда неудач и не откажется ли она от той «ценности» (темы, центрального стремления), которая оказалась в зоне недосягаемости. Психологу очень хотелось бы знать, как сложилась дальнейшая судьба женщины, «восставшей из послевоенных руин», изменился ли ее образ себя после успешных усилий «устроить жизнь». Основное наше пожелание исследователям, сочетающим лонгитюд и психологическую биографику, — охватить психобиографическим методом более обширные жизненные периоды, которые позволили бы проследить истоки новых «техник» жизни и изменений, происходящих в самой личности.

Говоря об образе личности в работах Томе, отметим еще два важных момента. Заявив о своей гуманистической ориентации, реализовав ее на разных уровнях научного исследования, Томе, как нам представляется, не распространил ее на предмет своего исследования — личность. В многочисленном составе выделенных им «тем» жизни не фигурируют нравственные ценности. Неужели в рассказах о своей повседневной жизни участники лонгитюда не упоминали в той или иной форме о своих этических установках, об их нарушении, о справедливости, добре? Приводимый в книгах Томе психобиографический материал позволяет выделить в качестве тем высшего уровня нравственные темы. Это не значит, что они лишь вербально выделяются в особую группу. В повседневной жизни очень редко встречаются эпизоды, имеющие только этическое содержание, оно, как правило, сочетается с задачами труда и семьи. Определенные размышления вызывает и тот факт, что среди многообразных «техник» жизни очень мало таких, которые побуждались бы альтруистическими мотивами. Это обстоятельство можно до некоторой степени понять, исходя из двух соображений: во-первых, в трудной, кризисной для себя ситуации в сознании человека интересы других людей могут потерять самодовлеющий характер, во-вторых, смысл каждой «техники» определяется той темой, которой она служит. Но в таком случае было бы крайне интересно знать, какие «техники» применяли участники лонгитюда в ситуации, требующей от них нравственного поступка, способности подняться над своими интересами. В этой связи нам хотелось бы высказать следующее со-

ображение. Модная ныне тема «совладания» (coping), преодоления трудностей, которой отдал богатую дань Томе, стала разрабатываться отдельно от нравственных проблем, но вместе с тем эти два направления исследований на геронтологическом материале соединяются органично и содержательно.

Наконец, определенного дополнения требует вопрос о личности как субъекте соответствующих «техник» жизни. В работах Томе и Лер основное внимание уделяется когортам и различным группам, как субъектам «техник» бытия, а исследование направлено на изменение иерархий ответов на трудные ситуации; в результате этого возникает впечатление, что активность данных субъектов заключается лишь в актуализации или мобилизации доминирующих у них ответов на проблему. Но геронтологические исследования и анализ самого поведения стареющих людей в переломные периоды их жизни (выход на пенсию, переезд в дом для престарелых и т. д.), утверждают процессуально ориентированный подход к личности, представителем которого заявил себя Томе еще в 50-х годах. В трудные моменты у человека обостряются, по крайней мере, три его функции как субъекта жизни. Первая из них заключается в глобальной антиципации разных типов возможных жизненных тягот и потенциальном накоплении ответов на них, психологической подготовке к ним, вторая — в быстром анализе имеющихся альтернативных ответов на сложности и создание (или ожидание появления) новых альтернатив. Третья же, пожалуй, самая трудная, заключается в психологических усилиях для достижения гармонии между рассогласованными — особенно в геронтологических ситуациях — когнитивными и мотивационными процессами: высокие мотивы достижения, сильные желания и стремления должны быть перестроены, снижены до уровня изменившихся тем и когнитивных представлений о своем новом ограниченном жизненном мире, об изменившемся образе себя. При этом исследования Лер и Томе показывают, что человек продолжает до глубокой старости порождать новые «техники» жизни. Участники геронтологического лонгитюда неожиданно используют ответы, не санкционированные социальными нормами и ранее не практиковавшиеся в сходных условиях.

Иными словами, человек постоянно творит свой мир повседневности, учитывая связи между тематическими структурами, когнитивными репрезентациями и создавая ответы на требования мира [10, с. V].

Что же касается связи идиографического и психобиографического методов, то мы хорошо сознаем различие между ними и согласны с мнением Х. Херманса и Н. Бонариуса о необходимости интерак-

ции между партнерами, которая позволила бы войти каждому в уникальный мир другого индивида [1, с. 203]. Но добавим следующее. Вербальная интеракция, в сколь бы доверительной форме она ни осуществлялась, не может полностью раскрыть идиоматичность личности: менталитет каждого человека включает массу «молчаливого знания», невербализуемых чувств, препятствующих переводу идиоматичности жизненных миров. Заслуга Томе заключается в том, что он снова привлек внимание психологов к той тайне, которой каждый человек остается для другого.

Глубокий — и профессиональный, и чисто человеческий — интерес вызывают у психолога разделы работ Томе, посвященные «техникам» жизни. Но тесная связь этих «техник» прежде всего с проблемами трудных ситуаций расходится, как нам представляется, с замыслом психологии повседневности показать личность во всей полноте ее жизни, насыщенной не только опасениями, тяготами и стрессами, но и радостями, удачами, счастливыми событиями.

Чтобы у читателей не создалось впечатления, будто у участников лонгитюда не было счастливых моментов, Томе предупреждает: «когда в этой и многих других публикациях на первом плане фигурируют высказывания о трудностях будней, мы рассматриваем это, скорее, как отражение психологии повседневности того времени, чем нынешнюю повседневность «жителей свободного Запада» [10, с. 76]. Томе говорит и о своем увлечении модной ныне в психологии «проблемой преодоления». Все это верно, но меньшее внимание к «солнечной стороне жизни» обусловлено, как нам кажется, и состоянием психологической науки, в которой не разработаны понятия и средства анализа поведения человека в атмосфере радости. А между тем любое счастливое событие обладает не менее проблемным характером, чем неприятный эпизод.

Томе однажды тонко заметил, что вообще каждое, даже очень желанное событие, имеет негативные компоненты, порождает страх, вызывает напряжение. И это понятно — любое событие предполагает всегда в чем-то непредвиденный поворот жизненного пути. Психологам еще предстоит исследовать роль счастливых событий и особенностей их психической переработки личностью в своей индивидуальной судьбе.

В заключение коснемся еще одной особенности концепции Томе. Всю совокупность «техник» бытия Томе называет системами приспособления. Даже в том случае, когда под «приспособлением» понимаются не только требуемые обстоятельства изменения человеком себя, но и преобразование ситуации в соответствии с собственными возможностями и целями, все равно за пределами при-

способления остаются конструктивные действия человека, который по своей инициативе ставит трудные и масштабные задачи, ранее никогда не ставившиеся. Описанные в работах Г. Олпорта и А. Маслоу действия самоактуализирующихся личностей трудно согласовать с гомеостатическим принципом, который Томе считает базовой мотивацией человека [10, с. 77].

Мы надеемся, что научная дискуссия, порожденная оригинальным направлением в психологии личности, созданным в Боннском рабочем кругу, будет стимулом для новых трудов, вдохновляемых идеями Х. Томе и У. Лер.

Литература

1. *Hermans H. J., M., Bonarius H.* The Person as co-investigator in Personality Research // *European J. Personality.* 1991. V. 5. № 3. P. 199 – 216.
2. *Kruse A.* Strukturen des Erlebens und Verhalten bei chronischer Erkrankung im Alter. Phil. Diss. Univ. Bonn, 1986.
3. *Lehr U., H. Thomae.* Alltagspsychologie. Aufgaben, Methoden, Ergebnisse. Wissenschaftliche Buchgesellschaft. Darmstadt. 1991.
4. *Lehr V.* Frau und Beruf. Eine psychologische Analyse der weiblichen Berufsrolle. Frankfurt a. M.; Athenaum, 1969.
5. *Mischel W.* Personality and Assessment. N. Y.: Wiley. 1968.
6. *Thomae H.* Die biografische Methode in den anthropologischen Wissenschaft // *Studium Generale.* 1952. Bd. 5. S. 163 – 177.
7. *Thomae H.* Das Individuum und seine Welt. Hogrefe, Göttingen, FRG, 1968.
8. *Thomae H.* Zur Geschichte der Anwendung biografischer Methoden in der Psychologie // *Biographie und Psychologie / Hrsg. G. Jüttemann und H. Thomae.* Berlin, Heidelberg etc.: Spranger-Verlag, 1987.
9. *Thomae H.* Psychologische Biographic als Synthese idiographischer und nomothetischer Forschung. Ibidem, 1987. S. 108 – 116.
10. *Thomae H.* Das Individuum und seine Welt. Eine Persönlichkeits theorie. 2. Vollig neu bearbeitete Auflage. Verlag für Psychologie. Dr. C. J. Hogrefe. Göttingen, Toronto, Zürich, 1988.
11. *Wiggins J. S., Pincus A. L.* Personality: Structure and Assessment // *Ann. Rev. Psychology.* 1992. V. 43. P. 473 – 504.

11

ГЛАВА

ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ СОДЕРЖАНИЕ ФЕНОМЕНА СУБЪЕКТ И ГРАНИЦЫ СУБЪЕКТНО- ДЕЯТЕЛЬНОСТНОГО ПОДХОДА

Понятие «субъект» и положение о субъектном подходе при исследовании психики человека были введены С.Л. Рубинштейном в его психолого-философских трудах 40-х годов. Дальнейшую разработку эти идеи получили в книгах и рукописях 50-х годов. В течение длительного времени понятие «субъект» и принцип субъекта не привлекали внимания психологов. Этот факт можно объяснить тем, что в центре понятийной системы отечественной психологии на протяжении нескольких десятилетий находились категории сознания и деятельности. Изучение их строилось главным образом на основе структурного подхода: исследовались состав деятельности, соотношения его компонентов. Анализировалась связь сознания и деятельности. Был сформулирован принцип единства сознания и деятельности. Психологическое исследование деятельности строилось на основе структурного подхода. В деятельности выделялись мотивы, цели, условия, в которых были даны идеи, средства достижения целей; предмет деятельности. Следует, однако, напомнить, что сходная система понятий была разработана В.Дильтеем еще в конце XIX в. Эта система входила в категориальный аппарат созданной им описательной психологии [26]. Анализируя «могучую действительность душевной жизни» [26, с. 18]. Дильтей выделяет в ней три основных части — интеллект, чувства (и побуждения) и волевое действие. В контуре этого действия Дильтей размещает постановку цели, мотив, отношения между целью и средствами, выбор и предпочтение [26, с. 61]. Волевое действие философ рассматривает в широком

контексте целостной душевной жизни человека. Именно ее уклад порождает намерение, характеризующее волевое действие и связывающее воедино профессиональные задачи человека.

Толкуя волевые действия как проявление всей полноты жизни человека, Дильтей пишет, что эти действия, хотя и осознаются, в то же время отличаются спонтанностью, жизненностью и ответственностью [26, с. 66]. Ученый дифференцирует волевые действия по направленности и получаемому результату. Одни из них имеют своей прямой целью преобразование окружающего мира. В таком случае они воплощаются, закрепляют себя в создаваемом человеком внешнем устройстве общества, в его хозяйственном и правовом порядке. Таким образом, как поясняет Дильтей, происходит их объективация «в нашем практическом поведении» [26, с. 62]. Другие волевые действия целью своей имеют изменение уклада сознания. Преобразование его, однако, может осуществляться двумя путями — либо косвенными, через изменение условий окружающего мира, либо прямыми, когда предметом воздействия становится непосредственно душевная жизнь [26, с. 61]. Применительно к этому случаю Дильтей вводит понятие регулярной и упорядоченной самодеятельности, направленной на развитие более элементарных душевных связей [26, с. 53]. Дильтей использует понятие «деятельность» как синоним «волевого действия», но обычно оно применяется для характеристики целенаправленных психических процессов. Так внимание он определяет как «связанную с предметом (восприятия — Л.А.) волевою деятельностью» [26, с. 84]. Дильтей ставит вопрос и о субъекте всех проявлений душевной жизни, в том числе волевых действий. В его определении он, однако, не выходит за пределы целостности душевной жизни, единства образующих ее связей. По его словам, в структурной связи души нам дан единый субъект психического развития [26, с. 103]. В отечественной психологии понятие «деятели», сознательного реального индивида, овладевающего выработанной обществом той особой структурой активности, направленной на созидание, на результативность, на адаптацию к окружающему миру, которая выступает как деятельность, долгое время не разрабатывалось — ни в виде особой проблемы, ни в проблемном поле деятельности. Деятельность сопрягалась с «сознанием». «Действующее лицо» лишь подразумевалось понятиями мотивов и целей деятельности. Фундаментальная попытка преодолеть безличный, статично-структурный подход к сознанию и деятельности была предпринята С.Л. Рубинштейном в 30-х — начале 40-х годов XX столетия. Характеризуя способ исследования деятельности в «Основах общей психологии», он пишет, что проведенное им изучение психологии де-

тельности, всегда реально исходящей от личности как субъекта этой деятельности, было по существу изучением психологии личности в ее деятельности — ее мотивов (побуждений), целей, задач [18, с. 675—676]. Но развертывая свой анализ личности, он начинает выводить ее за границы собственно деятельности, в пространство жизни, вводит понятие «действующего лица» [18, с. 564] и выделяет основные формы его активности. При этом структуру деятельности Рубинштейн вписывает в пространство жизни человека. Одно из центральных мест в этом пространстве занимает «жизненная задача». Она возвышается над мотивами и целями конкретных форм деятельности. Сообразуясь с ней, деятель-субъект выстраивает частные задачи. Личность в качестве субъекта берет на себя ответственность не только за то, чтобы сохранить в центре сознания, в системе мотивации главную задачу, не застревать на разрешении подчиненных задач, но прежде всего за то, чтобы передвигать свою конечную цель дальше и дальше, придавать ей новый смысл, большую внутреннюю содержательность и мотивационную насыщенность. По словам Рубинштейна, в процессе достижения действующим лицом отдаленной высоко значимой для личности цели происходит объединение разнородных решаемых человеком задач. В результате высвечивается образ жизни человека, проявляется и формируется цельная человеческая личность [18, с. 564]. Динамическо-личностный подход к деятельности постепенно начал развиваться в общей психологии, в рамках которой стали разрабатываться проблемы целеобразования, мотивообразования, смыслообразования. И все же понятие субъекта деятельности еще не получило своей психологической проработки. Крайне слабый интерес к проблеме субъекта отечественных психологов в последние десятилетия лишь в незначительной степени можно объяснить внешними причинами, такими, например, как оторванность советской психологии от мировой психологической науки. В западной психологии, в теориях личности, построенных на основе психоаналитической практики (А.Адлер, А.Маслоу, К.Роджерс, К.Юнг, К. Хорни и др.) понятие «субъект» занимает одно из центральных мест. Оно обозначает способности человека быть иницирующим началом, первопричиной своих взаимодействий с миром, с обществом; быть творцом своей жизни; создавать условия своего развития; преодолевать деформации собственной личности и т.д. Однако труды персонологов были крайне мало известны в отечественной психологии и лишь в последнее десятилетие появились их переводы на русский язык. Нужно принимать также во внимание тот факт, что в зарубежной экспериментальной психологии понятие «субъект» имеет совсем иное содержание. Это понятие использует-

ся для обозначения участвующих в эксперименте испытуемых, любых подопытных существ. Субъектами в этом смысле могут быть и люди, и животные.

Парадоксальным образом помехами на пути разработки проблемы субъекта стали причины внутренние — изменения в системе понятий отечественной психологии. В конце 60-х — начале 70-х годов одно из центральных мест в этой системе заняло понятие «личность». Начали разрабатываться темы «личность и деятельность», «личность и общение», «личность и психические процессы» и т. п. И все же в это время появились работы, в которых понятия «субъект» и «личность» оказались сопряженными. Особенно примечательными в этом отношении выступили работы Л.И. Божович и Б.Г. Ананьева. Божович, вслед за Л.С. Выготским, определяет растущего человека как инициатора собственной активности, корни которой погружены в его потребностно-мотивационную сферу. Активность эта — основа развития личности в качестве субъекта. По словам Божович, «ребенок постепенно превращается из существа, подчиненного внешним влияниям, в субъекта, способного действовать самостоятельно на основе сознательно поставленных целей и принятых намерений» [9, с. 436—437].

Первичные формы *субъектного* отношения к миру Божович обнаруживает уже у младенцев на 3-й — 5-й неделе жизни. Мир вызывает у ребенка животворное чувство радости, побуждающее малыша к обследованию и овладению им. Тем самым окружающая действительность, согласно Божович, начинает делать из новорожденного субъекта [9, с. 200]. Проявлением субъектности личности рано становится складывающаяся у нее «внутренняя позиция». На высоких же уровнях развития личность как субъект превращается в «творца нового социального опыта» [9, с. 438], в «воспитателя собственной личности» [9, с. 439].

В концепции Божович термин «субъект» выступал как важнейшее качество личности, как способность овладевать миром, творить себя, создавать нечто новое в социуме.

Иным был подход к понятиям «личность» и «субъект» в работах Б.Г. Ананьева [7, 8]. Вспомним, что он выделил несколько ипостасей существования человека — как индивида, личности, субъекта деятельности и индивидуальности. При этом содержание категории «деятельность» он значительно расширил, включив в него понятия «труд», «общение» и «познание». Личность же определялась через систему общественных отношений. Согласно Ананьеву, на уровне развития человека как индивидуальности происходит интеграция индивида, личности и субъекта деятельности. Он, однако, не раскрыл, как при таком синтезе психологически преобразуются личность и субъект.

В настоящее время проблема субъекта, субъектности начинает привлекать все большее внимание психологов, относящихся к разным направлениям в отечественной психологии. Продолжая традиции С.Л. Рубинштейна, над ней работают его ученики и последователи [1, 2, 3, 10, 11, 12]. Но не меньший интерес она представляет для последователей выдвинутого А.Н. Леонтьевым деятельностного подхода. Его положение о том, что личность выступает производным от деятельности оставляет открытым вопрос о том, кто же является источником и реализатором разных форм деятельности до появления личности. Параллельно ведущиеся разработки проблем личности и субъекта предельно заостряют вопрос о том, как же соотносятся друг с другом эти «ипостаси» человека, является ли понятие личности более широким, чем понятие субъекта? Этот вопрос актуален для общей психологии, для психологии личности. Но существуют науки, в которых его постановка просто неправомерна. Так политологи говорят о субъектах федерации, и в системе их категорий неуместно понятие «личность». Свои ограничения этот вопрос имеет и в психологической науке. Так, представители социальной психологии изучают группового субъекта, но речь при этом не идет о «групповой личности». Для нас значим вопрос о критериях различения феноменов субъект и личность в общей психологии. В работах С.Л. Рубинштейна трудно найти такие критерии. Очень часто он пишет о «личности», «субъекте», «человеке» как синонимах: «Личность, субъект, — пишет он, — это не чистое сознание... Это реальный, конкретный, исторический, живой индивид, включенный в реальные отношения к реальному миру» [18, с. 676]. Его интересует активность человека, субъекта, личности в деятельности [18, с. 563, 564]. Иногда же субъект толкуется Рубинштейном как стержневое качество личности, но в этом случае ученый использует более широкие, нежели «деятельность», понятия. «Каждый человек, — пишет он, — будучи сознательным общественным существом, субъектом практики, истории, является тем самым личностью [18, с. 679].

Подчеркнув неразработанность вопроса о связи понятий «субъект» и «личность», обратимся теперь к анализу некоторых сдвигов в методологических основаниях нашей психологии. В 90-х годах в эти основания был введен новый принцип — «субъектно-деятельностный подход». Этот подход акцентировал значение деятельности, понимаемой как созидание, преобразование, совершенствование окружающего мира, в качестве одного из главных способов существования человека, и в то же время подчеркнул неразрывную связь деятельности с «действующим лицом» — иницилирующим, реализующим, несущим ответственность за ее осуществление и результа-

ты. По-существу этот принцип вводит субъекта в динамическую систему деятельности. Но исчерпывает ли этот подход всю полноту личностного существования человека в мире, напряженность его душевной жизни, «своеобразные движения» внутреннего мира? В философии категория деятельности сопряжена — как со своей противоположностью — с другой категорией, обозначающей иной способ бытия личности. Это категория претерпевания, страдания... Менее всего она обозначает пассивное состояние человека и отнюдь не акцентирует трагическую его сторону. Потрясающие душу человека эстетические, религиозные, этические переживания также входят в содержание этой категории. Рубинштейн выделяет такую «страдательную» форму жизни личности, отличающуюся напряжением и активностью, в виде трудной «внутренней работы».

В отечественной психологии не существует категории, которая охватывала бы все формы психической жизни человека, его особенно особые виды отношений к миру, его удивительную способность относиться и к себе как к части мира, как к объекту своего сознания и созидания. В западной психологии есть понятие «экзистенция», которое, предположительно, охватывает разные грани существования человека в мире. Но деятельностно-преобразующая, созидательная грань человеческого бытия в понятии экзистенции явно уступает место его «страдательному» характеру.

Какому же направлению в изучении личности противостоит субъектно-деятельностный подход? Безусловно, тому, на котором строится подавляющее большинство опросников. Их создатели представляют личность как совокупность трайтов (черт), димензий, конструкторов, параметров, а также иерархий ценностей, мировоззрения, позиций, убеждений и т. п. Но ведь все эти «образования», «характеристики» — в своей подавляющей части — результаты конструирования личностью себя и своих жизненных миров, исходы напряженных «движений» душевной жизни, ее «произвола» (вспомним определение В.А. Иванниковым воли как «произвольной мотивации» [14]). Усилия личности преимущественно направлены на удержание не столько той или иной конкретной деятельности, но на укрепление, расширение, увеличение многомерности пространства своей жизни, на включение в его контуры миров других людей.

Иными словами, личность соразмерна не деятельности и даже не жизненному пути, а целостному индивидуальному пространству и времени творимой им жизни. Личностное пространство наполнено индивидуальными градиентами значимости, валентностями; областями, отмеченными положительными, отрицательными, нейтральными модальностями. Именно этим живым, движущимся про-

странствам (Life-Span), а не жизненной линией или жизненным путем (Life-Line) взрезается личность в исторически развивающееся пространство жизни общества, человечества.

Остановимся лишь на некоторых особенностях человека как субъекта. В мировой психологической науке субъектное начало человека связывается с его способностью самому инициировать активность на основе внутренней мотивации, порождать движения и действия. Но вспомним, что именно на таком постулате построена теория Б. Скиннера, который ввел понятие оперантного поведения. В отличие от респондентного поведения, вызываемого внешним стимулом, источником оперантов является само живое существо. Однако, «авторы» оперантов сейчас же попадают во власть окружающего мира, который путем позитивного и аверсивного (негативного) «подкрепления» устраняет одни и сохраняет другие «акции». Действительно, вся практика воспитания, казалось бы, подтверждает позицию Скиннера. Ответная ласка или неудовольствие матери, поощрение или неодобрение, награды и наказания в разных социальных институтах вроде бы перечеркивают свободное волеизъявление развивающегося человека. Но это совсем не так. С момента своего появления на свет и до конца жизни человек вторгается в мир столь многообразными путями, инициируемая им активность настолько изобильна и многомерна, что окружающий мир не может проконтролировать все инициации личности. У нее всегда остаются пространства свободного волеизъявления. Кроме того, в разных сферах жизни жесткость и неотвратимость санкций очень различны, так что индивид должен сам принимать решение, подчиниться ли предписаниям или уклониться от них.

Особенностью порождаемой субъектом активности является ее творческий характер. Креативное начало субъекта может быть выражено в разной степени, обстоятельства жизни накладывают на него существенные ограничения; иногда творческие моменты проявляются лишь в виртуальных мирах индивида (воображаемые миры, фантазии). Но все же по самой своей природе человек креативен. Именно он, появившись в безличном бытии, создал человеческий мир [19]. И нельзя не согласиться с К. Юнгом, подчеркнувшим, что миссия человека — доопределять, достраивать, совершенствовать мир [22, 23]. Особое направление творчества человека — это созидание им себя, своего внутреннего мира, собственной душевной жизни. Выделяя одну из сторон процесса самосозидания, Рубинштейн говорит о *присвоении* субъектом себе собственного тела и внешнего облика, способностей, характера, темперамента, а также Мысли, которой человек отдал все свои силы, и Чувства, с которым срос-

лась вся его жизнь [18, с. 680]. Но и характер, и способности не только присваиваются, они активно конструируются самим человеком в процессе построения им своей жизни и постепенного овладения «искусством жить». Вводя это понятие, Э.Фромм подчеркивает, что человек — и творец, и предмет своего искусства, он — и скульптор, и врач, и пациент [21, с. 25]. Признавая, что человек ваяет себя, свой характер и способности из материала наследственности и среды, психологи разъясняют, что важны не сами по себе эти факторы, а отношение субъекта к ним. Неблагоприятные жизненные условия, физические изъяны могут переживаться человеком как вызов, требующий мобилизации его конструктивных сил. Это, как справедливо пишет Х. Ремшмидт, «свидетельствует о возможности справиться с неблагоприятными личными и социальными обстоятельствами, то есть активно формировать условия собственного развития» [17, с. 296]. Но эти же неблагоприятные обстоятельства другой человек может воспринимать как непреодолимые помехи для благополучной жизни и отказаться от противостояния им.

Личность как субъект использует для самосозидания значимые для нее жизненные события, вызывающие в ее душевной жизни определенные изменения. Но эти изменения, как подчеркивает Рубинштейн, отнюдь не исчерпывают процесс становления и развития личности. «Они закладывают, — разъясняет ученый, — лишь фундамент, создающий основу личности, осуществляют только первую, грубую ее формовку, дальнейшая достройка и отделка связана с другой, более сложной, внутренней работой, в которой формируется личность в ее самых высших проявлениях» [18, с. 678]. Большой вклад в выявление многогранности и напряженности внутренней работы человека над своим внутренним миром внес К. Юнг. Исследуя процесс индивидуации, он показал, как субъект проникает в область нежелательных, отчужденных им от себя личностных свойств (в сферу Тени), распознает отличие Маски, связанной с выполняемой социальной ролью, от истинной своей личности, постигает метафоры и символы коллективного бессознательного, обнаруживает свое истинное «Я», свою Самость. Юнг подчеркивает прежде всего важность самоосознавания историческо-жизненного опыта индивида в обретении им своей психологической интеграции, справедливо указывает на его важную роль в построении человеком своего внутреннего мира, в отыскании своего призвания, своей Самости. Позитивную связь самосознания с самодетерминацией и свободой человека подчеркивает В. Франкл. По его словам, чем менее развито самосознание, тем более несвободен человек — им управляют вытесненные содержания, условные связи, образующиеся в детстве, которые он

не держит в памяти [20]. Но не является ли индивид автором, творцом тех психических образований, которые на определенных ступенях его личностного развития начинают осознаваться и, следовательно, интегрироваться? И не участвует ли сам человек в создании — а не только в отыскании — своей Самости, истинного Себя? Утвердительно отвечая на эти вопросы, мы разделяем взгляды А. Маслоу, акцентирующего самосозидательную сущность человека. «Сердцевина» или Самость, — пишет Маслоу, — проявляется во взрослом человеке только отчасти посредством ее раскрытия и принятия того, что есть в человеке изначально. Отчасти же она является творением самой личности» [15, с. 234].

Опыт психотерапевтической практики позволяет психологам сделать вывод о том, что человек выступает субъектом и своих чувств, хотя власть его над своими эмоциями и аффектами далеко не безгранична. Чувства, как правило, вызываются определенными жизненными обстоятельствами, но в их порождении и протекании активно участвует сам человек. А. Адлер определяет чувства, как акцентированные, усиленные движения души. Они появляются у индивида, который либо отбросил другие механизмы достижения поставленной им цели, либо потерял веру в то, что он может ее достичь иными средствами [6, с. 228]. Роль (функция) возникающих чувств, выражаясь словами Адлера, заключается в том, чтобы изменить к лучшему положение, в котором оказался человек. Не лишено оснований следующее предположение: если сильное чувство или взрыв эмоций помогает устранить трудности, уладить отношения с людьми, субъект разовьет у себя способность порождать и модулировать соответствующие его целям чувства. Инициаторо-творческое начало, лежащее в основе субъектности личности, имеет экзистенциальное значение для человека, выступая условием его существования, его жизни. Конкретно-исторические и общечеловеческие, макро- и микросоциальные условия индивида быстро и подчас непредсказуемо меняются, непредвидимыми бывают и результаты действий субъекта. Отсюда — необходимость для человека постоянного творения и креативной трансформации как себя, так и условий своей жизни. Нельзя не согласиться с Маслоу, выдвинувшим положение о том, что человек всегда создает свои поступки, а не повторяет их [5, с. 61—89]. Личность как субъект «ваяет» себя, выстраивая и создавая пространство собственной жизни, уникальный жизненный мир. Субъект ставит цели и намечает жизненные планы, избирает стратегии жизни. Многие психологи называют человека хозяином своей жизни, своей судьбы, субъектом, способным противостоять мощному давлению неблагоприятных социальных и

культурных сил. Для оценки этого столь возвышающего человека как личность положения необходимо, во-первых, привлечь принцип развития человека как субъекта [4], а, во-вторых, поставить проблему «психологического обеспечения» возможностей личности быть эффективным, успешным субъектом жизни. Несомненно, что существуют разные уровни развития личности как субъекта и самосознания, и своих отношений с окружающими людьми, и всей своей жизни. Определение личности как успешного творца собственного индивидуального жизненного пути, достигающего высокие цели, несмотря на трудности, противодействия и давления внешних и внутренних сил, относится лишь к самому высокому уровню развития личности, а скорее всего выступает идеалом отношения человека к своей жизни. Маслоу справедливо критикует Сартровскую концепцию личности как «проект», который осуществляется человеком в процессе принятия им соответствующих решений. Несостоятельно мнение о том, что личность может стать всем тем, кем бы она ни пожелала стать. Задача ученого — выявить те *жизнетворческие способности*, психологические основания и «механизмы», которые обеспечивают переход личности на более высокий уровень ее субъектности и позволяют сделать жизнь более содержательной, продуктивной, значительной. Однако, анализ современного состояния мировой психологической науки приводит к неожиданному выводу. Эта важнейшая проблема весьма слабо разработана психологами. В психотерапевтически ориентированных теориях личности, изобилующих понятием «субъект», человек определяется как инициатор, творец, обладающий способностью к самодетерминации, способный давать толчок собственному развитию. И Адлер, и Фромм, и Хорни единодушно утверждают, что их дело — осуществить анализ душевной жизни пациентов, создать условия для осознания ими своей непродуктивной ориентации, фиктивной цели, нереалистического жизненного плана, неадекватного идеализированного представления о себе. Довести же до конца психотерапевтическую работу, изменить отношение к миру и к себе, выработать новый жизненный план могут только сами пациенты. Отказ от манипулятивных воздействий на клиентов можно только приветствовать. Но остается открытым главный вопрос, какую же психологическую «работу» проделывают люди, корректируя или перестраивая себя. Важную мотивирующую и когнитивно-ориентирующую роль в конструировании нового стиля жизни и трансформации внутреннего мира личности психологи справедливо отводят самосознанию и усилению ее рефлексивных процессов. Это очень важное положение, но оно требует наполнения его конкретным психологическим содержанием. Вмес-

те с тем некоторые психотерапевты обнаруживают, что иногда осознание своей неадекватности не ведет к продуктивной перестройке себя субъектом. Поэтому они предлагают развертывать перед человеком веер альтернатив, «освобождая» тем самым личность от самозидания. Между тем в классических теориях личности содержится весьма продуктивное положение, значимость которого подтверждается современными экспериментально-теоретическими исследованиями. Для продуктивного самоизменения и преобразования отношений с окружающими личность должна обрести *веру в себя, уверенность в своих силах* и возможностях. По словам Адлера, терапевт должен дать понять пациентам, что они способны самостоятельно противостоять трудностям и разрешать проблемы своей жизни. «Помочь человеку, — продолжает он, — значит придать ему смелости, мужества, веры в себя, ясности в понимании своих ошибок» [5, с. 123]. В последние полтора-два десятилетия вопрос о позитивной значимости уверенности человека в своих возможностях для успешного осуществления им своей жизни начал теоретически и экспериментально разрабатываться в рамках нового для зарубежной общей психологии направления. Его представители определяют человека как активного деятеля, распорядителя, создателя своей жизни. Это определение человека закреплено в термине «human agency». Создатель эмоционально-когнитивной теории мысли и действия А. Бандура [25], разрабатывая проблему эффективности жизни и деятельности личности, выделяет в структуре «самоэффективности» ряд способностей, опирающихся на саморефлективные процессы. Такова способность присваивать себе, считать исходящими от себя *успешные* действия; формировать убеждения в собственной эффективности, удерживать позитивную самооценку. Интеграл этих способностей — «позитивную самоэффективную мысль» — Бандура считает необходимым условием эффективной активности человека на протяжении всей жизни¹. Личностей, высоко развивших у себя качества самоэффективности, Бандура называет продюсерами или режиссерами — поставщиками собственной жизни. Если люди, не доверяющие себе, присваивающие себе, главным образом, неудачи и промахи, могут лишь предвидеть свое будущее, то верящие в себя субъекты, по словам Бандуры... преимущественно сами создают это будущее» [25, с. 395]. Несомненно, что уверенность в себе, убеждение в самоэффективности — основание полноценной, порой вдохновен-

¹ Бандура, однако, предупреждает, что человек выступает «агентом», субъектом в разных сферах социальной жизни. Поэтому изучение уровня его «самоэффективности» должно быть дифференцированным.

ной самоактуализации человека. Поэтому столь актуальна проблема выявления условий, предпосылок, механизмов порождения у растущего человека того доверительного отношения к себе, которое своими корнями уходит в самый ранний период жизни людей.

При обсуждении проблемы психологического содержания феномена «субъект» нельзя обойти вопрос о том, всегда ли человек выступает субъектом своих действий, поступков, чувств, влечений, мыслей, своего развития и изменения на протяжении жизни. Ответ на этот вопрос требует опоры на принцип развития и учета как многомерности психического бытия человека в каждый момент его жизни, так и разнокачественности его функционирования в различных социальных сферах. Психологи гуманистического направления единодушны во мнении, что крайне неблагоприятные социальные условия — нищета, бедность, эксплуатация — сильно ограничивают его развитие как субъекта (Маслоу). Фромм, поддерживая положение К.Маркса об отчуждении человека от себя и от мира в капиталистическом обществе, подчеркивает, что индивид при этом не переживает себя субъектом собственных действий, человеком чувствующим, мыслящим, любящим. Он ощущает себя в произведенных им вещах лишь в качестве объекта проявления собственных сил. У него отсутствует переживание себя субъектом и инициатором своих поступков [21, 22]. Слова эти справедливы, но не компенсирует ли человек свою де-субъектность в труде своими инициативами в общении с друзьями, чувством ответственности в семейном окружении?

Субъектное начало человека значительно ограничивается особенностями душевной жизни. Определенное место в ней занимают неосознаваемые мотивы, жизненные планы, вытесненные воспоминания, которые, однако, регулируют поведение индивида независимо от его воли. Двумя выдающимися психологами — У.Джеймсом и К. Юнгом — прекрасно описан феномен «вторжения» бессознательного в сознание личности. Анализируя психологические «механизмы» обретения человеком страстно желаемой им веры в Бога, Джеймс установил: мучительные, длительные, изматывающие попытки человека обрести веру с помощью постоянных молитв, изнурительных бдений, напряжения всех душевных сил оказывались безрезультатными. Измученный человек впадал в протрацию, утрачивал волю, и в этот период в его душе возникало чувство благодати, присутствия Бога. Согласно Джеймсу, именно утрата самоконтроля, волевых усилий позволила бессознательному вторгнуться в сознание. Но человек объективировал его, воспринимая как силу, идущую извне, как божественный дар.

Человека «обуревают чувства», он не может отделаться от навязчивых мыслей. Маслоу, описывая вершинные переживания, подчеркивает: «Мы не можем повелевать таковыми переживаниями. Это просто «случается» [16, с. 121]. Такая временная утрата чувства субъекта — не ущербность человека как личности, а его драгоценный дар, проявление огромных неиспользованных психических резервов. Личность должна быть неожиданностью для себя, открытием. Нельзя не высказать согласия с позицией Маслоу, который пишет: «В условиях нашей цивилизации надо склонить чашу весов в сторону спонтанности, способности к экспрессии, незапланированности, произвольности, доверия, непредсказуемости, творчества и т. д.» [16, с. 241].

В заключение мы хотели бы вновь обратиться к обозначенной ранее проблеме соотношения феноменов «личность» и «субъект». В теориях личности субъект характеризуется через различные формы внешней и внутренней активности. Он инициирует, творит, создает внутренний мир и поступки человека, контролирует чувства, вырабатывает жизненные стратегии, разрешает трудные ситуации, ставит жизненно важные задачи, вырабатывает способность ладить с людьми, создает условия для развития личности и т. д. Но за пределами исследований остается такое содержательное, ценностно-смысловое измерение, которое и характеризует человека как личность. В число особенностей субъекта не входят те, которые заключены в понятиях духовности, гуманности, нравственности, совести, добродетельности и т. п. В работах Э.Фромма эти термины широко используются, но они образуют понятийную систему его гуманистической этики. Лишь в трудах Маслоу, в его учении о метамотивации находят место некоторые из этих категорий. В отличие от Юнга, для которого стержнем Самости выступает призвание человека, Маслоу утверждает, что поиск Самости есть поиск изначальных, подлинных ценностей индивида [15, с. 219]. Анализ жизни крупных исторических фигур обнаруживает неравномерность развития человека как личности и как субъекта. Можно быть преуспевающим политическим деятелем, предпринимателем и т. д., но находиться на низком уровне развития как личности. Высокое же развитие человека как личности невозможно без столь же высокого развития его как субъекта. Человек должен утверждать, защищать, реализовать в поступках, в межличностных отношениях, в делах свою духовность, нравственность, ценности истины, справедливости, добра. Эти функции, включающие реальное преобразование мира, адаптацию к нему, совладание с трудностями, самозидание, рефлексивные «операции», и выполняет субъект (в психологическом его понимании).

Литература

1. Абульханова К.А. О субъекте психической деятельности. М., 1973.
2. Абульханова-Славская К.А. Активность и сознание личности как субъекта деятельности // Психология личности в социалистическом обществе. Часть I. Активность и развитие личности. М., 1989.
3. Абульханова-Славская К.А. Принцип субъекта в философско-психологической концепции С.Л. Рубинштейна // Сергей Леонидович Рубинштейн. Очерки, воспоминания, материалы. М., 1989.
4. Анцыферова Л.И. Психология формирования и развития личности // Человек в системе наук. Отв. ред. акад. И.Т. Фролов. М., Наука, 1989.
5. Адлер А. Понять природу человека. Санкт-Петербург: «Академический проект», 1997.
6. Адлер А. Наука жить. Киев, Port-Royal. 1997.
7. Ананьев Б.Г. Человек как предмет познания. Л., 1969.
8. Ананьев Б.Г. О проблемах современного человекознания. М., 1997.
9. Божович Л.И. Личность и ее формирование в детском возрасте. М., 1968.
10. Брушлинский А.В. Проблемы психологии субъекта. М., 1994.
11. Брушлинский А.В. Субъект: мышление, учение, воображение. М.-Воронеж, 1996.
12. Брушлинский А.В. Исходные основания психологии субъекта и его деятельности // Психологическая наука в России XX столетия: Проблемы теории и истории. Часть вторая. Гл. 5. М.: Изд-во: Изд-во «Институт психологии РАН», 1997.
13. Джеймс У. Многообразие религиозного опыта. М., Наука. 1993.
14. Иванников В.А. Психологические механизмы волевой регуляции. М., 1991.
15. Маслоу А. Психология бытия. Рефл-бук, Ваклер, 1997.
16. Маслоу А. Дальние пределы человеческой психики. СПб., Евразия, 1997.
17. Ремшмидт Х. Подростковый возраст. Проблемы становления личности. М.: Мир, 1994.
18. Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии. М., 1946.
19. Рубинштейн С.Л. Проблемы общей психологии. 2-ое изд., М.: Педагогика, 1976.
20. Франкл В. Человек в поисках смысла. М.: Прогресс. 1990.
21. Фромм Э. Душа человека. М., 1992.
22. Юнг К. Дух и жизнь: Воспоминания, сны, размышления. М.: Практика. 1996.
23. Юнг К. Структура психики и процесс индивидуации. М.: Наука, 1996.
24. Vandura A. Social Foundations of Thought and Action: A Social-Cognitive Theory. Prentice-Hall, Inc., Englewood Cliffs, New Jersey, 1986.
25. Dilthey W. Ideen uber eine beschreibende und zergliedernde Psychologie. 1894. In: Gesammelte Schriften. Bd. 5 (цит по: В.Дильтей. Описательная психология. Пер. с нем. М.: Русский книжник, 1924).

12

СИСТЕМНЫЙ ПОДХОД В ПСИХОЛОГИИ ЛИЧНОСТИ

ГЛАВА

Многие психологи, в том числе С. Л. Рубинштейн, писали, что понятия в процессе своего становления очень текучи, не имеют четких границ, принимают подчас причудливые формы. Сказанное относится ко многим психологическим понятиям. Но то же самое можно сказать о любом становящемся объекте, а также о методологическом принципе. Эти слова могут быть отнесены и к системному подходу, по крайней мере, в том виде, в каком он существует сейчас в психологии. Однако известно так много вариантов системного подхода и содержание их столь неопределенно, что психологи обычно предпочитают предварительно разъяснять свою систему «системных» понятий. А между тем системный подход имеет более чем столетнюю историю. И в этой истории понятие системности неразрывно связано с понятиями целостности живой органической целостности, саморазвивающейся и самопополняющей себя новыми «органами» целостности. Принципиальные положения системного подхода были блестяще разработаны И. Кантом (1724—1804). Подчеркивая специфику органических систем как истинной целостности, он писал: «Чтобы части (по их существованию и форме) были возможны только в силу их отношения к целому... чтобы части ее соединялись в единстве целого благодаря тому, что они друг другу были причиной и действием своей формы... чтобы все части и по всей форме, и по связи порождали друг друга и таким именно образом создавали бы из собственной каузальности целое... каждая часть в

том виде, как она существует только *благодаря* всем остальным, мыслится также существующей *ради других* и *ради целого*, т. е. как орудие... орган, создающий другие части, следовательно, каждая (создает) другие» [8, с. 398 — 399].

Уже эти положения, в которых тонко подмечена диалектика целого и части в живом системном единстве, обнаруживают крайнюю механистичность исследования личности через выделение разных ее черт и последующих поисков их взаимосвязи. Понимание «части» как орудия, органа, создающего (взаимно) другие части ради целого и, следовательно, вследствие его каузального участия, должно направлять исследовательские усилия на выяснение того, какие нужды целого и ущербность отдельных частей породили новый «орган» (свойство, способность, потребность) личности, какие параметры системы дали начало и способствовали развитию нового качества. Так, идеи Канта непосредственно подводят к поиску генетических оснований взаимосвязи разных характеристик, «органов» живой системы. Такие понятия, как «живая система», «орган», «часть», нагружены структурно морфологическими значениями, совершенно неадекватными текучей природе душевной жизни личности, членения которой носят функциональный характер. Гегель, исследуя бытие живой системной целостности, как раз и попытался проинтерпретировать «части» органического целого не как фиксированные статические компоненты, а как моменты жизни системы, как текучие формы, вычлняющиеся из целого. «Их текучая природа, — писал он, — делает их в то же время моментами органического единства, в котором они не только противоречат друг другу, но один так же необходим, как другой; только эта одинаковая необходимость и составляет жизнь целого» [6, с. 2].

У К. Маркса принцип системности соединяется с принципом развития, принимающим у него при анализе буржуазного общества форму исторического подхода. Важно отметить, что К. Маркс различает понятия системы и целостности: система достигает целостного состояния лишь в процессе своего развития, когда оказываются проявленными многие ее возможности, потенции. «Если в законченной буржуазной системе, — подчеркивал он, — каждое экономическое отношение предполагает другое в буржуазно-экономической форме и таким образом каждое положение есть вместе с тем и предпосылка, то это имеет место в любой органической системе. Сама эта органическая система как совокупное целое имеет свои предпосылки, и ее развитие в направлении целостности состоит именно в том, чтобы подчинить себе все элементы общества или создать из него еще недостающие ей органы. Таким путем система в ходе историче-

ского развития превращается в целостность. Становление системы такой целостностью образует момент ее системы, процесса ее развития» [11, с. 299].

В этой философской традиции намечены пути преодоления механистического понимания живой системы и утверждения динамики психической жизни личности, «ипостаси» и «органы» которой, выделяемые и изучаемые психологами, лишь «моменты» ее непрерывного движения, содержащие непременно важные инварианты.

В теории личности пока еще не преодолен полностью покомпонентный подход к психологической организации личности, ее поведению и деятельности. Не прекращаются попытки понять целостность душевного мира человека путем соположения направленности, способностей, потребностей, мотивов, характера и темперамента. Это не означает, конечно, что неправомерно абстрагировать для особого изучения направленность, способности или мотивы. Дело лишь в том, понимаются ли эти абстракции как психологические образования, «морфологически» отделенные от других, или как качественные моменты душевой жизни, текущие полифункциональные формы, посредством которых личность решает свои жизненно важные задачи. Эти ее формы, или модусы, и выступают как ее «органы».

Нетривиальность такого понимания «органов» заставляет более пространно теоретически эксплицировать, разъяснить то содержание понятия «орган», которое будет использоваться в дальнейшем. С позиций представлений о системной целостности душевной жизни личности каждый ее «орган» — это выработанная субъектом для решения жизненных задач модификация своей целостности, начиная с психофизиологического и кончая ценностно-смысловым развитием. Даже фрагментарное описание функционирования того или иного «органа» многомерно, ибо включает перестройку ценностных, значимостно-смысловых, потребностно-мотивационных, функционально-энергетических, инструментально-операциональных, установочно-диспозиционных характеристик личности. Происходит актуализация и новая интеграция необходимых побуждений, сочетающаяся с построением психологических преград для конкурирующих влечений и стимуляций; изменяется система значимостей, расставляются новые акценты в системе ценностей; мобилизуются функциональные возможности человека, изменяется психологический тонус; происходит смена психических состояний; преобразуется размерность временной перспективы; корректируются или перестраиваются «сценарии» поведения; интенсифицируются чувства сопричастности определенным «значимым другим», социальным общностям, человечеству.

В психологии уже на рубеже 70-х годов стал все более четко осознаваться функциональный характер психических реалий, выступающих в разных качествах в зависимости от выполняемой роли в поведении. Одним из первых на функциональный характер психических явлений обратил внимание О. К. Тихомиров. Анализируя структуру деятельности, он подчеркнул, что «деятельность, действие, операция — это, конечно, не отдельные, не "компоненты", а функциональные образования» [16, с. 47]. К такому же выводу приходят представители детской психологии на основании изучения поведения детей в проблемных ситуациях, порождающих целостную их активность, в каждом акте которой оказываются задействованными все их способности и возможности.

Анализ целостного отрезка жизни ребенка заставляет, по словам авторов, переосмыслить понимание деятельности, действий и операций как различных единиц в общем потоке деятельности. Все они могут быть поняты «как фундаментальные выражения всеобщей жизнедеятельной единицы, которая выступает при определенных условиях в качестве и в роли как деятельности, так и действия и операции» [14]. С позиций полиморфности «моментов» текучей жизни психологической системы, «движений души» личности единожды возникшее побуждение, так и не реализованное, уже выступает как потенциальная способность, пусть еще совсем неразвитая способность, без которой не возникло бы и побуждение. Иначе говоря, любой побудительно-мотивационный «момент» уже содержит в себе указание на потенциальную возможность это побуждение реализовать.

Не предрешая вопроса о том, какие же функциональные «части» или динамические моменты можно выделять в системной целостности психической жизни личности, можно лишь подчеркнуть факт ее многомерной расчлененности на функциональные образования, каждое из которых по механизму генезиса связано со всеми остальными. Иными словами, каждая из «частей» системы возникает и формируется не только как предпосылка, исток, условие, исходная форма, предуготовленность, компенсация, дублирование, обеспечение (смысловое или энергетическое) других функциональных образований, но и как ответ на нужду целостной системы в устойчивом росте и развитии, в надежности, в надситуативной свободе. Взаимосвязь всех «органов», «частей», «функциональных образований системы» можно, конечно, назвать ее структурой, но при этом подразумевать под этим понятием не механистическую связь автономных элементов друг с другом и с целой системой, а *качественную неоднородность* изначально целостной психической жизни личности, которая усиливается в процессе развития субъекта.

Опора на принцип генезиса при анализе системного строения личности предполагает такие теоретико-методические приемы исследования новообразований (нормальных и аномальных) личности, которые позволяют не просто описать эти новообразования и ответить на вопрос, вследствие чего (почему) оно, это новообразование, появилось, но и для чего оно стало необходимым человеку, ради чего даже вопреки противодействию окружающих он не в силах отторгнуть его от себя¹.

Исследовательские вопросы, которые в последнее время именно в таком ключе начинают ставить психологи при разработке проблем алкоголизма (наркомании), только и могут помочь осуществить эффективные психокоррекционные приемы. Ссылки на выработку потребности в алкоголе, на стремление испытать состояние эйфории не раскрывают глубоких корней алкоголизма, уходящих в деформацию основного способа жизни человека в обществе, характеризующегося особой системой взаимосвязанных потребностей.

Как известно, ряд психологов вслед за В. Н. Мясищевым определяют личность как систему субъективных отношений человека к обществу, другим людям, к миру труда, общечеловеческим ценностям, к себе. Но эти отношения реципрокны. Личность одновременно и ансамбль субъективных отношений общества (общности, группы), других людей, мира труда к человеку. Эти реципрокные отношения закрепляются в форме «ядра» личности в таких потребностях человека, как потребности в социальном признании, радости свершений, в соответствии нравственным ценностям, в высокой самооценке, самоуважении и уважении, в чувстве личного вклада в общественное благосостояние. И общество помогает человеку сформировать у себя «жизнедеятельную единицу», «орган», обеспечивающий удовлетворение этих личностных потребностей, — систему созидательной деятельности с характерными для нее волевыми усилиями, устойчивостью к неудачам, наращиванием компетентности. И даже тогда, когда это созидание в силу особых условий не влечет

¹Это абстрактно звучащее методологическое положение является психологическим осмысливанием фактов, накопленных в общей и прикладной психологии. Так, криминологи и представители юридической психологии убедительно доказывают, что не существует так называемых случайных преступлений. Анализ показывает, что у человека происходила кумуляция противоправных побуждений, психологической готовности, латентных намерений, которая влияла на формирование операциональных возможностей наказуемого действия. Исподволь совершавшаяся деформация личности и породила новый «орган» асоциального поведения.

за собой ни общественного признания, ни поощрения, оно все равно оказывается связанным с чувством значимости, оправданности, ценности жизни человека как личности. В массе свидетельств о жизни людей, десятки лет проводивших в труднейших условиях под Магаданом и Воркутой, мне трудно вспомнить имя той женщины, которая на реплику журналистки «о загубленной жизни» резко ответила, что невозможно считать загубленными или зачеркнутыми жизни тех, после которых в самых суровых краях остались шахты и рудники, которые дали стране лес, олово, серебро и золото... Но вот, оказывается, что в других, вполне, казалось бы, благополучных условиях, центральный «орган» личности, обеспечивающий ее созидательную реализацию, оказывается аномальным — переродившимся, распавшимся или несформированным и замещенным суррогатным образованием — «иллюзорно-компенсаторной алкогольной деятельностью» [3], порождающей субъективные переживания, в чем-то сходные с чувствами, вызываемыми реальным созиданием (эмоциональный подъем, чувство успеха, достижения, переживание своей значительности и т. п.).

Как показывают работы Б. С. Братуся и его учеников, аномальная «качественная неоднородность», или деформированная структура личности алкоголика, складывается постепенно из ряда деформированных «органов»: установки на быстрое удовлетворение потребностей при малых затратах усилий; установки на пассивные способы защиты при встрече с трудностями; установки довольствования временным, не вполне адекватным потребности результатом деятельности и многими другими.

В аспекте сформулированного в начале главы положения о рождении каждого нового «органа» системы уже существующими особенностями той целостности, частями которой они являются, важно, что действительно каждая из перечисленных характеристик деформированной системы выступает как продолжение, дополнение, развитие другой, проявление их латентных свойств в иных условиях.

Некоторые данные, полученные в наши дни психологами при изучении аномального развития личности, дают возможность перейти к разработке еще одной идеи, существенной для обогащения системного подхода к психологии личности. Идея эта заключается в том, что личность, по крайней мере, в двух отношениях не тождественна той живой системной целостности, которая проявляет себя в поведении и действии, в замыслах и влечениях, в субъективной шкале оценок, в ценностях и позициях человека. Прежде всего, *личность — это авторское участие субъекта в удержании и упрочении*

своей целостности, это поиск своего нового системообразующего основания, нового смысла жизни, это постоянные колебания между недисциплинированной жизнью «потока сознания», ассоциативного мышления, нерациональных подчас чувств и миром логически обоснованных выводов и поступков, выверенных жизненных планов, требующих максимума волевой мобилизации. Личность — это постоянный выбор себя, своего способа жизни. Если этот выбор сделан неверно, человек теряет свою идентичность, целостность, интегрированность. Противоречивость чувств, тягостное ощущение собственной раздвоенности, безуспешность попыток построить новую целостность заставляют субъекта проблематизировать свою жизненную ситуацию, сделать ее предметом рефлексии, т. е. выполнять психологически трудные действия отчуждения и объективации. Включая себя в логику жизненной задачи, личность становится повышенной чувствительной к случайностям, эпизодам, мелочам своей жизни, усматривая в них форму «подсказок», советов, путей разрешения переживаемых противоречий. Вот конкретизация этих положений. В одном из очерков я прочитала о работнике казанского завода «Теплоконтроль» В. Х. Харисове. Человек крайне энергичный и даже азартный в работе, он после возвращения из армии хорошо проявил себя на одной руководящей должности, и его с семилетним образованием сделали руководителем значительно более высокого ранга. Решив продолжать учебу, Харисов легко сдавал экзамены за десятилетку либеральным учителям. «Но вот, — рассказывает он, — настал последний экзамен — по химии». И после его ответа учительница задумчиво сказала, что могла бы поставить ему тройку. «Но, — прибавила она, — вы же сами знаете, что то небольшое, что заучили навсегда, сейчас же забудете». «И эти тихие слова учительницы, — рассказывает герой очерка, вдруг легли на внутренний мой разлад с собой: я стремился лишь по совести трудиться, не покладая рук, не занимать чужого места — и чувствовал, что занимаю место-то не свое». И вот на следующее же утро он настоял, чтобы его освободили от занимаемой должности, и пошел работать слесарем на завод «Теплоконтроль». Лишь тогда он окончил и десятилетку, и техникум, показал себя специалистом высокого класса и был приглашен руководить одним из самых отстающих цехов. Цех этот стал передовым, а сам Харисов говорит о себе так: «...после двух лет невероятного напряжения я обрел некоторое душевное равновесие» [5].

С позиций положения о личности как строителе своей системной организации, выстраивающем ее приоритеты и иерархии, важно, что, выбрав свой модус бытия, свое место в мире (в семье, трудовом коллективе, круге друзей, общества), человек начинает осваи-

вать его психологически, знакомиться с порождаемыми этим модусом субъективными отношениями к миру, эмоциональными состояниями, возвышать (а иногда и «уплощать») систему своих индивидуальных ценностей, привыкать к требуемому уровню психологического напряжения и т. д.

Мы не располагаем материалом такой психологической ориентировки применительно к прогрессивно развивающейся личности. Но вот процесс строительства субъектом своей аномальной, алкогольной, личности содержательно раскрыт в исследованиях Б. С. Братуся [3]. Говоря о психологических причинах алкоголизма, он называет в их числе возможности (пусть и иллюзорные) удовлетворения желаний и разрешений конфликтов, которую дает состояние опьянения для длительно пьющего человека, **научившегося** разыгрывать, изживать в этом состоянии свои актуальные проблемы» (выделено нами. — Л. А.) [3, с. 236]. Иными словами, человек сам из своей пока неорганизованной психологической целостности, из субъективности выделяет новые органы, которые, в конце концов, перерождаются в деформированный сложный орган нечеловеческого существования.

Нередко к построению аномальной личностной системы, кроме самого субъекта, подключаются и «соавторы». Способы помощи со стороны других людей в личностном системообразовании, душевной жизни нормально развивающегося субъекта привычны, но они обращают на себя внимание в случаях необычных состояний сознания, порождаемых, например, сильными наркотиками (ЛСД). Эти средства сами по себе не вызывают нужного направления галлюцинаторных образов, и поэтому на Западе появились «тренеры», которые «пошагово руководят своими подопечными» [3, с. 235], истолковывают возникающие необычные состояния и помогают ему сконструировать особый иллюзорный мир, заменяющий мир реальный. В гораздо менее экзотической форме, но ярко высвечивающей некоторые аспекты реально-жизненного творения личностью себя, происходит процесс создания актером социально-психологического облика своего персонажа. Пример этот любопытен тем, что актер при этом как бы актуализирует и достраивает те личности, которые он отверг, не выбрал для себя в своей несценической, реальной жизни, но которые все же в латентной, незавершенной форме живут в нем. Осмысливая свое профессиональное творчество, народный артист СССР Георгий Жженов так говорит о связи собственного «я» со своими персонажами: «Другие люди», мои персонажи — это ведь я сам. Артист ничего сверх того, что есть в нем, выдумать не может. Из этого и следует исходить. Если я в какой-то роли не похож на самого себя,

значит, я извлек на свет божий те начала, которые существовали во мне подспудно, до поры до времени ничем себя не обнаруживая...» [4, с. 3]. Но, разумеется, эти подспудные персонажи — скорее лишь заготовки реальных действующих лиц. Актер выстраивает системные связи их внутренней жизни и поведения: «Работа над ролью длится у актера 24 часа в сутки. Он может заниматься чем-то другим, но подсознательно продолжает свой поиск» [там же]. Сходную, но еще более тяжелую и длительную работу осуществляет человек в реальной жизни, определяя, развивая, возвышая или принижая, «уплощая» свою личность.

Личность на протяжении всей жизни в чем-то меняется, поскольку меняются конкретно-исторические стороны ее развития, адресуемые ей требования, окружающие ее люди. Но трудности ее кардинальной перестройки можно будет понять только после исследования вопроса о пространственно-временных границах системной целостности личности. Сейчас же снова обратимся к анализу личности как субъекта своей системности.

Осуществляя общественное поведение, выполняя социально значимые формы деятельности, центральное место среди которых занимает труд, личность действует под влиянием побуждений, влечений, мотивов. Но значит ли это, что побуждения и мотивы движут личностью, которая как бы одержима ими, или же она возвышается над ними и выступает субъектом своих вожеланий, стремлений и мотиваций? В психологии в продолжение многих десятилетий личность отождествлялась со своей мотивационно-потребностной сферой, и поэтому вопрос о личности как о субъекте, способном подниматься над мотивами своих действий, разрабатывался лишь в очень ограниченном аспекте представителями психоанализа как борьба инстанции «я», «сверх-я» с влечениями «оно». Возможность восстать против требований «сверх-я» предусматривалась, но трактовалась как мятеж влечений против социальных предписаний. Во второй половине XX в. сторонники выделившейся из психоанализа Эгопсихологии начали постулировать существование у Эго не только защитных, но и конструктивных функций, направленных вовне — на совладание с трудностями внешнего мира, и во внутрь — на осуществление синтеза внутреннего мира личности.

В 60-х годах в контексте разработки системного подхода, анализа самоорганизующихся систем и одновременно в результате все более решительного отхода от принципа упрощенного «внешнего» детерминизма в психологии обрели популярность проблемы саморегуляции, самоуправления, высокой значимости для развития системы ее же собственной активности (самодетерминации). Эта про-

блематика и стоящая за ней научная идеология проникла и в психологию личности, сомкнувшись там с принципом диалогичности сознания, который выносит за пределы «self», или «Эго», их несравненную способность относиться к себе, создавать, перестраивать, превосходить себя, властвовать над сложившейся иерархией своих мотивов. И психологи, вводя и психологически расшифровывая определение личности как субъекта мотивации, вспоминают положения С. Л. Рубинштейна о вершущем образовании личности — о его «я». Рубинштейн подчеркивает, что в психическое содержание «я» входит только то, что было глубоко пережито человеком и вошло в «историю его внутренней жизни», то чувство, которое определило его жизнь и деятельность, и та мысль, которой он отдал все свои силы (см. [15, с. 680]). Это содержание в виде интегрированной и обобщенной позиции человек соотносит с объективной логикой жизненных задач, порождая свои мотивы и цели. Очерчивая концепцию личности как субъекта своей психической жизни и поведения, Рубинштейн убеждает: «Гегемония мотивов над задачами имеет место лишь в малозначимой деятельности, да и то "больше в представлении субъекта, чем на самом деле"» (там же, с. 564).

Концептуальный подход Рубинштейна к человеку как рефлексирующему автору построения приоритетов своей мотивации образует в настоящее время в психологии основное направление исследований и мотивов, и воли. На материале спортивной, трудовой (в том числе операторской), учебной деятельности дифференцируются и наполняются конкретным содержанием выводы Рубинштейна о построении субъектом своего мотива: человек «учитывает, оценивает, взвешивает обстоятельства, в которых находится; из отношения к ним и рождается мотив в его конкретной содержательности, необходимой для реального конкретного действия» [там же, с. 564]. Личность строит свою мотивацию, соотнося свои функционально-энергетические возможности с собственными содержательно-смысловыми установками, с системой своих ценностей, с настоятельностью требований социальных ситуаций, с сущим и должным в области нравственности. Высокая эффективность деятельности, поведения, поступка обеспечивается, как правило, их полимотивированностью. Поэтому на производстве, например, создается целая система побуждающих, стимулирующих, направляющих, активизирующих мотивационный потенциал работника воздействий. Но действенность их опирается на интегрирующую активность самого субъекта. Авторская роль самой личности в построении своих волевых действий, волевых усилий психологически проанализирована в оригина-

нальных современных концепциях, развиваемых В. А. Иванниковым и В. К. Калиным [7; 17].

Подчеркивая, что только сама личность может найти единое основание своей системности и выстроить себя как целостность, нельзя абстрагироваться от того факта, что столь суверенно переживаемая личностью потребность в организованной целостности задается человеку обществом, в пространстве которого расположено чувственно-сверхчувственное бытие человека, его субъективность, его жизнь как личности.

Системный подход к личности предполагает и обсуждение вопроса о границах той уникальной системности, которой является личность. Рассмотрение этого вопроса строится как реализация второго значения сформулированного выше тезиса о том, что личность не тождественна системной целостности своей внутрииндивидуальной психической организации. К сожалению, в арсенале системного подхода мы пока не нашли критериев определения границ живой системы. В психологии до сих пор преобладают представления о личности как замкнутой в контуре индивида. Но за последнее время начинают выдвигаться концепции и создаваться концептуальные предпосылки, расширяющие границы бытия личности. Первый вклад в такую трактовку личности внес У. Джеймс, включивший в сферу личности все то, что человек считает своим, т. е. в какой-то мере отождествляет с собой. Современная концепция персонализации [12, 13], строящаяся на гипотезе о том, что у личности имеется фундаментальная потребность быть идеально представленной в других людях, погружаться в пространство их бытия, порывает с традицией ограничения личности индивидуальным органическим контуром, пусть это будет и социальный индивид, находящийся в общественных связях с другими индивидами. Исследования, проводимые представителями экологической психологии, убедительно показывают, что личность персонализирует то физическое и социальное пространство, в котором реализуется ее чувственно-сверхчувственное бытие. Оно выступает как личностное пространство, переживается как продолжение субъективности человека и дифференцируется на качественно различные области, отличающиеся, в частности, по степени персонализованности. Еще Ф. Горбов начал развивать идеи о том, что вокруг человека существует неширокая пространственная зона, вторжение в которую, скажем, руки или даже пальцев другого человека переживается как оскорбительное или неучтивое прикосновение к самой личности. Дальнейшие исследования личностного пространства показали его многозональность: есть допустимая (индивидуально и культурно-исторически обусловленная) зона

рукопожатия, беседы, присутствия постороннего человека и т. д. Иначе говоря, пространство жизнедеятельности личности имеет разную психологическую метрику, которая входит в границы личности. Но пространство — это определенные отношения между объектами — предметами духовной и материальной культуры, явлениями, событиями, людьми. И весь этот мир — мир социальных связей, традиций, норм, мир правовой, демографический, географический, мир семьи, труда, отдыха, быта и т. д. — человек персонализирует так же, как он персонализирует, скажем, свое телесное бытие, — поднимая его над уровнем биологического существования.

Можно было бы сказать, что субъект наделяет различной значимостью — положительной и отрицательной, высокой и низкой, актуальной и потенциальной — разные области предметного и социального мира, «инвестируя», т. е. размещая в нем свои желания и страхи, потребности и побуждения, цели и средства, переживая разные локусы своего жизненного пространства как преграды и ближайшие пути, как источники импульсов к действиям и их запреты, как эмблемы и символы. Но такое выражение, как «субъект наделяет, размещает, закрепляет за» определенной областью своего жизненного мира некоторый смысл, не представляется нам корректным. Не передает сути дела и часто встречающееся в психологии метафорическое выражение: личность как бы «наклеивает свои эмоции и чувства на те или иные предметы, ситуации, на людей». Такого рода выражения имеют в своей основе теорию «чувственных данных», т. е. постулат о существовании между человеком и миром, объективной реальностью особого мира ощущений, восприятий и, прибавим к этому, чувств, которые личность накладывает на вещи и людей.

С нашей же точки зрения, все модальности значимости, все качества побудительности, привлекательности, угрозы существенности и т. д. объективно присущи тем вещам и персонам, с которыми взаимодействует человек. Это взаимодействие и есть жизнь личности как открытой системы, которая втягивает в свои границы все более обширные области мира, находящегося за пределами индивида. Вот это-то взаимодействие и выявляет в окружающем мире реально присущие ему качества красоты, источника радости, духовности, нравственности. Такие качества выявились в предметах живой и неживой природы в результате того, что личность сделала определенные их области «своим иным», «своим качеством», частью своей системной организации, «органом» собственной жизнедеятельности. В силу своей неисчерпаемости окружающий человека мир, особенно мир социальный, человеческий, рукотворный, обладает бесконечной многозначностью, непредзаданностью, невыявленностью.

Субъект, чтобы сделать тот или иной круг вещей и людей частью своей личностной открытой системы, ее «органом», вырабатывает определенные стратегии и тактики «прочтения» этого мира, совладания с ним и трансформации его. Такие же стратегии у него складываются для интерпретации собственных психических состояний, действий и свойств, для «овладения собой» [17]. Но, разумеется, искусство многослойного восприятия, смыслового толкования, постижения значимости и высекание действием неизвестных качеств предметов и персон выступает как «выращивание» в собственной индивидуальной форме исторически складывающегося в обществе искусства толкования жизненных ситуаций, поступков людей и способов совладания с ними и с самим собой.

Но всякая личность в той или иной степени обладает способностью инновационного мысленного и деятельностного «прочтения» содержания культуры и волей к построению хотя бы небольшой сферы действительности в новой, неожиданной плоскости. Неадекватность интерпретации социальной и природной действительности, преобладание в психологической карте мира областей с отрицательной значимостью, узкий диапазон побудителей даже в том, что признано «своим», ограниченность социального восприятия очевидностями, ограниченный набор способов воздействия на мир ведут к формированию неполноценных «органов» личностной системы. И наоборот, широкий диапазон положительно значимого, влекущего, катализирующего, способность усматривать невиданное, пластично менять стратегии действий в соответствии с предвидимой вариативностью развития явлений и способствовать осуществлению определенного варианта, убежденность в возможности создать ранее не существовавшее — все это свидетельство развития «органа» многофункционального, дееспособного, охватывающего обширную персонализированную область того, что было некогда запредельным, чуждым человеку.

«Органы» системной целостности личности интегрируют свойства, качества и связи социального и природного мира так, как они раскрываются через субъективность действующего человека. Но в эту интеграцию входят одновременно развивающиеся характеристики субъективности — «притягательность», «побудительность» явлений соразмерно влечениям, желаниям, «неопределенность», «незнакомость», «неожиданность ситуаций» — чувствам тревожности, любопытства, удивления; красоты вещей — потребности в эстетическом восприятии; изменяемость, преобразуемость, реконструируемость, орудийность — способность создавать, перестраивать, использовать как средства. Бесконечную в потенции открытость личностной системы миру и отражение в переживаниях человека своей идентичнос-

ти с субъективно освоенным им миром трудно передать в научных терминах, да и не каждому художнику удастся воплотить эти высшие (предельные) переживания в словах. Поэтому нельзя не привести одно из самых лучших их описаний, принадлежащее Даниилу Андрееву (сыну Л. Андреева). Рассказывая, как после долгих блужданий по горящим брянским лесам он вышел к небольшой, струящейся под зелеными пещерами ракич речке Неруссе и побывал в ее светлых водах, он продолжает: «И когда луна вступила в круг моего зрения, бесшумно передвигаясь за узорно-узкой листвой развесистых ветвей ракич, начались те часы, которые остаются едва ли не прекраснейшими в моей жизни. Тихо дыша, откинувшись навзничь на охапку сена, я слышал, как Нерусса струится не позади, в нескольких шагах за мной, но как бы сквозь мою собственную душу. Это было первым необычным. Торжественно и бесшумно в поток, струившийся сквозь меня, влилось все, что было на земле, и все, что могло быть на небе. В блаженстве, едва переносимом для человеческого сердца, я чувствовал так, будто стройные сферы, медленно вращаясь, плыли во всемирном хороводе, но сквозь меня, и, все, что я мог помыслить или вообразить, охватывалось ликующим единством. Эти древние леса и прозрачные реки, люди, спящие у костров, и другие люди — народы близких и дальних стран... — действительно все было во мне тою ночью, и я был во всем» [1, с. 9].

В формирующихся органах открытой личностной системы центральное место занимает диалогическая встреча субъекта с другими людьми. Иногда неосознанно, чаще же намеренно человек предпринимает усилия по истолкованию «текста» поведения и духовного мира «значимых других», по превращению их в «свое иное», по включению в контур своей личности. При этом все более глубокое и многокачественное «прочтение» духовно, нравственно богатых людей развивает в человеке новые нравственно-психологические инстанции, укореняющие в превращенной форме нового органа личности бытие избранного круга лиц. Евг. Богат, среди ряда документов, на которых строится его публицистика, приводит письма одной из своих корреспонденток, женщины весьма деятельной и занятой, которая пишет о появившейся у нее привычке за полчаса перед сном сосредоточенно и благодарно думать о людях, одаривших ее «чудом своей личности», бескорыстной добротой. И она почувствовала, что сама постепенно становится мягче, добрее. Иными словами, эти люди стали частью ее личности, их обобщенный духовный облик она сделала органом развития своей нравственной жизни. Пространство психологической организации ее личности, ее поступков не только расширилось, но и качественно изменилось (см. [2, с. 347—352]).

Нередко, особенно в ответственные моменты своей жизни, люди испытывают потребность экстериоризировать «свое иное», образующее «ядро» личности, в чувственно-сверхчувственной форме. Так, по воспоминаниям директора театра им. Моссовета Льва Лосева, Ф. Раневская, приехав в театр, начинала готовиться к спектаклю таким образом: она садилась за гримировочный столик и принималась расставлять перед собой фотографии близких людей. И лишь после этого, держа подле себя любимого пса Мальчика, она была готова к вхождению в очередную роль [10].

Человек фантастической морской судьбы капитан Евгений Лепке, девять раз тонувший в северных морях во время и после войны, выживший в безнадежных, казалось бы, ситуациях, один на один с ледяной водной стихией, и тем не менее с детства и до настоящего времени пронесший романтическую любовь к морю, всю жизнь не расстается с портретом Д. Лондона и томиком его рассказов. Один из них — «Морской волк» — он выучил наизусть на английском языке. И герои Д. Лондона вошли как центральное функциональное образование в психологическое пространство жизни Е. Лепке, создающее ценностное и энергетическое обеспечение его способности справляться, принимая ее как повседневность, с экстремальностью своей морской судьбы². Все эти примеры показывают, что личностная система человека выходит далеко за пределы его индивидуальной отграниченности от мира. Личность как открытая система может сделать своим функциональным «органом» и социальную общность, и целое общество. От уровня и качества взаимодействия с ценностями культуры, главным среди которых выступают другие люди, зависит степень развитости ансамбля «органов» личности, которыми она опосредствует свое поступательное движение по жизненному пути, всегда содержащему непредсказуемость. Но, подобно тому, как любое новое общество стремится двигаться «в направлении целостности», создавать из элементов ранее существовавших обществ недостающие возникающей социальной системе органы, так и личность как открытая система испытывает неутолимую, в силу своей универсальной природы, потребность в амплификации (А.В. Запорожец), в расширении и обогащении рельефа своих границ, в формировании «органов», усиливающих жизненную компетентность личности.

На этой потребности и должна строиться практика коррекции, перевоспитания, перестройки личности. Трудно, а подчас невозможно непосредственно изменять нежелательные способы поведения,

² См. «Удивительные приключения капитана Лепке». Телевизионный документальный фильм. 28 марта 1989 г.

приверженности, неадекватные способы интерпретации, негативные качества личности, приятельский круг с невысоким нравственным уровнем. Трудность изменить негативные стороны личности путем запретов, наказаний, осуждения заключается, во-первых, в том, что другие ее стороны — «органы», «моменты» — выступают как предпосылки, обеспечение, причины перестраиваемых параметров, что в целостности личности психические особенности индивида сращены с персонализированной, насыщенной значимостью вселенной людей и вещей. Во-вторых, личность вокруг своих границ создает защитную «буферную зону» (В. Г. Асеев, Б. Г. Ананьев). Поэтому для устранения деформаций личности, ее коррекции, обеспечения развития в нужном направлении нужно поставить субъекта в такие условия, которые породили бы у него потребность в создании у себя новых позитивных личностных «органов». Они сами дезинтегрируют, подчинят себе, переместят в позицию антиподов аномальные, асоциальные образования личности.

Каждая личностная система уникальна, но тем не менее по некоторым основаниям она обнаруживает сходство с некоторыми другими. С иными же, наоборот, находится в отношениях ортогональности. Такое сходство и различие позволяет классифицировать личности, строить их типологии. Предлагаются разные критерии для создания личностных типологий. Методология их создания — мало разработанная область психологии личности. Предлагаемая ниже частная методология построения личностной типологии имеет свои исторические корни, но, несмотря на свою перспективность, не получила развития вследствие теоретических трудностей.

Суть идеи заключается в соединении типологического подхода к личности с принципом развития. Предпосылкой возникновения этой идеи явилось предположение, высказанное в выполненной под нашим руководством диссертации Е. Г. Ксенофонтовой, что люди, отличающиеся друг от друга по особенностям «локуса контроля» (внешний или внутренний), стоят на разных уровнях развития. Не правомерно ли в таком случае выдвинуть гипотезу о том, что новообразования, характеризующие основные стадии личностно-психологического развития человека, могут выступать как критерии выделения определенных типов личности.

Как известно, сходные позиции утверждал З. Фрейд. Он соотносил типы характеров со стадиями психосексуального развития индивида и выделял основные черты орального и анального характера людей, развитие которых оказалось фиксированным, задержавшимся на ранних стадиях онтогенеза. Если абстрагироваться от гипертрофии психосексуального развития соответствующих типов характера

и от идеи задержки развития в определенных периодах онтогенеза, то нельзя не оценить перспективность его попытки установить связь типологических особенностей личности с некоторыми периодами развития человека. В трансформированном виде можно дать несколько формулировок гипотезы о возможных соединениях типологического и генетического подхода к личности. Есть основания предполагать, что различные уровни личностно-психологического развития индивида или, имея в виду многомерность, разнопорядковость и гетерохронность этого развития, определенная направленность развития выступают источником формирования типологических особенностей личности. Ограниченность такой формулировки выявляется через неявное утверждение, будто личности, согласно генетической типологии, непременно отличаются друг от друга по уровню своего развития, по личностной зрелости. Анализ эмпирических материалов показывает, что для некоторых случаев этот вывод справедлив. Так, люди, обладающие внутренним локусом контроля, являются более зрелыми как личности, чем имеющие внешний локус контроля. Но так бывает отнюдь не всегда. Поэтому вышеприведенная формулировка должна быть дополнена другой: личностно-психологические новообразования на каждой из стадий развития человека на протяжении его индивидуального жизненного пути выступают в качестве основания формирования определенного типа личности.

Это не означает, что личность останавливается в своем развитии на стадии, определяющей ее типологический склад, хотя и нельзя полностью исключить предположения о некоторых затруднениях в прохождении последующих стадий, если ранее сложившееся социально-психологическое новообразование окажется деформированным. В обоих случаях социальное, социально-психологическое и индивидуально-психологическое развитие личности продолжается, но то стадияльное новообразование, которое заняло центральное место в формирующейся личности, начинает самым существенным образом определять смысловые и функциональные характеристики новообразований и структур последующих стадий. Оно начинает играть доминирующую роль в личностно-психологическом опосредствовании влияния на человека «социальных ситуаций его развития», в интерпретации происходящих событий, в разрешении жизненных противоречий. В то же время ставшее центральным новообразование, возникшее на ранее пройденной стадии, начиная функционировать в системе тех личностных «органов», которые возникли на последующих стадиях и существенной предпосылкой своеобразия которых оно явилось, само трансформируется под их влиянием, насыщается их содержанием, развивается вместе с ними.

Трудность конкретной реализации этих идей заключается в неразработанности стадияльной концепции личностно-психологического формирования человека. Уникальной в этом плане выступает концепция последовательных этапов становления идентичности личности Э. Эриксона. Ценность теории Э. Эриксона заключается в выявлении характерного для каждой стадии или периода становления личности ведущего субъективного отношения человека к миру, к себе и другим людям, к сфере созидания и т. д. Качество этого отношения, согласно Эриксону, зависит от способностей и умений индивида разрешать противоречия, типичные для этапов обретения человеком своей идентичности и индивидуальности. Так, на самой ранней стадии становящаяся личность осуществляет выбор между доверительным отношением к окружающему миру или глобальным отказом ему в доверии. Чувство доверия уже в раннем онтогенезе обуславливает формирование временной перспективы и хорошо подготавливает индивида к успешному прохождению следующей стадии, которая характеризуется формированием автономии и уверенности субъекта в себе в противоположность стыду за себя, сомнению и застенчивости [18]. Не будем продолжать описание последующих стадий, основные их особенности проанализированы в литературе. Важно другое. Изучение автобиографий выдающихся деятелей мировой культуры и воспоминаний современников о них дает основание предполагать, что укоренившиеся в аффективном слое личности ранние стадияльно-специфические стороны ее идентичности, если использовать термин Э. Эриксона, могут оказывать влияние даже на модальность мировоззренческих чувств и на характер творчества потому, предположительно, что на их основании субъект начинает отбирать подтверждающие их события, в соответствии с ними интерпретировать социальную действительность.

В литературе нередко встречается упоминание о том, что Ф. Кафку всю жизнь мучило чувство вины, а его произведения — это спрессованная безысходность, снопоподобная кошмарная беспомощность человека перед чуждым социальным миром. Прямо противоположны психологический облик и эмоционально-мировоззренческая гамма произведений Дюма-отца. Эти примеры даже не иллюстрация сформулированных выше теоретических положений, а, скорее, ассоциация, связанная с ними. Но если есть содержательные исследования в области юридической психологии, показывающие, как, начиная с раннего детства, происходит формирование некоторых личностных типов преступников, то почему бы той же закономерности не мог быть подчинен и жизненный путь правопослушных граждан? Некоторое отступление от научной сухости предыдущей фразы должно лишь

оттенить серьезность и трудоемкость требуемых перспективных психолого-биографических исследований, а главное — разработки концепций многомерного стадийного социально-психологического становления личности на протяжении всего жизненного пути человека.

Остается добавить, что положения о центрации (или фиксации) личности на той или иной стадии формирования, а тем более развития как основания построения системно-генетической типологии относятся лишь к онтогенезу (в широком смысле слова), но не к развитию личности в общественно-историческом процессе. Иначе выдающиеся личности разных эпох оказались бы размещенными на разных уровнях развития. Но, к великому счастью человечества, Платон — это отнюдь не недоразвитый Аристотель, Ньютон — не неудавшийся Эйнштейн, а Бах — не несостоявшийся Бетховен.

Литература

1. Андреев Д. Роза мира: Главы из книги // Кн. обозрение. 1989. № 11.
2. Богат Евг. Ничто человеческое. М., 1985.
3. Братусь Б. С. Аномалии личности. М., 1988.
4. Бремя надежд: Наш собеседник народный артист СССР Георгий Жженов // Правда. 1988. 4 нояб.
5. Все краски бытия: Духовный мир советского человека. М., 1986.
6. Гегель. Собрание сочинений: В 10 т. М., 1959. Т. 4.
7. Иванников В. А. Психологические механизмы волевой регуляции: Автореф. дис. ... д-ра психол. наук. М., 1989.
8. Кант И. Сочинения: В 6 т. М., 1966. Т. 5.
9. Ковальчук М. В. Проблема целостности и теория формирования личности: Автореф. дис. ... канд. психол. наук. М., 1987.
10. Лосев Л. Неповторимая Раневская // Веч. Москва. 1986. 23 авг.
11. Маркс К. Капитал // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 46, ч. 1.
12. Петровский А. В. Петровский В. А. Индивид и его потребность быть личностью // Вопр. философии. 1982. № 3. С. 44—53.
13. Психология развивающейся личности / Под ред. А. В. Петровского. М., 1987.
14. Развитие мышления и умственное воспитание дошкольника / Под ред. Н. Н. Поддъякова, А. Ф. Говорковой. М., 1985.
15. Рубинштейн С. Л. Основы общей психологии. М., 1946.
16. Тихомиров О. К. Структура мыслительной деятельности. М., 1969.
17. Эмоционально-волевая регуляция поведения и деятельности / Под ред. В. К. Калина. М., 1986.
18. Erikson E. H. Identity: youth and crisis. N. Y., 1968.

РАЗДЕЛ ВТОРОЙ

ГЕРОНТОПСИХОЛОГИЯ И ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ ЛИЧНОСТИ

13

ГЛАВА

ЧЕЛОВЕК ПЕРЕД ЛИЦОМ ЖИЗНИ И СМЕРТИ

Наше отечество переживает тяжелые времена. Жизнь наполнена страданиями, горестями, бедами и даже трагедиями, которые трудно пережить. Иногда и сама жизнь кажется невыносимой. Люди даже начинают бояться моментов радости: не последует ли за ними очередное бедствие. В этих условиях долг психолога — помочь людям перенести великие трудности жизни, увидеть жизнеутверждающий смысл в ударах судьбы. Многолетние занятия психологией личности, изучение накопленных в науке биографических материалов и собственный большой жизненный опыт переживания своих невосполнимых потерь и сопереживания горю других людей, а главное — попыток помочь им побуждают представить хотя бы некоторые, частично обобщенные, а частично совсем конкретные свои соображения по поводу самых главных вопросов человеческого существования — вопросов жизни и смерти. Перед нашими соотечественниками — россиянами стоит главный выбор — отыскать смысл жизни и утверждать его всеми возможными способами или уступить смерти, т.е. отчаянию, чувству безысходности, обесцениванию своего бытия. Опыт показывает, что человек в любом состоянии может найти если не радость, то отраду в своей жизни. Жизнь полна неисчерпаемых возможностей добро и светлого, и их можно найти.

Человеческое существование в мире, жизнь и смерть человека — явления вселенского масштаба. Их трудно осмыслить в системе научных понятий. В области философии сформировалась «философия

жизни», но в психологической науке отсутствует такая дисциплина, как «психология жизни». Психологи разрабатывают проблему жизненного пути человека (личности). Но эта метафора отнюдь не передает многомерности движения жизни человека в пространствах его духовного, психического и телесного бытия. Обращаясь снова к метафоре, можно сказать, что огромная область потенциального в душе субъекта, сфера его замыслов, стремлений, намеченных перспектив почти не оставляет следов на протаптываемом им, всегда совместно с другими, жизненном пути.

Уникальность человеческого существования заключается в том, что человек не просто живет, увлекаемый заключенными в нем силами, и прилагает усилия, чтобы выстроить свою жизнь. Он способен относиться, занять оценочную позицию к жизни вообще и к своей в особенности. Он способен распоряжаться ею и даже — что уже совсем нелепо в остальной природе — по своей воле уйти из жизни.

Жизнь человека, его обычная, повседневная жизнь бесконечно изменчива, полна неожиданностей, изобилует моментами, содержащими стимул для творческого поведения и расширения его сознания. Но у большинства людей их цели и разработанные сценарии жизни становятся такими мощными доминантами, что под их влиянием человек воспринимает как незначимое, неинтересное, отесняемое им в бессознательное те преходящие обстоятельства, которые могли бы стать новыми ростками «могучей действительности» его жизни. Чудо неповторимости каждого дня исчезает. Этому чувству противостоит распространенный в нашей жизни шаблон «обыденности», «рутинности» повседневной жизни. А между тем каждый день наполнен мимолетностями неожиданности, которые ускользают от сознания и только гораздо позднее внезапно вспоминаются как ценные моменты прожитой жизни.

Жизнь человека как особая, свойственная ему благодать противопоставляется, как правило, трагедийности смерти. Но есть крупнейшие мыслители, которые считают трагическим и само существование человека, его появление во Вселенной. Особенно ярко такая точка зрения представлена в работах философа и психолога, создателя «гуманистического психоанализа» Эриха Фромма [5]. Он доказывает, что в мире с появлением человека произошел драматический раскол. Рассуждает он следующим образом. Человек — это единственное существо в мире, которое оказалось наделенным разумом и способностью осознания. В результате человек оказался отделенным непроходимой пропастью от всего остального мира природы. У человека нет инстинктов, которые направляли бы его

поведение в тех или иных ситуациях. Он должен сам взять на себя ответственность за всю свою жизнь. Он одинок во Вселенной. Этому учению противостоит иная, оптимистическая, представляющаяся нам более убедительной концепция, определяющая место человека в мире. Эта концепция принадлежит С.Л. Рубинштейну [2]. По его мнению, с появлением человека на новый уровень развития поднимаются все нижележащие уровни бытия. В их структуре начинают проявляться совершенно новые свойства, которые потенциально содержались в природных объектах, но проявились лишь с приходом человека. Таковы красота гор и водопадов, грациозность определенных животных и т.д. Эта концепция развивает идеи, высказываемые в первой трети нашего века некоторыми философами и психологами. Так, Дж. Мид [10], касаясь связи животного и растительного мира, показал, что с появлением животных в растениях выявились совершенно новые качества: съедобность, ядовитость, целебность и т.д. Эти идеи были развиты и обобщены С.Л. Рубинштейном в его положении о том, что с появлением каждого нового уровня бытия в новом качестве выступают свойства всех предшествующих уровней. Заключение С.Л. Рубинштейна о такой связи человека и природы, о наличии природного начала в человеке не преуменьшает, но, наоборот, подчеркивает ответственность человека за такое выстраивание своей жизни, которое бы наиболее полно и глубоко выявляло новые свойства не только предшествующих уровней, но и качества, потенциально присущие своему уровню бытия, нравственность, духовность взаимоотношений людей, их постоянное развитие.

Жизнь человека, не будучи трагедией существа, оторванного от всего остального мира, тем не менее уникальна по насыщенности мощными, прямо противоположными по своему знаку, чувствами. Жизнь — источник самых ярких положительных чувств, но по временам она переживается как драма и даже как проклятие. Жизнь всегда сложна, противоречива, во многом непредсказуема. И перед лицом жизненных ситуаций, проблем, испытаний человек должен сделать выбор: противостоять ли угрожающим обстоятельствам, внести в жизнь определенность — или любыми путями уклоняться от тяжелых переживаний, уйти от трудных ситуаций, нередко жертвуя своими духовными ценностями. В последнем случае жизнь человека как личности опускается на более низкий уровень, который тяготеет к полюсу небытия, ибо только небытие полностью избавляет человека от опасностей и страданий. Но есть основания предполагать, что в природе человека заложено стремление к переживанию всей полноты жизни, даже выражающейся в мучительных

переживаниях. Года два тому назад я увидела фрагмент телепередачи, посвященной отношению людей к собственной смерти и предшествующим ей страданиям. В числе вопросов был и такой — какую бы смерть люди себе пожелали. Я испытала некоторое потрясение, когда одна из опрашиваемых ответила, что хотела бы умереть от рака: «не всем ведь приходится испытывать такое состояние». Другая же женщина на предположение корреспондентки, что лучше всего мгновенно погибнуть, например, в автокатастрофе, решительно заявила, что хотела бы умереть естественной смертью, «потому что я хочу подловить этот самый момент». Такова тяга людей к многообразию переживаний.

Итак, вся жизнь человека выступает как развернутая во времени система выборов. В основе этой системы лежит базальный выбор — между жизнью и смертью. По данным психотерапевтов, в ситуацию такого «выбора» попадают уже новорожденные дети. Конечно, о выборе в этом случае можно говорить лишь в переносном смысле слова. Речь идет о балансе элементарных переживаний ребенка, попавшего из спокойного, защищенного телом матери мира в совершенно иной мир, привлекательный и пугающий своей новизной. И от того, как примет младенца незнакомый ему мир, олицетворяемый, прежде всего, матерью, во многом зависит, возобладает ли у ребенка стремление жить или желание уйти в небытие. Горячо и нежно любящая мать быстро овладевает искусством любовного отношения к своему малышу. У нее развивается способность распознавать едва заметные признаки назревающей у новорожденного той или иной потребности, возникающего чувства дискомфорта. И она приходит ему на помощь прежде, чем неприятные ощущения достигнут своего апогея и вызовут у ребенка панические крики. В свою очередь, сам младенец, как существо, полностью зависимое от воли окружающих, повышено чувствителен к их поведению. Особенно сензитивен, восприимчив он к действиям, которые могут быть восприняты как отвержение его, недоверие, обесценивание. Об этом свидетельствуют случаи из практики детской психотерапии. Так Э. Эриксон [7] описывает ситуацию, когда к нему принесли маленькую девочку, которая не могла действовать ручками. Ее пальчики были постоянно растопырены и неподвижны. Она не прикасалась ими к вещам и не могла ничего схватить. Оказалось, что вскоре после рождения этой девчужки у ее матери начался туберкулезный процесс. Малышку лишь подносили к маме, но когда ручки ребенка тянулись к ее лицу или груди, их тотчас же отводили. Мир выразил недоверие пальцам девочки, и она их отвергла. Эриксон посоветовал выздоровевшей к этому времени матери

ласкать каждый пальчик, говорить, какой он милый и любимый... Терапия шла очень медленно. Только в возрасте семи лет девочку попытались научить игре на пианино, но успехи оказались очень незначительными.

В то же время существуют исследования, показывающие, что любящая и понимающая своего ребенка мать, умеющая передать ребенку, выражаясь словами Эриксона, «почти соматическим образом переживания доверия к миру» и чувство значимости самого себя как заслуживающего любви существа, может сделать счастливой жизнь малыша, даже сильно обделенного судьбой. Огромное впечатление производит описание жизненного пути Лео Бауэрмана в книге S.Worchel, G.Goethals [12]. Лео родился деформированным ребенком. Ножки-былинки почти не действовали, слабыми были и тонкие ручки. Кроме того, он был глухим. К периоду взрослости Лео достиг роста 3-летнего ребенка. Однако мать с самого его рождения горячо любила своего сына. Она постоянно носила его на руках, гуляла с ним по саду вокруг дома, показывала все вокруг, общалась с помощью знаков. Она показала Лео буквы, и тот, быстро научившись читать, не мог утолить жажду знаний. Самое интересное он перепечатывал на машинке. К тому же у мальчика оказались «золотые руки»: он научился чинить часы и пополнял скромный бюджет маленькой семьи. Вскоре мать Лео умерла, но он отказался переселиться в приют. Крошка-юноша смастерил низкую тележку с лотком впереди. На лотке он разместил разные письменные принадлежности и, поворачивая колеса руками, поехал торговать своим нехитрым товаром. Такое передвижение стоило ему, однако, огромных трудов. Тогда он извлек из сарая старый маленький трактор, отремонтировал его, сделал систему тросов, по которым мог забираться в кабину, и отправлялся на работу. Он всегда был в хорошем настроении, охотно общался с людьми при помощи пишущей машинки и «высказывал» удовлетворение своей жизнью. Под влиянием материнской любви Лео сразу и бесповоротно выбрал жизнь. Каждому человеку на протяжении жизни приходится делать много экзистенциальных, то есть касающихся самой сущности своего существования выборов. Дело в том, что вся жизнь человека представляет собой цепь переходов из одного жизненного мира в другой. Он попадает в новые системы социально-психологических связей, в непривычные обстоятельства, из материала которых он должен создать свой новый уникальный жизненный мир и овладеть новыми способами жизни. И в каждом периоде своей индивидуальной истории он должен подтвердить или отвергнуть собственный выбор в пользу жизни. Исход такого выбора самым существенным

образом во все периоды жизни, особенно в эпоху подростничества и юности, зависит от качества отношения к развивающемуся человеку значимых для него людей. Казалось бы, что факты реализации человеком себя в разных жизненных мирах, возможность прожить за одну природную жизнь много разных в психологическом смысле жизней, должны сформировать у него впечатление своей долгой, долгой жизни. Но парадоксальным образом, чем дольше длится жизнь человека, тем явственнее выступает у него чувство ее кратковременности, выражающееся в словах «жизнь пролетела как один миг». Каковы же истоки такой широко распространенной иллюзии?

Данные психологической науки позволяют выделить несколько условий ее возникновения. Первое из них — отнюдь не самое главное — это действительная непродолжительность существования человека в каждом из сменяющих друг друга жизненных миров. И это ощущение кратковременности новых отрезков жизни постепенно упрочивается и обобщается. Гораздо более существенной причиной иллюзии является раскрытая Пьером Жанэ особенность человеческой памяти. Человек, вспоминая о тех или иных периодах своей жизни, о различных ситуациях и событиях, не воспроизводит их во всей полноте, но, благодаря способности к речи, как бы составляет о них сжатое повествование. Еще одним истоком переживания скоротечности жизни выступает выявленная психологами потребность человека, особенно обостряющаяся в более поздние годы, интегрировать все стадии своей личной истории, понять смысл своей жизни. Естественно, что интеграция представляет собой обобщение очень высокого уровня, предельно сжимающее, «скручивающее» прожитую жизнь. Конечно, для того, чтобы осуществить интеграцию жизни, нужно осмыслить, истолковать, переоценить свое поведение в разных обстоятельствах, выработать отношение к нерешенным проблемам. Можно предполагать, что «болтливость», свойственная многим пожилым людям, их стремление обстоятельно и детально рассказывать о разных эпизодах своего прошлого, являются одновременно попыткой как бы «растянуть» свою жизнь, особенно лично значимые ее моменты, и в то же время способом ее переинтерпретации, подтверждаемой или отвергаемой слушателями, а также и самим рассказчиком. При этом некоторые жизненные задачи, ситуации сделанного (или не сделанного) выбора могут тревожить человека до последних мгновений.

В многообразном опыте жизни самыми болезненными моментами для человека являются встречи с трагедией смерти, с уходом из

жизни дорогих для него людей. Мысли о собственной смерти редко мучают людей. Хорошо известна еще одна, широко распространенная иллюзия — собственного бессмертия, которая покоится на самом надежном фундаменте — чувстве, переживании. Это чувство — одно из оснований жизни. Чем более полнокровна, насыщена, креативна жизнь людей, тем меньше тревоги они испытывают при мысли о ее конечности. Карл Роджерс, выдающийся представитель гуманистического направления в психологии, до конца своей долгой жизни с упоением отдавался научному творчеству, практике психотерапии. В возрасте около 80-ти лет он написал психологическую автобиографию [11]. Он рассказывает, что в детстве был хрупким и болезненным мальчиком. Гадалка предсказала, что Карл умрет молодым — ему будет не более 35 лет. И описывая свою напряженную творческую жизнь, Роджерс пишет, что он никогда не чувствовал себя старше 35-ти лет. В поздние годы у него даже появилось стремление к рискованным предприятиям и путешествиям. Свою автобиографию Роджерс заканчивает парадоксальными словами: «Гадалка права, я умру молодым!». И действительно он погиб в автокатастрофе, с ощущением молодости и окрыленности новыми планами. А в некрологе писали, что он прожил 85 лет! Для большинства людей не их собственная смерть, но потеря дорогих, любимых людей является самым горестным событием в жизни. И это понятно. Ведь отношения любви сильно расширяют и обогащают жизнь человека. Любящий начинает жить в пространстве жизни любимого. Присутствие любимого, общение с его уникальностью выявляет в личности любящего такие прекрасные черты, о существовании которых другие люди и не подозревают. Смерть дорогого человека суживает, обедняет, ограничивает жизнь любящего, он теряет часть себя. Мысль о близкой смерти или сам факт смерти любимого переживается как нечто противоестественное, как то, что не может уложиться в сознании личности. В психологии описан произвольно действующий психологический механизм защиты душевной жизни от невыносимых трагических переживаний. Этот механизм называется «отрицанием» [1]. Его действие особенно отчетливо проявляется при столкновении с ситуацией ужасной гибели людей, потери самого дорогого человека. Эта форма психологической защиты является проявлением деформации смысловой сферы личности, ложной интерпретации трагической действительности. Иногда кажется, что субъект на когнитивном уровне отдает себе отчет в свершившемся факте, притупились лишь его чувства. Но знание, лишенное эмоционально-аффективной составляющей, это частичное, искаженное, обесцененное знание, вызывающее неадекватное поведение. По существу происходит лишь частичное понимание трагического

факта. Вот конкретизация этого положения. Отец, бесконечно любивший своего сына, услышал приговор врача: «... ваш сын неизлечимо болен, ему осталось совсем немного жить». Но отец не впал в отчаяние, он начал советоваться со знакомыми, как лучше подготовить сына к поступлению в колледж. Свою позицию он мотивировал так: «... врач прав, мой сын неизлечимо болен, но больному юноше тем более нужно учиться, знания всегда пригодятся». Таким образом, в приговоре врача отец выделил лишь один фрагмент, к которому и свел все услышанное. Мне самой приходилось встречать людей, странным образом реагировавших на потерю своих боготворимых родных. Эти люди выглядели почти счастливыми и с пафосом говорили, что теперь их брат, отец, друг надежно укрыт от преследований, издевательств, инсинуаций врагов. Действие «отрицания» прослежено у людей, направленных в качестве наблюдателей в Хиросиму, когда там взорвалась атомная бомба [8; 9]. По возвращении эти наблюдатели бесстрастно сообщали о таких ужасах, от которых у слушателей стыла кровь. Можно предполагать, что они бессознательно деформировали, затушевывали, корректировали ту страшную картину, которая стояла у них перед глазами, но была несовместима с человеческим существованием.

Психологи трактуют период отрицания как время дробления ситуации, которая может разрушить сознание человека, на мелкие фрагменты, которые постепенно осваиваются личностью и наконец интегрируются в целостный, адекватный обстоятельствам образ. Но что же следует за периодом отрицания? Очень часто человек, переосмысливая разные аспекты трагического события, начинает соотносить их с трагическими ситуациями, пережитыми другими людьми, он вписывает свое горе в структуру жизненных катастроф других людей, и этот прием социального сравнения значительно облегчает его индивидуальные переживания. Но бывает и так, что, осознав всю полноту своей невозвратной потери, человек впадает в состояние депрессии и, чтобы избавиться от своих мук, принимает решение добровольно уйти из жизни.

Какими же обстоятельствами определяются особенности поведения и переживаний людей перед лицом смерти близких? Таких обстоятельств много, но наблюдения и изучение материалов на эту тему убеждает в том, что отношения к смерти верующих качественно отличаются от позиций людей, не обретших веру в Бога. Первые уверены, что человек умирает только телесно, но его душа бессмертна и ей уготована встреча с душами тех людей, которые раньше покинули этот мир. Верующие, конечно, горюют, что не смогут прожить до конца свою земную жизнь рядом с дорогим человеком,

но не впадают в отчаяние из-за временной разлуки. И такую позицию занимают ведущие активную общественную жизнь крупные государственные деятели, известные ученые, молодые люди.

Недавно в одной из газет [6] было опубликовано интервью с широко известным не только в нашей стране, но и за рубежом 35-летним президентом Калмыкии Кирсаном Илюмжиновым. На вопрос корреспондентки: «Что такое, по-вашему, быть фаталистом?» — президент ответил: «Я верю в Бога и судьбу. Спокойно отношусь к потере людей, когда они уходят из жизни, это означает, что мы встретимся на том свете» [6, с. 10]. Я много раз была свидетельницей того, как люди в самые тяжелые минуты руководствовались принципом «все в воле Божьей», «Бог его (ее) дал, Бог и взял». В моей памяти живет воспоминание об одном вечере, проведенном в доме широко известного в своей области ученого Х., с которым меня связывали дружеские отношения. По праздникам он собирал близких ему людей. И вот на одном из таких вечеров кто-то ненароком упомянул о смерти от рака старшего сына хозяина дома. Я оцепенела, ожидая взрыва отчаяния бедного отца, но Х., отрешенно глядя перед собой, только сказал: «Ведь Бог его мне дал, Бог его и взял». Передо мной оказался глубоко верующий человек. Религия запрещает впасть в грех уныния, отчаяния и тем самым помогает человеку собрать все свои душевные силы в горькие минуты жизни. А что же делать, как помочь страдающему человеку, если ему чужда религия? Распространенные слова утешения, такие как «все люди смертны», или «но ведь и у вас такая же судьба», никогда еще и никому не приносили утешения. Особенно обескураживают и усиливают страдания слова, обычно произносимые в поддержку: «Что же делать, ничего не поделаешь». Они усиливают горечь переживаний непоправимости, необратимости случившегося. В скорбных ситуациях человек страстно, хотя, как правило, неосознанно хочет понять или найти смысл своей собственной дальнейшей жизни, смысл случившейся трагедии. Хорошо, если у матери, потерявшей сына или дочь, есть еще дети: она должна жить ради них. А если у одинокой матери война отняла единственного сына? Может ли пожилой супруг понять потерю своей жены, с которой он прожил долгую счастливую жизнь, иначе, чем ужасный удар судьбы, делающий бессмысленным и ненужным его собственное существование? В работах многих философов, писателей, публицистов говорится, что человек должен и может «подняться над своим горем». Но как это сделать? Какая психологическая реальность стоит за этой метафорой? Применительно к указанному типу жизненной трагедии способ выстоять перед горем — это осмыслить свою жизнь как продолжение жизни дорогого человека в форме не только образов и чувств, но и сохраняющихся

ощущений от его прикосновений, чувств, возникавших в его присутствии. Мысленные беседы с ним, рассказы о своих неудачах, обидах и успехах упрочивают переживание непрерывающейся связи с ним. Описание разных форм моего общения со страдающими людьми дополнит представления о возможной помощи им. Вот несколько историй.

С детства в небольшой круг моих подружек входила одна милая, хорошо воспитанная девочка — назову ее Мартой — единственная дочь в семье. Шли годы, отец ее умер, не стало и родственников, а у дочери обнаружилось заболевание сердца. Она училась, работала, но состояние ее сердца ухудшалось. И вот, не достигнув 50-ти лет, Марта, помучившись несколько дней, умерла. О горе матери трудно говорить. Она даже не хотела слышать слово сочувствия. Но я все-таки подошла и сказала: «Для Марты ведь было счастьем, что в последние дни жизни к ней прикасались не равнодушные, а любящие руки и она видела нежные, ласковые ваши глаза. Как было бы ужасно, если бы вы ушли первой». И мать ответила «Да, в этом есть некоторое утешение». В другой раз она сама подошла ко мне и сказала, что очень хочет поскорее умереть. Но я тотчас возразила: «Вы мать — ваш долг все вытерпеть. И вы должны беречь себя, без вас некому будет ухаживать за ее могилкой». И после этого я неоднократно видела, как старая женщина даже зимой медленно гуляла по улице. Позднее об очень похожем случае я прочитала в книге В. Франкла — создателя логотерапии, лечения смыслом [3]. Франкл описывает ситуацию, когда к нему пришел глубоко подавленный горем пожилой человек, рассказавший о смерти нежно любимой жены. Он описал ее как хрупкую, нежную женщину, для которой он был надежной опорой. Теперь жизнь его потеряла смысл, и он решился на самоубийство. Франкл не утешал его, он только спросил, что было бы, если бы сначала умер он, а в живых осталась жена. «О, — воскликнул старик, — это было бы величайшей трагедией». И, не сказав более ни слова, он крепко пожал руку терапевта и твердыми шагами вышел из приемной. Он понял, что судьба возложила на его плечи те страдания, которые были бы источником невыносимых мук его жены. Он сильнее и он должен нести то бремя, которое иначе досталось бы его жене. А как же можно наполнить смыслом жизнь родителей, потерявших детей? Страдающие люди нередко сами находят приемы, облегчающие их переживания и как бы продолжающие жизнь исчезнувших близких. Люди трепетно заботятся о местах их последнего упокоения, при посещении могил рассказывают о происходящем. Многие превращают комнату или уголок любимых в своеобразный мемориал, даже музей, представляющий этапы жизни утраченного. Иногда помогают советы подготовить жиз-

неописание любимого человека, припомнить не только важные события, но и мелкие эпизоды из его жизни и рассказывать о них другим. Но каждый трагический случай уникален и соответственно попытки помощи должны отвечать его своеобразию.

Мне пришлось на протяжении нескольких лет письменно общаться с ученым, человеком целеустремленным, волевым и жизнерадостным. Общались мы по поводу профессиональных проблем. Но вот однажды пришло от него скорбное письмо, в котором Н. сообщал о неожиданной смерти своей любимой жены. Была она на 15 лет моложе его, отличалась хорошим здоровьем. Ее уважали и любили за спокойный характер, за доброжелательность. В последующих письмах Н. писал, что горе его все более возрастает. Я советовала ему посвятить себя заботам о ее памяти, ездить к ней на могилу, мысленно беседовать и т.д. Но на мои обращения он отвечал, что память о ней будут хранить их сыновья, его же жизнь потеряла всякий смысл и мучения его невыносимы. В одном из писем я получила фотографию красивой женщины — жены Н. — и подробное описание ее характера. Конечно, это был способ расширить и продолжить ее жизнь. Я приняла это за добрый знак. Но в следующем послании Н. сообщил о своем твердом решении уйти из жизни и тепло попрощался со мной. В ответ я тотчас написала, что, убив себя, он еще раз убьет и свою любимую: ведь только он один хранит воспоминания о ней как молоденькой девушке, о юной своей жене, об их последующей дружной жизни. Ведь сыновья будут помнить ее только как мать. Ответ Н. пришел очень скоро: по его словам, такие мысли не приходили ему в голову, но они справедливы, и он теперь не может, как пишет Н., «убить образ своей любимой». Горе и сейчас продолжает мучить Н. И все же в самом последнем письме он сообщает о своем твердом решении — умереть естественной смертью.

В заключение скажу: люди, берегите себя. В вашей душевной жизни находит продолжение жизнь множества людей, окончивших свой земной путь. Они живут в форме ваших воспоминаний, образов, мыслей, чувств, способов поведения. Делайте же в самых трудных и даже трагических ситуациях выбор в пользу жизни.

Литература

1. Анцыферова Л.И. Личность в тяжелых жизненных условиях: переосмысление, преобразование ситуаций и психологическая защита // Психологический журнал. 1994. Т. 15. № 1.
2. Рубинштейн С.А. Бытие и сознание. М.: Наука. 1957.
3. Франкл В. Человек в поисках смысла. М.: Прогресс. 1990.

5. Фромм Э. Человеческая ситуация. М.: Смысл. 1995.
6. Щербаненко Н. О пользе короткого сна (Интервью с президентом Калмыкии Кирсаном Илюмжиновым) // Общая газета. 1997. № 24 (203).
7. Erikson E.H. *Childhood and Society*. Penguin Books. 1967.
8. Lazarus R.S. Positive denial: the case for not facing reality // *Psychology Today*. 1987. November.
9. Lifton R.J. *Death in the Survivors of Hiroshima*. N.Y.: Simon and Schuster. 1967.
10. Mead G.H. *Mind, Self and Society*. Chi. 1934.
11. Rogers C.R. Growing old or older and growing // *Journal of Humanistic Psychology*. 1980. V. 20. № 4.
12. Worchel S., Goethals G.R. *Adjustment: Pathways to Personal Growth*, 2nd ed. Prentice Hall, Englewood Cliffs. New Jersey, London, Toronto etc. 1989.

14

ГЛАВА

ПОЗДНИЙ ПЕРИОД ЖИЗНИ ЧЕЛОВЕКА: ТИПЫ СТАРЕНИЯ И ВОЗМОЖНОСТИ ПОСТУПАТЕЛЬНОГО РАЗВИТИЯ ЛИЧНОСТИ

В настоящее время в высокоразвитых странах возросла продолжительность жизни людей, удлинился период старости, который занимает около трех десятилетий. Однако в психологической науке этот период изучен несравненно меньше, чем первая треть жизни человека. И все же за последние два десятилетия психологи создали ряд концепций старости, собрали значительный материал, выявляющий характеристики психологического облика людей в возрасте от 60 до 90 лет и более. Исследователи проводят полевые эксперименты, лонгитюды, применяют психобиографические методы. Ведется разработка периодизации поздних лет жизни. Одни психологи выделяют этапы ранней (от 60—65 до 75 лет) и поздней старости (от 75 лет и далее). Другие называют поздней зрелостью 60—75 лет, расчлняя период зрелости на раннюю, среднюю и позднюю. В таком случае старыми называются люди, находящиеся за пределами 75-летнего возраста. Однако те или иные этапы поздней жизни не приурочены жестко к возрастным рамкам. У одних людей этап поздней зрелости продолжается до 90 и более лет. У других уже в 70 лет появляются признаки психологического одряхления.

В данной статье мы предполагаем исследовать период поздней зрелости. Начнем анализ с обозначения своих методологических позиций, а они таковы. Любой период жизни человека, особенно время поздней зрелости и старости, следует рассматривать в контексте целостного жизненного пути индивида. Психологи не располагают материалами, которые охватывали бы весь жизнен-

ный путь человека. Но психобиографические методы, повествования субъектов о лично значимых для них событиях, исследование степени согласованности внешнего рисунка жизни с ее оценкой самим человеком и хорошо знавшими его людьми помогают выявить те особенности жизненного пути индивида, которые повлияли на процесс его психологического старения.

В свою очередь жизненный путь — это индивидуализированное преломление личностью движения социально-исторической действительности. Принцип социальной обусловленности жизни человека получает развитие в работах многих крупных представителей мировой психологической науки — Э. Фромма, Х. Томе, Э. Эриксона и др. В. Франкл пишет: «Человеческое существование принимает форму исторического бытия, которое... всегда включено в историческое пространство... и неотделимо от системы законов и отношений, лежащих в основе этого пространства» [4, с. 158]. Этот принцип направлен на выявление представленности в душевной жизни личности социально-исторических событий, периодов ломки общественных отношений. Силу социальных воздействий никак нельзя недооценивать, и все же человек способен быть свободным по отношению к своей исторически преходящей действительности, к давлению общества, его шаблонам. Возможность человека быть свободным заключается в том, что его потенции выходят далеко за пределы того, что общество реализует на данном этапе своего развития. Выступая как личность, как индивидуальность, человек привносит свою уникальность в социальные ситуации и события, наполняет высокой значимостью одни фрагменты мира и обрекает на психологическое небытие другие. «Упорство духа, — пишет В. Франкл, — дает человеку возможность утвердить себя в своей человечности наперекор телесно-психологическим состояниям, ... но человек утверждает себя также благодаря влечениям, среде, наследственности» (там же, с. 111).

Положение о значимости субъективного отношения человека к социальным воздействиям, стереотипам и шаблонам обретает особый смысл применительно к анализу жизни людей в поздние годы. Результаты эмпирических исследований показывают, что многие характерные черты пожилых обусловлены распространенными в обществе негативными стереотипами стариков как людей бесполезных, интеллектуально деградирующих, беспомощных. И многие пожилые интериоризируют эти стереотипы, снижают собственную самооценку, боятся своим поведением подтвердить отрицательные шаблоны. Так, 90-летняя женщина, еще достаточно крепкая и хорошо справляющаяся с домашними делами, наотрез отказывалась вы-

ходить на улицу, мотивируя свое поведение боязнью упасть. Беседа с ней, психолог выяснил, что она отнюдь не страшится ушибов или травм. Ее пугает перспектива очутиться «внизу», у ног прохожих, услышать обидные реплики... Такая ситуация переживалась ею как «социальное падение». Иные «техники» жизни используют люди, сохранившие и в старости «упорство духа». Субъекты своей жизни живут по собственным меркам. Заметив у себя нежелательные изменения, они изобретательно компенсируют их, не снижая самооценки.

Весьма значимыми для психологии развития и психогеронтологии выступают также следующие положения.

В *первом* из них мы пересматриваем широко распространенное среди психологов представление о поступательном развитии личности как об «одноколейном», однонаправленном движении душевной жизни. Новые исследования в области психологии жизненного пути показывают, что личностное развитие представляет собой двухколейный процесс, включающий перемещение субъекта в плоскости сознания и даже поведения назад, к своему прошлому, с последующим возобновлением поступательного движения. Подчеркнем, что в данном контексте движение вспять является не регрессом, а механизмом обогащения личности латентными новообразованиями пройденных стадий, которые оцениваются и переосмысливаются ею с позиций актуального настоящего. Формулируя это положение в 1988 г. [1], я опиралась на работы философов, еще не располагая эмпирическим материалом для его конкретизации. Работы Э. Эриксона (E. Ericson) и исследования в области психогеронтологии позволяют теперь выделить разные формы и функции возвращения человека в свое прошлое. Эриксон впервые обратил внимание на этот психологический феномен еще в 1951 г. Тогда в качестве главного новообразования заключительной стадии жизни он выделил особую активность человека по интеграции пройденных им стадий жизненного пути. Личность, успешно решившая задачу интегрирования, аккумулирует, согласно Эриксону, достижения и энергетический потенциал пройденных этапов жизни, переживая чувство удовлетворения.

Второе положение своими истоками восходит к работам Х. Вернера. Изучая развитие восприятия, он пришел к выводу о том, что существуют две его разные формы, которые развиваются параллельно, не оказывая одна на другую заметного влияния. Первая форма — физиогномическое восприятие, схватывающее характерность ситуации или человеческого лица без выделения частей воспринимаемого. Вторая форма — аналитико-синтетическое восприятие,

возникающее несколько позднее, но не преобразовывающее физиогномическую перцепцию. Работы К. Джиллиген (С. Gilligan) — сотрудницы Л. Колберга — дают основание ряду психологов выдвинуть предположение о том, что нравственная сфера человека развивается одновременно по двум направлениям. Исследования Джиллиген показали, что нравственное сознание мальчиков ориентировано на логику, справедливость, социальную организацию. У девочек моральное развитие идет по линии усиления сочувствия, заботы о людях и гуманизации межличностных отношений. Есть основания согласиться с мнением некоторых психологов о том, что у обоих полов происходит одновременное развитие этих двух форм нравственности. Однако у мужчин более развитым и глубже вписанным в мужской характер оказывается логически-когнитивный тип морали, а у женщин — эмоционально-эмпатический. По мнению У. Крейна (W. Strain), интеграция двух линий развития морали является одной из главных задач личности в поздние годы [6].

Обозначим, наконец, последнее методологическое положение нашего исследования. В отечественной психологии внимание ученых привлек тезис К. Маркса о способности человека к безграничному развитию безотносительно к заданным масштабам. Это положение было конкретизировано на уровне изучения человека, его индивидуального бытия и развития как личности. Новейшие эмпирические материалы позволяют наполнить психологическим содержанием этот принцип, постулировать неисчерпаемость потенций человека, обосновать оптимистический подход к его жизни в поздние годы.

Изложенное выше положение Маркса поддерживают крупные зарубежные психологи. Э. Фромм, опровергая бытующее до сих пор в психологической науке убеждение в том, что развитие человека как личности направлено на достижение им некоторого конечного состояния — «зрелости», «мудрости» и т. п., после которого личность начинает деградировать, пишет: «Человек умирает всегда прежде, чем успевает полностью родиться» [5, с. 92].

Анализ основных теорий старения и старости

Первая теория — с позиций биолого-медицинского подхода психологическая деградация людей в поздние годы, ухудшение их умственных возможностей непосредственно определяются функциональными и органическими поражениями мозга. Против этой концепции выступают многие психогеронтологи. Так, Н. Фейл (N. Feil), видный геронтопсихотерапевт, работающая в интернате для пожи-

лых, показала, что под влиянием разработанных ею методов психотерапии даже у очень старых людей с диагнозом «начальная стадия болезни Альцгеймера» происходят позитивные изменения в сознании и поведении. Она утверждает, что не существует непосредственной связи между степенью поражения мозга человека и его интеллектуальными способностями, приводя слова М. Халперна (M. Halpern), известного медика из Нью-Йорка: «Вы можете рассматривать мозг человека при аутопсии и, обнаружив там самые ужасные повреждения, поражаетесь, как он мог при этом жить, не говоря уже о способности мыслить. Но вот вы получаете историю болезни и узнаете, что у этого человека был острый ум, который у него до самой смерти хорошо функционировал» (цит. по [10, с. 100]). Некорректность прямого соотнесения состояния мозга и психического статуса личности подтверждается многими фактами. Вот один из них.

16 января 1996 г. по радио передавалось интервью с организатором кинофестиваля «Лики любви». На вопрос, какой фильм ему больше всего понравился, он назвал ленту Антониони, сообщив при этом, что режиссеру уже 83 года, он разбит параличом и лишен дара речи. Тем не менее Антониони начинает работать над новым фильмом, который предполагает снимать в Алма-Ате.

Вторая теория старения может быть обозначена как деятельностный подход (action-theoretical approach) к развитию личности. Его представители — Р. Хейвигхерст (R. Havighurst), Г. Кремпен (G. Krempen), Ф. Хейл (F. Neil) и др. Суть этого подхода такова: люди своими действиями изменяют собственное окружение, развивают способность справляться с трудными ситуациями, прокладывают свой жизненный путь. Деятельная жизнь выступает условием поступательного развития личности в поздние годы.

Разумеется, действенное, активное отношение к жизни может создать благоприятные условия для прогрессивного развития личности. Но главный вопрос заключается в том, насколько содержательными и продуктивными окажутся действия человека, насколько личностно значимой будет его деятельность. Если индивид отделяет себя от навязанных ему действий, они не станут основанием его прогрессивного развития.

Представители *третьей теории* старения, соглашаясь с положением о значимости активности личности для благополучного прохождения ею стадий поздней жизни, одним из весьма важных факторов актуализации потенций субъекта считают его способность противостоять распространенным в обществе негативным стереотипам старости. Ранее мы уже выделяли некоторые из таких стереотипов. Психологи описывают и другие отрицательные шаблоны, например,

ложно понимаемая мудрость как отстраненное отношение старого человека к общественной жизни, его «погружение в мысли о вечном» и т. п. «Нужно отбросить вводящий в заблуждение и неблагоприятный социальный стереотип старости, который провозглашает "мудрыми" замыкающиеся в сфере рефлексии, ориентированные на статику пассивные позиции» [16, с. 114 — 115]. На человека, который вышел на пенсию, так и не добившись высокого положения в обществе, демобилизующе действует его убеждение в том, что он прожил «маленькую» жизнь. По мнению Дж. Мичема (J. Meachem), американского психолога, разрабатывающего проблемы, поставленные Эриксоном, такие убеждения — неизбежное порождение капитализма, основой которого является конкуренция, оправдывающая самоутверждение любой ценой [17]. Обсуждая проблему критериев величия человека, Фромм приходит к следующему выводу: «Обыкновенный человек, справляющийся с задачами, которые ставит перед ним положение в обществе и семье, несмотря на свою «маленькую жизнь», более «велик», чем «великий» государственный деятель, чьи безнравственные решения могут нести непоправимое зло» [5, с. 172]. Есть основания предполагать, что раннее появление у развивающегося человека качества автономии, т. е. самостоятельности и независимости, позволяет личности противостоять давлению общества и вырабатывать собственные критерии оценки своей жизни.

Обратимся, наконец, к анализу концепции Эриксона, рассматривающего период старения личности в контексте ее целостного жизненного пути. Эриксон выстраивает последовательность стадий развития личности, характеризующихся особым новообразованием. Каждое из них формируется, согласно его концепции, в процессе разрешения человеком конфликта между двумя противоположными тенденциями, одна из которых способствует поступательному развитию личности, а другая — тормозит его. Эти тенденции в явной или неявной форме включают и определенную черту личности, и отношение человека к миру, своей жизни, себе. В своих более ранних работах в качестве позитивных новообразований личности Эриксон выделяет доверительное отношение индивида к миру и себе, автономию, инициативу, трудолюбие, хорошо организованную идентичность, близость (со значимыми другими), генеративность и интегративность. К негативным характеристикам личности он причисляет недоверчивость, стыд и сомнение, чувство вины, неполноценность, диффузность ролей, изоляцию, стагнацию, отчаяние. В результате такого резкого разведения двух групп личностных свойств в концепции Эриксона оказались представленными два нежизненных психологических типа людей. Один — испы-

тывающий лишь чувства вины, сомнений, одиночества и отчаяния, другой — характеризующийся только положительными качествами, которые в реальной жизни могут оказаться неадаптивными. Встреча доверчивого человека со злом способна породить генерализованную озлобленность. Таким же образом инициатива, не ограниченная нравственными устоями, может привести к попранию интересов других людей и т. д. Практика психотерапии побудила Эриксона пересмотреть ряд положений своей концепции. В последних работах [8] он определяет новообразования каждой стадии как неустойчивый баланс двух противоположных качеств. У личности, благополучно разрешающей нормативные кризисы, баланс нарушается в сторону положительных качеств. При менее благополучном исходе кризисов у человека происходит перевес негативных свойств. Теперь эпигенетические образования каждой стадии Эриксон называет Надеждой, Волей, Намерением, Компетентностью, Верностью, Любовью, Заботой и Мудростью. Каждое из них включает два противоположных качества. В определенных ситуациях одно из них может занять ведущее место.

В данном контексте для нас особый интерес представляет характеристика Эриксоном стадии поздней жизни — интегративности (мудрости). Нельзя не отметить, что в его концепции психологическое содержание периодов второй половины жизни человека раскрыто гораздо слабее, чем более ранних стадий. Задачу стадии интегративности (мудрости) ученый видит в отыскании человеком смысла своей жизни, в интеграции всех пройденных стадий и в обретении им целостности своего «Я». Он, однако, не раскрывает, какими процессами обеспечивается достижение интегрирования личности. Несомненно, решение этой задачи должно опираться на способность человека быть компетентным в построении собственной жизни, организации своего будущего времени, в выработке осуществимых жизненных программ, адекватной оценке социальной действительности и т. д. Но в схеме Эриксона компетентность выступает лишь как трудолюбие, успех в овладении профессией.

Особого обсуждения заслуживает максимальное сближение у Эриксона понятий интегративности и мудрости. С моей точки зрения, стержнем мудрости является духовно-нравственное отношение личности к миру и жизни. Но является ли такое отношение основанием интегративности? В работах Эриксона нет ответа на данный вопрос. Более того, понятие нравственности не фигурирует в его схеме ни в качестве центрального новообразования определенной стадии, ни в форме общей характеристики жизненного пути личности.

Хотелось бы, наконец, подчеркнуть, что стремление интегрировать свое прошлое, настоящее и будущее, понять связи между событиями собственной жизни присуще личности на всех отрезках ее жизненного пути. Но Эриксон прав в том, что в поздние годы потребность выработать целостный взгляд на свою жизнь становится особенно настоятельной. Достоинством его концепции является выделение им условий, способствующих личности эффективно интегрировать свою жизнь. К таковым относятся: успешное разрешение индивидом нормативных кризисов и конфликтов, выработка им адаптивных личностных свойств, умение извлекать полезные уроки из прошлых неудач, способность аккумулировать энергетический потенциал всех пройденных стадий. Теперь-то и обнаруживается полностью вся парадоксальность позиции Эриксона. У личности произошла интеграция позитивных свойств. Каждое из них усилилось за счет связи со всеми остальными. Возрос мотивационный потенциал человека. Он оказался подготовленным к дальнейшему поступательному развитию. Для Эриксона же это — характеристики конечного этапа жизни. Не логичнее ли предположить, что восьмая стадия есть завершение прежних жизненных программ и основание для выработки новой программы и дальнейшего роста личности.

Приводимые далее эмпирические материалы подтверждают это предположение. Как развитие интеллекта не заканчивается по достижении человеком операционального уровня развития мышления, так и продуктивная жизнь личности не завершается стадией интегрированности ее жизненного пути.

Типы старения и определяющие их условия

Анализируя жизнь человека в поздние годы, нужно четко различать его физическое и личностно-психологическое старение. Теряя физические силы, индивид может сохранить способность прогрессивно развиваться как личность. Одним из основных признаков старения является гиперболизированная адаптация субъекта к выработанным им приемам решения жизненных проблем, стратегиям поведения в социальных ситуациях и определенному образу жизни. Очувшившись в новых социально-исторических условиях, такая личность не может заново осмыслить свой путь, дать новую интерпретацию событиям собственной жизни. Успешность, адаптивность старения определяется тем, насколько человек оказывается подготовленным к тем новым задачам, которые характерны для поздних лет жизни, к изменению своего места в обществе,

специфичным для старости трудным ситуациям. Самое общее положение, из которого мы исходим, заключается в следующем. Насколько адаптивной, успешной, продуктивной будет жизнь человека в пору поздней зрелости (и старости), зависит от того, как он строил свой жизненный путь на предшествующих стадиях. В поздние годы человек заостряет внимание не только на присущих ему установках и субъективных отношениях к миру, но и на проявлении ранее скрывааемых личностных свойств и позиций. С этой точки зрения разработка типологии старения может внести вклад в продвижение проблемы целостной типологии личности.

Прежде чем приступить к анализу разных типов старения, выделим те факторы, которые влияют на личность в поздний период ее жизни. Одним из главных факторов, обуславливающих продолжение поступательного развития личности в поздние годы, выступает содержательность, творческий характер способа ее жизни. Справедливо пишет Франкл: «Человек, ведущий плодотворную жизнь, не становится дряхлым стариком, напротив, умственные и эмоциональные качества, развитые им в процессе жизни, сохраняются, хотя физическая сила слабеет» [4, с. 157]. Продуктивный способ жизни опирается на систему малоизученных жизнетворческих дарований личности. Это — способности личности рассматривать жизнь и ее события в разных системах координат; выявлять латентные возможности жизненных ситуаций; воспринимать неожиданность, неопределенность, многозначность обстоятельств жизни как стимул для своего развития и т. п. К жизнетворческим устремлениям личности относится и ее потребность в экспериментировании с общественными нормами, предписаниями, ролями. О важности этой формы активности в построении жизненного пути личности говорит Эриксон, считающий ее ведущей характеристикой человека лишь в период юности, когда молодые люди начинают опробовать себя в различных социальных (точнее — жизненных) ролях. Однако новейшие исследования показывают, что экспериментирование — важнейшая форма активности личности на всех стадиях жизни. Так, Н. Н. Поддъяков, крупный представитель психологии детства, приходит к заключению, что экспериментирование может «претендовать на роль ведущей деятельности в период дошкольного развития ребенка» [3, с. 7]. В своих работах он убедительно раскрывает связь такой опробующей активности с творчеством и инициативой, гибкостью и пластичностью поведения, с накоплением субъектом догадок и предположений, побуждающих его по-новому воспринимать мир. Поэтому перспективным оказывается обобщенный вывод

Н. Н. Поддъякова о том, что «деятельность экспериментирования, взятая во всей полноте и универсальности, является всеобщим способом функционирования психики» [там же, с. 2].

Мы полагаем, что для успешного прохождения личностью периодов и взрослости, и старости особое значение имеет экспериментирование с жизненными ролями. Принимая на себя ту или иную роль, развивающийся человек начинает вести себя в соответствии с ее требованиями. Роль на некоторое время определяет личностный способ его существования.

В случае рассогласования между требованиями роли и возможностями индивида (социальными или психологическими) он начинает опробовать себя в новых ролях. Когда человек самоопределяется, пережитые им разные формы личностного существования не исчезают, а сохраняются в его внутреннем мире в виде «эскизов» виртуальных личностей. Есть основания предполагать, что в поздние годы эти фрагментарные личности помогают субъекту обрести себя в новом качестве и продуктивно изменить свою жизнь. Эта гипотеза особенно касается тех людей, которые в результате выхода на пенсию оказываются в неопределенной, слабоструктурированной ситуации. В этих условиях человек должен сам организовать свое настоящее и будущее, наметить новую жизненную программу. Именно в такие моменты актуализация виртуальных личностей может помочь человеку начать новую деятельную жизнь.

Другое важное условие плодотворной жизни в поздние годы — это интеграция субъектом всех пройденных им стадий, своего прошлого, настоящего и антиципируемого будущего. Предпосылкой интеграции является успешное решение нормативных кризисов, жизненных задач и конфликтов. При этом реальная интеграция прошлого с настоящим происходит в случае, когда личность поднимается над прошлым с позиций настоящего, рассматривает пройденные стадии в системе актуальных отношений и проблем. Тогда она может внести в систему не только достижения, которые были в центре ее сознания, но и опыт, воспринимавшийся в прошлом как малозначимый, а в настоящем обретший новое значение как важный способ достижения целей. Личность способна делать, по выражению А. А. Кроника, позитивные «биографические открытия». Дистанцированная позиция по отношению к пройденному жизненному пути бережет пожилого человека от «поглощения» его своим прошлым. А оно, по наблюдению ряда психологов, как магнит, притягивает к себе настоящее и будущее личности.

Продолжению поступательного развития в поздние годы способствует также спонтанно проявляющаяся у пожилых людей продук-

тивная установка оценивать свою жизнь (как и все происходящее в мире) по критерию успехов, достижений, счастливых моментов. С этих оптимистических позиций поражения и ошибки интерпретируются как тягостные, но необходимые уроки жизни, которые в конце концов ведут к победам. Активное отношение к жизни таких людей обычно имеет в своей основе высокоразвитые чувства автономии и инициативы, что позволяет им противостоять негативным общественным стереотипам старости.

Обратимся теперь к анализу условий, порождающих процесс старения личности, неадаптивный и не обеспечивающий ее дальнейшее развитие. Как правило, его характеристики являются производными неконструктивного способа жизни на более ранних стадиях. Эриксон выделяет две группы стадияльных новообразований, суммирование которых в поздние годы приводит к стагнации, восприятию человеком мира как источника зла, сочетанию самонадеянности с чувством неудачно прожитой жизни. *Первую группу* негативных личностных новообразований ученый называет «неадаптивные тенденции». Она включает плохое сенсорное развитие, своеволие, безжалостность, виртуозность в узкой сфере деятельности, фанатизм, распыление своих сил в необъятном множестве занятий; самонадеянность, не согласующуюся со способностями человека, *вторая группа* — «пагубные, отрицательно влияющие на развитие тенденции». К ней относятся: отстранение от мира; компульсивные действия; привычка тормозить свое поведение; инертность; преобладание стратегий отказа от решения актуальных задач, от использования благоприятных возможностей; недоступность для всего окружающего; отсутствие заботы о новом поколении; презрение к миру. Эмпирические исследования выявляют дополнительные трудности пожилых людей, мешающие им интегрировать свою жизнь. Если их жизнь оказывается наполненной неразрешенными конфликтами, если они предпочитали отказываться от решения насущных задач, то «эффект Зейгарник» заставляет их погружаться в свое прошлое, которое поглощает их настоящее и лишает будущего. Если к этому прибавить узкий круг их ценностей и интересов и напомнить, что речь идет о людях, вышедших на пенсию, то можно заранее предугадать, сколь драматичной станет их жизнь в поздние годы.

Н. Фейл описывает разные непродуктивные приемы, к которым прибегают старые люди, столкнувшись с трудностями в своей поздней жизни.

Так, одна из обитательниц интерната — мисс Уол — проработала несколько десятков лет в канцелярии солидного учреждения. Ра-

бота была основанием ее идентичности. Когда же в возрасте 65 лет женщину отправили на пенсию, она прибегла к механизму полного отрицания трагического для нее события. Целыми днями дома она печатала на машинке какие-то бумаги, подшивала их в папки и была преисполнена уверенности, что работает для фирмы. В 80 лет Уол попала в интернат, но и там продолжала «работать». В сумочке она носила кусочки бумаги — «документы» фирмы, «рассылала» письма клиентам. Эта женщина втянула свое прошлое в настоящее и психологически реконструировала актуальную действительность по образцу минувшего. Так, услышав голоса медсестер, Уол недовольно замечала: «Опять эти девушки из машбюро болтают». По наблюдениям Фейл, обитателей интерната часто мучают неразрешенные в прошлом конфликты с близкими людьми. И в этих случаях их прошлое заполняет настоящее. Старые люди начинают «выяснять отношения» с кем-либо из посетителей. И когда их мнимые обидчики признают свою неправоту, старики с чувством удовлетворения возвращаются в свое настоящее.

Неадаптивным оказывается процесс старения и у тех людей, которые не смогли развить в себе качества автономии и инициативы. Ориентирами в организации собственной жизни для них были указания, требования, мнения окружающих людей. Д. Гутман (D. Gutmann) [12] относит их к пассивно-рецептивному типу. В неструктурированной ситуации отставки они чувствуют себя потерянными, беспомощными и быстро усваивают негативные социальные стереотипы старости. Смирившись со своей участью (выбранной ими же самими), они ищут поддержки, внимания, опеки у окружающих людей. Между тем, по наблюдениям психологов, не все из представителей описанного выше типа действительно не способны самостоятельно строить свою жизнь в поздние годы. Лишившись волею обстоятельств помощи и поддержки, некоторые из них наотрез отказываются переселиться в интернат и начинают сами строить свою жизнь. Поэтому исследователи предполагают, что «старческая позиция» может иногда быть защитным механизмом или приемом снятия с себя ответственности за свою пассивность.

Обратимся теперь к анализу разных типов адаптивного и продуктивного старения. Разумеется, продуктивность субъекта жизни может быть качественно различной в зависимости от уровня его личностного развития, степени одаренности и т. д. Можно выделить следующие критерии типов поступательного развития личности в поздние годы: 1) лишился ли человек работы в эти годы или он продолжает свою профессиональную деятельность, 2) на какие ценности ориентирована его активность в период поздней зрелости. В том

случае, если индивид очутился в ситуации отставки, перед ним встает трудная задача — реализовать свои возможности в новых видах деятельности, нередко требующих изменения образа жизни. Решению этой задачи поможет актуализация тех виртуальных **фрагментарных** личностей (и связанных с ними интересов), которые возникли как результат опробования человеком себя в разных жизненных ролях. Именно с этих позиций можно интерпретировать описания Эриксоном жизни некоторых старых людей.

Так, один из них в ранние годы хотел стать музыкантом и немного занимался музыкой. Однако ему пришлось овладеть иной, более прибыльной профессией. Выйдя на пенсию, он сначала занялся воспитанием внуков, но желание стать музыкантом оказалось настолько велико, что в 80 лет он уже виртуозно играл на саксофоне и даже стал писать песенки. Сходной оказалась судьба двух других пожилых женщин. Одна из них в юности начала заниматься лепкой, другая пробовала себя в живописи. Но семейные обязанности и работа вне дома помешали им осуществить свои желания. Вырастив детей и выйдя на пенсию, обе женщины все же реализовали себя в любимых занятиях.

Идея о том, что продуктивные устремления людей находят свое продолжение и в поздние годы их жизни, лежит в основе личностной типологии Гутмана [12]. Но он при этом выделяет два типа высокой активности и продуктивности жизни. Первый тип он называет «прометеевым» и относит к нему личностей, для которых жизнь — непрерывное сражение. В поздние годы такие люди продолжают сражаться с новыми трудностями, возрастными болезнями. При этом они стремятся не только сохранить, но и расширить субъективное пространство своего жизненного мира. Испытывая в конце концов необходимость в опоре на других, они принимают лишь ту помощь, которая завоевана ими. Другой тип, представители которого тоже отличаются активным отношением к жизни, носит у Гутмана название «продуктивно-автономный». Как в ранние, так и в поздние периоды жизни личности такого типа ориентированы на высокие достижения, успех, который обеспечивается ими многообразными стратегиями. Они самостоятельны, критически относятся к разным социальным стереотипам и общепринятым мнениям.

Было бы, конечно, ошибочным предполагать, что люди, ведущие в поздние годы продуктивную жизнь, не переживали в своем прошлом **разочарований**, не страдали от конфликтов, а в старости им не досаждают болезни и недомогания. Есть, однако, основания утверждать, что у личностей с продуктивным жизненным стилем появляются способности позитивного психологического изменения истории своей жизни. Это положение подтверждается уникаль-

ми материалами, представленными в работах Эриксона [7]. Он проводил психобиографические интервью с людьми почтенного возраста — родителями тех детей, развитие которых изучал Терман в своем известном лонгитюде, начатом еще в 1928 г. Проводившие лонгитюд психологи изучали положение детей в школе и семье, расспрашивая родителей о степени их удовлетворенности своей семейной жизнью, о частоте конфликтов между супругами и т. п. Сравнивая эти рассказы с ретроспективными повествованиями своих собеседников, Эриксон обнаружил во многих случаях поразительное расхождение между прошлыми и настоящими оценками. В рамках лонгитюдных опросов супруги часто жаловались на непонимание, на расхождение мнений по важным вопросам, оценивали свой брак как неудачный, говорили о желании развестись. Беседуя через несколько десятков лет с Эриксоном, эти же люди (иногда вдовы или вдовцы) убежденно говорили, что всю жизнь прожили друг с другом счастливо, «душа в душу», взгляды их удивительно совпадали.

Такие приемы позитивного изменения личностью истории своей жизни отнюдь не являются ее искажением. В их семейной жизни были моменты счастья, радости, взаимопонимания, удовлетворения успехами своих детей. Пожилые люди, начавшие воспринимать споры и конфликты прошлого как досадные мелочи жизни, именно эти моменты и наделили высокой значимостью.

Люди, жизненный путь которых отличается дерзанием, креативностью, успехом, конструктивно относятся и к спутникам старости — ухудшению физического состояния, появлению разных болезней.

В этом отношении весьма показательна позиция известного актера Жана Марэ, когда ему исполнилось 82 года. В беседе с Эльдаром Рязановым, передававшейся по телевидению, Марэ сказал, что он прожил счастливую жизнь, в которой ему всегда и во всем везло. Он сообщил, что никогда не прибегал к помощи каскадеров и самые рискованные трюки проделывал сам. На вопрос Рязанова о его здоровье артист ответил, что болезней, естественно, накопилось достаточно, в частности, оказался поврежденным позвоночник, но это, по его мнению, оправданная плата за долгую счастливую жизнь.

Своеобразно протекает процесс старения у выдающихся творческих личностей, имеющих возможность до глубокой старости продолжать свою креативную жизнь. Во многих случаях жизненный путь таких людей — это сплав счастья и страданий, чередование моментов потери и обретения нового смысла своей жизни. К числу причин, вызывающих у них острое чувство недовольства собой, относятся, в частности, истощенность намеченной ранее жизненной программы; расхождение между масштабностью твор-

ческого дара и весьма неполной его реализацией в результатах деятельности. Один из вариантов жизни на стадии поздней зрелости, захватившей и годы, обычно относимые к периоду старости, представлен в уникальном документе — психологической автобиографии К. Роджерса (C. Rogers) [19]. В ней выдающийся ученый особенно детально анализирует свою жизнь от 65 до 75 лет. Этот анализ — ценный вклад в акмеологию. Описываемое десятилетие характеризуется поразительной продуктивностью научной, научно-организационной, психотерапевтической и педагогической деятельности ученого.

Роджерс выделяет появившиеся в это время крупные личностные новообразования. Среди них — его неудержимое стремление к риску, обусловившее изменение стиля жизни. Свое состояние, предшествовавшее личностному преобразованию, Роджерс описывает почти в тех же выражениях, что и Л. Н. Толстой, переживший кризис на пороге 50 лет. Роджерс получил признание как создатель оригинальной концепции личности и нового направления в психотерапии. Он с успехом читал лекции в разных аудиториях и был уверен, что столь же успешными будут все его последующие выступления и доклады. «И мне, — пишет ученый, — стало скучно... я надоел сам себе». И вот тогда-то и возникла у него потребность в риске, в эмерджентном, по его словам, стиле жизни, склонность к которому он проявлял в свои молодые годы. Роджерс, осознавая, что физически стал слабее, чем раньше, тем не менее предпринимает трудное путешествие по городам Бразилии. Там он читает лекции в самых разных аудиториях, не зная, как они будут приняты, найдут ли понимание. Успех докладов не удовлетворил его. Он решил познакомить слушателей с практикой своей групповой психотерапии. Обычно он работал с небольшими группами, в незнакомой же стране решил испробовать свой метод в группе, включавшей 800 человек. По окончании сеанса его участники с энтузиазмом говорили о своих позитивных переживаниях. Успешно прошли занятия и в других больших группах. Стоит добавить, что через несколько лет, после публикации автобиографии Роджерса в 1980 г., ученый посетил Россию, где он встретил самый теплый прием.

К числу своих личностных новообразований, не перестававших постоянно удивлять его, Роджерс относит высокую чувствительность к адресованным ему «социальным заказам» и готовность за самое короткое время выполнять их. Так, школьный учитель как-то спросил у психолога, почему в списке книг, рекомендованных для юношества, нет работ Роджерса. Ответом на вопрос была книга ученого "Freedom to Learn", написанная так, как если бы все ее час-

ти были уже давно подготовлены к публикации. Под влиянием таких мимоходом высказанных пожеланий Роджерс в период с 1965 по 1975 г. написал еще три книги и множество статей, выходящих за рамки его непосредственных интересов. В другой раз он услышал реплику одного из своих сотрудников о целесообразности преобразования их группы в Центр по изучению личности (Person). Этот проект захватил Роджерса, и Центр скоро стал влиятельной организацией.

Следующее личностное новообразование, выявлению которого Роджерс придает большое научное значение, заключается в высоком уровне развития у него интуитивной сферы личности. Ученый пишет, что еще десять лет тому назад он не смог бы выдвинуть следующее положение, граничащее, по его мнению, с открытием особого обширного психического пространства во внутреннем мире личности: «Человек обладает потенциально доступной ему потрясающе огромной областью интуитивных сил. Существует много доказательств того, что мы гораздо мудрее, чем наш интеллект. Мы узнаем, насколько печален тот факт, что нами до сих пор игнорировались возможности (saracities) нерационального, креативного "метафорического ума": правой половины нашего мозга» [19, с. 12—13].

Есть основания полагать, что все эти личностные новообразования — результат характерной для поздних лет жизни активности человека по интеграции им целостного опыта своей жизни. Самым убедительным доказательством стремления ученого к осмысливанию и интегрированию своей жизни является, разумеется, его психологическая автобиография. Но процессы жизненной интеграции могут в значительной части протекать и на подсознательном уровне. Тем не менее они ведут к существенному расширению сознания, появлению в его фокусе периферических, когнитивно-эмоциональных образований. Успешная интеграция позволяет человеку рассмотреть в системе новых связей собственные идеи. Именно такую потребность отмечает у себя Роджерс. Он выражает согласие с мнением своего друга психоаналитика Пола Бергмана о том, что никакой человек не может на протяжении жизни выдвинуть более одной продуктивной идеи. Но это мнение он дополняет положением о том, что каждая идея и разработанная на ее основе теория заключает в себе множество импликаций. Ученый признается, что сильнейшей мотивацией его работы в описываемый период выступает обнаружение «ответвлений», как он выражается, от своей центральной идеи, выявление ее значения для других наук, извлечение скрытого содержания в творчестве других исследователей.

Таков креативный тип жизни личности в период, называемый поздней зрелостью и старостью. До сих пор мы описывали типы ус-

пешной и содержательной поздней жизни людей, реализующих себя в разной по качеству созидательной деятельности. Но в индивидуально-психологическом и социальном плане может быть более богатой в духовном отношении деятельность старых людей, направленная на утверждение нравственных ценностей в своей повседневной, обыденной жизни. По критерию ориентации на ценности добра, справедливости, истины можно выделить два типа старения людей: 1) реализующих себя путем утверждения нравственных ценностей и 2) не достигших высокого уровня морального развития, часто преступающих в своих действиях нормы нравственности. В работах Эриксона выявлены некоторые условия формирования неполноценных в нравственно-духовном отношении личностей. К этим условиям относятся рано возникающее чувство безжалостности; недоверие к миру и отчуждение от окружающих; неприятие даже близких людей; отсутствие потребности заботиться о других и т. п. Сходный тип людей обнаружил А. Эллис. Обобщенное негативное отношение к миру выражается в характерных для них высказываниях, начинающихся словами: «Я ненавижу», «Я терпеть не могу» и т. п. Интегрируясь в поздние годы, эти позиции становятся преградой для поступательного общения личности: человек относится с недоверием к любой новой информации, а также к ее источнику, он отчуждается от быстро меняющейся социальной действительности. Иногда люди этого типа агрессивны, чаще же замыкаются, окружая себя плотным кольцом психологических защит. Иной строй чувств и субъективных отношений отличает пожилых людей, которые всю свою жизнь строили на основе нравственности.

Вот как описывает жизнь своей 90-летней бабушки психолог Л. Джордж (L. George) [11]. Где бы ни жила эта мягкая и приветливая женщина — на ферме или в городе, — она стремилась помогать людям, быть им опорой и утешением. Ей нередко приходилось совмещать заботу о большой семье с работой вне дома, и тем не менее она находила время для тех, кто нуждался в ее поддержке. На ее долю выпало немало трудностей и горестей. Она потеряла мужа, всех сестер и брата, одну из своих дочерей. Покинули дом остальные дети. Но старая женщина, по словам Джордж, прекрасно адаптировалась к своему одиночеству. Она продолжала помогать людям, заботилась о них, сочувствовала и утешала. Есть все основания полагать, что эта женщина рано нашла свое призвание и следовала ему на протяжении всего жизненного пути. Ею был создан обширный открытый жизненный мир, наполненный отношениями добра и взаимопонимания. И мир этот стал основанием для сохранения у нее даже в преклонном возрасте, как выражается Джордж, «стойкого чувства личного благополучия».

Мы проанализировали несколько типов жизни людей в поздние годы, выделили условия, способствующие и препятствующие поступательному развитию личности и за пределами поздней взрослости. Типы продуктивного старения были выделены нами по критерию преимущественной ориентации на творчество или на реализацию духовно-нравственных отношений. Однако эмпирический материал показывает, что у многих стареющих людей продуктивность интегрируется с нравственно-духовными установками. Гуманистические позиции пронизывают все области жизни К. Роджерса, В. Франкла, Х. Томе [2]. Миссис Джордж не внесла какого-либо вклада в науку или искусство, но ее вклад в жизнь не менее значителен. Она создала атмосферу добра, ласки, помощи и поддержки для благополучной жизни других людей.

В этой главе мы проследили типологию жизни людей, которые счастливо избежали или успешно перенесли «шок отставки». Но старых людей поджидает более тяжкое испытание — переселение в интернат для престарелых. Этому драматическому периоду жизни будет посвящена другая наша работа.

Литература

1. Анцыферова Л. И., Завалишина Д. Н., Рыбалко Е. Ф. Категория развития в психологии // Категории материалистической диалектики в психологии. М.: Наука, 1988.
2. Анцыферова Л. И. Жизненный путь ученого (к 80-летию Х. Томе) // Психол. журн. 1995. Т. 16. № 3. С. 158—164.
3. Подъяков Н. Н. Творчество и саморазвитие детей дошкольного возраста. Концептуальный аспект. Волгоград: Перемена, 1994.
4. Франкл И. Человек в поисках смысла. М.: Прогресс, 1990.
5. Фромм Э. Человек для себя. Минск, 1992.
6. Crain W. Theories of Development. 3d ed. N.Y.: Prentice Hall, 1992.
7. Erikson E. H. Life History and the History Moment. N.Y.: Norton, 1975.
8. Erikson E. H., Erikson J.M., Kivnick H.Q. Vital Involvement in Old Age. N.Y., L.: Norton, 1986.
9. Feil N. The Validation Breakthrough. Simple Technique for Communicating with People with «Alzheimer's— Type Dementia». Baltimore, London etc.: Health Professions Press, 1989.
10. Feil N. Resolution: The Final Life Task // J. Humanistic Psychol. 1994. V. 25. № 2. P. 21-105.
11. George L.K. Role Transitions in Later Life. Monterrey, California, 1980.
12. Gutmann D. Ego-psychological and Developmental Approaches to the «retirement crisis » in men / Retirement / Ed. F. M. Carp. N.Y.: Behavioral Publications, 1972.
13. Gilligan C. In a Different Voice. Cambridge, M. A.: Harvard Univ. Press, 1982.

14. *Havighurst R.J.* Dominant concerns in the life cycle (Lebenslauf) // *Gegenwartsprobleme der Entwicklungspsychologie*. Göttingen, 1963.
15. *Heil. F.E., Krempe G.* Action-theoretical approaches to the development of control orientation in the Aged // *Psychological perspectives of helplessness and control in the Elderly* / Ed. P. S. Fry. Amsterdam, N.Y. etc.: North-Holland, 1989.
16. *Krempen G.* Toward an action-theoretical model of personality // *European J. Psychol.* 1982. V. 2. № 1.
17. *Meacher J. A.* Autonomy, despair and generativity in Erikson's theory // *Psychological perspectives of helplessness and control in the elderly* / Ed. P. S. Ery. Amsterdam etc.: North-Holland, 1989.
18. *Newman B. M., Newman Ph. R.* *Development Through Life. A Psychosocial Approach*. 5 ed. Pacific Grove, California: Brooks and Cole Publishing Co., 1991.
19. *Rogers C. R.* Growing old- or older and growing // *J. Humanistic Psychol.* 1980. V. 20. № 4.

15

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ПРИОБРЕТЕНИЯ И ПОТЕРИ ЧЕЛОВЕКА В ПЕРИОД ПОЗДНЕЙ ВЗРОСЛОСТИ

ГЛАВА

Растущий интерес к проблемам геронтологии выявился в 70-х годах XX столетия, но ее основания своими корнями уходят в XIX век. Незаработанность вопросов, касающихся социально-психологических особенностей людей в период поздней зрелости и старости, стала серьезным препятствием для создания целостной теории развития личности в пространстве и времени всей ее жизни, для построения психологии развития как самостоятельной психологической дисциплины. Не только чисто научные, но и общественные факторы побудили психологов заняться вопросами геронтопсихологии. В развитых странах стремительно растет число пожилых и старых людей. Продолжительность жизни людей возросла. Современные психологи разделили все время зрелой жизни человека на три периода — ранней, средней и поздней зрелости. В свою очередь, в поздней зрелости были выделены следующие возрастные группы: от 60 до 69 лет; от 70 до 79 лет; от 80 до 90 лет; от 90 лет до 100 и далее. И оказалось, что эти четыре десятилетия жизненного цикла человека выпали из проблемного поля психологической науки. Внимание научной общественности и всего общества привлекли к себе и сами представители поздней зрелости. Они выступили против распространенных в обществе шаблонов пожилых и старых людей как существ беспомощных, безгласных, нездоровых, обладающих сниженным интеллектом, безразлично относящихся к миру и к себе. Подразумевалось, что все они образуют однородную и одноликую массу, ее представители якобы не обладают индивидуальным свое-

образом, уникальностью. Эти негативные стереотипы породили растущее возмущение стареющих людей. В Америке возникло мощное движение «Седых Пантер», направленное против стереотипов, унижающих достоинство людей, которые своим трудом обеспечили развитие общества. Лозунги этого движения в Америке были встречены определенной частью общества с одобрением. Дело в том, что для колониальной Америки характерно было почтительное отношение к старости, к старикам. Г. Крайг, крупный специалист в области психологии развития, указывает, что большую роль в составлении Бенджамином Франклином Конституции сыграл не только тот факт, что он глубоко знал парламентскую практику. Франклин создал Конституцию, когда ему было уже за 80 лет, и государственные деятели с уважением отнеслись к почтенному возрасту Президента [1]. Так социальные и научные факторы побудили психологов развернуть исследования в области геронтологии.

В настоящее время эти исследования ведутся, в основном, в русле когнитивной психологии, социальным фактором развития которой послужила растущая интеллектуализация профессиональной деятельности. Поэтому в проблемном поле геронтологии значительное место занимают вопросы интеллектуальных возможностей людей в их поздние годы, изменения в познавательных процессах. Изучение состояния и особенностей развития когнитивной сферы личности в поздние годы жизни обнаружило сложность, многомерность, разнонаправленность происходящих в этот период изменений интеллекта. Оказалась разрушенной традиционная однолинейная схема эволюции интеллекта: его поступательное развитие сменяется периодом упадка.

В противоположность этой схеме исследования показали, что когнитивная сфера человека продолжает развиваться на всем протяжении жизни. В поздние годы возникают позитивные новообразования, формируются механизмы компенсации определенных интеллектуальных потерь. Эти данные позволяют сформулировать принцип единства приобретений и потерь (утрат). Можно предполагать, что этот принцип указывает на общую закономерность когнитивного и — шире — целостного социально-психического развития человека. Психологи, изучающие этапы детства, юношества, ранней и средней взрослости, основное внимание уделяли «психическим приобретениям», но в ходе развития непременно что-то теряется. Нельзя не признать правоту К. Юнга, который подчеркивал, что по мере овладения человеком социальными ролями (функциями) происходит «уменьшение» его личности, поскольку субъект начинает культивировать лишь те свои свойства, которые необходимы ему

для выполнения определенных ролей, и оттесняет в область Тени многие свои возможности и добродетели. Можно лишь присоединиться к позиции Пола Балтеса, который пишет: «Любое развитие включает процессы роста (приобретения) и упадка (потерь)» [5, с.17]. В ходе развития усиливается эффективность адаптации субъекта: адаптации личности к окружающему миру и адаптации субъектом жизненных условий к себе. В интеракции человека с ситуациями своего развития одни формы умственной деятельности и поведения отбираются, разрабатываются, амплифицируются, поддерживаются личностью в состоянии готовности. Они включаются в *актуальную сферу жизненного опыта* личности. Другие формы адаптивного (или дезадаптивного) воздействия субъекта на мир, использовавшиеся на предсознательном уровне, в малозначимых и редко встречающихся ситуациях фиксируются в *потенциальной сфере* жизненного опыта. Об огромных резервах этой сферы сам субъект, как правило, и не подозревает. Зарубежные психологи, работающие над проблемами геронтопсихологии, иногда называют сферу скрытых приобретений «зоной ближайшего развития пожилых людей». Отсюда возникает проблема поиска способов выявления резервных возможностей людей в их поздние годы и определения факторов, которые препятствуют использованию стариками всего богатства их жизненного опыта.

Многие психологи сходятся во мнении, что на особенности психического развития в поздние годы влияют не столько биологические, сколько социально-психологические факторы. Такая позиция концептуально разработана А. Бандурой, создателем социально-когнитивной теории личности. По его словам, на изменения когнитивного функционирования более глубоко влияют социальные факторы, нежели биологическое старение человека, и это влияние продолжается вплоть до самого позднего возраста, когда начинает иссякать физическая система [6]. Именно к этим социальным факторам относятся распространенные в обществе негативные шаблоны, касающиеся старших возрастных групп населения. Под их влиянием у многих стареющих людей формируется негативное отношение к себе, акцентируются даже небольшие промахи и ошибки, а успехи приписываются стечению обстоятельств; снижается мотивация достижения, проявляется феномен «выученной беспомощности». Между тем, *модальность отношения к себе играет важную роль в успешности и благополучии человека во все периоды его жизни, и особенно — в поздние годы.* Качество субъективного отношения к себе — важный фактор в темпе не только психического, но и физического старения человека. Справедливо пишет Н.Ф. Шахматов:

«Признание себя старым есть важнейший психологический фактор старения» (цит. по [2, с.110]). Выражая согласие с этим положением, С.Г. Максимова подчеркивает, что ориентация личности на свой паспортный возраст мешает человеку включаться в «несвойственные возрасту» занятия (танцевать и т.п.) [2]. Снижение веры в себя, сдержанное отношение окружающих блокируют актуализацию потенциалов жизненного опыта, препятствуют накоплению новых приобретений.

На материале исследований актуальных и резервных психических возможностей старых людей, их мышления, способов совладания с трудными ситуациями более дифференцированно выявились общие закономерности психического развития. В области психологии развития возникла гипотеза о том, что условием перехода личности на новый уровень психического развития является ее деятельность в ситуациях, требующих высокого напряжения «душевных сил» человека — его интеллекта, эмоционального настроения, мотиваций. По существу, это положение можно распознать в основе методического приема выявления резервов потенциальной сферы пожилых людей, их зоны ближайшего развития. При предъявлении обычных тестовых заданий эти люди показывали невысокие результаты. Но когда им предлагалось решать труднейшие задачи, находящиеся на грани их адаптивных возможностей, у испытуемых актуализировались прочно забытые пласты прошлого опыта и формировались новые структуры психических умений [1]. Обнаружилась и разная «судьба» двух форм интеллекта — флюидного (текучего) и кристаллизованного. Флюидный интеллект включает способности приобретать совершенно новые знания, быстро и надежно запоминать получаемую информацию, воспринимать новые связи и отношения. Кристаллизованный интеллект обычно определяется через понятие умений. Это умения анализировать проблемы, делать выводы на основе накопленных знаний и опыта [1]. Как и предполагали психологи, кристаллизованный интеллект развивается и прогрессирует на протяжении всей жизни, в то время как флюидный интеллект начинает снижаться уже в период ранней зрелости. Угасание этой формы интеллекта у старых людей принадлежит к существенным их психологическим потерям. К числу таких утрат психологи относят также снижение скорости решения тестовых задач. Этот факт обычно объясняют увеличением времени реакций в период поздней зрелости. Исследования, однако, показывают недостаточность такого объяснения. Во многих случаях причина таких фактов кроется в особенностях смысловой сферы пожилых, в перестройке их позиций. Решая тестовые задачи или

отвечая на вопросы анкеты, требующие лишь выбора между «Да» и «Нет», пожилые люди стремятся к точности и взвешенности ответов, к аргументированности, обоснованности решения задач. Эти результаты показывают актуальность разработки проблемы анализа сложной мыслительной деятельности у испытуемых при обдумывании ими тестовых заданий.

Хорошо известно и явление ухудшения памяти в поздней взрослости. Есть основания полагать, что детерминация и этого феномена сложна и имеет многоуровневое строение. В данном контексте наибольший интерес представляют социально-психологические факторы. Значительное место среди них занимают: прекращение профессиональной деятельности, отсутствие замещающих ее содержательных занятий, которые требовали бы напряжения мысли, актуализации и приумножения жизненного опыта. В трудовом коллективе почти каждый день «маркируется» какими-то событиями. В результате их обсуждения даже весьма пожилые люди удерживают в памяти не только отдаленные, но и близкие события. Каждый день обретает свое особое незабываемое «лицо». Так, у многих сохраняется наиболее уязвимая память на ближайшее прошлое. Важно подчеркнуть, что сам человек как субъект самосозидания, самоорганизации собственной душевной жизни может в определенной мере выполнить роль корректора своей ухудшающейся памяти. Эту функцию личности Б. Скиннер назвал «психическим протезированием». Заметив у себя значительное ухудшение памяти, он разработал приемы компенсации забывчивости (вешал зонтик на ручку входной двери, записывал на магнитофоне идеи, пришедшие в голову ночью, и т.д.). Важны не только эти мнемические приемы, но и напряженная интеллектуальная деятельность, направленная на их создание.

Выработка мощных механизмов компенсации — одно из важных «приобретений» личности в поздние годы. Компенсироваться может и скорость моторных действий. Так, даже у очень опытных машинисток быстрота ударов по клавишам снижается. И, тем не менее, результативность их работы не снижается. Дело в том, что они охватывают взглядом большие фрагменты перепечатываемого материала, в то время как их молодые коллеги читают отдельные предложения. Но какова же мотивация порождения личностью феноменов компенсации? Этот вопрос уходит своими корнями в смысловую сферу человека, в область его субъективных отношений к социуму, к другим людям, к себе.

Проблема «потерь» и «приобретений» в поздней взрослости должна разрабатываться в широком теоретическом контексте, включающем вопросы о смысловой структуре внутреннего мира личности,

об условиях сохранения у них чувства ответственности за судьбы близких людей, организацию собственной достойной жизни, свое поступательное развитие.

Психологи за последнее время выявили важные приобретения и новообразования в развитии интеллектуальной сферы людей в зрелом и позднем возрасте. В 90-е годы были экспериментально подтверждены выдвинутые ранее идеи Карла Ригеля о развивающейся с возрастом диалектичности мышления человека [9]. Получили эмпирическую разработку положения Э. Эриксона о потребности людей интегрировать на последней (восьмой) стадии жизни весь свой жизненный путь и обрести личностную целостность. Выделены важные компоненты интеллектуальной деятельности, лежащей в основе таких интегративных усилий: выраженная реминисценция отдаленных событий, умственные действия осмысливания, переоценки, реконструкции прошлой жизни.

В качестве вершинного когнитивного новообразования, формирующегося у старых людей, психологи выделили *мудрость*. Следует напомнить, что Э. Эриксон в своей последней книге (1986 г.) назвал последнюю стадию жизни не интегративностью, а мудростью. Он, однако, не раскрыл ее психологического содержания. В настоящее время проблема мудрости в мировой психологической науке только начинает разрабатываться. Предполагается, что в основе мудрости лежит кристаллизованный, культурно обусловленный, предметно-содержательный интеллект. Согласно определению Г. Крайг, «*мудрость* — это экспертная система знаний, ориентированная на практическую сторону жизни и позволяющая выносить взвешенные суждения и давать полезные советы по жизненно важным вопросам» [1, с. 852 — 853]. Более широко рассматривает мудрость П. Балтес, определяя ее как экспертные знания о фундаментальных жизненных законах и реалиях. При этом он подчеркивает, что мудрость, как правило, возникает у личности в зрелом возрасте и продолжает совершенствоваться на протяжении всего жизненного пути. В структуре мудрости Балтес выделяет знания об изменчивости и непредсказуемости жизни, об основных ценностях жизни. В отличие от психологов, считающих мудрость вершиной когнитивного развития человека, Балтес рассматривает ее как очень высокий уровень развития целостной личности. С этой точки зрения мудрость определяется Балтесом как единство ума и добродетели. Психологи при этом поясняют, что добродетель в структуре мудрости отнюдь не предполагает жесткого следования принципам справедливости. Отношение к жизни должно быть наполнено чувством сострадания, сочувствия. Эти характеристики мудрости дают все основания определить мудрость как

интегральное качество уровня развития личности, а не только интеллекта. Можно также с уверенностью предполагать, что существуют субъективные факторы формирования у человека в поздние годы мудрости. С нашей точки зрения, одним из самых существенных среди них выступает сохранение своей прежней позитивной идентичности и стойкого иммунитета по отношению к негативным социальным ярлыкам. Мы не располагаем эмпирическими исследованиями связи мудрости с позитивной идентичностью, но существуют обоснованные данные о позитивном влиянии сохранения прежней идентичности на судьбу стариков. Так, М. Либерман и С. Тобин [7] изучали 600 старых людей в возрасте от 70 до 80 лет, которые отличались весьма слабым здоровьем, причем обстоятельства вынудили их переселиться в интернат. Одни из них быстро адаптировались к новым условиям, сохранили чувство достоинства и автономии. Другие не могли приспособиться к жизни в интернате и чувствовали себя глубоко уязвленными своей старостью и нездоровьем. Наиболее же ценным результатом этих исследований мы считаем следующий факт. Представители «благополучной» группы научились *придавать значение тому, кем они были и что сделали, а не тому, кем они являются сейчас*. Этот вывод непосредственно связан и с проблемой сохранения идентичности, и с вопросом о стратегиях совладения с трудностями. К таким трудностям относится и наступление старости, и изменение образа жизни. К этому вопросу мы и перейдем сейчас.

Если анализировать тактики поведения не только в трудных ситуациях, но и в повседневных жизненных условиях, то лонгитюдные исследования не обнаруживают значительных изменений в репертуаре «техник жизни» в возрастном периоде от 60 до 80 лет (Томе) [12] и даже от 21 года до 90 лет (Маккрей) [8]. Значительно меняется лишь иерархия «техник». При этом оказывается, что у людей, прибегавших в более ранние годы к действиям, направленным на достижения, преобразование трудных ситуаций, активное отношение к жизненным ситуациям сохраняется и в поздние годы, хотя проявляется в иных формах («использовать оставшиеся возможности», «не упустить шанс», «воспользоваться благоприятным стечением обстоятельств» и т.д.). Выделена и значительная часть стариков, использующих пассивные формы поведения, такие как ожидание помощи от других, проекция или стиль реагирования, который психологи назвали «магической властью»: реальное положение дел настолько искажается, что не требует мобилизации усилий.

Особенности «техник жизни» у людей, достигших уровня мудрости, порождаются их обобщенным отношением к жизни. Они бес-

пристрастно относятся к трудным обстоятельствам, готовы к непредсказуемым событиям. Благодаря необычной широте, глубине, осознанности и сбалансированности знаний, эти люди легко актуализируют различные пласты своего жизненного опыта. Поэтому они способны объективно и трезво оценивать все происходящее, давать советы, касающиеся планирования жизни, оптимизации поведения в сложных и тягостных условиях. Можно было бы подумать, что их должно отличать подчеркнуто серьезное отношение к жизни, между тем психологи обнаружили у них высоко развитое чувство юмора, позволяющее им подниматься над, казалось бы, безвыходными ситуациями. Юмор, безусловно, — эффективный способ дистанцирования от давления обстоятельств и восприятия их под необычным углом зрения. Мудрость — важнейшее приобретение периода поздней взрослости. Задача психологов — помочь стареющим людям сформировать мудрое отношение к жизни.

В заключение подчеркнем методологическую значимость исследования периода поздней взрослости для создания целостной психологии развития.

Выявленные новообразования (позитивные приобретения) и психологические потери поздней взрослости позволяют под новым углом зрения исследовать все предыдущие этапы жизни. Можно выдвинуть следующие методологические положения. Изучение каждого последующего периода или уровня развития личности позволяет увидеть новые особенности пройденных периодов, обратиться к отысканию ранних предпосылок, ростков более поздних новообразований. В то же время выявление неизвестных еще качеств ранних этапов развития может направить внимание психологов на неисследованные еще пласты потенциальной сферы жизненного опыта людей в периоды средней и поздней взрослости.

Литература

1. *Крайг Г.* Психология развития. 7-е Международное издание. Питер. Санкт-Петербург-Москва-Харьков-Минск. 2000.
2. *Максимова С.Г.* Социально-психологические и биологические аспекты жизнеосуществления лиц старших возрастных групп. Барнаул. Алтайский Гос. Ун-т. 1997.
3. *Шахматов Н.Ф.* Принципиальные положения в определении понятия «психическое старение» // Современные вопросы геронтологии и гериатрии. Тезисы V Закавказской конференции по геронтологии и гериатрии. Баку. 1984.
4. *Baltes P.B.* The aging mind: Potential and limits // *Gerontologist*. 1993. V. 33. № 5. P. 580 — 594.

5. *Baltes P.B.* Theoretical propositions of life-span developmental psychology: On the dynamics of growth and decline // *Developmental Psychology*. 1987. V. 23. P. 611 – 626.
6. *Bandura A.* *Social foundations of thought and action: A Social Cognitive Theory*. Prentice-Hall, Inc., Englewood Cliffs, New Jersey. 1986.
7. *Liberman M.A. & Tobin S.S.* *The experience of old age: Stress, coping and survival*. N.Y. Basic Books. 1983.
8. *McCrae R.* Age differences and changes in the use of coping mechanisms // *J. of Gerontology*. 1989. V. 44. P. 161 – 169.
9. *Riegel K.F.* The dialectics of human development // *American Psychologist*. 1976. V. 32. P. 689-700.
10. *Schaie K.W., Willis S.L.* Can adult intellectual decline be reserved? // *Developmental Psychology*. 1986. V. 22. P. 223-232.
11. *Smith J., Baltes P.B.* Wisdom-related knowledge: age/cohort differences in response to life-planning problem // *Development Psychology*. 1990. V. 26. P. 494 – 505.
12. *Thomae H.* *Das Individuum und seine Welt. Eine Persönlichkeitstheorie*. 3., erweiterte und verbesserte Auflage. Högrefer. Verlag für Psychologie. Göttingen. Bern. Toronto. Seattle. 1996.

16

ПСИХОЛОГИЯ СТАРОСТИ: ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ ЛИЧНОСТИ В ПЕРИОД ПОЗДНЕЙ ВЗРОСЛОСТИ

ГЛАВА | (Типы отношений социума к стареющим людям: мнения, стереотипы, шаблоны)

Мировая психологическая наука начала проявлять растущий интерес к проблеме старения человека и его жизни в пожилом и старом возрасте лишь в последней трети XX в. Незавершенность вопросов геронтопсихологии стала серьезным препятствием для создания целостной теории изменения и развития личности в пространстве и времени всей ее жизни, для построения психологии развития как самостоятельной дисциплины. Психологи весьма успешно исследуют лишь периоды детства и юношества. При изучении взрослого человека акцент делается на профессиональном его развитии. Время же поздней зрелости исследовано крайне слабо. Н.Х. Александрова справедливо пишет: «О личности пожилого человека, его мотивации, эмоциональных состояниях, самооценке, содержании Я-образа в этом периоде жизни человека не существует полных и достоверных данных» [1, с. 4].

Важным фактором становления геронтопсихологии явилось значительное увеличение продолжительности жизни и улучшение здоровья стареющих людей в высокоразвитых странах. Перед глазами исследователей предстала огромная мало знакомая психологам группа людей в возрасте от 60-ти до 100 и более лет. Этот заключительный этап онтогенеза в последнее десятилетие стали называть периодом поздней зрелости. Было предложено выделить в этой группе четыре подгруппы. В них входили люди 1) от 60 до 69 лет; 2) от 70 до 79 лет; 3) от 80 до 89 лет и 4) от 90 лет и далее. Однако до сих пор проблема психологического своеобразия представителей каждой из этих подгрупп не разработана.

Начав заниматься проблемами психогеронтологии, зарубежные психологи прежде всего стали изучать, в какой социально-психологической атмосфере живут пожилые и старые люди, как к ним относится общество, какие шаблоны и стереотипы старения распространены в социуме. Основные результаты были получены в социологически ориентированной американской психологии. Исследователи констатировали, что в обществе значительное распространение получили представления о людях в их поздние годы как о беспомощных, болезненных существах, неспособных самостоятельно принимать решения, успешно выполнять общественные функции, приносить пользу обществу. Кроме того, старые люди стереотипизируются: они рассматриваются как однородная группа, у которой индивидуальные различия стираются. Такое негативное отношение не могло не повлиять на стареющих людей, но влияние это оказалось отнюдь не однозначным. Неоднозначными выступили социальные установки общества. Психологи США констатируют, что в колониальной Америке было распространено почтительное отношение к старым людям. Г. Крайг, крупный специалист в области психологии развития, пишет, что большую роль в принятии сенаторами Конституции, составленной Бенджамином Франклином, сыграл не только тот факт, что этот американский президент глубоко знал парламентскую практику, но и то обстоятельство, что ему в момент создания важного документа было уже за 80 лет, и государственные деятели отдали дань уважения его почтенному возрасту [6]. Эти традиции сохранились вплоть до настоящего времени. В сочетании с гуманистическим направлением в науке они вошли в методологическую основу геронтофильной теории старения и старости, которая создается в последнее десятилетие XX в.

Негативный «имидж» старости у многих представителей поздней взрослости вызвал бурный протест. В Америке возникло движение «Седых Пантер» или «бунт молодых стариков», которые доказали свою способность к высокой социальной активности, к сопротивлению негативным шаблонам.

В отечественной науке проблемам геронтопсихологии уже в 60–70-е гг. были посвящены работы Б.Г. Ананьева, М.Д. Александровой, Е.Ф. Рыбалко и других. В 80-90-е гг. начали разворачиваться эмпирические исследования отношения разных социальных групп к пожилым людям, а также их личностных характеристик и типологических особенностей. Анализ психологических работ, а также информации, содержащейся в газетах, передачах по радио и телевидению, позволил раскрыть значительный разброс мнений относительно личности и социальной

значимости людей пенсионного возраста, увидеть попытки манипулировать этим мнением в политической борьбе. Согласно исследованиям, проведенным О.В. Красновой (1996), представители разновозрастных групп выделяли такие особенности стариков, как мудрость, наличие большого жизненного опыта, доброта, духовная значимость для молодежи. Вместе с тем отмечают и досадные их характеристики: ворчливость, консерватизм, критическое отношение к молодым людям, плохое здоровье. Краснова подчеркивает, однако, что упоминание о негативных чертах личности стариков не влияет на положительное отношение к ним («старших нужно уважать», «старые люди вызывают сострадание» и т.п.) [7, 8]. Н.Ф. Шахматов, подводя итоги изучения отношений к пожилым людям в разных регионах нашей страны в 1979 — 1982 гг., подчеркивает, что у нас наличие в семье пожилого родственника престижно; его прошлое, жизненный опыт, личностные качества, психическая сохранность являются предметом гордости родственников любой национальности [11, 12]. Уважительное отношение к старшим в России закреплено в разных пословицах и поговорках («Старый конь борозды не испортит»). Хорошо известно почтительное отношение к старикам во многих государствах Кавказа. Весьма впечатляюще это отношение выражается в народных поговорках, пожеланиях. 19-го марта 2000 г. представитель грузинского документального кино на вопрос ведущей «Радио России» — есть ли в Грузии, кроме задравных тостов и добрых шуток, также и проклятия — ответил: «Да, есть. И самое страшное из них звучит так: “Пусть в твоём доме никогда не будет стариков”», т.е. социально признанных носителей мудрости, безусловного авторитета.

На складывающийся в том или ином обществе «имидж» представителей поздней зрелости сильное влияние оказывают господствующие общественные отношения. В высоко развитых индустриальных странах (с отношениями конкуренции в них) ставка делается на «молодежные» качества, такие, как быстрота, проворство, выносливость, спортивность, выраженное честолюбие, стремление к победе любой ценой и т.д. Возрождающиеся и утверждающиеся в этих странах гуманистические движения ставят барьеры на пути абсолютизации и генерализации производственных отношений, отстаивая приоритет человеческих ценностей, прежде всего таких, как жизнь и достоинство человека. Между тем в периоды обострения политической борьбы некоторые неразборчивые в средствах отечественные журналисты посягают на эти ценности и пытаются утвердить в нашем обществе негативный образ стареющих людей.

Так, в 1999 г. в «Литературной газете» появилась статья «Старость начинает и выигрывает». Приведу лишь некоторые отрывки из этой статьи. «Нас всех, жителей страны, становится все меньше. А пожилых в процентном отношении — все больше. Старики в таком количестве становятся балластом для экономики... Но, главное, увеличиваясь с каждым годом численно, пенсионеры скоро станут основной политической силой. Это многие сознают. Я замечаю, что уже многие Рг-кампании строятся, исходя из особенностей старческого восприятия». Стареющие же люди, как поясняет автор, быстрее забывают недавний опыт и прочнее удерживают прошлый, который ими мифологизируется. Мифы же дают интуитивное представление о социализме как мечте, идеале. Поэтому не будет вам никакого капитализма, пока есть прочно устоявшийся миф коммунизма...

Приготовьтесь к сюрпризам, — продолжает автор. — Как бы вы ни старались, точный прогноз поведения престарелых избирателей сделать никто не сможет. Потому что, по прогнозам специалистов, в недалеком будущем ожидается самая настоящая эпидемия болезни Альцгеймера... Болезнь Альцгеймера — это страшное разрушительное старческое слабоумие... Некоторые политологи полагают, что с выходом на пенсию человек должен терять избирательное право, т.е. право голосовать на выборах. И дело здесь не только в старческих болезнях, но и в старческой норме. Потому что норма эта печально отображается на графиках снижения интеллекта с возрастом. По коэффициенту интеллекта средний пенсионер лет 70-ти равен 7-летнему ребенку. А детям голосовать не дают» [5].

Я не предполагаю, разумеется, комментировать такую публикацию. Жесткую ее оценку дал Дм. Аграновский в статье «Людоедская «демократия»» [3]. Моей целью было показать, между какими полюсами располагаются распространенные в обществе мнения, позиции и представления о стареющих и старых людях в нашем обществе.

Те или иные социальные стереотипы, проявляющиеся в невербальных и вербальных формах поведения, оказывают значительное влияние на формирование отношения к себе пожилых людей. Под воздействием негативных мнений многие представители поздней зрелости теряют самое главное — веру в себя, свои способности и возможности. Они обесценивают себя, теряют самоуважение, испытывают чувство вины; у них падает мотивация, а следовательно, снижается и социальная активность¹.

¹ О «внутренних», личностных предпосылках сензитивности старых людей к негативным формам социальных воздействий будет сказано далее.

Г. Крайг, ссылаясь на многочисленные исследования, пишет о том, что в любом возрасте мнения о своих возможностях и способностях оказывают значительное влияние на эффективность деятельности субъекта. Некоторые пожилые люди твердо уверены в том, что в скором времени они потеряют память и будут не в состоянии делать то, что удавалось ранее, что они частично потеряют контроль над своей жизнью. И под влиянием исподволь проникших в их сознание мнений, они действительно утрачивают и свою компетентность, и контроль над обстоятельствами жизни. Такой циклический процесс, как поясняет Крайг, иногда называют выученной беспомощностью [6, с. 658]. Иначе говоря, некоторые старые люди перестают развиваться как субъекты своей жизни и даже регрессируют в этом качестве. Между тем качество отношения к себе играет важную роль в успешности и благополучии человека во все периоды его жизни, особенно же — в поздние годы.

Отрицательная модальность субъективного отношения к себе — важный фактор не только психического, но и физического старения человека. Н.Ф. Шахматов справедливо подчеркивает: «Признание себя старым есть важнейший психический фактор старения» [11, с. 110]. Выражая свое согласие с этим положением, С.Г. Максимова указывает, что ориентация личности на свой паспортный возраст мешает субъекту включаться в «несвойственные возрасту» занятия (танцевать и т.п.) [9]. Социально-психологическая недооценка или обесценивание пожилых людей тесно связана с другими неблагоприятными для их полноценного функционирования обстоятельствами. К ним в первую очередь относятся: потеря работы, вынужденный уход на пенсию, утрата личностно значимых социальных функций (ролей). В результате человек лишается своего профессионального будущего, наполненного замыслами, проблемами, планами. Он также оказывается выключенным из системы межличностных, коллегиальных связей, в которую входят представители разных поколений. Исследования же показывают, что молодые коллеги, работающие вместе с пожилыми людьми, относятся к ним позитивно и способствуют самоутверждению ветеранов.

Покидая коллектив, команду, экипаж, ветераны утрачивают свой микросоциальный экран, смягчающий или компенсирующий негативные воздействия дальнего социума. Более того, при этом исчезает один из важных источников информации о многочисленных событиях профессиональной, гражданской, политической жизни в купе с разными вариантами их истолкования. Лишаясь значимых статусов и ролей, ветеран уходит из сферы действия регламентирующих его жизнь требований, задач, предписаний, ожиданий (экспек-

таций). В результате стареющий человек попадает в уникальную для него по степени сложности и непривычности *ситуацию неопределенности*. Именно снятие неопределенности становится главной жизненной задачей стареющего человека. Для решения такой задачи субъекту необходимо резко ограничить число степеней свободы, непомерное возрастание которых и характеризует трудновыносимое состояние неопределенности. Ее устранение требует от личности мобилизации, совершенствования, дальнейшего развития субъектных способностей: выбрать — сообразно со своими возможностями и желаниями — новые роли и принять ответственность за их исполнение, поддерживать и расширять сеть межличностных отношений, не бояться экспериментирования и риска при выработке нового образа жизни, переопределить структуру значимостей изменившегося жизненного мира. Вполне обоснован вывод Алишева о том, что снятие неопределенности представляет собой процесс установления смыслов и значений жизненных ситуаций [2]. Одна из трудностей жизни в условиях перехода на пенсию заключается в том, что человек должен сам выработать требования к своему поведению, стать жестким и в то же время гибким контролером взаимоотношений с окружающими. Ему надлежит стать суверенным источником собственных самооценок, т.е. личностью, способной противостоять социальным ярлыкам и шаблонам. Для благополучного старения пожилой человек должен из содержательного многообразия окружающего мира создать оптимальные условия своей жизнедеятельности и развития.

Появление в семье незанятого на работе человека требует ее социально-психологической перестройки. На «отставника» перекладывается часть домашней работы, возлагается забота о внуках, иначе говоря, ему предлагаются новые социальные роли, которые он волен принять или отвергнуть. Происходит перестройка и межличностных семейных отношений, необходимой оказывается определенная коррекция личностных качеств членов семьи. Стоит отметить тот факт, что положение в семье «молодого пенсионера» изучено крайне слабо, в то время как перестройке членов семьи и их взаимоотношений при появлении ребенка психологи уделяют значительное внимание.

На первый взгляд может показаться, что проблема снятия неопределенности и построения нового жизненного мира решается гораздо легче при переселении старых людей в дома-интернаты. Жизнь в них регламентирована. Обитатели приютов должны лишь овладеть обязательными правилами общежития. Они могут общаться со своими сверстниками, устанавливая с некоторыми из них дру-

жеские отношения. Однако, согласно исследованиям, проведенным еще в 70-х гг. XX столетия, перемещение в интернаты оказалось одним из трех предикторов скорой смерти старых людей. Приюты сильно ограничивают число степеней свободы личности, не стимулируют их социальной активности, не порождают чувства своей нужности. В интернатах отсутствует такой важный фактор продолжения социально-психологического развития старых людей, как интенсивное общение между разными поколениями. Каждое поколение с новых, своеобразных позиций рассматривает социальные события, жизненные ситуации, общественно-исторические изменения. Каждая когорта анализирует складывающиеся обстоятельства через включение их в своеобразную систему своего миропонимания, новых взглядов на известные вещи. В процессе межпоколенного общения и старые люди пересматривают свой жизненный опыт, определяют место того, что было создано ими, в аспекте нового уровня развития общества. В интернатах же старые люди изолированы от постоянно обновляющегося потока общественной жизни. Они ощущают себя ненужными, их самооценка резко снижается. Это положение подтверждается работами С.Г. Максимовой. Обитатели дома-интерната, в котором она проводила исследования, характеризовали себя, используя негативные штампы: «старик», «старуха», «пенсионер», «теперь никто», «никчемный балласт для человечества» [9]. Это самообесценивание — одно из главных препятствий для актуализации и совершенствования резервных возможностей стареющего человека.

Особенности психологического развития в поздние годы

Итак, в период наступления поздней взрослости субъект встает перед необходимостью справляться с множеством нетривиальных, новых для него жизненных проблем, связанных с изменением его социального положения, с ролевой неопределенностью, с собственными возрастными изменениями. (И это в условиях непрерывных социально-исторических изменений.) Построение нового образа жизни требует от личности значительного напряжения ее адаптивных возможностей, интеллектуальных усилий, мотивации достижения, поиска новых смысловых опор в своем жизненном мире.

Обсуждая возможности, которыми обладают стареющие люди для решения всех этих жизненных проблем, сформулируем наши исходные теоретико-методологические положения:

1. Социально-психическое развитие человека не ограничено какими-то определенными периодами его бытия, оно осуществляется на протяжении всей жизни.
2. В продолжении жизни человек не исчерпывает всех своих резервных возможностей, потенциала своего развития. Можно лишь поддержать афористически звучащее положение Э. Фромма: человек умирает прежде, чем успевает полностью родиться.
3. Психическое развитие человека настолько многомерно, многоформно и многонаправленно, что практически невозможно выявить все его проявления, качества и возможности. Пол Балтес, известный представитель Life-Span Psychology — психологии всей продолжительности жизни, справедливо пишет, что точный диапазон и механизм индивидуальных возможностей принципиально неопределимы, они могут быть очерчены только приблизительно [14, с. 345].
4. Процесс развития отнюдь не сводится к одному поступательному развитию, росту и повышению эффективности субъекта во всех областях его жизни. Развитие есть единство разных типов изменений, одиночных и системных, преходящих и стабильных, позитивных и негативных.
5. Одновременно со спадом психических возможностей происходит и их обогащение; инволюционные изменения сочетаются с новообразованиями прогрессивного характера, направленными на преодоление деструктивных явлений в геронтогенезе. По словам Балтеса, каждое продвижение в развитии приносит как новые адаптивные приобретения, так и утрату некоторых прежних способностей [14; 15, с. 341]². В русле life-

² До сих пор психологи, изучающие периоды детства, юношества, ранней взрослости, делают акцент на выявлении позитивных новообразований, психических приобретений растущего человека. Проблема же претерпеваемых утрат до сих пор не только не разработана, но даже не поставлена. Между тем уже маленький ребенок, овладевая названиями нескольких предметов, утрачивает невозвратимую целостность восприятия мира. Обучаясь действовать с предметами, он именно их помещает в фокус сознания, оставляя за пределами поля сознания — как незначимую — массу иных объектов. У взрослого человека структура его жизненного мира несравненно беднее окружающей природной и социальной действительности. При этом теряется непредвзятость, особая пронизательность, нескорректированная оценка социальных ситуаций и общающихся с детьми людей. Справедливо говорит К. Юнг об «уменьшении личности» человека в результате овладения им социальными ролями.

span психологии выдвинуто весьма продуктивное положение, которое особенно эвристично при изучении поздней взрослости: в динамическую структуру развития могут включаться процессы, которые берут начало не на ранних этапах онтогенеза, а в более поздние периоды жизни человека. Есть основания полагать, что новые линии развития порождает не возраст сам по себе, а богатство жизненного опыта, глубина и полнота его осмысления человеком в сочетании с масштабностью пережитых социально-исторических событий.

7. Личностно-психологическое развитие человека происходит разными темпами и достигает разного уровня в различных областях социальной действительности. Соответственно соотношение утрат и приобретений оказывается различным в разные периоды старения человека.
8. Успешность личностного и социально-психологического развития человека во все периоды жизни (и особенно в поздние годы) зависит от того, насколько он сам выступает субъектом, создателем условий своей жизни.

Особенности интеллектуального развития в поздние годы. Проблема мудрости

В области геронтопсихологии эти обобщенные положения конкретизируются в своей значительной части в русле когнитивного направления. Психологи изучают состояние и изменения интеллекта, мышления, памяти, восприятия пожилых и старых людей. Интеллект человека продолжает развиваться на протяжении и средней, и поздней взрослости. Мышление при этом становится все более диалектичным (К. Ригель) [19]. Любопытно, что стандартные тесты неизменно показывали, что интеллект в поздние годы снижается: пожилые люди выполняют тестовые задания медленнее, чем молодые, даже в том случае, когда от участников эмпирических исследований требуется лишь дать ответ «Да» или «Нет», или сделать выбор из предложенных вариантов ответа. Дальнейший анализ позволил выявить значение разных личностных установок при решении тестовых задач молодыми и старыми «испытуемыми». Пожилые люди стремились к точности, аргументированности, взвешенности своих ответов, в то время как молодежь пыталась угадать правильный ответ, или как можно скорее выполнить задания. Эти данные показывают, насколько актуальна проблема изучения самого процесса решения тестовых задач. По результату нельзя судить о качестве интеллекта субъекта.

Нельзя не принять во внимание выводы некоторых исследователей (D. Kausler, T. Salthouse) о том, что результаты лабораторных экспериментов расходятся с данными, полученными при изучении пожилых людей в их повседневной жизни. Ссылаясь на эти данные, Н.Х. Александрова предполагает, что в лабораторных экспериментах исследуются когнитивные процессы, нерелевантные реальной жизни людей [1]. Напомню интереснейшие данные Н.Н. Поддъякова, повторившего опыты Ж. Пиаже на восприятие сохранения массы. В лаборатории выводы Пиаже подтверждались: в житейских условиях масса при изменении ее формы воспринималась неизменной.

Сам по себе феномен «ухудшения с возрастом интеллекта» не может не вызвать определенного замешательства. Люди почтенного возраста обладают огромным жизненным опытом. Им пришлось решать множество сложных и важных проблем в разных областях жизни. Они были заинтересованными свидетелями того, как другим удавалось справиться с безвыходными, казалось бы, ситуациями. Почему же этот богатый опыт не полностью используется пожилыми людьми в тестовых ситуациях? Есть основания предполагать, что жизненный опыт существует у человека в разных формах — актуальной и потенциальной. В процессе взаимодействия субъекта со значимыми для него и часто встречающимися ситуациями приобретаемые знания, интеллектуальные умения, способы ориентации и осмысливания жизненных задач закрепляются, расширяются и складываются в *хорошо организованную структуру*, облегчающую извлечение нужных ее компонентов. Такова *актуальная сфера жизненного опыта*. Но человеку приходится действовать и в малозначимых для него обстоятельствах, расположенных на периферии его собственного жизненного мира. Приобретаемые в результате знания, неожиданные интеллектуальные находки, функционируя на уровне подсознательного, оказываются слабо связанными друг с другом. Вместе с резервными возможностями личности они, выражаясь термином К. Юнга, включаются в содержание темной стороны психического. Это *потенциальная сфера* жизненного опыта. Зарубежные психологи, работающие над проблемами геронтопсихологии, назвали эту область *«зоной ближайшего развития пожилых людей»*.

Проблема выявления резервных возможностей представителей поздней взрослости, преобразования их в операциональное, «рабочее» состояние слабо разработана в геронтопсихологии. Для продвижения этой проблемы можно прибегнуть к гипотезе, выдвинутой в общей психологии развития: важным условием перехода личности на новый уровень развития является ее функционирование в ситуациях, требующих предельного напряжения ее содержательно-смысловых и энер-

гетико-динамических сфер. Эта гипотеза находит свое подтверждение применительно к когнитивной сфере человека. Когда пожилым людям предъявлялись обычные тестовые задания, испытуемые показывали невысокие результаты. Но парадоксальным образом, при предъявлении очень трудных задач, находящихся на грани адаптивных возможностей человека, этим людям удавалось с ними справиться. У них актуализировались, казалось бы, прочно забытые пласты прошлого опыта и формировались новые структуры психических умений [6].

Есть основания предполагать, что не у всех представителей поздней взрослости прием «погружения в трудности» окажется эффективным. Существенным, а может быть решающим условием выступают личностные установки людей, такие, как их вера в себя и не утраченный высокий уровень притязаний. А. Бандура, создатель социально-когнитивного подхода к личности, на основе обобщения эмпирических исследований приходит к выводу, что на изменение когнитивного функционирования более глубоко влияют социально-когнитивные факторы, а не биологическое старение человека, и это влияние, по его словам, продолжается вплоть до самого позднего возраста, когда начинает иссыхать физическая система [13]. Главным залогом успешной работы интеллекта Бандура считает убеждение человека в своей эффективности. Между тем негативные социальные стереотипы, «озвученные» СМИ, лишают стареющих людей веры в свои познавательные возможности. Личность отторгает от себя трудные задачи, ищет приемы их избегания.

Новая проблема возникает, если учесть, что интеллект человека имеет, по крайней мере, две формы функционирования. Психологи выделяют флюидный (текучий) и кристаллизованный интеллект³.

Исследователи придерживаются того мнения, что флюидный интеллект дан человеку природой. Кристаллизованный же интеллект — продукт, главным образом, обучения, усвоения, упражнения. В отличие от флюидного интеллекта, который начинает снижаться с возрастом, кристаллизованный развивается на протяжении всей жизни человека, достигая качественно новых уровней. В таком случае есть все основания утверждать, что пожилые и старые люди — вопреки сложившемуся в социуме, да и в психологии мнению — до поздних лет

³ Флюидный интеллект рассматривается как способность человека приобретать совершенно новые знания, быстро и надежно запоминать получаемую информацию, воспринимать новые связи и отношения. Кристаллизованный интеллект обычно определяется с привлечением понятия умений. Это умения анализировать проблему, делать выводы на основе накопленных знаний и опыта [6].

сохраняют способность к обучению и переучиванию. Действительно, современные исследования подтверждают оптимистический подход к представителям поздней взрослости. Согласно данным, приводимым П. Балтесом, пожилые люди в возрасте от 60 до 80 лет после короткой тренировки достигали такого же уровня выполнения тестовых задач, что и молодые испытуемые [14, 15]. В 90-х гг. XX столетия был проведен цикл исследований, доказавших наличие позитивных новообразований у людей на поздних этапах жизни. Нашла подтверждение идея, разработанная К. Ригелем еще в 1976 г., о растущей диалектичности мышления человека, особой способности, выходящей далеко за пределы формально-логического интеллекта [19].

На рубеже 90-х гг. внимание ученых оказалось направленным на вершинное образование интеллектуального развития человека — *феномен мудрости*. Одним из первых проблему мудрости, по-существу, поставил в своей последней работе (1986 г.) Э. Эриксон. Выделяя основные качества личности (Эго) на разных этапах, он назвал новообразование заключительной стадии развития личности интегрированностью. Позднее высокая адаптивная способность субъекта получила у него название «мудрость». Эриксон, однако, не раскрыл структуру мудрости.

Крупный вклад в исследование строения психологической структуры мудрости и ее приуроченности к определенным периодам бытия человека вносит Балтес со своими сотрудниками [21]. Он определяет это психологическое образование как экспертную систему знаний о фундаментальной прагматике жизни, фундаментальных жизненных вопросах (matters). Балтес выделяет такие критерии мудрости: богатое, хорошо организованное, фактуальное и инструментальное (procedure) знание; контекстуализм — знание о разных жизненных контекстах в данном обществе (социальное знание); релятивизм — знание о существовании различных систем ценностей и разных приоритетах — и, наконец, признание того, что в жизни существует неопределенность (uncertainty), непредсказуемость и умение справляться с недоопределенными ситуациями. На более конкретном уровне мудрость предполагает исключительную проницательность, порождение продуктивных (good) суждений, надежных (good) советов, касающихся важных жизненных вопросов, адекватную интерпретацию трудных ситуаций⁴.

⁴ Ориентируясь, в основном, на краткое определение мудрости: «Мудрость — это экспертная система знаний, ориентированная на практическую сторону жизни и позволяющая выносить взвешенные суждения и давать полезные советы по жизненно важным вопросам» [6, с. 852–853].

Балтес, а вслед за ним и другие психологи склонны относить мудрость к предметно-содержательному знанию, иными словами — к кристаллизованному интеллекту и предполагают, что эта форма интеллекта может совершенствоваться или даже впервые появляться в период поздней взрослости. Для выяснения вопроса о связи мудрости с возрастом человека Балтес провел эмпирические исследования, принесшие весьма любопытные результаты. В экспериментах участвовало 60 человек, разделенных на три группы: ранняя взрослость (25–35 лет), средняя взрослость (40–50 лет), поздняя взрослость (60–81 год). Им предстояло решать задачи на планирование жизни персонажами разного возраста. Задачи были двух типов — нормативные (имеющие одно правильное решение) и ненормативные (участники эксперимента должны были сами сконструировать решение). Естественно, что экспериментаторы применяли метод поперечных срезов, значительно затруднивший интерпретацию полученных данных. Дело в том, что «испытуемые» относились к разным когортам, т.е. испытывали на себе влияние разных общественно-исторических условий. Балтес хорошо осознает эту методологическую погрешность, поэтому говорит о «возрастно-когортных различиях» между группами испытуемых.

Различия эти таковы. Во-первых, из 240 полученных протоколов только 11 (5%) были оценены как свидетельства мудрости⁵. Во-вторых, представители ранней и средней взрослости обнаружили мудрость при решении трех из четырех предъявленных задач. У «старших» же преимущества были при решении ненормативной, специфической для их возраста задачи (возраст фигурирующего в ней персонажа был сходен с возрастом испытуемых). Конечно, Балтес выделил лишь одну, хотя и весьма существенную составляющую мудрости — планирование жизни. Исследование других димензий может принести и другие результаты. Тем не менее, полученные им результаты должны быть предметом осмысливания и интерпретации. Несомненно, мудрость не является чисто когнитивным образованием, возникающим лишь в пору поздней взрослости. Есть основания предполагать, что мудрость связана с приобретаемым человеком большим объемом знаний о жизни людей в разных областях общества, об их взаимоотношении, о практике жизни.

Но в гораздо большей степени умудренность порождается *качеством жизненного опыта* как особого психического достижения

⁵ По мнению Балтеса, люди, не порождающие мудрые ответы, тем не менее способны дифференцировать решения по параметру мудрости.

субъекта. Человек может пережить много общественно-исторических изменений и потрясений, оказаться свидетелем и участником самых разнообразных событий — и все-таки не приобрести богатый жизненный опыт. Этот опыт не является самостийным осадком происходившего с ним и вокруг него во внутреннем мире личности. Личность должна понять смысл случившегося, определить его значимость для себя и других, осознать, спрогнозировать возможные последствия событий. Человек должен понять, что, услышав, узнав, увидев происшествие, экстраординарное стечение обстоятельств и т.п., он тем самым оказался внутри происшедшего и от его оценки, отношения, психических состояний и действий зависит «судьба» события: будет ли оно интегрировано в систему жизненного опыта и категоризировано в нем, или с оценкой «мало значимое» попадет в периферийные области сознания. От уровня активности субъекта зависит, будет ли его жизненный опыт скудным или богатым и разносторонним, т.е. станет ли он основанием развитого фактуального и инструментального знания в структуре мудрости.

Если у человека развита способность глубоко проникать в суть жизненных проблем, понимать неоднозначность последствий тех или иных событий и собственных поступков, улавливать индикаторы грядущих перемен, убедиться в существовании неполной предсказуемости действий, поступков и взаимоотношений людей; если он обладает хорошо организованным массивом тех знаний в определенных областях жизни, которые ему необходимы в определенные возрастные периоды, такой человек может проявлять качество мудрости уже на этапе ранней взрослости. Богатая практика жизни, порождающая обширный жизненный опыт (знания и умения), лежащий в основе мудрости, погружает личность в систему моральных, эстетических, гражданских, религиозных и прочих духовных отношений и ценностей, которые становятся достоянием личности. В таком случае мудрость оказывается не чисто когнитивным образованием. Она знаменует скорее высокий уровень развития целостной личности.

Исследования, проведенные в школе Балтеса, действительно привели психологов к выводу о том, что мудрость является сочетанием ума и «добродетели», которая понимается как закрепленная в характере потребность и способность действовать во имя благополучия ближайшего и отдаленного социального окружения: советовать, каким образом найти выход из трудной ситуации, удерживать от неразумного поступка, установить доброжелательные межличностные отношения.

Нужны, конечно, масштабные исследования, позволяющие раскрыть психологическую структуру мудрости и выявить предпосыл-

ки ее формирования. В связи с этой проблемой есть основания выдвинуть предположения о том, что условием становления человека мудрым, а, следовательно, способным обеспечить себе благополучную старость, является его позитивное отношение не только к окружающему миру, но и к самому себе. Трудно представить человека, который мог бы дать дельные советы окружающим, выступать арбитром в их спорах, помогать в решении трудных жизненных проблем и при этом не быть уверенным в себе, не обладать самоуважением. Психологи показывают, что вера в себя, в свою самоэффективность — неперенное условие (при прочих равных условиях) высокой интеллектуальной продуктивности. Нам уже приходилось ссылаться на теоретические и экспериментальные работы А. Бандуры: учащиеся колледжа с равным коэффициентом интеллекта, преуспевающие в учебе, показали разные результаты при решении тестовых заданий, аналогичных тем, которые предъявлялись студентам на экзаменах. Изучение личностных особенностей учащихся обнаружило, что продуктивнее и быстрее решали задачи те юноши, которые обладали уверенностью в себе. У ребят же, неуверенных в своих возможностях, результаты были хуже [13].

Сформировавшееся на протяжении жизни такое личностное качество, как вера в себя, уверенность в своей самоэффективности позволяет представителям поздней взрослости адаптироваться к непривычным для них условиям окончания профессиональной жизни и к собственным возрастным изменениям.

Психологические условия благополучного старения и некоторые стратегии преодоления трудностей поздних лет жизни

Многие старые люди, особенно мужчины, настолько отождествляют свою целостную личность с выполняемыми ими социальными ролями (т.е. с Персоной, по Юнгу, или с Персонажем, по П. Жанэ), что после отставки или перехода на пенсию у них возникает чувство резкого социально-психологического «падения» или даже деперсонализации. По свидетельству В. Франкла, такое же чувство самообесценивания появлялось у заключенных в фашистских концлагерях, где им приходилось жить в нечеловеческих условиях и изо дня в день слышать, что все они — люди низшей породы. Узников учили перечеркивать свое прошлое и жить настоящим, растаптывающим их человеческое достоинство. Применительно к этим условиям Франкл сформулировал один из важнейших принципов логотерапии. Человек должен научиться придавать значение тому, кем он был и что сделал, а не тому, кем он является в на-

стоящее время [10]. Иными словами, субъект должен сохранять, утверждать и развивать свою идентичность, не забывать, что он продолжает существовать в созданных им предметах материальной и духовной культуры, в воспоминаниях людей, общавшихся с ним, в своих детях и внуках.

Позитивная, хорошо организованная, устойчивая идентичность помогает старым людям сохранять самоуважение, высокую самооценку, чувство достоинства и, главное, — желание и способность в поздние годы вести социально активную жизнь, участвовать в посильных формах трудовой деятельности. Положительное значение прежней идентичности в поздние годы показано в экспериментах М. Либермана и С. Тобина. Их выборка включала 600 человек в возрасте от 70 до 80 лет. Все они отличались плохим здоровьем, а между тем обстоятельства вынудили их изменить свой образ жизни в неблагоприятном направлении (переселение в интернат). В ходе исследований по критерию успешности приспособления выделились две группы: 1) легко и успешно адаптировавшиеся к новым условиям жизни и 2) с трудом приспособляющиеся к изменившимся обстоятельствам. Оказалось, что представители первой группы сохранили свою прежнюю идентичность, чувство достоинства и автономию. Люди же, вошедшие во вторую группу, не могли приспособиться к пребыванию в интернате. Необходимость жить в интернате как бы перечеркнула их прежнюю жизнь. Они чувствовали себя глубоко уязвленными и новым образом жизни, и своей старостью [17].

Вопрос о способах интегрирования субъектом своей жизни и формирования позитивной (или негативной), хорошо организованной или «рыхлой» идентичности выходит за рамки этой статьи. Вместе с тем представляется целесообразным указать некоторые условия сохранения личностью своей идентичности в самые поздние годы и в самых неблагоприятных обстоятельствах. Часто центром устойчивой позитивной идентичности является один, пусть краткий отрезок жизни, насыщенный большой социальной и личностной значимостью. Так, ветераны Великой Отечественной войны и в свои поздние годы чувствуют себя героями-победителями, стремятся участвовать в различных общественных мероприятиях, заниматься посильным трудом.

Было бы, однако, большим упрощением считать, что сохранение прежней позитивной идентичности само по себе устраняет острые конфликты, характерные для людей, вступивших в период старости. Первый конфликт связан с потерей отставниками или пенсионерами важных для них социальных ролей, места в обществе. Сильное отождествление себя с прежним статусом приходило в противоречие с необходимостью дистанцироваться от него. Различные спосо-

бы разрешения такого конфликта еще предстоит изучить. Конфликт смягчается, когда субъект заранее начинает овладевать новой социальной ролью, не требующей привычного высокого напряжения, вырабатывает умение адекватно соотносить свое «хочу» и «могу». Крайг приводит совет 90-летней женщины — практикующего врача-психиатра, которая рекомендует создавать для пожилых людей новые сферы деятельности. Работа эта, однако, не должна вызывать напряжения, соревновательности. Исполнителей не должен также тяготить груз непосильной ответственности [6]. По данным отечественных психологов в ряде интернатов для престарелых практикуется вовлечение их в активную социально значимую деятельность (дежурить у телефонов, читать газеты ослабленным больным, морально поддерживать людей, находящихся в депрессивном состоянии и т.д.) [9]. Другая трудная ситуация в поздние годы связана с резким изменением внешнего облика человека, а точнее — его телесного бытия. Дело в том, что в переживаемую и осознаваемую идентичность личности самым существенным образом включается такая «ипостась» человека, которую Б.Г. Ананьев назвал его индивидуальными свойствами.

Человек на протяжении долгих лет взрослости настолько идентифицируется с формой своего телесного бытия, что ее изменение в старые годы переживает как частичную потерю своей тождественности, как незаслуженный удар судьбы, искажающий его личность. Особенно болезненно изменения своего внешнего облика переносят женщины. Их чувства выражены в стихотворении Р. Баумволь «Старость» [4, с. 115]:

Пред грозным ликом старости своей
Стою беспомощным ребенком.
И голосом, испуганным и тонким,
Молю ее — Не бей меня, не бей!
Она глядит из зеркала, страшна,
И я руками, словно от удара,
Стараюсь заслонить лицо. Но кара
Ждет неминуемо. А в чем вина?

Острота переживания людьми в поздние годы своих негативно изменившихся индивидуальных свойств зависит от того, какое место в системе ценностей, в смысловой сфере личности, в способе осуществления жизни занимает их «тело», их психотелесное бытие. У определенного числа людей свойственный им внешний облик и физические данные тесно связаны с требованиями высоко зна-

чимой для них профессиональной деятельности (спортсмены, артисты цирка и т.д.), которым приходится менять профессию в результате старения. Успешнее совладают с такой ситуацией актеры, преданные своему делу. Значительное изменение внешнего облика заставляет их менять свое амплу (переход от ролей блистательных героинь к ролям старух). Но лежащее в основе их сценического искусства мастерство перевоплощения в любую иную личность облегчает преобладание «духовного» над «телесным». Разумеется, психотелесное бытие личности никогда не осуществляется отдельно от ее духовного основания. Но у многих людей позитивные особенности этого бытия могут занимать ведущее место в поле сознания, в области осознаваемого. Свежесть молодости, выраженная женственность, красота, грация, обаятельная экспрессивность юного лица, отменное здоровье и сила могут переживаться как высшие ценности, определяющие чувство идентичности личности. При пониженной значимости иных ценностей утрата «психофизических» преимуществ выступает экзистенциальной трагедией стареющего человека. Однако и при наличии ценностей, определяемых любимым делом и благополучным семейным положением, понижение уровня витальности, увядание нередко влекут тягостные переживания. Дело в том, что в сознании социума закреплены возрастные мерки человека. Общество весьма чувствительно к незаметным для самого субъекта признакам его возраста. Эти признаки интерпретируются окружающими как проявления снижения уровня психического функционирования.

Стареющий человек, как правило, чувствует изменившиеся ожидания, требования и оценки. Если он не выработал собственные критерии оценки себя, не научился дистанцироваться от мнений окружающих, не утвердился в своей идентичности, он начинает «приглядываться» к себе, гиперболизировать обычные промахи, контролировать автоматически выполняемые действия, пытаться осознать мыслительные процессы. По существу, человек занимается саморазрушением, дезорганизацией сознания, и тем самым подтверждает пониженную социальную оценку. Для преодоления такого порочного круга субъекту требуется мужество, изобретательность и, главное, изменение отношения к себе. Он должен ориентироваться на свои достижения и успехи, одобрять себя за решение трудной проблемы, не корить себя за ошибки, а считать их следствием своей способности экспериментировать, рисковать. Субъект должен уметь подняться над собой и относиться к себе как к младшему брату (сестре), почаще одобрять «его», верить в «него», учить компенсировать неизбежные «утраты» позитивными «приобретениями».

Главной же заботой человека в поздние годы должны быть развитие духовной сферы личности — движение в пространстве глубинных смыслов бытия отдельного человека и человечества, понимание уникальности каждого индивида, его незаменимости. Уровень духовного развития человека накладывает особый отпечаток на его поведение, способ обращения не только с другими людьми, но и со всем тем, что создано человеком и проявляется во всем его внешнем облике. Значительно изменившиеся с возрастом черты такого человека интерпретируются теперь как индикаторы его возвышенности, благородства, надежности. Существует любопытная параллель между восприятием окружающими людьми духовности и мудрости: люди, сами не способные порождать мудрые мысли, выносить безошибочные суждения, прекрасно распознают мудрого человека. Точно так же богато развитая в духовном отношении личность обладает притягательной силой и для людей с невысоким уровнем духовности.

Некоторые психологические способы совладания с трудностями в поздний период жизни

Годы поздней взрослости можно причислить к одному из самых трудных этапов жизни человека. Конечно, в это время субъект сталкивается с тяжелыми ситуациями, характерными и для иных «сезонов» жизни. Но на них накладываются «нагрузки», характерные только для заключительных жизненных стадий. В некоторых отношениях положение старых людей сходно с условиями жизни неизлечимо больных. Утешительная максима «время все лечит» в обоих случаях неприменима. Об остром ощущении крайней ограниченности времени и пространства жизни сообщали также заключенные фашистских концлагерей. Подавляющее большинство представителей этих групп делают выбор в пользу жизни и должны организовывать ее.

Поскольку проблема преодоления трудностей в поздние годы почти не разработана, можно обратиться к опыту жизни людей в сходных экзистенциальных условиях. Речь при этом пойдет и о приемах частичного, временного совладания с трудностями, о способах достижения некоторой передышки, облегчения.

Крайне важным фактором благополучного старения и старости является продолжение человеком своей профессиональной деятельности. Даже занятие ею в неполном объеме позволяет личности совершенствоваться в профессиональном плане и утверждаться в плоскости своей идентичности. Перед личностью не встает

задача изменения образа жизни — снятия неопределенности. Пространство ее жизненного мира не сужается, сеть межличностных связей может расширяться, сохраняется позитивная самооценка. Характерно, что люди, активные и продуктивные в области своей профессиональной деятельности, как правило, преданно и серьезно занимаются хобби. И это любимое занятие иногда становится их профессиональным делом, заменяющим в поздние годы прежнюю профессию. Всякая профессия является особым способом проявления и закрепления личности в окружающем ее предметно-социальном пространстве. Овладевая новой профессией, человек расширяет зону своего присутствия в бытии и обретает чувство своего продолжающегося роста.

Первоочередная задача, стоящая перед человеком, не подготовленным к завершению своей основной профессиональной деятельности, заключается в том, чтобы найти способ, выражаясь словами Эриксона, своей генеративности в материальной или духовной сфере (наставничество, воспитание новых поколений, занятия в природоохранной области и т.д.). Любая порождающая деятельность устраняет состояние неопределенности путем выработки новых смыслов и значений предметного и социального мира. Решение такой задачи требует значительного напряжения психических сил человека. Но принимаемые усилия побуждают личность использовать свой не только актуальный, но и потенциальный жизненный опыт, который, как выражаются зарубежные психологи, образует «зону ближайшего развития» пожилого человека. Таким образом, индивид и в поздние годы может быть субъектом своего развития, способным контролировать складывающиеся обстоятельства и управлять ими.

В настоящее время накапливается все больше экспериментальных данных о способности старых людей адаптировать к себе условия своей жизни. Психологи опровергают высказанное в 70-е гг. мнение об универсальном снижении личностного контроля с возрастом. Показано, что опыты, на которых основывалось это мнение, не учитывают весьма значительные индивидуальные различия между «испытуемыми». Есть все основания считать, что существенные различия в способности старых людей заново организовывать и структурировать свою жизнь следует искать в особенностях всей прошлой жизни человека. Период старения и старости — логическое продолжение пережитых периодов. Переживаемые в старости большие психологические перегрузки и сложные проблемы заостряют проявление личностных позиций, степень уверенности в себе, умение оптимизировать условия жизни, гибко менять планы и т.д. Пробле-

ма связи поведения человека в поздние годы с типом его предыдущей жизни нуждается в фундаментальной разработке, но некоторые эмпирические материалы вносят вклад в ее решение. Вот лишь один конкретный пример.

Женщина, много лет выполнявшая рутинную канцелярскую работу в одной крупной фирме и гордившаяся принадлежностью к ней, крайне тяжело переживала свой выход на пенсию. Она не пыталась найти иную работу и перестроить свою жизнь. Она просто психологически отвергла факт потери своей социальной роли. Каждое утро она «уходила в офис», а вечером возвращалась домой. Попав в интернат, она и там продолжала носить в сумочке бумажки — «письма для рассылки» и все происходящее интерпретировала в соответствии со своей прежней идентичностью: прислушивалась к разговорам медсестер и негодовала: «Опять девушки-машинистки занимаются болтовней» [6]. Это крайний случай отказа от принятия альтернативного жизненного пути.

Но многие старые люди также испытывают большие трудности при необходимости принять более или менее ответственное решение по жизненно важным вопросам. В этих случаях может оказать помощь прием, который В. Франкл назвал категорическим императивом логотерапии: субъект должен вести себя так, как если бы он жил второй раз, т.е. вообразить, что его теперешнее настоящее уже является прошлым, и в этом прошлом он поступил так, как собирается поступить сейчас, но его решение оказалось неправильным. Следовательно, нужно весьма основательно обдумать возможность и других решений.

Структурируя свой новый образ жизни, личность должна мысленно оперировать не только настоящим и прошлым временем, но также настоящим и будущим (прогнозируемым). Ей следует направить свои усилия на расширение границ настоящего за счет будущего. В психологическом, виртуальном будущем субъект располагает свои замыслы, намерения, цели, планы, предполагаемые события. Все эти образования обладают сильным мотивационным потенциалом, который насыщает структуру настоящего. Кроме того, они порождают поисково-исследовательскую активность личности, направленную на установление значения для реализации целей различных объектов жизненного мира человека. Аналитическая деятельность направлена и на содержание центральных и периферических областей сознания. Происходит дальнейшее развитие личности.

В представлении старых людей будущее занимает лишь небольшую часть их личностного пространства. Они ставят весьма немногочисленные, едва выходящие за пределы настоящего цели. Тем са-

мым возможности их личностного роста обедняются. Поэтому окружающие должны побуждать представителей поздней взрослости ставить и кратковременные, и долговременные цели, не избегать сложных жизненных проблем, но прилагать усилия для их решения. В таком случае будущее как бы вторгается в настоящее и увлекает его за собой.

В тех случаях, когда настоящее для человека очень тягостно, он может прибегнуть к «оперированию» своим психологическим прошлым и антиципируемым будущим. К такому приему обращался, находясь в Освенциме, Франкл и некоторые его товарищи по заключению. Сам он вызывал в памяти образ своей горячо любимой жены и подолгу беседовал с ней. В другие моменты он воображал, что стоит на университетской кафедре и рассказывает студентам о том, что ему пришлось пережить. Эти психологические приемы делали менее реальным тяжелое настоящее, оно как бы тускло. Наступало временное облегчение, актуализирующиеся мажорные эмоции помогали бороться с тяжким настоящим. Такие «стратегии» в отличие от механизмов психологической защиты, не искажают реальность, которая на короткое время лишь отодвигается, давая некоторую передышку.

В контексте эмоциональной жизни людей в поздние годы логично поставить слабо разработанную в психологии проблему природы и роли отчаяния, а также слез человека в этот период.

Напомним, что Эриксон личностное новообразование последней стадии жизни назвал мудростью, выделив две ее образующих, — интегративность и отчаяние. В литературе обычно подчеркивается негативная роль отчаяния как признание человеком своего полного бессилия и безысходности положения дел. Но это лишь одна его сторона. Отчаяние также может тонизировать субъекта, вызывать в нем стенические эмоции. Оно свидетельствует о напряженности психической жизни человека, о глубоких переживаниях по поводу проступков, нереализованных желаний, тупиковых ситуаций. Отчаяние может толкнуть субъекта на самый смелый, казалось бы, не имеющий разумного основания поступок, единственно эффективный в данной ситуации. Дело психолога — не допустить перехода отчаяния в депрессию, в попытки избавиться от этого чувства саморазрушительными стратегиями. Хорошо известны и другие приемы совладания с отчаянием — исповедаться, рассказать о своем состоянии другому человеку, даже совсем незнакомому. Однако дать психологический анализ этому феномену я не берусь.

Также нелегко раскрыть психологический (не физиологический!) механизм успокаивающего действия слез — характерной реакции на ситуацию старости определенного типа личности. По кри-

терию произвольности их можно отнести к механизмам психологической защиты, но по уровню осознанности — к способам совладания. Франкл неоднократно был свидетелем горьких слез узников концлагерей. Так, один из них, безуспешно пытаясь втиснуть обмороженные, распухшие, изъязвленные ноги в рваные ботинки, не мог сдержать судорожных рыданий. Когда по прошествии значительного времени психолог спросил у этого узника, как же он справился с такой мучительной болью, тот ответил: «Я выплакал боль из своего организма». Можно предполагать, что не боль сама по себе (физическая или душевная) вызывает слезы, но чувства, порожденные переживанием боли, — чувства незаслуженной обиды. От боли «самой по себе» люди стонут, даже кричат. Слезы же порождаются жалостью к себе, желанием получить утешение от другого, пусть этим «другим» будет сам же страдающий человек.

Описывая ситуации, порождающие такие экспрессивные реакции, Франкл призывает не стыдиться слез, ибо они свидетельствуют о том, что человек проявляет величайшее мужество — мужество страдания [10, с. 173].

Следует сказать еще об одном способе временного облегчения человека от тяжелых переживаний. Это создание им для себя «маленьких радостей» на обыденном уровне жизни. Радости эти могут быть настолько незначительными, что люди даже стесняются рассказывать о них. Мне не раз приходилось слышать признания о возникновении чувств благополучия и облегчения, если в момент душевной пустоты, переживания обездоленности, безрадостного существования появляется возможность полакомиться чем-то вкусным, побаловать себя чашкой ароматного кофе, достать интересный журнал и т.п. И это понятно. Личность — целостна, «духовные» и «материальные» ее потребности интегрированы, у них общее смысловое основание.

Мне уже приходилось рассказывать об эмпирических исследованиях зарубежных психологов, которые спрашивали ученых о том, что они переживают, когда начинают разрабатывать свою новую идею. Многие из них сообщали о возникшем чувстве сытости, о поглощении чего-то аппетитного. Эстетическое чувство возникает не только при созерцании прекрасного произведения искусства, но и при ощущении запаха цветов или духов, при смаковании знатоком тонкого старинного вина и т.д.

Франкл описывает, как возвращаясь в колонне заключенных в барак после изнурительной работы, почти умирающий от голода и холода, он, чтобы не поддаться отчаянию, отламывал от черствой корочки, которую всегда носил в кармане, крошечный кусочек

и принимался его посасывать, наслаждаясь вкусом и запахом хлеба. Так он погружался в мир, в котором царствовали уют, тепло, благополучие, и «возвращался» оттуда с новыми силами.

В отличие от таких приемов частичного облегчения личности от своих тяжелых переживаний, в геронтопсихологии выделена обобщенная «стратегия», называемая дистанцированием. В этом контексте содержание понятия «дистанцирование» отлично от значения такого же термина, фигурирующего в разных психологических теориях. В концепции Эриксона, например, дистанцирование означает самоизоляцию человека от мира и причисляется к дезадаптивным «силам», пагубным для развития личности. В геронтопсихологии этот термин означает способность человека с большим жизненным опытом подниматься над сложными жизненными обстоятельствами и над собой, посмотреть «прямо в лицо» трудной ситуации, не вступая в ее силовое поле, не позволяя захлестнуть себя неуправляемым эмоциям, дезорганизующим сознание. Субъект подчиняет себе события своей жизни, отстраняя их от себя, делая объектом осмысления, оценки, преобразования. Он прокладывает нейтральную полосу между собой (субъектом) и выделенным им объектом, которым может оказаться и вся его собственная жизнь. Дистанцирование имеет в своей основе широкое психологическое основание, в которое входит знание неизбежной драматической составляющей жизни, понимание того, что вмешательство иногда может только усугубить ситуацию, что любой ее исход имеет неоднозначные последствия. Психологическое отстранение, обособление позволяет увидеть многомерность тяжелых ситуаций, понизить уровень их серьезности, распознать в них элементы комического. Не без оснований способность к дистанцированию психологи связывают с чувством юмора. Это чувство нередко проявляется даже в экстремальных обстоятельствах, помогая людям скрасить мрачную действительность. Франкл сообщает, что «черный юмор» бытовал у узников концлагерей. По его словам «юмор как ничто иное в человеческой природе может способствовать дистанцированию, способности подниматься над любой ситуацией» [10, с. 147]. Более того, он считает юмор жизнетворческой способностью и пишет, что «увидеть вещи в юмористическом свете — один из важных способов овладеть искусством жизни» [там же]. В психологии высказывается предположение, что чувство юмора — природный дар человека. Возможно, что не все люди в равной мере наделены способностью к этому чувству. Но многое зависит и от условий воспитания и развития личности. Франкл, основываясь на своем огромном жизненном опыте, утверждает, что это жизнеутверждающее чувство можно и должно развивать у людей.

У представителей поздней взрослости добродушное подшучивание над другими и над собственными промахами и неловкостями — индикатор их благополучного старения, признак интеллектуальной гибкости субъекта, сохранения позитивной самооценки и интегративной идентичности. Шутка — защитный барьер против насмешек, недоброжелательных замечаний.

Мы остановились лишь на некоторых психологических способах борьбы людей в их поздние годы с различными жизненными трудностями. Эти способы в настоящее время называют психологическими технологиями. В зарубежной психологии они носят название копингов (coping) или копинг-стратегий. К настоящему времени ученые выделили уже более ста таких стратегий. Мы проанализировали те психологические приемы совладания с несущими угрозу и порождающими тревогу обстоятельствами, которые не получили должного внимания психологов, сделав акцент на тех из них, которые продуктивны применительно к этапам старения и старости. Конечно, у представителей поздней взрослости действуют и механизмы психологической защиты, которые отличаются от копингов неосознанностью, произвольностью, искажением действительности, ограничением степеней свободы личности. Предполагается, что у людей в поздние годы реализуются более зрелые защитные функции Эго, которые пропускают травмирующую информацию в сознание, но искажают ее содержание, интерпретируя его в соответствии с неадекватной концепцией мира. При этом у личности могут существовать две прямо противоположные концепции. Это механизмы интеллектуализации, рационализации, изоляции, реактивных образований и другие. Предстоит огромная работа по исследованию состава и типологии психологических защитных механизмов у старых людей, а также их связи с механизмами, «работающими» в более ранние периоды жизни, и с осознанными психологическими технологиями борьбы с трудностями жизни.

Заключение

Выявление психологического своеобразия людей в поздние годы требует изучения развития человека на протяжении всей жизни путем лонгитюдного метода. Метод поперечных срезов не позволяет отделить возрастные и когортные изменения. При оперировании средними данными не учитываются индивидуальные различия людей, которые предположительно заостряются на этапе поздней взрослости. Поэтому результаты многих работ носят скорее характер гипотез и выступают основой для размышления, обсуждения, анализа. При этом намечаются важные тенденции, противоречащие недавним не-

гитивным представлениям о людях в период старения и старости. Есть основания полагать, что развитие и изменение личности происходит на протяжении всей жизни. Сохраняется ее способность быть субъектом своего бытия, устранять ситуацию неопределенности при завершении профессиональной деятельности, создавать новый жизненный мир с изменившейся структурой смыслов и значимостей.

Однолинейная модель развития (прогресс — плато — регресс) уступает место модели многомерного и разнонаправленного развития личности. Даже на поздних этапах развития социально-психологические «утраты» сочетаются с позитивными новообразованиями. На первый план выступает механизм компенсации. Продолжается развитие интеллекта, главным образом — кристаллизованного, связанного с осмысливанием и переработкой жизненного опыта, с практикой жизни, ее планированием. Парадоксальным образом качество мудрости не является прерогативой лишь людей позднего возраста. Предстоит полнее изучить функциональную организацию мудрости, ее истоки и предпосылки.

На качество развития в поздние годы существенно влияют внешние и внутренние факторы. Среди внутренних условий особенно важны: сохранение и дальнейшее развитие прежней позитивной, хорошо организованной идентичности, сохранение и реализация своей позиции субъекта жизни, уверенность в себе, рост способности к самоанализу и саморефлексии; способность расширять свое будущее за счет постановки личностно значимых целей, предуготовленности к антиципируемым событиям, умение противостоять навязываемым социумом негативным мнениям. Выявлены некоторые психологические способы (копинги) совладания с трудностями жизни или частичного облегчения себя от тягостных условий в настоящем: мысленное оперирование разными временными периодами своей жизни, мысленное перемещение себя в благополучное прошлое и будущее; умение дистанцироваться от смыслового и энергетического поля тяжелых житейских проблем, создание для себя «маленьких» радостей, позитивная переоценка прошлого в свете трудностей настоящего и другие.

Литература

1. *Александрова Н.Х.* Особенности субъектности человека на поздних этапах онтогенеза. Автореф. ... докт. психол. наук. М., 2000.
2. *Алишев Б.С.* Некоторые проблемы системного взаимодействия личности с миром: психологический аспект // Системные исследования в общей и прикладной психологии. Сб. научных трудов. Набережные Челны, 2000.

3. *Аграновский Д.* Людоедская «демократия» // Советская Россия, 18 сентября 1999 г.
4. *Баумволь Р.* «Пред грозным ликом старости моей...» // Новый мир. № 4 (900). 2000.
5. *Владиминова Е.* Старость начинает и выигрывает // Литературная газета, 1999. № 29-30.
6. *Крайг Г.* Психология развития. 7-е международное издание. «Питер», Санкт-Петербург-Москва-Харьков-Минск, 2000.
7. *Краснова О.В.* Стереотипы пожилых и отношение к ним // Психология зрелости и старения. Ежеквартальный научно-практический журнал. Весна, 1998(1). М., Центр геронтологии, 1998.
8. *Краснова О.В.* Круглый стол «Социально-психологические проблемы пожилых людей» // Журнал практической психологии, 1998. № 3.
9. *Максимова С.Г.* Социально-психологические и биологические аспекты жизнеосуществления старших возрастных групп. Барнаул: изд-во Алтайского гос. ун-та, 1997.
10. *Франкл В.* Основы логотерапии. Психотерапия и религия. Санкт-Петербург: Речь, 2000.
11. *Шахматов Н.Ф.* Принципиальные положения в определении понятия «психическое старение» // Современные вопросы геронтологии и гериатрии // Тезисы V Закавказской конференции по геронтологии и гериатрии. Баку, 1987.
12. *Шахматов Н.Ф.* Психологическое старение. М.: Медицина, 1996.
13. *Bandura A.* Social Foundations of thought and action: A Social-cognitive theory. Prentice-Hall, Inc. // Englewood Cliffs, New Jersey. 1986.
14. *Baltes P.B.* Theoretical propositions of life-span developmental Psychology, 1987. V. 23. P. 611-626.
15. *Baltes P.B.* The aging mind: Potential and limits // Gerontologist, 1993. V. 33. P. 580-594.
16. *Feil N.* The validation Breakthrough. N. Y. Maple-Viel company. 2nd ed. 1994.
17. *Lieberman M., Tobin S.* The experience of old age: Stress, coping and survival. N. Y. Basic Books, 1983.
18. *McCrae R.* Differences age and changes in the use of coping mechanisms // J. of Gerontology, 1989. V. 44. P.161 – 169.
19. *Riegel K.F.* The dialectics of human development // American Psychologist, 1976. V. 31. P. 689-700.
20. *Schaie K.W., Willis S.L.* Can adult intellectual decline be reserved? // Developmental Psychology, 1986. V. 22. P. 223 – 232.
21. *Smith J., Baltes P.D.* Wisdom-related Knowledge: age/cohort differences in response to life-planning problem // Developmental Psychology, 1990. V. 26. № 3. P. 494 – 505.

17

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ЗАКОНОМЕРНОСТИ РАЗВИТИЯ ЛИЧНОСТИ ВЗРОСЛОГО ЧЕЛОВЕКА И ПРОБЛЕМА НЕПРЕРЫВНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

ГЛАВА

Концепция непрерывного образования теснейшим образом связана с фундаментальными проблемами психологии и прежде всего с проблемой формирования и развития личности. Возникнув как выражение настоятельной социальной необходимости, эта концепция выявляет существенные пробелы в разработке психологии развития и ставит перед ней новые вопросы. Несмотря на огромную литературу и необозримое число исследований психологии развития до сих пор не существует, ибо пока еще крайне мало известно о закономерностях развития взрослой, зрелой личности, не выявлены законы ее целостного жизненного пути.

Изучение причин отставания психологии взрослости, коренящихся в методологии и теории психологической науки, заставляет обратиться к анализу существующих концепций психического развития.

В психологии и педагогике эксплицитно или имплицитно существуют две противоположных теории развития. Согласно первой из них, развитие психологической организации личности направлено на достижение определенного состояния — взрослости или зрелости, за пределами которого собственно развитие прекращается, замещаясь простым изменением. Такая точка зрения до недавнего времени была широко распространена в западной психологии. В работах, посвященных проблемам развития и формирования личности, анализ обычно заканчивался периодом юношества. В этих работах широко используется методологически и практически важное понятие «задач развития», выдвинутое Комитетом по развитию человека при Чикагском

университете. Для каждого возрастного периода сформулированы свои социальные и психологические задачи. Назовем некоторые из них, относящиеся к периоду ранней юности. Необходимо успешное овладение знаниями, которое должно сочетаться с приобретением уверенности в своей относительной экономической независимости. Для этого рекомендуется собственно учебную деятельность дополнять трудом, который оценивается обществом и формирует у подростка стремление строить жизнь своими собственными усилиями. Подчеркивается необходимость установления положительных отношений со сверстниками, овладения мужской или женской социальной ролью. Своеобразие этого периода заключается в том, что уверенность в себе и принятие себя становится неотделимым от принятия своей наружности, что нередко требует помощи взрослого. Человека, вступающего в раннюю юность, нужно научить уважать себя. Большое значение придается и достижению эмоциональной независимости от родителей, в результате которой взаимная любовь и уважение должны подняться на новый, более взрослый уровень.

Задачи периода поздней юности заключаются в выборе профессии, подготовке к ней, опробовании работы, включении в общественную деятельность, формировании чувства ответственности перед обществом и желания такой ответственности. Констатируется, что в этот важный период человек более всего оказывается предоставленным самому себе — ослабевают его социально-психологические связи и с родителями, и со сверстниками. Опасность формирования индивидуалиста-одиночки, нечувствительного к общественным ценностям, требует активного участия юноши в общественной жизни, в делах разных общественных организаций — участия, способствующего образованию системы просоциальных ценностей. В эти же годы юноша должен создать собственную семью, приобрести умение строить отношения с людьми, быть способным при общении с ними оставаться самим собой. В результате решения этих социальных и психологических задач юноша должен обрести чувство собственной идентичности, тождественности — знать, кто он такой, каковы его цели и жизненная перспектива, кем он является в глазах окружающих, какое место он занимает в определенной социальной группе, в обществе и т. д.

Эти задачи постоянно дополняются, расширяются и конкретизируются исследователями, выделяются и инвариантные социальные и психологические предпосылки их решения формирующейся личностью: преобладание положительного эмоционального фона, приобретение интеллектуальных и физических умений, одобрение и уважение значимых авторитетных людей и т. п.

И только для периода взрослости — основного периода жизнедеятельности человека — не сформулированы сколько-нибудь четко новые задачи [6].

Говоря о развитии интеллектуальной сферы личности, некоторые психологи защищают положение о том, что интеллект человека завершает свое развитие к 12 — 16 годам — по достижении уровня логического интеллекта или обретения способности действовать в уме. Все личностно-психологические новообразования, все способы активного отношения к миру, возникающие на последовательных генетических стадиях развития личности, рассматриваются представителями подобной концепции как вспомогательные и теряющие свой смысл на стадии взрослости, которая поглощает и растворяет предшествующие ей стадии.

Эта концепция должна быть радикальным образом пересмотрена и заменена иной, основанной на положении о безграничности личностного развития человека, о развитии как основном способе существования личности особенно на современном уровне общественно-исторического бытия. Период зрелой личности не может рассматриваться как такое конечное состояние, к которому направлено психологическое и социальное развитие человека и которым оно заканчивается. В настоящее время в мировой психологической науке намечается тенденция переместить центр исследования с раннего онтогенеза на период взрослости, подвергнуть изучению личность зрелого человека, выявить особенности его интеллекта, мотивов и чувств, раскрыть суть переживаемых им кризисов. Начинает формироваться новая отрасль возрастной психологии — психология среднего возраста [8, 9]. Значительное распространение за последнее время получает и психология развития человека на протяжении всей его жизни. Можно указать на работы Г. Томе [4], на труды, вышедшие под ред. П. Бэлтеса и К. Шайе (1973), Н. Дэтэна и Л. Гинсберга (1975), Н. Дэтэна и Г. Риса (1977), П. Бэлтеса (1978) (см. также [9, 10]). Начинают разворачиваться теоретические и экспериментальные исследования структуры и функций интеллекта взрослого человека. Акцент на изучении интеллектуальной сферы взрослых объясняется рядом причин, в том числе онтологической и гносеологической. Онтологическая заключается в том, что именно интеллектуальные процессы по мере становления личности начинают играть все большую роль в мотивационно-потребностной, эмоционально-аффективной и волевой сфере человека. Гносеологический фактор относится к особенностям развития самой психологической науки, в которой, как известно, появилось новое течение «когнитивная психология». В сфере науки оформилось направление «когнитивная наука» [7].

Конкретные исследования позволяют сделать вывод о том, что происходят качественные преобразования структуры интеллекта взрослого человека. В структуре мышления доминирующее место начинает занимать обобщение на словесном материале. Центральной характеристикой памяти становится объем вербального запечатления долговременной памяти. Более того, исследования обнаружили, что у зрелой личности совершается переход интеллекта на новую стадию развития, которая характеризуется способностью не только решать поставленные извне перед человеком задачи, но и самому ставить проблемы, нередко достойные усилий многих поколений¹. Возникает и умение решать по-новому старые задачи — путем включения их в более широкий научный, междисциплинарный, социальный, философский контекст. Формируется способность рассматривать события собственной жизни с позиций целого общества, с позиций судеб человечества. Появляется умение подходить нестандартно к существующим правилам, нормам и преобразовывать их [1,5].

Следует при этом подчеркнуть, что переход мышления на новый уровень развития не ограничен рамками некой интеллектуальной элиты и не является прерогативой людей умственного труда. В то же время это и не функция определенного возраста самого по себе. Необходимым условием достижения такой стадии становления мышления выступает постоянная интеллектуальная активность личности в значимых для человека сферах жизнедеятельности.

Формирование у взрослого человека новых интеллектуальных способностей — убедительное свидетельство возникновения у него не только новых познавательных мотивов, но главное — нового типа отношений к миру, новой системы ценностей, нового отношения к себе. Переход на стадию постановки новых проблем — индикатор высокого уровня пристрастного отношения к действительности, принятия на себя ответственности за течение событий, за судьбы и дела других людей.

С этой точки зрения непрерывное образование должно не просто способствовать усвоению новых знаний или новой системы знаний. Оно должно обеспечить подъем интеллекта человека на более высокий уровень, а главное — обеспечить переход целостной лич-

¹ Между тем вся современная психология мышления построена на исследовании того, как человек решает задачи, уже сформулированные и поставленные кем-то, и остается неизвестным процесс возникновения и постановки субъектом совсем новых задач. Без изучения же этого процесса остается односторонней и психология мышления, и, тем более, психология творчества.

ности на новые уровни развития. Только единство формирующей и обучающей функции позволит непрерывному образованию выполнить свою миссию — сделать личность готовой не только успешно следовать за ускоряющимся темпом общественного развития, но и в какой-то мере опережать, предвосхищать новые социальные требования.

Одновременно непрерывное образование ставит и свои особые задачи перед психологией мышления и психологией способностей. Исследование эволюции структуры способностей в процессе перехода от учебной к профессиональной деятельности показывает, что в этой структуре доминирующее значение начинают приобретать специальные способности, тогда как ранее преимущественное развитие получал общий интеллект. Разумеется, развитие специальных способностей неизбежно обуславливает и продвижение общего интеллекта, так что речь идет скорее о некотором смещении центра тяжести развивающейся структуры способностей. Предстоит исследовать, как же повлияет на эту структуру непрерывная образовательная деятельность, предполагающая освоение не только новой структуры знаний, характерной для данного исторического периода, но и нового способа мышления, нового видения мира. Другая проблема касается эмпирического факта существования двух типов интеллекта, которые можно условно обозначить как «интеллект предметных отношений» и «интеллект межличностных отношений».

Наблюдения показывают, что человек, способный к высоким интеллектуальным достижениям в технической области, в сфере изучения неорганической природы, тонко ориентирующийся в широкой сфере предметных отношений, очень часто плохо понимает взаимоотношения людей, неспособен почувствовать состояние другого человека, неспособен решать проблемы межличностных отношений несмотря на то, что общение с другими людьми занимает значительное место в жизнедеятельности каждого члена общества. Этот второй тип интеллекта совсем не исследован в психологическом плане, а между тем социальная значимость его все время возрастает в современном обществе, где коллективная деятельность, коллективное решение задач занимает столь большое место. В непрерывной образовательной деятельности ценность интеллекта «социального мира» весьма велика. Представляется, что в будущем все большее место будут занимать коллективные формы непрерывного образования, включающие встречи профессионалов разного профиля, небольшие «круглые столы», симпозиумы «малых форм», — и все это не только в области науки, но и

применительно к самым разным профессиям, а также в общеобразовательном плане. При этом участники совместной образовательной деятельности должны знать о существовании сильнейших эмоциональных барьеров, мешающих человеку отказаться от усвоенной и некогда лично принятой системы ныне устаревших знаний, о необходимости создания у собеседника или слушателя положительной эмоциональной установки, эмоциональной готовности освоить иной способ мышления, иное отношение к тем или иным явлениям, о действии механизмов психологической защиты своего «я», слитого у взрослого человека со сложившимся мировоззрением, с выработанными убеждениями, нуждающимися, однако, в коррекции на новых этапах развития общества. Иначе говоря, необходимо надежное психологическое обеспечение непрерывного образования, требующее от психологов, в частности, разработки проблем интеллекта «социальных отношений».

Есть основания полагать, что непрерывное образование выступит фактором усиления структурной согласованности, гармоничного сочетания интеллектуальных и иных свойств личности. Применительно к организации интеллекта исследования показали, что с возрастом усиливаются связи между образным, практическим и вербально-логическим мышлением. При этом следует подчеркнуть, что именно учебная деятельность способствует взаимосогласованности разнородных и разнородных форм мышления, делая всю систему интеллекта более гибкой и подвижной. Е. И. Степанова, обобщая результаты своих исследований, пишет: «Взаимосвязи образных, вербально-логических и действенных компонентов мышления у обучающихся взрослых отличаются большой подвижностью, что сказывается в проявлении ими гибкости при решении задач, особенно практического типа. Учащиеся быстрее выходят за пределы привычных способов решения задач» [3]. Можно предполагать, что именно растущая гибкость мышления позволяет зрелой личности преобразовывать привычную ситуацию в проблемную, освобождаться от стандартных стратегий решения социальных задач. Формируется индивидуальный стиль учебной деятельности на основе взаимосогласования разнородных и разнородных свойств личности.

Разумеется, непрерывная образовательная и самообразовательная деятельность человека приводит к значительным изменениям не только его интеллекта, но и иных психологических свойств личности. Если взять лишь одну сторону непрерывного образования — приобретение новых знаний, то и в этом случае произойдет преобразование всей личности. Ведь в психологической структуре личности профессиональные, научные, эстетические, этические знания

неразрывно связаны с эмоционально-ценностным отношением человека к вновь познанной области действительности. Можно выдвинуть общее положение. С качественным ростом познания происходит включение в число эмоциогенных факторов новых сфер жизни. Поэтому важной стороной непрерывного образования выступает непрерывное формирование эмоций человека, воспитание культуры чувств.

Непрерывное накопление новых знаний и умений, новых способов ориентировки в мире приводит к появлению новых возможностей человека, новых психологических способностей. Возникающее при этом у личности переживание своих возросших возможностей выступает как мотиватор, движущая сила особой активности человека, направленной на опробование своих новых потенций. Тем самым формируется механизм поиска новых, необычных, трудных ситуаций. В психологических исследованиях такой механизм вскрывается на стадии юности. Именно в этот период становящейся личности необходимо «прощупать» спектр своих возможностей. Наблюдающееся затем в зрелые годы нежелание идти даже на оправданный риск — один из индикаторов медленного накопления новых возможностей человека. Непрерывное образование, с этой точки зрения, не только способ обретения человеком новых возможностей, но и социальный механизм сохранения и воспроизведения некоторых характеристик периода юности на стадии взрослости. При этом вступает в действие важная психологическая закономерность — одна из значительно возросших способностей, возможностей личности становится побудительной силой и средством подтягивания до своего уровня менее развитых свойств и способностей личности. Тем самым обеспечивается дальнейшее развитие всей личности, новое накопление ее потенций.

Есть основания полагать, что непрерывное образование может выступить одним из способов успешного разрешения довольно распространенного кризиса периода взрослости.

Кризисы зрелого возраста имеют общественно-историческую природу. В мировой психологической литературе применительно к современному высокоразвитому обществу описаны кризисы третьего и пятого десятилетий [4]. При неблагоприятных условиях для своего разрешения кризисы взрослости могут привести к регрессивному ее развитию, вызвать заболевания личности. К сожалению, до сих пор не стал предметом психологического анализа кризисный феномен, хорошо известный в обыденной жизни и многократно описанный в художественной литературе. Он рисуется как потеря чувства нового, отставание от жизни, понижение уров-

ня профессионализма. Возникающее в результате у человека тяжелое психологическое состояние можно называть разновидностью кризиса идентичности.

Человек, привыкший считать себя способным, нужным, специалистом высокого класса, соответствующим своему социальному статусу, обнаруживает, что он стал иным, нетождественным себе. Возникает смутно, но мучительно переживаемая человеком необходимость понижения собственной самооценки. При этом следует иметь в виду следующий факт. Согласно работам А. Р. Лурия, Л. И. Божович, Д. В. Ольшанского, самооценка человека — многоуровневое образование, в котором можно выделить по крайней мере три уровня: эмоционально-двигательного самоощущения, эмотивно-поведенческой самооценки и, наконец, самооценки когнитивной, входящей в механизм регуляции межличностных, осознанных отношений. Как показали исследования Д. В. Ольшанского [2], у большинства людей эмотивно-поведенческая самооценка, не осознаваемая самим человеком и выявляемая лишь косвенными путями, несколько выше когнитивной. Есть веские основания предполагать, что именно этот второй уровень самооценки, обычно адекватно отражающий истинные достижения человека, и страдает в первую очередь при кризисе идентичности, вызванном отставанием индивида в значимой для него области жизнедеятельности. Пропадает радостное ощущение полноты жизни, возникает состояние подавленности, причины которого осознаются не сразу, а осознаваясь, переживаются как исчерпание своих возможностей. Между тем исследование процессов, происходящих в современном обществе, показывает, что этот феномен — результат ускорения невиданными темпами хода развития общества². Одним из психологических его последствий и выступает явление кризиса идентичности. Осознаваемая при этом необходимость не просто пополнить запас знаний, но обрести новое «профессиональное мировоззрение» переживается нередко как унижение достоинства личности, как возвращение на стадию школярства. Хотелось бы, кстати, подчеркнуть необходимость введения понятия «нового уровня профессионального мировоззрения» в концепцию непрерывного образования, потому что за последние годы устаревают не просто те или иные знания — преобразуется категориальная сеть дисциплин, из-

² Это ускорение темпа жизни общества имеет и другой эффект — углубление социально-психологического разрыва между поколениями. В этой ситуации непрерывное образование выступает как эффективное средство частичного преодоления этого разрыва.

меняется их связь с другими дисциплинами, изменяется место профессии в народном хозяйстве, а значит и место людей, занимающихся определенным видом труда. Признание социальной необходимости непрерывного образования обретает в этой ситуации важный психологический, а точнее, — психотерапевтический эффект, поскольку осознание несоответствия уровня своего профессионализма требуемому обществом уровню теряет личностный смысл собственной неполноценности данного индивида, личностной невосполнимой ущербности, утраты нужных способностей.

В действительности лишь пределы жизни ставят границы выявления новых потенций человека, формирования новых его способностей и развития в случае необходимости мощных компенсаторных психологических механизмов. Выделенная разновидность кризиса идентичности нуждается в дальнейших исследованиях, но уже сейчас можно указать на тенденцию «помолодения» этого кризиса, поскольку в обществе темпы качественного преобразования почти всех областей общественной жизни резко возрастают.

Включение в совмещенный способ жизнедеятельности человека образовательной деятельности в качестве органичного компонента действенных жизненных отношений личности к миру означает не только перестройку всех иных компонентов, но и преобразование личности в сторону большей гармонизации ее психологических свойств, причем гармонизации на повышающемся, а не на понижающемся уровне.

Психологическое значение непрерывного образования интересно рассмотреть также в контексте проблемы связи уже пройденных личностью стадий развития с системным строением ее сложившейся к данному моменту (но продолжающей развиваться) психологической организации. Мы придерживаемся положения о том, что личностно-психологические новообразования каждой стадии развития человека, все последовательно формирующиеся типы активного отношения индивида к миру — предметные действия, общение, игра, учение, общественно-политическая деятельность, труд, воспитание нового поколения — закрепляются в преобразованном виде в системной организации личности, выступая в виде основных ее уровней и функциональных подсистем. Иначе говоря, они образуют вертикальную и горизонтальную функциональную структуру личности. Игра, например, отнюдь не является лишь преходящим этапом становления личности. Преобразуясь на каждом уровне индивидуального развития под влиянием новых форм активности человека, игра продолжает оставаться важным типом и уровнем функционирования личности взрослого челове-

ка, условием сохранения его психической здоровья и полноценной созидательной деятельности. Спортивные игры, игры-развлечения, игры родителей с детьми и многие другие, еще не исследованные в психологии виды игровой деятельности, продолжают занимать важное место в качестве необходимого уровня системы жизнедеятельности личности. С этой точки зрения и образовательная деятельность не может быть ограничена рамками детства и юношества. В преобразованном и постоянно преобразующемся виде она непременно должна включаться в личностную систему как необходимый уровень ее функционирования. Это положение требует не только частных пояснений, но и введения в психологию новых представлений о строении личности, о структуре ее психологической организации. Сейчас в психологии возникло определенное рассогласование между анализом психологической организации личности и исследованием психологического аспекта или психологической организации деятельности личности. Поражает бедность представлений о психологической стороне деятельности, особенно понимаемой в самом широком плане как совокупность всех форм активного отношения человека к миру. В качестве основных структурных образующих выделяются мотивы, цели, средства, действия и операции. При этом устраняется вся огромная сложность личности с ее мировоззренческими чувствами, обобщенными отношениями к миру, ценностными ориентациями, морально-нравственными переживаниями, динамической напряженностью эмоциональной жизни, многоуровневой иерархией потребностей, включающей потребности в определении своего места в жизни, потребности в добре, истине и т. д. Для преодоления этой ситуации представляется необходимым ввести понятие «личностно-психологической системы обеспечения» каждого вида активного отношения человека к миру, к обществу, к себе — профессионально-трудовой и общественно-политической деятельности, деятельности познавательной и учебно-образовательной, организационной и воспитательной, общения, игры, живого созерцания и многих других. Нужно отчетливо уяснить, что овладение человеком каждым новым видом деятельности означает нечто неизмеримо большее, чем овладение нужными знаниями, умениями и мотивами, — вырабатывается новая многоуровневая позиция личности по отношению ко всему окружающему; человек вступает в новые социальные связи с другими людьми, с обществом, с миром в целом. Можно предполагать, что в каждом виде деятельности, в каждой форме активного отношения к миру участвует вся личность, но особым образом: системы личностного обеспечения деятельно-

сти обширны, но отличны и до некоторой степени автономны. При этом и мир личности, психологическое пространство и время ее жизни, эмоциональная окрашенность и значимость предметных и социальных отношений оказываются разными в системе разных форм деятельности. Чем многообразнее и богаче формы активного отношения личности к миру, тем многослойнее и структурированное смысловое пространство ее жизни.

Вхождение человека в сферу учебно-образовательной деятельности особым образом формирует его личность, создает новое отношение к миру. Это отношение можно описать следующим образом. За видимым и привычным миром, за миром «здорового смысла» индивиду открываются мир скрытых отношений вещей. Человек выходит далеко за узкие границы своего индивидуального существования, психологически и социально он начинает становиться универсальным существом. Важно, что новая позиция образует основу формирования особых многообразных психологических свойств человека: устремленность к поиску закономерностей, скрытых за видимостью вещей, индивидуальный стиль учебной деятельности, способность быстро и многократно на протяжении всего нескольких часов переключаться с одной системы знаний на другую, позицию глубокого уважения к авторитетам особого рода — к творцам непреходящих духовных и материальных ценностей человечества.

Следовало бы, точнее, говорить о специфической личностно-психологической структуре, которая формируется в учебно-образовательной деятельности, и только в ней, и которая требует психологического исследования. Разумеется, ряд личностных свойств, условием возникновения которых выступает образование, сходны со свойствами, формирующимися на основе иных видов деятельности. Но имея обычно одно и то же название, они, тем не менее, по своей микроструктуре и функции отличны друг от друга, поскольку являются компонентами личностно-психологических систем, регулирующих разные формы деятельности. Так, свойства смелости, настойчивости, дерзания в учебно-познавательной деятельности иные, чем свойства, носящие те же наименования, но реализующиеся в деятельности общественно-политической, воспитательной или спортивной. За, казалось бы, одними и теми же свойствами в разных системах активного отношения человека к миру лежат разные осуществляющие их психологические механизмы. С позиций развиваемых положений внезапное прекращение за пределами юношеского возраста образовательной деятельности выступает как ослабление, если не прекращение, функционирования важного аспекта, а точнее, системы личностно-психологической организации человека. И ни-

какие, пусть и содержащие истину оговорки о том, что выработанные в учебной деятельности качества генерализуются на иные виды активности, что требования общества и профессиональная необходимость заставляют человека пополнять свои знания, не изменяют значения факта обеднения личности в результате прекращения систематической и полноценной образовательной деятельности. Ведь речь идет о формирующемся только в этой активности специфическом отношении личности к миру, которое, чтобы существовать, должно развиваться.

Нельзя при этом не подчеркнуть в данном контексте, что явно или неявно существующая в настоящее время у учащихся средней и нередко высшей школы психологическая установка на ограниченность периода своей образовательной деятельности, восприятие учения как «невзрослого» занятия способствует деформированному становлению системы личностно-психологического обеспечения образовательной активности. С этой точки зрения осознание образования как одной из основных форм жизнедеятельности человека в любой период его жизни окажет благотворное влияние не только на интеллектуальную сферу растущего человека, но и на формирование всей его личности.

В психологии еще очень мало известно о закономерностях формирования и развития зрелой личности, а между тем успешность разработки проблемы непрерывного образования в значительной мере зависит от вскрытия этих закономерностей. В то же время непрерывное образование само выступает фактором качественного преобразования и совершенствования личности — перехода ее на более высокий и более масштабный уровень мировоззренческих позиций, самостоятельного поиска путей самосовершенствования, повышения степени точности самооценки, постоянного расширения и углубления связей с миром, выработки новых форм отношения к нему. Дело психолога — вскрыть лежащие за этими свойствами личности новые психологические механизмы.

Литература

1. Кон И. С. Психология юношеского возраста. М., 1979.
2. Ольшанский Д. В. Нейропсихологический анализ нарушений эмоционально-личностной сферы: Автореф. дисс. ... канд. психол. наук. М., 1979.
3. Степанова Е. И. Введение. // Развитие психологических функций взрослых людей / Под ред. Б. Г. Ананьева, Е. И. Степановой. М., 1977. С. 160.
4. Томе Г. Теоретические и эмпирические основы психологии развития человеческой жизни // Принцип развития в психологии. М., 1978.

5. *Arlin P. K.* Cognitive development in adulthood: a fifth stage? *Developmental Psychology*, 1971. V. 11, № 5.
6. *Bernhard H. W.* *Human Development in Western Culture*. Boston, Allyn & Bacon, 1962.
7. *Boden M. A.* Cognitive Science: an Integrative Approach to the Mind // *Communication and Cognition*, 1977. V. 10, No 2, p. 63 – 66.
8. *Chew P.* *The Inner World of the Middle-age Man*. New York, 1976.
9. *Louiet L. R., Baltes P. B.* (Eds.). *Life-Span Developmental Psychology. Research and Theory*. N. Y., Lnd., Academic Press, 1970.
10. *Nesselroade J. B., Reese H. W.* *Life-Span Developmental Psychology. Methodological Issues*. N. Y., Lnd., Academic Press, 1973.

18

ГЛАВА

ЛИЧНОСТЬ В ТРУДНЫХ ЖИЗНЕННЫХ УСЛОВИЯХ: ПЕРЕОСМЫСЛИВАНИЕ, ПРЕОБРАЗОВАНИЕ СИТУАЦИЙ И ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ЗАЩИТА

До конца 50-х годов преимущественно для зарубежной психологии важным источником знаний о личности была психотерапевтическая практика, позволившая некоторым психологам, например К. Роджерсу, Х. Томе, обратить внимание на тот факт, что в атмосфере доверительного общения клиенты способны сами решать жизненные проблемы, приведшие их к терапевту. В этой атмосфере сознание пациентов расширилось, охватывая почти все феноменальное поле «реального функционирования их личности». На конструктивную природу личности еще в 1937 г. обратил внимание Г. Олпорт (G. Allport), постулировавший у нее сильнейшее стремление к поиску и разрешению все более трудных проблем. Изучение деятельного, автономного конструктивного начала личности — кредо гуманистических психологов. Представители прикладных отраслей психологии, особенно психологии труда и организационной психологии, анализируют, как люди справляются с трудными подчас стрессовыми ситуациями. Психологи же, приступившие к изучению жизненного пути человека, обнаружили, что на каждом этапе есть свои трудные проблемы и тяжелые события, с которыми субъекты самостоятельно (с большим или меньшим успехом) справляются.

Так, в психологии во 2-й половине XX столетия возникла проблема «совладания» личности с трудными ситуациями, которой в настоящее время в разных странах посвящено большое количество эмпирических и теоретических исследований. Психологи работают над выявлением конструктивных, неконструктивных и самопоражаю-

щих стратегий в драматических жизненных условиях. Определяются личностные характеристики, которые либо способствуют, либо препятствуют индивиду совладать с ситуациями, заключающими в себе угрозу человеческим ценностям: жизни, здоровью, самоуважению, смыслу существования.

В отечественной психологии вопросами поведения и переживания людей в экстремальных ситуациях занимаются представители психологии труда. Но в общей психологии и психологии личности эти вопросы не получают своей разработки, поскольку, с моей точки зрения, в них не сформировалась соответствующая система понятий. А между тем с трудными проблемами, бедами и несчастьями, приводящими к психосоматическим расстройствам, люди встречаются в разных сферах своего бытия, на всем протяжении индивидуального жизненного пути. Число сложных ситуаций значительно возросло в наше время — в период общественно-исторических потрясений, ломки прежнего уклада жизни, переоценки ценностей. Эта историческая ситуация — причина возникновения многих трудноразрешимых проблем, с которыми люди ранее не сталкивались в своей жизни. Поэтому самым неотложным и актуальным является изучение того, каким образом человеку удастся справиться с жизненными трудностями, с неожиданными негативными событиями, к каким стратегиям прибегают люди, чтобы совладать с ними или предотвратить порождаемые ими эмоциональные нарушения.

Прежде чем начать анализ того, как человек ведет себя в трудных для него ситуациях и что он переживает, укажем на некоторые методологические просчеты большинства исследований, речь о которых пойдет в данной статье. *Первый* недостаток заключается в фрагментарности подхода: то или иное событие рассматривается изолированно от ситуаций, предшествующих ему, и от состояния человека, в котором он находился незадолго до случившейся беды. Между тем психологи, пользующиеся лонгитюдным методом, нередко обнаруживают, что непредвиденные, меняющие судьбу события часто случаются с людьми, которые уже в течение нескольких месяцев были в депрессивном состоянии либо страдали иными психосоматическими нарушениями [38]. Психобиографический метод, применяемый, в частности, Х. Томе (H. Thomae) и У. Лер (U. Lehr) [42], позволяет полнее раскрыть детерминацию ответа индивида на трудную ситуацию: если он недавно испытал неудачи или перенес горе, даже небольшая житейская неприятность может восприняться им как катастрофа и вызвать аффективную реакцию. Иными словами, психолог должен знать, каков уровень «*биографического стресса*»

у личности в момент исследования ¹. Лишь в этом случае можно, в частности, определить, является ли та или иная «техника» типичным для личности ответом на трудную жизненную проблему или выступает как ситуационно-специфическая.

В 70-е годы внимание психологов привлекало в основном поведение человека в экстремальных ситуациях, однако в 80-е годы R. Lazarus и A. De Longis [28] весьма критически отозвались о «драматизирующей направленности» разработки проблемы совладания в ущерб обычным неприятностям людей в их трудовой, учебной, семейной жизни. R. Lazarus даже ввел понятие «повседневные неприятности» (Daily hassles), вносящие иногда непропорционально большой вклад в биографический стресс и дезадаптацию личности. За последнее десятилетие сделан ряд попыток выделить основные стрессогенные ситуации в трудовой деятельности (ролевая неопределенность, ролевая перегрузка и недогрузка, ролевой конфликт, «трудное начальство», использование умений и способностей не в полной мере и др.), в семье (рассогласование потребностей супругов, напряженные отношения с детьми, феномен «опустевшее гнездо» и др.), а также в сфере здоровья.

Но, к удивлению психологов, определить степень трудности, стрессогенности различных ситуаций оказалось очень нелегко. Одно и то же событие у разных людей может вызвать резкое противодействие, породить негативные чувства или пройти почти незамеченным. Согласно выдвинутому К. Левином *принципу психологического единства личности и окружающего ее мира*, личность и событие взаимно преломляются, в зависимости от психологической переработки индивидом разных обстоятельств жизни они вызывают у него разные переживания и реакции.

Так, J. Ivancevich [21], работая в области психологии труда, отмечает различное восприятие одного и того же факта разными сотрудниками предприятия. Работник, успешно продвигающийся по служебной лестнице, воспринимает как стрессовое событие снятие с него некоторых обязанностей и снижение объема ответственности. В отличие от него служащий, собирающийся на пенсию, считает

¹ По мнению R. Derue и S. Monroe [16], общим показателем психологических нарушений у человека является неудовлетворенность жизнью, отсутствие чувства благополучия. Проводя эксперименты, они выявили хронический стресс у 1/4 части выборки. Согласно их гипотезе, трудные жизненные события сами по себе приводят к стрессовой реакции в 1–9% случаев, а хронический стресс вызывает психопатологические нарушения в 30–40% (см. также [11]).

такое распоряжение начальства закономерным и испытывает определенное облегчение. В то же время психологи обнаружили, что от сознания личности ускользают важные моменты, предвещающие существенные изменения ее жизненного пути. Так, работник, хорошо зарекомендовавший себя, не замечает, что уже достиг плато в своей профессии и его служебное положение скоро может измениться. Родители часто не воспринимают враждебного отношения к себе подростков, грозящего неожиданным распадом семьи [30]. Таким образом, личность со своим особым жизненным миром, в котором «в осадке» содержится ее индивидуальная история, выступает как *медиатор* событий, подвергающий их психической переработке, прежде чем выбрать соответствующий тип стратегии совладания с ними.

Второй методологический недостаток при разработке проблемы совладания — это упрощенное определение трудных жизненных ситуаций: они понимаются как обстоятельства жизни, требующие от индивида таких действий и условий, которые находятся на границе его адаптивных возможностей или даже превосходят имеющиеся у него резервы.

С моей точки зрения, в таком определении жизненных трудностей не учитывается главное — та ценность, которая в определенных условиях может быть потеряна или уничтожена. Это обстоятельство и делает ситуацию стрессовой. Для того чтобы сохранить, защитить, утвердить данную ценность, субъект прибегает к различным приемам изменения ситуации. При этом чем более значительное место в смысловой сфере личности занимает находящийся в опасности объект и чем более интенсивной воспринимается личностью угроза, тем выше мотивационный потенциал совладания с возникшей трудностью.

В последнее время психологи, которые работают над проблемой совладания, также вводят в свою теоретическую систему понятия, синонимичные понятию ценности. Известный немецкий психолог Х. Томе в ряд своих главных понятий, таких, как «когнитивные репрезентации», «субъективное жизненное пространство» и «техники» жизни, ставит концепт «темы бытия». Содержание «темы» он описывает как центральные устремления личности, ее главные интересы или же как объекты, обладающие высокой личностной значимостью для индивида [42].

R. Lazarus [26], характеризуя структуру проблемы, использует термин «commitment», который обычно переводится как возложение на себя обязанностей, способность верить себя кому-то или чему-то. Однако данное понятие обретает у него смысл привязанности, посвя-

щения себя чему-либо. По его словам, commitments — это идеальные или высокоценимые людьми цели. Когда эти смысловые образования актуализируются, у субъекта возникают интересы, появляются настойчивость и энергия. Lazarus соглашается с теми психологами, которые включают «commitments» в понятие мотивации. Отсутствие приверженностей (commitments) он связывает с переживанием незначимости, бессмысленности мира, с экзистенциальной болезнью [28, с. 251].

* * *

В качестве позитивной методологической тенденции отметим растущее стремление психологов когнитивно-феноменологической ориентации учитывать в исследованиях «приватный опыт», рассматривать трудные ситуации глазами самого субъекта, с точки зрения его «внутренней ситуации». До недавнего времени активность человека по преодолению жизненных трудностей изучалась в рамках когнитивно-поведенческой парадигмы, представители которой с позиций внешнего наблюдателя анализировали то, как человек воспринимает и оценивает свои трудности, как связан уровень самооценки с приемами совладания, какими способами можно усилить мотивацию индивида в особо трудных условиях и т. д. Критическими для этих исследований были вопросы о том, почему разные люди весьма различно воспринимают одни и те же ситуации, почему они, обладая приблизительно равным набором стратегий, выбирают неодинаковые приемы разрешения трудных проблем. Пытаясь ответить на данные вопросы, психологи начали переходить к иной парадигме. Все представители призывают анализировать сложные ситуации и действия в них индивида с позиций его собственного внутреннего мира [39], «внутренней реальности» [22, с. 135]. Они исходят из положения о том, что человек на протяжении всей своей жизни строит, перестраивает и достраивает глубоко личностную «теорию» мира, включая и его самоконцепцию. Весь опыт жизни, а также предвосхищаемое будущее закрепляется в минитеориях в виде систем значений и значимостей, убеждений и ценностей — они-то и регулируют восприятия и представления человека, определяют интерпретацию окружающего мира и действия в нем субъекта. Свою теорию индивид стремится сделать упорядоченной, взаимосогласованной — теорией предсказуемого и понятного мира. Личностной концепции благополучного мира соответствует и концепция себя как удачливого и неуязвимого. Стремясь поддерживать позитивные представления, люди игнорируют неблагоприятную информацию о себе, стараются дискредитировать источ-

ник информации, понижающий самооценку, и даже, по данным А. Н. Baumgardner, R. M. Arkin [10], прибегают к разным формам самообмана. Детальные экспериментальные исследования минитеорий людей, еще не испытавших тяжких травм и несчастий, позволили выявить их сверхоптимистическое отношение к жизни. Оказалось, что люди недооценивают вероятность стихийных бедствий (землетрясений и наводнений), возможность попасть в катастрофу или стать жертвой преступления [32]. Студенты колледжей считают себя менее уязвимыми по отношению к опасным заболеваниям, чем «средний» человек. Каждый из них уверен, что он легче, чем другие, справится с будущими бедами [43]. Обобщая все эти исследования, L. Perloff пишет, что индивиды «мотивированы верить в справедливый и упорядоченный мир, в котором люди получают то, что заслужили, и заслуживают то, что получают, — мир, в котором плохие вещи не случаются с хорошими людьми» [36, с. 220].

Зная такую личностно-мировоззренческую «теорию» человека, можно представить себе, сколь разрушительным будет воздействие на него неожиданного тяжелого события. Не вписываясь в личностную «теорию», негативное событие приводит к разрыву сложившихся в сознании систем значений, к разрушению субъективного жизненного мира (assumptive world). Глубоко укоренившиеся отношения к миру должны быть перестроены. Однако сознание под влиянием сильного аффекта резко сужается, оно концентрируется лишь на негативных аспектах события. В результате человек оказывается неспособным воспринять те характеристики события и те включающие его связи, которые могли бы помочь ему изменить ситуацию к лучшему. Выработка более эффективной саморегуляции и социальная помощь будут способствовать уменьшению травмирующего воздействия на человека трудной ситуации. Но лишь сам субъект в силах изменить свою индивидуальную «теорию», сделать ее более реалистичной, переосмыслить выпавшее на его долю несчастье как неотъемлемую часть жизни, а не как незаслуженное наказание судьбы. Основное, чему учится индивид на таких болезненных примерах, — это выработке главной стратегии: антиципировать и предотвращать трудные жизненные ситуации.

Некоторые из основных стратегий совладания

Из ценностно-смысловой «теории» личности, которая является основой психологической переработки, возникают те или иные стратегии совладания. Травмирующие события в жизни людей неожиданны, и на эту внезапность человек реагирует сначала на сенсорном

уровне — состоянием оцепенения, которое быстро сменяется особой активностью личности, получившей в психологии название «когнитивное оценивание». Это процесс распознавания особенностей ситуации, выявление негативных и позитивных ее сторон, определение смысла и значения происходящего. С появлением значения возникают качественно определенные эмоции. По словам Lazarus, именно «эмоция является ответом на значение» [26, с. 824]. Объектом когнитивного оценивания выступают также способности и возможности человека, его функционально-энергетические резервы. От уровня развития механизма когнитивного оценивания, его гибкости, от способности человека с разных точек зрения рассматривать трудную ситуацию и прибегать к приемам переоценки зависит правильный выбор стратегии совладания с травмирующим событием. Успешность когнитивного оценивания зависит от уверенности человека в своей способности контролировать окружающий мир, умения регулировать негативные чувства и аффекты, от способности актуализировать весь свой жизненный опыт и уверенности в помощи других людей. Главным результатом когнитивного оценивания является заключение человека — подконтрольна ли ему ситуация или он не сможет ее изменить. В том случае, если субъект считает ситуацию подконтрольной ему, он использует конструктивные, преобразующие ситуацию стратегии.

А. Преобразующие стратегии совладания

Приняв решение о возможности позитивного изменения трудной ситуации, субъект начинает формировать ее как проблему: он определяет конечную и промежуточные цели, намечает план решения, определяет способы достижения цели. Иногда он прибегает к «когнитивной репетиции»: проигрывает в уме свои действия и их возможные последствия, расставляет приоритеты.

Вот пример практического решения трудной ситуации, который взят нами из автобиографических отчетов участников лонгитюда, проведенного Х. Томе и У. Лер. Вспоминая о конце войны, один из ветеранов рассказывал: «Я составил план и подготовил побег — только я, другие об этом и не думали. Я подготовил трап, побежал к военным и выпросил у них вагон, а потом втащил в него моих раненых мужчин, юношу и, наконец, отца» [42, с. 87].

Конструктивно преобразующая стратегия жизни не обязательно предполагает использование практических действий, их могут заменить вербальные формы реагирования. Так, в сфере труда, решая проблему «трудное начальство», многие работники пытаются методом

убеждения, аргументации, разъяснения изменить мнение управляющего и тем самым ликвидировать конфликтную ситуацию [25].

Во многих случаях продолжительные, но неудачные попытки практически преобразовать травмирующую ситуацию приводят человека к тому, что все его ресурсы и резервы оказываются почти исчерпанными. В подобных условиях происходит перестройка и содержательно-смысловой, и энергетически динамической сферы сознания. Наблюдается предельное оскудение ценностного содержания сознания. Деятельность, обычно полимотивированная, начинает побуждаться лишь той единственной ценностью, которая составляет суть проблемы (Е. Д. Туманов). Человек пытается также сформировать новую систему психической саморегуляции. Как пишет Л. Г. Дикая [3], в поведении человека на какое-то время центральное место занимает саморегуляция, а не конструктивная деятельность. При направленности на актуализацию процессов самосознания именно саморегуляция становится самостоятельной деятельностью, со своим мотивом, целью, образом состояния. Такая перестройка дает субъекту шанс справиться со стрессовой ситуацией. Но может случиться, что проблема так и окажется нерешенной. В таком случае субъект, вынужден признать, что потерпел неудачу. Однако неудача сама по себе представляет тягостное событие в жизни личности. На смену одной трудной ситуации приходит другая. Неудача заставляет отказаться от той ценности, ради которой человек мобилизовал все свои силы. Кроме того, поражение влечет за собой снижение самооценки, требует пересмотра позитивных представлений о себе. В таких случаях некоторые индивиды прибегают к приему «коррекции своих ожиданий и надежд». Но этот прием обедняет будущее личности и отнюдь не поднимает ее самоуважения. Тогда в действие вступает широко распространенная стратегия, ориентированная на восстановление позитивного отношения к себе, чувства личного благополучия. Этот прием часто используется людьми, попавшими в безвыходное положение. Такая «техника» жизни получила название «идущее вниз сравнение» [44]. Применяя ее, человек сравнивает себя с людьми, находящимися в еще более незавидном положении. Напомним описанный Х. Томе случай с полупарализованной женщиной, которая в результате несчастного случая могла передвигаться лишь на коляске. Особую горечь у нее вызывал тот факт, что ей уже не суждено исполнить мечту ее жизни — подняться по ступенькам египетской пирамиды. Утешение принесла мысль о том, что она все же способна увидеть знаменитые пирамиды, тогда как незрячие люди даже посмотреть на это чудо не сумеют (см. также [13]). В случае

невозможности преодолеть свою трудную жизненную проблему человек сравнивает себя с людьми, которые оказываются беспомощными при решении самых легких задач. По отношению к себе он может прибегнуть и к *идущему вверх сравнению* — вспомнить о своих успехах в других областях и ситуациях. Все эти приемы обесценивают неудачу, не требуют негативной перестройки отношения к себе и вписываются в личную теорию как незначительный биографический эпизод.

Однако не со всякой неудачей человек может совладать. Все зависит от ее психологической структуры. Если субъект сам поставил перед собой трудную задачу, спроектировал ее как часть будущей жизни, преисполнен уверенности в ее решении и для совладания с ней мобилизовал огромные силы, то поражение он должен пережить как крушение всей своей личности. Если он до этого не переживал крупных неудач, не попадал в бедственные положения, его сознание подобно сознанию студентов, живущих в своих субъективных благополучных жизненных мирах и не способных включить драматическое событие в содержание собственного сознания.

Именно такое неожиданное драматическое событие, подготовленное самим субъектом, произошло в жизни С. В. Рахманинова. Оно «сделало его совсем другим человеком... наложило глубокий отпечаток на дальнейшее развитие» [7, с. 103] и вызвало глубокую и длительную депрессию. К тому времени Рахманинов окончил Московскую консерваторию. Успех его деятельности был огромен. Он был необыкновенно работоспособен, дисциплинирован и весьма честолюбив. Во время учебы нередко попадал в трудные ситуации, но всегда выходил победителем. О бесконечной уверенности в себе Рахманинов так пишет в «Воспоминаниях»: «Мне казалось, что не существовало ничего, что было бы мне не по силам, я возлагал большие надежды на свое будущее (там же с. 103—104). В самом восторженном состоянии, с большим подъемом он написал свою Первую симфонию, уверенный, что открыл новые пути в музыке. «Я не хочу, — вспоминает автор, — преуменьшать чудовищный провал моей симфонии в Санкт-Петербурге». И далее: «Вся моя вера в себя рухнула, и я уже никогда не испытывал того художественного удовлетворения, которого ожидал» (там же, с. 104). «Судьба порой причиняет такую боль и наносит такие смертельные удары, что полностью меняет характер человека. Такую роль, — продолжает он, — сыграла в моей жизни собственная симфония. Когда закончилась неопишуемая пытка ее исполнения, я был уже другим человеком» (там же). Решив покончить навсегда с композицией, Рахманинов впал в депрессию. Он не жил, а вел, по его словам, растительный образ жизни,

давая несколько уроков музыки, чтобы просуществовать. С приглашением С. И. Мамонтова выступить в качестве второго дирижера в его ассоциации нового Оперного общества в Москве открылась возможность выздоровления. Так случилось, что на первой же репетиции произошла полная катастрофа. «Ко всем прошлым разочарованиям теперь добавилось еще одно: я оказался несостоятелен и как дирижер» (там же, с. 111). Но Рахманинов быстро овладел этим искусством. Вскоре он был приглашен дирижировать своими произведениями в Лондон, и слава о нем распространилась буквально по всему миру. Но дирижерская деятельность не являлась смыслом жизни для С. В. Рахманинова. Едва он вернулся в Россию, как депрессия возобновилась и продолжалась два года. Ничто, даже общение с Л. Н. Толстым и его наставления, не помогало. Возможно, что длительная депрессия помогла музыканту начать строить более сбалансированную «теорию» своей жизни, в которой отводилось место и будущим неудачам. Но личности в подобных состояниях необходима и помощь извне, со стороны сочувствующих и авторитетных людей. Человеком, пришедшим на помощь Рахманинову, стал малоизвестный врач — доктор Даль, лечивший с помощью внушения и гипноза. Лечение состояло в том, что музыкант полулежал в кресле и дремал, слыша при этом изо дня в день одну и ту же фразу — ту единственную фразу, которая как раз и была ему нужна для восстановления его высокой самооценки: «Вы начнете писать концерт. Вы будете работать с полной легкостью. Концерт получится прекрасный». Лечение продолжалось с января до начала лета, когда Рахманинов почувствовал прилив вдохновения. «Идеи переполняли меня», — пишет он (там же, с. 116). Осенью он уже исполнил две части Второго концерта, и большой успех вернул ему веру в себя.

Если иметь в виду, что факт неожиданности трудной ситуации усиливает ее негативную значимость для человека и порождает массу дополнительных отрицательных эмоций, препятствующих поиску успешных путей совладания, то будет понятно адаптивное значение специфической стратегии «антиципирующего совладения» и «предвосхищающей печали». Они позволяют людям психологически подготовиться к возможным нелегким испытаниям и заранее наметить способы предотвращения несчастливых поворотов судьбы. Прием «антиципирующего совладания» успешно применяют врачи в детских больницах за рубежом. Медицинские сестры имитируют ход предстоящей операции, знакомя детей со всей ее процедурой, начиная с их подготовки к операции и кончая возвращением в палату после нее. Эти приемы значительно снижают предоперационную тревогу у маленьких пациентов.

Б. Приемы приспособления: изменение собственных характеристик и отношений к ситуации

Активно преобразуя трудные жизненные условия, личность значительно изменяется, но изменения эти непреднамеренны и, как правило, неосознаваемы. Жизнь, однако, ставит личность в такие ситуации, когда только намеренное изменение ею своих особенностей может привести к благополучию. Изменить себя, не изменяя себе, — задача трудная, и человек вряд ли справился бы с ней, если бы у него, по справедливому замечанию F. Rothbaum [37], мотивация приспособления была не менее мощной, чем побуждение перестроить мир.

Прежде всего личность может изменить свое отношение к ситуации, придать ей нетривиальный смысл. Т. Des Pres, исследуя людей, прошедших нацистские концлагеря, обнаружил, что узники, которые считали, что смысл их жизни — показать возможность выживания в таких нечеловеческих условиях, и твердо верили в свое освобождение, легче переносили выпадавшие на их долю испытания [37]. Они остались живы, здоровье их пострадало меньше, чем у заключенных, считавших бессмысленной и безнадежной свою жизнь в лагерях. Этот прием «позитивного истолкования» неприятного и морально тяжелого переживания все чаще используется в больничной практике: людям, которые с трудом переносили пребывание в госпитале, врачи помогали переосмыслить свою ситуацию как период отдыха, соблюдения диеты, время для размышлений. После такой терапии состояние пациентов значительно улучшалось [24].

Часто источником весьма тягостных переживаний становятся личностные свойства самого человека. Такова, например, очень трудно изживаемая застенчивость. Для совладания с нею Ф. Зимбардо [4] предлагает субъекту принять на себя определенную роль и вести себя в соответствии с этой ролью. Поскольку человек не идентифицирует себя с выбранной ролью, все допускаемые им промахи и неловкости он относит не к себе, а к выбранному персонажу, поэтому-то не чувствует смущения, не снижает самооценку и не ориентируется на мнения других. Ролевое поведение, как показывает Зимбардо, является одним из эффективных приемов совладания человека с некоторыми нежелательными чертами личности. Вместе с тем он выявляет любопытную закономерность — влияние роли на личность. Как бы ни отчуждал себя человек от разыгрываемой им роли, она все равно изменяет индивида как личность. Ссылаясь на свои работы 70-х годов, Зимбардо пишет: «Если вы сумели исполнить роль, она становится частью вас. Уже невозможно отвергнуть тот опыт, который вы получили, играя роль. Исследования показали, что исполнение роли, не характерной для человека, вызывает заметные измене-

ния в его личных установках и ценностях» [4, с. 160]. В данном случае под влиянием разыгрываемых ролей самоуверенных персонажей человек становится менее застенчивым.

Распространенной формой приспособительного поведения часто выступает идентификация личности с людьми более удачливыми, со «счастливыми», с мощными организациями и объединениями. К такому приему прибегают люди, перенесшие много неудач и разочарований, причину которых они обычно видят в отсутствии у себя качества «удачливости». Идентифицируясь с преуспевающими людьми, «неудачники» как бы дополняют себя особыми способностями, а становясь функционерами авторитетных организаций, не только получают право говорить о «наших успехах» — они на самом деле начинают ощущать себя сильными и действуют более уверенно и успешно.

В. Вспомогательные приемы самосохранения в ситуациях трудностей и несчастий

К этим вспомогательным приемам относятся «техники» борьбы с эмоциональными нарушениями, вызванными неустранимыми, с точки зрения субъекта, негативными событиями. Таковы уход или бегство из трудной ситуации, которые могут осуществляться не только в практической, но и в чисто психологической форме — путем внутреннего отчуждения от ситуации или подавления мыслей о ней [30]. Субъекты «ухода» — это индивиды, пережившие много разочарований и неудач. Будучи достаточно способными, они отказываются от повышения по службе и заманчивых предложений. Свой способ поведения определяют «как последнюю линию защиты» [42]. Избегание всех сомнительных ситуаций становится их личностной особенностью. Формирование такой особенности проследил Ф. Зимбардо у одного застенчивого с детства руководителя известного оркестра. Роль музыканта-исполнителя и помощь более опытного коллеги во многом помогли ему. Тем не менее, признавая, что за свои 50 лет он почти избавился от застенчивости, артист все-таки заключает: «Я стараюсь избегать неприятных ситуаций и всегда обдумываю, что мне предстоит сказать» [4, с. 208]. Итак, в определенных случаях «уход» может быть оправданной и «конструктивной» стратегией жизни. Бывают, однако, случаи, когда человек не может ни практически преобразовать проблему, ни уйти от источника опасности и страданий. Такие ситуации часто возникают в сфере здоровья. В подобных обстоятельствах индивид прибегает к «фокусирующимся на эмоциях» стратегиям — стратегиям психологической борьбы со своими негативными эмоциями и болезненными ощущениями. Он «не замечает» симптомов болезни, старается отно-

ситься с юмором к своему положению, надеется на помощь сверхъестественных сил. Эти приемы неконструктивны в том смысле, что не устраняют трудную проблему, но все же они адаптивны, поскольку облегчают психологическое состояние больного.

К распространенным приемам самосохранения относится «техника» отрицания — отказ признать, что произошло ошеломляющее, травмирующее событие [27]. Своеобразие отрицания заключается в следующем: люди знают, что произошло нечто ужасное, но они не переживают острых негативных чувств и ведут себя так, как будто ничего не случилось. Вот примеры таких необычных состояний человека.

Отец мальчика, умирающего от лейкемии, строит планы о его поступлении в колледж. Такое отчуждение от ужасной действительности R. J. Lifton [29] выявил у многих жителей Хиросимы, которые сообщали, что они выжили только благодаря «психологическому отключению» — бессознательному выключению всех эмоций при четком понимании всего случившегося. Об этом феномене пишет L. Eitinger [18], анализируя свои личные переживания в нацистском концлагере. По его словам, всеобъемлемость смерти часто вызывала у узников ее отрицание. Оно помогало людям вести себя так, как будто массовых убийств не существовало, и это способствовало их выживанию.

R. Janoff-Bulman [22] в ряде своих работ, а также M. J. Horowitz рассматривают отрицание как психологический барьер на пути разрушительного проникновения трагедии во внутренний мир человека, в его ценностно-смысловую концептуальную систему. Отрицание позволяет субъекту перерабатывать трагические ситуации малыми дозами, постепенно ассимилируемыми смысловой сферой личности. После ассимиляции запредельного для ума человека события меняются его сознание, отношения к миру, появляется новая оценка жизни и собственных возможностей, увеличивается пространство личного будущего в его сознании [22].

Если же люди, попав в безвыходную ситуацию, не хотят или не могут воспользоваться психологическими приемами самосохранения, они прибегают к самопоражающим стратегиям — наркомании, алкоголизму, суициду [1, 2]... Их анализ не входит в нашу задачу.

Г. Образование двух жизненных миров и раздвоение сознания под влиянием массовых бедствий

В психологии выделяются три группы жизненных невзгод. Это повседневные неприятности; негативные события, связанные с различными периодами жизни и возрастными изменениями (неудачи при поступлении в вуз, понижение в должности, уход в отставку, переселение в дом для престарелых); непредвиденные несчастья

и горести (опасная болезнь, невозполнимый ущерб, трагическая потеря) [12]. Однако в человеческой жизни есть ситуации, психотравмирующее воздействие которых не может измеряться обычными шкалами. Это войны, крупные катастрофы, стихийные бедствия. Имея пролонгированный характер, они меняют образ жизни людей, их сознание и личность. Тип этих изменений раскрывают исследования ветеранов разных войн: в Ливане (1982), во Вьетнаме, в Персидском заливе [20, 31, 33, 40]. Для всех ветеранов с посттравматическими нарушениями характерным стало отчуждение от общества, в которое они вернулись, которое казалось им сильно изменившимся и незнакомым. Для них реальным жизненным миром продолжал быть мир военных действий. Они заново продумывали свои боевые операции, порицали себя за неверные, по их мнению, решения и действия. Попытки поговорить с окружающими о своих успехах и ошибках не встречали понимания. В сновидениях бывших воинов постоянно возникали картины боев, они видели убитых и раненых. Иными словами, в сознании ветеранов жили два мира со своими особыми законами, и более живым оказывался мир войны, препятствующий полноценному вхождению этих людей в мирную действительность. Постоянное отчуждение от общества, от тех дел, которыми занимались другие, порождало у них чувство беспомощности, ощущение, что весь мир вышел из-под их контроля. Для того чтобы соединить два жизненных мира, интегрировать разорванное сознание, бывших солдат стали посылать в воинские части, на маневры. Армия в мирное время начала восприниматься ими как специфическое продолжение жизни общества. Постепенно исчезла экзистенциальная пропасть между двумя личностными мирами, интегрировалось сознание. Однако медленное включение солдат в гражданское общество вызывалось еще и тем, что они с неохотой принимали различную социальную помощь. Она, по их мнению, ставила на них, героях войны, клеймо несостоятельности. Для преодоления таких негативных позиций ветеранов просили оказать поддержку своим соратникам — писать им письма, давать советы, контролировать процесс адаптации. В результате и сами «консультанты» начинали более активно решать свои жизненные проблемы, развивалось их самосознание, менялись мировоззренческие установки. Помощь другим оказывалась самопомощью.

Д. Влияние особенностей личности на выбор стратегий и успешность

Многие психологи считают, что стратегии совладания ситуационно специфичны и особенности личности в их выборе играют небольшую роль. В то же время огромный массив исследований

показывает, что специфика осмысливания и интерпретации трудных ситуаций, а также применение тех или иных «техник» жизни выступают индикатором разных типов личности. Анализ работ позволяет выделить по крайней мере два типа, отличающиеся друг от друга специфическим отношением к миру, убеждениями, самооценкой, когнитивными стилями, историей успехов и неудач. У них разные модели идентификации, они в разной мере прибегают к помощи других людей. Исследования показывают, что люди, предпочитающие конструктивно преобразующие стратегии, оказываются личностями с оптимистическим мировоззрением, устойчивой положительной самооценкой, реалистическим подходом к жизни и сильно выраженной мотивацией достижения. Люди же, уходящие от трудных ситуаций, прибегающие к механизмам психологической защиты, склонные к «идущему вниз социальному сравнению», воспринимают мир как источник опасностей, у них невысокая самооценка, а мировоззрение окрашено пессимизмом.

Какие же центральные личностные образования определяют специфику каждого типа и обуславливают кардинальное отличие типов друг от друга? С нашей точки зрения, это разные убеждения в своей способности контролировать и изменять окружающий мир, влиять на происходящие события и справляться с трудными ситуациями жизни. Тех, кто верит в свои силы, в способность контролировать и совладать, называют *интерналами*. Противоположны им *экстерналы*, они уверены в своей недееспособности и считают, что негативные события происходят либо по злой воле других, либо являются предначертанием судьбы. В выполненной под моим руководством кандидатской диссертации Е. Г. Ксенофонтовой [6] доказано, что интерналы отличаются высоким уровнем саморегуляции, позволяющим им контролировать негативные эмоции, импульсивные действия и блокировать дезинтегрирующее влияние на сознание психотравмирующих воздействий. Для экстерналов же характерен низкий уровень саморегуляции — со всеми сопутствующими ему особенностями.

Кардинальной, имеющей большое социальное значение личностной чертой интерналов является их чувство ответственности за свои поступки и действия других людей. В отличие от них, экстерналы не считают себя ответственными даже за свои действия, которые они интерпретируют как навязанные извне. Я полностью согласна с выводом М. Mikulincer и L. Solomon о том, что главная характеристика экстерналов — это отрицание личной ответственности, которая является общим знаменателем всех внешних атрибуций [31, с. 312]. Исследуя ветеранов войны в Ливане (1982), эти авторы пока-

зали, что факт отсутствия у многих из них чувства личной ответственности имеет отрицательное значение и для них самих, и для общества. По данным израильских психологов, ветераны этой войны враждебно относятся к друзьям и знакомым, к обществу в целом, порицая их за свою неспособность к гражданской жизни [31]. Их пассивность и снятие с себя ответственности отрицательно сказываются и на их лечении: по данным А. Milgram (1986), приводимым в [31], успешное лечение посттравматических нарушений требует, чтобы пациенты принимали на себя ответственность за успешность терапии. Бывшие же солдаты ждут, что выздоровление осуществится само собой, помимо их воли.

Интерналы с их чувством личной ответственности и верой в свою способность справляться с негативными событиями преуспевают и в профессиональной деятельности. С. R. Anderson [8] в своем лонгитуде изучал бизнесменов, потерпевших крах в результате сильного наводнения. Ученый выделил среди них группы экстерналов и интерналов. Через два с половиной года оказалось, что интерналы не испытывали острых негативных переживаний по поводу постигшего их несчастья. Они быстро восстановили свои предприятия, и их интернальность еще больше возросла. Экстерналы же тяжело переживали беду, медленнее налаживали свой бизнес и стали еще более экстернальными.

Многочисленные психологические исследования позволяют полнее воссоздать психологический облик этих двух типов личности. Интерналы, или конструктивно преобразующие, активные типы личности, воспринимают трудную проблему в совокупности ее положительных и отрицательных сторон, ее связях с другими событиями. Неопределенность условий побуждает их к поиску новой информации. Психологи выделили такую черту «совладающих» личностей, как сензитивность, — повышенную чувствительность к незаметным особенностям ситуаций, к отдаленным ассоциациям, помогающим справиться с трудностями. Уверенные в своих возможностях контролировать негативные события, они воспринимают мир как источник «вызовов», как возможность испытать свои силы. Неудачи не обескураживают интерналов, не снижают их самооценки, а используются в качестве полезной информации, свидетельствующей о необходимости изменить направление поисков решения. Стрессоустойчивость позволяет им сохранять здоровье даже в очень суровых условиях. В контексте этой проблемы нельзя обойти вниманием известные работы S. Kobasa с сотрудниками [23]. Авторы выдвинули предположение, что высокие резервы сопротивления стрессу обусловлены особой личностной диспозицией человека. Это

свойство получило название «hardiness», т. е. смелый, дерзающий, «крепкий орешек», стойкий. Утверждая положение о том, что свойства личности опосредствуют влияние ситуации, Kobasa пишет: «...личностные диспозиции могут влиять на процессы совладания и быть механизмом, с помощью которого личность оказывает буферное влияние на стрессовые события» [23, с. 109]. Твердость, крепость, сила противостояния (hardiness) — интегративное личностное качество, включающее, согласно Kobasa, три компонента. *Первый* — принятие на себя *безусловных обязательств* (commitment), ведущих к идентификации себя с намерением выполнить действие и с его результатом. *Второй* — *контроль*. Субъект контроля действует, чувствуя себя способным господствовать над обстоятельствами и противостоять тяжелым моментам жизни. Когнитивно оценивая даже трагические события, такие люди снижают их значимость и уменьшают тем самым психотравмирующий эффект. Обобщенная позиция субъекта целостной жизни обуславливает восприятие им любого стрессового события не как удара судьбы, влияния неподконтрольных сил, но как естественное явление, как результат действия других людей. Субъект уверен, что любую трудную ситуацию можно так преобразовать, что она будет согласовываться с его жизненными планами, окажется в чем-то ему полезной.

Третий компонент Kobasa называет «вызов» (challenge). Опасность воспринимается как сложная задача, знаменующая собой очередной поворот изменчивой жизни, побуждающий человека к непрерывному росту. Любое событие переживается в качестве стимула для развития собственных возможностей.

Гипотеза о том, что интегральное качество «харди» позволяет человеку успешно переносить стрессовые ситуации и сохранять при этом здоровье, проверялась на служащих среднего и высшего ранга большой компании. Используя лонгитюдный метод, психологи в течение почти четырех лет ежегодно посылали работникам опросники с просьбой указать все перенесенные ими тяжелые события за это время. Всех участников лонгитюда тщательно обследовали врачи. Психологи же выявляли у служащих выраженность качества «харди». В результате оказалось, что у индивидов, обладающих этим качеством, несмотря на значительное количество трудных проблем, эмоциональных нарушений было совсем немного — в отличие от тех, которые не обладали качеством неуязвимости и твердости. Это исследование требует проверки в условиях сильного стресса. Но особенно актуальна проблема условий, которые детерминируют становление таких качеств у людей. Можно предполагать, что активную роль в формировании неуязвимости должны играть «хорошие гены»,

удачная конституция. Однако, по наблюдениям некоторых психологов (специальных исследований не проводилось), качество «харди» оказывается особенно развитым при «слабости конституционных сил» [23]. Kobasa на основе общения со своими респондентами относит истоки формирования дерзания и стойкости к ранним этапам жизни и выделяет позитивное значение нескольких условий. Прежде всего старшие в семье стимулировали детей к тому, чтобы они самостоятельно разрешали трудные проблемы и лишь в самые тяжелые моменты оказывали им поддержку. Создавались условия не только для развития когнитивных способностей, воображения и выработки адекватных суждений, но и для поощрения самостоятельности детей. Кроме того, у них были «модели для идентификации» — смелые, контролирующие свой жизненный мир люди. Психологические исследования указывают также на позитивную роль в формировании стрессоустойчивости умения детей владеть собственным темпераментом [14] и мобилизовываться при трудностях и неудачах, не сдаваться, быть стойкими.

Совсем иным выглядит тип личности, избегающий практически преобразовывать опасную ситуацию. По данным Kobasa, у них плохо развито самосознание, слабая структура представлений о себе, они не отвечают на «вызов» судьбы. Пугливые, с недостаточно развитыми процессами когнитивного оценивания, такие личности считают себя неспособными контролировать окружающий мир. Они предпочитают уходить от тяжелых ситуаций или покорно их переносить, не пытаясь изменить. Не удивительно, что мировоззрение робких, отстраняющихся от мира людей часто окрашено пессимизмом. Избегая вступать в контакты с людьми, многие из них уходят в мир фантазий. Пожалуй, одна из главных характеристик, которая мешает им успешно жить в реальном мире, — это низкая мотивация достижения, которую они сами нередко интерпретируют как отсутствие способностей. К этому типу «нестойких», «слабых» людей относятся, несомненно, люди с приобретенной (выученной) беспомощностью. Свойство беспомощности формируется обычно в раннем детстве, когда ребенок не имеет столь необходимых ему социальной поддержки, участия и одобрения. Беспомощный личностный тип отчетливо выявился в эксперименте, проведенном с пятиклассниками [17]. Их учили решать задачи определенного типа. После того, как все дети полностью овладели способом решения, им предъявили задачи того же типа, но в несколько видоизмененном виде. Детей при этом просили проговаривать вслух процесс решения. Уже после двух неудач подряд школьники разделились на две группы. У представитель первой группы резко упало настроение, они говорили,

что не смогут решить задачи. Эти ученики не выдвигали новых вариантов решения, прибегали к шаблонным, неэффективным действиям. Мысли их были заняты не столько задачей, сколько поиском причин своих неудач, которые они видели в отсутствии способностей, плохой памяти и трудных задачах. Вторая группа не теряла хорошего настроения после неудач. Ошибки рассматривались ими как дополнительная информация о задаче, которая мотивировала их на поиск новых вариантов решения. Ребята говорили об интересе к трудным задачам и о том, что давали себе инструкцию сконцентрироваться, а главное — прилагать больше усилий для ее решения. Их типичное высказывание: «Чем труднее задача, тем более упорным я должен быть, тем больше стараться» [17]².

По мере развития эти позиции у детей обобщаются, превращаясь в стойкие личностные образования, в формы мировоззрения, убеждения, самооценки. Личность одних становится буфером перед опасными ситуациями, она снижает стрессовую валентность тягостных событий. И даже когда на ее долю выпадает нелегкая жизнь, она умеет выделить светлые ее стороны и пользоваться ими, сохраняя удовлетворение своим бытием и чувство господства над ним. Совсем иная система убеждений и «техник» жизни характерна для тех людей, которые чувствуют себя беспомощными в мире и не способны его изменить. Тем не менее личности, относящиеся к «пассивному» типу, по данным F. Rothbaum et al. [37], пытаются своеобразно контролировать свои взаимоотношения с миром: в случае «предиктивного» (предвидимого) контроля, предвосхищая наступление негативных событий, они спешат заранее уйти, замкнуться, предохранить себя от новых разочарований. В случае «викарного» (иллюзорного) контроля человек старается подчиниться могущественным другим, чтобы пользоваться плодами их усилий. Формой контроля выступает и интерпретация ситуаций. Но какое бы значение личность ни приписала ситуации, она принимает ее, не пытаясь изменить. Жизненный мир личности со столь своеобразным контролем является источником неверных мнений и нерациональных убеждений. Именно такие «нерациональные» личности стали пациентами рационально-эмоциональной терапии А. Эллиса (A. Ellis) [19]. Он выделил иррациональные идеи и объединил их в три группы, получившие название: 1) «Это ужасно!»; 2) «Я ничтожество»; 3) «Терпеть не могу...».

² Когда беспомощным детям разъяснили, что предложенные задачи требуют напряженных усилий, а не особых способностей или хорошей памяти, они начали решать их успешно и даже с интересом.

Индивиды, входящие в первую группу, драматизируют любые события. Те, кто относится ко второй группе, считают каждый свой (даже небольшой) промах доказательством собственной никчемности. Представители третьей группы нетерпимы к поведению других. Используя разные приемы убеждения и аргументации, Эллис частично устраняет нерациональные идеи своих клиентов. Но возвращение в реальность с ее катастрофами и неизбежностью неудач нередко вновь порождает иррациональные убеждения, хотя содержание их относится к другим сферам жизни [19].

Выявление типов личностей, предпочитающих при определенных условиях конкретные «техники» жизни, отнюдь не означает, что именно человек определяет свое поведение в той или иной ситуации. Мы придерживаемся принципа транзакции: свойства личности и особенности ситуации взаимно преломляются. В определенных ситуациях стрессоустойчивость, стойкость, реалистический подход и хорошо развитый механизм когнитивного оценивания позволяют личности гибко выбирать разные стратегии в меняющихся обстоятельствах. В тех же обстоятельствах у личности другого типа мгновенно возникают страх, предчувствие неудачи, сильно снижается мотив достижения — иными словами, человек не может стать буфером или модератором на пути стрессовой ситуации. Оценка ситуации как драматической, очень трудной вызовет не преобразующую стратегию, а уход, акцептацию события и коррекцию ожиданий. В то же время личность типа «харди» также может избежать трудную ситуацию, но ради другой, более актуальной проблемы.

Психологическое своеобразие личности обуславливает неоднозначное влияние на нее трудных ситуаций, но ее типологические характеристики создают предпосылки для предсказания поведения и переживаний в условиях стресса и напряжения.

В заключение хотелось бы сказать, что, кроме проанализированных выше частных приемов совладания, человек должен развить у себя «метастратегические техники» жизни. Об одной из них уже упоминалось. Это способность предвидеть и предотвращать трудные ситуации, блокировать наступление негативных событий. 9 января 1993 г. перед радиослушателями выступал доктор медицинских наук, заслуженный полярник В. Г. Волович, прошедший «школу выживания» и на Севере, и в пустыне, и в джунглях. Он рассказывал о том, как можно выйти победителем из экстремальных ситуаций. Говорил и о трудностях нашей сегодняшней жизни. Закончил же он свою беседу так: «Не нужно провоцировать экстремальные ситуации». Человек должен научиться следить за динамикой внешних обстоятельств и изменениями собственного сознания. Ему следует выучить

азбуку предикторов — знаков, предвещающих повороты жизненных ситуаций, перемены линии жизни.

Другая обобщенная «техника» заключается в способности своевременно распознавать неразрешимость определенных жизненных проблем и сконцентрировать свои усилия вокруг других, не менее насущных задач. Часто бывает так, что трудные обстоятельства, с которыми человек пытался совладать ценой невероятных усилий, спустя время изменяются как бы сами собой — в результате исчезновения породивших их условий. *Своевременность* действий и поступков человека — важный компонент его мудрого отношения к жизни.

Анализируя основные приемы совладания, следует особо отметить, что совладание — это процесс, в котором на разных его этапах субъект использует различные стратегии, иногда даже совмещая их. При этом повторим еще раз, что не существует таких стратегий, которые были бы эффективными во всех трудных ситуациях. В этом отношении справедливы слова В. Е. Компас: «Ни один-единственный стиль не является адаптивным для всех ситуаций» [14].

Задачи нашего исследования: изучить условия, способствующие (и препятствующие) становлению личностей, активных, верящих в свои возможности изменить мир, инициативных и ответственных, умеющих справляться с серьезными трудностями малыми потерями. Некоторые психологи призывают учить людей эффективным приемам совладания. Учить борьбе с жизненными трудностями можно и нужно. Но какими приемами воспользоваться? И следует ли ими пользоваться вообще? Это в конечном счете решает сама личность. В каждой стратегии совладания заложено определенное отношение человека к миру. Абсолютизируя такие типы стратегий, как, например, активно преобразующие, контролирующие, мы сталкиваемся с парадоксом: преуспевающими часто становятся личности, которые добиваются многого в жизни, не считаясь с интересами и переживаниями других людей. В большом массиве исследований нам не встретились пока работы, в которых — применительно, скажем, к межличностным конфликтам — изучались бы «безусловное положительное отношение» (К. Роджерс), любовь, милосердие. В конечном счете это тоже конструктивные стратегии, но направленные на совершенствование нравственного начала личности. Их изучение — одна из перспектив дальнейших исследований.

И наконец, *о самой актуальной задаче*. Новые общественно-исторические условия, крупные поворотные периоды в жизни общества порождают новые трудные ситуации и приемы совладания с ними. В нашей стране происходят изменения в мировоззрении, пересмотр прежних ценностей и идеалов, частыми становятся акты гражданско-

го неповиновения, обостряются межнациональные отношения. Как эти трудные социальные ситуации отражаются в сознании и поведении людей, на их переживаниях и действиях? Вот задачи, требующие от психологов логнитудных и кросскультурных исследований.

Литература

1. Амбрумова А. Г., Тихонечко А. А., Бергельсон Л. А. Социально-психологическая дезадаптация личности и профилактика суицида // Вопросы психологии. 1981. № 4. С. 91 – 102.
2. Братусь Б. С. Актуальные проблемы психологического изучения и коррекции алкоголизма // Психологический журнал. 1987. Т. 8. № 2.
3. Дикая Л. Г. Становление новой системы психической регуляции в экстремальных условиях деятельности // Принцип системности в психологических исследованиях. М.: Наука, 1990. С. 103 – 114.
4. Зимбардо Ф. Застенчивость. М.: Педагогика, 1991. С. 208.
5. Зарецкий В. К. Если ситуация кажется неразрешимой: Учебное пособие. М., 1991.
6. Ксенофонтова Е. Г. Уровни развития саморегуляции личности: критерии ее определения: Автореф. дис. ... канд. психол. наук. М., 1988.
7. Сергей Рахманинов. Воспоминания, записанные Оскаром фон Риземаном. М.: Радуга, 1992.
8. Anderson C. R. Locus of control, coping behavior and performance in stress setting: A longitudinal study // J. Applied Psychol. 1977. V. 62. P. 446 – 451.
9. Baron R. A. Negative effects of Destructive criticism: Impact on Conflict, Self-Efficacy and Task Performance // J. Applied Psychol. 1988. V. 73. № 2.
10. Baumgardner A. H., Akrin R. M. Coping with the prospect of social disapproval: Strategies and Sequelae / Ed. C. R. Snyder, C. E. Ford // Coping with negative life events: Clinical and social psychological perspectives. N. Y., L.: Plenum Press, 1987.
11. Bhagat R. S., McQuaid S. J., Lindholm H., Segovis J. Total Life Stress: A Multi-method Validation of the Construct and Its Effects on Organizationally Valued Outcomes and Withdrawal Behavior // J. Applied Psychol. 1985. V. 70. № 1.
12. Brim O. G., Jr., Ryff C. D. On the proprieties of Life events / Eds P. B. Baltes, O. G. Brim, Jr. // Life span development and Behavior. N. Y.: Acad. Press, 1980. V. 3.
13. Burgess A. W., Holmstrom L. J. Adaptive Strategies and recovery from rape // Amer. Psychol. 1979. V. 37. P. 1278 – 1282.
14. Compas B. E. Coping With Stress During Childhood and Adolescence // Psychol. Bull. 1987. V. 101. № 3.
15. Coyne J. C., Aldwin C., Lazarus R. S. Depression and Coping in Stressful Episodes // J. Abnormal Psychol. 1981. V. 90. P. 439.
16. Depue R. A., Monroe S. M. Conceptualization and Measurement of Human Disorder in Life Stress Research: The Problem of Chronic Disturbance // Psychol. Bull. 1989. V. 99. № 1.

17. *Diener C. I., Dweck C. S.* An Analysis of Learned Helplessness: Continued Changes in Performance, Strategy and Achievement Cognitions Following Failure // *J. Pers. and Soc. Psychol.* 1978. V. 36. № 6.
18. *Eitinger L.* Denial in concentration camps: some personal observation in the positive and negative functions of denial in extreme life situations / Ed. J. S. Breznitz // *The denial of stress.* N. Y.: Int. Univ. Press, 1983.
19. *Ellis A.* The Impossibility of Achieving Consistently Good Mental Health // *Amer. Psychol.* 1987. V. 42. № 4.
20. *Hotfoll S. E., Spielberger Ch. D., Breznitz Sh. et al.* War-Related Stress: Addressing the Stress of War and Other Traumatic Events // *Amer. Psychol.* 1991. V. 46. № 8.
21. *Ivancevich J., Matteson M. T., Fridman S. M., Phillips J. S.* Worksite Stress Management Intervention // *Amer. Psychol.* 1990. № 2.
22. *Janeff-Bulman R., Timko Ch.* Coping with traumatic events: the role of denial in light of people's assumptive worlds / Ed. C. R. Snyder, C. E. Ford // *Coping with negative life events: Clinical and social psychological perspectives.* N. Y., L.: Plenum Press, 1987.
23. *Kobasa S. C., Maddi S. R., Kahn S.* Hardiness and Health: A Prospective Study // *J. Pers. and Soc. Psychol.* 1982. V. 42. № 1.
24. *Longer F.* The illusion of control // *J. Pers. and Soc. Psychol.* 1977. V. 35. P. 185.
25. *Latack J.* Coping with Job Stress: Measures and Future Directions for Scale Development // *J. Appl. Psychol.* 1986. V. 71. № 3.
26. *Lazarus R. S.* Progress on Cognitive — Motivational — Relational Theory of Emotion // *Amer. Psychol.* 1991. V. 46. № 8.
27. *Lazarus R. S.* Positive denial: the case for not facing reality // *Psychology Today.* 1987. November. P. 47 — 60.
28. *Lazarus R. S., Anita De Longis.* Psychological Stress and Coping in Aging // *Amer. Psychol.* 1983. V. 38. № 3.
29. *Lifton R. J.* Death in life: Survivors of Hiroshima. N. Y.: Simon and Schuster, 1967.
30. *Marx E. M., Williams J. M. G., Claridge G. C.* Depression and Social Problem-Solving // *J. Abnormal Psychol.* 1992. V. 101. № 1.
31. *Mikulincer M., Solomon Z.* Attributional style and combat-related posttraumatic stress disorder // *J. Abnormal Psychol.* 1988. V. 97. № 3.
32. *Myers D. G., Ridl J.* Can we all be better than average? // *Psychology Today.* 1979. V. 13. P. 88—98.
33. *Nezu A. M., Carnevale G. J.* Interpersonal Problem-Solving and Coping Reaction of Vietnam Veterans with Posttraumatic Stress Disorder // *J. Abnormal Psychol.* 1987. V. 96. № 2.
34. *Olson J. M., Zanna M. P.* A new look at selective exposure // *J. exp. Psychol.* 1979. V. 15. № 1 (цит. по: *Annual Rev. Psychol.* 1985. V. 38. P. 404).
35. *Osipow S. H. et al.* Occupational stress, strain and coping across life span // *J. Vocational Behavior.* 1985. V. 27. P. 98 — 108 (цит. по: *Annual Rev. Psychol.* 1987. V. 38. P. 246 — 247).
36. *Perloff L.* Social comparison and illusions of invulnerability to negative life events / Ed. C. R. Snyder, C. E. Ford // *Coping with negative life events: Clinical and social psychological perspectives.* N. Y., L.: Plenum Press, 1987.

37. Rothbaum F., Weisz J. R., Snyder S. S. Changing the Self: A Two-process Model of Perceived Control // J. Pers. and Soc. Psychol. 1982. V. 42. № 1.
38. Shrout P. E., Link B. G., Dohrenwend B. D. et al. Characterizing Life Events as Risk Factor for Depression: the Role of Fateful Loss Events // J. Abnormal Psychol. 1989. V. 98. № 4.
39. Snyder C. R., Ford C. E., Harris R. N. The effects of theoretical perspective on the analysis of coping with negative life events / Ed. C. R. Snyder, C. E. Ford // Coping with negative life events: Clinical and social psychological perspectives. N. Y., L.: Plenum Press, 1987.
40. Solomon L., Mikulincer M., Flum H. Negative life events, coping responses and combat-related psychopathology: A prospective Study // J. Abnormal Psychol. 1988. V. 97. № 3.
41. Swindle R. W., Jr., Cronkite R. C., Moos R. H. Life Stressors, Social Resources, coping and the 4-Year Course of Unipolar Depression // J. Abnormal Psychol. 1989. V. 98. № 4.
42. Thomae H. Das Individuum und seine Welt. Eine Persönlichkeitstheorie 2., völlig neu bearbeitete Auflage // Verlag für Psychologie. Dr. C. J. Hogrefe. Göttingen, Toronto, Zürich, 1980.
43. Weinstein N. D. Unrealistic optimism about future life events // J. Pers. and Soc. Psychol. 1980. V. 39. P. 806 – 820.
44. Wills Th. A. Downward comparison as a coping mechanism / Ed. C. R. Snyder, C. E. Ford // Coping with negative life events: Clinical and social psychological perspectives. N. Y., L.: Plenum Press, 1987.

19

ГЛАВА

СПОСОБНОСТЬ ЛИЧНОСТИ К ПРЕОДОЛЕНИЮ ДЕФОРМАЦИЙ СВОЕГО РАЗВИТИЯ

Быстро миновал период «перестройки» советского общества. Наступила эпоха построения нового общественного строя, ориентированного на капиталистические общественные отношения, на рыночную экономику с жестким механизмом конкуренции. В настоящее время наша страна находится в состоянии «аномии» (Дюркгейм). Неопределенность положения не уменьшается, возникают непредвиденные социальные процессы. Наши сограждане не чувствуют себя субъектами своих социальных действий, поступков. Реализация замыслов «архитекторов» нового общества приносит неожиданные негативные результаты. У многих людей происходит ломка их прежней системы ценностей — основы личностной идентичности. Попытки же обрести новые ценности оказываются мало результативными. И все же несомненно происходит медленная эволюция в сторону капитализма. В этих условиях перед отечественными психологами встает несколько проблем. Первая из них — как воспринимают происходящие социальные изменения наши сограждане, как выстраивают они новую свою идентичность, находят ли возможность реализовать себя. В новых условиях люди обрели свободу, но им трудно ответить на вопрос: «Свободу для чего?» Ведь главное — свобода созидания, но есть ли условия для ее реализации? Вторая проблема — попытаться предвидеть, каковы же могут быть психологические последствия укрепления капитали-

стического строя, рыночной экономики, отношений конкуренции. Именно этой проблеме и будет посвящена данная глава. Наши коллеги в развитых капиталистических странах накопили богатейший опыт, раскрывающий влияние господствующих там общественных отношений на развитие личности, особенности сознания, на своеобразии психологических трудностей и способов их разрешения в чуждых нам условиях. В западных странах широкий размах получила психотерапия, на основе которой сформировалось подавляющее большинство наиболее содержательных концепций личности. Психотерапевты выявили многочисленные социально-психологические факторы, порождающие искажения сознания, тормозящие развитие личности. С методологической точки зрения практика психотерапии имеет большие преимущества по сравнению с практическим применением различных, особенно проективных, тестов. Критикуя метод тестов, Х. Томе небезосновательно сравнивает его с «выстрелами из засады» по незащищенным людям, которые совсем не хотели бы раскрывать перед посторонними тайники своей души [26]. Поэтому свою когнитивную теорию личности Томе предпочел построить на основе автобиографического интервью, в ходе которого участники эксперимента вольны по своему желанию строить ответы. К психотерапевтам же люди сами обращаются со своими страданиями, происхождения которых они не понимают или толкуют неверно.

Психотерапевтические истоки теорий личности жестко критиковал Г. Олпорт: психотерапевты, по его мнению, создают теории больной личности, а психологической науке нужна концепция здоровой личности, которую он и попытался создать. Есть, однако, основания полагать, что позиция Олпорта недостаточно корректна. У всякого психотерапевта непременно есть концепция здоровой в психологическом отношении личности. Ведь процесс психотерапии направлен на позитивное преобразование сознания и поведения человека. Если воспользоваться понятиями теории Дж. Келли, то можно сказать, что теории психотерапевтов построены по принципу личных конструкторов — они дихотомичны и биполярны. На одном полюсе находятся представления о структуре страдающей, «проблемной» личности, на другом — идеи о личности полноценно функционирующей, развивающейся, овладевшей искусством жить. В ходе лечения терапевт выявляет социальные и социально-психологические факторы, являющиеся предпосылкой невротических состояний, и стремится изменить *отношения* человека к этим факторам, предложить альтернативные способы поведения в неблагоприятных условиях и т. п. Одни из персонологов — представите-

лей социокультурного направления (А. Адлер, К. Хорни, Э. Фромм и их последователи) — усматривают истоки неврозов и личностных искажений в капиталистических отношениях. Но из всех них, пожалуй, только Фромм целью своего «гуманистического психоанализа» считает создание прикладной науки и прикладного искусства социальной реконструкции [12]. Другая группа психологов-психотерапевтов своей задачей считает выявление нерациональных, неразумных представлений людей о мире и о себе, которые препятствуют их полноценной жизни и продуктивной деятельности (А. Эллис, А. Бек). Наконец, есть и такие создатели личностных теорий, которые выделяют прогрессивные типы социальных отношений в капиталистическом обществе и типы индивидов, являющиеся эталоном здоровых, креативных, постоянно развивающихся людей (гуманистическое направление в психологии).

Прежде чем обсуждать содержательные результаты и выводы психологов, следует высказать некоторые свои исходные позиции.

Первая позиция. Любое общество крайне неоднородно, и чем выше оно развито, тем более разнородным становится. Кроме господствующих в нем отношений существуют отношения, прямо им противоположные. Общество есть совокупность различных жизненных миров. В нем можно обнаружить неизвестные еще изоляты. В социальные структуры вкраплены реликты — остатки некогда бытовавших обширных и своеобразных сообществ. В поддержании таких реликтов огромная роль принадлежит семейным или общинным традициям. Э. Эриксон писал, что во многих случаях он не мог понять происхождения тех или иных симптомов пациента или его идентичности. И вдруг совершенно неожиданно в рассказах пациента проскальзывал образ далекого гордого предка, черты которого бессознательно присвоил его потомок¹. Неоднородность западного общества представлена в разных персонологических теориях. В то же время основные результаты психотерапевтической практики во многом совпадают: господствующие общественные отношения порождают сходную симптоматику у пациентов.

¹ В условиях ломки сложившегося ранее общественного строя, в ситуации социальной аномии (Дюркгейм) реликтовые отношения могут актуализироваться и получать определенное распространение. Так, весной 1998 г. в отечественных средствах массовой информации появились сообщения о возобновлении у нас «института рабства». Предприимчивые люди разными путями вербовали девушек-беженок из стран Средней Азии и заставляли их работать до изнеможения за пищу и крышу над головой. Выказывавших недовольство беспощадно наказывали.

Вторая позиция касается взаимодействия индивида и общества. Социальные воздействия на человека не пассивно воспринимаются им. Они своеобразно осмысливаются, интерпретируются, интонированы, наделяются личностной значимостью, нередко искажаясь и односторонне воспринимаясь индивидом. Эта позиция реализуется в большинстве обсуждаемых ниже концепций. Но важнейшая форма инициируемой личностью и направленной на мир активности — конструктивно-преобразующая деятельность — слабо представлена в персонологических концепциях, хотя в процессе психотерапии пациентам предлагается реализовать выработанные ими новые убеждения в своем повседневном поведении.

Теперь обратимся к обсуждению социо-культурных психотерапевтических теорий. Их представители — К. Хорни, Э. Фромм — единогласно утверждают, что рыночная экономика, основанная на отношениях конкуренции, пагубным образом влияет на психическое здоровье и развитие личности. Согласно Фромму, в условиях капитализма человек находится перед экзистенциальным выбором — много иметь или «быть многим», т.е. развивать в себе все заложенные в него природой общечеловеческие силы, способности, высшие потребности, добродетели. И множество людей под давлением общества предпочитают «иметь» в ущерб перспективе безграничного личностного развития. По словам Хорни, конкуренция реализуется не только в сфере экономики, она насыщает собой все области жизни (школу, семью, работу), формирует позиции презрения к слабым, зависть к сильным. Возникает феномен двойной морали. С одной стороны, успех вызывает у окружающих восторг, преуспевающий человек превозносится. Но люди не осведомляются, при помощи каких средств успех был достигнут².

С другой стороны, общество в качестве моральных ценностей провозглашает скромность, неэгоистичность, нетребовательность. Эта диффузия морали порождает у человека внутренние конфликты, затрудняет обретение идентичности. Однако практика конкурентных отношений побуждает многих выбрать идеал преуспеивания любой ценой. Непомерно развивается честолюбие, потребность в мстительном триумфе, стремление к внешнему успеху. Выявляя эти характеристики личности, поражающие исследователя своей распространенностью, Хорни неоднократно подчеркивает их происхождение, а также ответственность самого человека за выбор

² Между тем, по мнению многих персонологов, обсуждающих проблему успеха в контексте вопроса о соотношении цели и средств, безнравственные средства трансформируют негативным образом самую высокую цель.

стиля жизни, соответствующего перечисленным выше ценностям. Она пишет: «Так как мы живем в мире конкуренции, эти замечания могут звучать странно и казаться не от мира сего. Во всех нас настолько глубоко укоренилось стремление обогнать соседа и быть лучше него, что мы воспринимаем эти тенденции как «естественные». Но тот факт, что компульсивные стремления к успеху возникают только в мире конкуренции, ничуть не делает их менее невротичными. Даже в подобном мире существует много людей, для которых другие ценности — такие, как развитие человека, — важнее, чем достижение превосходства над другими» [16, с. 252]. Стремление достичь превосходства во всем перерастает в потребность *поиска славы*, которая формируется уже в детстве. Одна из пациенток Хорни — десятилетняя девочка — упорно утверждала, что лучше ослепнуть, чем не быть первой в классе [15]. Казалось бы, что это неодолимое стремление *к славе*, выступающее как ведущий мотив, как смысл жизни, предполагает упорное развитие своих талантов, приобретение широкого круга умений, желания развивать все свои силы. Но в действительности тяготение к развитию проявляется лишь у очень немногих. Дело в том, что растущего человека побуждает к успеху не его богатая одаренность, а навязываемый обществом шаблон, стереотип, отнюдь не отвечающий его скромной психологической оснастке. Его небольшие успехи остаются незамеченными другими. И субъект начинает деформировать собственное представление о себе или уходит в мир фантазий. По данным Хорни, у ее клиентов происходит формирование идеализированного образа своего Я как всемогущего, все знающего, все умеющего, высоконравственного, вызывающего любовь и восхищение окружающих. Однако неизбежные в жизни неудачи, нейтральное отношение других людей заставляет человека чувствовать себя предельно жалким, никчемным, презирать и ненавидеть себя. Но эти переживания лишь усиливают его чувство долженствования во что бы то ни стало, в любых ситуациях одержать победу, достичь цели. В душе человека происходит борьба несовместимых сил внутренних диктатов, компульсивных (навязчивых) потребностей, тирании долженствования и самоидеализации. Для удовлетворения этих стремлений растущий человек уже с детства вырабатывает три основные стратегии или личностные ориентации: «прилипание» к людям с бессознательной целью заслужить их любовь; агрессивное к ним отношение, вызванное тем, что они не подтверждают идеализированный образ Я; дистанцирование от людей для сохранения собственной автономии. Конфликт этих ориентаций, согласно Хорни, и порождает постоянную внутреннюю тревогу. По существу,

в своем анализе стремления к славе и самоидеализации Хорни частично раскрывает психологическую структуру потребности во власти и превосходстве, которую Адлер представил в своих ранних работах как доминирующую потребность людей в «западном обществе». Весьма содержательно тип личности (характера), порождаемый капиталистическими общественными отношениями, описал Фромм, назвавший его «рыночным» типом. Он, так же, как и Хорни, обратил внимание на нарушения в структуре «Я» личности с рыночной ориентацией. Человек не может ответить на вопрос «Кто Я», его идентичность диффузна, зависит от спроса на рынке личностей. Позицию «рыночного» типа Фромм выражает в броском положении — «я тот, кого вы изволите» [12]. Нередко жажда славы удовлетворяется в мире фантазий и сновидений. Конкретизируя это положение, Фромм описывает поведение своего клиента, пришедшего с жалобами на состояние тревоги. Мужчина рассказал, что с детства мечтал о воинской славе и воображал себя Наполеоном, перед которым в восхищении преклоняются солдаты. По просьбе терапевта пациент рассказал, что именно сегодня ночью видел себя на белом коне среди солдат, воздававших ему хвалу. Этому сновидению непосредственно предшествовал неприятный эпизод: начальник сделал ему замечание. Сновидение, следовательно, стало способом восстановления понизившейся самооценки, но способом фиктивным, не обеспечивающим поступательного развития субъекта.

Психологи-психотерапевты предупреждают, что многие потребности, выявляемые у людей, не справляющихся с жизненными трудностями и в результате центрирующихся на себе, есть и у полноценно развивающихся людей. Жизнь сложна, и людям приходится преодолевать ситуации несправедливой недооценки себя, искать помощи у окружающих, авторитетных людей.

Так, Хорни выделяет потребности в любви и одобрении, руководящем партнере, четких ограничениях, общественном признании, восхищении собой, самодостаточности и независимости, в безупречности и т. д. Но у так называемых невротиков, как правило, господствует и развивается до непомерных размеров лишь одна из таких потребностей, от которой человек не может отделаться. Обычно она не осознается во всей своей непомерности и довлеет над ним. Среди них одной из самых пагубных для развития как личности, так и общества выступает ориентация человека лишь на себя, свой успех, славу любой ценой. Выделяемые Хорни три ориентации: на людей, от них и против них, в конечном счете, в своей основе обслуживают ориентацию лишь на себя. По мнению многих психологов, центра-

ция на себя препятствует росту личности, ее движению «вверх», к высшим ценностям. Выступая именно с этих позиций, ряд психологов весьма критически относится к теориям самоактуализации, оправдывающим, по их мнению, эгоистические установки индивида, сосредоточенность на интересах собственного Я. С.Л. Рубинштейн, разрабатывая проблему развития человека как его стремления к уровню высших ценностей, подчеркивал, что уровень развития определяется тем, насколько субъект является светом и теплом для других людей. Он писал, что высшее оценивается не по отношению к самому человеку, не как простое самоусовершенствование. Оценка высшего — с точки зрения того, как оно и что изменяет, усовершенствует в других людях [9, с. 380]. В. Франкл противопоставляет теории самоактуализации свой взгляд на природу человека. Он доказывает, что человек изначально направлен не на себя, а на мир. В окрестном мире, в обществе, в других людях он только и может найти главный смысл (основной мотив, высшую ценность) своей жизни. В поисках смысла люди должны трансцендировать, выходить за пределы себя. Смысл своего бытия индивид может отыскать в деле, которому он предан и которое отвечает его призванию, в заботе о других людях. Самоактуализация важна, признает Франкл, но не как интенция, намерение, автономная цель, а лишь как побочный результат созидательной деятельности. Лишь в той мере, в какой люди забывают о себе в деле, жертвуют себя миру, его требованиям и задачам, они осуществляют и себя. В своей книге «Человек в поисках смысла» Франкл описывает впечатления одного знаменитого американского психоаналитика, который побывал в Москве (имя ученого Франкл не называет) [10]. Этот психолог обнаружил, что в СССР неврозы встречаются реже, чем в США. По его мнению, такой факт можно объяснить тем, что в коммунистической стране люди занимаются необходимыми делами. Это положение дел психоаналитик расценил как поддержку теории Франкла: ориентация на осмысленное дело — залог душевного здоровья. При построении своей теории Франкл опирается на исследования, выполненные в 1933 г. и посвященные влиянию безработицы на психику людей. Одним из первых Франкл описал «невроз безработицы» как феномен потери смысла жизни, заключающегося в нужном для общества деле. Значение смысла, лично значимой цели, которой посвятил себя человек, оказалось, как показал Франкл, самым важным фактором выживания людей в условиях концлагерей.

Концепция логотерапии и критика теории самоактуализации оказали сильное влияние на Маслоу, заставили его эксплицировать свое понимание этого феномена и дополнить новыми положения-

ми концепцию мотивации. Он прежде всего разъяснил, что уже изначально в качестве важнейших характеристик самоактуализированных людей выделяются их демократический характер и полная поглощенность тем делом, которое они считают своей миссией, призванием. Определяя способность самоактуализирующихся личностей делать в сложных социальных ситуациях «правильный выбор», Маслоу подчеркивает: «"Правильный выбор" в данном случае значит "ведущий к их самоактуализации и самоактуализации других людей"» [7, с. 209]. Позднее он ввел в свои работы понятие «трансценденция», указал многообразные пути осуществления выхода человека за свои пределы, описал своеобразие личностей трансцендентов. Понятие «трансценденция» существенно обогащает онтологическую концепцию человека, индивида. В его исторически сформировавшейся природе заключена особая способность — сомневаться в конкретно-историческом, в сущности, подниматься над ним и пытаться совершенствовать или отрицать наличное как препятствующее неисчерпаемому развитию человека. Качество трансцендентности высвечивает особые параметры масштабности конструктивных сил человека.

Все человеческие стремления (потребности) Маслоу разделил на дефицитарные (D-потребности или мотивы нужды) и потребности роста, развития, реализации высших ценностей (ценностей Бытия или область метамотивации — стремления к добру, справедливости, истине и т. п.). В понятие трансценденции вошли составляющие потребностей и способностей, желания и возможности человека выйти за пределы существующего общества, господствующих общественных отношений, распространенных в социуме шаблонов и стереотипов. Есть основание предполагать, что понятие трансцендентности входит в фундамент теории морального развития Л. Колберга [24]. Его концепция стадийного развития морали указывает на то, что способность к трансценденции развивается постепенно и тесно связана с целостным развитием личности. Колберг выделяет три уровня в становлении морали — доконвенциональный, конвенциональный и постконвенциональный. Каждый уровень включает две стадии. В данном контексте интересен постконвенциональный уровень. Достигая пятой стадии, люди начинают критически относиться к существующим в своем обществе нормам. Распространенные в социуме нравственные ценности уже не воспринимаются ими как равнозначные, но располагаются в иерархическом порядке. Формируются убеждения в том, что определенные правила и установления должны быть пересмотрены, что в обществе должны существовать демократические проце-

дуры для изменения определенных норм, несправедливых законов, для улучшения данного общества.

На шестой стадии, называемой Колбергом «универсальные принципы», люди выходят за пределы своего общества в пространство всего человечества. Они руководствуются принципом — все люди достойны уважения и представляют величайшую ценность. Чтобы утвердить эти принципы, представители шестой стадии одобрили бы акты гражданского неповиновения, которые едва ли поддержали бы люди, стоящие на пятой стадии. Поскольку среди выборки Колберга нашлось крайне мало людей, которых можно было бы отнести к шестой стадии, он назвал ее «теоретически возможной». Но речь не идет об обсуждении данных стадий. Важен феномен трансценденции, опосредствующий влияние социальных структур на поведение и чувства личности. В работах К. Хорни, Э. Фромма, Дж. Келли, К. Юнга, А. Маслоу, Х. Томе и других психологов выявляются тонкие психологические процессы и образования, которые влияют на интерпретацию, осмысливание, интонирование субъектами общественных отношений, событий, жизненных ситуаций, межличностных связей. Психотерапевты выделяют совершенно необычные структуры сознания, которые искажают восприятие окружающего мира и вызывают неадекватные чувства. Значительный вклад в изучение таких структур внесли работы когнитивно ориентированных психотерапевтов — А. Эллиса и А. Бека.

А. Эллис — создатель когнитивно-эмотивной психотерапии. Основной его тезис таков. Различные эмоциональные нарушения вызываются у человека не событиями или ситуациями самими по себе, но опосредствующими восприятие нерациональными (иррациональными) убеждениями или идеями. В их структуре когнитивные (информационные) аспекты жестко связаны с оценочными, эмоциональными. В своих работах 50-х гг. Эллис выделил 27 искажающих реальность идей. В статьях 80-х гг. он сообщает, что обнаружено уже сто таких идей [22]. Вот их примеры: если какое-либо событие сильно повлияло на вашу жизнь, то такие события будут постоянно преследовать вас; человек непременно должен быть во всех отношениях компетентным, преуспевающим, необходимо, чтобы он все знал, умел, понимал; совершенно необходимо, чтобы каждое действие или поступок были привлекательными для окружающих; это настоящая катастрофа, если дело идет не так, как хотелось бы; все без исключения беды навязываются нам внешними обстоятельствами или людьми; поступки людей, как правило, порочны — повинных в них надо строго наказывать и т. д. Эти идеи Эллис попытался объединить в четыре группы иррациональных

установок: 1) *катастрофические установки*. На их основе каждое неприятное событие оценивается как ужасное, чудовищное, невыносимое; 2) *установки долженствования*. Они включают убеждения, что мир держится на универсальных позитивных принципах, таких, как «все люди обязательно должны быть честными», «мир должен быть справедливым» и т. п.; 3) *установки обязательной реализации своих потребностей и стремлений*. Конкретное содержание таких установок очень сходно с позициями, порождаемыми идеализированным образом своего Я (по Хорни). Например: «Я непременно должен быть на высоте своей профессии, иначе я ничего не стою»; 4) *оценочная установка*. Человек с такой установкой оценивает не отдельные черты или поступки других людей, но их личность в целом. Иначе говоря, отдельный аспект индивида отождествляется со всей его целостностью. В работах Эллиса весьма значимым в теоретическом плане является положение о том, что не события сами по себе, но оценочное отношение к ним человека порождает те или иные чувства, и если эта оценка негативно гиперболизируется, генерализуется, то могут возникнуть разные эмоциональные нарушения. Важно и то, что, сталкиваясь с подобными симптомами, Эллис пытается выяснить определенные внутренние условия, порождающие их. Но анализ его оказывается незавершенным — и не только потому, что не затрагивает определенные фундаментальные структуры «внутреннего», — он не раскрывает важную роль внешних — социальных условий, делающих трудно устранимыми иррациональные установки. Более углубленный анализ «внутреннего» был предпринят Е.Ф. Колобовой [6]. Проведенные ею исследования показали, что связь иррациональности с эмоциональными нарушениями опосредствуется такой обобщенной характеристикой личности, как низкая степень психологической дифференцированности когнитивной сферы человека. Эта характеристика включает, в частности, полезависимость, вербальный реализм и акцентированную ориентацию человека на свое социальное окружение, на группу в ущерб собственной автономии. Такая особенность личности, по данным Е.Ф. Колобовой, сочеталась с наличием определенных нерациональных установок и у людей без признаков невротизма. Что касается внешних факторов, то исследования Фромма и Хорни дают основания предполагать, что состояние общества, типы организаций и господствующие общественные отношения способствуют сохранению у человека нерациональных установок и обуславливают попытки «невротиков» удерживать или восстановить их. Сам Эллис был весьма обескуражен фактом кратковременности освобождения своих пациентов от их нерациональных

убеждений. Терапевт применял директивную терапию: доказывая несостоятельность нерациональных идей, учил оценивать неприятное событие не в понятиях «ужасно», «невыносимо», а с использованием выражений типа «было бы лучше, если обстоятельства сложились иначе», требовал, чтобы его собеседники логически обосновывали свои позиции, давал задания в реальном поведении отказаться от своих установок. В результате «магическое мышление», как выражается Эллис, исчезало, но лишь на некоторое время. Можно предполагать, что социальная действительность и определяющая внутренняя потребность приводят к возвращению прежней системы убеждений.

Мысль о такой особой потребности личности подсказывается наблюдениями Дж. Келли, приведшими его к созданию теории личных конструктов. Разрабатывая в 20-е гг. проблемы педагогической социологии, образования, физиологической психологии, он одновременно занимался и психотерапией. Сначала он предлагал своим пациентам фрейдистскую интерпретацию симптомов и констатировал значительное улучшение их состояния. Затем он опробовал другие психотерапевтические системы, и каждый раз лечение оказывалось успешным. Этот факт привел его к выводу, что люди для сохранения своего психического здоровья нуждаются в связной философии жизни, в определенном мировоззрении. Человек может быть удовлетворен любым, пусть несколько деформирующим действительность мировоззрением, и лишь на высоких уровнях личностного развития он стремится к обоснованной, продуманной, осознанной философии жизни. Эллис, развенчивая иррациональные идеи, не предлагал рациональную, связную систему идей, что и приводило к актуализации прежних позиций. Еще более значимую роль в приверженности к нерациональному мышлению должны, предположительно, играть социальные условия.

В любом высокоразвитом обществе существуют различные принципы организации производства, практикуются разные способы управления. Авторитарное руководство порождает у подчиненных «тиранию долженствования» и стратегию поиска одобрения руководящего лица. Эллис описывает следующий случай из своей практики. Один из его клиентов признался, что при общении с терапевтом он испытывает сильную тревогу. Из его рассказов о своем детстве выяснилось, что мать пациента, переживаемая им как авторитет, постоянно указывала мальчику на его упущения, ошибки и недостатки и вызывала у ребенка чувство тревоги. Сообщая об этом, пациент обрел, по выражению Эллиса, ошибочный инсайт. Он «догадался», что в результате опыта детства каждая авторитетная фигура

делает его тревожным. Эллис, однако, отверг такое предположение и усмотрел истоки негативных эмоций клиента в нерациональном убеждении, будто такие фигуры обязательно должны пациента одобрять. Отсутствие одобрения грозит катастрофой, «это ужасно». Такое толкование было принято пациентом. Но анализ должен был бы продвигаться дальше. Успешность профессиональной жизни в условиях конкуренции, тем более в системе авторитарного управления, во многом зависит от благоволения руководящих лиц, и отсутствие поощрений или критические замечания могут указывать на неблагоприятные профессиональные перспективы. Можно выдвинуть также предположение, что ситуация неопределенности, невозможность прогнозировать развитие социальных процессов должны порождать нерациональные установки. Эта гипотеза применительно к переломному периоду в жизни нашей страны ставит перед отечественными психологами проблему изучения степени рациональности тех идей, той философии жизни, которая характеризует сознание наших сограждан.

Другие представители когнитивных теорий личностей когнитивной психотерапии предпочитают говорить не об иррациональных моментах мышления, а о «пунктах когнитивной уязвимости», о «дисфункциональных схемах мира». Так, А. Бек, утверждая существование неверных убеждений, исследует феномены односторонних стратегий формирования таких убеждений, непродуктивной проблематизации мира субъектами. В отличие от Эллиса, который ограничивает свои задачи лишь выявлением разных нерациональных идей, Бек ставит вопрос о происхождении когнитивных неэффективных стратегий. Он считает их результатом недостаточного развития социальных умений, ошибок научения. Поэтому его терапия может быть определена как помощь в развитии «социального мышления», социально-когнитивных умений. Беку удалось выявить разнообразные когнитивные искажения окружающей действительности, которые он считает присущими людям с невротическим складом. Но они, по нашим наблюдениям, встречаются и у людей здоровых, т.е. благополучно справляющихся с многочисленными жизненными трудностями. Искажения эти таковы [4].

1. *Персонализация*. Она выступает как склонность интерпретировать действительность с позиций личной значимости. Люди при этом переоценивают свою связь с социальными ситуациями. Так хмурый вид случайного прохожего субъект интерпретирует как признак того, что встреченный человек чувствует к нему отвращение. Не логично ли предполагать, что такой тип искаженного восприятия должен быть у людей, психологически зависимых от других

лиц, т.е. считающих, что их судьба определяется лишь стечением обстоятельств и окружающими. 2. *Дихотомическое мышление*. Оно раскрывается как склонность мыслить крайностями. Все события либо ужасны, либо прекрасны. 3. *Выборочное абстрагирование*. Оно представляет собой интерпретацию ситуации на основе одной ее детали, без учета целостного контекста. 4. *Произвольные умозаключения* — они не подтверждаются фактами и даже противоречат им. 5. *Сверхгенерализация*. Она выступает как широкое обобщение, построенное на основе лишь единичного случая. Так ребенок делает единственную ошибку и с горечью заключает: «Я все делаю неправильно». 6. *Преувеличение*. Это искажение родственно феномену катастрофизации действительности. Такие и иные когнитивные искажения действительности Бек конкретизирует в зависимости от типа невротического склада. Так, например, тревожные личности ориентированы на поиск в разных ситуациях признаков опасности, катастрофы, они игнорируют черты, указывающие на безопасность. Люди с симптомами депрессии воспринимают мир как совокупность непреодолимых барьеров и невыполнимых требований и т.д. Если попытаться выявить, неудовлетворенность каких основных потребностей порождает многочисленные деформации личности, ее сознания и чувств, обнаруженные разными психотерапевтами, то можно заключить: это — потребности в уважении, самоуважении, сопринадлежности, любви, безопасности и защите, которые Маслоу отнес к дефицитарным мотивационным силам. Исключение составляет лишь потребность в смысле, причисленная Франклом и Маслоу к высшим стремлениям человека.

Креативные силы человека в борьбе с деформирующими социально-психологическими условиями

Все выделенные в психологии и в психотерапии деформации личности, ее отношений к миру, дефекты сознания, когнитивные искажения, нерациональные убеждения порождают, по крайней мере, три взаимосвязанных вопроса. Первый из них касается генеза, истоков, предпосылок возникновения и формирования различных личностных деформаций. Второй вопрос относится к выявлению условий, способствующих становлению здоровых, успешно функционирующих, продуктивных членов общества, преодолевающих немалые социально-психологические трудности.

Наконец, третий вопрос непосредственно касается психотерапевтической практики: как возможно усилиями психотерапевта

преодолеть негативное влияние мощных социальных структур и побудить своих пациентов по существу начать по-новому строить свою жизнь, изменить отношение к миру, обрести способность к полноценному развитию?

При обсуждении проблемы генезиса и предпосылок деформаций в складе личности, ее сознания и путях развития мнения психологов значительно расходятся. Так, Эллис считает, что фактически все люди рождаются с весьма выраженными тенденциями к нерациональному восприятию своего мира, прежде всего социального, к превращению своих желаний и предпочтений в догматические долженствования (*musts, shoulds, oughts*). По мнению Эллиса, люди, конечно, способны к рациональному мышлению, но когда сила их желаний возрастает, начинает преобладать иррациональная интерпретация событий и требований [21, 22].

Большинство же психологов истоки трудностей «в искусстве жизни» (Фромм), генезис неудач в решении повседневных проблем и невротических расстройств усматривают в переживаниях детства. При этом каждый из ученых в соответствии со своей концепцией личности выделяет разные стороны трудностей детской жизни. Исключением является, пожалуй, лишь Г. Олпорт. Он исходит из своего положения о существовании у человека *проприативной функциональной автономии мотивов*. В этом положении подчеркивается, что у развивающегося человека на протяжении жизни возникают новые интересы, новые мотивы, которые не имеют связи с прошлыми, в частности, детскими побуждениями. Они обладают собственной энергетикой. Поэтому Олпорт считает, в противовес Э. Эриксону, что «первый год жизни наименее важен для личности» [19, с. 78]. По мнению Олпорта, уровень психического здоровья людей определяется тем, насколько их свойства (черты) выступают независимыми от черт, проявлявшихся в детстве. Олпорт признает существование у человека и так называемой *персеверативной функциональной автономной системы*, которая сохраняет преемственность с прошлым, но лишь на уровне элементарных, скорее, органических потребностей. Прямо противоположна взглядам Олпорта позиция Адлера, своеобразие которой выражается в двух его положениях — о значимости главных целей, определяющих стиль жизни субъекта, и о стремлении к превосходству, полному совершенству. Именно в детстве, по Адлеру, эти стремления конкретизируются в определенных целях, пронизывающих весь жизненный путь или лейтлинию его жизни. Даже частичные неудачи в погоне за недостижимой целью приводят человека к неврозу. Руководствуясь этими идеями, Адлер разработал метод анализа наиболее ярких воспоминаний дет-

ства у своих пациентов. В его работах содержится большой эмпирический материал, подтверждающий выдвинутую ученым гипотезу. Приведем хотя бы один «случай». Пациентка Адлера рассказала о врезавшемся в ее память следующем эпизоде. Ей в возрасте четырех лет подарили на день рождения головоломку, с которой она не могла справиться. В то же время другие дети все-таки сумели решить эту задачку. Потом мама показала девочке, как нужно было обращаться с загадочной игрушкой. И с тех пор вся жизнь этой женщины, как заключил Адлер на основании ее рассказов, была направлена на решение во что бы то ни стало трудных, требующих напряжения интеллекта, жизненных задач. Эта компульсивная потребность добиться интеллектуального превосходства в любых обстоятельствах и привела женщину к терапевту.

В отличие от Адлера другие психологи считают самым важным фактором, определяющим успешность развития личности, те отношения, которые складываются у пришедшего в мир малыша с его семейным окружением — матерью, обоими родителями, сиблингами (братьями и сестрами). Значимость семейных отношений, методов воспитания, действительно, очень велика. Ведь современная семья — это превращенная форма общества, основанного некогда на кровнородственных отношениях. Сократившись до минимума, семейная организация сохранила и развила такие уникальные отношения между своими членами, которые обеспечивают их жизнеспособность и позволяют проявляться лучшим сторонам природы человека. По Фромму, отношения матери и ребенка — модель самых глубоких, самых человеческих отношений между людьми, удовлетворяющих главную потребность человека — в любви. На примере любовных отношений к детям Фромм анализирует такие характеристики любви, которые не выделялись другими исследователями. Так, например, любящая мать замечает симптомы потребностей ребенка, его беспокойства еще до того, как дитя явным образом выразит их. Мать тонко воспринимает любую информацию, поступающую от ребенка, и адекватно отвечает на нее. Семья должна передать ребенку чувство, что он желанен миру. И тогда, по словам Фромма, ребенок делает самый главный свой выбор — выбор в пользу жизни. Атмосфера безопасности, защищенности, доброй воли окружающих позволяет ребенку не тормозить спонтанность своих интересов, чувств, потенциалностей. Эта позиция Фромма родственна установкам Эриксона. Именно в условиях безусловного принятия окружающими у малыша в возрасте до двух лет, по Эриксону, формируется основополагающее отношение к миру и к себе — базальное доверие в проти-

вовес недоверию³. При этом, как указывается в последней книге Эриксона, преобладание качества недоверчивости порождает плохое сенсорное развитие ребенка, неприятие себя, недоверие к своим возможностям [23]. Есть основания предполагать, что для раннего детства весьма важно удовлетворение тех потребностей, которые Маслоу назвал дефицитарными [8]. В то же время гиперопека, попустительство, неумеренная похвала порождают уже в раннем детстве не только отрицательные личностные качества — такие, как своеволие и бесстыдство (Э. Эриксон), — но и невротические тенденции. Так, Э. Фромм в своей книге «Человеческая ситуация» предупреждает, что уже в детстве возникают мечты о всесии, превосходстве, которые нужно немедленно пресекать [13]. Маслоу проблемам «контроля и границ» посвятил раздел книги «Психология бытия» [7]. Он пишет: «...маленький ребенок нуждается не только в удовлетворении своих потребностей; ему также нужно знать их пределы, установленные физическим миром, и необходимо осознавать, что другие человеческие существа также ищут удовлетворения своих потребностей... Это означает необходимость контроля, самоограничения, самоотречения, терпения, дисциплины и умения пережить разочарование» [7, с. 203].

В свете выявленных психологами феноменов «тирании должествования», генерализации самооценок, абсолютизации требований и запретов, проблема определения субъектом границ их действия представляется достаточно актуальной, затрагивающей психологию детства и взрослости. Ведь ни семейное окружение, ни общество не предъявляют к человеку требования в жесткой, безусловной форме, предполагающей их выполнение при любых обстоятельствах и любой ценой. Психологам предстоит выяснить, какие процессы порождают негибкие, по существу, самопоражающие позиции по отношению к направленным социальным воздействиям у человека уже в раннем детстве.

В качестве весьма неблагоприятных условий воспитания ребенка в семье выделяются: непоследовательность поведения родителей, их лицемерие, пренебрежение к потребностям ребенка в безопасности, защите, любви. В таких условиях, по наблюдениям Хорни, у малыша не формируется чувства «мы», сопринадлежности, возникает переживание базальной тревоги. Пытаясь преодолеть негативные чувства, ребенок старается всеми средствами заслужить любовь родителей, и этот, уже навязчивый способ поведения

³ Как указывает Хорни, впервые понятие «базальное доверие» ввела в психологический обиход Мэри Рейси в 1946 г.

переносится на взаимоотношения с другими людьми. Особенно неблагоприятно сказываются, по Хорни, ссоры родителей, в которых каждый из них стремится одержать победу. Становясь на сторону одного из них, ребенок начинает ненавидеть другого, но тут же испытывает чувство вины, и ненависть переносится на себя и поддерживаемого им родителя. Так формируются обобщенные невротические отношения растущего человека к окружающим: «прилипание» к ним, агрессивная установка, или позиция дистанцирования. Пытаясь выделить наиболее важную потребность ребенка, депривация которой может затормозить или деформировать его дальнейшее развитие, Маслоу небезосновательно заключает: «потребность в безопасности является самой основной и доминирующей потребностью ребенка» [7, с. 81].

Соглашаясь с тезисом о негативной роли неблагополучного детства в развитии личности, нужно дополнить его по крайней мере двумя важными положениями, которые согласуются и с выводами некоторых персонологов. Во-первых, ребенок с самого начала выступает как активное существо, обладающее способностью своеобразно относиться к тому, что происходит вокруг него. Он сам создает свой индивидуально-своеобразный мир. Прав Адлер, который считает, что основу закладываемой в детстве душевной структуры образуют не объективные значения ситуаций, людей, вещей, а впечатления, которые они производят на растущего человека. Адлер разъясняет, что не сам по себе недостаток, присущий ребенку, или убогие семейные условия порождают у него чувство, а затем и комплекс неполноценности, но отношение ребенка к ним. Выразительным подтверждением этой позиции может служить судьба Лео Браурермана, родившегося с почти фатальными деформациями, но сумевшего стать хозяином своей судьбы [5].

Второе положение касается опасности абсолютизации благоприятных условий детства. Несомненно, ребенок должен чувствовать себя защищенным, желанным, ощущать себя частью сильного «мы». Но он должен уметь противостоять, защищаться, переносить поражения и огорчения. Нам представляется весьма обоснованным пересмотр Эриксоном своей эпигенетической стадийной концепции развития личности. В первом ее варианте признаком благополучного разрешения стадийных конфликтов он считал появление у развивающегося человека качеств доверия к миру и к себе, автономии, инициативы и т. д. В окончательном же варианте новообразования каждой стадии, названные им адаптивными силами человека, представляли как баланс доверия—недоверчивости, автономии—стыда и сомнения; инициативы—вины и т. д. [23, с. 45]. Маслоу, подыто-

живая свои исследования условий, необходимых для развития у растущего человека способности к самоактуализации, парадоксальным, казалось бы, образом включает в их число страдания, печали, тоску и смятение. Иначе, по его словам, «возникает избалованность, за которой стоит наше неуважение к целостности человека, внутренней природе и дальнейшему развитию индивидуальности» [7, с. 32]. Но все же в детской жизни должны преобладать условия, способствующие формированию у малыша реалистического отношения к себе и миру, чувства своей нужности, защищенности, безопасности. Они, по словам Маслоу, образуют тот плацдарм, на который человек может временно отступить в тяжелые моменты жизни.

Насколько же предопределяет психологически тяжелое детство, порождающее деформации сознания и личности, стиль жизни человека, качество отношений с другими людьми? На этот вопрос Хорни отвечает так: «...если ситуация раннего детства не слишком препятствует спонтанному развитию ребенка, то последующий опыт, в особенности юношеского возраста, может оказать влияние на процесс формирования... Если, однако, воздействие раннего опыта было достаточно сильным, чтобы сформировать ребенка согласно некоторому ригидному образцу, то никакой новый опыт повлиять не сможет» [15, с. 40]. Однако в своем позднейшем труде Хорни развивает гораздо более оптимистический взгляд на природу человека и его возможности позитивно изменяться. Она заявляет о своей вере в то, что «человеческая личность может меняться. Влиянию поддается не только маленький ребенок. Все мы — до тех пор, пока живы, — сохраняем способность к изменению, даже фундаментальному изменению. Эта вера подтверждается опытом» [16, с. 233].

Бесценные данные могли бы быть получены при изучении детства тех людей, которых Маслоу выделил в качестве самоактуализирующихся и трансцендирующих. Но, к сожалению, Маслоу сообщает, что не располагает такими данными, хотя в числе выделенных им людей были и его коллеги. Очень сложным оказывается и вопрос о том, что такое «хорошее», «благополучное» детство. Равнозначно ли оно детской жизни, наполненной только радостями, удачами, атмосферой полной безопасности? Конкретные исследования показывают, что дети способны преодолевать в раннем детстве большие трудности и лишения, успешно развиваться, несмотря на них. В книге «Неуязвимый ребенок» проанализировано много таких случаев [25, с. 159]. Вот лишь один из них, известный как «случай Врени». Речь идет об очень неблагополучной швейцарской семье. Отец и мать психически заболели, когда их дочери Врени было 2 года. Когда мать была госпитализирована, всю семью на свое попечение взяла четырнадцатилет-

ня Врени. В доме всегда было чисто. Опрятно одетые дети, достигнув определенного возраста, начинали посещать школу и прилежно учились. Девочка присматривала и за отцом. Врач-психотерапевт предлагал Врени свою помощь в хозяйстве, но девочка отказалась. Лишь одно желание высказала она — стать дипломированной воспитательницей. К ней пригласили частного преподавателя, и она была принята в учебное заведение. Однако заботы о семье побудили ее оставить учебу. В 22 года Врени вышла замуж, успешно растила двух своих здоровых дочерей, с сочувствием относилась к отцу. Она чувствовала себя необходимой, счастливой, компетентной [20].

Еще более поразительной является судьба самого Маслоу. Он пишет, что в детстве был глубоко несчастен, одинок и печален. Отношения с матерью были наполнены горечью и ненавистью. За малейшие проступки мать — жестокая и невежественная женщина — бранила и проклинала мальчика. Отец — любитель виски, драк и женщин — внушал сыну, что он уродлив. Маленький Абрахам не находил поддержки и вне дома — он был евреем среди детей иной национальности [17]. Переживание своей, скажем так, неполноценности оставалось у Маслоу и в годы учебы. Но однажды, как он пишет, ему в голову пришла мысль: «Неужели я ничего не стою, если обладаю высочайшим коэффициентом интеллекта — 190?». И его представление о себе, да и манера поведения сильно изменились. Позднее, став известным ученым, он на основе наблюдений и собственного опыта пишет о необходимости тщательно изучать мотивы плохого поведения детей, влекущие наказания, и связанные с ними тягостные переживания, стремления к всевластию или, выражаясь словами Хорни, «мечты о мстительном триумфе». Ведь мотивация «плохого» поведения, поясняет Маслоу, может быть вполне здоровой — «мальчик просто сопротивляется эксплуатации, тирании, невнимательному к нему отношению, презрению и подавлению» [7, с. 31]. Направляя свои соображения в русло проблемы самоактуализации, он задается вопросом: «Возможны ли развитие и самоактуализация без каких бы то ни было страданий и печалей, без тоски и смятения. Если вышеперечисленные ощущения в какой-то мере необходимы и неизбежны, то в какой?» [7, с. 32]. Ответ Маслоу таков: «Если мы не будем давать человеку пройти через боль или будем оберегать его от страданий, то это может вылиться в своеобразную избалованность, за которой стоит наше неуважение к его целостности, внутренней природе и дальнейшему развитию индивидуальности» [7, с. 32].

Итак, трудное, неблагополучное детство фатально не определяет возникновения искажений личности, невротической деформации

сознания. Необходимы дополнительные исследования, чтобы обнаружить те травмирующие обстоятельства, которые могут воспрепятствовать здоровому развитию личности. Есть основания предполагать, что возникшие в детстве нерациональные позиции, деформации характера, невротические симптомы станут тормозить самоактуализацию личности лишь в том случае, если растущий человек будет вновь и вновь попадать в ситуации, аналогичные пережитым в детстве и навязывающие ему неадекватные (но смягчающие тяжелые переживания) нерациональные формы поведения. При этом должна быть проверена и другая гипотеза: сложившиеся в детстве нереалистичные, однобокие интерпретации могут исказить истолкование и осмысливание даже самых благоприятных для развития растущего человека ситуаций взаимоотношений людей.

Обсуждение второго вопроса — об условиях, способствующих становлению полностью функционирующих, продуктивных, самореализующихся людей, помогающих актуализации других членов общества, — способно дать более содержательный ответ и на первый, и на третий вопросы. Прежде всего еще раз подчеркнем, что любое общество весьма неоднородно. В нем более или менее значительное место занимают демократические отношения, здоровые социальные силы, которые обеспечивают развитие общества в направлении реализации высших духовных ценностей. В обществе есть «пространства личной свободы». По словам В. Франкла, даже в условиях концлагерей можно было их обнаружить. Здоровые силы общества — это реальные люди. В природе каждого человека заложена способность противостоять давлению несовершенных, дисгармоничных норм, стереотипов, шаблонов. В своей книге «*Душа человека*» Фромм развивает идеи о том, что человек есть активный деятель, противостоящий мощному давлению неблагоприятных социальных сил [11]. *В трудах Фромма, Маслоу, Адлера фигура человека в единстве его всеобщности и уникальности поднимается высоко над плоскостью общества.* По Адлеру, основная потребность человека — это социальное чувство; оно есть врожденное стремление индивида к кооперации и сотрудничеству.

Согласно Фромму, человек — и объект, и субъект исторического процесса. Он субъект своей жизни, которая предстает как процесс создания человеком самого себя. Исходя из своего положения о трагичности человеческого существования, отделенного непроходимой пропастью от остальной природы в результате уникальной способности к осознанию и разуму, Фромм выделяет следующие потребности человека: 1) в единении с другими, в заботе о них; 2) в трансценденции, в выходе за пределы себя путем актов творения, созидания;

3) в укорененности; 4) в идентичности, предполагающей переживание себя субъектом своих действий; 5) в разумной ориентации в мире. Основу всех этих глубоко человеческих потребностей образует, согласно Фромму, потребность в любви. Он пишет, что, говоря о любви, «мы говорим о самой главной и истинной потребности каждого человека» [13, с. 227]. Фромм предупреждает, однако, что в «современной западной культуре» сформировались определенные условия, нередко ведущие к извращенному удовлетворению этих потребностей. Так, единение с другими, сочетающееся с сохранением индивидуальности и автономии, заменяется «стадным» конформизмом или стремлением к власти; потребность в идентичности реализуется в частных идентификациях: «я — американец», «я — бизнесмен», «я — протестант» и т. д. Тем не менее, свойственное человеческой природе тяготение к здоровью, росту, развитию — основа созидания людьми здоровой культуры, способствующей преобладанию у них моральных ценностей или добродетелей.

Исследования способности людей подняться над труднейшими жизненными условиями — такими, как войны и концентрационные лагеря, над ситуациями катастрофических потерь и мучительных неизлечимых заболеваний, — позволяют утвердить положение о том, что человеку эволюционно присущи конструктивные силы. Эти силы побуждают его энергично противодействовать неблагоприятным социальным воздействиям, стремиться создать новые общественные отношения. При этом нельзя не согласиться с Фроммом в том, что люди всегда вольны сделать экзистенциальный выбор — создавать ли себя как активного деятеля или приспособиться к положению раба и заплатить за это регрессией своих моральных и интеллектуальных сил [11, 12, 13]. Адлер, раскрывая содержание «бессмертного, заложенного в физиологии человека» чувства общности, или социального чувства, разъясняет, что речь идет не просто о соответствующих переживаниях человека, но о его активности, которая истоком своим имеет креативную силу индивида [18, с. 98]. Иницилируемая самим субъектом, эта сила изначально направлена на оценку и интерпретацию не только окружающего мира, но и собственных возможностей человека. Он, таким образом, выступает, по Адлеру, как субъект своих действий и смысловых отношений к миру, как ваятель себя. Утверждая, что креативное Я человека помогает ему противостоять царящим в обществе бедности, эксплуатации и стремиться преодолевать их, Адлер подчеркивает, что, «плохие общественные условия» вызывают у личности агрессию, а также стремление к власти или к недостижимому полному совершенству.

Две системы сил усматривает в природе человека и Маслоу. Одна система побуждает человека к развитию, росту, самоактуализации, преодолению неблагоприятных социальных условий, страданий и разочарований. Другая система заставляет его цепляться за безопасность, бояться независимости, свободы, истины. Составной частью такой мотивационной системы является, по словам Маслоу, «комплекс Ионы» [7, с. 47]. В него входит бегство от своих талантов, сдерживание не только худших, но и лучших устремлений. Этот комплекс, по мнению Маслоу, сходен с выделенным еще греками страхом величия, вызывающим намеренное занижение уровня притязаний, уклонение от роста и развития, лукавое самоуничтожение. Эти способы защиты от греховной гордыни и высокомерия Маслоу называет «психологическим членовредительством» [7, с. 51]. По его мнению, у одних людей преобладает система побуждений к росту, самоактуализации, выходу за пределы себя. Но это не значит, что у других людей метамотивация отсутствует — она лишь действует «порывами», сменяясь регрессом, но возникая вновь [8]. Поэтому Маслоу убежден, что даже в самых неблагоприятных социальных и психологических условиях становящийся человек «вполне способен сам дать толчок своему развитию» [7, с. 29].

Подавляющее большинство психотерапевтов убеждены, что в каждом человеке есть силы, мотивирующие его по направлению к здоровью, плодотворному усилию, к реализации своих лучших возможностей. Иначе *психотерапия была бы невозможна*. Задача психотерапевта — устранить психологические помехи на пути творческих сил пациента, показать разрушительное влияние идеализированного образа Я, фиктивность цели обрести превосходство над всеми, раскрыть альтернативные пути решения жизненных проблем. Лечение в большинстве случаев заключается, по существу, в развитии у человека способности адекватно интерпретировать и осмысливать социальный мир, правильно истолковывать взаимоотношения людей, понимать себя, гибко менять несоответствующие действительности воззрения, позиции и формы поведения. Выражаясь современным языком, цель психотерапии — усовершенствовать и развивать у личности социальный интеллект (или разум). В зависимости от своих теоретических оснований одни терапевты открывают перед их подопечными возможность изменить жизненные цели и планы, другие — заменить генерализованную оценку личности оценкой отдельных ее поступков. Многие видят задачи психотерапии в развитии системы аргументации своих убеждений, собственной философии жизни, в укреплении стремления проверять искаженные представления в ситуации реальной жизни. Терапевты, работающие

в русле теорий научения, стремятся научить людей новым социально-когнитивным умениям, развить способность продуктивно переформулировать свои жизненные проблемы. Например, пациент А. Бека свои страдания передал следующим образом: «Меня все игнорируют, потому что я неудачник». После откровенных бесед и расспросов клиент по-новому сформулировал свои трудности: «Меня игнорируют, потому что моя манера общения не устраивает людей» [4; лекция пятая]. Так была создана основа для приобретения пациентом продуктивных социальных умений, начиная от умений заводить разговор, контролировать адресуемые ему реакции окружающих, вплоть до способностей ставить и достигать реалистические цели, не рассматривая свою жизнь лишь в аспекте достижений и неудач.

Психотерапия Маслоу направлена на то, чтобы укрепить у человека силы самоактуализации, спонтанного выражения своих чувств и способностей; преодолеть тягу к безопасности, к тому, чтобы быть «как все». «Психотерапевт, — пишет Маслоу, — должен научить клиента не бояться «высунуться». Когда вы чувствуете приближение страха, всегда решайтесь быть мужественными» [7, с. 59]. Но какие бы типы деформаций развития человека, его личностных искажений, нерациональных убеждений, неадекватных представлений о мире и о себе ни обнаруживали названные нами персонологи, какими бы приемами ни пользовались, все они руководствуются этическим принципом: перед ними *субъект, обладающий свободой воли*. От его решения и от его усилий зависит, насколько он воспользуется предлагаемыми терапевтом новыми взглядами на свои трудности, новыми перспективами развития, перестройки сознания. По словам Адлера, «окончательные изменения в сущности пациента могут быть осуществлены только им самим» [1, с. 48]. Даже Бек — сторонник теории научения — доказывает, что в конечном итоге сам пациент решает: отвергнуть, модифицировать или сохранить свои убеждения, предварительно осознав все их последствия. Терапевт лишь поощряет его использовать новую информацию и факты для формирования более реалистических взглядов на мир [4]. В то же время терапевт может обнаружить, что пришедший к нему за помощью человек недостаточно развит именно как субъект своей жизни. В таком случае задача терапевта — помочь пациенту «восстановить себя, осознать свои настоящие чувства и желания, выработать свою собственную систему ценностей и построить свои отношения с другими людьми на основе своих чувств и убеждений» [15, с. 212].

Конечно, терапевтическая ситуация — это весьма специфическая и ограниченная часть жизни людей, нередко воспринимаемая

ими как ущемляющая достоинство личности, ее свободу. Неудачи психотерапии частично кроются в этом факте. Поэтому многие психотерапевты подчеркивают, что психотерапевтическое значение имеет обычная жизнь индивида. Именно жизненные опыты формируют качества субъекта (инициация своих действий, принятие ответственности за их последствия, принятие решения об изменении жизненных планов, саморегуляция и т.д.). Так, Хорни, обсуждая проблему разрешения внутренних конфликтов, утверждает, что сама жизнь продолжает оставаться весьма эффективным терапевтом. На любого человека, поясняет она, опыт может оказать достаточно сильное влияние, чтобы вызвать личностное изменение. Фактором позитивной перестройки личности может быть вдохновляющий пример полностью благополучного человека, или жизненная трагедия, приводящая невротика в тесное соприкосновение с другими людьми и вырывающая его из эгоцентрической изоляции. Иногда же негативные последствия неадекватного поведения оказываются настолько сильными, что человек сам преодолевает собственную ригидность и страхи [15, с. 231]. Маслоу после наблюдений, проведенных на фабрике, пришел к выводу о терапевтической роли труда, совместной работы в бригадах и других производственных объединениях. Поглощенность работой, единение с другими могут, по его словам, помочь даже тем, для кого индивидуальная терапия бесполезна [26]. Но наши современные условия характеризуются господством социальной аномии, обесцениванием прежних ценностей, ломкой не только устоявшихся общественных отношений, но и межличностных связей. В каких психологических понятиях можно выразить социальную атмосферу нашей социальной жизни, как она может быть представлена в индивидуально-психологической проекции? С нашей точки зрения, некоторые ориентиры для характеристики современного переломного момента общества можно найти в работах А. Маслоу о метапатологиях — последствиях депривации у личности ее метапотребностей или ценностей Бытия. Он выделяет 15 высших ценностей [8]. Среди них особенно депривированными при разрушении прежнего социального строя, по нашему мнению, являются следующие ценности: значимость жизни, ее осмысленность, справедливость, понятность, правда, порядок, красота (особенно красота человеческих отношений). В силу цельности, взаимосвязи высших мотивов, при депривации отдельной их группы оказываются депривированными и все остальные ценности Бытия. В результате многолетнего общения со своими пациентами, наблюдения за поведением людей в обыденной жизни и в сфере труда, Маслоу выделяет так называемые метапатологии, вызываемые не-

возможностью (или очень ограниченной возможностью) удовлетворить высшие потребности, утвердить Б-ценности. Это десакрализация жизни; бесцельная деструктивность, вандализм; неверие, цинизм, скептицизм, подозрительность; выраженный эгоизм, недоброжелательство; дезинтеграция, чувство, что «мир распадается»; восприятие всего сущего в виде поединка, войны; утрата чувства безопасности, переживание непредсказуемости происходящего и т.д. [8, с. 330 – 333].

Маслоу не разработал приемов пусть не «лечения», то хотя бы некоторой коррекции метапатологии. Возможно, потому, что радикальным способом их устранения может быть преобразование, совершенствование общества. В своих работах психолог наметил некоторые принципы построения таких продуктивных социальных структур, назвав свои идеи «теорией Зет», принципиально отличной от теорий Икс и Игрек, представленных в организационной психологии. Идеи Маслоу о метапатологиях ставят перед отечественными психологами проблему исследования ценностно-смысловой сферы человека в современных условиях.

Заключение

Мы проанализировали лишь небольшую часть результатов, полученных психотерапевтами в процессе их практики изучения своих клиентов с деформациями сознания, личности, стиля жизни, отношений к миру. Многие из выявленных психологических искажений, нерациональных установок, ложных интерпретаций событий оказались порождением капиталистических общественных отношений, результатом принципа конкуренции, рыночной экономики. Показано неблагоприятное влияние на развитие личности таких «естественных» для западного общества мотивов, как жажда власти, стремление к преуспеванию, к превосходству любой ценой. В дополнение к понятию «идеального Я» введено представление об «идеализированном Я», о самоидеализации. Показаны причины и «механизмы» его сочетания с презрением и ненавистью к себе. Раскрыто содержание патологического, безусловного долженствования, генерализованного на все сферы жизни и любые ситуации. Описаны такие явления (тенденция к катастрофизации, персонализации и др.), происхождение которых требует дальнейших исследований.

Было бы крайне интересно сопоставить все эти данные с определенными нарушениями личностного развития в условиях социализма. Но в нашей стране психотерапия не получила распространения. Предполагалось, что в условиях социализма созданы все усло-

вия для свободного и полноценного развития личности. И некоторые основания для такого оптимистического подхода, несомненно, были. Отсутствие безработицы, всеобщая занятость, поощрение соревновательности, сочетающейся с помощью отстающим, «чувство локтя», ощущение защищенности различными социальными структурами и т.п. были предпосылками психического здоровья. Но, конечно, существовали и хорошо известные обстоятельства, связанные с особенностями социалистического строя в нашей стране, которые не могли не вызвать у одних позицию противостояния, а у других — «невротические ретроспективы». Можно надеяться лишь по крупицам собрать результаты немногочисленных исследований в этой области. Однако приведенные выше психотерапевтические исследования значимы в контексте перерастания нашего общества в капиталистическое. Психологи должны быть готовы предвосхитить, найти условия для смягчения тех негативных феноменов, с которыми столкнулись западные психотерапевты. Развитие отечественной психотерапии — актуальная задача нашей науки.

Литература

1. Адлер А. Практика и теория индивидуальной психологии. М., 1993.
2. Адлер А. Наука жить. Киев, 1997.
3. Адлер А. Понять природу человека. СПб., 1997.
4. Александров А.А. Современная психотерапия. Курс лекций. СПб.: Академический проект, 1997.
5. Анцыферова Л.И. Человек перед лицом жизни и смерти // Российский менталитет. Вопросы психологической теории и практики. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 1997.
6. Колобова Е.Ф. Личностные детерминанты когнитивно-аффективных отношений: Автореф. дисс. ... канд. психол. наук. М., 1992.
7. Маслоу А. Психология бытия. Рефл-бук. Ваклер, 1997.
8. Маслоу А. Дальние пределы человеческой психики. СПб.: Евразия, 1997.
9. Рубинштейн С.Л. Проблемы общей психологии. М.: Наука, 1976.
10. Франкл В. Человек в поисках смысла. М.: Прогресс, 1990.
11. Фромм Э. Душа человека. М.: Республика, 1992.
12. Фромм Э. Человек для себя. Исследование психологических проблем этики. Минск: Коллегиум, 1992.
13. Фромм Э. Человеческая ситуация. М.: Смысл, 1995.
14. Холл К.С., Линдсей Г. Теории личности. М.: КСП, 1997.
15. Хорни К. Наши внутренние конфликты // Собр. соч. в трех томах. М.: Смысл, 1997.
16. Хорни К. Невроз и развитие личности // Собр. соч. в трех томах. М.: Смысл, 1997.
17. Хьелл Л., Зиглер Д. Теории личности. СПб.-М.-Харьков-Минск, 1997.

18. *Adler A.* Individual psychology // Psychologies of 1930. Ch. 21. Ed. by Carl Murchison, Worcester, Mass.: Clark University Press, 1930.
19. *Allport G.W.* Pattern and growth in personality. N.Y.: Holt, Rinehart & Winston, 1961.
20. *Anthony E.J.* Children at High Risk for Psychosis Grown up Successfully // The Invulnerable Child // Ed. By Anthony E.J., Cohler B.J. New York-London: The Guilford Press. 1987.
21. *Ellis A.* The biological basis of human irrationality // Journal of Individual Psychology. 1976. V. 32. № 2.
22. *Ellis A.* The Impossibility of achieving consistently Good Mental Health // American Psychologist, 1987. V. 42.№ 4.
23. *Erikson E.H., Erikson J.M., Kivnick H.Q.* Vital Involvement in Old Age. New York-London: W.W. Norton and Co., 1986.
24. *Kohlberg L.* Essays in Moral Development. Vol. II.: The Psychology of Moral Development. San Francisco. Harper, Row. 1994. V. 2.
25. The Invulnerable Child // Ed. Anthony E.J., Cohler B.J. New York-London: Guilford Press, 1987.
26. *Maslow A.H.* Eupsychian Management: A Journal. Homewood, Ill.: Irwin-Dorsey, 1965.
27. *Thomae H.* Das Individuum und seine Welt. Verlag für Psychologie. Dr. C.J. Hogrefe-Göttingen. Toronto-Zürich, 1996.

РАЗДЕЛ ТРЕТИЙ

ПРОБЛЕМА МУДРОСТИ И ТЕОРИИ МЫШЛЕНИЯ

20 ГЛАВА

МУДРОСТЬ И ЕЕ ПРОЯВЛЕНИЯ В РАЗНЫЕ ПЕРИОДЫ ЖИЗНИ ЧЕЛОВЕКА

Проблема мудрости относится к числу наименее разработанных в психологической науке [4, 6]. Этот факт не может не вызвать удивления не только у людей, не причастных к науке, но и у самих психологов. В чем же причина исключения проблемы мудрости из поля актуальных проблем психологии? Как правило, в сферу внимания психологов входят вопросы, актуальные для общественной практики, а также те, к разработке которых ученых подвела логика развития самой науки.

Внимание к изучению феномена мудрости обусловлено, на наш взгляд, изменившейся структурой развития психологии, выдвижением в центр исследования когнитивных процессов, постановкой новой проблемы социального интеллекта (т.е. интеллекта, направленного на разные формы взаимоотношения людей), а также повышением внимания к поздним периодам жизни человека [1].

Весомый вклад в методологию и теорию исследований мудрости внесла возникшая в конце XX века школа Пола Балтеса [8, 10]. Согласно ее установкам, индивидуальное развитие человека, его становление как личности есть единый многокачественный и разнонаправленный процесс. В динамичном пространстве более ранних периодов этого процесса закладываются, возникают, функционируют «черновые наброски», зачаточные формы, незавершенные «мелодии», постепенно входящие в «оркестрацию», по выражению Балтеса, более поздних периодов (этапов, уровней) процесса развития.

В новых условиях происходит перестройка, рост содержательности, значимости одних праформ и приостановка поступательного движения других, требующих более масштабной активности субъекта развития. Есть и такие предтечи будущих свойств личности, которые проявляются необычным образом на ранних этапах психической жизни человека, вызывая удивление окружающих и самого субъекта. Именно в области феномена мудрости обнаружился факт такого «преждевременного проявления».

Началом теоретико-экспериментальной разработки проблемы мудрости можно считать статью Жака Смита и Пола Балтеса, появившуюся в 1990 г. [9]. В статье содержится следующее определение мудрости: «Мудрость является экспертной системой знания (в когнитивно-научном смысле экспертизы)... Это знание фундаментальной практики жизни» [там же, с. 494]. Таково знание о целостном развитии индивидов (включая собственное развитие), о человеческой природе и о поведении (*conduct*) социальных и межпоколенных отношений, о жизненных задачах и целях, о межиндивидуальных и культурных вариациях жизненных путей. Но такой подход к мудрости при всей его привлекательности имеет свои ограничения.

Прежде всего, мудрость предстает как *статичная, завершенная* система знаний о жизни (знаний необычайно глубоких и обширных). Ничего не говорится о необходимости и возможности развития этого свойства у выдающихся людей. А между тем некоторые психологи, возможно, относящиеся к школе П. Балтеса, подчеркивают, что мудрость — это *не состояние, а процесс* (курсив мой. — Л.А). Кроме того, определяя мудрость через понятие «знание», исследователи ограничивают себя рамками когнитивной психологии. Лишь в конце 90-х гг. XX в. Балтес стал рассматривать мудрость как свойство целостной личности.

Выполняя свои первые эмпирические работы с ориентацией на когнитивизм, Балтес выделяет обобщенные и специфические (или специализированные) критерии мудрости. К обобщенным критериям он относит: 1) исключительно тонкое и глубокое умственное проникновение (*insight*) в развитие человека и в суть его жизненно важных проблем; весьма продуктивные, взвешенные (*good*) суждения, советы и истолкования трудных жизненных ситуаций. В число специализированных критериев входят:

1) богатое знание фактов, касающихся условий жизни и их многообразных вариаций;

2) масштабное инструментальное (*procedural*) знание стратегий и умений, позволяющих выносить зрелые суждения и давать обоснованные советы;

3) контекстуальность: знания о том, что жизнь осуществляется в разных общественных, культурных, социо-исторических контекстах и на разных уровнях индивидуального развития;

4) релятивизм: знание о том, что разные люди и различные социальные группы обладают значительно отличающимися друг от друга ценностями, целями и приоритетами;

5) неопределенность: знание об относительной индетерминированности и непредсказуемости жизни, порождающее разные способы управления ею [9, с. 495].

Эти исходные положения легли в основу эмпирических исследований, направленных на выявление того, насколько решение жизненных задач, предъявляемых испытуемым, отвечает критериям мудрости.

В опытах участвовало 60 человек, находившихся на разных этапах взрослости (ранняя, средняя и поздняя взрослость). В I группу входили респонденты в возрасте от 25 до 35 лет, во II — от 40 до 50 лет, в III — от 60 до 81 года. В каждой группе было по 20 человек, все они отличались хорошим здоровьем и были удовлетворены своей жизнью.

Испытуемым предлагались нормативные (типовые) и ненормативные задачи «на планирование жизни». Возраст персонажей проблемных историй совпадал с возрастом респондентов.

Нормативные задачи:

для молодых взрослых

Элизабет (33 года) в продолжении 8 лет успешно проработала в своей профессиональной области. Недавно ей предложили значительное повышение по службе. Выполнение новых обязанностей потребовало бы от нее значительных затрат времени и сил. В то же время ей и ее мужу хотелось, пока не поздно, обзавестись детьми. Элизабет должна решить, перейти ли на более высокую должность или сберечь свои силы для семьи.

для пожилых людей

Джек (63 года) с некоторой тревогой думал о своей обязательной отставке по достижению 65-летнего возраста. Недавно его компания перешла в другие руки, и новое руководство приняло решение закрыть тот находившийся в пригороде филиал, в котором работал Джек. Он мог бы раньше времени уйти на пенсию, получив при этом полную оплату и компенсацию за оставшиеся два года, или перейти в головной офис с обязательством проработать 2 или 3 года.

Ненормативные задачи:

для молодых взрослых

Майкл, 28-летний механик, узнал, что фабрика, на которой он работает, будет через 3 месяца закрыта. У него в семье двое детей дошкольного возраста, а устроиться по специальности в городе невозможно. Его жена недавно вновь вернулась на свою хорошо оплачиваемую работу медсестры. Майкл должен сделать выбор — либо поехать в другой город и там искать работу, либо принять на себя полную ответственность за воспитание детей и домашнее хозяйство.

для пожилых людей

Джойс, 60-летняя вдова, недавно получила желанную степень в области управления бизнесом и открыла собственное предприятие. Но она узнала, что ее сын остался один с двумя маленькими детьми. Джойс стоит перед выбором — либо оставить свой бизнес и жить с сыном, либо оказывать ему материальную помощь, оплачивая расходы по уходу за детьми.

Испытуемые должны были думать вслух, осведомляться о недостающей информации и сообщить, какой план создаст персонаж в момент выбора, а также в последующие 2-3 года.

Полученные подробные протоколы вручались значительному числу «судей», которые работали независимо друг от друга. При оценке протоколов судьи руководствовались детализированными, весьма содержательными критериями мудрости, которые заслуживают специального обсуждения. Их тест будет приведен после представления результатов эксперимента, которые оказались неожиданными. Только 5% респондентов были признаны судьями «мудроподобными». Число «мудрецов» оказалось приблизительно одинаковым во всех возрастных группах, с небольшим преимуществом у представителей поздней зрелости при решении ненормативных проблем. Эти данные приводят исследователей к выводу о дискусионности так называемой кумулятивной модели мудрости (т.е., постепенно накапливающейся по мере взросления и растущей социализации людей). Теперь предстоит проанализировать развернутое и дифференцированное содержание критериев мудрости.

Напомним, что для эмпирических психологических исследований преимущественно внимание было уделено обобщенному или суммарному критерию и четырем специализированным критериям. Чтобы получить высшую оценку по суммирующему критерию, респондент должен: а) четко определить проблему, стоящую перед вымышленным персонажем — не так, как она сформулирована в

тексте, но в более широкой перспективе (например, в понятиях жизненных целей и тем); б) выявить порождаемые проблемой вопросы и альтернативы; конструктивно и вдумчиво обсудить разные стороны проблемы; в) дать такой совет, который не является догматичным или односторонним, скорее, он должен ориентировать персонаж на выработку собственного решения и осознание наличия многих выборов. Можно надеяться, что респондент предпочтет хорошо обоснованные способы решения.

Содержание специализированных критериев таково:

1. Обладание богатым фактуальным и процедурным знанием жизненных вопросов.

Чтобы получить высокую оценку по этому измерению, респондент должен: а) при обсуждении проблемы доказать, что он обладает глубоким знанием жизни. Индикаторами глубины являются: детальное обсуждение специфических тем, фигурирующих в текстах, умозаключения по поводу общих условий жизни, таких, например, как их типичность, уязвимости людей, их эмоций и потребностей, привязанностей, удовлетворенности жизнью, чувством собственного Я; б) проявить себя большим знатоком стратегий принятия решений в повседневных делах: уметь уравновесить выигрыши и проигрыши, знать, к кому можно обратиться за помощью; в) создать сценарий поведения «героев» проблемы в их будущем; г) показать знание того, как следует создавать жизненные планы (определить кратковременные и долгосрочные цели, указать пути их достижения, определить возможность успеха, проявить знание приемов, позволяющих отслеживать приближение субъекта к поставленной цели или уловить назревающую потребность пересмотра, переоценки цели [9, с. 505].

2. Контекстуализм (*Life-Span Kontekstualism*).

Высокое место респондента на шкале «контекстуализм» определяется тем, насколько полно он учитывает прошлые, настоящие и предполагаемые будущие обстоятельства, породившие жизненную проблему; насколько разнообразны те контексты, в которых она рассматривается (социоисторические, возрастные, идиосинкразические и т.д.). Респондент должен указать, насколько важны отношения, связывающие персонажа с представителями разных поколений, определить приоритеты жизненных тем (работа, семья, друзья, досуг и т.д.); б) обсудить изменения в теме жизни на разных возрастных ступенях; в) рассмотреть качество связей, напряжений, конфликтов между разными жизненными контекстами; г) показать, как будут меняться приоритеты контекстов и тем при кратковременном и долгосрочном планировании.

3. Релятивизм.

Для того, чтобы получить наивысшую оценку по шкале релятивизма, респондент должен: а) при обсуждении проблемы абстрагироваться от своих личных ценностей, предпочтений и жизненных опытов; б) описать планы и решения проблем персонажами, принимая во внимание их приватные цели, ценности, интересы и мотивы; в) проявлять сочувствие к интересам и мотивам персонажей, указывать, какие перспективы кроются : разными решениями; г) учитывать границы релятивистских позиций.

4. Неопределенность.

Суждения респондента должны убеждать, что он хорошо понимает свойственную жизни неопределенность, но все же обладает репертуаром эффективных стратегий управления неопределенностью.

Для получения высшей оценки респондент должен: а) высказать свое мнение об основных неопределенностях жизни; б) прокомментировать тот факт, что человек никогда не может знать все о проблеме, о прошлом и будущем, также указать на конечную (*ultimate*) неопределенность любого плана или решения; в) очертить те области рассматриваемой проблемы, в которых недостает информации; г) проинтерпретировать разные части проблемы по степени неопределенности (вероятности столкновения с нею) д) указать на те решения и планы, при осуществлении которых персонажу придется пойти на риск (например, дать совет действовать перед лицом неопределенности); е) предупредить о возможной неожиданности, об обстоятельствах, которые могут разрушить планы, посоветовать быть бдительным, научить отслеживать процесс осуществления плана.

Несомненно, все эти характеристики, свойства, качества действительно входят в систему мудрости. Среди них выделены те, которые требуют высокого уровня личностной саморегуляции, рефлексии, мужества подняться над собой — над своими убеждениями, ценностями, позициями. Конечно, этот состав взаимосвязанных свойств может быть дополнен. Есть основания полагать, что в особую группу должен быть выделен сложно организованный дар, упоминаемый лишь мимоходом в составе одного из частных критериев, но, с нашей точки зрения, являющийся более значимым, чем многие другие показатели мудрости. Таков дар распознавания тенденций преобразования, роста, развития жизни людей, изменения социальных ситуаций, общественных отношений. Дар этот предполагает способности: 1) включать в поле сознания и определять значение мелких, обычно не замечаемых изменений; 2) доверять подсказкам интуиции; 3) постигать причины своей неясной тревоги; 4) осуществлять или инициировать действия, блокирующие угрозу

негативных явлений. Дар антиципации, прогнозирования проявляется также в определении момента, когда необходимо реализовать долго вынашиваемые действия, чтобы одержать победу («сейчас — или никогда»).

Высота желаемой цели, масштаб требуемых действий, объем необходимого учета условий могут быть различными, но суть дара предвидения от этого не меняется. Можно предполагать, что даром понимания причин стагнации России в середине XIX в. и необходимости коренных преобразований в экономической и социальной сферах государства был наделен император Александр II. Печальный исход крымской войны он адекватно истолковал не просто как военную неудачу, но как знак неблагополучного состояния всего общества. Вступив на престол в 1855 г., он в 1861 г. обнародовал манифест об уничтожении крепостного права, — а в 1862 г. последовала судебная реформа. Были отменены телесные наказания и клеймения осужденных по решению суда. Судебная и земская реформы завершились в 1864 г., более свободной стала печать. Несмотря на позицию невмешательства в дела других государств, Россия в 1877 — 1878 гг. пришла на помощь Болгарии, которая страдала от турецкого ига: суверенность Болгарии была восстановлена.

Нет сомнения в том, что в системе «мудроподобного» умственного функционирования можно выделить и другие свойства. Важнее, однако, выяснить, к какой системе современных проблем, понятий и подходов относится разрабатываемое в школе Балтеса понятие «мудрость». Определение этого феномена и тип предъявляемых задач позволяют заключить, что мудрость связана с недавно начатой исследоваться проблематикой «социального интеллекта», т.е. с умственной деятельностью, направленной на разрешение проблемных ситуаций, возникающих в процессе взаимодействия людей и различных социальных групп. Сопоставление выдвинутых критериев мудрости и содержания социального интеллекта позволяет поставить важнейшую проблему, касающуюся природы мудрости. Субъект, в обязанности которого входит разрешение социальных напряженностей и конфликтов, не может абстрагироваться от чувств, аффектов, ценностей враждующих друг с другом людей. Их эмоции можно понять, лишь сопереживая им. Психологи резонно предлагают при этом «верховному судье» подняться над собственными мнениями, предпочтениями, ценностными ориентациями. Но может ли личность функционировать без своего ценностно-смыслового основания? Ответ может быть только отрицательным. Отринуть свои узколичностные ценности можно лишь во имя высших общечеловеческих духовных ценностей — гуманистических, нравственных, рели-

гиозных и т.п. Балтес в одной из своих работ приходит к весьма продуктивному определению мудрости как единства *ума* и *добродетели*. Под добродетелью, как можно предполагать, ученый имеет в виду гуманистическое отношение человека к миру и соответствующее этому отношению поведение.

Понятие добродетели, нравственности весьма существенно дополняет критерии мудрости. Но не менее оправданно использование термина «ум» вместо привычного слова «интеллект», под которым часто понимается психометрический интеллект. В описательном плане ум — особая способность человека учитывать последствия, прежде всего нежелательные, своих совершенно справедливых, проницательных, улавливающих суть ситуаций высказываний, замечаний, суждений. Высоко интеллектуальный человек может разобраться в самых запутанных жизненных обстоятельствах; понять неосознаваемую самим человеком причину его осуждаемого поведения. Подобную способность имеет и умный человек. Но этот последний воздержится высказывать свое мнение, если он понимает (а он, как правило, тонко чувствует душевные состояния людей), что своими словами он глубоко уязвит собеседника. Есть мудрая пословица: «В добрый час сказать, в худой — промолчать». Умный дождется «доброе» часа для критического замечания. Справедливо некоторые психологи связывают с умудренностью жизненным опытом чувство юмора и умение увидеть в серьезном, даже угнетающем, забавную сторону.

* * *

Выше мы проанализировали критерии мудрости по Балтесу. Они весьма содержательны, но представлены как строительные блоки здания мудрости или ее аспекты. Между тем мудрость, напомним, не состояние, а процесс. Балтес иногда использует слово «оркестрация» для того, чтобы подчеркнуть связь многих критериев. Но «оркестрацию» можно понимать как совокупность разных инструментов в оркестре — скрипок, виолончелей, гобоев, свирелей, контрабаса и т. д. При этом исчезает главное — порождение оркестром мелодий, их сплетения, прерываемого аккордами, — одним словом, развертывающаяся во времени игра оркестра. Применительно к мудрости процессуальный подход означает исследование последовательных действий в ходе решения жизненных проблем. Можно попытаться выделить некоторые последовательные этапы мудроподобной умственной деятельности, но это особая трудная научная задача, требующая специфических методических средств.

Мы ограничимся лишь выделением некоторых моментов решения жизненных проблем. Процесс напряженной умственной деятельности начинается в тех случаях, когда субъект попадает в трудные обстоятельства, преграждающие его путь к значимой цели. Такая ситуация еще не является проблемой (задачей). Совокупность мешающих обстоятельств предстает перед субъектом в диффузной, беспорядочной форме. Индивид должен сам сконструировать проблему, понять причины появления преград (социально-исторические, микросоциальные, возрастные), определить масштабы трудностей, выдвинуть предположения об их временных границах, постигнуть структуру затруднений. Справедливо пишет Ян Стюарт-Гамильтон: «Цель многих актов мудрости состоит скорее *во взвешенном суждении о проблеме, нежели о ее окончательном решении*» [6, с. 5].

Субъект в поисках решения может обратиться к своему богатому и глубокому жизненному опыту, но при этом он должен помнить, что, определив суть проблемы и наметив пути ее решения, он должен актуализировать свои личностные качества — волевое начало (умную волю) и регуляцию собственных усилий. При последовательных неудачных попытках совладания с задачей многие люди с заниженной самооценкой оставляют проблему нерешенной, не исчерпав внутренних и внешних возможностей. Другие продолжают попытки до полного изнеможения, не пытаясь кардинально переформулировать проблему или уяснить, что в данных условиях она нерешаема. По-другому поступают «умудренные» люди. Предположим, что, наметив план решения и продвинувшись по разработанному пути, субъект обнаруживает, что ситуация «сопротивляется» его действиям и вышла из-под контроля. В этот момент требуется напряжение «умной» воли, чтобы заново выстроить проблему, разработать иной план ее решения — либо, проанализировав контекст проблемы, оставить ее «до лучших времен», предвидя, что трудность решения в иных условиях значительно снизится. В любом случае, человек с «умной» волей не вытеснит из сознания нерешенную проблему и на более высоких этапах развития своих отношений с миром сможет решить ее, если она не потеряла своей актуальности. Мы коснулись лишь некоторых моментов «мудроподобного» процесса решения жизненных проблем. Необходимо развертывание эмпирических исследований, вскрывающих особенности умственной деятельности людей, признаваемых мудрыми. При этом трудность для исследователя заключается не только в том, чтобы отыскать «мудроподобных» людей. Не менее трудно определить особенности тех сложных жизненных проблем, которые могут быть решены только мудрыми людьми. Каковы критерии отбора таких сплетений жизненных трудностей, которые у субъектов повсед-

невной жизни вызывают восклицание «Ох и мудреные же сложились дела!». Можно ли сказать о некоторых житейских ситуациях, что одной мудростью тут не поможешь, здесь нужен творческий подход! Такой ответ предполагает резкое разведение понятий «мудрость» и «способность к творчеству». Но можно ли представить себе мудреца, лишённого креативного начала?

Не только в нашем обществе, но и среди профессиональных психологов распространено мнение, что мудрость — это редкое свойство личности, обретаемое представителями поздней зрелости. Напомним, что согласно Эриксону, мудрость возникает лишь на восьмой, заключительной стадии жизни человека. Балтес показал, что это качество встречается и на ранних этапах зрелости. Есть, однако, основания полагать, что мудрость, выступая как тонко и глубоко осмысленный богатый жизненный опыт, как экспертная система знаний и интуитивных прозрений, является редким даром человека, имеющим психогенетические основания. Она может проявляться — в необычных и странных формах — в очень раннем детстве, удивляя самого субъекта. Бесценные свидетельства таких проявлений представлены в трудах Карла Густава Юнга, особенно в его психологической автобиографии «Дух и жизнь» [7]. В этой работе он описывает, какими переживаниями отмечены последовательные этапы его личностного развития.

Еще в дошкольные годы Юнг ощутил в своем внутреннем мире присутствие невидимого собеседника, являющегося ему в образе мудрого старого человека. В трудных случаях Карл обращался к нему с вопросами, и старец разъяснял ему суть проблемы, объяснял, как следует поступить. Мальчик всегда следовал его советам, и они оказывались мудрыми. Карл настолько отождествил себя с виртуальным старцем, что, поступив в школу, в анкетах вместо своего года рождения — 1875, писал 1785 г. и назвал старца Филемоном. Добрый советчик и в период юности руководил Карлом, который охотно возложил на него ответственность за свои поступки. Лишь в конце периода юности Карл решил взять на себя ответственность за построение своей жизни. Образ же Мудрого Старца он определил как важную архетипическую фигуру, носителя смысла жизни. Некоторые психогенетики считают, что потребность в Другом заложена в наследственной основе младенца, и этот Другой в постнатальный период быстро достраивается, принимая черты ухаживающего за младенцем человека. Все это так, но у одного формирующегося человека Другой, выделяющийся из его психогенетического основания, будет наделен праформной мудростью, у другого — невысоким психометрическим интеллектом.

Касаясь позднего периода своей жизни, Юнг констатирует, что окружающие его люди, в частности, коллеги-специалисты высокого уровня — считают его мудрым. Ученый высказывает сомнения в такой оценке. В этом контексте уместно привести мнения психологов, занимающихся проблемой мудрости. Они обращают внимание на следующий парадокс. Мудрость очень трудно определить, а между тем обычные люди легко распознают мудрого человека по каким-то неявно осознаваемым ими признакам.

Опыт работы Юнга в качестве психотерапевта, его тонкие наблюдения за окружающими людьми и, главное, анализ собственного душевного мира, мира своих переживаний, дают основание полагать, что развитие мудрости в период поздней зрелости опирается на растущую целостность личности, на расширение ее психологической масштабности. В одном человеке происходит слияние тех характеристик, которые знаменовали разные типы личностей. Логическое мышление сливается с интуицией, сенсорика — с чувством. Особое значение Юнг придавал соединению мужского начала человека (Анимуса) с женским (Анимой). Твердость, агрессия, способность к самоутверждению и сопротивлению оказываются в единстве с нежностью, чувствительностью, любовным отношением к миру. У стареющего индивида проявляются черты экстраверта и интроверта. Слияние этих качеств позволяет человеку воспринять неизмеримую глубину и неисчерпаемую высь мира. Такая многогранность и единство психического склада субъекта, делающие мир прозрачным, достигается не каждым человеком. Есть психологи, которые считают, что, как минимум, для этого нужны благоприятные условия жизни, обеспечивающие значительное преобладание успехов, удач и побед на разных этапах жизни. Есть все основания полагать, что жизнь Юнга, несмотря на его внутренние метания, мучительность осуществления «трансцендентной функции» — погружения своего сознательного Я в архаическое бессознательное, приносила ему глубокое удовлетворение. Не менее глубоко он проникал в окружающий мир. Все знавшие его люди единодушно считали Юнга мудрым. Сам ученый не соглашался с таким мнением. Однако описание им своего восприятия и переживания окружающей действительности, понимания жизни, бытия людей отличаются такой поразительной глубиной, которая может быть свойственна именно мудрым людям. Парадоксальным образом, те доводы, которые Юнг приводит, как обоснование своей «немудрости», отвечают критерию непредвидимой изменчивости, диалектичности бытия. Характеризуя свое восприятие мира, Юнг пишет, что люди, как правило, обладают «внутренними перегородками»,

которые отделяют их от других людей, препятствуют постижению сути вещей, текучей природы мира. «Разница между большинством людей и мною, — пишет Юнг, — заключается в том, что у меня «разделительные перегородки» прозрачны... Мой взгляд до известной степени различает процессы, протекающие в глубине, и это придает мне внутреннюю уверенность. Те, кто ничего не видит, не могут быть ни в чем уверены. Они не способны делать выводы или доверять уже сделанным выводам» [7, с. 365].

Свойственное Юнгу глубочайшее проникновение в процесс жизни, в души людей и в свой собственный внутренний мир позволяет ему понять многоликость, многомодальность, диалектичность жизненных и душевных процессов. Проникая в глубины бытия, Юнг видит в нем постоянную борьбу противоположных начал — этот мир, в котором рожден человек, груб и жесток — и в то же время полон божественной красоты, а жизнь есть смысл и бессмысленность [7, с. 368]. Главное же, что должен понять человек, выстраивающий свою жизнь в этой действительности, это то, что миру свойственно неожиданное и невероятное, мир полон тайны. Ощущение присутствия тайны, по словам Юнга, «наполняет жизнь внеличным, нуминозным началом» [там же, с. 366]. Эти положения Юнга полностью соответствуют одному из четырех критериев мудрости, выдвинутых Балтесом, — критерию неопределенности. Обобщение этих положений позволяет сделать важный вывод, касающийся природы мудрости. Феномен мудрости никак не сводится к интегрированному жизненному опыту личности, насколько бы обширным и глубоким он ни был. Включая экспертное знание, мудрость содержит дар предчувствия, предугадывания, чувствительность к близости неожиданного. Характерная для жизни непредвидимость объясняет парадоксальное признание Юнга: «У меня нет твердых убеждений» [там же, с. 367]. Непредвиденные события могут потребовать пересмотра убеждений, мнений, позиций. Сам Юнг признается в том, что в своей жизни он часто встречался с неожиданностями. Однако непредвиденное, неопределенное, внезапное не означает его непреодолимости, отклонения от собственного пути. Возможность предвидения последствий собственных ошибочных поступков ограничена. Юнг признается, что сделал немало опрометчивых шагов, пытаясь осуществить то, что ему предназначено судьбой. И только *благодаря упрямству* (курсив мой. — Л.А.), я все-таки достиг своей цели» [там же, с. 368]. Напомним, что о величайшей роли «упрямства духа» в осуществлении личностью своей жизни говорил Эрих Фромм. Мудрость, таким образом, не отрицает, а предполагает силу противостояния, преодоления нежданно вторгающихся обстоятельств.

Выделение качества действительности, преобразования, упрямого движения к цели существенным образом дополняет критерии мудрости, выдвинутые Балтесом в соответствии с когнитивистскими его позициями.

Психологическая автобиография Юнга предоставляет возможность обсудить вопрос о содержании критерия релятивизма, гласящего, что каждый человек имеет право на свои особые убеждения, мнения, взгляды на мир. Юнг, несмотря на постоянное чувство одиночества, был заинтересован — в силу своего призвания — в познании душевного мира людей. Но поддерживал отношения только с теми людьми, позиции которых были близки ему. «Мне суждено было, — пишет он, — оттолкнуть от себя очень многих людей, ведь стоило мне заметить, что они меня не понимают, как у меня исчезали основания для дальнейших контактов с ними» [там же, с. 366]. «Я мог питать глубокий интерес ко многим людям, — продолжает он, — но как только я проникал взглядом вглубь их существа, волшебство исчезало» [там же, с. 367]. В таком случае возникает новый вопрос, может ли мудрый человек типа Юнга давать взвешенные советы тем людям, которые по своему психологическому строю чужды ему? Психотерапевтическая практика позволяет утвердительно ответить на этот вопрос. Терапевт никогда не должен пытаться обратить клиента в свою веру. Он может, в крайнем случае, развернуть перед ним возможные альтернативные способы решения осознанных клиентом проблем. В основном же выработка решения своих задач — дело самого клиента.

Возвратимся теперь к заявлению Юнга о том, что он не может признать себя мудрым, поскольку из-за огромной масштабности явления жизни и явлений человека он не в состоянии высказать о них окончательного мнения. Это положение он распространяет и на самопознание, с печалью признавая, что к концу жизни убедился, как мало он «знает о самом себе» [там же, с. 369]. Но эти слова — наилучшее подтверждение мудрого отношения человека к миру, жизни, собственному существованию — и к феномену мудрости. Мир постоянно и часто непредвидимо изменяется, перестраивается, развивается. Непрерывно развивается (обнаруживает в себе неожиданные достоинства, возможности, замечает потери и компенсирует их) сам субъект. Процесс психического развития никогда не принимает завершённую, окончательную форму. Вместе с потоком психической жизни продолжает свое развитие и редкий дар мудрости. В ходе развития личности его психогенетические предпосылки отнюдь не реализуются полностью.

Заключение

В заключение я не хотела бы сформулировать в обобщенной форме положения, высказанные в данной главе. Целесообразнее указать на проблемы, актуальные для дальнейшего исследования. Первая проблема касается определения мудрости как экспертного знания, опирающегося на богатый и глубокий жизненный опыт. Но следует спросить, что собой представляет жизненный опыт? Всегда ли он имеет позитивное значение? Ученые, работающие в области научного и технического творчества (Б.М. Кедров, Т.В. Кудрявцев), в сфере экономики (А.И. Китов), разрабатывающие проблемы решения задач (Я.А. Пономарев, Д.Н. Завалишина), вопросы общения (Б.Д. Парыгин) и многие другие, обнаружили существование психологических барьеров, мешающих субъектам достигнуть поставленных целей. В.В. Мухортов, работая над проблемами психологии изобретательства, выделил разные типы психологических барьеров. Но в основе всех барьеров он обнаружил один фактор — прошлый опыт. «Психологический барьер, — пишет он, — правомерно рассматривать как отрицательное влияние прошлого опыта, препятствующее пониманию и правильной оценке ситуации, фактов, закономерностей, выбору способов действия, стратегии решения проблемы, инновациям» [3, с. 19].

В какой же форме должен существовать «богатый прошлый опыт», чтобы обеспечивать мудрое решение жизненных задач? В виде четко осознаваемых, логически обоснованных знаний о вариативных закономерностях жизни? Многочисленные работы зарубежных и отечественных психологов по вопросам решения творческих задач (которые можно отнести к ненормативным задачам в исследованиях школы Балтеса) дают основания для предположения, что в функциональную систему мудрости, кроме осознанных, логически выстроенных знаний, должны входить и неосознаваемые, интуитивные, логически несвязанные «знания» об ускользающих от внимания людей жизненных случайностях, о незаметных изменениях (предвещающих, тем не менее, глобальные перемены).

Исследуя процессы преодоления психологических барьеров, таких как «компетентность», «авторитет» и другие, Мухортов убедительно раскрывает познавательную роль повышения сензитивности человека к субдоминантным характеристикам проблемных ситуаций. При процессуальном подходе к мудрости как развивающемуся свойству личности, жизнь которой осуществляется в быстро меняющихся социально-исторических условиях, должна непрерывно развиваться жизненно-практическая компетентность человека и

повышаться его сензитивность к фиксируемому лишь подсознанием, подспудным проявлениям будущего.

Психологам предстоит большая работа по соотношению таких, например, понятий, как «мудрец» и «провидец», «человек государственного ума» и т.п. Порождают вопрос и эмпирические (конечно, предварительные) результаты исследований Балтеса. Если мудрость столь редкий дар человека, не может ли быть субъектом мудрых решений коллегиальная или коллективная организация типа Парламента, Верховного Совета, разрабатывающая варианты взвешенных решений, предлагаемых для обдумывания, коррекции и окончательного решения главе государства?

Литература

1. Анцыферова Л.И. Психология старости: особенности развития личности в период поздней зрелости // Психол. журн. 2001. № 3. С. 86-99.
2. Анцыферова Л.И. Архетипическая теория развития личности Карла Густава Юнга (статья вторая: вторая половина жизни человека, этапы индивидуации, проблемы призвания, судьбы, смысла жизни // Психол. журн. 2000. № 3. С. 10-19.
3. Мухортов В.В. Психологические барьеры в изобретательстве: Автореф. ... канд. психол. наук. Москва, 1989.
4. Практическая психология старости. М.: Изд. КОСМО-Пресс, 2002 г.
5. Психологическая энциклопедия. Психология человека от рождения до смерти / Под ред. А. А. Реана. СПб.: Прайм-Еврознак, Нева; М.: Олла-Пресс. 2001.
6. Стюарт-Гамильтон Ян. Психология старения. 3-е Международное издание. Санкт-Петербург, Москва, Харьков, Минск, 2002.
7. Юнг Карл Густав. Дух и жизнь. Практика. М. 1996.
8. Baltes P.B. On the Incomplete Architecture of Humat Ontogeny. Selection, Optimization and Compensation as Foundation of Development Theory // American Psychologist. 1997. V. 52. №4. P. 366-380.
9. Smith J., Baltes P.B. Wisdom-related knowledge: Age Cohort Differences in Response to Life-planning Problems // Developmental Psychology. 1990. V. 26. № 3. P. 494-505.
10. Staudinger U.M., Maciel A.L., Smith J., Baltes P.B. What Predicts Wisdom-related performance? A first look at personality intelligence and facilitative experimental contexts // European J. of Personality. 1998. V. 12. № 1. P. 1 – 7.

21

ГЛАВА

ГУМАНИСТИЧЕСКИ-ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНЫЙ ПОДХОД К МУДРОСТИ: СПОСОБЫ ПОСТИЖЕНИЯ ИСТИННОГО Я И ПРИЗВАНИЯ ЧЕЛОВЕКА

Последняя треть прошедшего столетия была периодом утверждения когнитивного направления в психологической науке. В рамках этой методологии и начали разрабатываться вопросы, так или иначе связанные с проблемой мудрости. Исследовались особенности интеллектуальной компетентности у взрослых [14], проводился психологический анализ процессов планирования [16], изучалось становление экспертного знания. В 1990 г. появилась статья Ж. Смита и П. Балтеса, посвященная проблеме мудрости, в которой дается следующее определение: «Мудрость есть экспертное знание о фундаментальной практике жизни (например, о планировании жизни, об управлении жизнью и об обзоре (Review) жизни» [18, с. 495]. Это определение мудрости было принято отечественными психологами, работающими в области проблем интеллекта и психогеронтологии. Когнитивно ориентированное понимание мудрости, а также ее отнесенность к поздним этапам жизни человека нашли свое отражение в новейшей «Психологической энциклопедии» [9]. Смит и Балтес подчеркивают, что сегодня у большинства исследователей не вызывает сомнения тот факт, что, несмотря на превосходство памяти, молодые люди проигрывают пожилым в определенных сферах мышления, особенно в таком аспекте, как мудрость [18, с. 555].

Определение мудрости как экспертного знания, естественно, порождает у психологов вопросы о том, что же оно собой представляет, каковы этапы его формирования, какие умственные действия

совершает человек, выступая субъектом экспертизы. По существу, психологи постоянно сталкиваются в исследованиях с этими вопросами и предлагают свои ответы на них. Вся психодиагностика — это наука об экспертизе: психологи создают тесты интеллекта, памяти, креативности, типов мышления, личностных типов и т.д. При этом исследователь знает: для того, чтобы сформировать диагностическое суждение, он должен владеть концептуально организованным знанием об объектах изучения: уровне строения интеллекта, качественных разновидностях мышления и его процессуальных характеристиках. Исследования психологов затрудняет существование различных теорий интеллекта, мышления, креативности, эмоциональности и личности. Но они понимают, что столь многомерный, сложнейший объект изучения как психическая реальность требует анализа с разных точек зрения, которые не исключают, а дополняют друг друга.

Применительно к мудрости речь идет об экспертном знании жизни (ее планировании, управлении, интеграции жизненного опыта, о создании целостной картины жизни). Как же совершается процесс экспертизы жизненных ситуаций? В отечественной науке частичный ответ на этот вопрос удалось обнаружить в работах О.И. Ларичева [6—8], а также А.И. Мечитова, Е.М. Мошкович, Е.М. Фурмес [8]. Они обосновали возможность нового подхода к экспертному мышлению, к понятию медицинских диагностических решений. Ученые указывают, что при разработке проблем искусственного интеллекта сформировался так называемый символичный подход к проблемным ситуациям. Предполагается, что, сталкиваясь с ними, специалист выделяет, сопоставляет, преобразует в символическую форму выявленные им существенные признаки трудной ситуации, а затем обучается оперировать несколькими символами одновременно. О.И. Ларичев не отрицает того, что в мире существуют простые целостности, подчиняющиеся в процессе их экспертизы принципу разложимости на составные части, но вместе с тем подчеркивает, что ученые имеют дело со множеством объектов, разложение которых на части невозможно без существенного их искажения.

Исследователи стали изучать процесс принятия специалистами медицинских диагностических решений и обнаружили, что опытные врачи-эксперты, в отличие от новичков, используют при диагностике «малое число обобщенных диагностических признаков» и выносят диагностическое решение быстро и почти безошибочно. Ученые обнаружили также любопытный, но отнюдь не неожиданный для психологов факт: эксперты-медики были не в состоянии вербализо-

вать правила решения ими врачебных задач¹. Такого рода факты дали основание Дж. Килстрому ввести понятие «Когнитивного неосознаваемого» [17]. Балтес также приходит к выводу, что в экспертное знание входят процессы интуиции.

Медицинская ситуация обследования больного и постановки диагноза — одна из важных и напряженных жизненных ситуаций, в которых качество мудрости у врача-эксперта оказывается решающим для жизни пациента. Однако установленный диагноз — это только первый этап разрешения трудной ситуации. Далее врач должен наметить план лечения, интерпретировать изменения в состоянии больного, почувствовать, доверяет ли ему пациент, как он переживает свое заболевание, каково его мироощущение (оптимистическое, трагическое, ироническое и т.п.). Интуиция может подсказать опытному врачу, какие эмоции и переживания он вызывает у больного, а для этого он должен обладать богатой эмоциональной палитрой и способами интерпретаций проявления тонких переживаний своих пациентов. Успешное лечение предполагает постижение экспертом медицинского профиля своего внутреннего мира, жизненного опыта, данного в обобщенных переживаниях. Он должен быть проницаем для себя, обладать, как выражаются некоторые зарубежные персонологи, «прозрачным self-ом».

Эксперты в области жизненной практики, обладающие даром мудро планировать жизнь, управлять ею, имеют дело не с абстрактной безличной жизнью, а с людьми, строящими свой внешний и внутренний мир, делающими жизненно значимые выборы, определяющие свои смысловые пространства. Для успешного, конструктивного выстраивания собственной жизни субъект руководствуется сформировавшимися у него представлениями о своих личностных качествах, не задаваясь вопросом о том, сложились ли они под влиянием неадекватных оценок других людей или являются результатом осознания своих поступков. Как часто приходится слышать от людей сетования на то, что их постоянно преследуют неудачи, а редкие успехи даются с большим трудом. В таком случае уместно задать вопрос: не может ли быть, что такие люди не услышали, по выражению А. Маслоу и К. Роджерса, «тихий голос своего призвания», не постигли на уровне переживаний, интуитивно, кем (или чем) они являются по своей природе?

¹ Сходные факты были выявлены психологами при изучении мышления шахматистов: опытные мастера оперируют целостными образами шахматных ситуаций. Одного их взгляда на неоконченную и, казалось бы, непредсказуемую партию, достаточно для заключения, кто из противников одержит победу.

Этот вопрос тесно связан с проблемой постижения субъектом психического бытия других людей. Ведь человек движется в своем социально-историческом и индивидуально-личностном пространстве вместе «с плотной толпой других людей» (К. Юнг). Между ними и индивидом возникают субъектно-действенные отношения, устанавливаются приемы их регуляции, способы самоконтроля в ситуациях общения и совместных действий. Успешность функционирования человека в малом и большом социуме зависит от глубины, тонкости, полноты понимания внутреннего мира и причин поведения окружающих. Балтес включает в определение мудрости способность человека давать обоснованные, взвешенные советы по жизненно важным вопросам. Несомненно, что человек, обладающий (в той или иной мере) даром мудрости, должен эмпатически, на интуитивном уровне чувствовать не только то, что сам обращающийся за советом не осознает в себе, но и постигать его уникальность. Таким образом, в проблемном поле мудрости органично выделяются вопросы понимания человеком того, кем он является на самом деле, каковы проявления рассогласования между осознаваемым, но не истинным, и истинным Я, каковы некоторые приемы постижения индивидом своей природы.

Постановка проблемы постижения, интуитивного чувствования человеком архитектоники своего внутреннего смыслового мира, переживаемого как истинно присущего ему, означает переход от чисто когнитивного понимания мудрости к личностно ориентированному. Мудрость предполагает поиск и нахождение субъектом своего призвания, своего истинного Я.

Впервые проблему значимости для жизни человека понимания того, «чем он является на самом деле» поставил и психологически тонко разрабатывал датский философ, религиозный экзистенциалист Серен Кьеркегор (1811-1855). Анализируя эмоциональное состояние людей, он показывает, что большинство из них постоянно переживают такие предметно не направленные, но негативные эмоции, как беспокойство, тревога, боязнь, и, в конце концов, впадают в состояние отчаяния. Основную причину переживания отчаяния — «смертельной душевной болезни» — Кьеркегор усматривает в следующем: человека мучает осознание того, что в реальной жизни он не является тем, кем ему предназначено быть.

Обобщая свои наблюдения за «отчаявшимся Я», Кьеркегор выделяет два их типа. Первый, обнаружив расхождение между своим призванием, собой, действующим и истинным Я, не желает быть тем, кем он по своей природе является. Такое Я формируется под влиянием внешнего давления, оно не способно взять на себя ответствен-

ность за свои жизненные выборы. Его привлекают другие Я, меняющиеся в разные моменты жизни, и в результате его собственное Я стоит перед угрозой, как выражается Кьеркегор, «рассыпаться в песок мгновений».

Второй тип «отчаявшегося Я» хочет стать тем, чем он является на самом деле. Нечеткое пока еще знание о своем истинном Я такой человек приобретает в результате особого, идущего изнутри действия, которое Кьеркегор называет рефлексией. Появление рефлексии, согласно его мнению, не связано с определенным возрастом — оно результат усилий самого человека и свидетельство его высокого духовного развития, которого достигают далеко не все люди. Большая их часть, по словам Кьеркегора, «не выходит за всю свою жизнь из состояния детства и юности, т.е. из непосредственной жизни, подкрашенной малой толикой рефлексии о себе самом» [5, с. 291]. Человек с развитыми рефлексивными процессами предпринимает мужественный поиск своего истинного Я. Его отчаяние порождает напряженную энергию, придающую индивиду смелость утратить себя прежнего и стать своим истинным Я. При этом человек, по Кьеркегору, бросает вызов вечности и бесконечности. Он отчаянно желает сам распоряжаться собою или же, «*выступая собственным творцом* (курсив мой — Л.А.), создать из своего Я то Я, которым он желал бы стать...» [5, с. 299]. Подобный вызов философ считает «новым определением человека» [5, с. 298]. Но одновременно он доказывает недостаточную эффективность стремления индивида самому создать свое истинное Я.

Аргументация Кьеркегора вытекает из его позиций христианского экзистенциализма, но она, с моей точки зрения, по сути, согласуется с принципами гуманистического направления в науке. Согласно Кьеркегору, сам человек ограничен своей конкретностью, конечностью, из которой он и пытается воссоздать то, чем является в действительности. Между тем его истинное Я бесконечно и вечно. Для преобразования себя в соответствии с принципами бесконечности человек должен обратиться к силе, стоящей над ним (Богу), к бесконечности и вечности. В результате понимания сопричастности своего истинного Я высшей силе у человека меняется отношение к себе: он обретает чувство внутренней серьезности, поскольку происходит процесс исцеления вечностью стихийно, неосознанно сложившегося Я [5, с. 300, 302].

Если абстрагироваться от богословских установок Кьеркегора и рассмотреть выдвигаемые им положения в рамках психологической науки, то нельзя не поразиться его прозорливости в постановке актуальнейшей по сей день проблемы постижения человеком того, чем

он является на самом деле. Современные психотерапевты могут подписаться под положением датского философа о том, что долг человека: «принять на себя свое Я, увидеть свою задачу в том Я, которое выпало на его долю» [5, с. 299]. Истинное Я, согласно Кьеркегору, есть единство конечного и бесконечного, конкретного и абстрактного, преходящего и вечного. В современных терминах бесконечное в человеке — это то, что присуще всему человечеству, но в разных долях распределено в отдельных его индивидуумах. Конечное же порождено жизнью людей в ограниченных, неповторимых условиях исторического бытия. Постигание человеком своего истинного Я снимает с него «грех отчаяния», но само по себе отчаяние выполняет позитивную функцию — оно выступает индикатором того, что индивид живет не своей жизнью, и тем самым предает свою природу. Это тяжкое переживание, несомненно, мотивирует преобразование им самого себя.

В работах Кьеркегора трудно найти размышления об успешных внутренних действиях по выявлению субъектом своего призвания и своей природы. Несколько больше внимания он уделяет приемам, которые можно назвать психологическими защитами сложившегося, но неистинного Я. Потерпев неудачу в самопреобразовании, человек прибегает к приему, называемому *герметизмом*². В метафорической форме Кьеркегор описывает этот прием как запертую дверь, забранную решеткой, за которой скрывается Я. Кажется, что оно внимательно к самому себе и действительно может обладать некоторыми чертами истинного Я, но замкнутость, отгороженность от мира препятствуют дальнейшему самопознанию субъекта [5, с. 295].

Сходные психологические препятствия выстраивают люди, старающиеся не осознавать собственного состояния отчаяния. Они пытаются путем разных отвлечений, таких как работа, повседневные хлопоты и т.п., укрыться, по словам Кьеркегора, «в собственном полумраке неведения». И все же, несмотря на неосознаваемые усилия индивида избежать постижения своего отчаяния, «сознание и воля продолжают свое диалектическое согласие, чтобы побудить борющееся Я отразиться свое тяжкое переживание. Однако давление сознания, как правило, резко повышает напряженность отчаяния, и когда оно в возросшей мощи осознается человеком, тот может не выдержать мучительного сознания и решиться на самоубийство» [5, с. 283]. Напомним, что отчаяние, о котором говорит Кьеркегор, отнюдь не является беспредметным беспокойством или «свободно

² Так впервые Кьеркегор вводит идею о психологической защите человека от своих отрицательных чувств.

плавающим страхом», а переживанием того, что индивид понял: он живет не собственной жизнью, он предал собственную природу и сформировал свое Я, подчиняясь идущим извне давлениям, несущим в себе не бесконечность бытия человечества, а конкретность его конечного отрезка. Возникает вопрос — каким же образом человек может познать свое призвание, осознать собственный природный дар? Кьеркегор убежден в том, что только вера в Бога может открыть индивиду то, чем он является на самом деле.

Если анализировать работы Кьеркегора под углом зрения современных теорий проникновения субъектом жизни в глубины своего Я, осознания скрытого потенциала, то у датского философа трудно найти ответ на поставленные выше вопросы. Но христианский экзистенциалист через апелляцию к вере выявляет в истинном Я особый важнейший пласт — нравственность, добро, духовность. Эти качества бесконечны в человеке и даруются ему верой. В результате соединения в его душе конкретного и абстрактного, преходящего и вечного, заключенного в возможностях и порожденного необходимостью, человек начинает жить в качественно новой форме — как личность. «Личность есть синтез возможного и необходимости» [5, с. 276].

Труды Кьеркегора, особенно те, которые были посвящены постановке и разработке проблемы осознания человеком себя тем, кем он является в действительности, оказали значительное влияние на подход к мудрости гуманистически ориентированных психологов и психотерапевтов. Для них мудрость — прежде всего глубокое постижение индивидом своей истинной природы и призвания. На Кьеркегора ссылается Карл Юнг, разрабатывая учение о процессе проникновения личности в разные слои своего подсознательного и коллективного бессознательного.

В целостном процессе жизни человека Юнг выделил два основных периода, приуроченных к первой и второй ее половинам. В первый период усилия человека направлены на познание внешнего мира и на «укоренение» себя в нем. Свои потребности, интересы, симпатии и антипатии, страхи и восторги он «размещает» в окружающих предметах и людях. В его неосознаваемом накапливается много психологических новообразований. У него формируется Тень, в которой «размещаются» негативные черты его личности и свойства, противоречащие представлению о себе. Он вырабатывает Маску, соответствующую той роли, которую играет в обществе; множество комплексов («малых личностей»), закрепленных в них результатами апробования себя в разных сферах деятельности, в том числе и в непривлекательных занятиях. В неосознаваемом оказывается и значительная часть «Я» личности. Несмотря на то, что «Я» образует ре-

гулирующий центр сознания, не все его особенности субъект четко осознает [12].

Во второй половине жизни направленность психической деятельности человека меняется. Его духовные усилия концентрируются на познании собственного внутреннего мира, скрытых глубин, своей, как выражается Юнг, «психе». Но снова, как и Кьеркегор, Юнг не раскрывает совокупности произвольных (рефлексивных) процессов, позволяющих человеку проникнуть в бессознательное. Процесс погружения субъекта в свои глубины Юнг называет трансцендентной функцией и изображает ее в виде стрелы, идущей сверху (от осознающего себя Я) вниз. Юнг предупреждает, что процесс самораскрытия чрезвычайно труден: человек должен дифференцировать истинного себя от своей профессиональной, семейной, сословной и т.д. Маски; осмыслить истоки собственных симптомов, истолковать символику сновидных образов, постигнуть смысл врывающихся в его сознание архаичных видений. Основная задача человека — осуществить процесс индивидуации, выстроить психологическую систему своей неповторимости, осознать собственную целостность, центральное место в которой занимает понимание своего призвания.

Несмотря на значительное различие концепций Кьеркегора и Юнга о строении душевной жизни, оба мыслителя рассматривают личность как замкнутое в себе целое, вне осуществляемой ею жизни, в абстракции от взаимоотношений с другими людьми.

Принципиально иной подход к человеку, к осознанию им себя таким, каков он есть на самом деле, характерен для ученого-гуманиста Карла Роджерса. В своих трудах он неоднократно подчеркивает, что на формирование его взглядов сильное влияние оказал Кьеркегор, а также философ-экзистенциалист Иерусалимского университета М. Бубер. Роджерс признается, что многие положения датского философа не вызвали у него никакого отклика, но «некоторые его глубоко проникновенные убеждения великолепно выражают мои взгляды» [10, с. 25]. Далее он поясняет: «... по прочтении его работ я освободился и захотел больше доверять своему собственному опыту и более полно выражать его» [там же]. У Бубера же Роджерс выделяет особо значимую для психотерапевтической практики идею: сознание человека не просто его сознание, — оно выступает как «отношение Я-Ты», которое предполагает ответственность Я за Другого — Ты. Приняв такую позицию, человек, по словам Роджерса, поднимается на самый пик субъективности.

Создавая собственную концепцию становления человека самим собой, Роджерс опирается на опыт все более глубокого самоосозна-

вания и выявление тех изменений, которые происходят в психическом функционировании как клиента, так и терапевта в ходе психотерапии. Исходное положение Роджерса гласит, что человек по своей природе есть процесс — конструктивный, реалистичный, достойный доверия (см. [10, с. 228]). Его жизнь и жизненный опыт также имеют процессуальный характер. Однако в ходе жизни субъект под влиянием социальных воздействий выстраивает в своем внутреннем мире защитные образования — *фасады*, которые маскируют ужасные, по мнению субъекта, его Я, *систему навязанных долженствований, приемы угождения другим*, якобы обеспечивающих ему благоволение окружающих³. Человек также блокирует свои организмические переживания. В результате его жизненный опыт становится неполноценным, искаженным.

Как же можно помочь человеку стать полностью функционирующей личностью? Превратиться в свободно текущий процесс? Если причинами и условиями неполноценного, искаженного, лишь частично осознаваемого функционирования человека являются непродуктивные отношения с другими людьми, то следует поместить его в качественно иную систему отношений. С точки зрения Роджерса, именно созданная им психотерапия является «микрокосмосом значимых межличностных отношений..., значимого изменения в восприятии личности» [10, с. 302].

Вводя в свою психотерапевтическую концепцию категорию «отношение», Роджерс разъясняет, что это — процесс общения собеседников внутренними неразмышляющими субъективными способами их жизни, их глубинными Я. «В психотерапии, — пишет Роджерс, — отношения проживаются, а не рассматриваются...» [10, с. 267]. Однако, для того, чтобы клиент стал раскрываться перед терапевтом в своих истинных чувствах, до этого скрытых за фразами, последний должен создать в процессе общения особую атмосферу безусловного положительного (уважительного) безоценочного отношения для своего собеседника. Вызвать у него доверие терапевт может при условии, что он сам хорошо знает себя, свои чувства и понимает, какие из них вызывает у него клиент [10]. Известно, что человек, готовящийся стать психотерапевтом, к какой бы школе он ни принадлежал,

³ В работах Роджерса понятия "организмические переживания", "организмический уровень жизненного опыта" занимают одно из центральных мест. Но, как следует из контекста его работ, из принципа одухотворенности всех уровней жизни человека, адекватным было бы назвать указанные выше понятия "психоорганизмическими уровнями жизненного опыта", "психоорганизмическими переживаниями".

должен сам подвергнуться психоанализу в кабинете опытного психотерапевта, который, как правило, выявляет у своего ученика неведомые тому особенности его субъективного мира и побуждает осознать маскируемые чувства.

Совместное «проживание» направленных друг к другу чувств отнюдь не означает, что личности клиента и психотерапевта как бы сливаются. Согласно Роджерсу, терапевт может испытывать привязанность к клиенту и даже переживать чувство любви, но его главная задача — осуществление «помогающего поведения». В результате своей сверхэмоциональности переживания эмпатии терапевт может попасть в ловушку — начать жить чувствами пациента. Поэтому терапевт должен дистанцироваться от внутреннего мира клиента, выстроить «стену отчуждения».

Конечно, Роджерс испытывает сильное искушение проникнуть в самые глубины внутреннего мира доверившегося ему человека, но гуманистическая этика предписывает сохранять дистанцию между собой и клиентом. Он задается вопросом: «В состоянии ли я допустить себя полностью в мир чувств и личностных смыслов клиентов и увидеть их такими же, какими их видит он?» [10, с. 97]. Склоняясь к отрицательному ответу, Роджерс, тем не менее, признается, насколько он бывает поражен, когда «даже минимальное эмпатическое переживание — нелепая и неверная попытка понять запутанную сложность смыслов клиента — бывает полезной» [там же].

Роджерс разъясняет также, что терапевт не может давать советы пациенту или обучать его на вербальном уровне приемам постижения того, кем он является в действительности. Обнаружить свое истинное Я — дело самого клиента, который должен, однако, понимать, какие эмоциональные реакции — одобрительные, поощряющие, или выражающие несогласие и т.д. — вызывают его высказывания у терапевта, который, в свою очередь, должен понять переживания клиента, отличить защитные реакции от прорывающих эмоций из истинного Я. Так постепенно клиент и терапевт становятся, по выражению Роджерса, «прозрачными друг для друга» [10, с. 80]. Ориентируясь на эмоциональные побуждения терапевта, его доброжелательное понимание, клиент начинает разрушать свои ложные «фасады», сбрасывать маски, отказываться от навязанных ему ролей и все успешнее обнаруживать, кто он есть по своей природе. Возникает, однако, вопрос — достаточно ли одних усилий терапевта для становления клиента самим собой и включения его в бесконечный процесс саморазвития? Положительный ответ означал бы, что терапевт в какой-то мере манипулирует своими клиентами.

У Роджерса иная позиция. Он убежден, что у каждого человека существует тенденция и способность, если не явная, то потенциальная, двигаться вперед, к зрелости, «... стремление перестроить свою личность и свое отношение к жизни» [10, с. 77]. В ходе терапии клиент все более «прислушивается к глубоко запрятанным тайникам своего физиологического и эмоционального бытия, он все более хочет быть тем Я, которым и является» [там же, с. 225]. Но не может ли скрытое Я быть антисоциальным, агрессивным? Роджерс, полемизируя с представителями фрейдистской ориентации и опираясь на свой огромный опыт психотерапевта, утверждает, что, несмотря на жестокие поступки людей, «их развитие на глубинном уровне движется в позитивном направлении...» [10, с. 75]. Таким образом, процесс гуманистической терапии осуществляется совместными усилиями терапевта и клиента при ведущей роли клиента. По словам Роджерса, клиент должен обладать мужеством, чтобы стать полностью открытым своему жизненному опыту, уничтожить все внутренние заслоны, мешающие ему двигаться в любом направлении. Но что же такое жизненный опыт, которому должен быть открыт человек, находящийся постоянно в процессе своего становления? Является ли он полностью отрефлексированным, интеллектуально переработанным? У Роджерса эти вопросы входят в содержание проблемы соотношения интеллекта и жизненного опыта.

Основополагающее положение теории Роджерса гласит: человек должен проживать свою жизнь в собственном настоящем, — в «здесь и теперь». В его пространстве жизнь представляет собой текущий и изменяющийся процесс, поток богатого и изменяющегося жизненного опыта. «В попытках понять его изменяющуюся сложность становится ясным, что в нем нет места чему-то неизменному» [10, с. 68]. В потоке жизненного опыта движутся эмоционально насыщенные образы предметов, ситуаций, состояний, чередуются порождения психоорганизмического уровня. Содержание опыта лишь частично осознается.

Есть основания полагать, что в содержание текучего психоорганизмического опыта входят результаты особой активности человека, которую А. Валлон назвал психотонической (или постуральной) активностью [4]. Она выражается в принятии и поддержании человеком требуемых для его деятельности поз (мастера, вытачивающего детали, спортсмена, готовящегося к бегу, и т.п.).

В неосознаваемую область жизненного опыта входят также запечатления машинально выполненных движений. О внезапной актуализации у себя моторного «образа» рассказывает Ж. Пиаже. Во время поездки по загородной дороге ветровое стекло его машины оказалось

сильно забрызганным грязью. Под рукой не было ни тряпки, ни платка. После минутного замешательства у Пиаже возникло виртуальное ощущение опускающейся между сидениями руки. И когда он действительно произвел соответствующее действие, в его руке неожиданно оказался кусок материи, который, по предположению Пиаже, он некогда бессознательно засунул совсем в неподходящее место.

В содержание неосознаваемого жизненного опыта входят также не связанные друг с другом мысли, фиксирующие мгновения текущей жизни. Они нередко вторгались в упорядоченную интеллектуальную деятельность психотерапевта, который вначале старался их отторгнуть. Но после того как он проникся доверием к собственному жизненному опыту [10, с. 63], его отношение к таким «вторжениям» изменилось. Роджерс пишет: «Я стал с большим вниманием относиться к тем отрывочным мыслям, которые время от времени возникают у меня и вызывают чувство своей значимости» [10, с. 64]. После анализа богатейшего, в своей значительной части неосознаваемого, изменчивого, насыщенного эмоциями жизненного опыта, можно вернуться к позиции Роджерса относительно соотношения интеллекта и жизненного опыта. Подытоживая свои раздумья, он пишет: «Я подозреваю, что мой жизненный опыт умнее, чем мой интеллект. Конечно, мой опыт подвержен ошибкам, но, надеюсь, в меньшей степени, чем мой интеллект» [там же]. В системно-уровневом процессе опыта жизни особо значимым для ориентировки в окружающем мире психотерапевт считает тот процесс проникновения в связи мира, который он называет «чувствованием». По его словам, «на организмическое чувствование ситуации можно полагаться больше, чем на ее логическое осмысление» [там же].

Роджерсу очень близок А. Маслоу, его «психология переживаний». Именно к Маслоу психотерапевт прибегает, чтобы передать те необычные чувства, которыми живет человек, полностью открытый своему жизненному опыту. «У него развивается чудесная способность снова и снова свежо и непосредственно переживать основные ценности жизни с чувством благоговейного страха, удовольствия и даже экстаза [там же, с. 222]. Но ценности Бытия⁴, в том числе собственного не автоматически раскрываются перед человеком. Он должен сам сделать, по словам Роджерса, *этический личный выбор* (курсив мой — Л.А.). В отличие от Кьеркегора, с его уверенностью, что источник оценки намеченного выбора находится в высшем Божественном разуме, Роджерс утверждает, что «локус оценки» находится

⁴ Как известно, Маслоу выделяет низшие дефицитарные ценности (или потребности) и высшие - ценности Бытия (добро, красота, истина и т.д.).

во внутреннем мире человека и определяется ответом на единственный вопрос: «Верно ли выражает меня и удовлетворяет меня мой жизненный выбор?» [там же, с. 166]. Сделанный выбор может оказаться ошибочным, но полная открытость человека своему жизненному опыту позволяет ему быстро определить нежелательные последствия принятых решений и немедленно их исправить.

Те немногочисленные психологи и психотерапевты, которым удалось облегчить клиентам поиски их действительного Я, считали задачу решенной, если люди находили собственное призвание и открывались полноте собственного жизненного опыта. Роджерс же показывает, что адекватное постижение присущей субъекту природы выступает лишь первым этапом в его реализации себя в новом качестве.

Перед субъектом стоят труднейшие задачи переосмысления прежних ценностей, осознания высокой значимости находившихся ранее на периферии сознания сфер социальной действительности, областей жизненного опыта и т.д. Главное же, субъекту предстоит переориентироваться во временном пространстве собственной жизни. Подчеркнем еще раз: в методологии Роджерса главные понятия — «процесс» и «становление». По его словам, «жизнь — это текущий и самоизменяющийся процесс, в котором ничто не является неизменным» [там же, с. 68]. В эту методологию органически вписывается акцент на «здесь и теперь»: в текучем настоящем действуют новые детерминанты, меняется структура трудных жизненных ситуаций, сходство их с прежними обстоятельствами обманчиво. В результате оказывается, что субъект должен совершенствовать приемы своей интеллектуальной деятельности, избегать ошибки в осмыслении новых проблем. К распространенным ошибкам Роджерс относит включение в процесс мышления информации, уже не имеющей отношения к данной конкретной ситуации, а также игнорирование информации, привлечение которой только и обеспечивает преодоление полностью неопознанных трудностей.

Подводя итог «затоплению настоящего прошлым», Роджерс выделяет общее в механизме таких ошибок: «субъект вводит в свои «вычисления» воспоминания и приобретенные в прошлом знания, как будто они и *есть* (курсив Роджерса) эта реальность, а не просто воспоминания и знания» [там же, с. 241]. Несомненно, что преобразованные знания о жизни и связанные с ними воспоминания, функционируя на уровне сознания, легко актуализируются, в обобщенном и структурированном виде они обеспечивают решение сходных задач. Но в быстро меняющихся обстоятельствах жизни требующие времени механизмы осознания отстают от процессов запечатления меняющихся мгновений настоящего. Понимание особенностей функцио-

нирования разных уровней психической организации человека обуславливает позицию Роджерса в вопросе о соотношении мудрости и сознания. Напомним, что размышления о соотношении интеллекта и жизненного опыта приводят его к выводу: он более доверяет своему жизненному опыту, в котором центральное место занимает психоорганизмическое функционирование, а не интеллект. К такому же выводу он приходит, решая вопрос о мере мудрости и психоорганизмического функционирования у человека. По словам Роджерса, психически свободный человек все более и более использует расширяющуюся совокупность психоорганизмических механизмов, чтобы «как можно более правильно чувствовать конкретную ситуацию внутри и вне его, ... понимая, что весь его цельный организм может быть — и часто является мудрее, чем его сознание» [там же, с. 242]. Все эти процессы конструирования себя в новом качестве лишь частично осуществляются на неосознаваемом уровне. В основном же сам человек берет на себя ответственность «за новый путь существования в качестве уникальной личности» [там же, с. 255].

Характеризуя полностью функционирующего человека, Роджерс подчеркивает, что он постигает смысл своей жизни, у него сформирована устойчивая система ценностей, в центре которой находится «ценность жизни», он безбоязненно погружается в ее поток; у него высоко развита способность к установлению теплых, доверительных отношений в системе Я-Ты; он эмпатически переживает чувства других. У таких людей, по словам Роджерса, «высокий самоконтроль», «успешная саморегуляция», «способность к овладению способами помогающего поведения». Конечно, гуманистическая концепция личности Роджерса касается, прежде всего, сферы эмоций, переживаний, часто необъяснимых, но постигаемых чувств. Вместе с тем он отнюдь не склонен недооценивать значение высокого уровня интеллекта у полностью функционирующего человека. В структуре интеллекта в соответствии со своей психотерапевтической практикой он выделяет процесс «интерпретации», «истолкования». Ведь психотерапевту приходится делать пронизываемыми сообщения клиентов о самих себе и интерпретировать собственный опыт общения с ними. И Роджерс признается: «Я могу жить только с помощью истолкования собственного жизненного опыта» [10, с. 68].

Труды Роджерса не оставляют сомнения в том, что этот выдающийся мыслитель обладает характеристиками мудрого человека. А между тем в его работах проблема мудрости затрагивается лишь частично. Полностью функционирующих личностей, достигших зрелости, обладающих высоким уровнем нравственности, осуществляющих эффективное «помогающее поведение», Роджерс называет

«умудренными», «движущимися к мудрости». Можно предполагать, что Роджерс склонен избегать понятия «мудрость», потому что оно тесно связано с обыденным представлением о «мудреце» как старом человеке с оскудевшей эмоциональной жизнью, отрешенно взирающем на окружающий мир.

А между тем мудрость — совсем не новообразование последнего этапа жизни человека, появляющееся в результате осмысления удачно пройденного субъектом жизненного пути. Мудрость немислима без стремления и способности к «помогающему поведению», к созданию условий для полноценного функционирования больших и малых социальных групп. Все эти деяния требуют высокой энергетики, интеллектуального напряжения, развитого самоконтроля и крепких нравственных устоев. Больших усилий требует и постижение своей истинной природы. Я исхожу из убеждения, что дар мудрости — это особый дар, которым наделены немногие люди. Возможно, следует говорить о «задатках» мудрости. В какой бы форме этот дар ни был задан, в нем заключена огромная мотивирующая сила, побуждающая к умственным и практическим действиям, направленным на развитие качества мудрости. Субъект сам должен углублять ее в себе. По словам Кьеркегора, «... глупо думать, что вера и мудрость могут прийти к нам так естественно и небрежно — не сложнее появляются у нас зубы, борода и прочее» [5, с. 291]. Он убежден, что мудрость — духовное, нравственное образование личности, плод тяжких усилий самого человека.

Когда же мудрость человека оказывается «ставшей», сформированной? Отвечая на этот вопрос, можно рассуждать следующим образом. Мудрость предполагает открытость человека всей полноте своего жизненного опыта, и этот опыт должен быть большим. Но что означает величина «опыта»? Один человек должен пережить много жизненных ситуаций, чтобы значительно обогатить свой опыт. Другой же, преодолевая совсем немногие обстоятельства «здесь и теперь», получает обширную информацию о связях и отношениях окружающего мира. Такой субъект обладает не только более дифференцированным восприятием (постижением) мира, но и углубленной, мудрой интерпретацией жизненного опыта. У одной личности мудрость может появиться в ранние годы, у другой — на пороге средней зрелости, а может быть, и позднее.

Я придерживаюсь определения мудрости как вершинного образования целостной личности, но это образование особого рода. При слове «вершина» обычно в уме возникает образ горы, за высшей точкой которой следует крутой спуск. Но за понятием «мудрость» стоит представление о вершине мощного дерева, которое непрерывно рас-

тет. Его вершинные образования погибают только вместе с гибелью дерева. В психологии совершенно не разработана проблематика типологии мудрости. И все-таки у немногих психологов можно найти мысли о том, как же сам субъект может распоряжаться своими вершинными достижениями. Весьма показательны в этом отношении размышления С.Л. Рубинштейна. Он выделяет два типа людей, поднимающихся к вершинам своего личностного развития. Одни из них, «достигая своих вершин в более ранние годы, могут затем на протяжении всей последующей жизни пользоваться плодами достигнутого, в этом их большое преимущество. Те же, жизнь которых идет по восходящей на протяжении большей части жизни еще где-то впереди, перед ними, лишены этого преимущества. Их жизнь менее выигрышна, но в ней есть зато нечто возвышающее несравненное чувство постоянного восхождения» [11, с. 487]⁵. От всех достигнутых вершинных образований личности мудрость отличается, помимо целостности и конгруэнтности проанализированных ее свойств, присущей ей способностью к непрерывному росту, развитию, образованию новых способов осуществления жизни в радикально меняющихся социальных обстоятельствах, неожиданных переменах своего психоорганизмического жизненного опыта. Мудрость — это растущее вершинное образование интегрированной личности.

Функциональная система мудрости требует высокой энергетики, напряженной работы всей эмоциональной сферы, гибкой интеллектуальной деятельности. Мудрость не была бы мудростью, если бы субъект не улавливал возникающих новых связей и отношений между жизненными явлениями, не обладал бы повышенной чувствительностью к назревающим изменениям в переживаемых отношениях с другими людьми. Это значит, что в функциональной системе мудрости должен действовать не только кристаллизованный интеллект (как это часто утверждают психологи), но и интеллект флюидный.

Это, конечно, гипотеза, которая нуждается в эмпирической проверке. Мне посчастливилось двенадцать лет общаться с выдающимся ученым, у которого мудрость строилась на мощной эмоциональной основе. Таков был мой учитель Сергей Леонидович Рубинштейн. При первом знакомстве он производил впечатление человека, знающего себе цену, импозантного, немногословного, сдержанного. Но совсем иным он оказывался, когда работал в своем домашнем кабинете с аспирантами и сотрудниками. Обсуждая какие-либо положе-

⁵ О себе Сергей Леонидович пишет вполне определенно: «моя жизнь в целом вся шла по восходящей» [11, с. 487].

ния с учеником, он порывисто вставал с кресла, принимался шагать по кабинету, зажигаясь обсуждаемыми идеями, зажигал своего собеседника. Потом прерывал себя на полуслове шуткой и тут же требовал серьезного ответа. Он не учил — он творил своих учеников.

Жизнь мудрого человека уникальна. Она высвечивает новые грани в бесконечности особенностей мудрости. Одна из таких граней — готовность к жизненным превратностям, катастрофам, трагедиям. Хорошо известно, что в 1949 г. Сергею Леонидовичу, в числе других крупнейших ученых, было предъявлено обвинение в космополитизме. Он был снят со всех своих руководящих постов, лишен правительственных наград, но он не потерял чувства достоинства и тем более не впал в уныние. По-прежнему на его лекции приходили не только психологи, но и философы, и по-прежнему в Институте философии он пользовался огромным авторитетом, а в его доме собирались многочисленные ученые. Он продолжал писать задуманные книги, и ко времени его «реабилитации» (1956 г.) у него уже были подготовлены «Бытие и сознание» и «Принципы и пути развития психологической науки». Во второй половине 1950-х гг. он начал задумываться над сложнейшими вопросами жизни человека, связи человека и мира. К их числу относится и проблема мудрости.

Раздумья Сергея Леонидовича о сути мудрости выходят далеко за пределы ее сухого определения как экспертного знания. При этом стоит подчеркнуть, что размышления его автобиографичны. Рубинштейн фиксирует их в дневниковых записях, готовясь создать «книгу моего сердца» [11, с. 485]. По его словам, «мудрость прекрасна, если она не бессилье стариковское, размышление извне, со стороны как будто остановившейся или мимо идущей жизни. Мудрость прекрасна, если она *страсть и действие* (курсив мой — Л.А.), только если сама она жизнь» [там же, с. 483]. Однако сами по себе страсть и действие не могут усилить жизнь объекта, мира, других людей. Для этого необходимы — нет, не только ученость, даже ум, а мудрость, мысль, приложенная к жизни, неустанно работающая над ней, ее пронизывающая и осмысливающая...» [там же, с. 484].

Заключение

В предыдущей главе мной была проанализирована новая концепция мудрости, разрабатываемая П. Балтесом с позиций когнитивизма. Соответственно этому подходу мудрость он определил как знание практической стороны жизни (Wisdom-related Knowledge) и правил оперирования фактами для ее планирования и управления ею. Но субъектами жизни являются люди, личности, которые долж-

ны постигать себя и внутренний мир окружающих их людей. Для них мудрость — не только знание, но и субъективное отношение к ним, наполненное переживаниями, страстями, чувствами и эмоциями. На постижение этой стороны внутренней жизни направлены исследования гуманистически ориентированных психотерапевтов и психологов. Понятие мудрости у гуманистов не имеет четкого определения. Но в центре ее определений находится поиск своего истинного Я и призвания. Развитие мудрости предполагает полную открытость человека собственному жизненному опыту («чувствования» жизни и состояния людей). Анализируя стадии своей психотерапии и характерные для них новообразования, Роджерс признает, что при помощи когнитивного подхода, безусловно, можно было бы выделить другие феномены. Но сила гуманистического подхода к человеку, личности состоит именно в изучении изменчивого жизненного опыта. Такова основа обретаемой самим субъектом мудрости, включающей способность не втискивать реальность в заранее принятые схемы, это дар непредвзято ее воспринимать. Несомненно, что такие качества особо необходимы в периоды коренных изменений общества. Вместе с тем, нельзя не признать, что столь же важен и учет устойчивых, оправдавших себя способов построения своего внешнего и внутреннего мира.

Выводы

Подведем итог обсуждению природы мудрости. Ее изучению препятствует ложное убеждение, будто мудрость присуща людям лишь в их поздние годы. Между тем, имеющиеся факты показывают, что она может сформироваться в разные периоды жизни. Мудрость многоформна и многокачественна. Она не сводится к экспертному знанию жизни, хотя необходимо включает его. Ее можно предварительно определить как растущее вершинное образование личности. Предстоит изучить связанные с мудростью формы «помогающего поведения». Не лишена оснований и гипотеза о том, что могут быть выделены разные типы мудрости.

Литература

1. *Анцыферова Л.И.* Мудрость и ее проявления в разные периоды жизни человека // Психол. журн. 2004. № 3. С. 17-24.
2. *Анцыферова Л.И.* Архетипическая теория развития личности Карла Густава Юнга (статья первая: Особенности развития личности в первой половине жизни) // Психол. журн. 2000. № 2. С. 16-26.

3. *Анцыферова Л.И.* Архетипическая теория развития личности Карла Густава Юнга (статья вторая: вторая половина жизни человека, этапы индивидуации, проблемы призвания, смысл жизни // Психол. журн. 2000. № 3. С. 10-19.
4. *Анцыферова Л.И.* Проблема психотонической активности и творческое наследие Анри Валлона // Психол. журн. 1981. № 1. С. 154-159.
5. *Кьеркегор С.* Страх и трепет. М.: «Республика», 1993.
6. *Ларичев О.И.* Теория подсознательных решающих правил и ее применение в диагностических задачах // Психол. журн. 2003. № 1. С. 56-63.
7. *Ларичев О.И.* Структуры экспертного знания // Психол. журн. 1995. № 3. С. 82-89.
8. *Ларичев О.И., Мечитов А.И., Мошкович Е.М., Фурмес Е.М.* Выявление экспертных знаний. М.: Наука, 1989.
9. Психологическая энциклопедия. От рождения до смерти / Под ред. А.А. Реана. Санкт-Петербург: Прайм-Еврознак, изд. дом «Нева»; Москва: Олма-Пресс, 2001.
10. *Роджерс К.Р.* Взгляд на психотерапию, становление человека. М.: Прогресс, 1961.
11. *Рубинштейн С. Л.* Бытие и сознание. Человек и мир. М., Санкт-Петербург, Нижний Новгород, и т.д.: Питер, 2003.
12. *Юнг К.* Дух и жизнь. М.: Практика, 1996.
13. *Boshuizen H.P.A., Schmidt H.* On the role of biomedical Knowledge in chemical reasoning by Experts Intermediates and the Experts // Cognitive Science. 1992. N 16. P. 197-204.
14. *Chi M.T.H., Glaser R., Rees E.* Expertise in problem Solving // Ed. Sternberg. Advances in the psychology of human intelligence. Hillsdale, N.Y.: Erlbaum, 1982. V. 7. P. 7-76.
15. *Cross S., Markus H.* Possible Selves across the Life Span / Human Development. 1991. V. 34. № 4.
16. *Hayes-Roth B.* A cognitive model of planning / Cognitive Science. 1979. V. 3. P. 275-310.
17. *Kihlstrom J.F.* The cognitive Unconscious / Science. 1987. V. 237. P. 1445-1452.
18. *Smith J., Baltes P.B.* Wisdom-related Knowledge: Age / Cogort Differences in Response to Life-Planning Problems // Develomental Psychology. 1990. V. 26. № 3. P. 494-505.

22

ГЛАВА

ИНТРОСПЕКТИВНЫЙ ЭКСПЕРИМЕНТ И ИССЛЕДОВАНИЕ МЫШЛЕНИЯ В ВЮРЦБУРГСКОЙ ШКОЛЕ

Философские основы Вюрцбургской школы

Вюрцбургская школа — это направление интроспективной психологии, представители которого в начале XX в. впервые в истории психологии попытались экспериментально исследовать особенности мышления. В группу психологов, образовавших Вюрцбургскую группу, входили, кроме руководителя Освальда Кюльпе, А. Майер, И. Орт, К. Марбе, Х. Ватт, Н. Ах, А. Мессер, К. Бюлер, К. Тейлор и другие.

Вюрцбургская школа возникла в следующей теоретико-философской ситуации. К началу XX в. в психологии господствовала физиологическая школа Вундта, которой были свойственны многие внутренние противоречия между ее философско-теоретическими позициями и результатами экспериментального метода, заимствованного из физиологии, а также между последним и интроспекцией.

Физиологическая психология была разновидностью психологии сознания. Основной своей задачей представители этого направления считали изучение сознания, его составных «элементов» и связей между ними. Эту задачу психологи решали, используя методики, заимствованные из физиологии. Применяя различные раздражители, экспериментаторы заставляли испытуемых реагировать на них либо двигательными, либо словесными реакциями. Подопытные лица должны были сообщать, воспринимают ли они действующие раздражители, какое раздражение действует сильнее, чем другое, и т. д. Испытуемые должны были также сообщать, какие чувства они

испытывают при подаче тех или иных раздражителей, и анализировать эти чувства. Экспериментальные данные содержали совершенно разнородные сведения, состоявшие частично из интроспективных отчетов, а частью из отчетов испытуемых о том, что именно они воспринимают в окружающем мире, и, наконец, из показателей о зависимости двигательных реакций от тех или иных изменений раздражителей.

Представители физиологической психологии оба вида словесного отчета объявляли интроспекцией, а данные последнего рода считали лишь вспомогательным материалом. Полученные в экспериментах этого периода результаты, доказывающие причинную зависимость ощущений от действующих извне раздражителей, объективно были направлены против идеалистического понимания сознания как круга психических явлений, доступных лишь интроспекции. Однако в этот период соединение некоторых причин философского порядка помешало краху интроспективного понимания и изучения сознания.

К началу XX в. среди психологов широкое распространение получил позитивизм Маха. Как известно, с точки зрения Маха, все тела являются лишь комплексами ощущений. В таком случае любой словесный отчет в психологическом эксперименте мог быть лишь описанием мира психических явлений и не имел права рассматриваться как описание человеком физических предметов. Тем самым махизм стирал различие между собственно интроспекцией и описанием объективных условий деятельности. Истокованное с позиций психологии сознания, это положение означало сведение к интроспекции всех форм вербальных отчетов. В результате этих обстоятельств психологи пришли к выводу, что при изучении ощущений и восприятия метод интроспекции является действенным.

В этих сложных условиях, когда уже начали действовать, но еще полностью не проявились внутренние противоречия физиологической психологии, и начала формироваться Вюрцбургская школа. Кюльпе — ученик Вундта и Г. Е. Мюллера — по своим философским убеждениям близко стоял к доктрине Авенариуса, принципиально ничем не отличающейся от позитивизма Маха: Мах утверждал, что психология имеет дело с «элементами» — ощущениями, рассматриваемыми в отношении к субъекту. Согласно же Авенариусу, предметом психологии является «опыт», определяемый функционированием нервной системы, в то время как физика изучает этот же «опыт», отвлекаясь от работы нервной системы. Доктрина Авенариуса была принята Кюльпе в его труде «Основы психологии» [10], непосредственно предшествовавшем образованию Вюрцбургской школы.

К философским взглядам Кюльпе примыкали (хотя и не совпадали полностью) позиции и других будущих участников Вюрцбургской школы. Так, Карл Марбе находился под сильным влиянием Евгения Дюринга, которого считал «величайшим философом современности».

Оттолкнувшись от этих философских позиций физиологической психологии, вюрцбургцы попытались применить метод интроспекции к изучению мышления. В опытах Вюрцбургской школы интроспективный метод достиг своего апогея. В то же время благодаря специфике применявшегося экспериментального материала и построению некоторых, особенно более поздних, экспериментов, интроспекция оказалась четко отделенной от других форм словесных реакций: испытуемые должны были сообщить не о качестве воздействующих раздражителей, а о довольно сложной мыслительной деятельности, вызываемой раздражителями и опосредствующей конечный ответ («да», «нет»). Отчет испытуемых об этой умственной деятельности рассматривался вюрцбургцами как достоверное и адекватное описание действительного хода мышления. Пытаясь создать теорию интроспективного эксперимента, Ах настаивает на ретроспективном характере самонаблюдения. Он подчеркивает, что интроспекция не просто искажает наблюдаемый психический процесс, но меняет его содержание. Возможность же давать ретроспективный отчет о своих переживаниях в ходе мышления Ах обосновывает ссылкой на опыты Г. Мюллера и Пильцекера, указавших на персеверацию, т. е. навязчивое возобновление явлений переживания.

Специальное внимание Ах уделял вопросу об отличии применявшейся в опытах вюрцбургцев интроспекции от самонаблюдения в эмпирической психологии. Основное отличие, по мнению Аха, заключается в том, что в опытах Вюрцбургской школы интроспекция применялась в строго контролируемых стандартных условиях: каждому испытуемому давались одни и те же раздражители и тождественные инструкции. Ах подчеркивает зависимость переживаний испытуемых и, следовательно, их интроспекции от вариаций внешних условий. Систематическое экспериментальное самонаблюдение, пишет Ах, не имеет никакой ценности, если не удастся благодаря изменению внешних условий эксперимента и инструкции вызвать соответствующее изменение внутренних переживаний и, таким образом, благодаря вариации внешних обстоятельств, осуществить контроль за данными самонаблюдениями. Это положение означает некоторую тенденцию к выходу за пределы психологии сознания, некоторое признание зависимости мышления от окружающих условий. Но для вюрцбургцев внешние условия выступают более как поводы или способы побуж-

дения мыслительной деятельности, чем причина и детерминирующие факторы. «Как уже было замечено, — пишет Ах, — метод систематического экспериментального самонаблюдения направлен на то, чтобы в непосредственно следующий за опытом период подвергать полному описанию и анализу переживания испытуемого, вызванные внешним вспомогательным средством» [2, с. 8].

Провозглашение вюрцбургцами интроспекции в качестве главного метода исследования мышления связано с неверным пониманием соотношения сущности и явления применительно к мышлению. Как и вся интроспективная психология, вюрцбургцы неправильно отождествляли сущность мыслительной деятельности с одной из форм проявления этой сущности в самонаблюдении человека.

Грань между экспериментатором и испытуемым по существу стиралась: каждый испытуемый являлся одновременно экспериментатором, наблюдающим сущность своего собственного мышления. Почти ко всему Циклу проведенных вюрцбургцами экспериментов относятся слова Бюлера, высказанные им по поводу работы Мессера. В ходе проведения опытов, пишет Бюлер, Мессер чувствовал себя в некоторой степени лишь редактором того, что высказывали его испытуемые Кюльпе и Дюрр [5]. С точки зрения объективного подхода к психике ретроспективный отчет о том, какие мысли вызвал у человека раздражитель, вполне допустим. Но этот отчет представляет собой сырой материал, который может служить подсобным средством для восстановления хода психических процессов. Полученные вюрцбургцами факты представляют определенный интерес, однако при отсутствии хотя бы предварительной теории мышления отчеты самонаблюдения могут принести лишь крайне разрозненные, отрывочные и случайные данные об осознании человеком объектов своего мышления, как это и произошло в Вюрцбургской школе.

Выявление того, что человек не осознает механизмов своего мышления, заставило представителей Вюрцбургской школы признать, хотя и в скрытой форме, неадекватность интроспективного метода задачам исследования мышления. Так, Ах провел специальную серию экспериментов с загипнотизированными людьми. Инструкция, даваемая им испытуемым, содержала определенные задания, а также приказ забыть все, что говорилось во время сеанса. Оказалось, что хотя люди и не помнили инструкции, а следовательно, и задания, они решали задачи в соответствии с ним. В результате таких фактов Ах, Бюлер и Кюльпе пытались использовать данные ретроспективного самонаблюдения лишь как материал для анализа и обработки, а не как зеркало, в котором точно отражается вся мыслительная деятельность. Именно в этот период Бюлер подверг кри-

тике «метод редактирования» отчетов испытуемых. Экспериментаторы пытались также опираться в своих выводах не только на словесные описания переживаний испытуемых, но на соотношения «раздражений» и реакций подопытных лиц. Однако этот метод опосредствованного исследования был настолько чужд всей интроспективной психологии, что использовался он крайне неумело.

По мере развития экспериментальных исследований, философские позиции Вюрцбургской школы изменились: махизм уступил место феноменологии Brentano и Husserl. Опыты показали, что у человека существуют такие формы познания, которые находятся в ином отношении к объектам, нежели ощущения и восприятия, что у человека может быть знание сущности предметов, не облеченное в чувственно-наглядную форму. В опытах обнаружилось также, что у людей существуют своеобразные переживания действий, совершаемых в уме. Требовалось новое философское осмысливание полученных результатов. Такое осмысливание вюрцбургцы нашли в философии Э. Гуссерля.

Гуссерлианская феноменология была удобна тем, что допускала новое истолкование фактов, не выходящее, однако, за пределы психологии сознания, и в то же время эта новая философия не была чем-то принципиально отличным от позитивизма Маха. Это открыто признавал и Гуссерль. Если позитивизм, писал он, утверждает, что все науки должны основываться на абсолютно свободном от всяких предубеждений, конструкций, теорий непосредственно данному, «позитивном», «...тогда мы являемся истинными позитивистами» [9, с. 46].

Гуссерль считал собственную систему взглядов близкой как позитивизму Юма, так и позитивизму Маха. Хотя он и подвергал критике махистский «принцип экономии мышления», но, тем не менее, неоднократно указывал, что именно Мах своим «анализом ощущений» подготовил путь феноменологическому методу. Различие же между «новым позитивизмом» и точкой зрения Гуссерля заключалось в следующем. Согласно Маху, «непосредственно данным» являются лишь ощущения, т. е. чувственные элементы сознания. Гуссерль же утверждает, что «феноменами» сознания являются и сущности вещей, что путем феноменологического анализа сферы чистого опыта только и возможно постичь суть предметов. В этом положении вюрцбургцы нашли выход для своих поисков определяющей характеристики мышления. Вначале оно было охарактеризовано в Вюрцбургской лаборатории как совокупность особых состояний сознания, лишенных чувственно-наглядного содержания. Затем появилось определение мышления как «знания». И лишь в последней обобщающей работе Кюльпе, написанной под явным

влиянием Гуссерля, было выдвинуто положение о том, что мышление по-иному относится к объектам, нежели ощущения и восприятия, что мышление есть познание сущности предметов, а не только их внешних качеств.

Проблема безобразной мысли

Исследования Вюрцбургской школы были направлены, во-первых, на поиск особых элементов мышления, их определение и классификацию и, во-вторых, на изучение динамики мышления, его детерминации.

Поиск особых «элементов» мышления был обусловлен всем теоретическим контекстом, в котором начала формироваться Вюрцбургская школа. Психология того времени одну из своих главных задач видела в выявлении основных единиц психики. Такое стремление к выделению элементарных аналитических единиц наблюдалось во всех областях науки. В физике и химии господствовало понятие атома и элемента. В биологии была открыта элементарная единица — клетка. Строя свои системы по типу других более развитых наук, Вундт и Титченер основными единицами психики считали ощущения, образы (представления) и чувства. Опыты представителей Вюрцбургской школы обнаружили невозможность уложить все богатство психической жизни человека в эту метафизическую схему независимых друг от друга статических единиц. Оказалось, что человек осознает отношения и взаимосвязи между окружающими его предметами, экспериментальными действиями и собственными мыслями. Истолковывая эти данные с позиций психологии сознания, представители Вюрцбургской школы по существу все виды отношения свели к отношениям между мыслями и психическими состояниями, объявив «переживания отношений» основными элементами мышления, лишенными чувственно-наглядного характера.

Отправным пунктом в формировании теории Вюрцбургской школы явилось «качественное исследование ассоциаций» А. Майером и И. Ортом. Они пришли к заключению, что в психике человека существуют особые элементы, лишенные всякого сенсорного содержания, но, тем не менее, переживаемые вполне отчетливо. «Все эти явления,— пишут авторы,— несмотря на их часто совершенно разное качество, мы объединяем вместе под названием состояний сознания» [12, с. 6]. В этом исследовании состояния сознания рассматриваются лишь как новые элементы психической жизни вообще, и вопрос о мышлении еще не ставится.

Указания на переживание подобных состояний сознания содержатся также в труде К Марбе, посвященном исследованию психологической природы суждения [11]. В группу состояний сознания Марбе отнес переживания сомнения, неуверенности, ожидания, удивления, согласия, узнавания, а также чувства напряжения и расслабления, описанные еще Вундтом.

Принципиальный шаг к сближению этих «состояний сознания» с мышлением сделал Ах, выделив из их недифференцированной массы обширную группу не наглядных переживаний, охарактеризованных им как знание. Это знание относилось не к единичному предмету, но к сложным отношениям, существующим в экспериментальной ситуации. В него входили инструкции, отношения последовательности между раздражением и ответом и т. д. Для обозначения таких не наглядно данных знаний Ах ввел новый термин «Bewusstheit», который можно перевести как «знаемость» или «осознание». «Мы обозначаем, — пишет он, — это присутствие не наглядно данного знания как «знаемость» [2, с. 210]. Иногда эта знаемость сопровождается наглядными представлениями или отрывочной внутренней речью. Ах, однако, отрицает, что ощущения, представления или речь имеют существенное значение для не наглядных знаний.

Анализируя понимание испытуемыми различных текстов, Ах указывает, что сложный и абстрактный текст легко понимается, хотя у читателя возникает при этом небольшое количество наглядных представлений. Эти данные Ах пытается объяснить тем, что словесные раздражения благодаря возбуждению репродуктивных тенденций приводят в состояние готовности определенный круг представлений, которые ассоциативно связаны с действующими раздражениями. Такое состояние переживается как понимание значения или смысла прочитанного. Физиологической основой этого процесса Ах считает возникновение возбуждения «в проводящих путях коры головного мозга». Чем сильнее степень возбуждения репродуктивных тенденций, тем ярче возникает переживание знаемости. Если возбуждение идет к центрам органов чувств, человек начинает феноменологически характеризовать свои переживания как представления. «Мы обозначаем поэтому знаемость, — заключает Ах, — как растущую функцию таких состояний возбуждения репродуктивных тенденций» [2, с. 219].

Так же понимает не наглядно переживаемое знание и Мессер, который давал своим испытуемым гораздо более сложные интеллектуальные задания, нежели Ах. В своих отчетах испытуемые сообщали, что очень часто они понимают фразы и значения слов без каких-либо представлений. Мессер на этом основании сделал вывод о су-

ществовании у человека неформулированной мысли, которая якобы не нуждается ни в образах, ни в словах. Такая мысль, по его мнению, занимает промежуточное место между совершенно несознаваемыми и более или менее полными, развернутыми, выраженными в словеснообразной форме и осознаваемыми мыслями.

Мессер, может быть, более чем другие представители Вюрцбургской школы, раскрывает содержание мыслей как переживание различных отношений. Он выделяет сознание пространственных и временных отношений, причинных связей и отношений соответствия. Кроме того, в особые группы им выделяются сознание логических отношений, сознание отношений между объектом и субъектом и ряд других. Все эти переживания Мессер считает не наглядными элементами психической жизни. Сохраняя за ними характеристику знания, Мессер первым из представителей Вюрцбургской школы предлагает называть их не «состояниями сознания», а мыслями (Gedanken). «Полезный предварительный собирательный термин «состояние сознания» сделал свое дело, — пишет он, — и нам кажется целесообразным заменить его выражением «мысли» [13, с. 188]. Вводя этот термин, Мессер основную характеристику мыслей видит в отсутствии у них чувственно-наглядного содержания.

Положение Мессера о безобразных мыслях как основных элементах мышления человека стало основой работы Бюлера, первая часть которой уже носит название «О мыслях» [5]. Экспериментальный материал Бюлера состоял из цикла фраз тина афоризмов и парадоксов. Бюлер более четко, нежели Мессер и Ах, отделил мысли как не наглядные знания от таких состояний сознания, как сомнение, удивление, неуверенность и т.п. Он поддерживает и дальше развивает положения Мессера о «мыслях» как основных носителях мышления, отрицая связь с мышлением представлений. «То, что так фрагментарно, спорадически, совершенно случайно выступает как представления в наших переживаниях мышления, — пишет он, — не может быть принято за носителя прочно связанного и непрерывного содержания мышления... только мысли могут рассматриваться в качестве существенных элементов наших переживаний мышления» [5, с. 317]. Бюлер специально оговаривает, что и речь в любой ее форме не является необходимым условием мышления. «Мы должны еще раз особенно подчеркнуть, — пишет он, — что и внутренняя речь, т. е. оптические, акустические или моторные представления слов, вовсе не могут рассматриваться как необходимые сопутствующие явления в остальном не наглядных мыслей» [5, с. 319]. В отличие от Аха и Мессера, которые рассматривают не наглядное знание как этап в развитии мысли, Бюлер считает, что истинное, глубокое, постига-

ющее мышление всегда совершается без образов и слов. Появление же внутренней речи, по его мнению, есть признак «ухудшения» мысли, отмечающийся в проблемных для испытуемого ситуациях, когда задерживается правильный ответ. «Насколько я могу судить по собственному самонаблюдению, — пишет Бюлер, — внутренняя речь выступает главным образом тогда, когда человек ставит себе задачу, предлагает вопросы или когда стремится фиксировать или привести в порядок мысли с тем, чтобы выразить их для себя или другого. С этим согласуются и результаты протоколов, которые говорят о внутренней речи в первую очередь тогда, когда испытуемый не подготовлен к задаче в том виде, как она поставлена, когда он должен переформулировать ее для себя или разбить ее на части» [5, с. 321].

Это положение Бюлера уже включает в себе то противопоставление проб и ошибок внезапным разумным решениям, которое стало столь характерным для гештальтистской теории мышления. По мнению Бюлера, процесс переформулировки и анализа задачи — это более низкая форма мышления, протекающая в речевой форме и принципиально отличающаяся от истинного нечувственного мышления. Сходство этого и ряда других положений Бюлера с гештальт-психологией не случайно. Его взгляды развивались в направлении именно этой психологической школы. Ее ревностным адептом Бюлер и стал в конце концов [6].

Пытаясь дать классификацию «мыслей», Бюлер приходит к заключению о существовании трех их типов. Первый тип он называет «сознанием правила». К следующему типу мыслей относится «сознание отношений» между идеями и понятиями, содержащимися в предъявленных фразах. В качестве третьей формы мыслей Бюлер выделяет интенции, определяя их как «комплексные воспоминания» [5, с. 349].

Подводя итог проведенных исследований, руководитель Вюрцбургской лаборатории Кюльпе считает доказанным «существование такого содержания сознания, которое не зависит от наглядности, т. е. наличность у нас мыслей в узком смысле слова» [1, с. 52]. Пытаясь осмыслить полученные результаты с позиций гуссерлианства, к числу не наглядных элементов он добавляет еще осознание некоторых операций умственной деятельности человека, «актов» его мышления. «К числу явлений, чувственно несозерцаемых, — пишет он, — относится не только то, что мы сознаем, мыслим или то, о чем думаем, с их свойствами и отношениями, но также самая сущность актов суждения и многообразное проявление нашей деятельности, функции нашего активного отношения к данному содержанию сознания, именно группировка и определение, признание или отрицание» [1, с. 58].

Итак, в ходе исследований у представителей Вюрцбургской школы происходило постепенное изменение содержания понятия «элементов мышления». Вначале преобладала его малосодержательная, скорее отрицательная характеристика — не наглядных переживаний человека. Затем в определение стали входить другие черты элементов мысли — более содержательные, относящиеся к «предметному» их содержанию. Но в соответствии с более или менее последовательными гуссерлианскими позициями под «предметным» содержанием вюрцбургцы понимают и идеальное и объективную действительность. Поэтому переживание отношений между мыслями у них уравнивается с переживанием пространственных и временных отношений между физическими объектами и экспериментальной ситуацией.

По мнению Кюльпе, мышление есть особый познавательный процесс, дающий человеку знание о вещах в себе, как они существуют независимо от восприятия. В представлениях же и в восприятии, по словам Кюльпе, объект всегда видоизменяется. Представление звука органа, поясняет Кюльпе, является качественным преобразованием раздражения, заключающегося в колебаниях определенного тела и воздуха вокруг него. Мышление же позволяет схватить сущность раздражителя, как он существует «в себе», перепрыгнуть, так сказать, через искажающую завесу восприятий и представлений. «Мышление, по-видимому, — заключает Кюльпе, — способно воспринимать первое (колебания воздуха — Л. А.), а равно и второе (представление звука. — Л. А.) одинаково хорошо, не подвергая изменению самый объект. Звук органа остается звуком органа и при том условии, если я лишь мыслю о нем; колебание воздуха, если направить на него мышление, доступно пониманию совершенно одинаково с тем, как это физическое явление описывается в физике» [1, с. 69].

Теоретической основой рассуждений Кюльпе о мышлении является предположение, что существует мир «оголенных сущностей», вещей в себе, которые и являются объектом мышления. Эти «сущности» лишь внешним образом соединены с «явлениями», которые даны человеку в восприятиях и представлениях, они — лишь обманчивая видимость предмета, искажение его природы. Такое положение уже было заложено в первых работах Вюрцбургской школы, лишивших «элементы мышления» всякой связи с ощущением и восприятием. Кюльпе лишь заострил этот тезис, объявив восприятия и представления стеной между человеком и миром сущностей, через которую проникает мышление.

Делая выводы о том, что мышление не связано ни с речью, ни с чувственным познанием, вюрцбургцы ссылаются на результаты своих экспериментов. Но эти результаты являются лишь артефакта-

ми — следствиями неадекватного метода исследования мышления. Путем интроспекции действительно невозможно уловить чувственную основу мышления¹.

Положение Вюрцбургской школы относительно существования безобразной мысли привлекло большое внимание психологов. Проблема не наглядных элементов психики была на протяжении ряда лет предметом острой дискуссии между представителями различных психологических направлений. Эта дискуссия сыграла важную роль в развитии психологии, ибо в ходе ее с полной очевидностью обнаружилась полная несостоятельность интроспективного метода исследования психики. Дискуссия не привела и не могла привести к победе, ни противников, ни сторонников Вюрцбургской школы, ибо обе стороны пользовались одним и тем же негодным оружием — интроспективным методом. Вскоре после начала работ Вюрцбургской школы к аналогичным выводам пришли еще два крупных психолога, причем эти заключения были сделаны ими независимо от вюрцбуржцев. Одним из психологов был французский ученый Альфред Бине, другим — американец Роберт Вудвортс.

В результате экспериментального изучения интроспективным методом мышления детей (13 и 14 лет), афатиков и имбецилов Бине пришел к выводу о существовании мыслей без образов и слов. Именно он и назвал «мыслями» эти особые переживания, во время которых испытуемые не могли осознать ни их словесного оформления, ни образного сопровождения. Впервые положение о существовании «мыслей» как безобразных элементов психики было высказано Бине еще в 1903 г. [4]. Мессер, вводя термин «Gedanken», вытеснивший вскоре выражение *Bewusstheit*, прямо ссылается на Бине. В выводах последнего, однако, ничего не говорится об отсутствии в процессе мышления мышечных ощущений, которым последующие психологи придавали важнейшую роль в осуществлении мыслительной деятельности. Представители же Вюрцбургской школы специально подчеркивают, что в случае «безобразной мысли» их испытуемые не могли осознать никаких следов мышечных ощущений.

¹ Для экспериментального установления связи мышления с речью понадобилось развитие электромиографической и электроэнцефалографической техники. С ее помощью в настоящее время установлено, что при какой-либо умственной работе с мышц языка можно записать электрические потенциалы. Изменения электрической активности происходят также в той части коры больших полушарий головного мозга, куда поступают обычно раздражения с мышц языка и гортани. Эти факты убедительно доказывают, что мышление человека имеет речевую природу.

Положение о наличии у человека безобразной мысли высказал также Вудвортс в своих статьях «Причина произвольного движения» и «Безобразная мысль», написанных в 1906 г. Он утверждает, что «образность является лишь одеждой мысли и что обнаженная мысль полностью способна делать свою работу» [15, с. 73]. Главным содержанием безобразной мысли Вудвортс считал различные отношения. В отличие от Вюрцбургской школы он, однако, признает существование отношений в окружающем человека мире. Сознание этих отношений возникает у человека в результате необходимости приспособить к ним свое поведение.

В то же время антисенсуалистическая теория безобразной мысли вызвала резкую критику многих психологов, придерживавшихся деления психики на образы, ощущения, чувства и акты воли. Как и следовало ожидать, одним из первых против теории Вюрцбургской школы выступил Вильгельм Вундт [16, с. 301]. Основной огонь его критики был направлен против методики проведения экспериментов в Вюрцбургской лаборатории, не удовлетворявшей, по мнению Вундта, требованиям, предъявляемым к научной постановке эксперимента.

К критическим замечаниям Вундта присоединился Титченер. В лаборатории Титченера был произведен ряд экспериментов, основным методом которых была, разумеется, интроспекция. В одном из опытов [14, с. 530] исследовалось состояние сознания, называемое ожиданием. Методика состояла в предъявлении последовательно ряда раздражителей. Сообщая о своих переживаниях, испытуемые говорили об ожидании появления стимулов. Так же, как участники опытов Вюрцбургской школы, испытуемые Корнельской лаборатории отмечали лишь эпизодическое появление наглядных образов. Но в отличие от первых, все они без исключения указывали на ощущения напряжения мышц, задержку дыхания, «установку» органов чувств в период ожидания. На основе этих данных самонаблюдения экспериментатор пришел к заключению, что сознание ожидания и есть кинестезические ощущения.

В другом опыте, выполненном Кларком [7, с. 214], испытуемые должны были понимать различные предложения и слова, после чего экспериментатор фиксировал их отчет о переживаниях во время опыта. В этом опыте большинство испытуемых также сообщало о вербальных, зрительных и кинестезических ощущениях и представлениях, исчерпывающих их переживания.

Таким образом, оказывалось, что интроспективные эксперименты каждый раз подтверждали теоретические позиции тех, кто их проводит. Экспериментаторы при этом не имели никаких средств

для контроля и объективной проверки результатов опытов — данных самонаблюдения. Предлагаемые некоторыми психологами критерии надежности результатов интроспекции оказывались совершенно ненадежными. Так случилось с предложенным Бюлером критерием «имманентной непротиворечивости ряда высказываний» [5, с. 306 и 307]. Если возможно, пишет он, из большого числа опытов над различным мыслительным материалом и с различными задачами вывести некоторые общие положения, то это может служить основанием для вывода о том, что эти положения до известной степени выражают действительное положение вещей. Оказалось, однако, что, пользуясь этим критерием, противники и сторонники Вюрцбургской школы приходили к прямо противоположным выводам: показания самонаблюдений оказывались непротиворечивыми лишь внутри каждого из борющихся направлений.

Оценивая причины различий в показаниях испытуемых, можно с большой долей вероятности отнести разницу за счет различного доэкспериментального обучения испытуемых в школе Вундта — Титченера и Вюрцбургской школе. Значимыми считались отчеты о самонаблюдении лишь тех испытуемых, которые до этого подвергались не менее чем 10 000 опытов. В экспериментах при этом участвовали, как правило, психологи, работавшие в данном направлении. Во время предварительных опытов у них вырабатывалось умение осознавать именно то, что отвечало их теоретическим взглядам. Такая избирательная установка или «задача» самими испытуемыми не осознавалась (это было убедительно показано в опытах Вюрцбургской школы), но определяла результаты экспериментов.

Противоречивость результатов и невозможность объективной проверки данных самонаблюдений вызвала разочарование психологов-экспериментаторов в интроспективном эксперименте. Наиболее широко спор развернулся накануне выступления Уотсона со своей бихевиристической платформой и, несомненно, подготовил почву для распространения поведенческих идей среди психологов.

Каково же значение Вюрцбургской теории безобразной мысли в общем развитии психологии мышления? Эта теория представляет собой попытку преодолеть господствовавшее в то время деление психических явлений на ощущения, образы, чувства и акты воли.

В круг метафизически понимаемых познавательных элементов психики, таких, как ощущения, восприятия и представления отдельных изолированных объектов» представители Вюрцбургской школы попытались, ввести новые элементы — осознание значений и отношений. Привлечение внимания психологов к факту переживания отношений является исторической заслугой Вюрцбургской шко-

лы. Ограничившись констатацией того, что переживания отношений лишены сенсорного характера, вюрцбургцы не поставили вопроса о том, откуда же берутся у человека такие переживания, толкуемые ими как знания. Впрочем, с позиций психологии сознания, отрывающей психику от деятельности человека и окружающего мира, ответ на этот вопрос может быть дан лишь в духе априоризма. Сами вюрцбургцы этого вывода не сделали, но несомненно, что он имплицитно содержится в их основных положениях.

Центральное положение Вюрцбургской школы о том, что абстрактно-логическое мышление качественно отлично от ощущений и восприятий и что у человека существует не наглядное, или безобразное, знание, следует признать правильным. Означает ли это признание существования у человека не наглядного знания? Да, несомненно, означает. Ведь никакое, даже самое общее, представление не может исчерпать содержание таких понятий, как «бытие», «сущность», «материя», «действительность» и сотни других, намного более простых, таких как «зверь», «животное» и т. д. Человек имеет знание о таких объектах, которые вообще невозможно представить (скорость света, например). Но признание существования не наглядного знания (не могущего, конечно, существовать без языка) отнюдь не означает, что оно не связано со своей чувственной основой. Не наглядное знание, понимаемое как абстрактное мышление, формируется лишь на основе чувственной ступени познания. Но это положение очень мало продвигает вперед трудную и до сих пор неразработанную проблему о предметном содержании абстрактных категорий мышления. Лишь решение этой проблемы позволило бы преодолеть ложную альтернативу, созданную противниками и сторонниками Вюрцбургской школы: либо признать, что все мышление состоит из связи представлений, и тем самым растворить его в чувственном познании, либо признать его специфику и тогда полностью оторвать от чувственных элементов. Обе постановки вопроса неприемлемы. Проблема в настоящее время может формулироваться лишь следующим образом: как конкретно связано абстрактное знание со своими чувственными корнями? В каком отношении оно находится к объективной действительности, какие свойства и отношения, какие стороны объектов оно отражает? Каково, иначе говоря, его предметное содержание? И, наконец, какова его структура? Разработка этой проблемы остается и поныне задачей философии и психологии. Постановка ее Вюрцбургской школой явилась вкладом в проблематику психологической науки.

Проблема «не наглядных элементов» мышления была первой проблемой, поставленной Вюрцбургской школой. Значительно позднее ее представителями был предпринят анализ детерминации мыслительной деятельности, направленный на доказательство того, что с позиций ассоциационизма невозможно объяснить процесс мышления, что кроме механизма ассоциаций существуют другие, не менее важные механизмы, обуславливающие упорядоченный и целенаправленный ход мышления.

Постановка проблемы механизмов процесса мышления и предложенное вюрцбургцами ее решение имеют особое значение для проблемы мышления в психологии. В этих исследованиях Вюрцбургской школы в первый раз в истории психологии была выделена специфика мышления как процесса решения задачи.

В результате постановки этой проблемы, в Вюрцбургской школе впервые в отчетливой форме была заложена основа для разделения умственной деятельности человека (как деятельности в уме) и собственно процесса его мышления. Возможно, что точнее этот шаг можно было бы выразить как выделение из широкого плана умственной деятельности более узкой сферы мыслительной деятельности как специфического процесса решения задачи. Характеристика мышления как не наглядного знания относилась к умственной деятельности вообще. Подчеркивание же роли задачи, вопроса в детерминации движения мыслительного процесса относилось к определению мышления как особой формы умственной деятельности — как процесса решения задач.

Впервые понятие задачи было выдвинуто Ваттом. В его работах исследуется вопрос о влиянии задачи на процесс мышления. Как можно судить по контексту его рассуждений, Ватт под «задачей» понимает превращение даваемых испытуемым инструкций в самоинструкции. Эти самоинструкции или задачи начинают функционировать в мышлении человека, определяя избирательный его характер. Последовательное движение мышления при этом выглядит следующим образом. Слово-раздражитель актуализирует ряд репродуктивных тенденций — нечто вроде операций памяти, имеющих в своей основе механизм ассоциаций. Эти репродуктивные тенденции вызывают появление в сознании человека большого количества слов, понятий и знаний, ассоциативно связанных в результате прошлого опыта со словом-раздражителем. Значительная часть этих актуализированных элементов сознания не имеет никакого отношения к выполнению полученной испытуемым в данной ситуации инструк-

ции. Необходим какой-то дополнительный механизм, избирательно действующий на воспроизведенные ассоциации. Его роль выполняет «задача», или самоинструкция испытуемого, в результате которой одни ассоциации усиливаются, а другие тормозятся.

Ватт обнаружил, что в начале эксперимента испытуемый несколько раз повторял задачу про себя, но затем это проговаривание исчезало, и задача вообще переставала осознаваться. Несмотря на это, Ватт приходит к заключению, что задача продолжает действовать и обуславливает появление правильных ответов, которые самим человеком переживаются как произвольные.

Характеристика мышления как процесса решения задачи уже используется Бюлером в качестве основы его исследований. Отказываясь дать сколько-нибудь полное определение мышления, Бюлер считает необходимым и достаточным для этого задать человеку вопрос, на который тот обязательно должен ответить. Вопрос вызывает возникновение в уме человека задачи, решение которой и составляет суть мышления. Но Бюлер отказывается исследовать, как он выражается, «диалектику мышления», ограничивая свою задачу поисками не наглядных элементов и их подробной характеристикой.

Из всех представителей Вюрцбургской школы лишь Ах попытался дать более детальный анализ механизмов мыслительной деятельности. Мало дифференцированное понятие «задачи» Ватта Ах разлагает на две части, вводя новые понятия «детерминирующих тенденций» и «представления цели». Особенно важно утверждение Аха о том, что человек не осознает собственной мыслительной деятельности, операций и механизмов своего мышления. Это утверждение объясняет, почему Ах в своих выводах вынужден отступить от общепринятого в Вюрцбургской школе приема простого «редактирования» высказываний испытуемых. Такой метод ничего не может дать при исследовании механизмов мышления. Однако вюрцбургцы не владеют иным методом анализа полученных данных. Поэтому работа Аха производит странное впечатление на современного психолога. Выводы о механизмах мышления в ней излагаются вне связи с огромным количеством приводимых до этого протоколов, содержащих ретроспективный отчет о данных самонаблюдения. Это обстоятельство побуждает некоторых современных психологов говорить о неряшливости некоторых работ вюрцбургской школы, о хаотичности изложения.

Хамфри посвящает специальный раздел «беспорядкам в изложении Аха». Он указывает, что вывод Аха о детерминирующих тенденциях как главном механизме мышления совершенно не подготовлен. В главе, носящей название «Детерминирующие тенденции. Осозна-

вание», содержится положение, что исследования, описанные в предыдущих параграфах, делают необходимым понятие детерминирующих тенденций. «Это утверждение, — пишет Хамфри, — неожиданно для читателя, потому что детерминирующие тенденции были упомянуты ранее лишь в одном месте и то почти случайно, в ходе высказывания о том, что действие воли не обязательно «должно быть дано как сознательный опыт... Фактически, следовательно, понятие детерминирующих тенденций не является необходимым для описания экспериментов» [8, с. 91]. Отмечая этот факт, Хамфри не вскрывает его причину, которая заключается в том, что Ах не мог непосредственно прочесть в отчетах самонаблюдения о механизмах мышления и вынужден был работать иным, непривычным методом, оставшимся за пределами изложения. Этот метод состоит в логическом конструировании, в результате сопоставления «раздражителей» и различных реакций испытуемого, некоторого механизма, опосредствующего воздействия на человека инструкций и демонстрируемых предметов.

Согласно теории Аха, механизм мышления представляется следующим образом. В результате полученной инструкции действовать определенным образом при появлении указанного раздражителя у человека образуется представление цели. От последнего исходят специфические влияния, называемые детерминирующими тенденциями. Ах точно не раскрывает, какую природу имеют эти тенденции, но некоторые его высказывания дают основание предполагать, что в своей основе они являются репродуктивными. Так, вводя понятие представления цели, Ах говорит о репродуктивных тенденциях, соответствующих значению, которое имеет представление цели. Об их своеобразии можно лишь строить предположения. Судя по контексту, наиболее вероятным может быть следующая гипотеза. Детерминирующие тенденции проистекают не непосредственно от образа цели, но от значения, которое имеет для испытуемого этот образ. Ведь для Аха, как и любого другого представителя Вюрцбургской школы, образы не являются элементами мышления. Непосредственно перед разъяснением действия детерминирующих тенденций, идущих от переживания цели, Ах указывает, что образы «есть знаки, наглядные символы осознания значения» [2, с. 222]. Таким образом, можно предполагать, что детерминирующие влияния идут от значения цели. Они направляются, по словам Аха, на представление того раздражителя, который должен появиться. Этот последний в теории Аха называется соотносящимся представлением. Детерминирующие тенденции, следовательно, приводят в связь два представления — представление цели и образ ожидаемого раздражителя. Эту

связь Ах характеризует следующим образом: «Формирование такого рода отношений между представлением цели и соотносящимся представлением мы называем намерением» [5, с. 224]. Человек, по мнению Аха, может иногда осознавать представление цели и намерение. Но по большей части они совсем не переживаются человеком. Детерминирующие же тенденции всегда действуют на уровне бессознательного. Давая заключительные определения детерминирующим тенденциям, Ах пишет: «Эти установки, действующие в неосознаваемом, исходящие от значения представления цели, направленные на приходящее соотносящееся представление, которые влекут за собой спонтанное появление детерминированного представления, мы обозначаем как детерминирующие тенденции» [5, с. 228].

Самым веским доказательством существования неосознаваемых детерминирующих тенденций Ах считает собственные опыты с испытуемыми в состоянии гипноза. Так, одному из загипнотизированных дается следующая инструкция: «Будут показаны две карточки с двумя цифрами. При предъявлении первой карточки вы должны назвать сумму чисел, после подачи второй — разность». После того как испытуемый проснулся, ему была показана карточка с числами $6/2$. Взглянув на них, испытуемый произнес «восемь». Карточка с цифрами $4/2$ вызвала у него ответ «два». На вопрос, почему он произнес слово «восемь», испытуемый ответил, что он испытывал настоятельную потребность сказать именно это слово.

Опираясь на подобного рода опыты, Ах пытается следующим образом разъяснить механизм действия детерминирующих тенденций. Появляющийся после инструкции раздражитель вызывает у человека ряд репродуктивных тенденций. Так, при демонстрации первой карточки по механизму репродуктивных тенденций могут актуализироваться ответы «три», «восемь», «четыре» и «двенадцать». Но в неосознаваемой человеком инструкции содержался приказ «складывать». Идущая отсюда детерминирующая тенденция усилила лишь одну репродуктивную тенденцию и оттеснила все остальные. Это взаимодействие детерминирующих и репродуктивных тенденций и обусловило ответ «восемь», произнесенный вслух.

Делая все эти выводы, Ах не прибегает к данным интроспективного отчета своих испытуемых. Вернее, он ссылается на них лишь для доказательства, что человек не осознает механизма своего мышления. Действительно, испытуемые, даже не находящиеся в состоянии гипноза, сообщают, что результат, соответствующий инструкции, сразу появляется у них в голове, без вспоминания правил и указаний. Наиболее важной формой проявления действия детерминирующих тенденций является, по мнению Аха, так называемая детерминиро-

ванная абстракция, т. е. отвлечение под влиянием задачи от одних сторон раздражителей, и восприятие, запоминание, осознание других.

Детерминирующие тенденции далее могут появляться в сфере эмоций, в иллюзиях восприятия, в особом структурировании восприятия. Говоря языком гештальт-психологии, зрительный раздражитель распадается на фигуру и фон, где фигурой становится та часть раздражителя, на которую направляются детерминирующие тенденции. В случае намерения складывать, цифры иногда воспринимаются как стоящие совсем рядом, при детерминации вычитать — сильно разведенными. Наконец, детерминирующая тенденция может проявляться в реакциях, причины которых сам испытуемый не осознает и отвечает, что ему почему-то захотелось сказать именно это слово или нажать кнопку таким-то пальцем. Таким образом, детерминирующие тенденции могут проявляться как в сфере восприятия, так и в сфере чисто моторных и словесных реакций.

Ах придает важнейшее значение детерминирующим тенденциям в осуществлении мыслительной деятельности. Именно они, по его мнению, придают мышлению целенаправленный характер, упорядочивают ход мысли. «Итак, мы видим, — заключает Ах, — что последствия, исходящие от детерминирующих тенденций, определяют упорядоченное и целенаправленное течение духовных явлений» [5, с. 196]. Механизм детерминирующих тенденций Ах противопоставляет механизму ассоциаций. По его мнению, если бы действовал лишь один последний механизм, то мышление человека представляло бы собой причудливые цепи представлений.

Несводимость детерминирующих тенденций к ассоциациям Ах пытается доказать тем, что эти тенденции обуславливают образование новых ассоциаций. Так, при выполнении инструкции реагировать определенным образом на предъявляемую карточку у испытуемого образуется ассоциация между этой реакцией и никогда ранее не воспринимавшейся карточкой. Другим примером могут служить опыты, в которых испытуемые должны были подбирать рифму или аллитерацию к появившимся на карточке слогам. Отвечая на слог «меф» другим слогом «леф» или на «бид» слогом «лид», испытуемые тем самым ассоциировали эти ранее не связанные друг с другом слоги.

Таким образом, вюрцбургская теория мышления постулирует существование двух основных механизмов мыслительной деятельности — ассоциаций и детерминирующих тенденций. Это положение означает, что по существу Вюрцбургской школе не удалось преодолеть ассоциативную доктрину умственной деятельности. Она лишь дополнила эту доктрину, введя новое понятие. Однако вюрцбургцам так и

не удалось доказать, чем же принципиально этот механизм отличается от механизма ассоциаций, от репродуктивных тенденций. Ватт и Ах нередко даже определяют детерминирующие тенденции как «наисильнейшие тенденции к репродукции», указывая тем самым лишь на количественное отличие этих последних от ассоциаций.

Несмотря, однако, на неясность содержания понятия детерминирующих тенденций, стремление представителей Вюрцбургской школы подчеркнуть исходящее из задачи влияние, регулирующее и контролирующее ход мышления, поставило перед психологами большую проблему механизмов детерминации умственной деятельности. Эксперименты этой школы указали на необходимость пересмотреть ассоциативную доктрину.

Этим, однако, не ограничивается значение работ Вюрцбургской школы для развития психологии мышления. Прежде всего, в психологию мышления прочно вошла данная этой школой в эмпирической форме характеристика мышления как процесса решения задач. Вюрцбургцы далее доказали, что недостаточно вопроса или задачи для функционирования мышления, для этого необходимо намерение ее решить. Подчеркивание этого мотивационного аспекта мыслительной деятельности шло в общем русле постепенного формирования с начала XX в. в психологии проблемы мотивации, до сих пор вытеснявшейся изучением простых познавательных процессов.

Большая проблема перед психологами возникла в связи с положением о мышлении как направленном и избирательном: процессе. Проблема направленности с этих пор неизменно фигурирует вплоть до нашего времени в различных работах по психологии мышления. Ее поднимает с позиций гештальт-психологии Майер, над ней работают современные бихевиористы.

Содержание работ Вюрцбургской школы позволяет поставить еще два вопроса. Первый из них был уже обозначен как вопрос о не наглядном знании у человека. С позиций современной научной психологии его следует формулировать как вопрос о чувственных корнях и предметном содержании абстрактного мышления. Постановка второго вопроса диктуется общей оценкой исследований Вюрцбургской школы. Хотя задача работ определялась как изучение сущности мышления человека, в действительности эксперименты содержали материалы, показывающие, как человек осознает и вербализирует ход своего мышления. С этой точки зрения второй вопрос мог бы быть поставлен так: как открытые объективным путем закономерности умственной деятельности проявляются в сфере осознания человека. Приведем в качестве примера факты, конкретизирующие поставленную проблему.

Некоторые исследователи Вюрцбургской школы, особенно Мессер, показали, что при задании подыскать к данному понятию соподчиненное, испытуемые сообщали, что сначала им в голову приходило общее понятие, в которое входило понятие-раздражитель, и лишь потом они могли назвать другое понятие, соподчиненное вместе с первым более общему понятию. Значительный материал по этому вопросу содержится в работе Мессера [13, с. 188]. Нельзя не сопоставить эти данные с результатами исследования обобщающей функции слова при помощи условнорефлекторной методики. Эти исследования показали, что между различными видовыми понятиями не существует прямых временных связей, но каждое из видовых понятий прочно связано с родовым. Отсюда становится логичным предположение, что переход от одного видового понятия к другому совершается через родовое понятие. Именно этот факт и нашел свое отражение в отчетах вюрцбургцев.

Разумеется, речь идет отнюдь не о том, что результаты исследований Вюрцбургской школы должны пересматриваться или заново анализироваться в аспекте проблемы осознания человеком своей умственной деятельности. Но эта проблема может быть поставлена в настоящее время, так как уже накоплено много сведений о закономерностях мыслительной деятельности человека.

Наконец, результаты экспериментов представителей Вюрцбургской школы и их выводы о существовании неосознаваемых детерминирующих тенденций, проявляющихся в различных реакциях, объективно оказались направленными против интроспективного понимания сознания. Действительно, интроспекционизм непременно предполагает отождествление сущности всякого психического процесса с проявлением ее в самонаблюдении. Предполагается, иначе говоря, что в интроспекции сущность и явления психики совпадают, что явления сознания в самонаблюдениях исчерпывают его сущность. Работы же Ватта и Аха показали, что одна из наиболее существенных характеристик умственной деятельности вообще не выявляется в самонаблюдении и может изучаться лишь опосредствованным путем. В экспериментах далее обнаружилось, что эта характеристика упорядоченности, целенаправленности и т. д. имеет множество проявлений в зависимости от конкретных условий умственной деятельности.

Несовместимость полученных результатов с исходными интроспективными позициями была осознана и некоторыми представителями Вюрцбургской школы, подвергнувшими пересмотру эти позиции. Особенно показательной в этом отношении явилась эволюция взглядов Аха. В своем труде «Об образовании понятий» [3] Ах раз-

вивает идеи о необходимости генетического подхода к изучению мышления. Эти идеи Ах попытался осуществить, разработав для изучения образования понятий методику предъявления испытуемым ряда сходных фигур и регистрации реакций на них испытуемых. По этим реакциям Ах пытался заключить о процессах, составляющих механизм образования понятий. Тем самым Ах предпринял шаги к созданию объективной методики изучения определенной стороны мышления. Он, таким образом, отказался от интроспекционистского отождествления сущности всякого психического процесса с его проявлением в самонаблюдении. Так, постепенно практика экспериментальной работы, подрывая позитивизм интроспективной психологии, вызвала значительные сдвиги методологических позиций некоторых радикальных ее представителей.

Литература

1. Кюльпе О. Современная психология мышления. // Новые идеи в философии, сб. 16 «Психология мышления». СПб., 1914.
2. Ach N. Über die Willenstätigkeit und das Denken. Göttingen, 1905.
3. Ach N. Über die Begriffsbildung. Bamberg, 1921.
4. Binet A. L'étude expérimentale de l'Intelligence. Paris, 1903.
5. Bühler K. Tatsachen und Probleme zu einer Psychologie der Denkvorgänge // Archiv für die gesamte Psychologie, 1907, Bd. 9.
6. Bühler K. Das Gestaltprinzip im Leben des Menschen und der Tiere // Enzyklopädie der Psychologie in Einzeldarstellungen. Bern, 1960, Bd. 5.
7. Clarke H. M. // American Journal of Psychology. 1911, vol. 22, p. 214.
8. Humphrey G. Thinking. An introduction to its experimental psychology. London, 1951.
9. Husserl E. Ideen zu einer reinen Phänomenologie und phänomenologische Philosophie, vol. 1, 1950.
10. Külpe J. Grundriss der Psychologie. Berlin, 1893.
11. Marbe K. Experimentell-psychologische Untersuchungen über das Urteil: Eine Einleitung in die Logik. Leipzig, 1901.
12. Mayer A. und Îáth J. Zur qualitativen Untersuchung der Associationen // Zeitschrift für die Psychologies. Bd. 26, 1901.
13. Messer A. Experimentell-psychologische Untersuchungen über das Denken // Archiv für die gesamte Psychologies, 1906, Bd. 8.
14. Póle W. H. // American Journal of Psychology, 1909, vol. 20, p. 530.
15. Woodworth R. S. Imageless thought // Psychological issues. Selected papers of Robert S. Woodworth. New York, 1939.
16. Wundt W. Über Ausfrageexperimente und über die Methoden zur Psychologie des Denkens // Psychologische Studien, 1907, Bd. III, H. 4.

23

ТЕОРИЯ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫХ ОПЕРАЦИЙ ОТТО ЗЕЛЬЦА

ГЛАВА

Теория Отто Зельца начала складываться в новый период развития психологической мысли, когда психология сознания стала сменяться психологией поведения. Значительные видоизменения претерпела также и психология сознания. Реакция против «атомистической» ассоциативной психологии с позиций целостности воплотилась в создание гештальт-психологии. Такой научно-теоретический контекст объясняет, почему уже первая работа Зельца, вышедшая в 1913 г., т. е. всего через три-четыре года после опубликования основного цикла работ Вюрцбургской школы, значительно отличается от теоретических установок этой школы. В этой и последующих работах Зельц принимает идею целостности психических явлений, но он отвергает развитие этой идеи в рамках гештальт-психологии. С его точки зрения, синтетические целостности действительно характерны для мышления. Они, однако, не даны изначально, а подготавливаются интеллектуальной деятельностью человека, являясь результатом мыслительной переработки материала предлагаемых человеку задач.

В теории Зельца, как и в гештальт-психологии, понятие отношений — одно из центральных. Однако в отличие от представителей гештальт-психологии, Зельц подчеркивает объективное существование предметных отношений, которые человек может лишь абстрагировать из комплекса раздражений. С точки зрения Зельца, вопрос о характеристике предметных отношений не является психологическим, поскольку они существуют в мире физических объектов, су-

ществуют «не через соотносящий акт сознающего субъекта, но совершенно независимо от того, замечает ли их какой-нибудь субъект» [4, с. 132]. Зельц согласен с тем, что могут быть и идеальные отношения, но они непременно основаны на природе объективно данного. Этот выход за пределы психологии сознания является характерной чертой теории мышления Зельца. Определение мышления как функционирования интеллектуальных операций, попытки соотносить строение моторных и интеллектуальных действий, рефлекторная характеристика связи условий задачи с операциями — все это свидетельствует о влиянии бихевиоризма. Но сознание остается для Зельца основной областью психологии. Вместе с тем он далек от мысли, что человек может осознавать все процессы своей мыслительной деятельности и сообщать о них в интроспективном отчете. Поэтому анализ Зельцем ретроспективных отчетов иной, нежели анализ представителями Вюрцбургской школы.

Организация эксперимента у Зельца принципиально не отличается от опытов Вюрцбургской школы. Но, продолжая тенденцию, выявившуюся в позднейших работах Аха и Бюлера, Зельц не ограничивается «редактированием» полученных высказываний, а пытается их анализировать с точки зрения своей теории интеллектуальных операций. Отход от чисто интроспективного понимания и исследования мышления Зельц считает своей принципиальной позицией и выдвигает «двойное методологическое требование — дополнить описательный (феноменологический) анализ 1) генетическим анализом и 2) функциональным анализом...» [5, с. 272].

Генетический анализ реализуется Зельцем в попытках вскрыть, как происходит формирование того или иного результата мыслительной деятельности. Функциональный подход заключается в стремлении показать роль (функцию) каждого этапа интеллектуальной деятельности в детерминации последующих стадий и этапов.

Впервые в истории психологии мышления теория Зельца резко разделяет содержание умственной деятельности и собственно мыслительные операции. Основное внимание он уделяет анализу мыслительной деятельности человека. С этой точки зрения теорию мышления Зельца можно было бы назвать теорией интеллектуальных операций. Происходящие же в ходе мышления изменения того материала, над которым совершается умственная деятельность, выступают в работах Зельца лишь как фон для изучения операции. В этом отношении теория Зельца является антитезой психологии мышления гештальтистов.

Рассматривая мышление как познавательную деятельность, Зельц в качестве основных элементов выделяет именно интеллекту-

альные, или мыслительные, операции. Вопрос же о не наглядных элементах мышления, имеющий центральное значение в исследованиях Вюрцбургской школы, занимает в работах Зельца второстепенное место.

Разработка вопроса о механизмах мыслительной деятельности, о составе и связи интеллектуальных операций является для Зельца тем фундаментом, на котором он пытается построить свою теорию продуктивного, или творческого, мышления. Зельц стремился преодолеть резкое, до предела заостренное противопоставление продуктивного и репродуктивного мышления гештальтистами, которые вообще исключили репродуктивные элементы из мышления, характеризуя его как приспособление к новым условиям без использования прошлого опыта. В противоположность этому, Зельц говорит не о репродуктивном и продуктивном мышлении, но о репродуктивных и продуктивных моментах в единой мыслительной деятельности.

Процессы репродукции, с его точки зрения, не являются пассивными, ассоциативными; они относятся к интеллектуальным операциям, которые не навязываются произвольно субъекту, но, напротив, активно им выполняются и нередко являются довольно сложными по своему составу. Репродуктивные процессы непременно включают и элементы продуктивности: в жизни человеку очень редко приходится решать совершенно тождественные задачи. Поэтому при наличии задачи человек должен вспомнить какую-либо сходную. А для этого сначала необходимо «абстрагировать», как выражается Зельц, общую характеристику данной задачи и затем лишь, варьируя остальные части задачи, найти сходную с ней, решавшуюся раньше. Хотя человек может хорошо владеть операцией сравнения, тем не менее, в результате этого актуализированного интеллектуального действия он приходит к установлению нового, неизвестного ему раньше отношения — отношения сходства между двумя данными задачами.

В свою очередь продуктивная сторона мышления непременно включает репродуктивные процессы. «Мы снова находим, — пишет Зельц, — те же интеллектуальные операции, которые образуют репродуктивное течение мысли, в качестве частичных процессов продуктивного мышления» [5, с. VII]. По мнению Зельца, продуктивность в своей значительной части вытекает из применения уже известных операций и методов решения к новому материалу и связана с установлением новых связей, новых систем из известных интеллектуальных операций.

В качестве основной и решающей фазы процесса решения задач Зельц выделяет самую первую его стадию: образование испытуемым из ряда «раздражений», данных экспериментатором, собственно задачи, «общей задачи», по выражению Зельца. Когда экспериментатор называет предлагаемый им комплекс раздражений задачей, это еще не означает, что этот комплекс становится задачей и для испытуемого. Этот последний должен подвергнуть интеллектуальной обработке данный материал. Основным содержанием такой обработки является вычленение «предметных отношений» между частями имеющегося материала, установление их взаимозависимостей. Весь процесс носит не репродуктивный, но продуктивный характер. В конце концов, он приводит к образованию проблемного комплекса, в котором вычленены характеристики известного, определено место неизвестного, искомого и выявлены отношения между данным и искомым.

Обычно вюрцбургцы и их последователи под «задачей» понимали вопрос или требование, содержащиеся в предлагавшихся испытуемым заданиях («Сцена. Найдите родовое понятие»). Далее предполагалось, что эта задача должна обусловить выбор одной из ряда связанных со словом-раздражителем ассоциаций. Зельц считает такое понимание задачи не выходящим за рамки ассоциативной теории. С его точки зрения, требование задания является задачей лишь в узком смысле этого слова. Для осуществления же решения необходимо, чтобы требование задания и слово-раздражитель образовали «общую задачу» и стали частями единого проблемного комплекса, образование которого из частей задания предполагает установление отношений между ними. Это подчеркивание отношений внутри комплекса отличает теорию Зельца от теории констелляций. В этой последней, строящейся на ассоциативных позициях, все внимание уделялось лишь роли компонентов, которые были внешними по отношению друг к другу.

Теория констелляций предполагала, что каждое слово или предмет вызывает у человека ряд ассоциаций — безотносительно к тому, имеется ли при этом какая-либо задача или нет. Эта последняя могла лишь усиливать некоторые из ассоциаций, как нечто внешнее по отношению к ним. С позиций же теории Зельца те или иные могущие называться ассоциациями реакции вызываются совместным действием задания и слова-раздражителя. Различие двух теорий особенно наглядно проявляется в разном толковании ими случаев ошибочных решений. Различные ассоциативные теории объясняют по-

явление ошибочных реакций существованием идущих от слов-раздражителей репродуктивных тенденций. Если среди этих последних очень сильны те, которые противоречат содержанию задания, то они побеждают идущие от задачи детерминирующие тенденции и навязываются решающему как неверные решения. В отличие от этого теория Зельца причиной ошибок считает неполное или частичное воздействие задачи. Иначе это положение можно выразить так, что человек решает не ту задачу, которая в действительности ему предложена. Так, получив задание (найти к данному понятию родовое понятие) человек видоизменяет это задание. Он начинает искать нечто большее, более общее, не определяя это последнее как логически охватывающее. Поэтому на слово-раздражитель «звезда» испытуемый реагирует словами «небо» или «астрономия». Зельц подчеркивает, что правильная реакция может возникнуть лишь в результате полной действительности всех составных частей проблемного комплекса во всей совокупности связывающих его отношений.

Понимание Зельцем взаимоотношения задания и раздражителей, к которым это задание должно быть применено, явилось шагом вперед в развитии теории мышления, так как он попытался преодолеть противопоставление ассоциативных и детерминирующих влияний, столь характерное для Вюрцбургской школы и по существу не выходящее за рамки механистического ассоциационизма. Согласно ассоциативной доктрине, слово-раздражитель, фигурирующее как часть проблемной ситуации, могло якобы без влияния всякой задачи вызывать у человека ряд ассоциаций, так же как образование ассоциаций с данным словом не требовало влияния задачи.

Опыты по запоминанию рядов слов показали, однако, что без намерения запомнить никакие ассоциации между словами не образуются. Намерение в этом случае может рассматриваться как задача, которую ставит себе человек. Отсюда следует, что без влияния задачи не могла осуществляться и репродукция ассоциаций. С этой точки зрения образование проблемного комплекса, или по терминологии Зельца, общей задачи, должно пониматься как продукт взаимодействия двух задач — одной, более широкой, связанной с репродукцией ряда ассоциаций, имеющих у слова-раздражителя, и другой, заключенной в требовании задания и конкретизирующей первую задачу. Таким образом, в теории Зельца содержится попытка построить неассоциативную теорию мышления. Но таковой ее можно считать лишь постольку, поскольку эта теория отвергает ассоциационистское толкование ассоциаций. Она, однако, не отрицает их возможные включения в психической жизни человека, подчеркивая лишь неразрывность ассоциаций и их движущих сил.

Анализируя далее структуру общей задачи, Зельц суть проблемности видит в незавершенности комплекса, образующего задачу. Проблемный комплекс он сравнивает с незаполненным бланком или схемой, в которой находится брешь. В зависимости от вида задачи, брешь, обозначающая искомое, может занимать место либо компонента комплекса, либо отношения между известными компонентами. В первом случае неизвестный компонент должен быть найден, исходя из свойств данного раздражителя и отношения между ним и искомым предметом. Во втором случае отношение можно воссоздать, опираясь на свойства и характеристики данных предметов. Оформление общей задачи как раз и состоит, по мысли Зельца, в образовании определенной схемы, в которой искомым предмет характеризуется через то место, которое он занимает в комплексе.

Это понятие схемы позволяет Зельцу ввести в теорию решения задач весьма важное понятие антиципации. Антиципируется то, что неизвестно в задаче, то, что ищется. Обычно, пишет Зельц, об отсутствующей части проблемного комплекса говорят как о неизвестной, неопределенной. Но если бы искомая часть была действительно совершенно неизвестна, она не могла бы быть найдена. Неизвестное получает косвенное определение через свои отношения к известным предметам, к непосредственно определенным в задаче частям комплекса. Процесс образования общей задачи как раз и состоит, по мысли Зельца, в выявлении отношений между известным и искомым и появлении благодаря этому схематической антиципации свойств искомого компонента проблемного комплекса. «В результате антиципации отношений искомой составной части предметного отношения к уже известным составным частям, — пишет Зельц, — в сознании цели психологически выполняется косвенное определение искомого предмета» [5, с. 371]. Обосновывая свое положение, Зельц пытается апеллировать к общим закономерностям раскрытия свойств предметов во всяком процессе познания. «Вообще, — пишет он, — свойством предметов является то, что они характеризуются, с одной стороны, через их свойства в узком смысле, а с другой — через их отношение к другим предметам» [5, с. 584]. Эти положения Зельца правильно вскрывают диалектику мыслительного процесса. Осознает это человек или не осознает, но он при решении задачи непременно пытается воссоздать некоторые свойства искомого через отношения его к уже известному. В ходе решения происходит дальнейшее выявление свойств известного и конкретизация их отношений к искомому.

Дальнейший анализ процесса решения задач образует наиболее интересную и важную часть теории Зельца. Развивая свои мысли в

постоянном противопоставлении их ассоциативной доктрине, Зельц подчеркивает, что образование общей задачи вовсе не влечет непосредственно, по механизму ассоциации, репродукцию различных имеющихся у человека знаний и представлений. С точки зрения Зельца задача вызывает у человека ряд интеллектуальных операций. Они в своей совокупности образуют не что иное, как методы или способы решения. «...Постановка цели, — пишет Зельц, — обыкновенно влечет непосредственно за собой не репродукцию реальных переживаний сознания, но актуализацию более или менее общих интеллектуальных операций, которые пригодны для осуществления определенной цели» [5, с. 79].

Каким же образом могут появляться операции, определяемые Зельцем как средства для достижения цели? Зельц различает несколько способов нахождения этих средств. Первый простейший способ представлен случаями, когда человек уже когда-то, хотя бы один раз, решал подобную задачу. При таких условиях задача непосредственно актуализирует уже имеющиеся у человека готовые способы решения. Механизм актуализации таков. Человек вычленяет в общей задаче предметные отношения, характеризующие специфику проблемного комплекса (отношение искомого целого к данной конкретной части, отношение соподчинения конкретного понятия другому и т. д.). Как уже говорилось, какие-то компоненты этих отношений неизвестны. Чтобы сделать предметные отношения полными, т. е. решить задачу, человек должен рассматривать их как результат определенной операции. Операция, таким образом, косвенно определяется через свой результат. Исходя из знания результата, человек антиципирует схему интеллектуальной операции.

Зельц подчеркивает, что хотя актуализация способов (средств) носит репродуктивный характер, она, тем не менее, может вести к появлению нового продукта: ведь уже известные операции могут применяться к новому материалу. В этом случае способ нахождения средств принимает принципиально иную форму — форму абстракции (репродуктивной) метода решения: актуализируется сходная задача, содержащая тождественные отношения, из этой задачи абстрагируется способ решения, который применяется к новой проблеме. Нетрудно видеть, что понимание продуктивности мышления Зельцем здесь не выходит за границы репродукции.

Может, однако, случиться, что человек встретился с задачами, которые он раньше никогда не решал. Анализируя такие случаи, Зельц формулирует одно из центральных положений своей теории. Оно гласит, что способы решения, интеллектуальные операции не внешне связаны с задачей, но вытекают непосредственно из струк-

туры общей задачи, абстрагируются из ее содержания [5, с. 164]. Эту обусловленность операций структурой задачи Зельц демонстрирует на примере простейшей задачи срисовывания многоугольника. Намерение срисовать вызовет, по словам Зельца, процесс абстракции, направленный на выяснение направления и величины одной стороны фигуры. В результате следующей за опытом моторной операции данный отрезок будет воспроизведен. Однако переход к следующей аналогичной операции будет опосредствован другой операцией — сравнением воспроизведенного отрезка с моделью. Констатация успешного выполнения служит сигналом для включения следующей операции — абстракции характеристик другого отрезка. Происходит, таким образом, постоянное возвращение к предметному содержанию задачи, определяющему своеобразие интеллектуальных и моторных операций. Произведенный анализ дает Зельцу основание оспаривать принцип ассоциативной связи между операцией и задачей, а также частными операциями внутри общей.

Понимая под ассоциациями чисто внешние, механические соединения между психическими явлениями, Зельц определяет связь между структурой задачи, общей операцией и частными действиями как мотивационную, но не ассоциативную. Как следует из всего контекста его рассуждений, под понятием мотивации Зельц понимает детерминированность операции не отдельной частью, но всем комплексом проблемных отношений и непременно — антиципацией результата этой операции, предвосхищением тех изменений, которые должны произойти в структуре задачи вследствие ее выполнения.

Поскольку введение каждой частной операции зависит от структуры задачи, постольку нет никакой необходимости, чтобы человек некогда уже производил операции в данной последовательности. Владая частными операциями, человек может составлять из них какие угодно новые цепи в зависимости от содержания задачи. Так возникает продуктивность мышления: новые соединения интеллектуальных операций и применение их, т. е. установление их внутренних отношений к ранее не связанным с ними задачам.

Характеристика неассоциативности распространяется Зельцем также на объединение (комбинацию) различных методов решения, связанных с задачами одного и того же типа. Очень часто можно наблюдать, что человек, не сумев решить задачу одним способом, переходит к другому, третьему. У очень неопытного этот переход совершается медленно, мучительно. У человека же, имеющего определенные интеллектуальные навыки, процесс переключения совершается легко и быстро. Но это не значит, доказывает Зельц, что дело

здесь заключается в образовании ассоциаций между методами. Условием, регулирующим переход от одного метода к другому, является осознание человеком сигнального значения удаи или неуспеха применяемого способа. Успех или неудача являются сигналами, как выражается Зельц, для переключения деятельности. Именно на таких сигнальных связях основаны образования ансамблей различных методов. В этих ансамблях быстрее всего актуализируются некоторые прямые методы решения. К ним, в частности, относятся попытки вспомнить нужное решение. При неудаче происходит актуализация более трудоемких методов «обходного пути». Вызываемые задачей интеллектуальные действия, ведущие к успешному решению задачи, принимают форму интеллектуальных операций и связываются с постановкой определенных целей. По словам Зельца, интеллектуальную операцию образуют «осознаваемые лишь частично, повторяемые общие процессы, которые присоединены (sind zugeordnet) к постановке цели» [5, с. 373]. Характеризуя эту связь различных типов задач и интеллектуальных операций, Зельц высказывает положение о рефлекторно-подобном способе их соединения. Понимая под рефлексом явление, которое в настоящее время обозначается термином «безусловный рефлекс», Зельц проводит следующее различие между рефлексом и связями операций с условиями задач: рефлекс — это филогенетически обусловленные соединения сенсорных раздражений с моторными реакциями. Они опосредствуются центральной нервной системой, не сопровождаясь явлениями сознания. Связи же второго рода образуются в ходе решения задач человеком и могут частично осознаваться. «Из-за родственности с рефлексом, — пишет Зельц, — можно обозначить описанные выше связи, которые охватывают соединение между раздражителями и интеллектуальными операциями, как рефлексии или рефлексивные (сходные с рефлексом) связи» [5, с. 570]. Это положение, однако, никоим образом не означает, что Зельц может рассматриваться как сторонник рефлекторной концепции мышления.

Сопоставление свойств интеллектуальных и моторных операций ведется Зельцем более в плане проведения аналогии, чем нахождения существенного сходства. У Зельца явно выступает тенденция переносить на условные рефлексии характерные черты интеллектуальных операций. Поэтому лишь в конце своего трудоемкого и досконального анализа интеллектуальных операций Зельц пытается применить свои выводы к явлению условного рефлексии — к связи раздражителя и моторной реакции.

Не только связи задачи и методов решения, но и связи различных методов друг с другом Зельц также определяет как рефлексив-

ные. Зельц формулирует общее правило о рефлексивной связи «обходных путей» с прямым путем [5, с. 588]. В то же время он решительно возражает против ассоциационистского толкования всех этих связей.

Уточняя взаимоотношение условий задачи и вызываемой ею цепью интеллектуальных операций, Зельц подчеркивает, что задача не играет роль лишь пускового механизма, вызывающего развертывание систем операций. Задача постоянно контролирует и направляет ход этих операций подобно тому, как срисовываемый многоугольник направляет деятельность срисовывания. Важнейшую часть этого детерминирующего влияния задачи составляет операция периодического возвращения к предметному содержанию задачи с целью более глубокого анализа и абстракции ее предметных отношений. Это периодическое обращение к условиям задачи подготавливается предшествующей интеллектуальной деятельностью решающего. Такая операция, поясняет Зельц, иногда обозначается как «обращение внимания» на новый аспект задачи или поиск другого значения слова-раздражителя. Все эти приемы необходимы для введения следующей операции взамен неудачной. Может, конечно, случиться, продолжает Зельц, что, несмотря на актуализацию всех известных методов и тщательный анализ содержания задачи, человек не может ее решить. Такие случаи характерны для научного творчества, для изобретательства. В этом случае начинает функционировать новая операция — наблюдение и оценка различных фактов по отношению к детерминирующей этот процесс цели. Эта операция и позволяет ученым замечать тысячи раз оставляемые без внимания привычные факты. Найденные путем анализа структуры задачи методы ее решения могут использоваться, пишет Зельц, при решении других задач, имеющих сходное строение. Одна из сторон продуктивного мышления как раз и состоит в применении уже имеющихся средств к новому материалу. Например, физик производит измерение самых различных макрообъектов. Однако для этой цели он нередко использует одни и те же приборы. Это не мешает ему делать открытия и приходиться к новым выводам [3].

Вот один из примеров (запротоколированных Зельцем) применения в новых условиях найденного метода решения. Испытуемому была предложена задача «Найти целое, в которое входит как часть венков». Решение ее вызвало затруднение. Наконец испытуемый прибег к такому приему: он представил себе ряд разных венков и попытался включить их в какую-либо целостную картину, частями которой также были бы цветы и растения. В результате испытуемый назвал выставку изделий из цветов. Через пять опытов этому же че-

ловеку пришлось решать задачу «Найти целое, в которое входит как часть лампочка». В первый момент эта задача вызвала такое же затруднение, что и первая. Лампочка, как и веночек, казалась совершенно самостоятельным, обособленным предметом. Формулировка этого затруднения повела к воспроизведению первой задачи и актуализации метода ее решения. Испытуемый произвел операцию «умножения» данного предмета и пришел к мысли о праздничной гирлянде из лампочек. Таким путем, по словам Зельца, у человека может сформироваться знание общей применимости данного метода к определенному классу задач и далее — осознание правила решения.

Основные интеллектуальные операции

Зельц вычленяет несколько главных интеллектуальных операций, различные комбинации которых образуют методы решения задач. В зависимости от содержания задачи в этой комбинации ведущее значение может иметь одна из основных операций. В простых случаях она может даже исчерпывать все содержание метода. Каждая из основных операций в свою очередь состоит из нескольких частных. Одни из этих частных интеллектуальных действий характерны преимущественно для данной главной операции, другие могут входить или необходимо входят в несколько основных операций.

Основными интеллектуальными операциями являются следующие: дополнение комплекса, абстракция и репродукция сходства. Однако выделение этих операций в качестве основных не вытекает из всего содержания работ Зельца. Даже принимая во внимание крайнюю специфичность и ограниченность его экспериментального материала, нельзя не заметить, что содержание протоколов и комментарии к ним экспериментатора не укладываются в рамки этих трех операций. В частности, в протоколах решения всех задач обращает на себя внимание обширная анализирующая деятельность испытуемых. Об этом говорит и сам Зельц. Так, решая задачу на нахождение целого, испытуемые постоянно возвращаются к анализу данного предмета или понятия. Пытаясь найти соподчиненное или родовое понятие, они анализируют снова исходное понятие. Эта операция анализа лежит по необходимости в основе решения задачи на нахождение части. В определенной мере содержание этой операции сливается у Зельца с содержанием действия абстракции, когда Зельц говорит об «абстрактивном анализе». Но, тем не менее, анализ как таковой не представлен в качестве самостоятельной операции.

У Зельца вообще не фигурирует операция синтеза. Но в то же время нельзя не заметить, что выдвигаемое Зельцем на передний план «дополнение комплекса» является одной из форм синтетической деятельности.

Протоколы опытов Зельца содержат также большой материал, касающийся процесса обобщения. В частности, решая задачи на родовое понятие, испытуемые создают очень интересные обобщения. Не зная названий этих обобщений, они сами конструируют их. Какая-то часть этой операции получает отражение во вводимой Зельцем третьей основной операции — «репродукции сходства».

Таким образом, Зельц приближается в своей классификации интеллектуальных операций к выделению действительно фундаментальных умственных действий. Но он вычленяет либо наиболее сложные их формы (дополнение комплекса, абстракцию), включающие взаимодействие различных иных операций, либо очень частные (репродукцию сходства).

Рассмотрим отдельно состав и условия функционирования каждой из основных интеллектуальных операций, выделенных Зельцем.

Дополнение комплекса

Некоторые общие условия и характеристики этой операции уже были указаны при анализе взглядов Зельца на мышление как решение задач. Напомним, что всякое решение задач Зельц определяет как дополнение комплекса — схемы с брешью, причем свойства этой последней косвенно определяются через отношения и свойства заполненных частей схемы.

Взятое как общая характеристика процесса решения задач дополнение комплекса, включает все три упомянутые выше интеллектуальные операции. Выделяя же дополнение комплекса в качестве частной операции, Зельц ставит вопрос о детальном составе той деятельности, содержание которой составляют попытки выйти за пределы известного, непосредственно данного в задаче, связать неизвестное с известным. Действия человека, подготавливающие эту деятельность и направленные на анализ и абстракцию того, что известно в задаче, образуют лишь фон для рассмотрения операции дополнения комплекса.

В зависимости от конкретного содержания задачи эта операция может выступать как дополнение пространственно-временного и понятийного комплекса. От содержания задачи зависит и состав частных операций, входящих в дополнение комплекса.

В первом случае, где в задаче определяющими являются пространственно-временные отношения, а известные предметы даны в кон-

кретной форме, первой частной операцией Зельц считает «порождение представления», или «визуализацию» данного предмета. Таким образом, согласно взглядам Зельца, представление возникает не просто потому, что между ним и словом-раздражителем существует ассоциативная связь. Появление представления, напротив, является специфической умственной операцией, актуализирующейся потому, что в прошлом опыте эта операция помогала решению определенных задач и оказалась связана с ними рефлексивной связью. После этого следует действие, которое Зельц описывает как перемещение взгляда за пределы представляемого предмета и попытку определить окружение этого предмета, исходя из какой-то его характеристики. Если таким путем не удастся дополнить комплекс, происходит возвращение к данному предмету и дальнейший анализ его свойств. Согласно выделенным заново качествам, строится новое окружение, из которого делается попытка вычленить завершение комплекса. При неудаче включается новая операция анализа предмета — вариация точек зрения на предмет. Реконструкцию окружения каждый раз по различным признакам предмета Зельц считает конкретным воплощением принципа изменения направления мысли, о котором постоянно говорилось в работах Вюрцбургской школы.

Абстракция

Этой операции Зельц придает очень большое значение. Она охватывает такие важнейшие процессы, входящие в решение любых задач, как выделение различных характеристик предметов и вычленение отношений между членами комплекса. Эта операция выступает в качестве ведущей при решении задач на нахождение родового и определение данного понятия.

Как и предыдущая операция (дополнение комплекса), абстракция не является однородным, монолитным процессом: она включает ряд частичных операций и вспомогательных приемов. Содержание этих последних и их последовательность зависят от специфики решаемых задач.

Самым общим вспомогательным средством абстракции является привлечение ряда понятий (или предметов), сходных с данным, затем сравнение их, анализ и выделение в результате этого в данном раздражителе нужных признаков.

Заслуживающим внимания обстоятельством является тот факт, что абстракция нужных признаков совершается через синтетический акт соотнесения данного предмета с другими. Этот факт иллюстрирует значение той умственной операции, которая впоследствии была названа анализом через синтез.

С точки зрения Зельца, операция абстракции, как и операция дополнения комплекса, носит творческий, продуктивный характер: в результате нее происходит расчленение на признаки ранее недифференцированных понятий и осознание различных отношений между ними.

Рассмотрение содержания данной операции убеждает в том, что она является более частной, нежели дополнение комплекса и непременно входит в последнюю как ее составная часть.

Репродукция сходства

Выделяя репродукцию сходства в качестве операции, Зельц подчеркивает тем самым отличие своего понимания мыслительной деятельности от ассоциативной доктрины. Сходные представления или мысли приходят в голову человека при решении задач вовсе не произвольно, не механически, подчиняясь лишь ассоциации по сходству. Напротив, их появление представляет собой результат сложной мыслительной операции. По мнению Зельца, существеннейшей частью этой операции является расчленение данного предмета или понятия на определенные признаки. Если же этого расчленения не происходит, то человеку очень трудно назвать сходное понятие. Зельц доказывает, что в общем виде репродукция сходства осуществляется по схеме дополнения комплекса. Это означает, что для репродукции сходства необходимо в данном предмете выделить определенные признаки. Один или несколько из этих признаков образуют как бы ядро сходного предмета. Недостающие же части этого предмета дополняются путем вариации других признаков данного предмета. Схематически этот процесс можно представить так: $C \pm 1I' - C \pm 1I2$. Эта операция лежит в основе одного из способов решения задачи на соподчиненное понятие. Творческая сторона этой операции заключается в осознании отношения частичного тождества между двумя явлениями, которые раньше для человека существовали как отдельные.

Таковы три интеллектуальных операции, выделенные Зельцем как основные. Сама по себе попытка выявить некоторые главные комплексы интеллектуальных операций, лежащие в основе решения задач разных типов, несомненно, заслуживает внимания. Но в работах Зельца эта попытка не подготовлена глубоким теоретическим анализом. Поэтому структура или состав каждой из основных операций мало дифференцированы. Анализ их содержания носит более характер эмпирического описания, чем научного доказательства и

обоснования. Совершенно не выявлены отношения между тремя основными операциями. И это является естественным результатом недостаточного анализа их содержания. Для читателя три операции представляются отнюдь не столь самодовлеющими и самостоятельными, как они изображены в теории Зельца. Ведь репродукция сходства есть одна из форм действия дополнения комплекса. Таким же образом и абстракция, понимаемая как отвлечение признаков и отношений, может рассматриваться как операция, лежащая в основе и репродукции сходства, и дополнения комплекса. В одной из своих работ Зельц сам мимоходом замечает, что процесс репродукции сходства «можно свести к процессам детерминированного дополнения комплекса и детерминированной абстракции...» [5, с. 510]. Почему же эта операция выделена в качестве основной? Обращает на себя внимание также тот факт, что у всех трех основных сложных операций существуют некоторые общие частные действия, составляющие самую ткань этих операций. Это — действия анализа и синтеза. В каждой операции выделяются их различные уровни. Так, в операции дополнения комплекса наиболее простым уровнем анализа является выделение сначала какого-то заметного признака. Затем анализ предмета усложняется, идет глубже. Анализ свойств данного предмета является ведущей операцией и при репродукции сходства и абстракции. Разбирая решение различных задач, Зельц выдвигает общее положение о существовании «слоев различной степени готовности внутри комплекса значений слов» и иерархии по степени актуализации признаков предметов, которые и определяют последовательность анализа данных «раздражений».

Анализ экспериментального материала показывает, что последовательный, все более конкретизирующийся анализ характерен и для решения задачи на определение. Во всех задачах происходит также анализ как отношений элементов комплекса, так и межкомплексных отношений. В результате в зависимости от задачи выделяются отношения либо части к целому, либо родового понятия к видовому и т. д. Соответственно этому при решении задачи происходит усложнение и синтетической деятельности. Но при описании Зельцем основных операций это аналитико-синтетическое содержание их размывается. Происходит это потому, что в теории Зельца вообще нет понятия простых, далее не разложимых и в этом смысле основных операций. Вычленение же этих последних способствовало бы более плодотворному выявлению некоторых типичных комплексов интеллектуальных операций.

В работах Зельца впервые в истории экспериментального исследования мышления оно было представлено как процесс. Этот процесс

характеризуется Зельцем как некоторое целостное образование, последовательно развертывающееся во времени. Предыдущие стадии его подготавливают и обуславливают последующие этапы. Вскрывая условия этой самодетерминации мышления, Зельц подчеркивает значение постоянного возвращения к условиям задачи. И это указание имеет принципиальное значение для теории мышления. Мыслительная деятельность, действительно, создает условия для самодвижения. Но происходит это лишь потому, что в мышлении всегда отражается объективная реальность, которая в результате мыслительной деятельности предстает перед человеком новыми сторонами. Вычлененные в объектах новые качества и новые отношения становятся исходным пунктом для дальнейшего движения мысли.

Весь этот процесс находит определенное выражение в ретроспективном отчете испытуемых. Отказ Зельца видеть в этом отчете полное осознание человеком хода своей мыслительной деятельности, обращение с ним как с сырым вспомогательным материалом для реконструкции процесса мышления обусловили плодотворность анализа процесса решения задач: Зельцу удалось схватить диалектику процесса мышления.

Разумеется, в теории Зельца оказались отраженными далеко не все диалектические моменты мышления. Основное внимание в ней уделено взаимосвязи различных этапов мыслительной деятельности, дана характеристика типов различных связей, поставлена проблема движущих сил процесса мышления. Ставя и решая все эти проблемы, Зельц весьма убедительно показывает неадекватность ассоциационистского толкования мышления. Выдвигая ряд положений, он пытается преодолеть механицизм и «атомистичность» ассоциационизма.

Диалектично решается также поставленная Зельцем проблема соотношения репродуктивного и продуктивного мышления. Мышление, с его точки зрения, и продуктивно, и репродуктивно. Продуктивность предполагает репродуктивность. Однако это очень важное для психологии мышления положение оказалось недоказанным в работах Зельца, хотя все они прямо или косвенно направлены на его доказательство. Причина этого заключается в ограниченном понимании мышления Зельцем — лишь как процесса заполнения схематически данного комплекса. Ведь в задачах, даваемых Зельцем, «брешь» сразу была видна, и задание точно характеризовало искомое, а также его отношение к известному.

Когда Зельц, анализируя первые этапы решения задач, говорит об образовании задачи, или проблемного комплекса, то по существу речь идет лишь о дифференциации и уточнении уже полностью

сформулированной проблемы. Содержанием процесса образования «общей задачи» оказывается, в конце концов, конкретизация сформулированного в задаче вопроса применительно к данным условиям. Испытуемые в опытах Зельца должны были лишь косвенно определить ее через известные условия. В действительно продуктивном, или творческом, мышлении задача уже может считаться решенной, когда она достигает той стадии, на которой она предъявлялась Зельцем. Этот последний, следовательно, выявил лишь некоторые последние этапы решения задач человеком, не требующие истинно творческого мышления. Суть мышления же заключается не столько в заполнении, сколько в создании проблемных комплексов. В проблемах требующих творческого подхода, человек должен из массы окружающих обстоятельств вычленил собственно условия задачи, т. е. найти те переменные, которые как-то определяют искомое, неизвестное. Происходит, таким образом, действительно создание задачи. Отсюда известный афоризм, гласящий, что правильно поставленная задача наполовину уже решена.

В соответствии со своим пониманием мышления лишь как заполнения уже имеющегося комплекса, Зельц подбирает и экспериментальный материал, представляющий в своей подавляющей части отношения между понятиями. Эти недостатки теории Зельца несколько не умаляют отмеченных выше ее достоинств. Скорее, наоборот, на малоинтересном материале, не обещающем выдвижения сколько-нибудь значимых проблем, Зельц сумел развить интересную теорию мышления. На примере задач, требующих, казалось бы, лишь репродуктивных процессов, Зельц сумел показать продуктивный характер мыслительной деятельности. Ценность его работ заключается как раз в том, что они создают для психологов новый проблемный комплекс, выдвигают ряд вопросов для дальнейшего исследования мышления.

Раскрывая процесс решения задач, работы Зельца содержат также характеристику строения понятийного мышления человека: его эксперименты показывают, что человек не владеет всей системой имеющихся у него понятий, не осознает отношений между ними. Систематизированными оказываются лишь небольшие участки обширной области понятийного мышления. Большинство понятий имеет малодифференцированный характер. Человек не осознает отношений между различными признаками понятий. Работа над систематизацией понятий требует большого умственного труда, является продуктивным результатом мыслительной деятельности.

Зельц первый в истории психологии поставил проблему основных интеллектуальных операций и попытался детально исследовать

их состав — входящие в них частные умственные действия и последовательность этих действий при решении различных задач. Эта важнейшая часть наследия Зельца очень слабо разрабатывалась в продолжение последующих десятилетий. Ее актуальность начала выявляться лишь в результате влияния кибернетики, поставившей перед психологами задачу вычленения мыслительных действий и моделирования их функционирования. Постановка этой задачи повлекла за собой пересмотр различных теорий решения задач и выдвижения на первый план именно работ Зельца.

Представители кибернетической науки — Ньюэлл, Саймон и Шоу [1; 2], исходя из теории интеллектуальных операций Зельца, попытались составить программы мыслительной деятельности человека при решении им операционных задач. Эти программы кодировались и вводились в электронную счетно-вычислительную машину, которой затем предъявлялись задачи из области логики и геометрии. Если при заданной программе машина, в конце концов, сигнализирует о невозможности решить задачу, в программу вписывается приказ фиксировать на ленте результаты промежуточных операций. Эти результаты сравниваются затем с протоколами решения задач людьми. Выдвигается предположение о том, какие же операции могут лежать в основе неправильного результата и какими действиями они должны быть заменены.

В теории программирования, точно так же, как в работах Зельца, выделяется предметное содержание задач и действия, совершаемые над этим содержанием. Содержание задач в теории программирования называется «объектами», а действия — «операторами». «Операторами» могут быть самые различные средства, которые необходимо применить к объектам, чтобы видоизменить их определенным образом и получить из них новые объекты. Применение операторов ограничено определенными объектами. Следовательно, для применения операторов необходимо знать характеристики объектов. Но знать эти характеристики можно, лишь владея какими-то приемами (или операторами определенного типа) анализа или исчисления свойств объектов. Операторы, или интеллектуальные действия, сами по себе не содержат прямых указаний, к каким объектам их можно применить, а к каким — бесполезно. Отсюда следует, что существует два вида операторов. Один вид служит для определения характеристик объектов. Это может быть сделано либо путем перечисления непосредственно качеств объектов, либо путем отыскания сходства или различия между парами объектов. Второй вид операторов служит для получения из данных объектов каких-то новых предметов, для видоизменения объектов.

Первый вид операторов представляет собой не что иное, как совокупность действий анализа. В теории Зельца эта операция не фигурировала в качестве основной, но практика моделирования мышления показала ее необходимость. Второй же тип операторов в своем конкретном применении служит для воссоздания свойств и характеристик искомого, неизвестного в задаче путем видоизменений и превращений того, что дано. Это — операция дополнения комплекса, занимающая центральное место в работе Зельца. Детальное вычленение частных действий, входящих в методы решения задач, и отыскание их последовательности позволило Ньюеллу, Саймону и Шоу создать такие программы мыслительной деятельности, руководствуясь которыми машины могут успешно решать задачи из области алгебры, тригонометрии, символической логики. Эти работы по программированию мышления показывают, насколько плодотворным было общее направление работ Зельца.

Литература

1. *Newell A. and Simon H. A.* The simulation of human thought. // Current trends in psychological theory. A bicentennial program. University of Pittsburg Press, 1961.
2. *Newell A., Shaw J.C. and Simon H. A.* Elements of a theory of human problem solving. // Psychological Review, 1958, v. 65, N 3.
3. *Selz O.* Die Gesetze der productiven Tätigkeit. // Archiv für die gesamte Psychologie, 1913, Bd. 27. H. 1-2.
4. *Selz O.* Über die Gesetze des geordneten Denkverlaufs. Stuttgart, 1913.
5. *Selz O.* Über die Gesetze des Geordneten Denkverlaufs. Zweiter Teil: Zur Psychologie des produktiven Denkens und des Irrtums. Bonn, 1922.

РАЗДЕЛ ЧЕТВЕРТЫЙ

ПУТЬ УЧЕНОГО

24

ЖИЗНЕННЫЙ ПУТЬ УЧЕНОГО

ГЛАВА | (к 80-летию Ханса Томе)

Ханс Томе — известный немецкий психолог, научные концепции, исследования и интересные замыслы которого привлекают внимание многих специалистов.

Научная деятельность Томе осуществлялась в предвоенной, военной и послевоенной Германии, поэтому биография ученого дает определенное представление о состоянии психологической науки в тяжелый исторический период его страны. (По состоянию здоровья Томе не был призван в армию. Его недомогание — хроническая болезнь желудка — относилась к тем типам «трудных жизненных ситуаций», с которыми ему приходилось бороться в течение десятков лет. Он стремился психологически осмысливать способы совладания с ними.)

Историческими обстоятельствами объясняется и тот факт, что в ранних работах Томе почти не встречаются упоминания о знаменитых немецких психологах, но в них фигурируют фамилии тех, кто мало знаком отечественным ученым.

Х. Томе родился 31 июля 1915 г. Его интерес к психологии проявился уже в начале 30-х годов, когда он учился в Вюрцбургской гимназии. Ответы на волновавшие его вопросы он искал в трудах Ф. Ницше, Н. Аха, А. Мессера и других мыслителей. 1935 г. — поступление на философский факультет Берлинского университета. Томе даже не подозревал, что совсем недавно в стенах этого учебного заведения преподавали известнейшие ученые, в частности, представители гештальтпсихологии, вынужденные покинуть роди-

ну из-за прихода к власти нацистов. Он слушал лекции, посвященные тестам, психологическим основам подбора кадров, а проходил практику с четырьмя другими психологами у ученика Н. Аха — Х. Фиргау (H. Firgau). Слушал он также лекции по философии и истории, а экзамены по этим предметам сдавал Э. Шпрангеру (1882—1963)¹. Томе не упоминает о влиянии на него работ Шпрангера. Но возможно, что противопоставление Шпрангером положений понимающей психологии естественнонаучному подходу к сознанию человека и идея включенности душевной жизни личности в формы социально-исторической действительности, в культуру повлияли на мировоззрение Томе и нашли отражение в его тезисе о сильнейшем воздействии исторических событий на биографию человека и его жизненный путь [7, 10]. Но, несмотря на успешность учебы, Томе был вынужден покинуть столицу по настоянию врачей. В 1938 г. он продолжил учебу в Боннском университете, где его учителем стал Э. Ротхакер (E. Rothacker) (1888—1965) — ученый с широким кругозором, специалист в области психологии, философии и социологии культуры. На его взгляды также оказали сильное влияние Дильтей и немецкая историческая школа. Возможно, что влияние Ротхакера на Томе касается не частных идей, а глобального положения: исторический процесс, культура — это способ действия, мышления, миропонимания, организации жизни общественных групп и индивида.

Усваивая философско-психологические концепции, Томе был поражен тем, как мало его учителя касались проблем мотивации, движущих сил поведения. Он начал изучать работы У. Макдаугола, но Ротхакер со своими понятиями «значимости», «творческого прозрения», духовного начала человека весьма скептически отнесся к увлечению ученика концепцией инстинктивных поведений. Однако предложить что-либо взамен он не смог. Томе был удивлен и тем, что для большинства психологов, за исключением А. Пфендера и Н. Аха, понятие мотивации вообще было чуждо. Он вспоминает, что, учась в Берлине в университете, больше года изучал труды П. Т. Юнга (P. T. Young) «Мотивация» (1936) и Е. Троланда «Принципы мотивации» (1924), и за все это время никто не востребовал эти книги. Анализ Томе проблемы мотивации вылился в работу, которую он предполагал оформить и защитить как диссертацию. Этому, однако, воспротивился Ротхакер. В соответствии со

¹ Э. Шпрангер в 1944 г. был арестован и заключен в Моабитскую тюрьму, а в 1945 г. после освобождения Германии от фашизма был назначен ректором Берлинского университета.

своим учением о «слоях личности» он предложил Томе попытаться экспериментально исследовать многоуровневость перцептивных процессов — от совершенно неосознаваемых до четко и ясно осознаваемых процессов восприятия. Эти исследования должны были быть включены в более обширную проблематику связи сознания и бессознательного. Проблема бессознательного интересовала Томе еще с тех пор, когда он изучал труды Ницше. Исследования он проводил с увлечением, и в 1940 г. завершенная работа была защищена в качестве диссертации. Между тем в 1939 г. Ф. Лерш, назначенный директором Психологического института Лейпцигского университета, приглашает к себе Томе работать ассистентом. В этом институте Томе встретился с А. Веллеком (A. Wellek) (1904 — 1972), сотрудником Ф. Крюгера (1874—1948), главы известной лейпцигской школы «целостной психологии». Занимаясь в институте преподавательской деятельностью, Томе решил завершить свое исследование по проблеме мотивации. Работа была посвящена структуре побуждений и опубликована [3].

В 1942 г. Томе начал исследования, предшествующие его обширным работам по анализу активности личности в трудных жизненных обстоятельствах. Эти исследования касались проблемы «принятия решений» [6].

В апреле 1943 г. правительство Саксонии поручило Томе заняться изучением трудновоспитуемых детей и подростков, живших в детском доме под Дрезденом². Эти исследования стали подготовкой известного Боннского лонгитюда. Работа потребовала больших усилий, в результате здоровье Томе снова ухудшилось, понадобилось хирургическое вмешательство. Долгое время ученый не мог восстановить прежнюю работоспособность и был вынужден уехать с семьей к своим родителям в Верхнюю Баварию. Числился он там библиотекарем, но почти все свое время посвящал разработке нового подхода к личности как к непрерывно развивающейся и изменяющейся целостности, конструктору своего жизненного пути. Когда состояние здоровья Томе стало улучшаться, он, подготавливая рукопись, начал работать психологом в городской клинике нервных болезней. В 1950 г., достаточно окрепнув, вернулся в Боннский университет к своему учителю Ротхакеру. К этому времени закончено написание книги «Личность: динамическая интерпретация». В ней он на основе применения психобиографического метода раскрывает личность как субъекта, преобразующего себя под влиянием исторических

² Зимой 1943 г. в отсутствие Томе Лейпцигский университет был разрушен в результате сильной бомбардировки, от которой пострадал и весь город.

событий. Он подчеркивает, что степень участия в социально-исторических преобразованиях и создание способов приспособления к ним формируют психический склад личности [4]. В отдельной статье он формулирует те важнейшие требования, соблюдение которых необходимо для адекватного использования психобиографического метода [5].

В 1952 г. Томе поручили руководство лонгитюдным исследованием «Немецкие послевоенные дети». Изучение продолжалось с 1952 по 1962 г. В лонгитюде участвовали 500 мальчиков и девочек, которые в 1952 г. поступили в школу, и 30 юношей и девушек, окончивших школу-восьмилетку. Результаты исследования регулярно обсуждались два раза в год на крупных конференциях, в которых участвовали разные специалисты. Оценка и анализ данных продолжались и после окончания лонгитюда вплоть до 1968 г. Томе считает одним из важных выводов этих работ положение о том, что соматическая и психологическая акселерации идут параллельно друг другу. Иными словами, не подтверждается гипотеза о том, что соматическая акселерация неблагоприятно влияет на полноценное развитие психики детей. Другой вывод касается влияния определенного социального класса (или слоя) на успешность приспособления и компетентность детей в процессе обучения. У детей из среднего социального слоя показатели по этим параметрам были высокими, а из низшего — низкими. Эти факты Томе объясняет разной степенью «открытости» субъективного жизненного пространства у детей из разной социальной среды. Детям из среднего класса более доступны разные области культуры, образования, формы коммуникаций. Жизненное пространство детей из низшего слоя, наоборот, ограничено, оно мешает им овладевать разнообразными приемами адаптации, закрывает доступ к необходимой для умственного развития информации. Такие же результаты позднее получили У. Лер и Р. Бонн [1]. Неожиданные факты открылись при изучении развития малышей, эвакуированных из восточных областей страны. Одни дети были перемещены вместе с матерями, другие — без них. Оказалось, что дети, лишенные общения с матерями, ни по уровню социально-психического развития, ни по успешности обучения не отличались от детей, живших вместе с матерями. Парадоксально значимым фактором оказались психические травмы, полученные детьми за один-два первых года жизни в подобных условиях. Учителя единодушно подчеркивали, что эти школьники обладают высоким чувством ответственности и лучше приспосабливаются к меняющимся ситуациям учебной жизни. По словам Томе, полученные результа-

ты показывают, что психологи явно недооценивают высокую пластичность детей, их большую приспособляемость, несмотря на неблагоприятные условия. В этом контексте нельзя не упомянуть о том, что выполненный позднее геронтологический лонгитюд привел Томе к такому же выводу. Старые люди в возрасте от 75 до 90 лет обладают значительным потенциалом к адаптации и могут справляться со сложными жизненными обстоятельствами. Пока осуществлялись упомянутые лонгитюдные исследования, менялось социальное положение Томе, расширялись его организационные обязанности. Еще в 1952 г. он получил приглашение Баварского министерства образования возглавить многие годы пустовавшую кафедру в Университете Эрландера. И неожиданно почти в то же время появилась возможность вести научную деятельность в Университете Тюбингена. Там сохранились и здание, и психологическое оборудование, и штат психологов. Тюбинген был давней мечтой Томе. Полный радостных надежд, он едет знакомиться с состоянием исследований, а главное — со своими будущими коллегами. Однако психологический климат на кафедре оказался неблагоприятным. Томе, превыше всего ставивший интересы науки и коллегиальный стиль межличностных отношений, отказывается от Тюбингенско-го университета и начинает работать в Эрландере в крайне стесненных условиях (свое кресло за письменным столом ему приходилось делить с коллегами-педагогами). Здание, предназначенное для Психологического института, оказалось готово лишь к концу пребывания Томе в Эрландере (1954 — 1959). Но это не помешало его плодотворным научным изысканиям: он начал все более широко (в полевых условиях) применять психобиографическое интервью, развернулась работа по изучению биографий крупных исторических фигур. Психобиографические исследования проводились в разных городах страны. Участие принимали соратники и ученики Томе — прежде всего У. Лер, а также Р. Беглар (R. Beglar), М. Кох. В исследовательскую деятельность были включены молодые ученые, готовившие преддипломные, дипломные и диссертационные работы. Центральной проблемой анализа стал процесс принятия решения. В обобщенной книге Томе «Человек принимает решение» (1960) были выделены разные типы принятия решения, которые толковались как формы ответов на конфликтные или «поливалентные» ситуации на жизненном пути человека. В эти годы расширилась научно-редакционная деятельность ученого. В 1957 г. его посетили известные издатели доктор Хайнц Каргер с сыном. Они предложили ему свои услуги по изданию какого-либо периодического жур-

нала, потребность в котором, по мнению Томе, назрела в науке. Почти не задумываясь, ученый предложил начать издание международного и междисциплинарного журнала, посвященного изучению человека на протяжении всего его жизненного пути. Спонтанность замысла была, несомненно, подготовлена всеми работами и идеями Томе, ориентированными на проблему личности в ее динамике, т. е. реализующей и развивающей себя на протяжении всей жизни — с детства и до глубокой старости. Этот журнал был назван «*Vita Humana*» («Жизнь человеческая»)³. К многопрофильной разработке данной темы оказалась подготовленной и мировая научная общественность. В первом томе журнала появились статьи ученых из Англии, Швейцарии, США, ФРГ. В последующих номерах участвовали специалисты из Финляндии, Египта, Швеции, Турции, Израиля и других стран. В число ответственных редакторов вошли Б. Нойегартен (B. Neugarten), М. Лангефельд (M. Lengeveld) и К. Ригель (K. Riegel). Вместе с известным немецким психологом Ф. Лершем и издателем доктором К. Хогрефе (C. Hогреfe) была разработана и реализована концепция «Справочника по психологии» в 12 томах. Такой разнообразной научной, педагогической, организационной деятельностью отметил Томе свое пятидесятилетие. Оно ознаменовалось новым поворотом в его жизни: он снова вернулся в Бонн, где некогда учился и работал. Возвращению предшествовали неожиданные события. В Боннском университете вышел в отставку его бывший учитель Ротхакер (1888—1965). По решению Боннского философского факультета его место должен был занять философ. Одновременно факультет обратился в правительственные органы с ходатайством об учреждении на факультете кафедры психологии. Ходатайство было удовлетворено, успешными оказались и усилия получить ставку профессора. Томе был первым кандидатом на пост заведующего новой кафедрой. Перед ним вновь возникла ситуация выбора: его пригласили в Университет Геттингена в качестве преемника заведующего кафедрой психологии Курта Вильде. Пока Томе раздумывал и по своему обыкновению взвешивал все обстоятельства, в Бонне развернулась подготовка к проведению XVI Международного психологического конгресса. Томе готовился выступить на нем как сопредседатель симпозиума, посвященного проблеме жизненного пути человека.

В симпозиуме должны были принять участие известные психологи, такие как Ш. Бюлер и Г. Джонс (H. Jones) — инициатор лон-

³ С 1964 г. журнал стал называться «*Human Development*». К сожалению, в нем стали преобладать статьи, посвященные ранним этапам жизни.

гитюда в Беркли. Однако процесс подготовки этого крупного международного форума осложнялся многими трудностями и неувязками, в результате чего ряд немецких и иноземных ученых отказались взять на себя функции организаторов конгресса. Поскольку Томе уже рассматривался как ответственный представитель Боннского университета, почетное бремя организации международного совещания было возложено на него. По отзывам участников, конгресс прошел успешно. Таким образом, укрепилась связь Томе с Боннским университетом. По завершении конгресса он направлял свои силы на то, чтобы получить новое здание для психологов. В старом помещении невозможно было развернуть весь объем планируемых работ. В 1964 г. психологи наконец начали свои масштабные исследования в небольшом здании, выделенном для них властями Бонна. Под руководством Томе был восстановлен отдел прикладной психологии, в ординатуру по социальной психологии был приглашен Р. Берглер (R. Bergler). В 1971 г. должность профессора заняла У. Лер — ученица и соратница Томе. В 1973 г. должность профессора получил Г. Рудингер (G. Rudinger) — специалист по психологическим методам. Исследовательская работа Томе до 1965 г. состояла в анализе обширных материалов лонгитюда «Немецкие послевоенные дети». Продолжался сбор автобиографических материалов — рассказов о своей жизни 326 женщин и мужчин в возрасте от 25 до 65 лет. На материале собранных данных разрабатывалась тема «Конфликты, душевные трудности и психологический возраст». В своих книгах, обобщающих результаты исследований, Томе на большом эмпирическом материале постоянно конкретизирует одно из своих ведущих методологических положений — о значительном влиянии общественных событий и социально-исторических перемен на виды переживаемых людьми конфликтов, часто искажающих картину возрастных трудностей и лишающих своеобразия поступки человека в разные периоды его жизни. Когда на протяжении 15—19 лет жизни у всех возрастных групп обнаруживается необычайно высокая частота конфликтов, становится ясной историческая детерминация биографии людей. Томе считает, что собранные психобиографическим методом материалы значимы и для исторической науки, которая не может не включать в детерминацию социальных событий психологические особенности субъектов общественных перемен.

Лонгитюдное исследование детей, а затем людей ранней и средней зрелости, позволило подготовить проведение обширного геронтологического лонгитюда БОЛСА (BOLSA), который, с нашей точки зрения, является одним из крупных научных достижений Томе.

Уже в 1963—1964 гг. Томе начал обстоятельно обсуждать концептуальные и организационные вопросы Боннского лонгитюда с членами своего «рабочего круга», прежде всего с У. Лер, Х. Раубом (H. Raub), Б. Шаде (B. Schade), Ф. Вайнертом (F. Weinert), В. Фрёлых (W. Frohlich). Работы развернулись в апреле 1965 г., до 1976—1977 гг. было проведено шесть последовательных обследований участников лонгитюда. В 1980 г. У. Лер выполнила седьмое обследование 51 участника, а в 1984 г. В. Шнайдер опросил 34 членов БОЛСА в возрасте от 79 до 95 лет. По словам Томе, при проведении лонгитюда он опирался на научный авторитет Г. Джонса, который был организатором известного лонгитюда в Беркли. Дискуссии о концептуальных основаниях лонгитюдов не были ориентированы на какую-либо жестко определенную теорию. Томе согласен с позицией Д. Магнуссона (D. Magnusson), который считает, что исследуемые проблемы должны быть укоренены в мире реальных феноменов человеческой жизни, а не в мире теории [2]. Конечно, жизнь индивида несравненно богаче любой теории, представляющей личность лишь в одном срезе. Руководствуясь конкретной теорией и действуя лишь в ее рамках, исследователь может не увидеть много новых, важных фактов, не укладывающихся в избранную им теорию. Вместе с тем лишь с помощью теории, обладающей определенной системой понятий, из неисчерпаемости психического бытия личности можно выделить отдельные ее компоненты, дать им наименование, заранее узнать связи между ними, очертить области неизвестного. Но Магнуссон, а вместе с ним Томе правы в одном: в психологии не разработана теория целостного жизненного пути человека, вернее — теория изменения и развития личности на протяжении всей ее жизни, нет и теории, опирающейся на анализ психобиографических материалов. Поэтому Томе пришлось строить теоретические основы своего лонгитюда по мере анализа и обработки массива полученных данных, опираясь, в частности, на мнения независимых судей. Документальные результаты исследований, описания случаев были впервые представлены в книге ученого «Индивид и его мир» (1968). Не удивительно, что критики, отмечая обилие эмпирического материала, хотели яснее видеть новый теоретический подход, открываемый психобиографическим методом. Не лишено оснований мнение Томе о том, что часть критических замечаний была вызвана резко отрицательным отношением исследователя к привычному для психологов методу опросников, применение которых он считает проявлением бихевиористского подхода к личности. Анализируя собранный материал, Томе использовал теоретические идеи, разработанные

ные им в предшествующие годы. Но в то же время по мере продолжения лонгитюда происходило развитие и психологической науки: усилился интерес к процессам внутреннего мира человека. Предметом исследования когнитивной психологии стали не только познавательные процессы, но и целостная личность. Одно из центральных мест в психологической проблематике заняли вопросы поведения и переживания человека в трудных жизненных ситуациях, в условиях стресса. Томе осуществил новые концептуальные сдвиги в современной психологии благодаря своим теоретическим позициям. Он заново организовал и интерпретировал эмпирический материал в новом издании своей книги «Индивид и его мир» (1988) [7]. В ней Томе широко использует теоретический аппарат когнитивной психологии, дополняя его понятиями феноменологической психологии и концепции К. Левина. Когнитивную психологию в собственной интерпретации он противопоставляет когнитивизму, сводящему внутреннюю жизнь человека к переработке информации. Используя понятия «когнитивные репрезентации окружающего мира» и «основные темы жизни личности», Томе привлекает собственные разработки и раскрывает насыщенность когнитивных и «тем бытия» ценностно-смысловым содержанием, мотивациями, побуждениями, чувствами.

Однако обобщенные когнитивные образования включают в себя не только ценности и мотивы. С позиций идиографического подхода к личности необходимо выявлять ситуационную специфику переживаний человека и раскрывать преобладающий тип его ответов на трудные жизненные обстоятельства. Как подчеркивает Томе, Боннский «рабочий круг» ориентирован на изучение не только действующего, но и *страдающего* индивида, который преодолевает, смягчает, переосмысливает жизненные трудности, способен адаптироваться и к неожиданным переменам, порождаемым историческими условиями, и к возрастным конфликтам, а также к негативным ситуациям, связанным с нездоровьем, болезнями и потерями.

Пользуясь психобиографическим методом, Томе выявляет значительное число приемов и способов преодоления, совладания или избегания негативных жизненных событий. К ним относятся: действия, преобразующие, реконструирующие или устраняющие трудные обстоятельства; агрессивное вмешательство в сложные условия или их вербальная критика; противостояние негативным событиям; приспособление к трудному предметному миру; адаптация к мало знакомому социальному окружению и забота о поддержании позитивных межличностных отношений; действия самоутверждения;

использование шансов, неожиданно возникших возможностей решить свои трудные дела; просьбы о помощи; поиск нужной информации; коррекция ожиданий; надежда; временный отказ от удовлетворения собственных возможностей ради удовлетворения нужд других людей; позитивное толкование тяжелых, безвыходных ситуаций. Для совладания с трудностями можно также полагаться на усилия других; оставить трудности на волю обстоятельств в надежде, что «все образуется само собой»; использовать приемы избегания или психологического бегства от трудностей; отказаться от действий и бороться лишь с эмоциональными нарушениями, вызванными негативными событиями. В психологии имеются и другие приемы совладания с трудностями и стрессами. В дальнейших планах Томе, в значительной части уже реализованных,— выявить, как меняются в разные возрастные периоды приемы преодоления отрицательных перемен и негативных обстоятельств.

В настоящее время Томе продолжает свои многоплановые исследования. Значительное место в них занимают проблемы психогеронтологии. обстоятельного анализа заслуживает дифференциально-типологический подход, разрабатываемый Томе применительно к периоду старости. Не менее продуктивны его идеи о личностно-диалогических отношениях исследователя и исследуемого как равноценных участников эксперимента, в процессе которого происходит развитие двух равноправных партнеров.

Увлеченный перспективными исследованиями, продолжающий анализ огромного психобиографического материала, намечающий перспективы дальнейших работ, подошел Ханс Томе к своему восьмидесятилетию.

Литература

1. *Lehr U., Bonn R.* Ecology of adolescents as assessed by the dailyround method in an affluent society // The adolescent and his environment / Hrsg. H. Thomae, T. Endo. Basel: Karger, 1974.
2. *Magnusson D.* Individual development from an interactional perspective. A longitudinal study. Hillsdale (N. J.): L. Erlbaum Association, 1988.
3. *Thomae H.* Das Wesen der menschlichen Antriebsstruktur. Leipzig: Barth, 1944.
4. *Thomae H.* Persönlichkeit. Eine dynamische Interpretation. Bonn: Bouvier, 1951.
5. *Thomae H.* Die biographische Methode in der antropologischen Wissenschaft // Studium Generale. 1952. Bd. 5. № 3.
6. *Thomae H.* Der Mensch in der Entscheidung. Munchen: Barth, 1960.
7. *Thomae H.* Das Individuum und seine Welt. Eine Persönlichkeitstheorie. Verlag für Psychologie (2.,neubearbeitete Auflage). Göttingen, Toronto, Zürich, 1988.

8. *Thomae H., Lehr U.* Konflikte, seelische Belastung und Lebensalter. Opladen: Westdeutscher Verlag, 1963.
9. *Thomae H., Coerper C., Hagen W. (Hrsg).* Deutsche nachkriegskinder. Methoden und erste Ergebnisse der deutschen Längsschnittstudie an Kinder. Stuttgart: Thieme, 1954.
10. *Thomae H., Jytemann G. (Hrsg)* Biographie und Psychologie. Heidelberg: Springer, 1987.

25 ГЛАВА

И ЖИЗНЬ,
И СЛЕЗЫ,
И ЛЮБОВЬ

Как трудно и больно писать в прошедшем времени об Андрее Владимировиче Брушлинском, о жизнерадостном Андрее, о милом Андрюше — о крупном ученом, который трагически ушел из жизни в период акме, своего творческого взлета.

Писать об Андрее Владимировиче — значит писать о разных сторонах его многогранной жизнедеятельности, примечательных моментах его жизненного пути, о биографических эпизодах, в которых проявлялся его характер, об отношении к своей профессии, коллегам, друзьям, к себе. Справедливы слова К. Юнга о том, что любой человек проходит свою жизнь не в одиночку, а в толпе движущихся с ним людей, которые, конечно, оказывают на него влияние, но важно определить, как сам индивид организует это влияние, отвечает на него, и насколько сам воздействует на окружающих. Но не была бы я психологом, если бы не задавала себе вопроса, а как же менялся Андрей Владимирович на разных этапах своей жизни, переходя во все более обширные системы социально-психологических связей, занимая все более высокое положение в обществе, проходя путь от студента-психолога до поста директора Института психологии РАН.

Я познакомилась с Андреем Владимировичем в 1956 г., в добрый период развития нашего общества, всех сторон его социальной жизни, и психологической науки, в частности. Весной этого года мне позвонил член-корреспондент АН СССР С.Л. Рубинштейн, под руководством которого я выполняла и защитила кандидатскую дис-

сертацию на кафедре психологии философского факультета МГУ и стала работать в Институте общей и педагогической психологии РСФСР. Он сообщил мне, что в Институте философии заново формируется сектор психологии, возглавлять который поручено Сергею Леонидовичу, и он приглашает меня в свое подразделение. Чтобы понять, насколько радостным и ошеломляющим было для меня это приглашение, нужно вернуться к событиям конца 40-х гг. XX столетия. В это время Сергей Леонидович заведовал сектором психологии Института философии АН СССР, кафедрой психологии философского факультета МГУ. Он получил Государственную премию за свой фундаментальный труд «Основы общей психологии» (1946 г.) и стал первым членом-корреспондентом по психологии АН СССР.

В 1948 г. я поступила в аспирантуру кафедры психологии философского факультета МГУ. И вот зимой 1948—1949 гг. состоялась сессия Академии педагогических наук РСФСР, посвященная борьбе с космополитизмом в науке, на которой Сергей Леонидович вместе с другими крупнейшими учеными был объявлен «космополитом». «Космополитизм» Сергея Леонидовича заключался в прекрасном владении им всех достижений мировой психологии; благодаря своему высшему философскому образованию он пользовался большим авторитетом в Институте философии и на философском факультете МГУ. Конечно, Сергей Леонидович понимал социальную обусловленность этого трагического события, но переживал брошенные в его адрес обвинения тяжело и осознавал, что последствия их могут быть очень тяжелыми. Конечно, Сергея Леонидовича лишили всех званий и наград, сняли с занимаемых постов, лишь разрешили преподавать психологию на философском факультете МГУ и работать простым сотрудником в Институте философии АН СССР. Должна признаться, что я опасалась: не сократит ли мой учитель в своих лекциях объем зарубежной психологии и своих нетривиальных философско-методических оснований. Но Сергей Леонидович был личностью, которая обладала способностью подниматься над переходящими условиями жизни во имя высоких научных идеалов. На своих лекциях и семинарах он прививал ученикам вкус к философии и методологии науки, к критическому анализу любых — и зарубежных, и отечественных — теорий. Если студент или аспирант высказывал определенную идею, Сергей Леонидович требовал ее обоснования, он не просто знакомил свою аудиторию с накопленными в психологии фактами и теориями, — он учил осмысливать их, выделять сильные и слабые стороны и самим вырабатывать свои убеждения. И вот, когда в 1956 г. перед ученым открылись новые благоприятные

перспективы, у него уже были подготовлены молодые научные кадры, которым Сергей Леонидович преподавал вместе с профессией школу мужества и стойкости в труднейших условиях.

Помню июльский день 1956 г., когда в широком полутемном коридоре Института философии я увидела две незнакомые мне фигуры, оказавшиеся молодыми сотрудниками сектора психологии. Первым бросился в глаза молодой стройный человек с выпуклым лбом и чуть откинутой назад головой. Это был Андрюша Брушлинский. А рядом с ним стояла высокая худенькая черноволосая девушка с характерно приподнятыми плечиками — Ксюша Славская. Первое впечатление от знакомства с ними было такое: «Какие интеллигентные и воспитанные молодые люди. Это то, что называют «домашние дети». Не слишком ли они деликатны для столь разношерстной толпы «философов»?». Но новички быстро сориентировались в обстановке и установили прочные связи с крупными, оригинальными философами — Э. Ильенковым, В. Лекторским, В. Садовским, А. Зиновьевым и другими.

Но скажу откровенно, у меня надолго сохранилась некоторая боязнь за Андрея. Мне он казался слишком деликатным, в чем-то хрупким перед лицом жестокой и грубой жизни. Когда через несколько лет военкомат вызвал его на военную переподготовку, я очень переживала за него, пока кто-то не сказал мне: «Да что с ним сделается, он же здоровый, крепкий, даже альпинизмом занимался».

С первых же дней открытия сектора у нас началась напряженная и интересная работа. Я знала, что в свои трудные годы Сергей Леонидович разрабатывал новую концепцию мышления, направленную на исследование многомерного *процесса* мышления, выделение в нем основных составляющих — анализирования, синтезирования, генерализации, обобщения и выявление главного механизма их взаимодействия — анализа через синтез. В это время он творчески переосмысливал работы гештальтпсихологов — труд М. Вертхаймара «Продуктивное мышление», работы К. Дункера. Его основная критика была направлена на бессубъектный подход гештальтистов к мышлению. В 1951—1952 гг. он поручил мне прочесть на психологическом отделении философского факультета несколько лекций по гештальт-психологии. В 1957 г. Сергей Леонидович организовал Всесоюзное совещание по вопросам психологии познания, в котором участвовали многие ведущие российские психологи. Результаты дальнейшей работы над проблемой мышления были представлены в тематическом сборнике учеников Сергея Леонидовича «Процесс мышления и закономерности анализа, синтеза и обобщения» (1960). Андрей и Ксана выполняли самую интен-

сивную научно-организационную деятельность при подготовке — совещались по редактированию материалов и статей сборников. Их собственные доклады и статьи вызвали большой интерес в научных кругах. Я знала, что в первую половину 50-х гг. Сергей Леонидович работал над новыми своими книгами, но неожиданностью для меня оказалось то, что эти книги к началу работы нового сектора были уже в значительной степени завершены¹. Сергей Леонидович поручил Андрею и Ксане тщательным образом прочитать их, высказать все свои замечания, откорректировать. Для меня содержание книг было во многом новым, но Андрей и Ксана благодаря лекциям Сергея Леонидовича были более подготовлены к их восприятию. Сергей Леонидович охотно прислушивался к их пожеланиям и вносил в тексты изменения.

Однажды при разговоре о книгах Сергей Леонидович спросил у меня, как я отношусь к названию книги «Бытие и сознание». Я долго думала, а потом сказала: «У Вас в книге речь идет о человеке как субъекте, который тоже есть форма бытия, и этот субъект осознает и другие формы бытия, и себя самого». Сергей Леонидович недовольно посмотрел на меня, зашагал по кабинету и сказал: «А вот Андрею это название не нравится». И, помолчав, добавил: «У него весьма критический ум». На протяжении нескольких десятков лет я убеждалась, что критичность, действительно, одна из основных характеристик Андрея Владимировича, она была свойством его личности, но носила всегда доброжелательный характер и была тесно связана с его проницательностью. В процессе обсуждения наших отчетов, статей и книг Андрей Владимирович начинал свою речь с выявления продуктивных, интересных сторон той или иной работы, и акцентировал именно их. Поэтому негативные замечания автор воспринимал спокойно, не теряя веры в себя.

Весьма критично и взыскательно относился Андрей Владимирович и к себе, своим работам. Его доклады на Ученых советах, на конференциях и съездах были очень четкими, доказательными, логически хорошо выстроенными. При этом он быстро и убедительно отвечал на адресованные ему вопросы. Меня не раз удивляла его находчивость при ответах на трудные вопросы. Истоки этой находчивости открыл сам Андрей Владимирович. Однажды на заседании лаборатории один докладчик долго раздумывал над каждым вопросом, а потом, подбирая слова, «конструировал» ответ. На корректное замечание Андрея Владимировича докладчик ответил: «Не все же об-

¹ Речь идет о книгах «Бытие и сознание» и «Принципы и пути развития психологии».

ладают Вашей находчивостью». На что Андрей Владимирович возразил: «Дело не в находчивости. Просто готовя, выступление, нужно его всесторонне продумать и заранее предвидеть все возможные вопросы и возражения». В другой раз, наблюдая, как спокойно Андрей Владимирович ожидает вопросов на научном форуме, один из сотрудников сектора спросил у него: «А Вы что, совсем не боитесь вопросов?» Ответ Андрея только подтвердил вышесказанное: «Конечно, не боюсь. Наоборот, мне очень интересно, какие же вопросы я не сумел предвидеть».

Но вот настал горестный для всех нас и для психологической науки день в 1960 г. На пороге своего 70-летия неожиданно ушел из жизни Сергей Леонидович Рубинштейн. Переживания наши были очень тяжелыми. Свою задачу мы видели в развитии концептуальных оснований рубинштейновской школы, в сопоставлении его теории мышления с существующими в XX столетии крупными концепциями психологии мысли; необходимо было также изучить основанные на психотерапевтической практике теории личности. Главное же — ознакомиться и сделать достоянием общественности те материалы, над которыми работал Сергей Леонидович перед своей кончиной. Незадолго до этого он составил план-проспект книг, посвященных изучению состояния психологии мышления в отечественной и зарубежной психологии. Е.В. Шорохова, которой было поручено руководить сектором, проделала большую работу по организации коллектива для выполнения этого завещания. Андрей Владимирович направил свои усилия также на разработку *принципа процессуальности* психики, выдвинутого Сергеем Леонидовичем в книге «Бытие и сознание». Его работы становились все более полемически заостренными в ходе разработки таких важных методологических проблем, как соотношение биологического и социального в развитии психики человека; природы способностей; толкования процесса интериоризации и других. Ксения Александровна обнаружила в бумагах Сергея Леонидовича объемистую, незавершенную и лишь частично систематизированную рукопись под названием «Человек и мир». Расшифровав и упорядочив листы, она доложила на заседании сектора об этом новом этапе научного творчества Сергея Леонидовича.

Сектор принял решение опубликовать эту выдающуюся рукопись. Несмотря на большие издательские трудности, она вышла как значительная часть посмертно изданной в 1973 г. книги Рубинштейна «Проблемы общей психологии». Андрей Владимирович и Ксения Александровна приложили много труда по ее редактированию и написанию огромного количества примечаний, которые могли бы быть изданы отдельной книгой; составили предисловие.

В научной деятельности акценты этих двух выдающихся учеников Сергея Леонидовича несколько разошлись. Ксения Александровна начала разработку *принципа субъекта* (сначала субъекта психической деятельности, затем жизненного пути). Андрей Владимирович распространил принцип процессуальности на различные формы психических процессов — на воображение и память, но вскоре в его эмпирических исследованиях четко выявилась роль субъектно-личностных детерминант психических процессов.

В 1972 г. сектор психологии в полном составе перешел в Институт психологии, впервые организованный в системе АН СССР. Одним из главных основателей института был Б.Ф. Ломов, ставший его директором. В качестве методологического основания проводимых в Институте исследований и его организационного принципа Ломов постулировал системный подход, который внес в психологию много новых проблем — системообразующего фактора психической организации, ее различных уровней и взаимодействий между ними, условия смены оснований личностной системы и многие другие. Однако при этом текучесть, непрерывная изменчивость психической реальности, ее способность к постоянному развитию уходили из центра внимания. Системный подход многими отождествлялся со структурным подходом. Недаром Д.Н. Завалишина в одной из своих последних работ обозначила методологическую парадигму психологии как «Системный подход + принцип развития». Ориентируясь на процессуальную природу психического, Андрей Владимирович с энтузиазмом продолжал утверждать и развивать рубинштейновские основания психологии. Он пишет полемически заостренную книгу, посвященную критике культурно-исторической концепции Л.С. Выготского и его последователей с позиций школы С.Л. Рубинштейна. И эта книга, и последующие выступления Андрея Владимировича вызвали негативную реакцию его оппонентов. Его ответ был таков: «Я знаю, что приобрел очень сильных врагов, но я хочу получить от них ответ. Науке нужны дискуссии. Пусть мне разъяснят, в чем я ошибаюсь». Может создаться впечатление, что Андрей Владимирович был жестким, непреклонным во всем. Это не так. Он просто высоко ценил наличие научных школ и считал, что рамки школы позволяют сделать содержание идеи более четким и не дают уйти психологическим проблемам в беспредельность, в бесплодные ответвления и тупики. Бывало, когда сам Андрей Владимирович вводил в психологию какое-нибудь новое, непривычное понятие, детально изучая психологические процессы, он обнаруживал, что их своеобразие не передается такими понятиями, как «поток сознания» или «непрерывное движение тесно связанных звеньев». Его аспи-

ранты показали, что повороты направлений мысли, критические ее моменты, частичные инсайты подготавливаются в своем новом качестве в предыдущих «волнах» мышления. В своей докторской диссертации Андрей Владимирович ввел новый термин для обозначения непрерывности потока качественных изменений мышления (и других психических процессов) — «недизъюнктивность». И, несмотря на возражения его оппонентов-философов, Андрей Владимирович сохранил это понятие в арсенале понятий психологии, передав его и аспирантам.

Важно отметить, что непримиримо выступая против позиций и концепций своих оппонентов, он никогда не питал к ним самим недружелюбных чувств. Он продолжал уважать их. Он рос в высокоморальном семействе и был добросердечным человеком. Если сотрудник института терпел неудачу в своих научных изысканиях, Андрей Владимирович всегда ободрял его и старался поддержать его чувство достоинства, веру в себя. У меня был трудный период в жизни: долго и тяжело болел отец, и Андрей Владимирович постоянно поддерживал меня. Когда отца не стало, у меня было ощущение, что вся жизнь моя кончилась, что я уже не смогу вернуться в науку. И в эту тяжелую минуту мне позвонил Андрей Владимирович, выразил сочувствие и сказал поразившую меня фразу: «Держитесь, крепитесь, Людмила Ивановна, мы с нетерпением ждем Ваших новых статей и книг». В этой фразе звучала не только дружеская поддержка и соболезнование, но и моя нужность для психологии или, как сейчас говорят, «востребованность». И это отношение было для меня большой поддержкой. Говоря о человеколюбии Андрея Владимировича, следует подчеркнуть, что оно отнюдь не выражалось во всепрощении и, тем более, в попустительстве. Он не терпел лицемеров, обмана, лукавства, вызывающего и демонстративного нежелания подчиняться обязательным нормам поведения. В нашем институте таких сотрудников было крайне мало, и чуть ниже я расскажу, как Андрей Владимирович защищал коллектив от таких людей.

Коллектив института глубоко уважал Андрея Владимировича за огромную эрудицию, благородство, проявлявшееся даже в мелочах. В его присутствии психологи чувствовали себя достойными, ответственными, не стесненными в своих мыслях и высказываниях. Он был высоко авторитетен. И вот однажды, когда после заседания сектора я попросила остаться Я.А. Пономарева и Андрея Владимировича, чтобы скорректировать годовой план, Яков Александрович со свойственным ему темпераментом начал вносить дополнительные замечания и уточнения. Андрей Владимирович все спокойно выслу-

шал, а потом очень кратко и обобщенно сформулировал основные пункты плана. После этого Яков Александрович, метнув острый взгляд на Андрея Владимировича, вдруг выпалил: «Я Алексею Матюшкину предрек, что он будет директором института, и он стал им, и Василию Давыдову сказал: «Ты будешь директором», — и вот он директор. А теперь я тебе скажу: «Быть тебе директором! Попомни мои слова. Я не ошибаюсь». Ни один мускул не дрогнул на лице Андрея Владимировича. Вежливо выслушав Якова Александровича, он вернулся к теме обсуждения. Вскоре после этого разговора у нас в институте случилась беда — неожиданно скончался наш директор Б.Ф. Ломов. Институту предстояло выбрать нового директора. На этот пост было два претендента — А.В. Брушлинский и Ю.М. Забродин. Коллектив должен был заслушать их доклады об основных направлениях работы института. Обсуждение докладов было очень горячим, сотрудники задавали много каверзных вопросов. Андрей Владимирович был непривычно возбужден и, мне показалось, взволнован. В перерыве собрания некоторые сотрудники, явно недооценивая выносливость и бойцовые качества Андрея Владимировича, советовали ему прекратить дискуссию со вторым претендентом и возложить надежды на результаты голосования. Но Андрей Владимирович, любивший доводить до конца всякое дело, отвечал: «Нет, я уже втянулся в борьбу и должен ответить на адресованные мне вопросы». Большинство проголосовало за Андрея Владимировича. На должность директора Андрей Владимирович попал в очень тяжелое время. В высших кругах власти вынашивалась идея закрыть Институт психологии РАН и даже распустить Российскую академию наук. В.Н. Дружинин как-то рассказал мне, что только благодаря огромным усилиям Андрею Владимировичу удалось-таки отстоять Институт психологии.

Руководство институтом требовало огромной энергии, такта, умения устанавливать плодотворные контакты со всей психологической общественностью, с представителями смежных наук, центрами зарубежной психологии. На Андрея Владимировича легло бремя быть ответственным редактором «Психологического журнала», рукописный вариант которого он самым внимательным образом прочитывал. Он продолжал читать лекции аспирантам института, почти каждый год выпускал новые книги, писал множество статей. И при этом его кабинет был постоянно открыт для сотрудников института. Он был прост и уважителен в отношениях с ними. Меня просто поражал неиссякаемый запас его энергии, огромная работоспособность.

Он был веселым и интересным собеседником. В предпраздничные дни его наперебой приглашали к себе, не соблюдая очереднос-

ти, различные подразделения института. И везде он искренне веселился, произносил шуточные тосты, пока в комнату не заглядывал представитель другой лаборатории «с важным сообщением» и не уводил желанного гостя в другую комнату.

Но, разумеется, в институте были и такие казусы, которые приводили Андрея Владимировича в глубокое возмущение (его он проявлял в решительных действиях). Вот один пример. В институте был работник, не выполнявший ни просьб, ни приказов дирекции, не поддавался он и увещаниям, нарушал дисциплинарные и моральные нормы. Однажды от его непозволительного проступка пала тень на институт. И тогда я стала невольным свидетелем такой картины. В поиске Андрея Владимировича я заглянула в одну часто пустующую комнату. В ней в необычной позе сидел за столом Андрей Владимирович. Грудью он опирался на столешницу и, чуть пригнув голову, прищуренными глазами смотрел на сидевшего в некотором отдалении работника. Вытянутыми ногами тот как бы отталкивался от стола, а скрещенные на груди руки и откинута голова явно выражали «позу защиты». Лицо было неестественно розовым, а губы искривлены. Я все поняла... Работник этот был вынужден покинуть институт.

Необычная работоспособность Андрея Владимировича, его продуктивность были результатом и его высокого чувства ответственности, и любви к профессии, и необходимого на таких постах честолюбия и хорошего здоровья. За всю свою профессиональную деятельность он взял лишь один бюллетень на несколько дней.

Сильнейшей мотивирующей силой у нашего молодежого и стройного директора была его семья, его бесконечно любимая жена Тamarочка, Тамара Константиновна. В ранние годы работы с Андреем, приехав на один из Всесоюзных съездов Общества психологов СССР (город я не запомнила), я стояла в очереди на регистрацию. Впереди меня, уже приближаясь к месту регистрации, стоял Андрей. И вдруг он торопливо выбежал из очереди и со странно изменившимся лицом (такие лица бывают у мужчин при первой встрече со своим страстно желаемым первенцем) быстро подошел к красивой, чернобровой, с большими спокойными глазами девушке и, полюбив, стал ее целовать. Я была изумлена и справилась у психологов, кто же эта девушка. А это была его жена — Тамара Мелешко, учившаяся с ним на факультете МГУ в одной группе. Мы с Е.А. Будиловой жили в одном большом номере гостиницы с Тамарой и немногими другими молодыми девушками. Встречаясь с ней каждый день и любуясь матовой смуглостью ее красивого лица, я невольно задавалась вопросом, как удалось Андрюше победить,

несомненно, большое число ее поклонников, чем он завоевал ее сердце? И я поняла — своей беспредельной преданностью, всепоглощающей любовью, благородством души и безусловной надежностью. Сама Тамара Константиновна сказала о нем: «Он мой рыцарь». На всех празднествах, в кругу друзей Андрей Владимирович с нежностью говорил о своей семье. А каким счастливым он был, когда говорил о появлении всех трех своих внуков. И в каждом из них, как и в своей дочери Кате, он видел часть своей остающейся молодой и красивой Тamarочки.

Вот таким доброжелательным и требовательным, веселым и умеющим глубоко сопереживать, общительным, энергичным, задорным и всегда готовым прийти на помощь, всемирно известным и необычно скромным будет жить с нами Андрей Владимирович.

26

ГЛАВА

«ЖЕЛАЮ МОЛОДЫМ БОЛЬШОЙ НАУЧНОЙ ЧЕСТНОСТИ...» (Интервью с Л. И. Анцыферовой, опубликованное в разделе «Воспоминания, размышления, беседы» Психологического журнала)

Предлагаем беседу с доктором психологических наук, профессором, заслуженным деятелем науки РСФСР Анцыферовой Людмилой Ивановной. Л. И. Анцыферова родилась в 1924 г. в г. Златоусте Челябинской области. В 1933 г. вместе с семьей переехала в Москву. В 1948 г. окончила философский факультет МГУ и поступила в аспирантуру на кафедру психологии МГУ. Научным руководителем был С. Л. Рубинштейн. В 1952 г. защитила кандидатскую диссертацию на тему «Учение И. П. Павлова о высшей нервной деятельности и проблема мышления». С 1953 по 1956 г. работала в Институте психологии АПН РСФСР в лаборатории мышления и речи. Занималась экспериментальным изучением мышления — процесса решения задач. Результаты исследований были доложены на Всесоюзном совещании по вопросам психологии познания, организованном сектором психологии Института философии АН СССР и проведенном 20–22 мая 1957 г.

С 1956-го по 1972-й работала в Институте философии в секторе психологии, руководимом до 1960 г. С. Л. Рубинштейном. Исследовала современное состояние зарубежной психологии — ее основные направления, смену концепций мышления на протяжении XX в., концепции личности, выросшие на базе различных форм психотерапевтической практики, теории личностных черт. Разрабатывала методологические проблемы психологии.

В 1972 г. в составе сектора была переведена в организованный в 1971 г. Институт психологии АН СССР. В 1974 г. защитила доктор-

скую диссертацию «Материалистическая мысль в психологии капиталистических стран XX в.». В 1974—1984 гг. заведовала сектором философских проблем психологии, 1984—1991 гг. — лабораторией психологии личности. В настоящее время — ведущий научный сотрудник этой лаборатории.

Л. И. Анцыферова — автор более 90 научных трудов, в том числе, трех монографий: «О закономерностях элементарной познавательной деятельности» (1961), «Материалистические идеи в зарубежной психологии» (1974), «Развитие и современное состояние зарубежной психологии» (1974, совместно с М. Г. Ярошевским). Под ее руководством защищено 11 кандидатских диссертаций, посвященных теоретико-экспериментальным исследованиям личности. При ее авторском участии и руководстве создан ряд коллективных трудов: «Принцип развития в психологии» (1978), «Психология формирования и развития личности» (1981), «Категории материалистической диалектики в психологии» (1988), «Тенденции развития психологической науки» (1989, совместно с Б. Ф. Ломовым). Была одним из редакторов труда «История и психология» (1971), книги, выпущенной в Болгарии — «Психична регулация на дейности» (1980). Ряд этих трудов создан в результате координации работы отечественных психологов и ученых Болгарии, Германии, Польши.

В 1980—1989 гг. Л. И. Анцыферова была заместителем главного редактора «Психологического журнала».

В исследованиях Л. И. Анцыферовой получили дальнейшую разработку ведущие принципы психологической науки — развития, общественно-исторической детерминации психического склада человека, единства деятельности, сознания и личности, принцип системности. Разработан вопрос об общих закономерностях развития, о системной его детерминации, о внутренних источниках развития, об условиях накопления и реализации потенций развития. Выдвинут системно-исторический подход к движению психологического знания, включающий положение о детерминации развития психологических теорий макро- и микросоциальными условиями, в том числе своеобразием личности создателя теории. Л. И. Анцыферовой обоснована динамическая концепция личности, раскрывающая зависимость развития личности от меры ее собственной активности.

— Людмила Ивановна, расскажите, пожалуйста, о самом начале своего жизненного пути, о том, что способствовало выбору профессии и вашему приходу в психологию.

— Вопрос этот актуальный, ибо сейчас все больше развивается психобиографический подход к личности. На конкретном материале жизни можно проследить, как формировалась личность ученого и какие события подтолкнули его именно к такому определению своего профессионального пути.

Самый мой первый интерес в этой области пробудился — пока еще диффузно — в школе, кажется, в восьмом классе. Мы изучали анатомию и физиологию, и преподавательница дала мне прочитать журнал «Огонек»... Это была статья об изучении мозга Ленина, затрагивавшая тему связи нашего мышления, ума со строением мозга. В ней, в частности, упоминалось о больших пирамидальных клетках, а также говорилось о том, что в «этих мозговых клетках как раз и зарождалась гениальная мысль Ленина». Эти две части текста соединились в моем сознании: значит, через какую-то структуру можно проникнуть в мысли человека и степень его гениальности зависит от особенностей нервных клеток. Потом уже в десятом классе, во время войны, наслушавшись радиопередач относительно изучения биополя человека, я вывела такую гипотезу: когда человек мыслит, у него мозг порождает, генерирует особую энергию, которая распространяется в пространстве и после смерти человека поступает в «резервуар особой энергии». Я как бы сама придумала, что между структурой и собственно психологическими явлениями должна быть промежуточная функциональная опосредованность какой-то физиологической деятельностью, энергетической деятельностью мозга... Я решила, что нужно поступить на физический факультет, попытаться эту энергию изучить и путем ее анализа исследовать внутренний мир человека. Но когда я стала учиться на физическом факультете, то оказалось, что мои идеи не встретили одобрения, наоборот, в беседе с преподавателем я услышала, что это — несообразица и этим нечего даже заниматься. И вот тогда я начала поиски в университетской библиотеке... Учась еще в школе, я взяла книгу С. Л. Рубинштейна 1935 г. «Основы психологии» и стала ее читать. Многое мне было не очень интересно, не очень понятно, и, самое главное, я не увидела там анализа душевного мира человека, всего того, что отвечало бы моим собственным жизненным переживаниям, переживаниям, которые я знала от близких людей и т. д. Это была огромная методологическая канва, на которой собственно психологического анализа, с моей точки зрения, не доставало. Не могу сказать, чтобы книга оказала тогда на меня влияние. Но что мне там очень запомнилось и было интересно, это эксперименты с обезьянами по Кёлеру... В университетской же библиотеке я взяла книги Рибо и Мари. И вот, когда стала читать Рибо «О воображении», почувствовала, что

это как раз то, что я искала. За полчаса я так и не смогла прочитать больше трех четвертей страницы — настолько меня потрясло прочитанное. Я здесь встретила интересовавшие меня мысли. Это был мир образов, психологический анализ переживаний человека. Не зная основ психологии, я не могла разложить свой собственный мир на мышление, воображение, ощущение... И вдруг анализ воображения... Я подумала: «Вот это и есть психология». На следующий день я узнала, что неподалеку располагается корпус Института психологии (ныне Институт общей и педагогической психологии АПН), и я туда буквально побежала. Это было зимой 1942/43 года. Поскольку я решила, что Институт является учебным заведением, я пришла и сказала, что хочу здесь учиться. «А что вы окончили?» — спросили меня. Я отвечала: «Я только еще на первом курсе физического факультета. — Вот когда окончите, тогда и приходите. Надо иметь высшее образование. — А есть ли учебное заведение, где на психологов учат? — Нет, но философский факультет ближе к психологии». И я решила туда отправиться. Но мысли о физиологической деятельности мозга, а точнее — о биоэнергетических процессах мозга, которые можно было бы расшифровать, меня по-прежнему не оставляли, даже стали навязчивыми — я во сне думала об этом. И вновь я отправилась на поиски, но на этот раз Института мозга Академии медицинских наук. Я узнала по справочникам, где он находится, но оказалось, что он переехал и работает теперь на базе военного госпиталя, где лечат раненых с черепно-мозговыми травмами. В конце концов я узнала и этот адрес и пошла туда. Всех стала расспрашивать: «Кто-нибудь здесь занимается энергетикой мозга?» И в результате попала в лабораторию, в которой работали Самуил Михайлович Блинков и Владимир Сергеевич Русинов. Я стала рассказывать Самуилу Михайловичу о своих гипотезах, и он, усмехнувшись, сказал: «А вот идите-ка сюда». Подвел меня к столу и показал бумажные ленты, на которых обозначались какие-то извивы, записи... Я смотрела, ничего не понимая. Он говорит: «Вот здесь у нас электроэнцефалограф, а вот здесь — изолированная камера, вот сюда кладем наших больных, и отсюда — смотрите на этот стол — идут записи именно тех процессов, о которых вы говорите». Восторг мой был, конечно, неопишуем. Я стала к ним регулярно ходить. На общественных, конечно, началах. Меня в шутку называли там «экстраординарный профессор». Дали белую шапочку и халат.

Я продолжала учиться на физическом факультете, но меня теперь не покидала мысль о том, что нужно что-то переменить. А в Институте мозга при военном госпитале происходили совершенно изумительные вещи. Мне здесь показывали срезы мозга, которые были получе-

ны. Я видела больных с различными поражениями. У ученых основная цель — точно определить область ранения. А меня интересовало иное: как работает мышление, что человек думает?.. Они в ответ на это говорили: «Это совершенно невозможно. Это суммарная деятельность мозга, мы же получаем результаты сочетаний огромного числа физиологических процессов... Насчет мышления, к сожалению, ничего невозможно сказать». Это меня охладило...

Одновременно я стала ходить на философский факультет. Но поступила на заочное отделение, потому что физический факультет бросать пока не хотела, решила, что что-то извлеку еще полезного для себя. Однако, когда началась моя философская жизнь, я поняла, что это как раз и есть то самое, что мне нужно (хотя и не все было интересно в ней для меня)... Я застала еще академика Чернышева, который вел у нас семинары, М. Ф. Овсянникова — он замечательно вел эстетику... Был хороший латинист — звали его Алексей Иванович. Латынь мне страшно понравилась... И вот почему. Изучая ее, я жила особой жизнью, проникавшей через строй и напевность стихов, через тексты поэтов и писателей великого Рима. Древний мир, воссоздаваемый средствами латыни, был более влекущим, необычным и загадочным, чем тот, который предстал в наших исторических исследованиях и учебниках. Эти переживания позже проявились в моем высоком интересе к исторической психологии, изучающей своеобразие психологического склада людей минувших эпох.

Таким был мой путь в психологию — сначала поиски исследований деятельности мозга, а затем изучение философии, где как раз я и нашла много психологического анализа...

Я продолжала учиться на заочном отделении философского факультета, а физический факультет оставила. Одновременно работала в вязальной мастерской, затем в мастерской по производству игрушек и прокатном цехе завода «Серп и молот».

— Расскажите о своей учебе на философском факультете и о том, как в дальнейшем сложилась ваша профессиональная судьба.

На философском факультете меня сильно смущала какая-то двойственность сознания наших наставников, которая отрицательно сказалась и на моем сознании. Дело заключалось вот в чем. Вся история философии в лекциях изображалась как цепь заблуждений великих умов. Исключения делались для таких мыслителей, как Аристотель, Демокрит, Гераклит... Но уже учения Канта, Фихте, Шеллинга, Шопенгауэра подавались как разные формы прискорбных философских ошибок. Квалификация этих учений как идеалистических

означала их определение как чисто спекулятивных, не соответствующих действительности, безрезультатных в своих поисках. Я была в полнейшем недоумении: зачем читать целые курсы, если речь идет о сплошных ошибках и заблуждениях? Мне хотелось знать, какими могут быть иные решения проблем, разрабатывавшихся этими учеными, и в чем же состоит процесс философской мысли? Когда я знакомясь с трудами этих философов, мне казалось, что, наоборот, каждый из них открывает новые сферы существования человека для философского анализа. Блестящий анализ разума, этических отношений, волевого начала человека, сферы бессознательного, философское исследование рефлексии, собственного «Я» человека увлекали меня. На консультациях у наших преподавателей оказывалось, что многие из них высоко ценят прозрения философов прошлого, но при этом произносилась таинственная по своему смыслу, грозная и обескураживающая фраза о том, что все эти положения строятся на идеалистических позициях. При этом считалось, что в курсе марксистско-ленинской философии мы найдем конструктивное решение философских проблем, касающихся человека. Но ни в этом курсе, ни в рекомендуемых книгах таких материалов не было. Да и само учение К. Маркса освещалось очень однобоко. Все его интересные идеи о личном существовании человека не разрабатывались.

На пятом курсе — это был 1947 г. — я стала думать о том, как же мне по психологии-то сделать дипломную работу, поскольку уже точно определила, что потом буду работать в области психологии. Как известно, в 1943 г. С. Л. Рубинштейн организовал в МГУ отделение психологии. Я пошла туда и заявила, что хотела бы диплом написать по психологии. Меня спросили: «А чем вы интересуетесь? — Вообще-то я очень интересуюсь историей становления; психологических воззрений у зарубежных философов». А в это время меня слушал Петр Яковлевич Гальперин и сказал: «А вы не хотите поинтересоваться русской психологической мыслью?» Я ответила: «Ну, конечно», хотя об этом ничего не знала — правда, Чернышевского читала... И он мне назвал имя, которое я впервые услышала, — Антонович. Говорит: «Попробуйте почитать его работы и по этому поводу диплом сделать». Я согласилась и ушла, не предполагая, что надо приходить консультироваться. Я засела в Историческую библиотеку и стала там работать над Антоновичем. Написала все, что нужно было про него написать, и незадолго до защиты пришла к Петру Яковлевичу Гальперину. А он всполошился и говорит: «Куда ж вы исчезли?! Я думал, что вы отказались от этой темы! — Нет, я все написала». Он посмотрел и говорит: «Ну, написано хорошо. Вот только я предлагаю вам снять такое введение — относительно места Антоновича

в русской философско-психологической мысли». Там я, конечно, про Чернышевского больше всего излагала.

В одно время со мной защищалась Мира Кубарева (Людмила Ивановна Анисимова теперь), которая делала диплом под руководством Сергея Леонидовича Рубинштейна по Миду. Мира рассказывала мне о подготовке своего диплома, и мне показалось, что Мид необычайно интересен. Потом я подала документы для поступления в аспирантуру на кафедру психологии философского факультета. Стала готовиться к вступительным экзаменам и для подготовки взяла книгу С. Л. Рубинштейна «Основы общей психологии» (1946 г.). У меня была очень яркая, образная память, т. е. я хорошо помнила страницы текстов, их нумерацию. Книгу Сергея Леонидовича я выучила наизусть именно с помощью этой образной памяти. Не логической. На экзамене присутствовали Сергей Леонидович, Михаил Васильевич Соколов (историк русской психологии), Петр Яковлевич Гальперин... Они сидели, слушали меня, были довольны моим ответом и поставили «отлично». Потом мне передали, что Сергей Леонидович был страшно поражен: «Она наизусть выучила весь мой учебник и говорит прямо по тексту». Действительно, бывало, мне вопрос какой-нибудь зададут, я сейчас же в уме «открываю» нужную страничку и прямо вижу, где все это написано. У меня как бы перед глазами является образ этой странички. Рубинштейн решил, что я логически запоминаю тексты, на самом деле я запоминала их образно, постранично.

Эта образная память мне очень здорово вредила. Например, я брала один учебник, все в нем хорошо усваивала и помнила постранично, но затем брала другой, который, естественно, не совпадал постранично с первым, и таким образом один текст накладывался на другой, в голове все перепутывалось, из меня вылетали только отдельные фразы, которые я «читала» мысленно то там, то здесь. С этим я очень сильно боролась.

Когда я занялась вплотную психологией, физиологию я оставила. Раз, думаю, связи с физиологическими процессами мозга установить невозможно, значит с физиологией придется покончить. Хотя подспудно до сих пор осталась какая-то неудовлетворенность, что я не нашла ответа на тот свой физиологический вопрос.

Я стала аспиранткой у Сергея Леонидовича. У него была небольшая группа психологов, часть из которых прибыла с ним из Ленинграда. Присоединились и мы, аспиранты. Жили мы все дружно. И поскольку кафедра психологии находилась в старом Институте психологии, то там мы общались и с очень интересными людьми. В первую очередь это Борис Михайлович Теплов.

Фигура интересная и яркая, с необычным складом мышления. Высокий, статный, очень элегантный. Он был эмоционален, на все сильно реагировал — правда, внутренне. А внешне же выглядел корректным...

Работая под руководством С. Л. Рубинштейна, я занялась проблемой, очень интересовавшей его, — исторического развития сознания, в особенности первобытного мышления... Частично это было отражено в работах Леви-Брюля и др. В это же время ранее поступившая — еще в 1947 г. — Елена Александровна Будилова (тоже аспирантка Рубинштейна) исследовала научное творчество И. М. Сеченова. С. Л. Рубинштейн в это время начал осмысливать учение И. П. Павлова. И вот наступил 1950 г. — роковой для психологии. Это был год так называемой «павловской сессии» — Объединенной научной сессии Академии наук СССР и Академии медицинских наук СССР, на которой психология была объявлена «лженаукой» и признавалось право на существование лишь физиологии высшей нервной деятельности. Это был также год дискуссии по проблемам языкознания. Появилась статья Сталина, в которой языковед И. Я. Марр (1865 — 1934) разоблачался как псевдочеловек. Эти события в моей жизни сыграли вот какую роль. Перед этим я много работала именно над Марром. Я детально проработала все четыре больших тома его трудов и написала статью, проанализировав его учение. Показала свой «трактат» Сергею Леонидовичу, который очень удивился тому, что вдруг кто-то так заинтересовался Марром. Он поэтому и решил, что я могу работать над проблемой первобытного мышления. Эту тему он и закрепил за мной. Я предполагала в своей работе соединить исследования крупных этнографов Леви-Брюля, Минковского и других с разработками Марра и его продолжателя И. И. Мещанинова (1883 — 1967), но основной упор хотела сделать на Марре. И вот стечение обстоятельств остановило меня на полпути работы — за два года занятий этим я уже написала значительную часть. Теперь же тема оказалась запретной. Тогда-то Сергей Леонидович и сказал мне о том, что тему придется менять.

1950-й год некоторые наши ученые характеризуют как время насильственного поворота психологов к Павлову, к учению о высшей нервной деятельности, и считают, что это было ситуативно, конъюнктурно¹. На самом деле Сергей Леонидович давно уже интересовался учением крупных наших мыслителей о психофизиологической

¹ См. об этом: К 40-летию «павловской сессии» двух академий // Психол. журнал, 1990. Т.11. № 4, 5.

деятельности мозга. 1950-й год и поворот к Павлову были для С. Л. Рубинштейна обретением социальной значимости его зреющих интересов и уже предпринятых разработок.

В конце 40-х годов произошло еще одно трагическое событие, которое стало для меня потрясением. Это был 1948/49 год, когда в Большом зале старого Института психологии происходило заседание, которое вел, помнится, Каиров, — рассматривался вопрос о космополитизме в психологии и педагогике. Мы сидели наверху — тогда в зале еще была галерка — с Е. М. Крутовой, Л. И. Карельштейн (сейчас ее фамилия Каплан), которые тоже были аспирантками Рубинштейна. Зал был заполнен до отказа. И вот там поносили крупнейших ученых, в том числе и Рубинштейна. Какие слова бросали в его адрес! Все те, кого «клеямили», затем должны были выходить на сцену и каяться. Смотреть, например, на пожилого Медынского было просто жалостно. Он доказывал, что в силу своих возможностей критиковал западных буржуазных ученых; приводил подтверждения этого и недоумевал: «Но не мог же я нецензурно выражаться в их адрес». Я ужасно боялась, что же скажет Сергей Леонидович. Его ответ был краток. Он сказал, что в его книгах, особенно в «Основах общей психологии» недостаточен анализ и есть ошибочные положения, но он приложит все силы, чтобы эти ошибки исправить... Мы все трое — Крутова, Карельштейн и я — просто рыдали, когда слышали выпады в адрес Сергея Леонидовича. Потом я подошла к Сергею Леонидовичу и постаралась его как-то ободрить, поддержать, сказав, что он хорошо и достойно ответил на критику. Он был в сильном волнении, переживал и тихим голосом ответил: «Если бы вы знали, как это было трудно...»

А я сейчас думаю о том, откуда берется мужество у людей в критических, опасных ситуациях. Сергей Леонидович рассказывал потом, что организаторы этого заседания давали указания о том, кто из крупных ученых должен выступить с «разоблачениями». Обратились к Борису Михайловичу Теплову, а тот ответил, что хотя у них с Рубинштейном и есть разногласия по некоторым теоретическим вопросам, но он их будет обсуждать в другом месте, а на этом заседании решительно отказывается выступать. Поступок Теплова мне очень запомнился.

После событий 1950 г. С. Л. Рубинштейн предложил мне заняться исследованием психологического содержания учения Павлова. Поскольку я Павлова много читала, интересуюсь деятельностью мозга, то меня не могла не привлечь эта тема, и с 1950 г. я начала ею заниматься. Называлась она «Учение Павлова о высшей нервной деятельности и проблема мышления». Меня заинтересовало то, каким

образом можно связать учение Павлова, т. е. проблему аналитико-синтетической деятельности мозга как деятельности психической, с исследованиями интеллектуального поведения животных. Животные тоже осуществляют какой-то синтез.

Я консультировалась с Петром Яковлевичем Гальпериным, который оказал влияние на ход моей мысли. Диссертацию я написала довольно быстро. В ней я исследовала процессы анализа, синтеза и обобщения, которые лежат в основе решения высшими животными жизненно значимых для них задач. Уже при изучении опытов Павлова возникла основная идея работы: предъявляемые животным различные предметы (раздражители) дифференцируются ими путем их соотнесения с пищей. Иными словами, анализ их осуществляется через синтез, который и определял значимость ранее индифферентного объекта или его свойства. Оказалось, что механизм анализа через синтез работает и на уровне наглядно-практического мышления животных.

Я стала кандидатом философских наук (тогда присваивали звание либо кандидата педагогических, либо философских наук).

При изучении Павлова мне много приходилось читать зарубежной литературы, в которой рассматривались простейшие, казалось бы, формы поведения животных. И я увидела, что здесь изучались закономерности познавательной деятельности — элементарного мышления животных...

Вспоминаю, как Сергей Леонидович сказал мне, что поскольку он знает строй моих мыслей, то я могу по поводу автореферата консультироваться с Петром Яковлевичем Гальпериным. И это несмотря на то, что у них были принципиально различные позиции. Тем не менее они уважительно относились к мнению друг друга, обсуждали интересующие их проблемы, как бы испытывали на прочность свои концепции.

— *Расскажите о стиле научной работы С.Л. Рубинштейна.*

— Помню, он дал мне только что полученную им из США книгу Макса Вертгеймера «Продуктивное мышление». Это было году в 53-м. Смысл теории гештальтпсихологии заключается в том, что весь процесс мышления может быть представлен как процесс переструктурирования проблемной ситуации. Вначале центром гештальта являются одни свойства и отношения, потом выступают другие — и соответственно меняется весь гештальт. И вот, переструктурируясь постепенно, все это поле как бы приводит человека к решению. В результате такого переструктурирования центром становятся нужные свойства. Что у гештальтистов было слабым местом? Отсутствовала активность самого субъекта мышления. Переструктурирование про-

исходило в уме субъекта не как результат каких-то его усилий, действий, процессов, операций... Человеку думается, но сам он бездействен. Весь процесс мышления состоит в том, что каждый раз человек по-новому видит ситуацию. И наконец, самое существенное у него становится в центре и все укладывается по своим местам. Проблема решена. Сергею Леонидовичу было интересно, что же совершает человек, когда решает проблему. А процесс этот он сумел вычленил из учения Павлова об аналитико-синтетической деятельности. Что же человек делает? Он анализирует ситуацию, соотносит одно качество с другим, на определенных этапах интегрирует части проблемной ситуации — интегрирует именно сам — в какое-то единое целое. И начинает продвигаться дальше. Он занимается аналитико-синтетической деятельностью, которая не помимо него течет, а требует его интеллектуальных усилий. Гештальтисты констатируют только результат: предмет появился в новом качестве. Но это новое качество «вытащил» сам человек. При этом у него возникло переживание успеха, чувство продвижения, которое побудило его продолжать свои поиски. Вот, кажется, совсем разные парадигмы — парадигма аналитико-синтетической деятельности и парадигма гештальтпсихологии, но Сергей Леонидович их интегрировал. Учение об аналитико-синтетической деятельности раскрывает самый процесс движения мысли, а гештальтпсихологи правильно фиксируют интересные промежуточные результаты этого процесса: перемещение выявленного свойства в центр новой интеграции. Из сопоставления павловского учения, учения об аналитико-синтетической деятельности и гештальтпсихологии и появилась идея Сергея Леонидовича о том, что основным механизмом мышления является анализ через синтез.

Для творческой деятельности С.Л. Рубинштейна была характерна также его способность строить на основании более конкретных идей, относящихся к частным областям, очень высокие философские обобщения. Для него единичная идея сразу выступала как конкретизация общей закономерности. Вот, например, он работал над книгой Дж. Мида (1934 г. издания). Там у Мида в контексте концепции символического интеракционизма излагаются интересные мысли о том, что в результате возникновения живых существ в растительном мире проявились новые качества. У травы вдруг обнаружались качества ядовитости, вредности. Когда не было животных, не было существ, которые могли бы погибнуть от отравы, у растений этих качеств вроде бы и не было, хотя потенциально они в них содержались. Сергей Леонидович этот раздел книги Мида подчеркивал и помечал — я потом труд Мида изучала. Высказанная Мидом

мысль появилась в подготовительных материалах к монографии «Человек и мир», над которой С.Л. Рубинштейн работал в конце 50-х годов, но которую так и не успел дописать. Мысль Мида дала толчок к философской формуле: вместе с появлением человека на более высокий уровень поднимается все бытие. Когда нет человека, то в бытии нет качества красоты, истины, справедливости и т. п. С позиций Рубинштейна, качество красоты — это не только то, что человек привносит, скажем, созерцая прекрасный цветок или изумительное по грации животное. А это и то, что присуще самому животному. Но данное качество без наличия человека, у которого есть способности чувствовать красивое, никогда бы не проявилось... Таким образом, когда Сергей Леонидович работал над книгами, он не просто расширял объем своих знаний, но и формулировал встретившиеся ему идеи на более высоком обобщенном философско-теоретическом уровне. Так же он прочитывал некоторых экзистенциалистов и феноменологов. Он брал идеи и на высоком уровне теоретического обобщения интегрировал их в своей системе координат. Это не каждому ученому доступно. Большинство действуют на эмпирическом уровне, т. е. идею, которую они вычитали, — очень интересную, оригинальную, — они будут разрабатывать в этой же плоскости, не поднимаясь на новый уровень обобщения.

— Скажите, вот ученые работают, допустим, над теорией формирования навыка, а ведь каждый человек, занимаясь какой-то своей деятельностью, не обращается к разработкам ученых по этому поводу, у него на основе личной практики развиваются свои мыслительные процессы, которые ему помогают доходить до понимания необходимости, например, самосовершенствования, в том числе выработки нужных качеств в определенном объеме. И вот в связи с этим вопрос: как применяются все научные разработки такого рода, о которых вы говорили, в практической жизни? Как они могут практически помочь инженеру, тому же научному работнику — может ли он воспользоваться, скажем, результатами исследований того же Рубинштейна?

— В науке прежде всего есть исследовательские задачи. Но человек, если возьмем область мысли, неисчерпаем в богатстве своего мышления. То, что исследуют психологи, это, конечно, небольшая часть, все время углубляющаяся. При этом ученый обнаруживает неэффективные стратегии мышления, его деформации, он выявляет условия, препятствующие или благоприятствующие возможности человека конструктивно решать свои задачи, заключаются ли они в выработке навыка или в совладании с жизненными трудностями.

Трудности у человека могут быть самыми разными — нехватка знаний или отрицательное отношение к тому, кто эти знания передает. В процессе мышления участвует вся личность, хотя в том или ином случае избирательно актуализируются лишь некоторые ее структуры. Личность, действующую в определенных условиях, можно назвать «оперативной личностью». Так вот, практическая задача психолога — определить те условия, при которых оперативная личность могла бы пользоваться максимумом имеющихся у нее потенциалов. А этому препятствуют различные особенности личности — ее низкая самооценка, неправильная реакция на неудачи, отсутствие умений правильно ставить цели, контролировать себя и т. д. У человека часто возникают внутренние коллизии, которые он не осознает, но испытывает острое чувство тревожности. И, обнаружив все это, психолог, естественно, переходит к практической работе, оказывает психологическую помощь. Ориентация на практику есть и в зарубежной, и в отечественной психологии. Но у нас вот что получилось. В нашей психологии та практика, на которую ориентировалась вся психологическая наука в течение нескольких десятилетий, была педагогической практикой, а это очень ограниченный вид практики. Весь старый Институт — общей и педагогической психологии — занимался только исследованием школьников. Так же, как говорят, что все психологические исследования, проводимые на психологических факультетах и у нас, в институтах, — это психология не взрослого человека, а студента, потому что изучение проходит на материале студентов. Это — особенности их мышления, поведения, деятельности, личности. А надо еще исследовать, скажем, стиль мышления взрослого человека. Вся так называемая теоретическая психология у нас развивалась под влиянием задач обучения и воспитания школьников. И наша психология до самого последнего времени была психологией детского, в крайнем случае юношеского периода. Вот какая произошла ограниченность! Психологи что-то давали для практики, но между их теоретическими, экспериментальными исследованиями и применением их в школьной практике должно было стоять (по настоянию не психологов, а по справедливому настоянию самих педагогов) опосредствующее звено — методист, которому необходимо извлекать из результатов психологических исследований практическую суть и переводить ее в форму, нужную для применения в педагогической практике... В зарубежной психологии большинство теорий личности вышло из психотерапевтической практики, из практики психологической помощи взрослому человеку, испытывающему трудности в своей сложной, многоплановой жизни. Там теории личности выявляют некоторые особенности взрослого

человека, но нужно в сравнительном плане исследовать, что же именно типично для человека в период зрелости.

— *Это вас и привлекло в психологии?*

— Да. Осуществляя практику психоконсультирования, ученый выступает и как исследователь, и одновременно как психотерапевт. Он не ставит человека в экспериментальные условия. Психотерапевту-исследователю этот человек прежде всего начинает рассказывать о своих страданиях и конфликтах. Маслоу, например, даже сказал, что о человеке, о личности можно составить представление по очень простым вопросам, например: «Скажите, пожалуйста, на что вы жалуетесь, какие у вас заботы в вашей жизни?» И если тот начнет говорить, что он не чувствует себя в безопасности, что его не уважают, не любят и сам он поэтому не испытывает любви, то это будет один уровень и один тип личности. А другой скажет: «Вы знаете, меня тревожит то, что я в себе чувствую много способностей и возможностей, у меня есть много желаний, но в жизни существуют такие препятствия, которые не позволяют мне актуализироваться. Я страдаю от того, что в мире столько неправды, нет истины, мир так некрасив!» Для Маслоу это уже другой тип личности. Один из них действует под влиянием потребности нужды в безопасности, в уважении и самоуважении... Но это только предпосылка для того, чтобы у человека появились мотивы и потребности более высокого уровня — в самоактуализации, в отстаивании правды, справедливости, красоты, добра, в самотворчестве... Все теории личности зарубежных психологов и привлекли меня убедительностью картины человека, который живет напряженной внутренней жизнью, пытается преодолеть жизненные трудности, а психотерапевт помогает человеку, он даже не вносит коррективы, а только подсказывает немного... И человек как бы самоучаствует в процессе этой психотерапии. В теориях, строящихся на психотерапевтической практике, человек предстает динамичной, пластичной личностью, способной соучаствовать в своем изменении.

Такой динамический подход к личности имеет свои исторические корни. Очень интересные идеи высказывал Анри Бергсон. Он писал о тончайших, непрерывно происходящих движениях душевной жизни человека. Его понимание личности — разительная противоположность распространенным за рубежом, да и у нас статичным теориям личностных черт. Бергсон поэтично и точно определяет личность — как мелодию, которая звучит на протяжении всего жизненного пути человека, начиная от его рождения и кончая последними днями. Понятие «мелодия» он расшифровывает

и в психологических терминах. Знакомясь с различными теориями личности, я пришла к выводу, что, кроме психотерапии и эмпирических исследований есть еще один источник психологического знания — это глубокая рефлексия личности над собой, своим внутренним миром и собственной жизнью. Но способность к проникновению в глубокие и разнородные пласты сознания — это редкая способность. Так трудно увидеть в сути своих переживаний что-то совсем новое, что никогда никем не описывалось, не передавалось хотя бы языком поэзии. К углубленной рефлексии прибегают и некоторые психологи, опирающиеся на психотерапевтическую практику. Так, Карл Юнг пишет в своей автобиографии, что он чуть не помешался, анализируя собственное сознание, мир своих сновидений, но все же ему удалось вычленить в мышлении такие своеобразные феномены, как архетипы в виде отложившегося в сознании человека опыта многих поколений человечества. В архетипы вкраплены также и особенности жизни некоторой исторической общности...

— *Вспоминаю, как в детстве — это было после войны, а мне шел всего шестой год, — отправляясь куда-нибудь с мамой, я заранее приказывал себе не просить ее купить мне какую-то игрушку, потому что знал — мы материально нуждаемся и просьба моя может расстроить маму. И я потом пришел к выводу, что все это разумное, исходящее от человеческого бытия, словно закладывается в каждом человеке, во всяком случае, в тех людях, которые занимаются наблюдениями, над чем-то думают, что все это неосознаваемое создается само по себе, независимо от чьей-либо сторонней воли...*

— Правильно. Задача исследователя — «вытащить» основные составляющие и механизмы работы внутреннего мира человека, которые реально обеспечивают ему благополучие, комфортное существование или деформируют его жизненный путь, но он сам этого не осознает. В нашей науке выявлено великое множество психологических барьеров, препятствующих полноценности мышления, общения, реализации профессиональных потенциалов, работоспособности человека. Так много ныне психологических задержек, преград, барьеров, которые человек сам не осознает и вследствие этого не может их снять. А вот узнать это из исследований он может. Но некоторые люди с развитой способностью рефлексии, самоосознания, самоанализа могут выявить то, что в психологии даже неизвестно. Вот Рубинштейн — я как раз продолжу этот пример — не занимался экспериментальными или эмпирическими исследованиями личности, но у него содержится в «Основах общей психологии»

огромный массив мыслей, который касается личности и в котором, самое главное, узнаешь себя. Человек внешне может жить прекрасно, по мнению окружающих, преуспевать и т. п., но внутренне чувствовать себя неудовлетворенным. Одна из сильнейших преград для человека, уж коль мы об этом заговорили, — пониженная самооценка. А между прочим, самооценка формируется в очень раннем детстве под влиянием случайных каких-то эпизодов, получивших неодобрение значимых других. Она формируется на неосознаваемом уровне. И даже дальнейшие успехи человека не могут ему помочь преодолеть этого чувства своей незначимости, неполноценности, неуважительного отношения к себе. Это действует подсознательно, и когда человек начинает что-то делать, чем-то заниматься, внутренний голос ему словно напоминает: «Все равно ты не достигнешь того, чего хочешь, все равно до больших высот тебе не дойти». Возникает противоречие между уровнем притязания, которое подпитывается не только успехами, но и смутно осознаваемыми своими возможностями, способностями, и низкой самооценкой. Оно притягивает к себе малейшее неодобрение, которое человек с высокой или повышенной самооценкой воспримет как знак допущенного небольшого просчета, легко исправимого. Другой же переживает данное неодобрение как значимое событие в жизни, подтверждающее его отрицательное отношение к себе.

— *Расскажите о своих родителях. Кем они были и какое влияние на вас оказали?*

— В моем профессиональном становлении они сыграли роль только в том смысле, что никоим образом не ограничивали мое право выбора. Мама была химиком, до этого, правда, два курса Психоневрологического института им. В. М. Бехтерева окончила. А папа — металлург. Маме хотелось, чтобы я была медиком, а папе, естественно, чтобы я пошла по его стопам, работала в металлургии. Но они ни на меня, ни на сестру не оказывали никакого давления в этом плане. Они предоставляли нам право полного выбора своего профессионального пути. В семье у нас была прекрасная нравственная атмосфера оптимистического отношения к жизни, стойкости перед всякими социальными катаклизмами, сложными событиями в жизни. Мы все были большими друзьями. Вот такая была у нас радостная жизнь, «веселый покой» (как выразился в одной из своих книг А.А. Кроник), где сочеталось разрешение раскованности с проявлением своеволия и собственного «Я» и, в то же время, с высокой требовательностью в области нравственных отношений, с уважением к другому человеку...

— *Расскажите о наиболее сильном, запоминающемся, что вам пришлось пережить в своей профессии.*

— Мне трудно выбрать запоминающееся, потому что занятие психологией, начиная с аспирантуры (затем три года работы в Институте общей и педагогической психологии, в последующем — в секторе психологии Института философии, с 1972 г. — в Институте психологии АН СССР), было для меня счастливым событием длиной в целую жизнь. Но если брать какой-то конкретный период, то особо хочу сказать о двух. С 1948 по 1960 г.г. (С.Л. Рубинштейн умер 11 января 1960 г.) я могла общаться с Сергеем Леонидовичем каждую неделю, несмотря на то, что работала в другом учреждении; я считалась его сотрудницей, поскольку как член-корреспондент Академии наук СССР он мог иметь сотрудника в другом институте. Раз в неделю мы с ним постоянно общались. Это было незабываемо для меня. Он отличался эмоциональностью. Любая идея, которая высказывалась мною, воспринималась им не просто как некое высказывание ученицы, идея эта его воодушевляла, он начинал ходить, обсуждая ее с разных сторон, показывая, какими могут быть пути ее разработки. В это время я тоже подключалась к обсуждению. Словом, был живой диалог, который очень одухотворял меня. Я не знаю, кто еще из крупных научных руководителей был бы так заинтересован в своих учениках. Я уходила от него в состоянии душевного подъема, у меня появлялось множество идей... Когда его не стало, я ощутила огромную для себя потерю как в личностном, так и в научном плане... В общении со своими учениками Сергей Леонидович выкладывался без остатка...

Важным также для меня является моя работа в старом Институте психологии (Институт общей и педагогической психологии АПН), которым руководил в течение длительного времени Анатолий Александрович Смирнов. Об атмосфере, царившей при нем, можно писать тома воспоминаний и диссертации. Начиная с лаборантки и кончая зрелыми учеными, все чувствовали себя значимыми, ибо все сотрудники были таковыми для самого Анатолия Александровича и, по его мнению, для психологической науки тоже. Он показывал свою личную заинтересованность в успехах, продвижении каждого человека. В Институте премий не было, а были только благодарности. Но они воспринимались людьми как исключительно большая награда. Анатолий Александрович отмечал малейшие успехи сотрудников, особенно молодых. Например, у меня, помню, вышли первые две статьи. В отчетном докладе Анатолий Александрович объявил: «И вот у Людмилы Ивановны, мы можем отметить, вышли две очень интересные статьи». Первая у меня была и не столь интересная — это

о новом психологическом журнале в ГДР, с какими-то моими критическими оценками, которые потом психологов из ГДР даже обидели... И может быть, поэтому к А.А. Смирнову все очень тепло относились. Сотрудники Института были связаны прочными коллегиальными отношениями, с большим уважением относились друг к другу, это был по-настоящему сплоченный коллектив. Анатолий Александрович объединял всех своей любовью к людям как участникам научного поиска и создателям психологической науки. И все сотрудники чувствовали себя так, что каждый из них вносит свой вклад в науку, продвигает ее вперед и что сам он крайне нужен.

В 1956 г. я перешла в сектор психологии Института философии АН СССР, которым после длительного перерыва снова стал заведовать Сергей Леонидович. Он собрал там молодежь, но были и ученые с мировым именем — обаятельная Н.Н. Ладыгина-Коте, специалист по зоопсихологии... Среди философов Института были яркие, талантливые люди, большое впечатление на меня производили выступления и работы Э.В. Ильенкова. Очень теплые воспоминания остались от работников «научного кабинета» — нашей библиотеки, где работали энтузиасты и был свой хороший микроклимат. Но в Институте был также силен дух взаимного недоброжелательства, догматизма. Наш сектор жил в иной атмосфере, создаваемой С.Л. Рубинштейном. В Институте Сергей Леонидович пользовался огромным уважением. После его смерти уровень философско-психологической мысли в Институте резко упал, и я старалась окунуться в мир большой психологии в университете и старом Институте.

— *А какие научные огорчения, неудачи у вас были на протяжении жизни, какие были неудовлетворенности своими психологическими исканиями?*

— От своих психологических исканий я чувствую неудовлетворенность потому, что в глубине души очень хотелось бы имеющиеся психологические знания применить на практике, довести до тех людей, которые нуждаются в них. С очень глубоким пиететом я изучала труды Пьера Жанэ, который из собственной клинической практики извлекал идеи и теории и тут же их применял в своей практике психотерапевтической. Отсутствие этого — для меня источник глубокой неудовлетворенности. Я занималась экспериментальными работами, что само по себе является увлекательным делом. Я исследовала современное состояние зарубежной психологии и открыла для себя много интересных теорий, идей, подходов, что побуждало меня осваивать новые языки. Многое из того,

что увлекало меня, я передавала научной общественности, и это в какой-то мере заменяло мне научную практику. Практика общения была не с теми, кто нуждался в психологической помощи, а с моими коллегами-психологами. Иными словами, я осуществляла особую форму практики, но реальную психологическую помощь мне удавалось оказывать лишь немногим приходившим в наш Институт со своими трудностями.

— *Если бы вам представилась возможность начать все сначала, повторили бы свой профессиональный путь?*

— Я могу совершенно точно сказать, что так или иначе все равно я стала бы психологом. Если бы даже такой науки не было, я бы ее, наверное, создала. Это единственная из наук, из которой я сама состою как личность.

— *Скажите, за годы работы в области психологии ваш статус личностный повысился?*

— Безусловно. Но если бы я занималась, скажем, психофизическими проблемами, возможно, этого бы и не произошло. А я формировалась через освоение крупнейших личностных теорий, которые частично вошли в меня... Я очень высоко ценю Монтеня... Он в своих «Опытах» говорил о передаче наставником суммы знаний своему ученику. Если ученик излагает полученные знания в том же виде, как они были ему переданы, значит, их у него нет. Точно так же, как если бы мы какому-то человеку дали пищу и он, извините, говорю словами Монтеня, стал бы ее изрыгать в том же виде, в каком получил. Это значило бы, что он пищу не переварил. Он должен эти знания «переплавить» так, чтобы они стали его собственным творением. Монтень говорит, что цель всякого учения — создать, образовать личность. Знания, «проросшие» в человеке, могут напоминать знания, переданные ему учителем, но по сути они уже иные, они — собственные знания ученика, и в них есть собственные связи, они слиты с чувствами и убеждениями...

— *В какой последовательности вы расположили бы психологов прошлого по значимости их научных деяний?*

— Я очень высоко ценю Выготского, Рубинштейна, Леонтьева, Мясищеву, Ананьева, Теплова. Особенно восхищалась Рубинштейном — неординарностью, масштабностью, философским уровнем его мышления. В книгах Сергея Леонидовича это еще не так проявляется, но в его устных выступлениях неординарность мышления была очень ярко выражена... Увлекательная парадоксальность мыш-

ления отличала лекции А. Н. Леонтьева. Иногда Петру Яковлевичу Гальперину предлагали во время отсутствия Леонтьева провести занятия семинара, которым тот руководил. Но даже Петр Яковлевич, человек острейшего ума, отказывался это делать. И действительно, невозможно передать строй мыслей (тем более оригинальных) другого человека...

— *Устное выступление усиливается и личным обаянием человека...*

— Каждый из крупных психологов — а сюда я отношу и Петра Яковлевича Гальперина, и Бориса Михайловича Теплова, и Владимира Николаевича Мясищева, и многих других — отличался индивидуальностью, был яркой личностью. Например, Петр Яковлевич Гальперин — элегантный, подчеркнуто вежливый, ироничный, остроумный человек. Иногда он делал благожелательные, но подчас и язвительные замечания. Его мысли излагались тоже в интересной форме — он задавал загадки, ставил перед противоречиями. Конечно, он был неотделим как личность от своих воззрений, от своего профессионального облика. Все — внешне очень разные. Небольшой, полный, с крупной головой, немного барственный Рубинштейн; высокий, статный, гибкий Теплов... Они были прямо противоположными по манере поведения... Однако в них чувствовалась личность, выражавшаяся особой позицией, своеобразным отношением к миру, к другим людям, способностью говорить, думать и представлять себе мир совсем не таким, каким представляют его другие. Я не вспоминаю, чтобы кто-то из крупных психологов был, скажем, блестящим оратором, великолепным собеседником, но вместе с тем не был бы содержательным человеком, интересной личностью.

— *Как вы считаете, нынешнее поколение проигрывает в этом смысле прошлому?*

— Я могла бы назвать в этом смысле значительное количество молодых талантливых психологов, но работают они в особый период развития психологии. Как констатируется в мировой психологической науке и у нас, пора крупных психологических теорий, исток которых является одна личность и вокруг которой образуется школа, развивающая идеи этой личности, кончилась. Кончилась, по моему, и эра психологов, которые были личностным центром оригинальной теории. Сейчас все направление психологической науки движется в сторону разработки проблем учеными с разными взглядами, представителями различных отраслей, которые подходят к какой-то проблеме с разных сторон. В центре стоит проблема, а не теория. В 60-е годы началось выдвижение проблем. На первый план

у нас выдвинулись проблемы социологии личности, психологии личности, затем привлекла внимание проблема бессознательного, что, однако, не слишком стимулировало интерес психологов к сознанию. Повысилось внимание к мотивации, переживаниям, жизненному пути. На основе их разработок формируются мини-теории. У меня, правда, есть надежда, что новые формы психологической практики — организации психологической поддержки человека в его реальной жизни (в профессии, в семье, дома, в различных трудных ситуациях) — породят новые крупные теории, которые изменят облик психологической науки.

— *Если представить процесс развития отечественной психологии в виде кривой на координатной плоскости, то где, в какие моменты были спад, подъем, плато (в отношении теоретической, экспериментальной и практической психологии)?*

— Вплотную историей я не занималась... Мне кажется, тот факт, что я не могу так четко ответить на этот вопрос, свидетельствует не столько о моем взгляде на нашу психологию, сколько о том, что она сама очень плохо разработана нашими психологами. Мы плохо знаем факты, идеи, имена, которые, может быть, внесли что-то интересное в психологию. Поэтому могу сказать то, что знаю. Мне представляется, что период 20-х—начало 30-х годов был периодом подъема мысли. Обсуждались разные подходы, теории, велись дискуссии... 40-е годы интересны успехами нейропсихологии, созданием Леонтьевым своей концепции, разработкой Рубинштейном крупной всеобъемлющей теории... Потом новый стимул для развития психологии дали появившиеся ее прикладные области. Вот этому я придаю очень большое значение. Мне кажется, что сейчас именно прикладная психология уже давно начала обогащать общую психологию, вообще всю психологическую науку — там вырабатываются и новые подходы, и новые понятия. Это относится к периоду 60—70-х годов. И наш Институт психологии, объединивший представителей разных отраслей, внес, мне кажется, интересный вклад в развитие психологической науки. И организация Института психологии АН СССР, и исследования в 70—80-е годы способствовали оживлению психологической мысли и ее подъему.

— *Каково ваше впечатление о длительном периоде идеологизации отечественной психологии?*

— Если под идеологизацией понимать насильственное навязывание определенных идеологических штампов, то это неблагоприятно повлияло на психологию и воспрепятствовало ее интеграции с ми-

ровой психологической мыслью. Были штампы идеологически ориентированного поведения. Конкретизирую эту мысль. Сергей Леонидович хорошо знал и обобщал достижения зарубежной психологии. Но когда я с ним о чем-нибудь разговаривала, высказывала какую-то идею — а мне всегда хотелось указывать истоки моих идей — и сообщала ему, что «оттолкнулась» от такой-то зарубежной теории, в ответ он замечал: «Нет, так нельзя говорить. Что значит «оттолкнулась»?! Вы должны свои идеи критически противопоставлять этим теориям, а не отталкиваться от них...» И это при всей его объективности взгляда на зарубежную литературу, которую он считал неисчерпаемым источником для своих идей и в целом для всей отечественной психологии. У него была собственная оригинальная, хорошо разработанная и обоснованная психологическая теория, он мог как ученый крупного масштаба критически противопоставлять свои взгляды взглядам других исследователей.

— *Что можно отметить в отечественной психологии положительного, в чем ее слабость, ограниченность, отставание, каково ее будущее?*

— О положительном я уже говорила — есть оригинальные концепции, выдвигались идеи, которые разрабатываются и в настоящее время. Очень интересные работы выполняются на факультете психологии МГУ. Но вот в арсенал самого положительного у нас обычно включают методологию. Однако методология эта часто строилась на недостаточных основаниях. Нередко брали ту или иную цитату из основополагающих работ и непосредственно переносили ее на область психологии, из которой затем подбирались примеры, подтверждающие философскую идею. Мне думается, что именно методологический аппарат нашей науки нуждается в углубленной разработке. Нужно показать, как методология реализуется в теории, в методах, в эмпирических исследованиях.

— *Как вы оцениваете нынешнее состояние зарубежной психологии, что могут почерпнуть из зарубежного опыта наши психологи?*

— В нашей психологии я не видела реальную личность, живого человека. Я видела некоторые разрозненные функции человека, отдельные процессы, но не было целостной личности — как она реально живет, строит свой жизненный путь, как ей трудно, какими способами она преодолевает трудности, как ей можно помочь в этом, каков вообще ее внутренний мир... А читая зарубежные исследования, я встречала многоцветье представлений о целостной личности. У них много теорий, стоящих на прямо противоположных позици-

ях, но в своей совокупности они очерчивают внутриличностную многокачественность, разноплановость человека... Скажем, теория Олпорта и теория Адлера для меня сходны. Олпорт говорит, что личность — это человек, стремящийся к достижению новых целей, к выходу за пределы этих целей... Адлер тоже говорит, что в человеке самое главное — это направленность на будущее, его активное отношение к нему, построение планов, потребность в утверждении себя, преодоление собственных слабостей... У психоаналитиков личность — это страдания, порожденные прошлыми психотравмами, подверженность влечениям, захваченность потоком своих импульсов и неумение противостоять им, борьба против собственных влечений и каких-то норм общества... Личность предстает совсем иной. Другое представление о личности у экзистенциалистов. Частично их мотивы перекликаются с мотивами неопсихоаналитиков. Человек погружен в мир непредсказуемого, он пугается его, пытается эту неопределенность как-то преодолеть; в потоке его чувств основными являются отчаяние, тоска, боязнь, страх, тошнота... Такие противоположные концепции! На самом деле человек в разные моменты и периоды своей жизни, даже в один и тот же период, бывает и таким, и таким, и таким. То есть он, конечно, испытывает сильнейшее влияние прошлого, целиком оказывается втянутым в свое прошлое, нерешенные там задачи продолжают его мучить. Иногда же он весь в будущем, но при этом обесценивает прошлое и не может актуализировать созданные этим прошлым свои возможности. Но человек потому и личность, что он может предотвратить пугающее будущее, преодолеть тяготеющее над ним прошлое, переосмыслив его, осознать таящийся в прошедшем потенциал жизненного опыта. Человек действительно обуреваем страстями, ему трудно справиться с ними, но он может заставить страсть служить поставленным им целям. Вот случай из жизни Тургенева. Он часто навещал семью своих добрых друзей, живя неподалеку от них в своей усадьбе. Как-то раз при очередном визите возник у него спор с хозяйкой дома о стихах. Его собеседница говорила, что она не понимает, не любит стихов и вообще не знает, зачем их писать, когда можно хорошо и понятно написать обо всем в форме прозы. Тургенев постепенно пришел в сильнейшее возбуждение, он страстно спорил, жарко доказывал, в чем смысл поэтической формы слова. И вдруг... на половине фразы он выбежал из дома, прыгнул в седло и ускакал: Собеседница осталась в растерянности — неужели она так страшно обидела замечательного человека?! Его не было три недели, и только потом он снова приехал к ней и сказал: «Вы знаете, вы своим спором привели меня в особое состояние, в котором я только и могу писать. У меня очень давно

был сюжет, который мне хотелось написать, но такого состояния я в себе не испытывал». И он показал ей рукопись рассказа... Так вот — и мощный подъем чувств, и умение воспользоваться безоглядностью импульсов, чтобы претворить их в стимул, в необходимое условие для творческой деятельности, соединить настоящее (порыв) и будущее (замысел), — все уживается в человеке...

Все эти зарубежные теории с разных сторон раскрывали многообразие интеллектуальной, эмоциональной и личностной внутренней жизни человека... Очень тревожило и продолжает тревожить отсутствие у нас оригинальных личностных методик. Используемые у нас методы — переложения, адаптация, модификация зарубежных. А между тем мы как личности со своеобразной историей, с неповторимым образом жизни — иные, наше своеобразие нельзя выявить методами, созданными в других исторических условиях, для исследования личностей иного типа. Конечно, у всех есть общий личностный знаменатель, но насколько же мы разные...

— *Что вы хотели бы пожелать нашей психологической молодежи?*

— Прежде всего большой научной честности. То есть ни в коей мере какие-то свои предположения и т. п. не выдавать за факты. Многократно перепроверять гипотезы, прежде чем заявлять о них. В нашей психологии долго господствовала легковесность. Мне очень хотелось также, чтобы то, что называется фундаментальными теоретико-эмпирическими исследованиями, строилось на изучении всей полноты реальной жизни личности, тех жизненных отношений человека, которые образуют ткань его целостного жизненного пути. Нужно выявлять, какие психологические стратегии и тактики вырабатывает современный человек в нашем беспокойном мире, какой предстает действительность в его сознании, что его тревожит и вызывает нервное расстройство. Ведь для каждого исторического периода характерны свои душевные коллизии и страхи. Какова же личность нашего времени, в чем ее своеобразие — вот задачи, стоящие перед нашей психологической молодежью. Молодые психологи должны были бы организовать лонгитюдные исследования: как будет меняться личность на протяжении, скажем, двадцати лет. И очень нужно, чтобы любые теоретические разработки шли одновременно с созданием новых методических исследовательских инструментов. И еще одно, пожалуй, пожелание. Пусть психологи будут личностями не только в своей профессии, но и в жизни, реализуют свой психологический потенциал во взаимоотношениях с людьми, в общении.

— *Ваши творческие планы?*

— Ближайшие планы — хочется завершить некоторые свои неоконченные изыскания в области разных уже сложившихся и развивающихся сейчас направлений зарубежной психологии. Хочется провести обобщающее исследование новых форм психотерапии. В области психологии личности меня очень интересует вопрос: какими способами преодолевает человек сложные и даже трагические жизненные ситуации?

*Беседу провел В. Артамонов
(запись 17 декабря 1991 г.)*

Содержание

Предисловие	5
Предисловие к первому изданию	7

РАЗДЕЛ ПЕРВЫЙ ТЕОРИИ ЛИЧНОСТИ И ВОПРОСЫ МЕТОДОЛОГИИ ПСИХОЛОГИИ

Глава 1. Методологические принципы и проблемы психологии	17
Глава 2. О динамическом подходе к психологическому изучению личности	39
Глава 3. Личность в динамике: некоторые итоги исследования	54
Глава 4. Психологическое учение о человеке: теория Б. Г. Ананьева, зарубежные концепции, актуальные проблемы	77
Глава 5. О теории личности в работах Курта Левина	97
Глава 6. Проблема психологической активности и научное наследие Анри Валлона	113
Глава 7. Связь морального сознания с нравственным поведением человека (по материалам исследований Лоуренса Колберга и его школы)	126
Глава 8. Архетипическая теория развития личности Карла Густава Юнга (Часть первая: Особенности развития личности в первой половине жизни)	152
Глава 9. Архетипическая теория развития личности Карла Густава Юнга (Часть вторая: Вторая половина жизни человека. Этапы индивидуации, проблемы призвания, судьбы, смысла жизни)	174

Глава 10. Психология повседневности: жизненный мир личности и «техники» ее бытия	194
Глава 11. Психологическое содержание феномена субъект и границы субъектно-деятельностного подхода	215
Глава 12. Системный подход в психологии личности	229

РАЗДЕЛ ВТОРОЙ ГЕРОНТОПСИХОЛОГИЯ И ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ ЛИЧНОСТИ

Глава 13. Человек перед лицом жизни и смерти	251
Глава 14. Поздний период жизни человека: типы старения и возможности поступательного развития личности	263
Глава 15. Психологические приобретения и потери человека в период поздней взрослости	282
Глава 16. Психология старости: особенности развития личности в период поздней взрослости (Типы отношений социума к стареющим людям: мнения, стереотипы, шаблоны)	291
Глава 17. Психологические закономерности развития личности взрослого человека и проблема непрерывного образования	318
Глава 18. Личность в трудных жизненных условиях: переосмысливание, преобразование ситуаций и психологическая защита	331
Глава 19. Способность личности к преодолению деформаций своего развития	355

РАЗДЕЛ ТРЕТИЙ ПРОБЛЕМА МУДРОСТИ И ТЕОРИИ МЫШЛЕНИЯ

Глава 20. Мудрость и ее проявления в разные периоды жизни человека	385
Глава 21. Гуманистически-экзистенциальный подход к мудрости: способы постижения истинного Я и призвания человека	400

Глава 22. Интроспективный эксперимент и исследование мышления в Вюрцбургской школе	419
Глава 23. Теория интеллектуальных операций Отто Зельца	441

РАЗДЕЛ ЧЕТВЕРТЫЙ ПУТЬ УЧЕНОГО

Глава 24. Жизненный путь ученого (к 80-летию Ханса Томе)	463
Глава 25. И жизнь, и слезы, и любовь	474
Глава 26. «Желаю молодым большой научной честности...» (Интервью с Л. И. Анцыферовой, опубликованное в разделе «Воспоминания, размышления, беседы» Психологического журнала)	484

Анцыферова Людмила Ивановна

**РАЗВИТИЕ ЛИЧНОСТИ И ПРОБЛЕМЫ
ГЕРОНТОПСИХОЛОГИИ**

Редактор — *О. В. Шапошникова*

Корректор — *И. В. Клочкова*

Макет и верстка — *А. Пожарский*

Художник — *П. Ефремов*

Сдано в набор 10.06.06. Подписано в печать 23.08.06.
Формат 60x90/16. Бумага офсетная. Печать офсетная.

Гарнитура Балтика.

Усл. печ. л. 32,0. Уч.-изд. л. 29,0.

Тираж 500 экз. Заказ №

Лицензия ЛР № 03726 от 12.01.01

Издательство «Институт психологии РАН»

129366, Москва, ул. Ярославская, 13

тел.: (095) 682-61-02

E-mail: publ@psychol.ras.ru

www.psychol.ras.ru

Отпечатано в полном соответствии с качеством предоставленных диапозитивов

в ППП «Типография «Наука»

121099, г. Москва, Шубинский пер., 6

**ФОТОГРАФИИ ИЗ ЛИЧНОГО АРХИВА
ЛЮДМИЛЫ ИВАНОВНЫ АНЦЫФЕРОВОЙ**

Родители — Иван Кузьмич
и Лидия Афанасьевна Анцыферовы.
Златоуст, 1925 г.

Сестры Людмила и Галина
Анцыферовы. Будапешт, 1948 г.

Людмила Ивановна Анцыферова с сестрой
Галиной Ивановной и племянницей.
Москва, 1959 г.

Людмила Анцыферова, 1948 г.

Л.И. Анцыферова (в первом ряду, крайняя справа) во время путешествия по Северному Кавказу. Пятигорск, 1964 г.

Участники Первого съезда психологов СССР
(в первом ряду: К.Н. Корнилов, Н.А. Менчинская, С.Л. Рубинштейн,
А.А. Смирнов, Б.М. Теплов)

Пятый всесоюзный съезд психологов. Москва, МГУ, 1977 г.

Зав. лабораторией философских проблем психологии Людмила Ивановна Анцыферова (в центре) с сотрудниками лаборатории (нижний ряд — слева направо — В.Г. Асеев, И.И. Чеснокова, И.А. Джидарьян, Я.А. Пономарев; верхний ряд — М.И. Воловикова, Н.А. Золотарева, А.В. Брушлинский, Г.С. Тарасов, Р. Гаджиев, Т.И. Артемьева, Е.А. Будилова). Москва, Стромьнка, 1975 г.

Л.И. Анцыферова в президиуме выездного заседания Отделения психологии Академии педагогических наук СССР (слева направо — Б.Ф. Ломов, А.В. Петровский, И.В. Равич-Щербо, А.А. Смирнов, Е.В. Шорохова, Л.И. Анцыферова). Москва, 1970-е гг.

Л.И. Анцыферова на приеме в посольстве США (слева направо — Е.В. Шорохова, Л.И. Анцыферова, мистер и миссис Кэмпбел, П.Н. Шихирев), 1976 г.